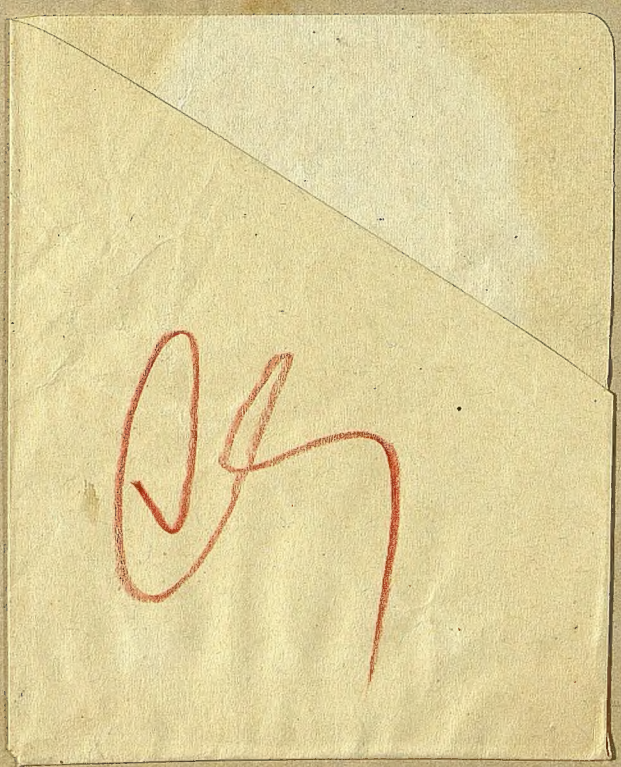


№ 9

ПРОВЕРЕНО 1943 г.
1944 г.
1945 г.
1946 г.

1949
1950

9(с)1
Н-77

Е. К. НОЖИНЪ

1951 1952

ПРАВДА О ПОРТЪ-АРТУРѢ

12р. 50к.

ЧАСТЬ I.

БИБЛИОТЕКА
РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ
„КРАСНЫЙ ФЛОТ"

Редакция ... „Красная звезда"
Инв. № 27761

РЕДАКЦИЯ
„СОВЕТСКИЙ ФЛОТ"
Орган МО СССР

ИЗДАНІЕ П. А. АРТЕМЬЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія „Герольдъ" (Вознес. пр., 3).
1906.

ПРАВДА
ОРДЕНА ЛЕНИНА

Вамъ, забытые, но истинные герои—защитники Портъ-Артура, посвящаю трудъ свой.

Правда о Портъ-Артурѣ.

Culpam poena premit comes.
Horat. Od. 4. 5.—24.

Портъ-Артуръ сдался...

Печальный историческій фактъ—уже достояніе военной лѣтописи Россіи.

Теперь, наконецъ, настало время подвести итоги всему, что происходило въ Артурѣ въ періодъ все крѣпнувшей морской и сухопутной его блокады.

Я, какъ бывшій военный корреспондентъ на театрѣ военныхъ дѣйствій печальной памяти квантунскаго укрѣпленнаго раіона и крѣпости „Портъ-Артуръ", ближайшій свидѣтель всего, происходившаго здѣсь, добровольно пережившій наравнѣ съ другими всѣ тяжести осады, считаю своимъ непремѣннымъ нравственнымъ долгомъ повѣдать Россіи одну только правду и разсказать, чего эта оборона стоила гарнизону и жителямъ.

Переживая тяжелые дни осажденнаго „Портъ-Артура", все мыслящее въ немъ постепенно привыкало и, наконецъ, примирилось съ мыслью, что коменданту крѣпости, генералъ-лейтенанту Смирнову, приходится бороться съ двумя врагами, внѣшнимъ и внутреннимъ.

Внутренній врагъ одолѣлъ.

Вся титаническая работа генерала Смирнова, его ближайшихъ помощниковъ, покойнаго генерала Кондратенко, адмираловъ Григоровича, Лощинскаго, Вирена, генераловъ Бѣлаго, Горбатовскаго — пропала даромъ.

Почему?

На эти вопросы даетъ отвѣтъ моя повѣсть, при чемъ долженъ предупредить, что въ своихъ очеркахъ я буду освѣщать только тѣ факты, которые документально достовѣрны или которые мнѣ пришлось наблюдать непосредственно.

I.

Когда 26 января 1904 г., въ 11 час. ночи, заговорили стальными жерлами суда эскадры и загрохотали орудія съ батарей берегового фронта Артура, населеніе, слегка лишь тревожимое всевозможными слухами о близкой войнѣ, о разрывѣ дипломатическихъ сношеній, далеко было отъ мысли, что орудійный гулъ былъ прологомъ войны.

Всѣ прислушивались къ усиливающейся канонадѣ, но убаюкивали себя надеждой, что происходятъ внезапные морскіе маневры совмѣстно съ батареями берегового фронта.

Когда же надъ Золотой горой взвились три ракеты, а Электрическій утесъ и смежныя съ нимъ батареи открыли залповый огонь, сомнѣнія для тѣхъ, кто зналъ, что значатъ эти три ракеты, — исчезли.

Наша бездарная, лѣнивая и близорукая дипломатія, долго и безсмысленно испытывавшая терпѣніе правительства микадо, могла, наконецъ, опочить на послѣднемъ своемъ позорѣ.

Рухнули всѣ надежды на мирный исходъ переговоровъ съ Японіей.

Часъ неумолимаго, холоднаго и безпристрастнаго суда исторіи пробилъ.

На востокѣ занялось кровавое, грозное зарево войны.

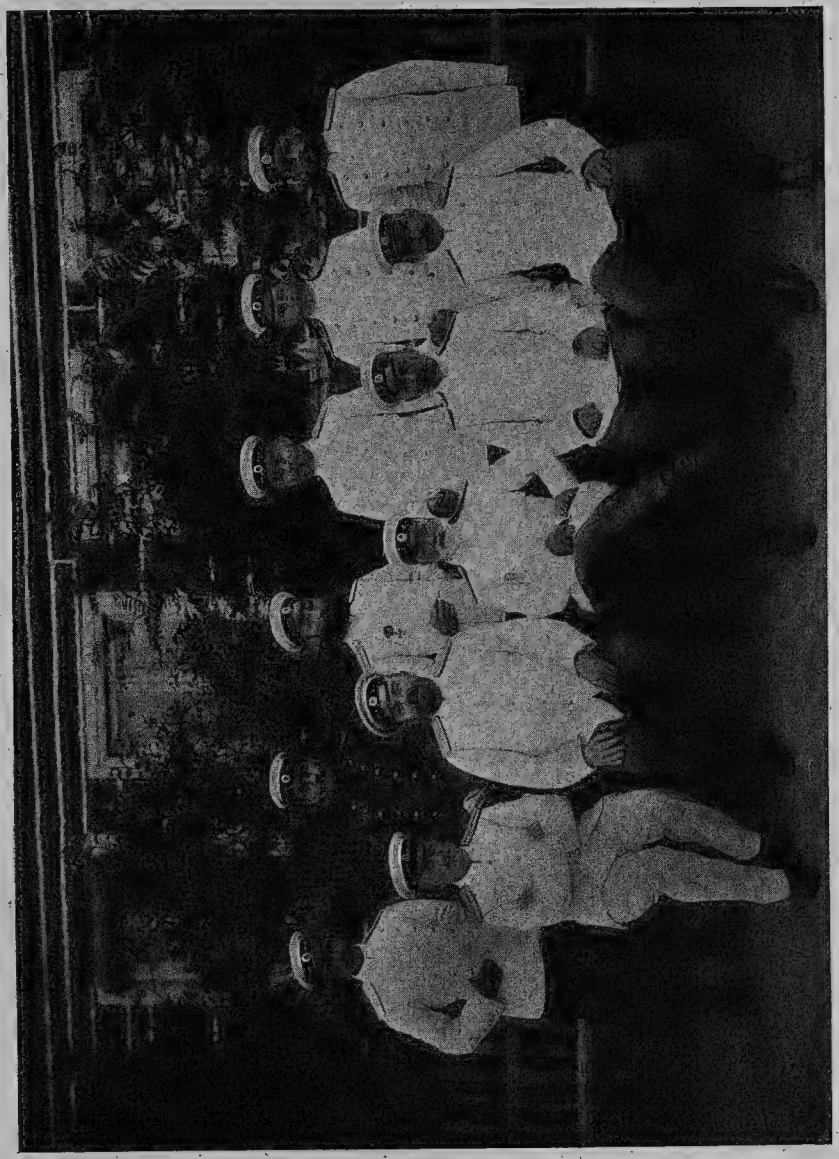
Это была ужасная неожиданность, увеличивающаяся нашей полной неподготовленностью.

Полки, поднятые по боевой тревогѣ, строились. Офицеры, застигнутые врасплохъ, кто у себя на постели, кто на балу, въ театрѣ, въ ресторанахъ, спѣшили къ своимъ частямъ, чтобы развести ихъ на позиціи. Къ несчастію, раньше никто не позаботился ознакомить ихъ съ крѣпостью, и поэтому офицеры, въ большинствѣ случаевъ, получивъ приказанія, долго бродили по невѣдомымъ дорогамъ и горнымъ тропамъ, тщетно разыскивая указанныя имъ мѣста. Произошла невѣроятная суматоха, которая въ концѣ концовъ кончилась, какъ кончилъ свое существованіе и русскій Портъ-Артуръ.

Войска разошлись на указанныя позиціи, но, къ удивленію солдатъ и офицеровъ, у нихъ или не было вовсе ружейныхъ патроновъ или послѣдніе находились въ „караульномъ“ комплектѣ. Солдаты шли на позиціи и шутили.

— Это, значитъ, мы маневру дѣлаемъ. Гдѣ японцу доплыть сюда, а на фронтѣ стрѣляютъ, чтобъ насъ испугать, какъ будто и вправду война. Ничего, завтра отоспимся.

Только къ утру были посланы на позиціи патроны. На болѣе отдаленныя позиціи патроны были доставлены лишь къ вечеру слѣдующаго дня, равно какъ и походныя кухни.



Генералъ-Лейтенантъ Константинъ Николаевичъ Смирновъ, комендантъ крѣпости „Портъ-Артуръ“ и начальникъ его штаба, генеральнаго штаба полковникъ Хвостовъ.
Офиперы Штаба: 1) Гантимуровъ (князь), личный адъютантъ Стесселя. 2) Личный адъютантъ генерала Смирнова, поручикъ Гаммеръ. 3) Князь Микеладзе, начальникъ крѣпостныхъ жандармовъ. 4) Ротмистръ Познанскій. 5) Прапорщикъ Малченко. 6) Поручикъ Князевъ, комендантскій адъютантъ. 7) Лейтенантъ Макалинскій. 8) Капитанъ Достоваловъ, крѣпостной индентантъ. 9) Водяга, и. д. коменданта штабъ-офицера.

День же былъ холодный, ледяной NO со снѣгомъ дулъ немилосердно.

Люди тренировались, сидѣли въ холодѣ и голодѣ.

Счастье наше, что японцы въ эту роковую ночь не вздумали высадить десантъ.

Пока въ крѣпости шла невообразимая сумятица, на морѣ уже кончался прологъ войны, гремѣлъ лишь, скрывшись за горизонтомъ, „Новикъ“, преслѣдуя японскіе миноносцы.

По городу съ быстротою молніи разнеслась печальная вѣсть: японцы подорвали нѣсколько нашихъ судовъ. Этому не хотѣли, боялись вѣрить.

27 января, день первой морской бомбардировки, разсѣялъ всѣ сомнѣнія: война началась.

II.

27 января Артуръ проснулся ранѣе обыкновеннаго. Каждый хотѣлъ знать, провѣрить, что случилось ночью. Слухи о нападеніи японскихъ миноносцевъ оправдались: „Цесаревичъ“, „Паллада“ и „Ретвизанъ“ выведены изъ строя.

Несмотря на совершившійся фактъ ночного нападенія, знаменующаго, что сомнѣнія не должно быть, что война началась, населеніе, не получая оффиціальнаго сообщенія коменданта крѣпости, еще на что-то надѣялось. Только болѣе впечатлительные спѣшили покинуть крѣпость.

Положимъ, давно уже упорно держался слухъ, что на многихъ батареяхъ нѣтъ орудій, а гдѣ есть орудія — нѣтъ снарядовъ, но злые языки есть вездѣ. Комендантъ жестоко каралъ такихъ „язычниковъ“.

Все текло обычнымъ путемъ, какъ и въ предшествовавшіе дни, когда японцы по приглашенію прибывшаго изъ Чифу консула сразу, почти до единаго оставили Артуръ. Только у набережной гавани толпилось много народа. Смотрѣли на стоявшій въ проходѣ „Ретвизанъ“. Смотрѣли и не вѣрили, что онъ поврежденъ. Многіе спорили, доказывая, что все это вранье.

У редакціи газеты „Новый Край“ также толпа. Получаютъ газету и ищутъ сообщеній о событіяхъ минувшей ночи, но въ газетѣ объ этомъ ни полслова.

Уже 9 часовъ утра. Жизнь Артура стала входить въ обыденную колею.

Только спавшіе шесть лѣтъ до вчерашней ночи штабы проявляли небывалую, кипучую дѣятельность. Въ штабѣ крѣпости шла невѣроятная суматоха. Единственные два телефона немолчно дребезжали. Прибѣгали офицеры. Отдавались, получались приказанія.

Все это не производило впечатлѣнія организованнаго учрежденія, какимъ должна являться крѣпость въ серьезныя минуты.

Чувствовалось, что эти люди ежесекундно ожидаютъ смертельнаго громового удара и не знаютъ, что предпринять, чтобы его предотвратить. Правда, начальникъ штаба крѣпости, полковникъ Хвостовъ, какъ и ближайшіе его помощники, держали себя съ полнымъ достоинствомъ.

Начальникъ штаба понималъ, что наступаетъ моментъ, когда всѣ увидятъ, въ какомъ состояніи крѣпость, сколь несокрушимы ея твердыни. Онъ и его предшественникъ, генералъ Флугъ, все сдѣлали, что было въ ихъ силахъ, но плетью обуха не перешибешь.

Въ другихъ штабахъ кипѣла такая же горячка. Всѣ понимали, что наступило время показать коменданту, въ какомъ состояніи у него крѣпость, что сдѣлано имъ для активной обороны.

Въ штабѣ намѣстника печатали приказъ.

Намѣстникъ Государя заканчивая приказъ словами:

„...Да сохранитъ каждый изъ васъ спокойствіе духа, чтобы наилучшимъ образомъ исполнить свой долгъ и, надѣясь на помощь Всевышняго, каждый дѣлайте свое дѣло, помня, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ!“ — надѣялся, что генералъ Стессель, которому Государь довѣрилъ крѣпость, и который недавно еще ему доносилъ, что крѣпость готова, — съ спокойнымъ духомъ и дѣйствительно наилучшимъ образомъ исполнитъ свой долгъ.

Тѣ, кто видѣли генерала Стесселя въ историческое утро, не уловили въ его чертахъ спокойствія духа.

Приближалось 10 часовъ.

Крейсеръ „Бояринъ“, вернувшись на рейдъ, сигналилъ о приближеніи японскаго флота въ значительныхъ силахъ.

Золотая гора подняла сигналы.

На внѣшнемъ рейдѣ, въ полной боевой готовности (но безъ телескопическихъ аппаратовъ: такъ ихъ эскадра и не дождалась въ Артурѣ) стояла подъ парами тихоокеанская эскадра, ожидая приказа ринуться въ бой.

Намѣстникъ и генералъ Стессель, конвоируемые казаками, окруженные огромной свитой, поднимались на Золотую гору.

Что долженъ былъ чувствовать Стессель? Вѣроятно, онъ былъ далекъ въ это утро отъ грезъ о титулѣ народнаго героя.

III.

Стрѣлка часовъ Артура показала 11 ч. 7 м. На Золотой горѣ подняли сигналъ о появленіи на горизонтѣ всего японскаго флота.

Оживленіе на улицахъ Стараго города, прилегающихъ къ порту, увеличилось. Многіе бѣжали на Перепелиную гору. Огромное большинство не знало ничего. Въ Артурѣ было тихо.

Вдругъ сразу словно земля вздрогнула. Покатился ударъ за ударомъ, заревѣли орудія двухъ эскадръ и берегового фронта. Населеніе замерло отъ ужаса. Бой начался. Обѣ стороны боролись, полныя жизненныхъ силъ и надежды на успѣхъ.

Эскадра юной Японіи, лишь 32 года тому назадъ начавшей брать уроки западной культуры, и эскадра Россіи, которой Великій Петръ двѣсти лѣтъ назадъ, прорубая основаніемъ Петербурга окно въ Европу, другой рукой указывалъ на востокъ говоря, что естественный, историческій путь Россіи (но отнюдь не искусственно вызванный) долженъ завершиться у водъ Тихаго океана,—начали жестокій споръ.

Береговой фронтъ крѣпости силился также принять участіе въ бою, до-нельзя увеличивая орудійный гулъ.

Шума отъ береговыхъ батарей было много, но толку почти никакого, благодаря недальнобойности орудій и, главное, отсутствію на нѣкоторыхъ батареяхъ снарядовъ и орудій.

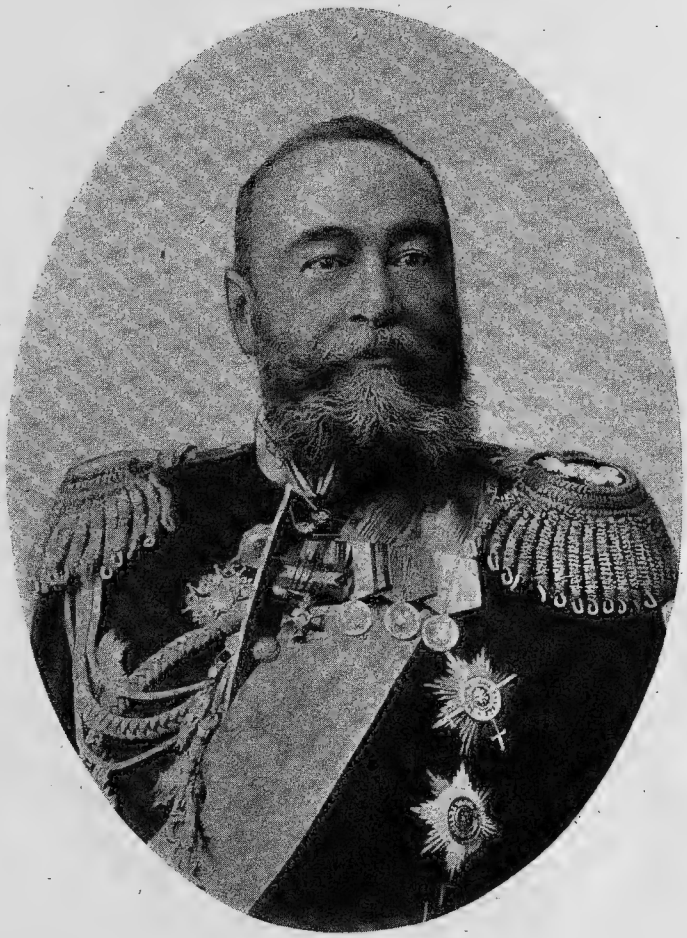
Напрасно непріятельскія суда,—какъ выражается „Новый Край“,—устилали Электрическій утесъ и Золотую гору снарядами. Гора и утесъ были почти безвредны.

Но Россія тогда не знала, что много орудій стрѣляло холостыми зарядами, а нѣкоторыя батареи торжественно молчали.

Объ этомъ отлично знали японцы, но дальновидно молчали. Знали объ этомъ и англичане, но въ интересахъ общаго съ Японіей дѣла тоже молчали и вышучивали насъ.

Черезъ 20 минутъ съ моря полетѣли въ городъ 12-дюймовыя бомбы, разрываясь на улицахъ съ страшнымъ грохотомъ. Населеніе объяла паника: всѣ бросились въ Новый Китайскій городъ и горы, ища тамъ спасенія. Бой шелъ съ возрастающей силой. Громада Ляотешаня и Перепелиная гора тоже торжественно молчали. Несмотря на то, что ихъ вершины командуютъ надъ всѣми окружающими Артуръ высотами, на нихъ вмѣсто батарей были водружены: на первомъ—маякъ, на второй... пожарная каланча.

Въ 11 часовъ 55 минутъ канонада почти сразу стихла. Японская эскадра по сигналу своего флагманскаго корабля прекратила огонь и стала отходить. Жители долго прислушивались, долго не вѣрили воцарившейся тишинѣ. Первыя впечатлѣнія ис-



Генералъ-Адъютантъ Е. И. Алексѣевъ.

пуга прошли. Всѣ устремились на вокзалъ. Маленькая станція была заполнена народомъ. По распоряженію желѣзнодорожной администраціи билеты выдавались только женщинамъ. Переполненные поѣзда непрерывно отходили на сѣверъ, увозя семейства военно-служащихъ и горожанъ. Много было тутъ на дебаркадерѣ станціи глубоко-трагическихъ сценъ разставанія. Всѣ уѣзжали, хотя съ искрой надежды увидѣться вновь.

Генералъ Стессель не выдержалъ экзамена на коменданта крѣпости. Что ему вѣщалъ въ этотъ день намѣстникъ, покрыто мракомъ неизвѣстности, но что его, какъ крайне ненадежнаго генерала, рѣшили убрать, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Военный министръ искалъ лишь выдающагося по своимъ способностямъ стратега, которому можно было въ эти острокритическія минуты довѣрить Портъ-Артуръ.

Выборъ палъ на генералъ-лейтенанта Константина Николаевича Смирнова, который и выѣхалъ изъ Варшавы 12-го февраля съ экстреннымъ поѣздомъ прямо въ Портъ-Артуръ.

IV.

Съ 27 января Артуръ съ наступленіемъ сумерекъ погружался въ полную темень, окна домовъ плотно завѣшаны, полное отсутствіе движенія, — все это производило впечатлѣніе необитаемаго города и носило зловѣщій характеръ. Въ нѣсколько дней городъ замѣтно опустѣлъ, хотя много еще осталось семействъ, желавшихъ раздѣлить участь своихъ отцовъ и мужей.

Несмотря на строжайшій приказъ намѣстника за № 49 о выселеніи семействъ изъ осажденной крѣпости, генералъ Стессель не выселилъ ихъ, вопреки настоятельнымъ совѣтамъ многихъ начальствующихъ лицъ, которыми указывалось, что женскій и дѣтскій элементы въ осажденной крѣпости крайне нежелательны, за исключеніемъ тѣхъ женщинъ, которыя готовы дать подписки ухаживать за ранеными. Масса матерей, обремененныхъ многочисленнымъ семействомъ, остались въ Артурѣ. Однѣ — по собственному желанію, другія — не имѣя возможности выѣхать, получая лишь 10 рублей пособія и даровой проѣздъ до Иркутска.

Мнѣ самому приходилось слышать слѣдующія по этому поводу заявленія:

— Вотъ предлагаютъ намъ выѣзжать. А съ чѣмъ поѣдешь? Послѣднее должны бросить, а вспомоществованія даютъ гроши. Нѣтъ! Ужъ что будетъ, то будетъ. Останемся лучше здѣсь. Умирать, такъ ужъ лучше вмѣстѣ, если Богъ приведетъ. И такъ тяжела жизнь, а убьютъ мужа, отца — по міру придется итти.

И оставались, давая какія угодно подписки.

Положимъ, туть было не до населенія, шли спѣшныя крѣпостныя работы.

4 февраля утромъ я встрѣтилъ (теперь уже покойнаго, убитъ вмѣстѣ съ Кондратенко) выдающагося по своей энергіи инженера, истиннаго героя обороны Артура подполковника Рашевскаго.

Онъ руководилъ работами по возведенію центральной ограды. Стессель, совершенно потерявъ голову, вмѣсто того, чтобы всѣ рабочія силы сосредоточить на укрѣпленіи Киньчжоуской позиціи, возводилъ такъ называемую центральную ограду, т. е. обносилъ рвомъ и валомъ Старый городъ.

Контръ-Адмиралъ И. К. Григоровичъ.

Я думаю, что юнкеръ 1-го курса назвалъ бы эту работу дикой, исходя изъ того, что центральная ограда проводилась по котловинѣ, въ которой лежитъ городъ, и поэтому, въ случаѣ прорыва и занятія японцами находящихся въ тылу фортовъ и верковъ крѣпости горъ, послѣдніе, открывъ съ нихъ прицѣльный ружейный и орудійный огонь, въ нѣсколько часовъ унич-

тожили бы весь гарнизонъ, находящійся въ неблиндированныхъ помѣщеніяхъ. Тратя совершенно непродуктивно время, деньги и рабочія силы надъ возведеніемъ никому ненужной ограды, генералъ Стессель тормозилъ работы по возведенію фортовъ и укрѣпленій, бывшихъ въ это время въ зачаточномъ состояніи, а объ энергичномъ укрѣпленіи Киньчжоуской позиціи, важнаго стратегическаго пункта, совершенно не заботился.

Нужно при этомъ замѣтить, что выработанный крайне неудачно планъ полигона крѣпости былъ утвержденъ и присланъ изъ Петербурга для исполненія за два года до объявленія войны.

Насколько дико былъ составленъ этотъ проектъ, служитъ доказательствомъ то, что вновь прибывшій комендантъ, при первомъ же знакомствѣ съ крѣпостью, долженъ былъ во многомъ отъ него отступить, выбрать и укрѣпить массу новыхъ позицій, которыя отдалили паденіе Артура, по крайней мѣрѣ, вдвое.

Нужно замѣтить, что офицерамъ строго возбранялось знакомиться съ крѣпостью, и за все время владѣнія нами Артуромъ были только одинъ разъ маневры на фортахъ и батареяхъ крѣпости, тогда лишь только распланированныхъ.

3-я сибирская стрѣлковая дивизія, участвовавшая въ этихъ маневрахъ, была отправлена на Ялу; это была единственная дивизія, знавшая Квантунскій полуостровъ. Остававшіяся дивизіи были вновь сформированы и мобилизованы чинами запаса, и во снѣ не видавшими горъ Квантуна. Они прибыли изъ сибирскихъ губерній. Запретъ офицерамъ появляться на батареяхъ дошелъ до такихъ свирѣпыхъ предѣловъ, что егермейстеръ Высочайшаго двора, тайный совѣтникъ Балашовъ, случайно забредя на дорогу, ведущую на батарею, и не разслышавъ оклика часового (г. Балашовъ плохо слышитъ), былъ арестованъ и, несмотря на отчаянные протесты и видимые знаки отличія, отведенъ на гауптвахту.

Офицерамъ не разрѣшали знакомиться съ крѣпостью, но за то по всѣмъ батареямъ спокойно разгуливали въ качествѣ прачекъ, портныхъ, землекоповъ переодѣтые офицеры японскаго генеральнаго штаба, которыхъ въ Артурѣ было больше, чѣмъ слѣдовало. За ними никто не слѣдилъ. Они имѣли не только полную возможность досконально изучить крѣпость, нанеся ее на планъ, но съ математической точностью опредѣлить всѣ углы возвышеній для перекидной стрѣльбы изъ осадныхъ орудій, которыми они блестяще пользовались, все увеличивая ихъ численность и удивляя насъ мѣткостью своей стрѣльбы. Съ начала войны среди работавшихъ на оборонительной линіи и въ городѣ китайцевъ было много японскихъ шпіоновъ, свободно сообщав-

шихся съ своими, доказательствомъ чему служила прекрасная освѣдомленность японцевъ обо всемъ, что происходило въ Артурѣ до прибытія новаго коменданта генералъ-лейтенанта Смирнова, организовавшаго при содѣйствіи начальника крѣпостной жандармской команды, ротмистра князя Микеладзе, правильный и строжайшій надзоръ за китайцами.

V.

Въ Артурѣ и Квантунской области продолжалась реквизиція убойнаго скота, которая, благодаря ужасающей халатности, въ итогѣ дала половину того, чего можно было достигнуть при правильной постановкѣ этого дѣла. Несмотря на всѣ протесты, жалобы, совѣты, указанія комиссара по гражданской части подполковника Вершинина — генералъ Стессель поступалъ по своему и оставилъ крѣпость съ минимумомъ запаса скота.

Такъ шли дни за днями.

Съ отъѣздомъ намѣстника въ Мукденъ, полновластнымъ хозяиномъ крѣпости сталъ генералъ Стессель, сдерживаемый еще телеграфомъ.

Населеніе и купцы уже въ серединѣ февраля начали роптать на безсмысленно жестокій режимъ Стесселя.

Съ постепеннымъ сосредоточеніемъ боевыхъ силъ на сѣверѣ, въ Артуръ стала прибывать масса офицеровъ для закупки всевозможныхъ продовольственныхъ запасовъ.

Изъ крѣпости, отдѣленной отъ Россіи нѣсколькими тысячами верстъ, блокирумой уже съ моря, ожидавшей по естественному ходу событій появленія противника на сушѣ, вывозились цѣлыми вагонами сахаръ, мука, соль, консервированное молоко, зелень, рыбные и мясные консервы и т. д.

Генералъ Стессель, объявляя приказъ 14-го февраля за № 126, въ которомъ говорилось, что отступленія не будетъ, что съ трехъ сторонъ море, съ четвертой непріятель, — позволялъ, даже скажу больше, фактически поощрялъ вывозъ предметовъ первой необходимости, въ которыхъ въ октябрѣ, ноябрѣ и декабря мѣсяцахъ ощущался сильный недостатокъ, вызвавшій цынготныя заболѣванія.

Когда генералу Стесселю указывалось, что вывозъ продуктовъ изъ Артура можетъ его поставить, въ случаѣ тѣсной блокады, въ крайне тяжелое положеніе въ отношеніи питанія гарнизона, то онъ отвѣчалъ, что Куропаткинъ не допуститъ изоляціи Артура, а если Артуръ и будетъ отрѣзанъ, то на самое непродолжительное время.

Когда же протесты повторялись, онъ предложилъ, какъ комендантъ осажденной крѣпости, не вмѣшиваться въ его распоряженія.

Подчиненнымъ ему гражданскимъ властямъ оставалось умолкнуть и безучастно слѣдить, какъ таяли запасы Артура.

Нѣкоторые купцы, понявъ, что въ сосредоточивающейся арміи сильный недостатокъ въ продуктахъ, сами уже стали отправлять ихъ вагонами на сѣверъ.

Въ крѣпости творилось что-то невѣроятное. Она производила впечатлѣніе не крѣпости, готовящейся защищаться до послѣдняго, а какой-то ярмарки, главнаго продовольственнаго склада для концентрирующейся на сѣверѣ арміи, въ который пріѣзжали и дѣльцо обдѣлать, и въ карты поиграть, и покутить.

Несмотря на то, что генералъ Стессель оставилъ для общаго пользованія только три ресторана и запретилъ даже дома играть въ карты — разгулъ былъ широкій, и деньги лились рѣкой.

Такой разгулъ, какой я наблюдалъ въ Артурѣ въ теченіе всего февраля мѣсяца, до прибытія генерала Смирнова, врядъ-ли мнѣ придется когда-нибудь увидѣть.

VI.

Шелъ февраль мѣсяцъ. На пути въ Портъ-Артуръ, по всей желѣзнодорожной линіи отъ Дашичао, стальной путь охранялся ротами пограничной стражи. У большихъ мостовъ стояли даже орудія. Кругомъ бродили шайки хунхузовъ. Населеніе станцій всегда находилось подъ страхомъ внезапнаго нападенія и располагала самыми ничтожными средствами самообороны. Поѣзда подвозили въ Артуръ солдатъ, изъ которыхъ комплектовались запасные баталіоны. Мнѣ иногда приходилось бывать на станціи, и я всегда удивлялся той безконечной безалаберности, которая царила въ дѣлѣ пріема и отправленія по мѣстамъ назначенія прибывшихъ чиновъ запаса.

Всѣ старались показать, что заняты дѣломъ. Однако, все это дѣло сводилось къ писанію приказовъ, рапортовъ и отношеній.

Остальное же дѣлалось само собой. Грянувшій громъ войны не разбудилъ въ генералѣ давно уснувшей совѣсти. Подчиненные старшіе начальники, находясь подъ обаяніемъ „генеральскаго ничего-недѣланія“ — на него главами кивали, но и пальцемъ не думали двинуть, чтобы установить хотя мало-мальскій порядокъ. Офицеръ-бюрократъ показалъ себя во всей красѣ.

Но за то всѣ, начиная съ генерала Стесселя и кончая послѣднимъ солдатомъ, знавшіе японцевъ только по тѣмъ лицамъ, которыя проживали въ Артурѣ, глумились надъ ними.

— Что японецъ? Мошка! Смѣхъ! На штыкѣ засушу и въ письмѣ домой пошлю, — серьезно говорили солдаты.

Начальникъ минной обороны Квантуна Контръ-Адмиралъ М. Ф. Лощинскій.

Генералъ Фокъ, начальникъ 4-й стрѣлковой дивизіи, къ мнѣнію котораго Стессель прислушивался, который поэтому творилъ все, что ему вздумается,—генералъ Фокъ твердилъ всѣмъ и каждому, что японецъ „дуракъ“.

— Японецъ дуракъ, потому что по японскому полевому уставу его стрѣлковыя цѣпи при наступленіи разсыпаются густо.

Генералъ пріѣзжалъ въ ввѣренные ему полки и объяснялъ солдатамъ о глупости японцевъ такимъ образомъ: построятся роты; выходитъ Фокъ.

— Ребята! Японецъ дуракъ и т. д. Первая шеренга, отвѣчай! Почему японецъ дуракъ?

Рота хоромъ отвѣчаетъ:

— Потому, что при наступленіи разсыпаетъ густо цѣпи.

Удивительно-ли, что послѣ такихъ популярно-вразумительныхъ пріемовъ, наши солдаты до первыхъ серьезныхъ столкновеній считали японца „дуракомъ"? Послѣ же, систематично передъ нимъ отступая и неся жестокія потери, они уже потеряли вѣру въ слова своего начальства.

Вообще, вся система нравственнаго воспитанія ввѣренныхъ генералу Фоку полковъ была болѣе, чѣмъ оригинальна. Мнѣ глубоко врѣзался въ память слѣдующій инцидентъ въ одной изъ ротъ дивизіи генерала Фока (въ какомъ полку, точно теперь не помню). Пріѣзжаетъ генералъ Фокъ. Рота строится. Является передъ фронтомъ генералъ. Начинается популярное изложеніе недостатковъ строеваго устава японцевъ. Затѣмъ генералъ обращается къ ротѣ.

— Унтеръ-офицеръ N—дуракъ! Почему? Потому что укралъ и попался.

— Первая шеренга, отвѣчай! Почему унтеръ-офицеръ N дуракъ?

Рота хоромъ отвѣчаетъ.

— Потому что и т. д.

Побалагуривъ съ солдатами, генералъ шелъ къ офицерамъ, чтобы путемъ дружеской бесѣды, за стаканомъ чая сблизиться съ ними. Разсказывая какъ-то о турецкой кампаніи, онъ спросилъ присутствовавшихъ:

— А знаете, какъ я получилъ Георгіевскій крестъ? Нѣтъ? Ну, такъ вотъ какъ. Бывало, я присмотрюсь, куда турецкая артиллерія больше направляетъ огонь — туда и не иду, а хожу по противоположной сторонѣ, но далеко впереди. Вотъ начальство и рѣшило, что Фокъ храбрый. Я не говорю; нужно быть храбрымъ, но съ умомъ. Изъ всего нужно извлекать пользу. Въ особенности теперь. Зря умереть можно, а офицеръ дорогъ на войнѣ. Солдаты безъ офицера — стадо барановъ.

Такъ шли дни за днями; генералъ Фокъ писалъ генералу Стесселю пространныя докладныя записки; Стессель ихъ читалъ и поучался.

А работы на Киньчжоуской позиціи, такъ называемаго стратегическаго ключа къ Артуру, почти не производились.

Какъ-то я спросилъ генерала Фока:

— Скажите, ваше превосходительство, насколько сильна Киньчжоуская позиція, и въ состояніи-ли мы будемъ на ней долго продержаться?

Генералъ-Маіоръ Горбатовскій.

— Что? Что вы говорите? Да я на этой позиціи буду волчкомъ ходить, и японцу не видать Артура, какъ своихъ ушей.

А инженеры мнѣ говорили еще ранѣе и впослѣдствіи, когда я самъ пріѣхалъ въ Киньчжоу, что Киньчжоу, съ ихъ точки зрѣнія, въ томъ видѣ, въ какомъ она находится въ данный моментъ, не что иное, какъ никуда негодная, временнаго характера, горно-полевая позиція.

Таковой она оставалась, за сравнительно ничтожными измѣненіями, вплоть до 13 мая. Но объ этомъ послѣ.

Генералъ Фокъ долженъ понести вполнѣ заслуженное жестокое возмездіе.

Я увѣренъ, что слѣдствіе обнаружитъ, что онъ, вмѣстѣ съ Рейсомъ, не менѣе виноваты въ печальномъ концѣ Портъ-Артурской эпопеи, чѣмъ самъ генералъ Стессель.

Смотрѣлъ я на все, что происходило въ крѣпости, и не разъ мнѣ приходило въ голову: „Неужели такъ нужно готовиться къ пріему врага?“ или „можетъ быть японецъ, дѣйствительно, „дуракъ“, съ которымъ не нужно церемониться?“

Проживъ въ Японіи свыше года, я зналъ объ энергичныхъ приготовленіяхъ ея къ войнѣ.

Положимъ, „Новый Край“ въ рядѣ серьезныхъ статей подчеркивалъ, что Японія очень серьезный и прекрасно подготовленный къ войнѣ противникъ, но этому не вѣрили, не хотѣли вѣрить. Не вѣрили и серьезнымъ, честнымъ офицерамъ, участникамъ китайской кампаніи, свидѣтельствовавшимъ о прекрасной боевой подготовкѣ японцевъ.

Большинство офицеровъ склонно было вѣрить фоковской оцѣнкѣ японцевъ; въ особенности, офицеры, недавно прибывшіе изъ Европейской Россіи.

Благодаря инертности нашей военной литературы, — армія не имѣла ни малѣйшаго представленія о томъ, что представляетъ изъ себя современная Японія вообще, и, въ частности, ея боевыя силы.

Обидно было и жалко смотрѣть на эту неразумную, инертную массу. А кто виноватъ?!

VII.

Прошли первые дни февраля, а о скрывшейся за горизонтомъ японской эскадрѣ не было и слуху.

Жизнь въ городѣ мало напоминала объ осажденной крѣпости.

Несмотря на строжайшіе приказы и порки въ арестномъ домѣ за злоупотребленіе крѣпкими напитками, пьянство доходило до гомерическихъ размѣровъ.

29 января появился (№ 36) приказъ генерала Стесселя, который въ скоромъ времени сталъ общимъ достояніемъ. Привожу его дословно:

„Со дня первой бомбардировки крѣпости появились разные слухи, ни на чемъ не основанные и часто совершенно нелѣпые. Часть ихъ совершенно невинные, какъ напримѣръ: одна солдатка сообщила, что у арсенала была высадка, и 250 японцевъ убито; тотъ, который разсказалъ, не стѣсняется въ потеряхъ японцевъ.

Другіе слухи, о потопленіи нѣкоторыхъ судовъ, тоже вымышлены, но производятъ совершенно другое впечатлѣніе.

Я объявляю, что пока все спокойно и все идетъ хорошо. Жителей и торговцевъ прошу заниматься своими дѣлами и не вѣрить глупостямъ".

Жители и, въ особенности, гарнизонъ повѣрили, что все спокойно, все идетъ хорошо, и вмѣстѣ съ своими начальниками безпечно проводили время, мало заботясь о будущемъ.

Гдѣ мнѣ ни приходилось бывать — всѣ съ полной увѣренностью говорили, что отрѣзать Артуръ отъ маньчжурской арміи немыслимо.

— Помилуйте, да если бы Артуръ могъ быть отрѣзанъ, развѣ Стессель позволилъ бы вывозить продукты?! — возражали мнѣ.

— Развѣ можно допустить, что японцы поведутъ войну на два фронта? Они сосредоточатся на Ялу и двинутся на наши главныя силы. Стессель говоритъ, что пусть японцы высаживаются на Квантунѣ, чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Онъ ихъ всѣхъ передавитъ.

Говорили явную чушь. Но говорили это всѣ, за малымъ лишь исключеніемъ. На берегахъ Ляодуна не принималось пока никакихъ мѣръ противъ возможной высадки, кромѣ минированія береговъ адмираломъ Лощинскимъ.

Въ самой крѣпости проявлялась нѣкоторая дѣятельность. Согласно новому приказу по крѣпости (отъ 30 января, за № 42), вновь формируемый крѣпостной телеграфъ было приказано обратить на обслуживаніе станцій и линій, построенныхъ телеграфною ротою 2-го восточно-сибирскаго сапернаго баталіона.

Начали спѣшно проводить крѣпостной телеграфъ, но за недостаткомъ матеріала, рабочихъ рукъ, и отчасти времени—форты, укрѣпленія и батареи связывались не подземнымъ, а надземнымъ кабелемъ. Благодаря неумѣнію или какимъ-нибудь другимъ причинамъ, телефоны и телеграфы работали очень плохо, въ особенности съ момента тѣсной блокады, когда снаряды портили воздушные проводы. Постоянная ихъ починка была чисто Сизифовой работой. Кромѣ того,—линіи такъ перепутались, что, бывало, съ батарей легче было послать донесеніе съ ординарцемъ, чѣмъ добиться у центральной станціи соединенія съ тѣмъ нумеромъ, который просишь.

До начала войны о правильной постановкѣ и устройствѣ телефоновъ очень мало думали. Говорятъ, что кредитовъ не было.

— Кредитовъ не было?!

— Это вздоръ-съ!

1887
РЕДАКЦИЯ „СОВЕТСКИЙ ФЛОТ" Орган МО СССР
БИБЛИОТЕКА РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ „КРАСНЫЙ ФЛОТ"
2417
Редакция КОМ. СССР „Красная Звезда" Инв. № 27761

Мнѣ доподлинно извѣстно, что задолго до войны артиллеріи капитаномъ Мошинскимъ (во время осады блестящій командиръ стрѣлковой батареи, наносившей огромный вредъ осаждающему противнику) былъ разработанъ планъ крѣпостного телеграфа и составлена смѣта. Деньги были ассигнованы. Куда они дѣлись? Почему капитанъ Мошинскій вмѣсто спѣшнаго производства работъ былъ командированъ на сѣверъ?

Это все благодарный матеріалъ для энергичнаго слѣдователя

Это крупная черта для иллюстраціи дѣятельности Стесселя, какъ коменданта крѣпости.

Огромной стратегической важности крѣпость безъ крѣпостного телефона (секретная прокладка проводовъ, неуязвимость, хорошая изоляція), это жесточайшій абсурдъ, это государственное преступленіе, граничащее съ измѣной!

Читатель долженъ помнить, что въ Артурѣ воздушные, какъ военные, такъ и частные провода подвѣшивались вмѣстѣ.

Благодаря сильной индукціи, при желаніи можно было преспокойно слушать переговоры начальствующихъ лицъ и отдаваемыя ими секретныя приказанія.

VIII.

31-го января генералъ Стессель въ приказѣ № 45 — писалъ: „Продолжаю встрѣчать команды 7-й бригады (бригада генерала Кондратенко), особенно 28-го полка въ безобразномъ видѣ по одеждѣ (не въ смыслѣ старости, а въ смыслѣ того, какъ она одѣта), такъ и по тому невоинскому виду, въ которомъ они бродятъ; еще разъ предлагаю начальнику 7-й бригады принять самыя строжайшія мѣры для поддержанія строевой дисциплины въ частяхъ, памятуя, что дисциплинированныя и хорошо выученныя части—стоятъ четырехъ невыученныхъ.

„Организовать въ свободное время, т. е. если нѣтъ боя, обученія, особенно приготовительныя къ стрѣльбѣ упражненія — это ничего, что неудобно, можно цѣлиться по мѣстнымъ предметамъ; производить и строевыя занятія для поддержанія бодраго вида. Непремѣнно, чтобы пѣли пѣсни и играла музыка. Помните, г.г., что люди бутутъ драться, они-то и должны быть отличны, мы на это мало обращаемъ вниманія. Командирамъ полковъ на фортахъ указать мѣстопребыванія, обозначать его флажкомъ, а ночью фонаремъ, разумѣется, обращеннымъ внутрь, съ надписью № полка“.

Когда принесли этотъ приказъ въ редакцію „Новаго Края", его не рѣшились печатать, какъ впослѣдствіи часто и дѣлалось. На этой почвѣ начались разногласія со Стесселемъ. Генералъ требовалъ, чтобы всѣ его приказы печатались, редакція же помѣщала только удобные для печати, давая понять, что газета — не юмористическій журналъ.

Генералъ-Маіоръ Бѣлый.

Генералъ Стессель, указывая на невоинскій видъ ввѣреннаго ему гарнизона, былъ совершенно правъ. Но что же дѣлалось, что предпринимали по этому поводу раньше? Генералъ Кондратенко недавно прибылъ въ Артуръ и не могъ въ короткое время дисциплинировать въ полномъ смыслѣ разнузданный гарнизонъ.

Помимо дѣятельности, выражавшейся въ писаніи обширныхъ приказовъ, у коменданта крѣпости генерала Стесселя развилась манія сигнализаціи. Ему вездѣ по горамъ чудилось, что кто-то непрерывно сигналитъ. Былъ отданъ строжайшій приказъ слѣдить днемъ и ночью за сигнализирующими. По горамъ разгуливали патрули. Ловля сигнальщиковъ превратилась въ какой-то спортъ. Даже жители имъ заразились. Кто же серьезнѣе смотрѣлъ на дѣло, тотъ отлично понималъ, что тутъ что-то не то. Зачѣмъ японцамъ сигнализація, когда они прекрасно изучили крѣпость, и она уже кишѣла шпіонами?!

Много невинныхъ китайцевъ, благодаря этой маніи генерала, переселились въ лучшій міръ, послѣ приказа отъ 13-го февраля за № 120.

„Несмотря на то, что вчера поймали 20 человѣкъ, замѣченныхъ въ производствѣ какой-то сигнализаціи, сего числа ночью, около 3-хъ часовъ, на площадкѣ между моимъ домомъ

и интендантскими складами, кто то сигнализировалъ фонарями; поймать его не могли, убѣжалъ онъ къ Новому Китайскому городу. Постамъ, которые для сего учреждены, вмѣнить въ обязанность стрѣлять по убѣгающимъ сигнальщикамъ".

Послѣ этого приказа начали подстрѣливать китайцевъ, какъ куропатокъ.

Военно-прокурорскій надзоръ въ большинствѣ случаевъ, однако, за недостаткомъ уликъ не находилъ состава преступленія въ дѣйствіяхъ арестованныхъ китайцевъ.

Вначалѣ я тоже былъ склоненъ думать, что это—умышленная сигнализація. Но послѣ первой ночи, проведенной въ поискахъ съ патрулемъ съ крейсера „Баянъ" за мнимыми сигнальщиками, я вылечился отъ своего психоза. Лазая въ темную ночь по горамъ, я упалъ съ крутого обрыва на крышу бамбуковой фанзы, чуть не проломивъ себѣ черепа.

. . . . . .

IX.

Съ 27-го января былъ полный застой въ военныхъ дѣйствіяхъ. О непріятелѣ не было ни слуху, ни духу; офицерство, подъ впечатлѣніемъ минувшихъ событій, невольно начало разбирать причины внезапно для нихъ вспыхнувшей войны. Всѣмъ бросилась въ глаза полная неподготовленность крѣпости и тотъ хаосъ, который въ ней царилъ. Подъ вліяніемъ лишне выпитаго вездѣ горячились, браня начальство. Менѣе сдержанные страшно волновались и не стѣснялись постороннихъ; въ ресторанахъ, клубахъ позволяли себѣ поносить въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ самого генерала Стесселя, результатомъ чего, 5-го февраля 1904 г. за № 73, появился слѣдующій приказъ:

— „До свѣдѣнія моего дошло, что въ гарнизонномъ собраніи г. г. офицеры занимаются совершенно не своимъ дѣломъ, вкривь и вкось обсуждаютъ ходъ военныхъ дѣйствій, сообщаютъ разные нелѣпые слухи, Богъ знаетъ, откуда ими набранные. Дѣло офицера хорошенько обдумать и обсудить, какъ бы лучше выполнить данное приказаніе, а не обсуждать дѣйствія высшихъ начальниковъ; такіе господа крайне вредны, и я, разумѣется, буду ихъ карать по силѣ предоставленной мнѣ власти".

Послѣ этого приказа всѣ прикусили языки, понявъ, что у коменданта крѣпости очень чувствительный слухъ.

Въ крѣпости не было жандармовъ, необходимыхъ для наблюденія за подозрительнымъ элементомъ, но за то было пре-

красно организовано охранное отдѣленіе личности ген. Стесселя. Дѣятелями здѣсь были: капитанъ В., поручикъ М. и К. Второй, какъ оказалось впослѣдствіи, писалъ въ иностранныя газеты на англійскомъ языкѣ хвалебные гимны дѣятельности генерала Стесселя.

Подполковникъ Іолшинъ †.

Для того, чтобы занять чѣмъ-нибудь совершенно праздное офицерство, комендантъ крѣпости отдалъ 5-го февраля за № 75 приказъ:

— „Предлагаю начальнику 7-ой восточно-сибирской стрѣлковой бригады (генералу Контратенко) подробно указать обязанности комендантовъ фортовъ, изъ коихъ главныя — никогда не сдавать фортовъ".

Мнѣ не удалось спросить покойнаго Романа Исидоровича Кондратенко, почему онъ не указалъ подробно комендантамъ фортовъ ихъ обязанностей. Но знаю отлично, что надъ этимъ приказомъ хохотали не только фельдфебеля, но и полуграмотные ефрейторы и солдаты.

Сидя какъ-то въ ресторанѣ, я громко обратился къ одному знакомому офицеру:

— „Ну что, теперь вы знаете, что главная ваша обязанность никогда не сдавать фортовъ?“

Офицеръ поблѣднѣлъ и, нагнувшись ко мнѣ, шепотомъ сказалъ:

— „Я васъ прошу, оставьте этотъ разговоръ. Онъ мнѣ можетъ стоить карьеры. Завтра же могутъ Стесселю передать, что я надъ нимъ смѣюсь“.

Вообще, я замѣтилъ, что офицеры стали крайне осторожны. Даже чуждались другъ друга: Богъ его знаетъ, вдругъ донесетъ.

Генералъ Стесселъ продолжалъ энергично проявлять свою дѣятельность.

„Предписываю, — писалъ онъ въ приказѣ отъ 5-го февраля за № 78,—чтобы въ госпиталяхъ Артура и Таліенвана принимались больные только частей, здѣсь расположенныхъ, а отнюдь не принимались бы изъ Маньчжуріи. Крѣпость нельзя заваливать больными“.

Крѣпость нельзя заваливать больными — это вѣрно. Но крѣпость такъ же не слѣдовало ослаблять предметами первой необходимости, которые продолжали вывозиться на сѣверъ.

X.

Я познакомился со многими офицерами, прибывшими изъ сѣверной арміи, которые, заручившись разрѣшеніемъ генерала Стесселя, вывозили вагоны всевозможныхъ продуктовъ.

Реквизиція скота шла крайне вяло. Главная причина была, что гражданскимъ властямъ было отказано въ прикомандированіи достаточнаго количества нижнихъ чиновъ для производства самой реквизиціи. Китайцы успѣли уже угнать массу скота въ Маньчжурію.

Мало того, 8-го февраля генералъ Стессель приказомъ своимъ за № 93 сообщилъ, что:

„Реквизиція въ области безъ моего разрѣшенія отнюдь не допускается, особенно скота и съѣстныхъ припасовъ“.

Всѣ такъ и ахнули, когда прочли этотъ приказъ. Гражданскій комиссаръ протестовалъ, но безрезультатно. Скотъ преспокойно угонялся изъ предѣловъ Квантунской области. Китайцы прекрасно поняли, что здѣсь возьмутъ по низкой рекви-

Контръ-Адмиралъ Моласъ †.

зиціонной цѣнѣ, а впослѣдствіи они получатъ отъ крупныхъ купцовъ большія деньги, что фактически и оправдалось.

Съ оставленіемъ многими Артура освободилась масса квартиръ. Небольшія изъ нихъ были заняты неимущими семействами. Генералъ Стессель, приказомъ своимъ отъ 8-го февраля, основаннымъ на личномъ капризѣ, предписалъ:

„Всѣ городскія квартиры, принадлежащія военному вѣдомству и состоящія по описи въ штабѣ крѣпости, никто не имѣетъ права занимать безъ отвода штабомъ; если кто-либо такую квартиру занялъ, то немедленно выселить, чтобы въ день выхода сего приказа квартира была освобождена безъ всякихъ отговорокъ".

Бѣднота не протестовала. Полиція ее выселяла. Квартиры вначалѣ пустовали, а потомъ постепенно вновь занимались, съ разрѣшенія генерала Стесселя, но уже не бѣднотой, а людьми, которымъ хотѣлось жить просторнѣй.

XI.

Мнѣ часто приходилось проѣзжать мимо пожарнаго двора. Если это бывало утромъ, то волей иль неволей приходилось слышать свистъ розогъ и душу раздирающіе вопли. Тамъ шла очередная порка арестованныхъ за пьянство. Генералъ Стессель разрѣшилъ полицеймейстеру „исправлять" домашними мѣрами алкоголиковъ. Пороли жестоко и нещадно. Процедура эта продѣлывалась слѣдующимъ образомъ.

Во дворѣ арестнаго дома выстраивались „исправляемые": рабочіе, извозчики, китайцы. Являлся полицеймейстеръ. Смотритель подавалъ скорбный листъ. Полицеймейстеръ, поздоровавшись обходилъ фронтъ, останавливаясь передъ каждымъ.

— За что?

— Вашскородіе, вчера...

— Сто на ж..., двѣ недѣли арестный домъ!

— Далѣе. За что?

— Вчера Вашескородіе...

— Сто на ж... сегодня и завтра.

И такъ до послѣдняго.

Затѣмъ рабовъ Божьихъ, будущихъ героевъ, умиравшихъ за честь и достоинство Россіи, укладывали и стегали.

Долго терпѣлъ портъ-артурскій брандмейстеръ В. И. Вейканенъ, наконецъ, возмутился и категорически заявилъ полицеймейстеру, что онъ считаетъ позорнымъ для достоинства пожарнаго солдата быть палачемъ и что, вообще, пожарный дворъ не мѣсто для экзекуцій, тѣмъ болѣе, что вопли истязуемыхъ привлекаютъ всегда массу любителей сильныхъ ощущеній.

Впослѣдствіи порки производились въ самомъ арестномъ домѣ; тамъ онѣ были еще сильнѣй.

Я всегда съ тяжелымъ чувствомъ вспоминалъ далекую Россію. Я зналъ, что тамъ тоже дерутъ, но зналъ, что если и дерутъ, то *только по суду*. У насъ же въ Артурѣ все было проще, патріархальнѣе. Законы для Артура не были писаны.

Однажды гражданскій комиссаръ, подполковникъ Вершининъ, позволилъ себѣ замѣтить по поводу одного распоряженія, что оно незаконно. Въ штабѣ генерала Стесселя ему отвѣтили:

— Какіе могутъ быть въ военное время законы? Теперь законъ—приказъ генерала Стесселя.

Приказъ Стесселя — законъ!

Такъ это и было вплоть до самой капитуляціи Артура, въ особенности, послѣ назначенія его генералъ-адъютантомъ.

Послѣ того, какъ Стессель, оставивъ на произволъ судьбы гарнизонъ, раненыхъ, поспѣшилъ уѣхать въ Россію, — въ Артурѣ стали функціонировать не Стессельскіе, а военные японскіе законы. Они были строги, но о произволѣ не было и помину.

Что можно было противъ этого возражать?! Мы подчинились и терпѣли. А кто не подчинялся этому, тотъ жестоко страдалъ. Но объ этомъ послѣ.

9-го февраля мы со страхомъ и трепетомъ прочли слѣдующій приказъ коменданта крѣпости за № 106.

— „Предписываю подполковнику Петруша объѣзжать какъ новый, такъ и старый городъ, и новый китайскій городъ, арестовывать пьяныхъ и безчинствующихъ и всѣхъ, кого признаетъ необходимымъ“.

Это была грозная новость: подполковникъ Петруша будетъ арестовывать, „кого признаетъ необходимымъ“.

Нѣкоторые отправились къ военному прокурору, полковнику Тыртову, узнать, что же это теперь будетъ. Опасно выходить на улицу! Признаетъ полковникъ Петруша необходимымъ и арестуетъ, а на завтра придется предстать предъ ясныя очи полицеймейстера. Послѣдній, по представленному ему праву, спроситъ: за что? А затѣмъ тоже „признаетъ необходимымъ“, въ въ видахъ пресѣченія и предупрежденія,—слегка постегать.

Полковникъ Тыртовъ не могъ дать намъ вполнѣ опредѣленнаго совѣта, но между прочимъ указалъ, что необходимо быть осторожнѣй и не показываться на глаза.

Дѣйствительно, это былъ единственный способъ.

Я думаю, не у одного портъ-артурскаго гражданина душа уходила въ пятки при встрѣчѣ съ подполковникомъ Петруша.

„Всѣмъ торговымъ фирмамъ, въ которыхъ служатъ дружинники вольно-пожарнаго общества, отнюдь не запрещать имъ

дежурить на постахъ. О дружинникахъ, ушедшихъ съ поста или не заступившихъ своевременно свой постъ, докладывать мнѣ для поступленія по закону" — писалъ генералъ Стессель въ своемъ приказѣ отъ 10 февраля за № 109.

Героевъ-дружинниковъ не спрашивали, почему они не пришли на постъ, а прямо поступали „по закону" и... пороли.

По общегосударственнымъ законамъ ихъ пороть было нельзя. Почему? Потому что они добровольцы, многіе не состояли даже въ ополченіи и, слѣдовательно, не могли быть даже подвергнуты дисциплинарному взысканію. Будь они призваны, какъ ополченцы, но этого не было сдѣлано. И все-таки ихъ пороли, поступая по „артурскому закону".

XII.

Въ 1 часъ ночи на 12-е февраля Артуръ былъ внезапно разбуженъ выстрѣлами. Гремѣли всѣмъ бортомъ и 12-дюймовыми „Ретвизанъ" и батарея на „Плоскомъ мысѣ". Я побѣжалъ на Перепелиную гору, откуда открывалась картина ночного боя. До четырехъ часовъ утра гремѣла, постепенно смолкая, орудійная стрѣльба. Рядомъ съ „Ретвизаномъ" занялся огромный пожаръ. Оказалось, что нѣсколько японскихъ миноносцевъ атаковали „Ретвизанъ", прикрывая шедшій за ними въ проходъ брандеръ. Мѣткій, убійственный огонь „Ретвизана" потопилъ миноносецъ, а изрѣшетенный и зажженный имъ брандеръ вылетѣлъ почти рядомъ съ нимъ на камни Тигроваго хвоста.

Пылающій, какъ огромный костеръ, брандеръ угрожалъ „Ретвизану" тѣмъ болѣе, что было основаніе предполагать, что на немъ могъ ежеминутно произойти взрывъ. Вызванная по телефону портъ-артурская пожарная команда подъ начальствомъ брандмейстера Вейканена приступила къ геройской работѣ—тушенію все усиливающагося пожара. Благодаря геройской, самоотверженной работѣ, мужеству и храбрости брандмейстера Вейканена пожаръ былъ локализованъ, и ожидаемаго взрыва не послѣдовало. Вообще я долженъ свидѣтельствовать, что портъ-артурскій брандмейстеръ—инструкторъ В. И. Вейканенъ, за все время осады заставлялъ всѣхъ удивляться своей энергичной, плодотворной, геройски-самоотверженной работѣ въ огнѣ и подъ градомъ снарядовъ.

12-го февраля утромъ на горизонтѣ показалась эскадра.

Находившіеся на внѣшнемъ рейдѣ „Баянъ", „Новикъ", „Аскольдъ" немедленно двинулись на встрѣчу и вступили въ бой.

Я смотрѣлъ на рѣдкостную картину морского боя съ высоты Перепелиной горы. Бой быстро разгорался, но наши должны были отступить подъ защиту берегового фронта передъ вчетверо сильнѣйшимъ противникомъ.

Контръ-Адмиралъ Матусевичъ.

Береговой фронтъ — за дальностью разстоянія — молчалъ. Тамъ не все еще было въ порядкѣ.

Подъ конецъ боя изъ Голубиной бухты показались два нашихъ миноносца, возвращавшіеся съ ночной рекогносцировки. Лишь только ихъ замѣтили на непріятельской эскадрѣ, немедленно отъ нея отдѣлились четыре крейсера и пошли на нихъ рѣжущимъ курсомъ, открывъ изъ всѣхъ судовыхъ батарей огонь.

Одинъ изъ миноносцевъ успѣлъ проскочить сквозь дождь снарядовъ въ Артуръ. Другой не успѣлъ и повернулъ обратно. Японцы погнались и, загнавъ его за Ляотешань, который не былъ ни укрѣпленъ, ни вооруженъ, начали спокойно, безбоязненно, на глазахъ у всей крѣпости, разстрѣливать нашъ миноносецъ.

Миноносецъ выбросился на берегъ.

Будь Ляотешань укрѣпленъ, крейсеры не могли бы подойти такъ близко, и миноносецъ, обогнувъ мысъ Ляотешань, былъ бы въ безопасности.

Просто глазамъ не вѣрилось, что противникъ могъ безнаказанно, въ виду всей крѣпости, разстрѣливать нашъ миноносецъ и безъ выстрѣла съ нашей стороны скрыться за горизонтомъ. Во время боя нашихъ крейсеровъ два непріятельскихъ снаряда упали въ предѣлахъ Ново-Китайскаго города.

Пострадалъ китаецъ: ему вырвало животъ.

Вообще нужно замѣтить, что въ первые мѣсяцы войны больше всего было жертвъ среди китайцевъ.

Объясняется это, конечно, тѣмъ, что наибольшую часть гражданскаго населенія Артура составляли китайцы.

XIII.

На слѣдующій день, 13-го февраля, генералъ Стессель, приказомъ своимъ за № 119, бросилъ гарнизону, гражданскимъ властямъ и жителямъ жестокое обвиненіе.

— „Замѣчается такое явленіе, какъ только начинается бомбардировка, многія учрежденія закрываютъ присутствія, и служащіе расходятся, куда—неизвѣстно; на батареяхъ въ это время я ихъ не видѣлъ, слѣдовательно, уходятъ въ мѣста, болѣе безопасныя. Чувство самосохраненія присуще каждому человѣку, но злоупотреблять имъ во вредъ интересамъ другихъ не слѣдуетъ.

Предписываю впредь *отнюдь* не смѣть закрывать ранѣе узаконеннаго времени, такъ какъ, при повтореніи подобнаго, я на виновныхъ въ нарушеніи сего приказа буду налагать взысканія, съ объявленіемъ въ приказѣ по крѣпости“.

Имѣлъ-ли право комендантъ крѣпости говорить такимъ образомъ съ гарнизономъ и гражданами Портъ-Артура? Нѣтъ, безусловно нѣтъ! Съ самаго начала осады я былъ свидѣтелемъ того удивительнаго самоотверженія, которое проявлялось всѣми — въ самыя страшныя минуты, переживаемыя крѣпостью. До самаго послѣдняго дня, — дня позорнѣйшей капитуляціи, всѣ гражданскія

и военно-судебныя учрежденія функціонировали. Мы считали себя незаслуженно оскорбленными и этого оскорбленія не могли простить генералу Стесселю. Въ то время, какъ люди умирали или калѣчились на всю жизнь при исполненіи своего долга, генералъ Стессель самъ постоянно уѣзжалъ изъ сферы

Генералъ-Лейтенантъ К. Н. Смирновъ.

огня то на фортъ 1-й, то на 6-й, гдѣ было совершенно безопасно.

Генералъ Стессель нещадно поролъ портовыхъ рабочихъ,— а сколько ихъ полегло костьми при починкѣ судовъ!!

Генералъ Стессель издѣвался надъ чиновниками, въ особенности морскими. А старшему дѣлопроизводителю штаба намѣ-

стника де-Лакуру оторвало обѣ ноги въ его рабочемъ кабинетѣ, въ зданіи штаба.

Генералъ Стессель поносилъ и глумился надъ редакціей „Новаго Края“, работавшей непрерывно въ сферѣ по всѣмъ направленіямъ рвавшихся снарядовъ, такъ какъ зданіе ея находилось на створѣ огня всѣхъ осадныхъ батарей, громившихъ портъ и эскадру, стоявшую на внутреннемъ рейдѣ.

Въ глаза и за глаза онъ называлъ трусами чиновъ военно-судебнаго вѣдомства, почти ежедневно засѣдавшихъ въ зданіи гарнизоннаго собранія, вокругъ котораго непрерывно рвались снаряды.

Нѣтъ! генералъ Стесселъ былъ неправъ, объявляя свой приказъ о мнимой трусости защитниковъ Портъ-Артура.

Всѣ мы привыкли къ мысли, что мы живемъ въ осажденной крѣпости, всѣ считали, что вопросъ о томъ, осаждена наша крѣпость или нѣтъ, рѣшился самъ собой съ момента внезапнаго нападенія на нашъ флотъ японскихъ миноносцевъ и дальнѣйшими разыгравшимися на морѣ событіями. Каждый, оставаясь въ крѣпости, зналъ, на что онъ идетъ.

Каждый, даже прослужившій всю свою жизнь въ канцеляріи, понималъ безъ поясненій, что мы живемъ въ осажденной крѣпости.

На дѣлѣ же оказалось, что это не такъ просто. Для того, чтобы мы знали, что крѣпость осаждена, долженъ былъ состояться приказъ Стесселя. О своихъ правахъ онъ много говорилъ. Но о долгѣ, который на немъ лежитъ — совершенно забылъ. Съ своей точки зрѣнія онъ былъ правъ.

Вся исторія Россіи намъ подтверждаетъ, что правящій классъ строго охраняетъ свои права, а о долгѣ, которымъ собственно и пріобрѣтаются права — никто не думалъ, — считая это блажью „идейныхъ“ людей.

14-го февраля мы читали слѣдующее за № 125.

„Согласно телеграммѣ Намѣстника Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ отъ 13-го февраля, за № 355, ввѣренная мнѣ крѣпость Портъ-Артуръ объявляется въ осадномъ положеніи, съ примѣненіемъ по всей строгости предоставленныхъ мнѣ, какъ коменданту крѣпости, правъ и обязанностей, въ особенности по отношенію къ гражданскому и туземную населенію“.

Прочли этотъ приказъ и призадумались, что же ожидаетъ насъ, гражданское населеніе? Какія могутъ примѣнятся къ намъ строгости послѣ приказа подполковнику Петруша арестовывать

всѣхъ, „кого признаетъ необходимымъ“? Впослѣдствіе мы убѣдились, что и надъ строгостями есть строгости.

Началась форменная травля всѣхъ, кто тѣмъ или инымъ путемъ не заслужилъ расположенія генерала Стесселя.

XIV.

15-го февраля на страницахъ „Новаго Края“ появился облетѣвшій весь міръ, знаменитый приказъ, гдѣ, между прочимъ, говорилось:

— „. . . Войска твердо знаютъ, а населенію объявляю, что отступленія ни куда не будетъ, потому, во-первыхъ, что крѣпость должна драться до послѣдняго, и я, какъ комендантъ, никогда не отдамъ приказа объ отступленіи, а во-вторыхъ, что отступать рѣшительно некуда. Обращаю на это вниманіе болѣе робкихъ, призываю всѣхъ къ тому, чтобы прониклись твердымъ убѣжденіемъ въ необходимости каждому драться до смерти. Человѣкъ, который рѣшился на это, страшенъ, и онъ дорого продастъ свою жизнь . . .“

Дѣйствительно, генералъ Стесселъ, какъ и. д. коменданта крѣпости, не отдалъ приказа объ отступленіи, потому что отступать было некуда. Но, какъ начальникъ квантунскаго укрѣпленнаго раіона, который онъ очистилъ въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ, сдалъ крѣпость, вопреки протесту настоящаго коменданта, генералъ-лейтенанта Смирнова, и всего совѣта обороны.

Приведенный приказъ, переданный услужливымъ телеграфомъ во всѣ концы свѣта, сдѣлалъ имя генерала Стесселя популярнымъ.

Изъ приведенныхъ приказовъ читатель видитъ, что литература эта была обширная и поучительная. Но насъ всѣхъ удивило, что въ этой литературѣ отводится очень мало мѣста фактической оборонѣ крѣпости. Форты, батареи и укрѣпленія были въ зачаточномъ состояніи, и работы на нихъ производились крайне вяло. На Киньчжоуской позиціи работъ почти не производилось.

Всѣ были подъ гнетомъ полной неурядицы, творившейся въ крѣпости. Населеніе съ болью смотрѣло на будущее, тѣмъ болѣе, что въ самомъ городѣ уже начали разбойничать китайцы.

15-го февраля генералъ Стессель въ приказѣ за № 128 объявилъ, что 13 февраля, въ $10^1/_2$ час. вечера, шесть китайцевъ напали на фанзу китайца Вантой-дея и учинили разбой.

Черезъ нѣсколько дней китайцы напали на другой домъ, гдѣ произошло настоящее сраженіе. Свѣдѣнія объ этомъ грандіознѣйшемъ скандалѣ имѣются въ дѣлахъ военнаго прокурора, полковника Тыртова.

Генералъ же Стессель увлекся и продолжалъ писать приказы въ юмористическомъ тонѣ, совершенно забывая, что Артуру было не до смѣха. Привожу приказъ, скопированный отъ 16-го февраля за № 132.

— „Встрѣтилъ верхового, въ кавалерійской фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, кокарда на околышѣ, погоны синіе, съ № 27, на погонахъ двѣ золотыхъ нашивки, какъ у младшаго унтеръ-офицера, и золотая долевая нашивка; толстякъ, совершенно московскій купецъ; спрашиваю, кто? — Отвѣтилъ, что развѣдчикъ лейбъ-гвардіи гродненскаго гусарскаго полка, а теперь въ охотничьей командѣ 26-го полка. Гораздо надежнѣе охотничьи команды пополнять запасными.

Далѣе встрѣтилъ конюховъ 28-го полка; было 5 человѣкъ, изъ нихъ два еврея; не годится обозныхъ, которымъ ввѣряется имущество, а главное лошадь, комплектовать евреями“.

Прочитавъ этотъ приказъ, я встрѣтилъ покойнаго генерала Кондратенко.

— Скажите, ваше превосходительство, почему генералъ Стессель пишетъ подобные приказы, неужели нѣтъ чего-нибудь болѣе серьезнаго? Вѣдь всѣ страшно возмущаются. Это не приказъ коменданта осажденной крѣпости, а какая-то балаганщина.

— Вотъ, вы возмущаетесь со стороны. А я, непосредственно подчиненный; мнѣ нужно работать. Но, кажется, всему скоро будетъ конецъ. Ѣдетъ новый комендантъ, вы вѣрно слышали?

Покойный Романъ Исидоровичъ посмотрѣлъ на меня, слегка прищурившись, и ждалъ отвѣта.

— Я, ваше превосходительство (впослѣдствіи онъ мнѣ замѣтилъ, что, его зовутъ Романъ Исидоровичъ) слышалъ, что ѣдетъ новый комендантъ. Но пока онъ пріѣдетъ, — сколько всѣмъ генералъ Стессель крови испортитъ и дѣлу напортитъ?

— „Будемъ терпѣливы, господинъ военный корреспондентъ — сказалъ покойный герой, пожавъ мнѣ руку.

Да, долго и много пришлось терпѣть.

Но терпѣніе это не дало благихъ результатовъ.

Терпѣніе, Боже мой, какое томительное терпѣніе, съ ежедневнымъ свистомъ снарядовъ, громомъ выстрѣловъ и взрывовъ,

мученичествомъ тысячъ людей, отъ котораго сердце разрывалось на части — и чѣмъ это кончилось?

Позоромъ—безславной, безусловной капитуляцій началомъ кровавой распри несчастнаго народа съ правительствомъ.

XV.

Не знаю, дошли-ли до генерала Стесселя отголоски глухого, но общаго недовольства, или онъ самъ догадался, что пора дѣломъ заняться, только 23-го февраля за № 162, мы прочли слѣдующій приказъ:

„Объѣхавъ сего числа внутреннюю крѣпостную ограду, я нахожу, что она все-таки требуетъ еще много работы, такъ какъ пройти во многихъ мѣстахъ можно. Для точнаго выясненія, какія недодѣлки, гдѣ и сколько, предлагаю начальнику 7-й восточно-сибирской стрѣлковой бригады генералъ-маіору Кондратенко, совмѣстно съ начальникомъ своего штаба, начальникомъ крѣпостного инженернаго управленія, инженерами всѣхъ тѣхъ участковъ, на которыхъ ими производятся работы и командиромъ 26-го полка, объѣхать всю ограду и на кроки показать, гдѣ недодѣлки".

Это былъ первый его приказъ, относящійся къ работамъ въ крѣпости, которая по всѣмъ даннымъ могла быть изолирована.

Относительно достоинствъ этой внутренней крѣпостной ограды я уже говорилъ. Скажу теперь еще, что возведеніе ея стоило свыше 200,000 рублей, а пользы за все время осады не принесла ровно никакой. Инженеры возились съ этой оградой, а на линіи дѣйствительной, сухопутной обороны работы производились вяло.

Большинство въ Артурѣ объ этомъ не знало, но тотъ, кто зналъ, въ особенности генералъ Кондратенко и всѣ высшіе честные начальники, свободно вздохнули, когда узнали, что скоро прибудетъ новый комендантъ, генералъ Смирновъ.

XVI.

Съ 12-го по 26-го февраля непріятель не подходилъ къ крѣпости и не проявлялъ въ отношеніи ея никакихъ активныхъ дѣйствій.

Жизнь въ Артурѣ почти ничѣмъ не напоминала о войнѣ.

Около 20-го февраля генералъ Стессель получилъ отъ извѣстнаго генерала Богдановича телеграмму, въ которой тотъ поз-

дравлялъ коменданта съ побѣдами и желалъ, чтобы Артуръ далъ новыхъ Нахимовыхъ, Корниловыхъ и Истоминовыхъ.

Телеграмма эта стала общимъ достояніемъ. Говорили и гадали, кто въ Артурѣ будутъ героями осады. Генерала Смирнова и Кондратенко никто еще не зналъ. Очевидно, пожеланія Богдановича относились къ гремѣвшему уже имени генерала Стесселя и его перваго и усерднаго помощника, генерала Фока. Оба были извѣстны еще по китайской кампаніи.

Поручикъ 25-го полка князь Карселадзе, прекрасно освѣдомленный обо всемъ, что творилось и творится въ крѣпости, послалъ генералу Богдановичу отвѣтную телеграмму приблизительно слѣдующаго содержанія:

„Ваше превосходительство. У насъ нѣтъ Нахимовыхъ, а однѣ лишь жалкія бездарности“ и т. д.

Результатомъ этой телеграммы былъ отданный генераломъ Стесселемъ 23 февраля за № 162, приказъ:

„Командиромъ 25-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка было разрѣшено выдавать гг. офицерамъ изъ штаба полка чистые бланки для телеграммъ, съ приложеніемъ къ этимъ бланкамъ полковой казенной печати, при чемъ телеграммы, написанныя на этихъ бланкахъ, не представлялись въ полкъ для прочтенія. Результатомъ такого преступнаго разрѣшенія была посылка, прикомандированнымъ къ 25 полку, поручикомъ Карселадзе, нѣсколькихъ телеграммъ, недозволительнаго содержанія, которыя благодаря только догадливости телеграфиста не были отправлены по назначенію“.

Приказомъ за № 198 поручикъ Карселадзе былъ преданъ временному военному суду въ Портъ-Артурѣ.

Военный судъ, разобравъ это дѣло, приговорилъ поручика Карселадзе къ нѣсколькимъ суткамъ ареста.

Полковникъ Селлиненъ, и. д. командира 25 полка, былъ собственною властью Стесселя отрѣшенъ отъ командованія полкомъ за то, что далъ поручику Карселадзе на запросъ суда блестящую аттестацію.

Полковникъ Селлиненъ немедленно выбылъ въ Россію.

Смѣю полагать, что приведенный, характерный для личности генерала Стесселя случай не требуетъ комментарій. Съ своей же стороны позволю сказать, что у коменданта крѣпости была такая уйма неотложной работы въ совершенно неготовой къ оборонѣ крѣпости, что ему, если бы онъ былъ дѣйствительно на высотѣ своего призванія, не слѣдовало заниматься мелкими личными счетами, а всецѣло отдаться продуктивной работѣ.

XVII.

Въ серединѣ февраля, утромъ, въ редакцію „Новаго Края“ явился адъютантъ Стесселя и просилъ передать, что генералъ хочетъ меня видѣть.

Вице-Адмиралъ Макаровъ.

На слѣдующее утро, въ 7 часовъ, я первый разъ былъ подъ кровомъ коменданта крѣпости. Генералъ встрѣтилъ меня очень любезно, но далъ понять, не скажу—грубо, но довольно рѣзко, что онъ генералъ Стессель, а я только Ножинъ.

На мой довольно нескромный вопросъ, на-сколько подготовлена крѣпость къ оборонѣ, а въ частности, ея сухопутный фронтъ, кстати сказать, растянувшійся на 20 верстъ, генералъ мнѣ отвѣтилъ (передаю дословно):

— Я долженъ вамъ сказать, что я боевой стрѣлковый генералъ и въ крѣпости и ея оборудованіи ровно ничего не понимаю. Я здѣсь только временно. Вы знаете, я назначенъ командиромъ 3-го сибирскаго армейскаго корпуса, который уйдетъ на Ялу. Я жду только прибытія новаго коменданта. Онъ уже начнетъ здѣсь распоряжаться и строить вамъ всякую штуку.

— А въ чьемъ вѣдѣніи будетъ Киньчжоу? спросилъ я.

— Все его, все его. Новый вашъ комендантъ ученый человѣкъ. Портъ-Артурская газетка пишетъ, что онъ чуть ли не 10 академій окончилъ. Ну, ему и книги въ руки.

— Мое дѣло воевать, а не крѣпости строить. Да и на кой чортъ деньги на нее тратить! Гдѣ японцу, этому желторожему чорту, до Артура добраться.

Я на это осмѣлился возразить его превосходительству, что японецъ выносливъ, и армія противника получила прекрасную боевую подготовку, о чемъ свидѣтельствуетъ „Новый Край“ и бывшіе въ китайской кампаніи офицеры.

На это я получилъ слѣдующую отповѣдь:

— „Новый Край“ все вретъ о японцахъ и вмѣстѣ съ пьяницами распространяетъ всякія небылицы, мутитъ мнѣ только гарнизонъ. Если бы я здѣсь остался комендантомъ, я непремѣнно закрылъ бы эту вредную газетку. Всѣ газеты врутъ, а эта особенно много. Вы не вѣрьте ей. Вы въ ней начали писать, б е р е г и т е с ь, — возвысивъ голосъ, сказалъ генералъ.

— Ваше превосходительство...

— Хорошо. А вы вотъ что скажите! Почему вы до сихъ поръ не явились? Приглашать мнѣ васъ нужно? Безъ приглашенія ко мнѣ дороги не знаете? Все пишете. Телеграммы посылаете. Сплетнями занимаетесь. Врать сюда пріѣхали. Да знаете-ли вы, господа статскіе, что по законамъ военнаго времени и предоставленной мнѣ власти я могу не только не медля выслать изъ крѣпости, но даже не медля повѣсить?

Признаюсь,—опѣшилъ. А ну, какъ кликнетъ казаковъ, да повѣситъ не повѣситъ, а для науки прикажетъ легонько постегать. Собравшись съ духомъ, извинившись за проволочку, я самымъ покорнымъ тономъ осмѣлился доложить разволновавшемуся генералу, что я являлся Намѣстнику и долго бесѣдовалъ съ начальникомъ его штаба, генераломъ Флугомъ.

— Ну, хорошо, хорошо. А коменданта все-таки не слѣдуетъ забывать, — уже смягчившись, говорилъ комендантъ. — Въ осажденной крѣпости онъ царь и Богъ!

Простившись съ генераломъ, я ушелъ съ тяжелымъ чувствомъ. Одно меня утѣшало: это то, что онъ не будетъ далѣе комендантомъ нашей крѣпости, которой по всѣмъ даннымъ суждено сыграть выдающуюся роль въ наступившей кампаніи.

XVIII.

Пока въ самой крѣпости шло спѣшное сооруженіе совершенно ни къ чему непригодной центральной ограды, прибывшій 29 января въ Портъ-Артуръ контръ-адмиралъ Лощинскій организовывалъ минную оборону Ляодунскаго полуострова.

Все вниманіе адмирала было обращено на возможно сильное минированіе города Дальняго, гдѣ возможно была высадка десанта непріятельскаго флота.

Затѣмъ имъ было проектировано широкое примѣненіе минныхъ заграждeній для обороны Артура и всѣхъ мѣстъ, удобныхъ для высадки десанта.

Но къ несчастію, вновь назначенный командующій флотомъ вначалѣ очень скептически относился къ миннымъ заграждeніямъ, на основаніи печальныхъ случаевъ съ „Енисеемъ“ и „Бояриномъ“, и въ предположеніи, что онъ черезъ три мѣсяца въ состояніи будетъ овладѣть моремъ.

24 февраля прибылъ въ Артуръ вновь назначенный командиръ тихо-океанскаго флота вице-адмиралъ Макаровъ.

Съ прибытіемъ адмирала въ жизни эскадры началась оживленная дѣятельность.

Насколько эта дѣятельность была продуктивна, судить не берусь, ее оцѣнитъ критическая военно-морская литература. Съ своей стороны позволю сказать только одно, что съ прибытіемъ адмирала на эскадрѣ началось оживленіе, смѣнившее ея прежнюю бездѣятельность.

Въ порту кипѣла работа: „Паллада“ чинилась въ единственномъ, еще китайской постройки, сухомъ докѣ. „Цесаревичъ“ стоялъ въ восточномъ бассейнѣ, гдѣ въ подведенномъ кессонѣ шла задѣлка пробоинъ.

Въ рукахъ инженеровъ, такихъ выдающихся по своимъ дарованіямъ и энергіи, какъ инженеръ-механикъ Свирскій и Шиловъ, работы по задѣлкѣ пробоинъ быстро подвигались впередъ.

Подполковникъ Меллеръ работалъ по разыскиванію и исправленію старыхъ и установкѣ новыхъ орудій.

Въ день прибытія Макарова послѣ долгихъ усилій удалось, наконецъ, снять „Ретвизанъ“ съ отмели Тигроваго Хвоста и отвести въ западный бассейнъ.

Совпаденіе снятія „Ретвизана“ съ днемъ прибытія Макарова произвело сильное впечатлѣніе.

Огромный, мощный броненосецъ, при звукахъ оркестровъ на всѣхъ судахъ эскадры, громовомъ „ура“ экипажей, величественно сталъ во внутренней гавани, съ подведеннымъ къ пробоинѣ временнымъ кессономъ.

Въ первый же день своего пріѣзда адмиралъ Макаровъ отдалъ визитъ генералъ-лейтенанту Стесселю, — результатомъ котораго было высказанное адмираломъ мнѣніе, что крайне необходимо скорѣйшее прибытіе вновь назначеннаго коменданта крѣпости генералъ-лейтенанта Смирнова.

Вмѣстѣ съ адмираломъ Макаровымъ прибылъ въ крѣпость завѣдующій воздухоплавательнымъ паркомъ лейтенантъ Лавровъ. Въ крѣпости ни парка, ни матеріаловъ для оборудованія воздухоплавательной развѣдочной службы не было.

Шаръ и всѣ матеріалы, шедшіе на пароходѣ „Манджурія“, въ самомъ началѣ войны попали въ руки японцевъ вмѣстѣ съ огромнымъ запасомъ предназначенныхъ для Артура снарядовъ.

Впослѣдствіи мы усердно наблюдали, какъ этотъ шаръ поднимался изъ-за Волчьихъ горъ; долго и, конечно, не ради любопытства осаждающихъ, высоко парилъ онъ надъ этими высотами, а осадная артиллерія бомбардировала насъ снарядами, взятыми на „Монголіи“. Мы узнавали объ этомъ по клеймамъ заводовъ. Досадно и до боли обидно было это. Но вѣрили завѣтамъ предковъ, терпѣли.

Въ ночь на 26-е февраля вышелъ на развѣдки отрядъ нашихъ миноносцевъ. На разсвѣтѣ миноносцамъ пришлось выдержать серьезный бой съ противникомъ. Около 7 ч. утра на горизонтѣ показался японскій флотъ въ составѣ 13 большихъ судовъ и 12 миноносцевъ.

Два нашихъ миноносца оказались отрѣзанными и вступили съ атаковавшей ихъ эскадрой въ бой.

Бой шелъ 2 часа. „Рѣшительному“ удалось прорваться, а „Стерегущій“, окруженный 12 миноносцами и 5 крейсерами, былъ разстрѣлянъ и пошелъ ко дну.

Въ 8 ч. 18 м. непріятельская эскадра появилась на югѣ отъ Ляотѣшаня.

XIX.

Артурцы, уже пріученные, обстрѣлянные двумя предшествовавшими бомбардировками и громами минныхъ атакъ, слегка лишь встревожились гуломъ отдаленной морской канонады, не

Капитанъ I ранга Виренъ.

подозрѣвая, что имъ придется пережить новые ужасы жесточайшей бомбардировки.

Въ 8 час. 30 мин. отъ непріятельской эскадры отдѣлились 3 броненосца и 2 легкихъ крейсера, стали на разстояніи одной мили отъ Ляотѣшаня, массивъ котораго діаметрально противо-

положенъ всей линіи берегового фронта. Ни одна изъ батарей не могла открыть по нимъ огонь. Весь береговой фронтъ молчалъ. На Ляотѣшанѣ вмѣсто батарей... высился маякъ.

Что же касается до перекидной стрѣльбы, проектируемой съ высшей точки Ляотѣшаня, то таковой производить было нельзя. Орудія берегового фронта не имѣли достаточнаго угла возвышенія, кругового обстрѣла и не были непосредственно связаны съ наблюдательнымъ постомъ. Телефоны только теперь проводились.

Самый простой маневръ японской эскадры, ставшей подъ прикрытіемъ Ляотѣшаня, поставилъ крѣпость въ безвыходное положеніе.

Ее сейчасъ начнутъ разстрѣливать, а она должна молчать.

Гарнизонъ и жители не знали, что ихъ ожидаетъ.

Никто не могъ предположить, что крѣпость можно бомбардировать съ ближайшаго разстоянія, а она — будетъ вынуждена молчать.

Но такъ именно было.

Въ 8 ч. 45 м. со стороны Ляотѣшаня понесся непрерывный гулъ, а за нимъ громовые раскаты взрывовъ 12-дюймовыхъ бомбъ, сначала на площади Новаго города.

Я спалъ, когда началась бомбардировка. Меня разбудилъ управляющій конторой и типографіей „Новаго Края“ Андрей Мартыновичъ Пилецкій. Предупредивъ меня, что здѣсь оставаться опасно, такъ какъ домъ редактора П. А. Артемьева, въ которомъ я жилъ, расположенъ на берегу бухты и противъ входа,— Пилецкій поспѣшилъ въ типографію, чтобы ободрить наборщиковъ. Выйдя на улицу, я былъ пораженъ, что весь береговой фронтъ молчитъ, а съ моря несется пока еще неясный, непрерывный гулъ, и въ сторонѣ Новаго города слышатся взрывы. Положительно не могъ понять, что творится.

Это добивали „Стерегущаго“.

Зашелъ въ редакцію „Новаго Края“. На высказанное мнѣ предположеніе, что идетъ бомбардировка, я сталъ наивно доказывать, что разъ крѣпость молчитъ, то это не бомбардировка, а отдаленный морской бой.

— А взрывы слышите? Вотъ! Еще!

Въ это время у станціи желѣзной дороги раздался, какъ громовой ударъ, оглушительный взрывъ. Всѣ притаились. Минуты черезъ двѣ—другой. Вбѣгаетъ ученикъ-наборщикъ и, дуя себѣ въ руки, несетъ совсѣмъ еще горячій осколокъ.

Сомнѣнія не было: крѣпость бомбардируется.

Штабъ крѣпости, ежеминутно получая донесенія о страшныхъ взрывахъ по всей площади Новаго города, ничего не могъ предпринять, чтобы отогнать подошедшія чуть не вплотную непріятельскія суда.

Капитанъ II ранга фонъ-Эссенъ.

Противникъ расположился противъ Ляотѣшаня въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ первой линіи, на разстояніи одной мили, 3 броненосца; во второй, на разстояніи трехъ миль, 3 броненосца, 1 крейсеръ и 4 миноносца, а въ третьей линіи сталъ весь остальной флотъ.

Огонь поддерживали суда, стоявшія въ первой линіи боевой диспозиціи.

Огонь противниковъ былъ размѣренный, выдержанный и точный.

Непріятель систематично посылалъ снарядъ за снарядомъ въ городъ, все время поднимая прицѣлъ.

Очевидно, цѣлью бомбардировки была стоявшая во внутренней гавани наша эскадра и портъ.

Противникъ пристрѣлялся, снаряды непрерывно начали падать въ Западный бассейнъ, Восточный и въ портовыя мастерскія.

Ровно въ 11 часовъ бомбардировка внезапно прекратилась. Наблюдательный постъ донесъ, что броненосцы первой линіи отходятъ и на ихъ мѣсто вступаютъ броненосцы второй линіи. Первая часть экзекуціи крѣпости кончилась.

Наступило тяжелое, зловѣщее затишье.

День былъ сумрачный. Солнце скрылось за густой пеленой облаковъ.

На извозчикахъ и рикшахъ везли окровавленныя жертвы бомбардировки.

Въ 11 ч. 25 м. канонада возобновилась. Снова завыли снаряды. Во второй части бомбардировки всѣ снаряды ложились во внутреннюю гавань. Было нѣсколько попаданій въ суда и портъ.

Несмотря на явную смертельную опасность, работы въ порту ни на минуту не прекращались.

Выпустивъ въ часъ дня послѣднюю бомбу, непріятельскій флотъ, въ виду наступившаго прилива и возможности выхода на внѣшній рейдъ нашей эскадры, сталъ отходить на SO и скоро скрылся за горизонтомъ.

Съ половины девятаго утра до часу пополудни японцы выпустили въ Артуръ 208 двѣнадцатидюймовыхъ бомбъ.

Пройдутъ десятки лѣтъ, а въ памяти участниковъ и свидѣтелей обороны Портъ-Артура будетъ живо жгучее воспоминаніе о пережитыхъ 26 февраля часахъ бомбардировки; будетъ долго жить горькое чувство обиды, что крѣпость разстрѣливалась подошедшимъ къ ней вплотную противникомъ и не могла отвѣчать.

XX.

Я никогда не забуду словъ одного артиллерійскаго полковника, на обращенный къ нему во время бомбардировки вопросъ:

— Правда-ли, что Ляотѣшань не укрѣпленъ?

— Да, онъ не укрѣпленъ. Японцы надъ нами издѣваются. Учатъ насъ, гдѣ нужно пушки ставить. Я прослужилъ безъ малаго 35 лѣтъ, и до какого позора дожилъ! Насъ разстрѣливаютъ, а мы притаились и молчимъ. Посмотрите, что творится въ Западномъ бассейнѣ?

Въ окно ресторана, расположеннаго на берегу, въ нѣсколькихъ отъ него саженяхъ, видны были взрывы бомбъ, вздымавшіе огромные столбы воды. Каждый слѣдующій снарядъ могъ попасть въ набережную.

Полковникъ всталъ и, уходя изъ ресторана, съ гнѣвомъ сказалъ:

— Шесть лѣтъ владѣть крѣпостью и не вооружить Ляотѣшань—это преступленіе.

Жертвами этой бомбардировки была баронесса Франкъ и другіе, смерть которыхъ произвела на всѣхъ тяжелое печатлѣніе.

Лейтенантъ Пелль †.

Во время бомбардировки покойная баронесса Франкъ сидѣла въ угловой комнатѣ, въ квартирѣ присяжнаго повѣреннаго Сидорскаго. Здѣсь-же, противъ супруги, отдыхавшей послѣ только что оконченнаго завтрака, сидѣлъ баронъ Франкъ (полковникъ, военный слѣдователь) съ двумя дочками.

Отъ взрыва снаряда, разорвавшагося въ восьми саженяхъ отъ окна, у котораго сидѣло общество, всѣ упали.

Первымъ поднялся баронъ и инстиктивно бросился къ женѣ. Она лежала ничкомъ на полу, безъ головы. Другой собесѣдникъ, самъ Сидорскій—былъ тоже мертвый. Дѣти съ душу раздирающимъ плачемъ бѣгутъ къ двери, за ними рванулась въ корридоръ m-lle Валевичъ и въ жестокихъ страданіяхъ, какъ подкошенная, падаетъ съ предсмертной, послѣдней мольбой:

— Помогите! Спасите! Я не хочу умирать!! Баронъ, скорѣй, скорѣй,—въ груди жжетъ. Дайте хоть каплю воды.

Все было напрасно. Юное, полное жизненныхъ силъ, прелестное созданіе черезъ два часа превратилось въ тлѣнъ.

Полуторадюймовый осколокъ пробилъ грудь и застрялъ въ животѣ.

А что представляла изъ себя комната, гдѣ произошло убійство трехъ ни въ чемъ неповинныхъ людей!? Стѣны, полъ, потолокъ забрызганы кровью и кусками мозговъ съ прилипшими къ нимъ прядями черныхъ волосъ баронессы. Рамы вынесены. Все завалено мусоромъ и каменьями. Воздухъ пропитанъ удушливымъ газомъ лиддита и запахомъ крови.

Во время бомбардировки, когда, какъ раскаты грома, ежеминутно съ ужасающимъ громомъ лопались повсюду снаряды, посылая отъ себя на 200 сажень вокругъ смерть и разрушеніе, на улицахъ было много любопытныхъ, собиравшихъ еще совсѣмъ горячіе осколки.

Когда одно за другимъ стали получаться извѣстія объ ужасахъ, производимыхъ японскими снарядами, когда канонада приняла зловѣщій характеръ при свѣтѣ пасмурнаго дня, когда въ городѣ стоялъ непрерывный гулъ отъ взрывовъ и воя летѣвшихъ осколковъ, когда то здѣсь, то тамъ встрѣчались носилки, я нѣсколько разъ встрѣчалъ одну даму и нѣсколькихъ братьевъ милосердія, готовыхъ подать первую помощь возможнымъ каждое мгновеніе новымъ жертвамъ бомбардировки.

XXI.

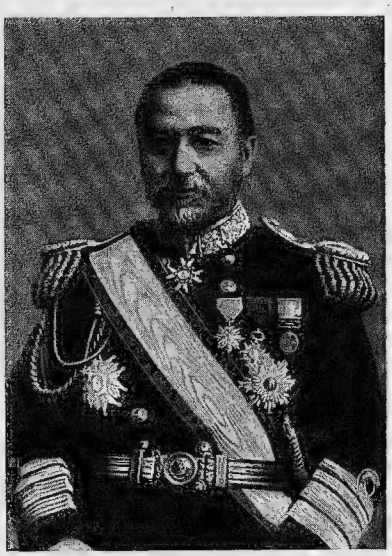
День 26-го февраля былъ днемъ тяжелаго испытанія для артурцевъ. Они воочію убѣдились, въ какомъ положеніи была крѣпость, и въ неприступныя ея твердыни никто уже не вѣрилъ. Многіе спѣшили ее оставить. Всѣ съ тревогой смотрѣли на будущее.

Въ это тревожное, тяжелое время, когда всѣ съ боязнью ожидали новыхъ грозныхъ неожиданностей, когда многіе начали падать духомъ, когда самые оптимистически настроенные люди не ожидали впереди ничего утѣшительнаго, — издававшаяся во все время осады газета „Новый Край“ своимъ бодрящимъ тономъ вселяла въ защитникахъ Артура надежду на лучшее будущее.

Я думаю, что нигдѣ съ такой жадностью не читались печатныя строки, какъ читались онѣ гарнизономъ Артура. Редакціи подъ гнетомъ двухъ предварительныхъ цензуръ трудно было работать. Но несмотря на это, она дѣлала все, что было въ ея силахъ.

Съ 26-го февраля въ работахъ по вооруженію крѣпости былъ застой. Тащили лишь орудія на Ляотѣшань. Только эскадра и портъ проявляли кипучую дѣятельность. Изъ Петербурга начали прибывать рабочіе Балтійскаго завода.

Прибывшіе рабочіе, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ энергичнѣйшаго и способнѣйшаго инженера Кутейникова, приступили къ исправленію судовъ. Работа въ буквальномъ смыслѣ слова закипѣла. Любо было глядѣть, какъ сотни балтійцевъ заработали у пробоинъ „Паллады“, „Цесаревича“ и „Ретвизана“.



Адмиралъ Того.

Среди славныхъ именъ защитниковъ Портъ-Артура имя инженера Кутейникова должно занять одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ, наряду съ именами Свирскаго и Меллера, этихъ незамѣтныхъ тружениковъ порта „Артуръ“, но которымъ мы были обязаны тѣмъ, что эскадра была въ полной боевой готовности уже въ началѣ іюня мѣсяца. Какія пришлось преодолѣть имъ трудности, это знаютъ только тѣ сотни рабочихъ, которые трудились подъ ихъ руководствомъ, тѣ десятки ихъ товарищей, которые съ молоткомъ въ рукахъ умирали у чинимыхъ ими судовъ, растерзанные непріятельскими снарядами.

Въ то время, когда въ порту шла лихорадочная работа, гарнизонъ, изнывая отъ ничегонедѣланія, распускался. Дѣло дошло до того, что солдаты начали грабить на улицѣ.

Примѣръ бражничавшихъ офицеровъ, отъ старшаго до младшаго, дѣйствовалъ растлѣвающе на подчиненныхъ. Средствъ же для разгула не было, они начали грабить.

Генералъ-лейтенантъ Стессель приказомъ отъ 2-го марта, за № 198, объявилъ гарнизону, что стрѣлки 26 полка Х. и У. подлежатъ обвиненію въ томъ, что, встрѣтивъ въ новомъ китайскомъ городѣ Луи Геринга, остановили его, насильно отняли бывшій при немъ портфель, изъ котораго вынули съ цѣлью присвоенія три пяти рублевыхъ бумажки, при чемъ У. держалъ въ это

время винтовку „на руку“, что предусмотрѣно ст. 1630 улож. о наказ. уголовныхъ. (Всѣ приказы привожу дословно съ сохраненіемъ орѳографіи и грамматики).

Сначала грабили китайцы, теперь начали безобразничать нижніе чины гарнизона.

Возмутительный случай скоро сталъ достояніемъ всего города. По вечерамъ опасались выходить на улицу. Разговорамъ о распущенности гарнизона не было конца. Постоянныя безобразія, творившіяся въ мирное время, не прекращались и теперь, когда крѣпость была объявлена въ осадномъ положеніи. Всѣ винили генерала Стесселя въ томъ, что онъ, воюя съ мирными жителями, въ конецъ распустилъ гарнизонъ.

XXII.

4-го марта, въ 12 часовъ ночи, наконецъ, прибылъ въ Артуръ нетерпѣливо ожидаемый новый комендантъ, генералъ-лейтенантъ К. Н. Смирновъ.

Для встрѣчи коменданта собрались всѣ старшіе начальники крѣпости.

Нужно было присутствовать при этой встрѣчѣ, чтобы понять, какое прекрасное впечатлѣніе произвелъ на всѣхъ вновь прибывшій.

На площадкѣ вагона, освѣщеннаго тусклымъ станціоннымъ фонаремъ, показался полный жизненныхъ силъ, съ горящими какъ у юноши глазами, но совершенно уже сѣдой генералъ въ формѣ офицера генеральнаго штаба. Окинувъ всѣхъ присутствовавшихъ проницательнымъ, выражающимъ умъ, энергію и непреклонную волю взглядомъ, генералъ Смирновъ, привѣтливо поздоровавшись, немедленно отбылъ съ начальникомъ своего штаба, подполковникомъ Хвостовымъ, къ себѣ на квартиру.

На слѣдующее утро новаго коменданта привѣтствовали представители гражданскаго населенія, съ гражданскимъ комиссаромъ подполковникомъ А. И. Вершининымъ во главѣ, который сказалъ, слѣдующее:

„... Привѣтствуя васъ, мы встрѣчаемъ въ вашемъ лицѣ въ тяжелую годину не только коменданта крѣпости, но и своего просвѣщеннаго гражданина и изъявляемъ полную готовность представить въ ваше распоряженіе всѣ средства, которыми городъ располагаетъ для борьбы съ врагомъ. Да хранитъ же васъ Богъ и даруетъ вамъ мудрость, силу и крѣпость на славу Царя и Россіи и страхъ дерзкому врагу“.

Съ перваго же дня своего прибытія, вновь назначенный комендантъ г.-л. Смирновъ началъ знакомиться съ крѣпостью и вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ и неутомимымъ помощникомъ, г.-м. Кондратенко, приступилъ къ ея укрѣпленію и вооруженію. Цѣлые дни проводили эти два генерала на линіи сухопутной обороны.

4 марта, въ приказѣ за № 223, генералъ-лейтенантъ Стессель говоритъ:

„Вновь назначенный комендантъ крѣпости, генералъ-лейтенантъ Смирновъ, прибылъ и вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей.

Я на-дняхъ долженъ уѣхать изъ крѣпости, для командованія ввѣреннымъ мнѣ 3 Сибирскимъ армейскимъ корпусомъ.

Мезеневъ, спасшійся съ миноносца „Страшный“.

Начиная съ 1899 г., я былъ свидѣтелемъ роста крѣпости, былъ свидѣтелемъ всѣхъ тяжелыхъ работъ, которыя легли на начальниковъ и солдатъ по устройству и вооруженію; я, какъ первый комендантъ Артура, имѣлъ счастье видѣть и крещеніе ея первымъ огнемъ непріятеля, причемъ славные защитники крѣпости имѣли счастье порадовать Батюшку Царя отбитіемъ всѣхъ трехъ бомбардировокъ. Благодаря необыкновенной энергіи всѣхъ чиновъ, отъ старшаго до младшаго, Артуръ теперь представляетъ твердыню неодолимую для врага. Разставаясь скоро съ вами, славные боевые товарищи, я по долгу службы и отъ глубины моего солдатскаго сердца приношу мою искреннюю благодарность и т. д.“

Приказъ этотъ былъ редакціей „Новаго Края“ признанъ неудобнымъ для печати, такъ какъ въ немъ была явная ложь. По поводу того, что „Артуръ теперь представляетъ твердыню неодолимую“, можно было говорить кому угодно, но только не намъ, пережившимъ всѣ три бомбардировки и въ особенности день 26-го февраля.

О твердыняхъ Артура можно было доносить въ Петербургъ, потому что онъ далеко, но не слѣдовало, ради простой порядочности офицера, ставить себя въ положеніе лгуна передъ лицомъ всего гарнизона, который на своей шкурѣ испыталъ уже „недолимыя твердыни“.

Наконецъ, слѣдовало постѣсняться вновь прибывшаго коменданта, который, объѣзжая фронтъ крѣпости, пришелъ въ ужасъ отъ того, что увидѣлъ.

Слова приказа: „славные защитники крѣпости имѣли счастье порадовать Батюшку Царя отбитіемъ всѣхъ трехъ бомбардировокъ“ говорились послѣ того, когда славные защитники Артура, сидя въ крѣпости и разстрѣливаемые 25-пудовыми стальными глыбами, не могли отвѣтить ни единымъ выстрѣломъ.

Все мало-мальски порядочное въ гарнизонѣ возмутилось этой безстыдной ложью.

Мнѣ, какъ военному корреспонденту, поставленному въ условія драконовски-строгой военной цензуры, нельзя было и думать сообщить въ Россію о томъ, что представляетъ изъ себя Стессель. Примѣръ съ княземъ Карселадзе ясно досказалъ, что ни почта, ни телеграфъ не передадутъ въ Россію истиннаго положенія вещей. —Нужно было безучастно смотрѣть на все происходившее и терпѣливо ждать.

XXIII.

Я былъ свидѣтелемъ, какъ люди клялись, что они доведутъ до свѣдѣнія Царя о томъ страшномъ обманѣ, которымъ Его окружаютъ.

Мыслимо-ли было протелеграфировать что-нибудь въ Петербургъ, предупредить о томъ, что представляла въ началѣ марта крѣпость, когда князь Карселадзе былъ преданъ военному суду за посланную имъ совершенно невинную телеграмму.

Военная цензура сковала все. Читались даже письма лицъ, которыя подозрѣвались въ неблагонадежности.

Въ Артурѣ, въ этой Россіи въ миніатюрѣ, я понялъ, почему мы дожили до Артура.

Единственнымъ, чѣмъ мы себя успокаивали, это — сознаніемъ, что ген.-лейт. Стессель оставляетъ Артуръ. Но злой рокъ, тяготѣющій надъ Россіею, сулилъ иное.

Объѣзжая безконечную линію фортовъ, батарей и укрѣпленій сухопутнаго и частью морского фронта, генералъ Смирновъ пришелъ въ ужасъ отъ того, что ему пришлось увидѣть.

Представленія о незаконченности сухопутной обороны были далеки отъ ужасающей дѣйствительности.

Масса работъ по предполагаемымъ къ сооруженію фортамъ и долговременнымъ укрѣпленіямъ, нанесеннымъ на Высочайше утвержденный полигонъ крѣпости, были или совсѣмъ не начаты, или въ зачаточномъ состояніи.

То же самое было съ кладкой бетона для казематированныхъ помѣщеній. На веркахъ крѣпости работъ почти никакихъ не производилось. Тамъ, гдѣ выросли въ теченіе 5 мѣсяцевъ грозные верки крѣпости, шла цѣпь голыхъ скалъ. Проведены были лишь военныя дороги — многія еще китайской работы. Малое и Большое Орлиныя Гнѣзда, Заредутная, Залитерная, Курганная, Кладбищенская батареи, Обелискова гора, фортъ 5 (угловой на западномъ фронтѣ, противъ Высокой горы) представляли изъ себя голыя скалы безъ признаковъ какихъ бы то ни было работъ. Работы по возведенію форта № 6 были еще не начаты. На большинствѣ возведенныхъ, но не оконченныхъ еще укрѣпленій орудія или совсѣмъ не были поставлены, или настолько нелѣпо установлены, что работы въ основаніи пришлось передѣлывать, а орудія переустанавливать. О возведеніи третьей линіи обороны никто и не думалъ. То же самое было съ Высокой горой, Дивизіонной, Длинной, Плоской, Угловой, Дагушанемъ, Сяогушанемъ и т. д.

Однимъ словомъ, передъ вновь прибывшимъ комендантомъ развернулась картина полной, абсолютной неподготовленности крѣпости къ активной оборонѣ. Неподготовленность эта тревожно увеличивалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что распланировка фортовъ, укрѣпленій, капонировъ, батарей, редутовъ впереди верковъ крѣпости совершенно не отвѣчала условіямъ гористой мѣстности, впереди лежащія высоты которой командовали надъ ними.

XXIV.

Приглядѣвшись къ обстановкѣ, комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Смирновъ рѣшилъ отступить въ нѣкоторыхъ чертахъ отъ утвержденнаго полигона, нашелъ необходимымъ вынести нѣкоторыя укрѣпленія впередъ и укрѣпить вышеупомянутыя горы, прекрасно сознавая, что въ случаѣ овладѣнія японцами киньчжоуской позиціей и тѣсной блокады съ суши, крѣпость не въ состояніи будетъ долго защищаться въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ее засталъ.

Съ прибытіемъ новаго коменданта у людей честныхъ, во главѣ которыхъ былъ покойный Кондратенко, развязались руки. Въ крѣпости закипѣла работа.

Масса китайцевъ день и ночь вели земляныя работы. Однако сразу почувствовался недостатокъ въ вольнонаемныхъ рабочихъ. Китайцы, не соблазняясь довольно высокой поденной

платой, постепенно начали эвакуировать въ Чифу. Отъѣздъ ихъ съ каждымъ днемъ усиливался. Японцы путемъ своихъ агентовъ распространяли среди китайскаго населенія тайныя прокламаціи.

Прокламаціи гласили: „Портъ-Артуръ будетъ скоро отрѣзанъ, затѣмъ взятъ, а всѣ китайцы, которые тѣмъ или инымъ путемъ помогали русскимъ защищаться, будутъ безпощадно истреблены".

Весь трудъ по укрѣпленію и вооруженію создаваемой крѣпости легъ на 7-ю восточно-сибирскую стрѣлковую дивизію генерала Кондратенко и запасные батальоны.

Это была работа титановъ въ образѣ простыхъ, сѣрыхъ русскихъ людей. Оцѣнить эту работу можетъ только лишь тотъ, кто видѣлъ этихъ маленькихъ, худосочныхъ людей, цѣлыми мѣсяцами по крутымъ горамъ Артура таскавшихъ тяжести и рывшихъ ихъ каменистый грунтъ.

День-деньской генералъ Смирновъ проводилъ вмѣстѣ съ Кондратенко на линіи возводимой сухопутной обороны.

Работы быстро подвигались впередъ. Всякая попытка военныхъ инженеровъ допускать злоупотребленія во-время парализовывалась комендантомъ крѣпости генераломъ Смирновымъ и его ближайшимъ помощникомъ, генераломъ Кондратенко.

XXV.

Генералъ Стессель, находясь между небомъ и землей, ежедневно ожидая приказа отправиться къ ввѣренному его командованію корпусу, совершенно стушевался.

Всѣ, кому дорогъ былъ Артуръ, честь, слава и достоинство Россіи, — торжествовали. Всѣ воочію убѣждались, что Артуръ въ рукахъ Смирнова и Кондратенко дѣйствительно превратится въ неприступную твердыню.

Постоянныя и долгія совѣщанія коменданта съ командующимъ флотомъ, въ которыхъ разрабатывался способъ совмѣстныхъ дѣйствій эскадры и гарнизона крѣпости, въ случаѣ появленія противника на территоріи Квантунскаго полуострова, вселяли въ гарнизонѣ бодрость духа и увѣренность въ благополучномъ исходѣ вполнѣ вѣроятной осады крѣпости.

Ляотешань быстро и энергично укрѣплялся. На немъ устанавливали орудія „Канэ".

Проводились новыя телефонныя линіи.

Составъ редакціи и типографіи газеты „Новый Край“ съ редакторомъ-издателемъ полковникомъ П. А. Артемьевымъ во главѣ. Изображенныя здѣсь лица работали въ газетѣ въ теченіи всей осады. Первый и третій рядъ—наборщики и служащіе. Средній: 1) Пузыревъ, корректоръ; 2) Н. Н. Веревкинъ, сотрудникъ; 3) Левитовъ, сотрудникъ; 4) П. А. Артемьевъ; 5) П. П. Лассманъ, секретарь редакціи и 6) Михайловъ, метранпажъ.

Крѣпостная минная рота закончила постановку миннаго загражденія, замыкающагося на ночь.

Организована была перекидная стрѣльба по квадратамъ черезъ Ляотешань, на случай подхода японской эскадры по примѣру 26-го февраля.

Меллеръ производилъ переустановку орудій на батареяхъ берегового фронта, давая имъ круговой обстрѣлъ и большій уголъ возвышенія.

Въ проходѣ стали неусыпнымъ дозоромъ канонерскія лодки „Отважный“ и „Гилякъ“. На внѣшній рейдъ выходили на ночь для несенія сторожевой службы поочередно крейсера.

Рѣшенъ былъ принципіально вопросъ о потопленіи впереди прохода нѣсколькихъ судовъ, съ цѣлью воспрепятствовать японцамъ заградить брандерами входъ въ гавань.

Работы на эскадрѣ, въ порту и крѣпости кипѣли. Чувствовалось, понималось, что здѣсь есть люди, которые руководятъ ходомъ этихъ сложныхъ машинъ.

Увѣренность росла и на душѣ становилось покойнѣе.

XXVI.

Раннимъ утромъ 9-го марта три непріятельскихъ отряда, состоявшіе изъ 6 броненосцевъ, 6 бронированныхъ крейсеровъ, 6 крейсеровъ 2-го и 3-го ранга, стали медленно приближаться съ разныхъ сторонъ къ Артуру.

Въ 7 часовъ утра наша крейсерская эскадра вышла на внѣшній рейдъ, имѣя впереди крейсеръ „Аскольдъ“, подъ флагомъ командующаго флотомъ. За крейсерами тронулись броненосцы.

Непріятель подходилъ къ Ляотешаню.

Съ вершины Перепелиной горы развернулась картина всей крѣпости, моря, нашихъ и вражескихъ судовъ.

Ровно въ $9^1/_2$ часовъ непріятель открылъ огонь изъ 12-дюймовыхъ орудій.

Размѣренно, ударъ за ударомъ, гремѣли громовыми раскатами 12-дюймовыя орудія.

Видишь сначала ярко-желтый, съ красноватымъ отблескомъ огонекъ, легкое облако дыма, затѣмъ ударъ выстрѣла, наконецъ, страшный вой стремительно несущейся бомбы и — взрывъ.

Въ этотъ день противникъ выпустилъ опять 208 снарядовъ. Большинство ихъ падало въ проходъ, западный бассейнъ, Ляотешань и его окрестности.

Но стрѣльба на этотъ разъ была не та: снаряды давали

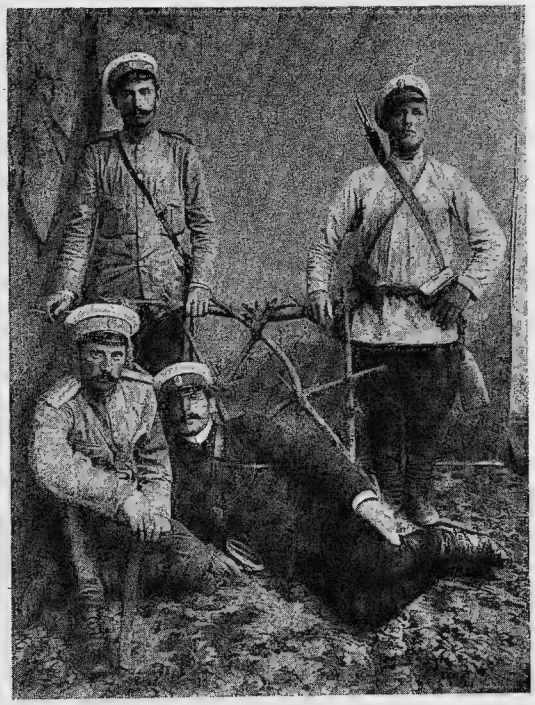
недолеты. На огонь отвѣчали наши батареи берегового фронта и „Ретвизанъ“, стоявшій съ подведеннымъ кессономъ въ западномъ бассейнѣ, вокругъ котораго по всѣмъ направленіямъ ложились снаряды.

Стрѣльба нашихъ батарей и „Ретвизана“ производилась перекидная, по невидимой цѣли.

Всѣ батареи и „Ретвизанъ“ были связаны телефономъ съ наблюдательнымъ пунктомъ, гдѣ производилась корректировка стрѣльбы.

Кромѣ того, вышедшая на внѣшній рейдъ наша эскадра стала тѣснить противника, открывъ по немъ фланговый огонь.

Въ 11 час. съ нашей стороны было нѣсколько попаданій, послѣ чего противникъ сталъ отходить и, несмотря на свое численное превосходство, уклонился отъ дальнѣйшаго боя.



Брандмейстеръ В. И. Вейканенъ. Военн. корреспондентъ Е. К. Ножинъ. Его вѣстовой стрѣлокъ 13 полка Н. Т. Худобинъ.

Прекрасной иллюстраціей отношенія нашихъ офицеровъ и солдатъ къ морскимъ бомбардировкамъ служитъ слѣдующій эпизодъ.

Когда бомбардировка подходила къ концу, со стороны Голубиной бухты послышалась частая ружейная стрѣльба. Когда комендантъ крѣпости приказалъ запросить по телефону, что это значитъ, то оказалось, что одинъ изъ ротныхъ командировъ, поручикъ Мюльбергъ, не обращая никакого вниманія на бомбардировку, производилъ назначенную на этотъ день „учебную стрѣльбу“.

Весь остатокъ дня и вечеромъ въ городѣ замѣтно было особенное оживленіе. Повсюду говорили о Смирновѣ и Макаровѣ. О Стесселѣ всѣ забыли.

XXVII.

Вечеромъ въ одномъ изъ ресторановъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ спора молодежи-офицеровъ.

Нѣсколько молоденькихъ стрѣлковыхъ поручиковъ начали доказывать, что для Артура будетъ большимъ несчастіемъ, если уберутъ на сѣверъ генерала Стесселя, говоря, что Смирновъ больно ученый генералъ и для войны не годится. На войнѣ нужна храбрость, умѣнье владѣть массой и т. д.

Присутствовавшіе молодые артиллеристы, народъ несравненно болѣе развитой и образованный, доказывали, что въ современной войнѣ, при нынѣшней техникѣ ружейнаго и артиллерійскаго огня, а въ особенности въ крѣпостной войнѣ и военныхъ операціяхъ, производимыхъ въ гористой мѣстности, главный начальникъ долженъ быть прежде всего умный, опознающійся во всякой обстановкѣ генералъ и, во вторыхъ, безусловно широко и всесторонне военно-образованный. Что, молъ, храбрость теперь безъ знанія равняется нулю.

Споръ разгорался и, благодаря выпитому вину, принималъ рѣзкій характеръ.

Сидѣлъ тутъ пожилой артиллерійскій подполковникъ, участникъ китайской кампаніи. Слушалъ, слушалъ, да и говоритъ.

— Господа, можно мнѣ васъ помирить?

Всѣ разомъ отвѣтили:

— Пожалуйста, пожалуйста, г-нъ полковникъ.

— Ну, такъ извольте. Что генералъ Стессель крайне ограниченъ, — въ этомъ никто никогда не сомнѣвался. Что онъ не образованъ, — это тоже всѣ знаютъ. Что онъ умѣетъ быть недобросовѣстнымъ, — это доказала исторія съ поручикомъ Х, который въ него стрѣлялъ.

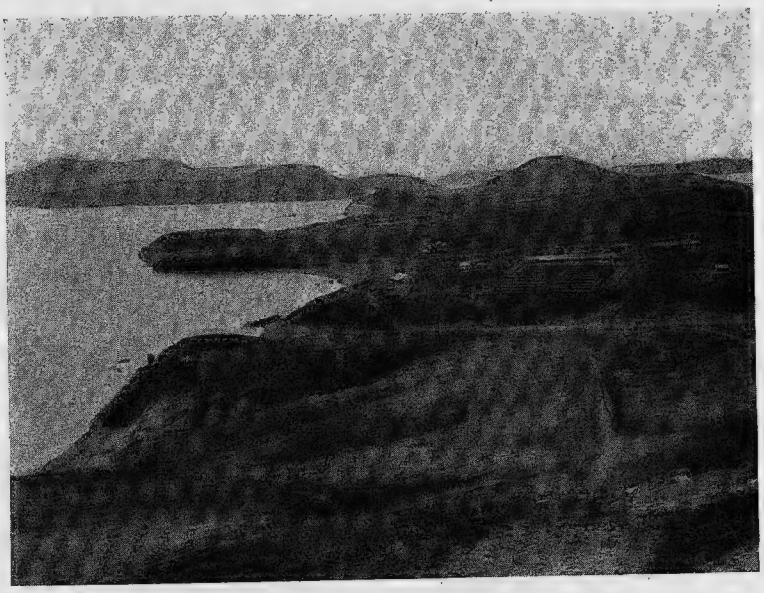
А насколько онъ храбръ, такъ вотъ вамъ неоспоримый фактъ.

Когда мы подъ начальствомъ полковника Анисимова брали въ Тянь-зинѣ арсеналъ, генералъ Стессель отъ мѣста боя былъ по крайней мѣрѣ въ 5 верстахъ.

Въ моментъ взрыва лошадь загорячилась, и генералъ полетѣлъ въ грязь. Вытащили его оттуда проходившіе стрѣлки. Генералъ, взобравшись на коня, поспѣшилъ къ своей ставкѣ мѣнять мундиръ и вернулся въ Тянь-зинъ лишь тогда, когда онъ былъ уже въ нашихъ рукахъ. Брали арсеналъ мы подъ начальствомъ Анисимова, а славу и Георгія получилъ генералъ Стессель.

Нѣтъ, господа! Чѣмъ дальше будетъ онъ отъ Портъ-Артура, тѣмъ лучше будетъ и для насъ и для крѣпости.

Генералъ Смирновъ, ознакомившись съ положеніемъ кинжоуской позиціи, рѣшилъ, что эта позиція имѣетъ огромное стратегическое значеніе, и приказалъ экстренно приступить къ работамъ по ея укрѣпленію, для чего приказомъ отъ 10-го марта за № 228, разрѣшилъ выдать начальнику крѣпостного инженернаго управленія изъ кредита обороны 10.000 рублей.



Восточный береговой фронтъ.

Какъ я уже говорилъ, кинжоуская позиція была въ вѣдѣніи начальника 4-й стрѣлковой дивизіи генералъ-маіора Фока. Что имъ было сдѣлано съ самаго начала войны вплоть до боя 13-го мая, — читатель увидитъ изъ слѣдующихъ главъ.

XXVIII.

Угасалъ день 12-го марта. Наша эскадра, предпринявъ днемъ боевую рекогносцировку, увѣнчавшуюся захватомъ японскаго парохода „Ханъ-іенъ-мару“, стала на внутреннемъ рейдѣ, принявъ всѣ мѣры охраненія.

Послѣ полуночи небо очистилось и мѣсяцъ освѣтилъ спящій Артуръ.

На внутреннемъ рейдѣ, въ прозрачной синевѣ тихой ночи чернѣла громада нашей эскадры и сплошная масса миноносцевъ.

На рейдѣ ни звука. Ужъ мѣсяцъ блѣднѣетъ. Воздухъ пересталъ быть прозрачнымъ. Опять темень. Прожекторы усиленно свѣтятъ.

Вдругъ, въ сторонѣ прохода выстрѣлъ, другой — подхватили батареи берегового фронта. Началась канонада. Это были опять брандеры.

По дорогѣ, мимо Прѣснаго озера, проскакалъ на береговой фронтъ комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Смирновъ.

Брандеры, несмотря на градъ сыпавшихся на нихъ снарядовъ, шли полнымъ ходомъ на бонъ.

Три изъ нихъ совсѣмъ близко были ко входу. Неожиданно положили „право на бортъ“, и всѣ, на полномъ ходу, выскочили на камни подъ Золотой горой.

Четвертый брандеръ взялъ влѣво и, разстрѣлянный мѣткимъ огнемъ береговыхъ батарей и сторожевыхъ судовъ, затонулъ въ сторонѣ отъ фарватера.

Комендантъ крѣпости, генералъ-лейтенантъ Смирновъ, весь ушелъ въ дѣло укрѣпленія и вооруженія ввѣренной ему крѣпости. Ежедневно, послѣ объѣзда оборонительной линіи, къ нему собирались начальникъ крѣпостной дивизіи генералъ-маіоръ Кондратенко, начальникъ крѣпостной артиллеріи генералъ-маіоръ Бѣлый начальникъ крѣпостного инженернаго управленія полковникъ Григоренко и начальникъ штаба крѣпости подполковникъ Хвостовъ. Здѣсь, на основаніи личныхъ наблюденій по производству работъ и знакомства съ характеромъ мѣстности, окружающей Артуръ, рѣшались серьезнѣйшіе вопросы о дальнѣйшихъ работахъ.

Тотъ, кто будетъ интересоваться детальными подробностями дѣятельности генерала Смирнова и его сподвижниковъ, не прочтетъ толстыхъ кипъ приказовъ и дѣлъ.

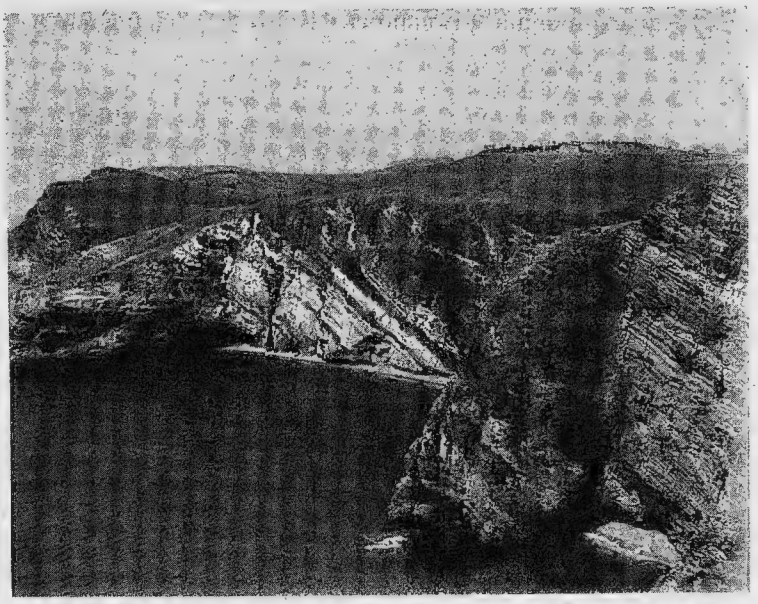
Вся канцелярщина, насколько это было въ интересахъ дѣла, была изгнана. Нужно было торопиться, и времени для писанія приказовъ и безконечныхъ отношеній не было.

На мѣстѣ рѣшались вопросы. Здѣсь же совѣщающіеся получали приказанія отъ коменданта и немедленно проводили ихъ въ дѣло. Работы, въ буквальномъ смыслѣ слова, кипѣли.

Всѣ, отъ генерала до младшаго субалтернъ-офицера, увидѣли, что прошла пора безтолковщины. Всѣ пришли къ убѣжденію, что нужно служить, а не „подслуживаться“. Поняли, что

никакія „забѣганія съ задняго крыльца“ не помогутъ. Поняли это и, какъ ни тяжело было, подтянулись. Подтянулись, но не всѣ. Многіе не могли помириться съ суровымъ режимомъ генерала Смирнова, требовавшаго исполненія возложенныхъ обязанностей, а не подслуживанія.

Они притаились и выжидали. Они надѣялись, что ихъ начальникъ, при которомъ такъ легко было имъ жить, останется. А если уѣдетъ на Ялу, то и они, конечно, съ нимъ.



Одинъ изъ прибрежныхъ уголковъ Восточнаго фронта.

Мы сначала каждый день ожидали отъѣзда генерала Стесселя къ ввѣренному ему корпусу, но затѣмъ изъ цѣлаго ряда его приказовъ по 3 армейскому корпусу поняли, что отъѣздъ этотъ врядъ-ли осуществится. Стали прибывать начальствующія лица для занятія отдѣльныхъ должностей. Прибыли въ Артуръ начальникъ штаба корпуса генералъ-маіоръ Рознатовскій, корпусный врачъ Рябининъ, корпусный интендантъ Павловскій, корпусный хирургъ Гюббенетъ, офицеры генеральнаго штаба Іолшинъ, Степановъ, Головань.

Началъ упорно распространяться слухъ, что генералъ Стессель будетъ оперировать со своимъ корпусомъ въ предѣлахъ Ляодунскаго полуострова, а на Ялу не поѣдетъ.

Въ составъ 3-го армейскаго корпуса вошли слѣдующія ча-

сти: 3, 4 и 5 восточно-сибирскія стрѣлковыя бригады, отдѣльная забайкальская казачья бригада, вновь формируемый 3-й восточно-сибирскій саперный батальонъ и 4-я восточно-сибирская стрѣлковая артилерійская бригада.

Изъ числа всѣхъ этихъ войскъ въ предѣлахъ Ляодунскаго полуострова была расположена только 4-ая восточно-сибирская стрѣлковая бригада генерала Фока и 4-я восточно-сибирская артилерійская стрѣлковая бригада, остальныя же были въ Манчжуріи.

Для насъ, не посвященныхъ въ сокровенныя тайны распоряженій Намѣстника на Дальнемъ Востокѣ, казалось все это непонятнымъ и страннымъ.

Мы боялись думать, что Стессель останется здѣсь, и каждый, кому дорогъ былъ Артуръ, какъ оплотъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ, надѣялись, что минуетъ насъ это испытаніе.

XXIX.

Съ пріѣздомъ въ крѣпость 4-го марта новаго коменданта, генералъ Стессель совершенно стушевался, писалъ лишь приказы по войскамъ 3-го армейскаго корпуса и въ дѣла крѣпости совершенно не вмѣшивался.

Но гроза собиралась, и какъ ударомъ грома поразилъ всѣхъ приказъ ген.-лейт. Стесселя отъ 14-го марта 1904 г., за № 40.

Вотъ онъ:

„Приказъ по 3-му сибирскому армейскому корпусу, по войскамъ крѣпости Портъ-Артуръ и укрѣпленному раіону.

„Сего числа мною получена телеграмма Намѣстника Его Величества слѣдующаго содержанія:

„По Высочайшему повелѣнію, на ваше превосходительство возлагается временное руководство сухопутной обороной Квантунскаго укрѣпленнаго раіона, съ подчиненіемъ вамъ коменданта крѣпости Артуръ“.

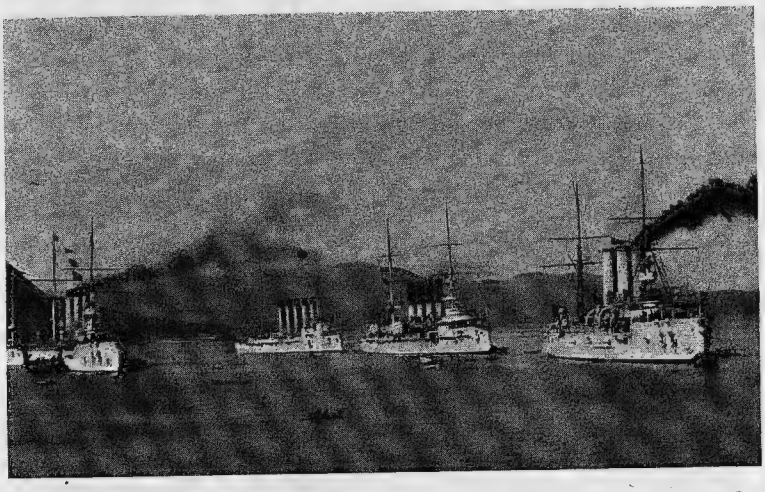
Въ силу Высочайше дарованной мнѣ власти, предоставляю вамъ права командира отдѣльнаго корпуса съ непосредственнымъ подчиненіемъ командующему манчжурской арміей. Коменданту крѣпости предоставляю право командира неотдѣльнаго корпуса. Сообщая объ этомъ, предлагаю при оборонѣ ввѣреннаго вамъ раіона сообразоваться съ распоряженіями командующаго флотомъ“.

Объявляю о семъ для свѣдѣнія.

Начальнику штаба 3-го сибирскаго армейскаго корпуса генералу Рознатовскому, предлагаю исполнять и обязанности начальника штаба всего укрѣпленнаго раіона. Штабу крѣпости и управленію 4-й стрѣлковой бригады, всѣ свѣдѣнія присылать въ штабъ 3-го сибирскаго армейскаго корпуса.

Генералъ-лейтенантъ *Стессель*".

Итакъ, чего боялись — свершилось. Это былъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ, которые намъ пришлось пережить въ Артурѣ.



Наша эскадра до начала кампаніи.

Назначеніе это было началомъ конца Артура.

Японцы и англичане были по дѣятельности ген. Стесселя прекрасно освѣдомлены, какую цѣну для нихъ представляетъ вновь назначенный начальникъ укрѣпленнаго раіона, и поэтому они, въ особенности послѣдніе, начали его рекламировать, не останавливаясь ни передъ какимъ вымысломъ.

Безусловно каждому понятно, что это неожиданное назначеніе тяжелѣй всего отозвалось на плодотворной дѣятельности генерала Смирнова и его ближайшаго помощника Романа Исидоровича Кондратенко.

Покойный военный инженеръ, подполковникъ Рашевскій, прекрасно знавшій Стесселя и успѣвшій оцѣнить генерала Смирнова, такъ выразился по поводу этого приказа:

„Если у Смирнова не хватитъ умѣнія и энергіи обезвреживать генерала Стесселя, то вѣрьте мнѣ, что мы будемъ свидѣтелями величайшихъ, съ военной точки зрѣнія, безобразій".

Его слова до извѣстной степени оказались пророческими.

Я говорю до „извѣстной степени".

Весь періодъ осады генералъ Смирновъ, умѣло и энергично защищая крѣпость, успѣвалъ обезвреживать Стесселя.

Но Стессель перехитрилъ.

Для виду лишь согласившись защищать крѣпость до конца, обманувъ Смирнова,—послалъ парламентера съ переговорами о сдачѣ.

Впослѣдствіи я остановлюсь очень подробно на этомъ позорномъ, возмутительномъ фактѣ нашей военной исторіи.

Теперь же скажу, что всего могъ генералъ Смирновъ ожидать отъ Стесселя, но только не такой низости. Если бы Смирновъ могъ его въ этомъ заподозрить, онъ арестовалъ бы его до посылки парламентера.

XXX.

О назначеніи генерала Стесселя начальникомъ крѣпостного раіона комендантъ узналъ при довольно оригинальной обстановкѣ.

Случилось такъ, что генералъ Смирновъ и начальникъ раіона почти одновременно прибыли на одну изъ батарей.

Генералъ Смирновъ, какъ комендантъ крѣпости, принялъ отъ дежурнаго офицера рапортъ и поздоровался съ людьми.

Когда формальности были окончены, къ коменданту подходитъ генералъ Стессель и, подавая ему бумагу, говоритъ:

— А про эту бумажку вамъ, ваше превосходительство, развѣ ничего неизвѣстно?

Генералъ Смирновъ беретъ — читаетъ. Что происходило въ душѣ генерала, когда онъ прочелъ содержаніе телеграммы, судить трудно. Онъ возвратилъ депешу и, взявъ подъ козырекъ, сказалъ:

— Виноватъ, ваше превосходительство, эта телеграмма для меня неожиданный сюрпризъ. (Передаю это какъ слухъ).

Отношенія между Смирновымъ и Стесселемъ во время всей осады впослѣдствіи, конечно, дадутъ огромный матеріалъ какъ общей, такъ и спеціально-военной критической литературѣ. Я же, какъ очевидецъ всѣхъ разыгравшихся событій, лично знавшій и не разъ бесѣдовавшій со всѣми главными начальниками крѣпо-

сти, въ томъ числѣ и съ генераломъ Стесселемъ,—могу только сказать, что если бы Смирновъ не обладалъ желѣзной силой воли, не являлъ бы собой примѣра офицера, ставившаго преданность долгу выше всего, несмотря на глубоко потрясающія жизненныя положенія, на непрерывную нравственную пытку, которую ему создавалъ „монголизмъ“ Стесселя, — крѣпость пала бы много, много раньше.

Стоило Смирнову отказаться отъ активной дѣятельности коменданта крѣпости, чего такъ добивался начальникъ раіона, постоянно повторяя ему фразу: „Права, принадлежащія младшему, всецѣло принадлежатъ старшему начальнику“,— крѣпость бы пала послѣ августовскихъ штурмовъ. (Я это говорю не голословно а подтвержу фактами, какъ случайный свидѣтель военнаго совѣта 8-го августа).

На это и надѣялись японцы, никакъ не ожидая, что за полгода крѣпость успѣетъ такъ сильно укрѣпиться.

Въ августѣ японцы повели открытые штурмы и понесли самыя значительныя потери.

XXXI.

Считаю умѣстнымъ посвятить читателя, при какихъ обстоятельствахъ состоялось назначеніе генерала Смирнова комендантомъ крѣпости „Портъ-Артуръ“.

Во время начавшейся кампаніи генералъ Смирновъ командовалъ въ Ченстоховѣ стрѣлковой бригадой.

Въ началѣ февраля неожиданно получается запросъ изъ Петербурга о томъ, не желаетъ-ли онъ войти въ число кандидатовъ на должность коменданта крѣпости „Артуръ“. Въ этотъ же день была получена вторая депеша, которой генералъ Смирновъ поставлялся въ извѣстность, что Государь Императоръ назначилъ его комендантомъ осажденной крѣпости, что онъ немедленно долженъ сдать бригаду и безъ заѣзда въ Петербургъ экстренно прослѣдовать въ Портъ-Артуръ. 12-го февраля генералъ выѣхалъ изъ Варшавы, а 4-го марта былъ уже въ Портъ-Артурѣ. По дорогѣ въ крѣпость генералъ Смирновъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, обойдя въ порядкѣ производства 100 генераловъ съ высшимъ образованіемъ и 300 по общей линіи.

Нужно полагать, что такое неожиданно-экстренное назначеніе свидѣтельствуетъ о томъ, что въ критическіе моменты, переживаемые Россіей на Дальнемъ Востокѣ, въ Петербургѣ вѣрили генералу Смирнову и надѣялись на него.

Генералъ Смирновъ окончилъ двѣ академіи: генеральнаго штаба и артиллерійскую.

Съ неожиданнымъ созданіемъ новой должности начальника укрѣпленнаго раіона начали появляться всѣ признаки наступившей впослѣдствіи „вакханаліи“ власти.

Благодаря кому состоялось это назначеніе? Кто велъ эту интригу, стоившую намъ Артура и дальнѣйшихъ горькихъ испытаній, выпавшихъ на долю Россіи и Государя, я не знаю. Судъ исторіи произнесетъ свой безпристрастный приговоръ и тогда эти черные люди понесутъ достойное возмездіе. Артурская сотня интриговала, самымъ безсовѣстнымъ образомъ обманывая Государя, ради своихъ узкихъ интересовъ и потребностей. А Россія —Россія въ позорѣ стонетъ отъ стыда и страданій.

Начальникъ раіона въ приказѣ своемъ отъ 16-го марта 1904 г., за № 49, пишетъ:

„Государь Императоръ повелѣлъ, чтобы комендантъ Портъ-Артура и самостоятельные начальники крупныхъ отрядовъ, независимо установленныхъ донесеній по командѣ безотлагательно представляли Его Императорскому Величеству или военному министру донесенія о происшедшихъ боевыхъ столкновеніяхъ.

Намѣстникъ Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ, генералъ-адъютантъ Алексѣевъ, приказалъ также чтобы о боевыхъ столкновеніяхъ съ противникомъ, начальники авангардовъ армій и т. д., доносили по телеграфу непосредственно его превосходительству. Въ донесеніяхъ, поступающихъ Намѣстнику Его Императорскаго Величества по командѣ — указывать обязательно: „когда именно о томъ же донесено на Высочайшее Имя“.

Съ отданіемъ этого приказа каждому стало ясно, что коменданта крѣпости всѣми силами старались сковать по рукамъ, чтобы онъ и не подумалъ проявлять свою самостоятельность. А ему, какъ вновь прибывшему, во всей красѣ развернулась картина длившейся шесть лѣтъ въ Артурѣ оргіи произвола, беззаконности и самоупоенія властью.

За все время осады генералу Смирнову удалось послать на Высочайшее Имя всего только двѣ или три телеграммы.

Обо всемъ доносилъ начальникъ раіона, освѣщая всѣ событія въ выгодномъ для себя свѣтѣ.

Начальникъ раіона всѣми силами старался на каждомъ шагу подчеркивать, что хотя генералъ Смирновъ и комендантъ крѣпости, но что хозяинъ въ ней — онъ, Стессель. Приказы его

были направлены исключительно къ тому, чтобы подорвать авторитетъ генерала Смирнова, какъ начальника. Все это впослѣдствіи принесло свои горьчайшіе плоды.

Только благодаря этому систематичному, энергичному подчеркиванію во всѣхъ своихъ приказахъ, въ особенности, съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ, среди старшихъ начальниковъ произошелъ расколъ.

Недостойные офицеры стали на сторону Стесселя, достой-

Броненосецъ „Цесаревичъ".

ные этого званія—на сторону Смирнова. Въ крѣпости образовались два враждебныхъ лагеря почти съ самаго начала осады.

Стессель всѣми силами старался привлечь къ себѣ Кондратенко, подкупая его сообщеніями о его дѣятельности въ телеграммахъ на Высочайшее Имя.

Но Романъ Исидоровичъ оставался вѣренъ долгу, а не лицу.

16-го марта исполнилась шестилѣтняя годовщина занятія Россіей Артура.

„Новый Край" въ передовой статьѣ сказалъ:

„...Шесть лѣтъ Россія съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдила, что дѣлается у ней на Крайнемъ Востокѣ. Шесть лѣтъ заботилась о судьбѣ новаго края..."

А я скажу: шесть лѣтъ прошло, какъ надъ высотами угрюмаго Портъ-Артура взвился русскій флагъ.

А что представляла крѣпость?!

Шесть лѣтъ Россія тратила милліоны на укрѣпленіе крѣпости, устройство Дальняго, проведеніе желѣзной дороги за счетъ оскудѣвающаго центра Россіи.

А въ какомъ видѣ застала ее вспыхнувшая война?

Новому коменданту крѣпости генералу Смирнову предстояла задача создать крѣпость въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и уже во время начавшейся кампаніи.

Знаетъ-ли Россія, какую гигантскую работу выполнилъ генералъ Смирновъ съ ввѣреннымъ ему гарнизономъ?

Нѣтъ! Она этого еще не знаетъ. Она узнаетъ только тогда всю правду, когда Государь Россіи предастъ генерала Стесселя суду. Пусть судъ будетъ не скорый, не милостивый, но только правый.

Только послѣ суда Россія узнаетъ, какую трудную задачу выполнилъ Смирновъ, сколько ему приходилось бороться, чтобы неуклонно итти по пути офицера, честно исполняющаго долгъ передъ Государемъ и родиной.

22-го марта за № 55, отдается слѣдующій приказъ:

„Предлагаю, коменданту крѣпости Портъ-Артуръ принять самыя строжайшія мѣры, чтобы казарменныя помѣщенія и древесныя около нихъ насажденія не портились вновь занявшими ихъ частями.“

Приказъ этотъ даже самому неразвитому фельдфебелю ясно говорилъ, что начальникъ раіона его отдалъ безъ всякой видимой надобности, а исключительно для того, чтобы показать свою власть, подорвать авторитетъ коменданта крѣпости. Каждый мало-мальски знакомый съ военной дисциплиной прекрасно понималъ, что не комендантъ осажденной крѣпости долженъ слѣдить за неприкосновенностью „древесныхъ насажденій“.

Какъ я уже сказалъ, съ самаго назначенія генерала Стесселя начальникомъ раіона, всѣ темныя силы гарнизона зашевелились, сгруппировались около своего стараго начальника и составили явную оппозицію генераламъ Смирнову и Кондратенко.

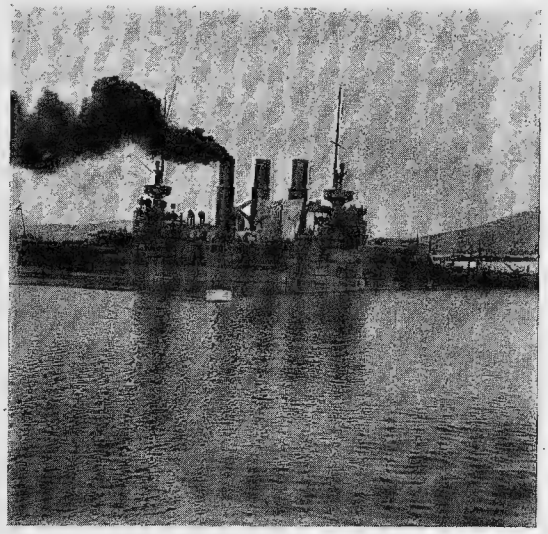
Комендантъ крѣпости, конечно, не обращалъ на это вниманія, работая надъ созданіемъ крѣпости. Но работать было трудно, въ каждомъ пустякѣ ему старались ставить препоны.

25-го марта начальникъ раіона, въ приказѣ своемъ за № 61, пишетъ:

—„19, 20, 21 марта Намѣстникъ изволилъ произвести объѣздъ и осмотръ батарей и фортовъ крѣпости Портъ-Артура и укрѣпленной Киньчжоуской позиціи.

Въ приказѣ Его Превосходительства выражена благодарность начальникамъ за трудъ и работу, которые выполнены въ крѣпости Портъ-Артуръ.

Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ изволилъ выразить благодарность и удовольствіе по поводу обороны Киньчжоуской позиціи. „Я считаю себя счастливымъ, что командую такими отличными войсками, которыя подъ руководствомъ своихъ начальниковъ и инженеровъ дѣлаютъ весело и скоро въ 1½ мѣсяца то, что потребовало бы въ обыкновенное время, вѣроятно, не менѣе ½ года".



Броненосецъ „Ретвизанъ".

Я положительно не знаю, съ какой цѣлью писался этотъ приказъ. Одно могу предположить, что съ единственной цѣлью—цѣлью надувательства. Но кого хотѣли надуть? Самихъ себя—для этого не стоило труда. Гарнизонъ? Его можно было надуть, но это было безцѣльно. Испытавъ на своихъ плечахъ дальнѣйшія тяжести крѣпостныхъ работъ, онъ понялъ, что напрасно Намѣстникъ писалъ: „...считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить мою искреннюю признательность бывшему коменданту крѣпости, а нынѣ начальнику сухопутной обороны укрѣпленнаго раіона генералъ-лейтенанту Стесселю..." за блестящій успѣхъ работъ, (приказъ начальника укрѣпленнаго раіона 23-го марта № 56), которыя ему, гарнизону, пришлось неустанно вести въ теченіе всей осады".

Въ Артурѣ прекрасно знали, что энергичныя работы повелись лишь съ пріѣздомъ новаго коменданта. Съ пріѣздомъ генерала Смирнова въ теченіе 15 дней на огромной линіи обороны Артура и Цзиньжоуской позиціи не могло быть сдѣлано столько, сколько можно было произвести работъ въ теченіе полугода.

Очевидно, этимъ хотѣли кого-то надуть. Возможно, что

этотъ приказъ писался для устрашенія японцевъ, которые черезъ газету могли прочесть о блестящемъ состояніи работъ въ Артурѣ и позиціи. Какъ оптимистически ни были настроены наши полководцы въ отношеніи высадки японцевъ, тѣмъ не менѣе всегда были подъ страхомъ ея.

Намѣстникъ благодарилъ и считалъ своимъ пріятнымъ долгомъ выразить генералу Стесселю свою искреннюю признательность за блестящій успѣхъ работъ; генералъ Стессель печатно признавался, что онъ счастливъ командовать такими славными войсками и т. д.

Читали мы все это, но отлично понимали, что приказъ писался не для насъ и рѣшили, что отданъ онъ для устрашенія японцевъ. Прочтутъ японцы, что у насъ обстоитъ все блестяще, и не высадятся.

Когда генералу Смирнову доложили о томъ, что изъ крѣпости вывозится масса продуктовъ первой необходимости, онъ отдалъ приказъ, какъ комендантъ крѣпости, коимъ вывозъ продуктовъ былъ воспрещенъ. Посыпались отовсюду протесты, жалобы сначала къ самому коменданту. Генералъ Смирновъ, въ отвѣтъ на всѣ жалобы строжайше подтвердилъ, что вывозъ продуктовъ окончательно и безусловно воспрещенъ.

Недовольные обратились съ жалобой на коменданта къ начальнику раіона; въ числѣ ихъ былъ и мой товарищъ по корпусу капитанъ Радецкій, прибывшій изъ сѣверной арміи для закупки провизіи въ должности интендантскаго офицера. Капитанъ Радецкій вывезъ также нѣсколько вагоновъ.

Генералъ Стессель, вопреки строжайшему приказу о невывозѣ, пишетъ Смирнову, что онъ находитъ возможнымъ разрѣшить и разрѣшилъ уже просившимъ вывозъ припасовъ и предлагаетъ ему отмѣнить отданное распоряженіе.

Генералъ Смирновъ немедленно отдалъ приказаніе начальнику жандармовъ строго слѣдить за исполненіемъ его распоряженія, добавивъ, что за малѣйшее ослушаніе онъ будетъ предавать суду и судить по законамъ военнаго времени.

Начальнику раіона онъ очень любезно разъяснилъ что не вправѣ разрѣшать вывозъ припасовъ изъ ввѣренной ему крѣпости, которая можетъ быть подвергнута тѣсной блокадѣ.

Началась невообразимая путаница. Не знали, кого слушать. Крѣпость раздѣлилась на два лагеря.

Все честное, правдивое было на сторонѣ Смирнова; большинство старшихъ и болѣе дальновидныхъ на сторонѣ начальника раіона; на сѣверѣ какъ будто ничего не знали.

Но комендантъ крѣпости, обладая желѣзной волей, имѣя такого преданнаго помощника, какъ генералъ Кондратенко, безъ шума, неуклонно обходилъ всѣ затрудненія, шелъ къ намѣченной цѣли, употреблялъ все свое „я“ на созданіе крѣпости, прекрасно понимая, что рано или поздно она будетъ отрѣзана.

День смѣнялъ день.

Наступила Пасха.

Работы въ крѣпости, несмотря на великій праздникъ, прекратились лишь на одинъ день.

29-го марта работы возобновились. По улицамъ города замѣчалось особенное оживленіе. Матросы тащили на батареи снятыя съ судовъ орудія большого калибра. Я вглядывался въ выраженіе лицъ трудившихся и читалъ въ нихъ полную увѣренность, что люди надѣялись на лучшее будущее.

Ввиду сильнаго недостатка орудій для батарей сухопутнаго фронта комендантъ крѣпости вошелъ въ соглашеніе съ адмираломъ Макаровымъ и получилъ съ судовъ много орудій, главнымъ образомъ „Канэ“ и противуштурмовыя.

Всякая попытка начальника раіона въ серьезномъ вредить общему дѣлу парализовалась.

XXXII.

30-го марта, въ 7 часовъ вечера, отрядъ миноносцевъ въ составѣ 8 судовъ, подъ брейдъ-вымпелами капитановъ 2-го ранга Бубнова и Елисѣева, при тихой погодѣ вышелъ изъ Артура на дальнія развѣдки.

Къ 10 часамъ погода рѣзко измѣнилась. Небо быстро заволакивалось, сгущался туманъ, заморосилъ дождь. Въ такую ночь противникъ могъ открыться въ разстояніи не болѣе полукабельтова.

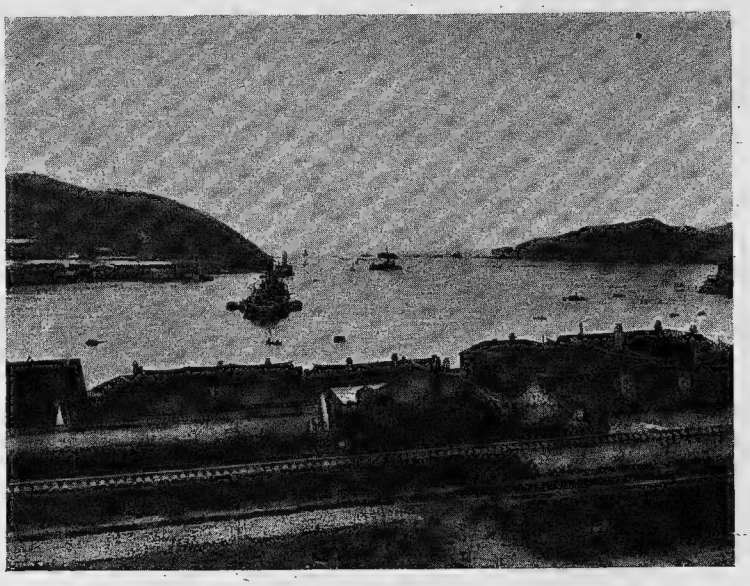
Команда, несмотря на полное отсутствіе практики въ мирное время, теперь, въ боевой обстановкѣ, была совершенно покойна. Безсовѣстно лгутъ тѣ, которые говорятъ, что нашъ народъ не можетъ дать хорошихъ моряковъ.

Я видѣлъ ихъ въ морскомъ бою и удивлялся безстрашію моряковъ, ихъ находчивости, безграничному покою и смѣтливости.

Лишь бы были хорошіе руководители, а остальное будетъ.

Нашъ солдатъ и матросъ герои въ квадратѣ, потому что ихъ выпустили на войну неподготовленными, и совершенно не умѣли ими руководить.

Къ полуночи отрядъ вошелъ въ группу острововъ. Мгла настолько сгустилась, а непрерывно лившій дождь образовалъ столь плотную завѣсу, что миноносцы не различали другъ друга. Кругомъ непроницаемая темень; мертвая тишина глубокой ночи нарушалась лишь ритмитическимъ стукомъ машины. Благодаря тьмѣ, близости острововъ, массѣ на пути лежавшихъ подвод-



Входъ въ гавань.

ныхъ камней, отрядъ шелъ самымъ малымъ ходомъ, оріентируясь въ своемъ пути лишь крикомъ чаекъ, ночевавшихъ на берегахъ встрѣчныхъ острововъ.

Приблизительно около 12-ти часовъ миноносецъ „Страшный“ потерялъ отрядъ и заблудился въ островахъ.

Въ 2 часа въ морѣ замѣтилъ огни. Принявъ ихъ за свой отрядъ, „Страшный“ сталъ ихъ держаться.

Лишь только забрезжилъ разсвѣтъ, командиръ приказалъ поднять „позывные“. Въ тотъ же моментъ съ судовъ, обрисовавшихся въ рѣдѣющемъ туманѣ, въ отвѣтъ на „позывные“ грянулъ залпъ. Туманъ всколыхнулся—и что же? У берега идутъ шесть непріятельскихъ миноносцевъ и два двухъ-трубныхъ крейсера, которые залпами начали осыпать „Страшнаго“.

Открывъ огонь изъ своей слабой артиллеріи, командиръ далъ самый полный ходъ впередъ, взявъ курсъ на Артуръ. Но было уже поздно. Все было на сторонѣ противника: и численность, и сила, и большій ходъ.

Непріятель настигалъ, засыпая снарядами.

Попавшимъ снарядомъ разорванъ командиръ капитанъ 2-го ранга Юрасовскій и перебита вся прислуга у носовой артиллеріи. Снаряды быстро разрушаютъ миноносецъ, заполняя палубу ранеными и убитыми.

Но машина продолжала работать, миноносецъ не потерялъ еще своей жизненной силы,—онъ уходилъ. Въ сердцѣ каждаго еще теплилась надежда на спасеніе. Прислуга поддерживала орудійный огонь.

Лейтенантъ Малѣевъ, принявшій командованіе миноносцемъ, энергично распоряжается, даетъ указанія, весело подбадриваетъ. Онъ всюду: то на кормѣ, то на носу. Въ немъ бьетъ ключемъ жизнь, и жажда жизни, и призрачная надежда на помощь и спасеніе заставляютъ его забыть, не ощущать, что кругомъ и вокругъ смерть, что огонь противника все усиливается, что море кипитъ, какъ въ котлѣ, отъ падающихъ и рвущихся снарядовъ. Мичманъ Акинфіевъ падаетъ пораженный въ бокъ. Команда тонетъ. Вой, трескъ, свистъ снарядовъ. Стоны, крикъ, мольбы и проклятія раненыхъ и умирающихъ.

Лейтенантъ Малѣевъ, улучивъ удобный моментъ, посылаетъ изъ кормового миннаго аппарата мину въ настигающій миноносецъ крейсеръ. Цѣль достигнута.

Крейсеръ накренился и тотчасъ же отсталъ. Къ нему подошелъ другой крейсеръ и два миноносца. Положеніе значительно измѣнилось. Только четыре миноносца громятъ „Страшный“. Окрыленный надеждой и напутствуемый своимъ командиромъ минеръ Черепановъ бросается ко второму аппарату, но лишь только взялся за спускную ручку, какъ мину попавшимъ въ нее снарядомъ разорвало. Результаты ужасны! Инженеръ-механикъ Дмитріевъ разорванъ пополамъ, всѣхъ вблизи стоявшихъ разметало,—машина остановилась. Японцы тоже остановились и на разстояніи 35 саженъ разстрѣливали миноносецъ. Новый снарядъ добиваетъ мичмана Акинфіева, продолжавшаго еще распоряжаться, и даетъ подводную пробоину. Послѣдняя 47 мм. пушка подбита. Миноносецъ гибнетъ. Лейтенантъ Малѣевъ, убѣдившись, что спасенія нѣтъ, что минуты „Страшнаго“ сочтены, поднялъ голову своего соратника, механика Дмитріева, про-

стился и, поцѣловавъ его со словами: „Прощай, дорогой товарищъ!“ бодро обратился къ оставшейся командѣ:

„Лучше погибнемъ, но не сдадимся“.—Подбѣжавъ къ пятиствольной митральезѣ, снятой имъ самимъ съ японскаго брандера, онъ открылъ бѣглый огонь по непріятелю.

Дорого отдавалъ свою жизнь Малѣевъ!!!

XXXIII.

Огнемъ митральезы разбило мостикъ одного миноносца, развороτило трубу другого.

Противникъ, ожесточенный такимъ упорствомъ, залпами добивалъ героевъ. Спасшіеся видѣли, какъ Малѣеву сбило фуражку,—ранило въ високъ. Видѣли, какъ онъ упалъ...

„Страшный“ съ грудами труповъ и корчившихся въ мученіяхъ, залитый кровью, быстро погружался.

Вдругъ японцы прекратили огонь и стали отходить.

Со стороны Ляотешаня шелъ на помощь „Смѣлый“.

Было поздно: „Страшнаго“ заливала волна, раненые боролись съ океаномъ и—тонули.

— „Братцы“, крикнулъ Малѣевъ,—„спасайтесь!“

Это были его послѣднія слова, больше его не видѣли.

Изъ 48 человѣкъ команды и 4 офицеровъ—спаслось 5 матросовъ, которыхъ подобралъ, подъ огнемъ непріятеля, летѣвшій на помощь „Баянъ“.

Опасность для „Баяна“ во время спасанія погибавшихъ съ „Страшнаго“ съ каждой минутой увеличивалась. Огонь подошедшихъ шести большихъ судовъ и отряда миноносцевъ сосредоточился на немъ.

Эскадра наша спѣшила на помощь. „Петропавловскъ“, а за нимъ въ кильватеръ вытянувшіяся суда летѣли къ мѣсту боя.

Выстроившись въ боевой порядокъ и принявъ въ строй „Баянъ“, эскадра погнала противника, открывъ по немъ огонь. Скрывшись за видимостью горизонта Артура, на „Петропавловскѣ“ замѣтили на С.-В. непріятельскую эскадру въ количествѣ 18 вымпеловъ. Обѣ эскадры противника шли на соединеніе по направленію Ляотешаня. Повернувъ обратно и ставъ подъ защиту береговыхъ батарей, наша эскадра начала мѣнять строй фронта.

Вдругъ у носа „Петропавловска“ показывается огромный столбъ воды, слышится мягкій звукъ взрыва мины, непосред-

ственно за нимъ второй взрывъ, болѣе интенсивный,—вся средняя часть огромнаго броненосца объята пламенемъ и тучей желтовато-бураго дыма. Корма поднялась къ верху, винты, вертясь, блестятъ на солнцѣ. Черезъ $1^1/_2$ минуты броненосца не стало. На его мѣстѣ лишь плескались мутныя холодныя волны.

Многіе видѣли взрывъ „Петропавловска“.

Золотая гора сообщила объ этомъ въ портъ. Въ городѣ мгновенно узнали объ ужасномъ несчастіи. Но никто не зналъ

Видъ на западный бассейнъ.

ничего положительнаго, никто не хотѣлъ вѣрить, что Макаровъ погибъ.

Я никогда не забуду того оживленія и растерянности, которая царила въ порту. Всѣ напряженно ждали вѣстей съ эскадры.

Наконецъ, входитъ миноносецъ. Командиръ отчетливо въ рупоръ говоритъ:

— „Петропавловскъ“ погибъ. Макаровъ былъ на немъ. Его ищутъ.

Каждый послѣдовательно входившій миноносецъ подтверждалъ эту ужасную вѣсть.

Тотъ, кто былъ въ эти дни въ крѣпости, знаетъ, что это были за тяжелые дни.

Всѣ словно остолбенѣли.

Мы мало еще знали Макарова, но его энергія и свѣтлый умъ заставляли вѣрить въ него и надѣяться.

Что же погубило „Петропавловскъ“ и Макарова?

Въ ночь, предшествовавшую катастрофѣ, адмиралъ былъ на „Діанѣ“, стоявшей въ дежурствѣ на внѣшнемъ рейдѣ. Съ крейсера замѣтили за Плоскимъ мысомъ небольшія суда. Адмиралъ Макаровъ принялъ ихъ за свои миноносцы и, несмотря на убѣдительные доводы, что это не наши, не разрѣшилъ открыть огонь. Это были дѣйствительно японскіе заградители, на минахъ которыхъ погибъ „Петропавловскъ“ и подорвалась „Побѣда“.

XXXVI.

1-го апрѣля въ Артуръ прибылъ Намѣстникъ и принялъ командованіе надъ флотомъ.

Во внутренней гавани, на судахъ эскадры царило какое-то затишье. Не было той оживленной дѣятельности, которая съ ранняго утра занималась въ восточномъ и западномъ бассейнахъ. Прибытіе Намѣстника хотя и внесло нѣкоторое оживленіе, но оно далеко было отъ того, что было при покойномъ адмиралѣ. Чувствовалось, что всѣ, отъ матроса до адмирала, находятся подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ неожиданной катастрофы.

Но малодушествовать было не время.

Генералъ Смирновъ еще энергичнѣе работалъ надъ возведеніемъ укрѣпленій. Онъ и генералъ Кондратенко день-деньской проводили на линіи сухопутной обороны Артура.

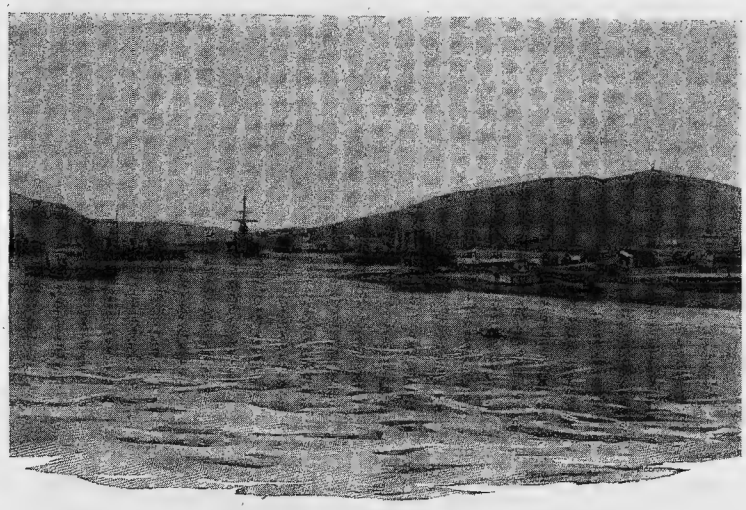
Въ порту работы по задѣлыванію пробоинъ „Цесаревича“, „Ретвизана“, „Побѣды“ и „Паллады“, въ буквальномъ смыслѣ слова, — кипѣли. Инженеры Кутейниковъ и Свирскій не знали отдыха.

Если мы, какъ бывшіе граждане Артура, должны свидѣтельствовать потомству о героизмѣ гарнизона Артура, то не въ меньшей степени должны удивляться самоотверженной работѣ тружениковъ Невскаго и Балтійскаго заводовъ. Имъ мы обязаны, что 10-го іюня эскадра была уже въ полной боевой готовности.

XXXVII.

2-го апрѣля, въ началѣ 9 ч. утра, на горизонтѣ вновь показался японскій флотъ. Онъ словно хотѣлъ провѣрить, какое впечатлѣніе произвели смерть Макарова и гибель „Петропавловска".

Приближеніе японскаго флота заставило всѣхъ встрепенуться. Дѣятельность нервовъ приподнялась. Всѣ съ мужествомъ рѣшили перенести испытаніе четвертой бомбардировки.



Видъ на Перепелиную гору.

Подойдя къ Ляотешаню, японскій флотъ открылъ огонь по укрѣпленіямъ береговой обороны, сосредоточивая его, главнымъ образомъ, на батареяхъ Тигроваго полуострова и проходѣ.

Наши батареи, эскадра, расположенная на внутреннемъ рейдѣ, энергично, безпрерывно и весьма удачно отвѣчали перекиднымъ огнемъ.

Продолжавшаяся съ перерывами до часу дня бомбардировка для японцовъ была почти безрезультатной.

Взрывами случайно легшихъ у подножія Перепелиной горы снарядовъ тяжело были ранены два санитара и убито 7 китайцевъ. Кромѣ того, одинъ снарядъ разорвался въ одной изъ казармъ Тигроваго полуострова. Тамъ тоже было нѣсколько раненыхъ и убитыхъ.

XXXVIII.

Меня всегда поражало, что во время бомбардировокъ населеніе города мало обращало вниманія на громъ выстрѣловъ и смертельную опасность отъ рвущихся снарядовъ. Жизнь текла обычнымъ путемъ. Со дня гибели „Петропавловска", послѣ ошеломляющаго впечатлѣнія, произведеннаго этимъ несчастіемъ, и въ особенности, послѣ бомбардировки 2-го апрѣля — энергія какъ бы удвоилась. Работы повсюду шли ускореннымъ темпомъ.

Послѣ послѣдней бомбардировки намѣстникъ приказалъ спѣшно минировать море у Ляотешаня.

Еще ранѣе адмиралъ Лощинскій докладывалъ покойному адмиралу Макарову о необходимости широкаго примѣненія минной обороны Артура и Бицзыво, гдѣ предполагалась высадка десанта. Адмиралъ Макаровъ скептически относился къ миннымъ загражденіямъ, категорически отклонивъ пользованіе ими по тѣмъ соображеніямъ, что они „срываются" и опасны для самихъ себя, и, главное, что онъ надѣется черезъ 2—3 мѣсяца самъ овладѣть моремъ.

Только послѣ бомбардировки 26-го февраля и 9-го марта адмиралу Лощинскому было приказано поставить мины у южнаго берега Ляотешаня.

При разстановкѣ въ первыхъ числахъ апрѣля минъ съ плотиковъ произошло несчастіе. Мины не были тщательно осмотрѣны и одна изъ нихъ, получивъ ударъ колпакомъ о шлюпку, вѣроятно, вслѣдствіе бокового сообщенія въ соляномъ кантактѣ, попавъ въ воду,—взорвалась. Убитъ лейтенантъ Поль и нѣсколько человѣкъ матросовъ.

XXXIX.

Съ сѣвера доносились тревожныя вѣсти о неудачномъ сраженіи на Ялу; утверждалось мнѣніе, что Артуръ будетъ отрѣзанъ, что японцы готовятъ транспортныя суда для десанта. Носились упорные слухи о готовящейся новой грандіозной попыткѣ заградить входъ въ гавань.

Работы по вооруженію и укрѣпленію крѣпости быстро подвигались впередъ, суда чинились. Только на кинжоуской позиціи онѣ велись крайне вяло за недостаткомъ людей, строительныхъ матеріаловъ и какой-то совершенно непонятной инертности начальника раіона и генерала Фока.

Генералъ Стессель сидѣлъ въ Артурѣ, писалъ приказы, вмѣшиваясь въ дѣятельность Смирнова, донимая его придирками, а кинжоускую позицію всецѣло предоставилъ генералу Фоку.

7-го апрѣля начальникъ раіона въ приказѣ за № 110 пишетъ:—„При объѣздѣ сего числа я видѣлъ слѣдующее...

„Въ первой батареѣ 7-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго дивизіона вывѣсили бѣлье на деревья. Много разъ было говорено, чтобы этого не было. Фельдфебель зналъ о запрещеніи вѣшать бѣлье на деревья, видѣлъ неисполненіе и ничего не сказалъ подчиненнымъ. Грязь у казармъ большая.

„Предлагаю коменданту крѣпости „Портъ-Артуръ“ и командующему 7-й восточно-сибирской стрѣлковой дивизіей принять самыя энергичныя мѣры, чтобы мои приказанія и распоряженія, которыя отдаются, принимались для исполненія, а не къ свѣдѣнію. Если будетъ личная, постоянная повѣрка, то подобнаго явленія не произойдетъ“.

Этотъ приказъ писался по адресу двухъ лицъ, которыя всю энергію, способности вносили на созданіе крѣпости, обороной которой впослѣдствіи удивили весь міръ. Генералъ Стессель предлагаетъ лично провѣрять его распоряженія генералу Смирнову и Кондратенко, которымъ дня не хватало, чтобы провѣрить, указать и поправить необходимыя работы по вооруженію фортовъ, батарей и укрѣпленій.

Только тотъ можетъ понять, какъ тяжела была эта травля, кто жилъ въ Артурѣ, кто видѣлъ, какихъ нечеловѣческихъ трудовъ стоила гарнизону работа на оборонительной линіи, и тотъ, кто впослѣдствіи, защищая крѣпость, поливалъ ее своей кровью.

LX.

На кинжоуской позиціи творилось нѣчто невѣроятное: генералъ Фокъ назначилъ комендантомъ послѣдней командира 5-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка полковника Третьякова, но власти ему не далъ и творилъ свою волю. Генералъ Фокъ пріѣзжалъ на позицію, бранилъ офицеровъ и... уѣзжалъ.

Когда же полковникъ Третьяковъ настойчиво просилъ орудій, снарядовъ для слабо-вооруженной позиціи, просилъ инженеровъ, рабочихъ для исправленія никуда негодныхъ батарей, указывалъ на необходимость постройки блиндажей, умолялъ дать строительные матеріалы, требовалъ укрѣпленія новыхъ

горныхъ позицій, — генералъ Фокъ выходилъ изъ себя и кричалъ:

— Измѣнники, всѣ измѣнники, кто допускаетъ, что Кинжоу плохо укрѣпленъ! Японцы никогда не возьмутъ Кинжоу. Я всю японскую армію уничтожу здѣсь. Пусть они только осмѣлятся высадиться. Да, хоть японецъ и дуракъ, онъ никогда не двинетъ сюда своихъ силъ, ослабивъ этимъ главную армію.

Проба пищи на „Баянѣ“.

Полковнику Третьякову приходилось выслушивать подобныя тирады отъ генерала, съ горечью сознавая, что толку ему не добиться, такъ какъ начальникъ раіона думаетъ головой генерала Фока.

Убѣдившись въ безплодности разговоровъ съ генераломъ Фокомъ, полковникъ Третьяковъ, будучи самъ саперным офицеромъ по образованію, наличными средствами командуемаго имъ полка вмѣстѣ съ инженеромъ Ф. Шварцемъ работалъ надъ приведеніемъ кинжоуской позиціи въ мало-мальски сносный видъ.

Несмотря на то, что полковникомъ Третьяковымъ постоянно, при каждомъ удобномъ случаѣ, указывалось на болѣе, чѣмъ неудовлетворительное состояніе кинжоуской позиціи, на которую, въ силу простой логики, долженъ обрушиться первый ударъ осадной арміи, ему не давали ни людей, ни матеріаловъ, ни инженеровъ, ни саперовъ.

Мало того, что не давали новыхъ,—отняли одного изъ двухъ, бывшихъ уже на позиціи.

Какъ отняли?! Этого быть не можетъ!—скажетъ читатель.—Если бы я не зналъ нижеприведеннаго приказа, я тоже бы не повѣрилъ. Но приказъ состоялся и офицера на время убрали.

Начальникъ раіона, не поинтересовавшись познакомиться съ важнымъ стратегическимъ пунктомъ, каковымъ была кинжоуская позиція, на слово повѣрилъ генералу Фоку и отдалъ 8-го апрѣля за № 119 слѣдующій приказъ:

„Прапорщикъ запаса Цвѣтковъ, находящійся нынѣ въ рас-

поряженіи военнаго инженера капитана фонъ-Шварца на кинжоуской позиціи въ виду окончанія саперныхъ работъ, откомандировывается отъ войскъ, подчиненныхъ командующему 4-й восточно-стрѣлковой дивизіей..."

Я думаю, что сказать по поводу этого приказа ничего не приходится. Фактъ говоритъ самъ за себя.

XLI.

Комендантъ крѣпости генералъ Смирновъ, въ виду массы ненадежнаго элемента среди китайскаго населенія, принимавшаго участіе въ спѣшно производимыхъ крѣпостныхъ работахъ, озабочиваясь тѣмъ, чтобы результаты работъ и планы вновь возводимыхъ укрѣпленій не стали бы достояніемъ японцевъ, приказалъ полковнику Уранову (приказъ отъ 7-го апрѣля № 288) организовать жандармско-полицейскую службу, которому и подчинилъ всю желѣзно-дорожную, городскую и жандармскую полицію. Полковникъ Урановъ 22-го апрѣля уѣхалъ на сѣверъ и все перешло подъ начальство ротмистра князя Микеладзе. Дѣло быстро наладилось. За китайцами былъ учрежденъ строжайшій надзоръ. Японцы ничего не знали, что дѣлалось въ крѣпости. Такъ дѣла шли до 28-го мая.

Но къ несчастію 28-го мая князь Микеладзе со всѣми своими жандармами былъ ген. Стесселемъ высланъ за Ляотешань безъ права въѣзда въ Артуръ. Крѣпость осталась безъ жандармовъ. Шпіонамъ открылось широкое поле дѣятельности.

Какъ и почему это все произошло, я подробно опишу въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

9-го апрѣля прибылъ съ утреннимъ поѣздомъ изъ Москвы редакторъ-издатель газеты „Новый край" подполковникъ Петръ Александровичъ Артемьевъ.

Подполковникъ Артемьевъ въ началѣ января совершенно больной, по настойчивымъ совѣтамъ врачей, уѣхалъ на югъ Россіи съ тѣмъ, чтобы предпринять серьезнѣйшій курсъ леченія.

Вѣсть о войнѣ застала его на пути изъ Сингапура въ Коломбо. Несмотря на необходимость леченія, Артемьевъ бросилъ все и примчался назадъ въ Артуръ. Я познакомился съ нимъ въ первый день его пріѣзда. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка совершенно больного. Только глаза его говорили о той силѣ воли, которая заставила его забывать физическія

страданія и вернуться къ исполненію своего долга. Газета на время отъѣзда была имъ поручена военному прокурору полковнику Тыртову. Но Артемьевъ, этотъ идейный борецъ за Дальній Востокъ Россіи, не могъ оставаться вдали отъ центра разыгравшихся событій; больной еще тѣломъ, но бодрый духомъ, онъ вернулся, чтобы лично руководить газетой, которую и довелъ до самой капитуляціи Артура.

Вмѣстѣ съ Артемьевымъ прибылъ его новый помощникъ Н. Н. Веревкинъ.

Какихъ трудовъ стоило изданіе газеты, знаютъ только тѣ, кто работалъ въ ней. День въ день, ночь въ ночь кругомъ нея рвались снаряды, окончательно разрушивъ зданіе однимъ 11-дюймовымъ снарядомъ въ ночь на 13-е октября. А сколько непріятностей и преслѣдованія ей пришлось выдержать отъ высшаго начальства!

Я думаю, что никто изъ мало-мальски порядочныхъ людей не могъ допустить, что дѣятели печати въ осажденномъ Артурѣ преслѣдовали какія бы то ни было своекорыстныя, личныя цѣли. Работали они во имя идеи, идеи защиты крѣпости отъ врага. Они всѣми силами старались поддерживать бодрость духа въ гарнизонѣ и населеніи. Они воспитывали ихъ въ сознаніи, что лучше доблестная смерть, чѣмъ позоръ сдачи и плѣна.

Единственнымъ здоровымъ развлеченіемъ за 11 мѣсяцевъ былъ „Новый Край“.

А сколько стоилъ труда выпускъ каждаго номера!

Весь Артуръ кипѣлъ негодованіемъ на ген. Стесселя и его приспѣшниковъ, но газета не могла явиться выразителемъ общественнаго мнѣнія.

Только язвительныя статьи Веревкина „Странички изъ дневника“, какъ въ зеркалѣ, отражали состояніе всего мыслящаго и чувствующаго Артура. Но онѣ писались такъ умно, ихъ юморъ былъ такъ легокъ, что ген. Стессель, не понимая всей соли, не могъ наложить своей длани на газету.

XLII.

Со времени гибели „Петропавловска“, японцы почти каждую ночь появлялись на внѣшнемъ рейдѣ Артура и разбрасывали мины. Батареи берегового фронта зорко слѣдили за рейдомъ. Рѣдкая ночь обходилась безъ происшествій. Появлялись то миноносцы, то минные транспорты. Прожекторы открывали

храбрецовъ,—весь фронтъ осыпалъ ихъ снарядами. Впослѣдствіи они пускались на хитрости: впереди миноносца шла шаланда. Батареи открывали по ней огонь; на ней сосредоточивалась все вниманіе. Снарядами шаланда зажигалась, а миноносецъ безнаказанно разбрасывалъ мины.

Приблизительно съ этого же времени для нашихъ моряковъ наступила трудная задача: вылавливать непріятельскія мины. Ежедневно нѣсколько судовъ занимались этой въ высшей степени опасной работой.

Постоянныя ночныя появленія миноносцевъ на внѣшнемъ рейдѣ заставляли нашихъ артиллеристовъ быть постоянно на чеку, что крайне утомляло прислугу и офицеровъ.

Въ городѣ начали упорно говорить, что японцы готовятъ нѣчто грандіозное. Предположеніямъ, самымъ нелѣпымъ, не было конца. Оффиціально слухъ этотъ черезъ нашихъ военныхъ агентовъ и консуловъ подтверждался. Но что готовили японцы, никто ничего положительно не зналъ.

Консулъ въ Чифу, несмотря на обращенные къ нему запросы, торжественно молчалъ или сообщалъ уже старыя „новости“.

Въ виду такого напряженнаго состоянія, начальникъ раіона, чтобы воздѣйствовать успокоительно, отдалъ 11-го апрѣля, за № 126, слѣдующій приказъ:

„Во время бомбардировокъ и начиная съ того момента, какъ эскадра противника показалась передъ крѣпостью или во время могущихъ быть высадокъ противника, предписываю всѣмъ нижнимъ чинамъ различныхъ канцелярій и управленій, вооруженнымъ винтовками, строить передъ штабомъ крѣпости и поступать подъ команду офицера по назначенію начальника штаба корпуса и ожидать приказаній.

Обыватели-европейцы, имѣющіе оружіе, являются къ командиру дружины, а невооруженные прибываютъ къ воинскому начальнику и распредѣляются имъ.

1) 100 человѣкъ къ пожарной командѣ для качанія воды и для спасанія вещей, если бы случился пожаръ.

2) 100 человѣкъ для помощи полиціи отправлять въ распоряженіе полицеймейстера.

3) Всѣхъ остальныхъ отправлять поровну въ полки для выноски раненыхъ и другихъ работъ.

Тѣхъ обывателей-европейцевъ, которые будутъ болтаться по городу безъ всякаго дѣла, задерживать и сдавать воинскому начальнику для назначенія на работу, а затѣмъ съ такихъ будетъ взыскано“.

Приказъ этотъ не былъ распубликованъ въ газетѣ, но зато ходилъ по рукамъ. Большинство хохотало и возмущалось, болѣе робкіе рѣшили уѣхать.

Я поинтересовался узнать, какъ этотъ приказъ будетъ примѣняться на дѣлѣ. Исполнить его было немыслимо, и онъ фактически не былъ исполненъ. Но зато далъ возможность населенію и гарнизону вдостоль нахохотаться. Хохотать—мы хохотали, но тѣмъ, которымъ нужно было готовить крѣпость къ защитѣ, было не до смѣха. Генералъ Стессель, въ своемъ глубокомъ неразумѣи, наивно полагалъ, открыто заявляя своимъ приближеннымъ, что высадка японцевъ можетъ произойти на береговой фронтъ крѣпости. — „Подойдетъ броненосецъ, броситъ якорь, спуститъ шлюпки и начнетъ высадку осадной арміи".

Начальникъ раіона, ровно ничего не понимая въ созданіи и защитѣ крѣпости, какъ онъ и самъ объ этомъ говорилъ, все-таки хотѣлъ проявлять свою дѣятельность и показать всѣмъ и каждому, что онъ здѣсь главный, что все отъ него зависитъ.

XLIII.

Начальнику раіона генералу Стесселю хотѣлось славы. Но онъ въ то же время зналъ, что слава созданія крѣпости должна пасть не на него, а на генераловъ Смирнова и Кондратенко, какъ людей съ широкимъ военнымъ образованіемъ, и съ этимъ не могъ помириться.

Вмѣсто того, чтобы, сознавшись въ своей полной несостоятельности, итти имъ на встрѣчу, помогать во всемъ, какъ старшій, — онъ тормазилъ ихъ работы, придирался къ мелочамъ и подрывалъ ихъ авторитетъ, какъ начальниковъ.

Нижеприводимый его приказъ отъ 14 апрѣля, за № 136, иллюстрируетъ, до чего можетъ дойти старшій начальникъ по отношенію къ младшему, если онъ хочетъ на каждомъ шагу дѣлать послѣднему непріятности:

„Проѣзжая сего числа, около 7 часовъ утра, близъ театра Тифонтая, новыхъ бань, я замѣтилъ военный постъ изъ 5—6 человѣкъ 25-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка, который валялся на землѣ возлѣ одного изъ домовъ терпимости; винтовки были составлены тутъ-же. Унтеръ-офицеръ доложилъ мнѣ, что онъ съ нижними чинами составляетъ патруль—въ помощь полиціи, чтобы забирать буйствующихъ мастеровыхъ порта, которые живутъ въ этихъ домахъ...

„Согласно устава гарнизонной службы, эти нижніе чины подчиняются коменданту крѣпости, а потому со стороны комендантскаго управленія долженъ быть надзоръ за указанными мѣстами и помѣщеніями для постовъ; если такового удобнаго нѣтъ, то надо ставить палатки“, и т. д.

Прочитывая этотъ приказъ, становишься втупикъ. Неужели въ такое серьезное время, которое мы переживали въ Артурѣ, можно было тратить драгоцѣнное время на такіе, чтобы не сказать больше, пустяки?

Не говоря уже о томъ, что вмѣсто приказа можно было прямо наказать начальника карауловъ, въ вѣдѣніи котораго находятся патрули, а вовсе не въ вѣдѣніи такого важнаго лица, какъ комендантъ осажденной крѣпости, — въ приказѣ этомъ искажена дѣйствительность.

Машинное отдѣленіе „Баяна“, послѣ боя 27 Января.

До начала войны въ Артурѣ была масса публичныхъ домовъ, преимущественно японскихъ. Съ отъѣздомъ японокъ и проститутокъ другихъ національностей дома освободились. Если они и были частью заняты портовыми рабочими то, само собой разумѣется, они перестали быть домами терпимости.

Это ужъ какое-то глумленіе надъ рабочими, которые въ буквальномъ смыслѣ слова работали, не щадя своей жизни.

Сколько было убито портовыхъ рабочихъ во время бомбардировокъ при починкѣ ими судовъ, знаетъ командиръ порта „Артуръ“ адмиралъ Григоровичъ.

Если назначались патрули въ помощь полиціи, то вовсе не съ спеціальной цѣлью забирать буйствующихъ рабочихъ.

Рабочіе пили, какъ пьютъ всѣ русскіе, но до буйствъ доходили лишь единичныя личности.

Спѣшныя, тяжелыя работы въ порту, а затѣмъ строевыя занятія настолько утомляли этихъ каторжныхъ тружениковъ, что

они рады были, когда добирались до постели. Да и напиться они не могли при всемъ добромъ желаніи, такъ какъ продажа водки имъ была воспрещена. Они покупали ее по очень дорогой цѣнѣ, и то изъ 5-хъ и 6-хъ рукъ.

Говоря о постановкѣ для патрулей палатокъ, начальникъ раіона показалъ свое незнакомство съ уставомъ о гарнизонной службѣ, по ясному смыслу котораго патрули должны быть въ постоянномъ движеніи.

XLVI.

Слухи о готовящейся высадкѣ усиливались.

Полная отрѣзанность Артура становилась вопросомъ ближайшаго времени.

А что дѣлалось начальникомъ раіона по вопросу о снабженіи крѣпости необходимымъ запасомъ боевыхъ снарядовъ, продовольствія и перевязочными средствами? Насколько успѣшно шла реквизиція убойнаго скота и лошадей?

Исходя изъ того, что начальникъ раіона не допускалъ полной изоляціи крѣпости, а если и соглашался съ ней, то въ увѣренности, что она будетъ продолжаться самое непродолжительное время, дѣло обезпеченія крѣпости необходимымъ продовольствіемъ велось преступно.

Несмотря на то, что комендантомъ крѣпости указывалось на недостатокъ, помимо продовольствія, фуража, перевязочныхъ средствъ и на отсутствіе достаточнаго количества войскъ и снарядовъ, начальникъ раіона не принималъ никакихъ мѣръ.

На запросъ командующаго арміей онъ отвѣтилъ, что ему ничего не нужно, — ни войскъ, ни снарядовъ. Несмотря на то, что для успѣшной защиты крѣпости необходимо было по меньшей мѣрѣ 50,000 полевыхъ сухопутныхъ войскъ, коего числа въ крѣпости далеко не было, изъ нея еще отправлялись войска на сѣверъ.

Приказъ коменданта крѣпости отъ 21-го апрѣля № 328 свидѣтельствуетъ объ этомъ:

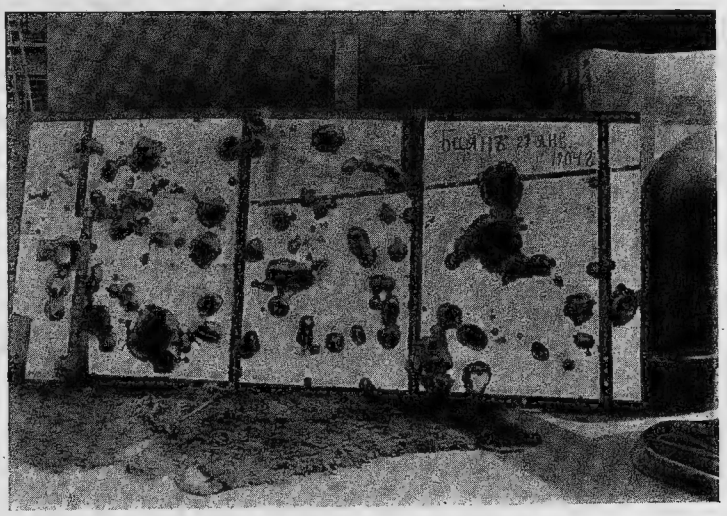
„Отправленныхъ при одномъ оберъ-офицерѣ въ городъ Ляоянъ 134 нижнихъ чина отъ 3 запаснаго батальона и 250 нижнихъ чиновъ отъ 7 запаснаго батальона исключить изъ состава гарнизона крѣпости“.

Люди эти случайно вернулись назадъ и благодаря прекращенію сообщенія остались въ крѣпости.

Случайное возвращеніе этихъ нижнихъ чиновъ произошло довольно оригинально, а произойти оно могло только тамъ, гдѣ люди потеряли способность здраваго мышленія.

Послѣ боя на Ялу, въ которомъ сильно пострадала 3 дивизія, входящая въ составъ 3 армейскаго корпуса, номинальнымъ командиромъ котораго былъ нашъ начальникъ раіона—послали изъ крѣпости на укомплектованіе ея убыли запасныхъ.

Комендантъ крѣпости обязанъ былъ, какъ командиръ неотдѣльнаго корпуса, исполнить приказаніе и отправилъ требуе-



Броневая плита „Баяна“ послѣ боя 27 Января.

мое количество людей въ хорошихъ, но не первосрочныхъ мундирахъ.

Все это требовалось немедленно и было исполнено менѣе, чѣмъ черезъ сутки. Неожиданно получается телеграмма: „Почему чины запаса снабжены не первосрочнымъ обмундированіемъ. Означенные чины отправлены назадъ“.

Прибываютъ воинскимъ поѣздомъ назадъ за 300 верстъ свыше 300 человѣкъ. Зачѣмъ? За мундирами!

Комендантъ требуетъ крѣпостного интенданта. Оказывается, что, по мѣстнымъ военнымъ законоположеніямъ, запасные первосрочной одеждой не удовлетворяются и послѣдней для нихъ не имѣется. Было приказано взять изъ интендантскихъ складовъ крѣпостной артиллеріи, перешить, обмундировать и отправить мундиры съ людьми назадъ.

Итакъ, отправлялись за 300 верстъ свыше 300 человѣкъ за мундирами, наканунѣ перерыва сообщенія, когда комендантъ крѣпости молилъ о высылкѣ снарядовъ, орудій, лазаретнаго имущества, перевязочныхъ средствъ, медикаментовъ и т. д.

„Мундиры съ людьми“ были погружены на поѣздъ, но отправить ихъ назадъ не удалось. Сообщеніе было прервано.

Нѣтъ худа безъ добра — въ крѣпости осталось нѣсколько сотъ лишнихъ защитниковъ.

Въ то время, когда комендантъ крѣпости, на основаніи ежедневныхъ тревожныхъ докладовъ санитарнаго инспектора крѣпости д. с. с. Субботина, настоятельно просилъ присылки лазаретнаго имущества, перевязочныхъ средствъ, медикаментовъ,— происходитъ такой эпизодъ.

Ѣдетъ начальникъ раіона незадолго до перерыва сообщенія, по желѣзной дорогѣ ввѣреннаго ему укрѣпленнаго раіона.

На одной изъ станцій видитъ на запасномъ пути готовый къ отправленію поѣздъ.

— Чѣмъ нагруженъ?

Ему докладываютъ, что, ожидая ежедневно перерыва сообщенія, гражданскій коммиссаръ полковникъ Вершининъ, въ виду крайняго недостатка въ крѣпости госпитальнаго инвентаря и перевязочныхъ матеріаловъ, приказалъ собрать весь матеріалъ, предназначенный для карантинныхъ бараковъ, находящихся въ его непосредственномъ вѣдѣніи и отправить таковой въ Артуръ.

Генералъ неожиданно для всѣхъ, пришелъ въ бѣшенство и началъ кричать:

„Немедленно разгрузить поѣздъ! Этотъ комиссаръ вѣчно мѣшается не въ свое дѣло. Мнѣ нужны вагоны войска возить, непріятель можетъ высадиться, а онъ тутъ тряпки цѣлыми вагонами вздумалъ вывозить. Все выбросить и вагоны очистить“.

Приказаніе было немедленно исполнено.

Дѣйствительно, на станціи „Нангалинъ“ стояли готовыми для отправленія поѣзда, на которыхъ долженъ былъ передвигаться къ мѣсту высадки такъ наз. резервъ подъ командой командира 3 батареи 4 восточно-сибирской стрѣлковой бригады, одного изъ выдающихся защитниковъ Артура полковника Лаперова. Но войска къ мѣсту высадки не трогались: высадкѣ не препятствовали; а выгруженный и брошенный столь цѣнный для Артура матеріалъ полностью достался японцамъ.

Кто былъ въ Артурѣ, кто видѣлъ, въ какихъ невозможныхъ условіяхъ находились н ѣ к о т о р ы е госпитали и околодки,

кто съ ужасомъ смотрѣлъ, на чемъ и какъ лежатъ раненые, кто уходилъ скорѣй изъ этихъ морилокъ, чтобы не разстраивать себя при видѣ той грязи, въ которой валялись завшивѣвшіе страдальцы,—тотъ пойметъ меня, почему я пишу эти, какъ ихъ называютъ, „сплетни".

XLV.

Комендантомъ крѣпости указывалось, что въ крѣпости, въ случаѣ долговременной блокады Артура, въ виду незначительнаго запаса убойнаго скота, будутъ выдаваться мясные консервы (консервы эти еще до начала войны расходовались для освѣженія запаса). Запасъ расходовался, но пополненья его не производились. Напротивъ, масса консервовъ, имѣвшихся въ огромномъ количествѣ у крупныхъ фирмъ: „Кунтстъ-Альберсъ", „Чуринъ", „Соловей" и другихъ, вывозилась прибывавшими офицерами на сѣверъ.

Въ крѣпости было два интенданта: корпусный и крѣпостной. Крѣпостной дѣлалъ одно, корпусный, по праву старшаго, другое,—въ общемъ все дѣлалось отвратительно.

Комиссаромъ по гражданской части указывалось, что реквизицію скота нужно было начать съ отдаленнѣйшихъ отъ Артура участковъ Квантунской области, граничащихъ съ Манчжуріей, чтобы не дать возможности китайцамъ угонять туда скотъ.

Начальникъ раіона ген. Стессель приказалъ начать реквизицію съ ближайшихъ къ Артуру участковъ. Само собою разумѣется, что китайцы, какъ народъ коммерческій, немедленно начали угонять скотъ изъ участковъ, свободныхъ еще отъ реквизиціи.

Что можно было подѣлать съ такимъ непонятнымъ упорствомъ?

Начальники участковъ, не имѣя достаточнаго количества людей, могли лишь въ слабой степени препятствовать населенію угонять лошадей, быковъ, коровъ и мелкій скотъ. Помимо угона населеніе полуострова грузило скотъ на шаланды и увозило въ Чифу.

Была уже середина апрѣля, а приказа о началѣ производства общей реквизиціи въ Квантунской области не исходило. Приказомъ же 8 февраля, за № 92, реквизиція въ области отнюдь не допускалась, особенно скота и съѣстныхъ припасовъ.

Китайцы, освѣдомленные о томъ, что реквизиція рано или поздно будетъ, тайкомъ увозили и угоняли скотъ.

Приказомъ намѣстника отъ 30 марта, за № 42, начальствующія лица были поставлены въ извѣстность, что ѣдетъ г. Герцикъ, спеціалистъ по устройству въ Манчжуріи огородовъ для потребностей войскъ, и чтобы они, т. е. начальствующія лица, оказали бы Герцику возможное содѣйствіе къ исполненію возложеннаго на него порученія указаніемъ удобныхъ для этого мѣстъ, помощью въ наймѣ рабочихъ и т. д.

Начальникъ раіона, въ приказѣ отъ 16 апрѣля за № 146, пишетъ.

Вы замѣтьте, что все пишутъ.

Пишутъ другъ другу приказы, дѣлаютъ выговоры, предусматриваютъ, строжайше предлагаютъ, а японцы уже грузятъ транспорты войсками осадной арміи.

Мы пишемъ, а они плывутъ.

Мы читаемъ приказъ не ранѣе сутокъ послѣ того, какъ начальникъ раіона отдалъ его начальнику штаба для напечатанія, а японцы уже сутки въ пути.

И такъ, мы 17 апрѣля читали:

— „Комиссару по гражданской части въ недѣльный срокъ представить свѣдѣнія о продовольственныхъ запасахъ всѣхъ наименованій и фуража, имѣющихся въ раіонахъ вѣдѣнія начальниковъ участковъ, а также и о томъ, какія площади засѣяны уже въ настоящее время подъ огородныя овощи и зелень въ каждомъ участкѣ, и возможно-ли по размѣрамъ ихъ разсчитывать, что овощами и зеленью будетъ обезпечено не только мѣстное китайское населеніе, но и войска укрѣпленнаго раіона, хотя-бы на первое время...“ Затѣмъ, дальше говорится, чтобы китайское населеніе поощрялось бы всѣми мѣрами къ разведенію огородовъ и т. д.

Эта трогательная заботливость о китайскомъ населеніи, можетъ быть, и привела его въ умиленіе, но гарнизонъ крѣпости отъ этого не выигралъ ни на іоту.

Японцы и китайцы впослѣдствіи кушали огородные овощи, а гарнизонъ крѣпости болѣлъ и умиралъ именно отъ недостатка ихъ.

XLVI.

Пока писались приказы, рапорты, отношенія и предложенія—наступилъ вечеръ 19-го апрѣля.

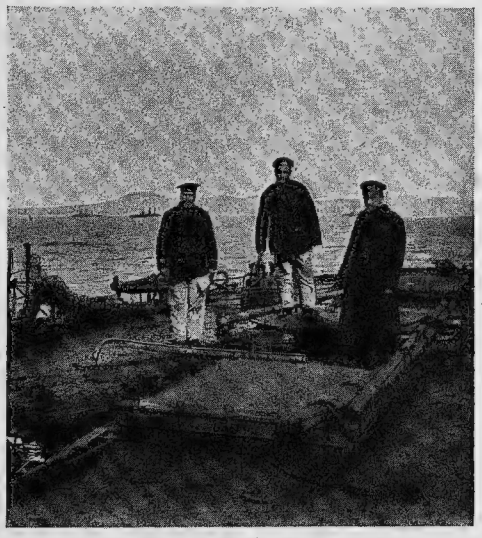
Разнесся слухъ, что къ ночи ожидаютъ японцевъ.

Разсказывали другъ другу, что ночью должно произойти что то ужасное, всѣ были въ довольно приподнятомъ настроеніи.

День угасалъ, солнце незамѣтно уходило на западъ, готовясь скрыться за гребнемъ Перепелиной горы. Косые лучи, его бросали прощальный привѣтъ морю, горамъ и осажденному Артуру.

Жизнь въ городѣ, на фортахъ и батареяхъ замирала.

Давно уже сумракъ ночи палъ на далекій Ляотешань и Новый городъ. Сгустившійся туманъ застилаетъ гряды холмовъ, группы высотъ, постепенно окутывая бухту, проходъ, гдѣ стали неусыпнымъ дозоромъ „Гилякъ“, и „Отважный“. Едва различаешь давящія громады броненосцевъ, чуть чернѣетъ неподвижная масса крейсеровъ и миноносцевъ.



Ютъ „Баяна“ тотчасъ послѣ боя. Старшій артил. офицеръ Лейт. Де-Ливронъ.

Правѣе прохода — Тигровый полуостровъ, за нимъ цѣлой семьей выступаютъ укрѣпленныя горы. Едва виденъ въ легкихъ контурахъ Ляотешань. Далѣе тьма, — ничего не видно. Рядомъ съ массивомъ Золотой горы притаился Плоскій мысъ, впереди нея грозная батарея Электрическаго утеса.

Кругомъ, назади массивы горъ, все объято покоемъ ночи, все, казалось, спитъ.

Но нѣтъ! На этотъ разъ крѣпость не спала, она лишь притаилась. Прожекторы, словно волшебные глаза чудовища, свѣтящіе изъ неподвижной, грозной массы крѣпости, бросали въ море гигантскіе лучи.

Но глазъ этихъ мало.

На весь береговой фронтъ ихъ всего 4, да еще маленькій на батареѣ № 9.

Горизонтъ, казалось, былъ чистъ.

Въ исходѣ одиннадцатаго начало свѣтать.

Луна всходила. Постепенно поднимаясь надъ грядами ска-

листныхъ, угрюмыхъ горъ, проясняясь и уменьшаясь, она, наконецъ, освѣтила всю площадь крѣпости.

Тѣни рѣдѣли, свѣтъ прожекторовъ тускнѣлъ.

Море окуталось бѣлесоватой мглой, безъ отблеска.

Наступила полночь.

— Нѣтъ, одна фантазія! Развѣ въ такую ночь придутъ японцы, — сказалъ любовавшійся со мною на чудную панораму спящей крѣпости, г. Пилецкій,—вздоръ, идемте спать.

Вдругъ сразу, словно по командѣ, заревѣли береговыя батареи.

Минута, другая, третья—и все опять тихо.

Совсѣмъ тихо.

Только городъ проснулся.

На улицахъ началось легкое движеніе.

Съ рейда доносилось ритмическое та-та-таканіе пулемета по спасавшимся на шлюпкахъ людямъ.

Это тонулъ первый заградитель.

Отъ „Севастополя“ отвалилъ катеръ. На немъ отбылъ главнокомандующій, намѣстникъ Государя вице-адмиралъ Алексѣевъ на канонерскую лодку „Отважный“, на которомъ безсмѣнно держалъ свой флагъ контръ-адмиралъ Лощинскій, начальникъ минной обороны Квантуна.

„Отважный“ стоялъ въ самомъ проходѣ у Тигроваго хвоста. Далѣе впереди, у бона, на самомъ рейдѣ—„Гилякъ“.

Страшный вихрь чугуна и стали грохоталъ, выл и ревѣлъ, круша и разметывая все, что было на пути къ проходу.

Намѣстникъ, прибывъ на „Отважный“, принялъ на себя главное руководство въ отраженіи несущихся полнымъ ходомъ брандеровъ и приказалъ контръ-адмиралу Лощинскому переѣхать на „Гилякъ“, откуда, отражая мчащуюся флотилію заградителей, быть готовымъ принять мѣры противъ ихъ самовзрыванія на фарватерѣ. Въ случаѣ самовзрыванія, которое грозило загражденіемъ фарватера, необходимо было, не теряя ни секунды, посылать, несмотря ни на какой огонь, минные катера съ подрывными патронами для разрыва якорныхъ канатовъ и отбуксированія утопающаго брандера на должную глубину.

Въ проходѣ творилось что-то невѣроятное, не поддающееся описанію. Море, въ буквальномъ смыслѣ слова, кипѣло отъ падающихъ снарядовъ.

Въ самомъ центрѣ прохода, на переднемъ мостикѣ „Отважнаго“ стоялъ намѣстникъ Государя, лично руководя обороной прохода, импонируя всѣмъ своимъ хладнокровіемъ, несмотря на

дождь снарядовъ малокалиберной артиллеріи брандеровъ и миноносцевъ.

Справа, въ самомъ аду, „Гилякъ“ открылъ боевое освѣщеніе и, схвативъ лучами прожектора, какъ клещами, надвигающіеся брандеры, рѣшетилъ ихъ въ упоръ.—Справа, слѣва свистъ, вой снарядовъ береговыхъ батарей.

Контръ-адмиралъ Лощинскій, съ высоты боевой рубки, методично, не обращая ни малѣйшаго вниманія на смертельную опасность, непосредственно руководитъ отраженіемъ небывалой еще въ мірѣ по своей героической смѣлости аттаки слабо-вооруженными пароходами цѣлаго фронта сильной морской крѣпости.

Городъ, портъ моментально ожили.

По всѣмъ направленіямъ внутренней бухты, погруженной въ тьму, снуютъ катера, вытягиваются одинъ за другимъ миноносцы. Слышатся боцманскіе свистки, окрики, команда. У пристани много любопытныхъ. Прилетѣлъ зачѣмъ то взводъ казаковъ и спѣшился у воротъ въ портѣ.

— „Кого это казаковъ прислали караулить? Нѣтъ, шалишь! Отъ эдакой бомбищи никто не окараулитъ“,—слышатся шутки.

Не успѣли посмѣяться, какъ всѣхъ такъ и отбросило въ сторону. Рядомъ, почти у самой пристани стоявшій „Аскольдъ“ хватилъ въ проходъ изъ носового орудія.

Началось непрерывное сверканіе, грохотъ выстрѣловъ, взрывы снарядовъ.

Канонада росла и усиливалась.

Временами не слышно было отдѣльныхъ выстрѣловъ, все сливалось въ непрерывный, усиливающійся грохочущимъ эхо — гулъ.

Съ „Гиляка“ взвились двѣ ракеты, и опять все смолкло.

Минутъ 20 продолжалось это затишье.

Затѣмъ канонада возобновилась и продолжалась почти безостановочно впродолженіи 2-хъ часовъ.

Все кругомъ какъ-то злобно, сатанински клокотало, выло, ревѣло.

Тигровый, Золотая, Электрическій, вся береговая оборона, вдали, съ бухты, въ проходѣ—всюду громыхали, вздыхали какія то чудовища, посылая смерть храбрецамъ.

Это было нѣчто невѣроятное, какой-то хаосъ, буря звуковъ.

Были мгновенія, когда зрѣніе и слухъ переставали реагировать.

Всѣ силы неба не могли бы, кажется, бросить на землю столько оглушающей, сокрушительной силы, сколько человѣкъ земли, защищаясь, бросалъ въ лицо врагу.

Во всемъ этомъ безпрерывномъ, въ теченіе почти 2-хъ часовъ грохотѣ орудій, которымъ аккомпанировала рѣзкая дробь пулеметовъ, рокотъ ружейныхъ залповъ, трескъ малокалиберной артиллеріи, было что-то внушительно-страшное, неотразимое,—стихійное.

Не милосердное небо, а, кажется, всѣ силы ада ринулись съ суши, изъ нѣдръ горъ въ море.

Самъ адмиралъ Макаровъ, съ блестящей плеядой своихъ товарищей-соратниковъ, сотни русскихъ людей, нашедшихъ безвременную могилу въ холодныхъ глубинахъ океана,—были нѣмыми свидѣтелями, какую тризну правилъ Артуръ по „Петропавловску“ и по немъ, теперь уже легендарномъ витязѣ земли русской.

Вдругъ, среди этого ада, взвились подъ Золотой горой послѣдовательно три ракеты и, разорвавшись въ вышинѣ на массу яркихъ звѣздъ, освѣтили проходъ и прилегающую къ нему часть внѣшняго рейда.

Батареи притихли. Только эхо катилось туда, вдаль, въ горы.

При ослѣпительномъ свѣтѣ ракетъ развернулась грозная картина.

На темномъ фонѣ морского прибоя, у самаго почти прохода,—тонущіе брандеры.

На нихъ въ ужасѣ мечущіеся люди, карабкающіеся на мачты, трубы...

Вдали, на S.O., надвигались новые брандеры...

Все, все стихло.

Не у одного замерло сердце.

Это было затишье отверстой могилы.

Ужасное затишье.

Вся крѣпость, притаившись на нѣсколько мгновеній, сразу ожила.

Вся сила, вся гроза обрушилась опять на проходъ, куда полнымъ ходомъ неслись брандеры, ярко освѣщенные лучами прожекторовъ.

Снаряды огненнымъ дождемъ лились въ море.

Герои долга, надѣявшіеся, что мы все еще спимъ, погружались въ холодную могилу.

Непріятельскій флотъ какъ бы застылъ, словно въ испугѣ, держится тамъ вдали, на темномъ горизонтѣ, тревожно поводя

лучами боевыхъ фонарей, силясь разобрать, что творится у твердынь Артура.

Напрасно! Проходъ свободенъ и чистъ.

Изъ 12 брандеровъ — 10 не существуетъ. Погибли безвозвратно, а съ ними два миноносца.

Усиливающаяся на внѣшнемъ рейдѣ зыбь омываетъ ихъ трубы и мачты.

Заходилъ по морю утренній туманъ. Въ немъ зарыскали японскіе миноносцы.

Напрасныя надежды: проходъ свободенъ и чистъ! Свыше полмилліона іенъ и сотни жизней погибли безслѣдно, укрѣпивъ насъ въ сознаніи, что и мы, при желаніи и умѣніи, можемъ быть грозны и опасны.

Луна блѣднѣетъ. Загорѣлась денница. Заалѣлъ востокъ, а люди еще не устали, они продолжали свой кровавый споръ.

Но, наконецъ, и они утомились.

Бой замѣтно стихаетъ.

Выстрѣлы все рѣже и рѣже.

Разсвѣтъ.

Шумятъ лишь кинжальныя батареи, та-татакуютъ пулеметы и трещитъ частая дробь ружейныхъ выстрѣловъ по уходящимъ шлюпкамъ.

По внѣшнему рейду, гонимые волной плывутъ трупы, одѣтые, обнаженные, нетронутые и изувѣченные, шапки, обломки, снасти, карты...

На рейдѣ сильная зыбь. По всѣмъ направленіямъ борются съ волной катера—спѣшатъ на помощь къ затонувшимъ брандерамъ, къ искалѣченнымъ и уцѣлѣвшимъ врагамъ.

На мачтахъ и трубахъ различаются группы японцевъ...

Прошла страшная ночь, кончился бой—утро смѣнилъ день.

Съ „Отважнаго“ отчалилъ катеръ съ главнокомандующимъ. Команда, награжденная георгіевскими крестами, не чувствуя усталости, провожаетъ его раскатистымъ „ура“.

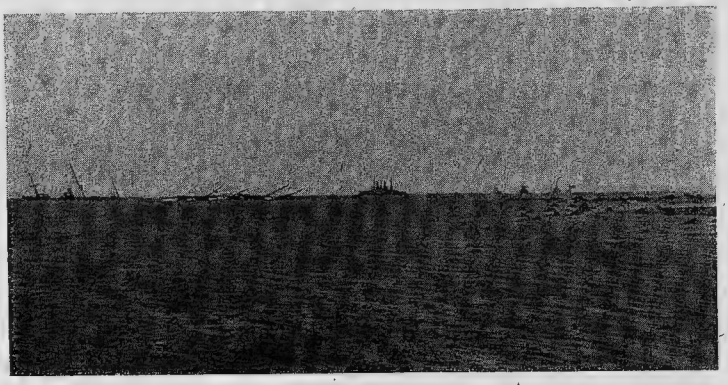
Быстро несется катеръ къ „Гиляку“. Несмотря на сильное волненіе, катеръ, управляемой умѣлой рукой кормчаго, лихо присталъ къ трапу. Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ, быстро поднявшись на палубу, загроможденную гильзами унитарныхъ патроновъ скорострѣльной артиллеріи, горячо благодаритъ контръ-адмирала Лощинскаго, командира Стронскаго, гг. офицеровъ и награждаетъ молодцовъ-матросовъ за блестящее дѣло.

Тотъ же катеръ, при крикахъ восторженнаго „ура“, подхваченнаго всѣми судами эскадры обойдя всѣ затонувшіе брандеры

летитъ на „Севастополь“, тамъ ждутъ Намѣстника дѣла и возможность порадовать Царя радостной депешей.

Итакъ, невѣроятная по своей смѣлости и грандіозности задуманнаго плана попытка открыто, передъ лицомъ всего береговаго фронта, заградить входъ въ гавань не удалась исключительно благодаря бдительности сторожевыхъ судовъ и разумно организованной минной обороны.

Я беру на себя смѣлость открыто утверждать, что вся честь удачнаго отбитія брандеровъ, а, слѣдовательно, освобожденіе всей нашей эскадры отъ позорной участи полной бездѣятельности, когда японцы готовили высадку на Ляодунъ, ложится всецѣло



Внѣшній рейдъ у входа въ гавань. Затопленныя нами наши суда и брандеры.

на отрядъ судовъ минной обороны Артура, съ контръ-адмираломъ Лощинскимъ во главѣ.

Читатель вообще, а артурецъ въ особенности, настойчиво потребуетъ доказательствъ.

Безпристрастные очевидцы должны помнить, что:

1) Когда показался первый брандеръ, мѣсяцъ былъ полный и почти въ зенитѣ. Это условіе сильно препятствовало продуктивности огня береговыхъ батарей.

2) Первый брандеръ былъ замѣченъ показавшимся на SO отъ Золотой горы. Остальные въ разныхъ пунктахъ указаннаго направленія открывались постепенно, стремительно несясь въ проходъ.

3) Первыми замѣтившими брандеръ были сторожевыя суда, которыя немедленно и открыли по нимъ бѣглый огонь, преимущественно изъ орудій 75 м/м калибра. Снарядовъ въ теченіе 3-хъ часовъ было выпущено свыше 2,000.

3) Брандеры, головокружительно стремясь прямо въ проходъ, для большинства батарей были неуязвимы, такъ какъ очутились въ мертвомъ пространствѣ. Утренній осмотръ свидѣтельствовалъ, что брандеры пострадали, главнымъ образомъ, отъ орудій мелкаго калибра. „Отважный“, имѣя одну 10-дюймовую пушку устарѣлаго типа, хотя и стрѣлялъ, но стрѣлялъ рѣдко, такъ какъ на заряженіе этого орудія требовалось отъ 5 до 6 минутъ.

5) Сильный огонь береговыхъ батарей, сопряженный съ огромной непродуктивной тратой ограниченнаго количества снарядовъ крѣпостнаго калибра, имѣлъ, главнымъ образомъ, устрашающій для командъ брандеровъ значеніе, но и только.

Затѣмъ:

6) Незначительное количество скорострѣльныхъ орудій на береговомъ фронтѣ, да и тѣ, въ большинствѣ случаевъ, не могли поражать неожиданно очутившіеся у самаго берега брандеры.

7) Неподготовленность крѣпостной артиллеріи въ стрѣльбѣ по движущимся цѣлямъ.

Ни для кого не секретъ, что продуктивная стрѣльба береговыхъ батарей по быстро движущимся цѣлямъ, да еще ночью, требуетъ серьезной подготовки и морского глаза. Кромѣ того, въ Артурѣ, какъ на батареяхъ сухопутнаго, такъ и берегового фронта не было ночныхъ, точныхъ прицѣловъ (электрическія лампочки). Объ этомъ мнѣ неоднократно говорили и сѣтовали командиры посѣщаемыхъ мною ночью батарей берегового фронта. Особенно этотъ крупный недочетъ давалъ себя чувствовать на батареяхъ „Электрическаго утеса“ и „Двурогаго холма“ (Стрѣлковая), и, наконецъ:

8) Ограниченное количество прожекторовъ: на весь огромный береговой фронтъ ихъ было всего четыре, изъ которыхъ только на „Электрическомъ утесѣ“ прожекторъ былъ сильнаго отраженія. Остальные были очень слабые. Ограниченное количество прожекторовъ лишало крѣпость возможности устраивать свѣтовую преграду, т. е. держать въ свѣтѣ весь горизонтъ и этимъ предупреждать еще съ дальнихъ дистанцій прорывъ на рейдъ непріятельскихъ минныхъ катеровъ, миноносцевъ и минныхъ транспортовъ.

Что погубило „Петропавловскъ“?

Отсутствіе раціональной свѣтовой преграды.

Во все время осады японцы, пользуясь темными ночами, подкрадывались къ самой крѣпости и разбрасывали мины.

Сколько труда, сопряженнаго съ опасностью, стоило ихъ

вылавливаніе, объ этомъ знаютъ только тѣ, кто принималъ участіе въ этихъ непрерывныхъ геройскихъ подвигахъ.

Контръ-адмиралъ Лощинскій и Виренъ (тогда еще капитанъ I ранга) принимали самое дѣятельное участіе въ организаціи этого нешумнаго, незамѣтнаго, но кропотливаго и смертельно-опаснаго дѣла.

Предпославъ въ своихъ доводахъ о доминирующемъ значеніи сторожевыхъ судовъ въ дѣлѣ отбитія брандеровъ въ ночь на 20 Апрѣля схему атаки и ея отраженія, въ заключеніе приведу выдержки изъ свидѣтельскихъ показаній о состояніи затопленныхъ брандеровъ и причинахъ ихъ потопленія.

„...Изъ 12 брандеровъ, *два* взорвались на минахъ инженернаго вѣдомства; *два* взорваны паровыми катерами, *одинъ*—миной Уайтхэда съ минной батареи, устроенной на брандерѣ, затонувшемъ при атакѣ 14 марта,—*три*, имѣя перебитую прислугу не попали въ проходъ, а стали на якорь внѣ его и самовзорвались, и *одинъ* выбросился *цѣлымъ* правѣе батареи „Электрическій утесъ...“

21 Апрѣля вечеромъ я сидѣлъ въ каютъ-кампаніи канонерской лодки „Отважный“ въ обществѣ его офицеровъ. Послѣобѣденная бесѣда была посвящена событіямъ минувшей ночи. Многіе изъ офицеровъ, увлекаясь, передавали свои впечатлѣнія.

Сколько рѣшимости, отваги, надеждъ читалъ я въ глазахъ волновавшейся, честной, искренней молодежи.

На меня всегда удивительно бодряще дѣйствовала ихъ энергія, желаніе работать и побѣждать врага, побѣдить во что бы то ни стало.

Сколько видѣлъ я въ ихъ взорахъ полнаго самоотверженія въ минуты жесточайшей опасности, столько иногда, въ мирной бесѣдѣ, въ боевомъ досугѣ, замѣчалъ нескрываемой ненависти ко всему тому, что довело нашъ флотъ до его печальнаго состоянія.

Молодежь, склонная всегда увлекаться, здѣсь временами была удивительно уравновѣшенна, зло, но вѣрно указывая на первоисточники всѣхъ нашихъ бѣдъ.

Незамѣтно для бесѣдовавшихъ рѣчь зашла о дѣлахъ въ сѣверной арміи и упорно циркулировавшихъ слухахъ о связи послѣднихъ брандеровъ съ вѣроятной высадкой оккупаціонной арміи.

Часовъ около 8.—Въ каютъ-кампанію входитъ подвахтенный и докладываетъ капитану II ранга Пекарскому:

— „Ваше Благородіе, Золотая гора спрашиваетъ. („Отважный“ былъ соединенъ телефономъ съ Золотой горой и „Севастополемъ“).

Черезъ нѣсколько минутъ возвращается г. Пекарскій.

— Господа, только что получена депеша. Японцы начали высадку у Бицзыво. Намѣстникъ, согласно Высочайшему повелѣнію, завтра уѣзжаетъ въ Мукденъ.

Всѣ сразу замолчали—словно не ожидали, что неизбѣжное должно было наступить.

. . . . . .

— „Значитъ мы будемъ отрѣзаны"?— наивно задаетъ вопросъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

— Да, да, да, будемъ отрѣзаны, осаждены, уничтожены и взяты въ плѣнъ,—не то шутя, не то злобно-пророчески бросилъ намъ одинъ изъ собесѣдниковъ и скрылся въ каюту. Кто это былъ, не помню.

Несмотря на то, что это было давно уже ожидаемое извѣстіе, всѣ какъ то ушли въ самихъ себя. Присутствовавшіе стали расходиться. Поговоривъ еще немного съ старшимъ офицеромъ, капитаномъ II ранга Ивановымъ VIII, я сталъ прощаться. Нужно было спѣшить въ редакцію. Подали паровой катеръ. На рейдѣ, бухтѣ и кругомъ ни звука. Ночь темная. Черезъ нѣсколько минутъ уже у адмиральской пристани. Миновалъ ворота. Впереди идутъ моряки.

— „И такъ на дняхъ мы будемъ безповоротно изолированы.

— „И навсегда,—слышу опять пророческій голосъ.

— „Но кто будетъ командующимъ?

— „?!?

— „Ну какъ вы думаете? Неужели старикъ-штабной Витгефтъ?

— „?!!

— „Ну кого бы вы назначили?

— „Эссена.

— „Это почему?

— „Упрямый головорѣзъ: будетъ по примѣру 27 Января лихо болтаться до тѣхъ поръ, пока не уничтожитъ весь флотъ, и этимъ быстро подготовитъ эпилогъ артурской траги-комедіи.

— Нѣтъ, вы шутите. Положимъ Эссенъ велъ себя съ „Новикомъ" 27 Января геройски, но — легкомысленно. Безъ сомнѣнія, онъ ни къ чему серьезному не способенъ. Онъ—собственно и не морякъ, а скорѣй лихой морской наѣздникъ.

— „Вотъ, видите, сами согласны, а говорите, что я шучу.

— „Да нѣтъ. Если говорить о молодыхъ кандидатахъ и при томъ дѣльныхъ, то я безусловно назвалъ бы Вирена. Покойный

нашъ Макаровъ, говорятъ, успѣлъ его оцѣнить. Виренъ — это звѣзда среди нашихъ командировъ.

— „Те, те, те. Звѣзды лишь на небѣ долго и ярко свѣтятъ. А у насъ на землѣ звѣздъ по военно-морскому уставу не полагается: ихъ быстро потушатъ либо судьба, либо исполнительные начальники. Да бросимъ-те эту скучную матерію и зайдемъ въ Саратовъ, выпьемъ по доброй чаркѣ водки и рѣшимъ вопросъ о кандидатурѣ.

. . . . . .

22-го апрѣля Намѣстникъ выѣхалъ въ Мукденъ, передавъ начальство надъ флотомъ контръ-адмиралу Витгефту.

Болѣе неудачнаго выбора, какъ назначеніе Витгефта командующимъ эскадрой, конечно, нельзя было и придумать.

Но адмиралъ Витгефтъ искупилъ всѣ свои ошибки, какъ флотоводецъ, геройской смертью при исполненіи своего долга, и поэтому память его для насъ священна.

Нельзя было назначать сухопутнаго адмирала командующимъ эскадрой, которой предстояло разрѣшить огромную задачу. Первая часть, которой заключалась въ томъ, чтобы въ началѣ оберегать берега Ляодуна и совмѣстно съ войсками укрѣпленнаго района не допустить высадки противника, или, во всякомъ случаѣ, отдалить ее и не дать возможности такъ быстро прервать сообщенія и этимъ способствовать дальнѣйшему питанію крѣпости всѣмъ необходимымъ для долговременной обороны.

Все это прекрасно понимали Смирновъ и Макаровъ. Въ совмѣстной работѣ они рѣшили многіе вопросы о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. (По всему вѣроятію, гдѣ-нибудь хранятся эти интересные документы).

Но судьба сулила иное.

Смирнова подчинила она Стесселю, а Макарова вычеркнула изъ списка живыхъ.

XLVI.

23-го апрѣля противникъ, безпрепятственно произведя высадку у Бицзыво, атаковалъ наши слабые охранные посты пограничной стражи и заставилъ ихъ отступить, прервавъ сообщенія у станціи Пуландянъ.

Начальникъ станціи „Киньчжоу“ началъ тревожно доносить въ штабъ раіона о высадкѣ японцевъ.

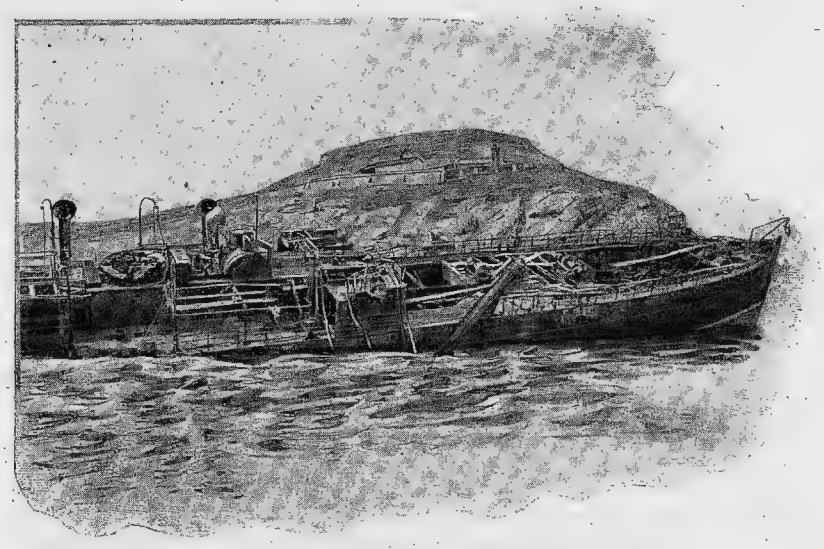
Телеграмма посылалась за телеграммой.

Нужно было принимать энергичныя мѣры.

Но нѣтъ. Генералъ Стессель взглянулъ иначе на дѣло.

Онъ выругалъ начальника станціи и приказалъ перестать доносить глупости.

Сопротивленіе насѣдавшему противнику оказывали только 50 человѣкъ охотниковъ пограничной стражи подъ командой поручика Сиротко, которые, несмотря на довольно упорное сопротивленіе, должны были отступить передъ развѣдочнымъ отрядомъ, чуть не въ 20 разъ превосходившимъ ихъ числомъ. Хотя на



Затонувшіе брандеры.

станціи Нангалинъ и стояли готовые къ отправленію поѣзда съ резервомъ, которымъ командовалъ подполковникъ Лаперовъ, но они, по „независящимъ обстоятельствамъ“, не тронулись съ мѣста, и поддержки горсти пограничниковъ оказано не было.

День перваго перерыва сообщенія совпалъ съ днемъ тезоименитства Государыни Императрицы. Послѣ церковнаго богослуженія генералъ-лейтенантъ Стессель вышелъ къ построившимся къ параду войскамъ.

Паралъ, по обыкновенію, длился очень долго.

Послѣ этого генералъ, по своему обыкновенію, держалъ длинныя рѣчи, изъ которыхъ всѣми отчетливо понимались лишь заключительныя, громко произносимыя „ура“.

Все остальное носило характеръ набора словъ, непрерывно пересыпаемаго „умремъ“, „умремъ“. Въ заключеніе войска прошли церемоніальнымъ маршемъ, держа винтовки „на руку“.

24-го апрѣля были приняты мѣры къ возстановленію прерваннаго сообщенія. Интересно, что въ крѣпости не могли найти достаточнаго количества телеграфныхъ проводовъ.

Гражданскому комиссару начальникъ раіона отдалъ за № 170 слѣдующій приказъ:

... „Предписываю принять всѣ мѣры къ тому, чтобы различные чины гражданскаго вѣдомства отнюдь не смѣли оставлять свои мѣста безъ моего, всякій разъ особаго, разрѣшенія.

„Въ Бицзыво самовольно ушли начальникъ участка и весь служебный персоналъ, сняты были и телеграфные аппараты значительно ранѣе того, чѣмъ началъ насѣдать противникъ. Всѣ служащіе будутъ привлечены къ законной отвѣтственности.

„Гражданскій комиссаръ отвѣтственъ за своихъ подчиненныхъ.

„Самовольно оставившихъ свой постъ я тотчасъ предамъ полевому суду“.

Спрашивается, что оставалось дѣлать начальнику бицзыоскаго участка, имѣвшему въ своемъ распоряженіи 20—30 стражниковъ? Подъ носомъ высаживается цѣлая армія, а кругомъ начинали уже бродить шайки хунхузовъ. Неужели онъ долженъ былъ ожидать приказанія начальника раіона? Японцы не стали ожидать его приказа: они высадившись немедленно начали наступленіе и, если бы начальникъ участка во-время не отступилъ, то попалъ бы самъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ телеграфными аппаратами, которые такъ безпокоили начальника раіона.

Далѣе, за № 168 отдается слѣдующій приказъ:

„Градоначальнику города Дальняго, инженеру Сахарову, мною даны необходимыя приказанія по приведенію въ надлежащій видъ всего того, что необходимо по военнымъ обстоятельствамъ.

„Мирному населенію городовъ Дальняго и Таліенвана спокойно оставаться на мѣстахъ жить, такъ какъ имъ не угрожаетъ никакой опасности отъ непріятеля“.

Читателя прошу обратить особенное вниманіе на этотъ приказъ, въ виду разыгравшихся впослѣдствіи событій.

XLVII.

25-го апрѣля примчался съ сѣвера послѣдній поѣздъ со снарядами. Прибывшіе сообщили, что сѣвернѣе Пуландяна испорченъ телеграфъ и желѣзнодорожный путь пограничной стражей, отходящей къ Вафонгоу.

Итакъ, Артуръ былъ отрѣзанъ.

На долю его выпала серьезная задача, задача привлечь на себя цѣлую армію и этимъ облегчить концентрированіе нашихъ боевыхъ силъ на сѣверѣ.

Теперь я позволю себѣ остановиться на приказѣ начальника раіона отъ 25 апрѣля за № 168.

Въ этомъ приказѣ говорится, что градоначальнику г. Дальняго „мною даны необходимыя приказанія по приведенію въ надлежащій видъ всего того, что необходимо по военнымъ обстотельствамъ“.

Разсмотримъ, какія были отданы „необходимыя приказанія“, что творили съ Дальнимъ, этимъ питательнымъ пунктомъ Артура.

Съ объявленіемъ войны большинство жителей Дальняго спѣшно выѣхало на сѣверъ.

Остались въ немъ лица, имѣвшія торгово-промышленныя предпріятія, и служащіе китайской ж. д. Число оставшихся было настолько значительно, что начальникомъ гарнизона Фокомъ 10 февраля, за № 22, издано слѣдующее распоряженіе:

„Обстоятельства могутъ вызвать необходимость временно удалить русское населеніе изъ города. Поэтому городская администрація должна быть вполнѣ подготовлена къ тому, чтобы приказаніе вывезти жителей, а также весь подвижной желѣзнодорожный составъ на станцію Нангалинъ не застало ее врасплохъ. Это передвиженіе должно совершиться въ полномъ порядкѣ, причемъ особенное вниманіе должно быть обращено на своевременное удаленіе подвижного состава. Въ виду этого, я полагаю необходимымъ образовать распоряженіемъ вашего высокоблагородія комиссію при участіи представителя отъ жел. дор. вѣдомства, которая должна установить основанія и затѣмъ въ подробности разработать данныя: во-первыхъ, ежедневнаго учета и распредѣленія имѣющихся въ наличности на ст. Дальній вагоновъ и паровозовъ; во-вторыхъ, самаго порядка вывоза русскаго населенія.

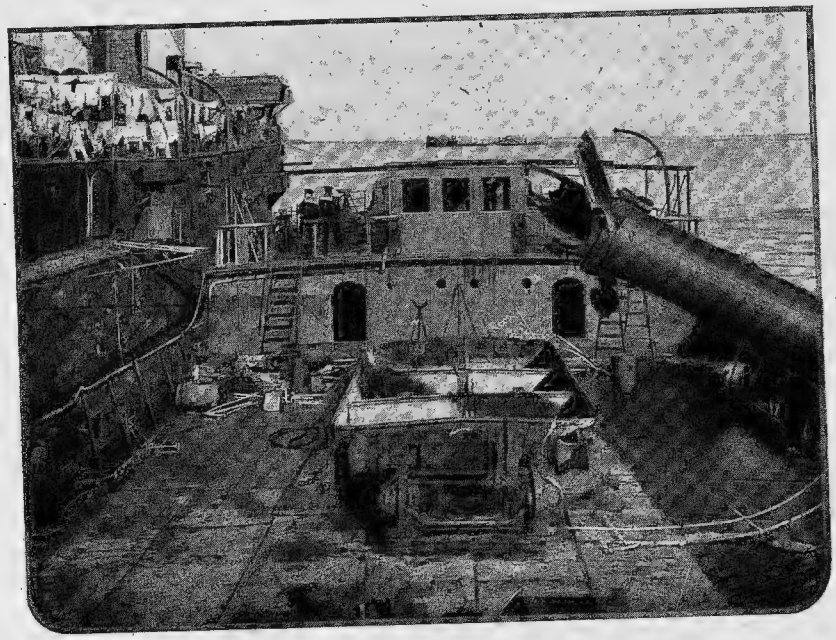
„Такимъ образомъ, надлежитъ выработать какъ бы планъ перевозки, въ который ежедневно должны вноситься точныя поправки, въ зависимости отъ наличности подвижного состава и свободныхъ путей на станціи. При этомъ прошу принять въ расчетъ слѣдующія требованія.

„1) Съ первымъ поѣздомъ должны быть вывезены больные, а также оставшіяся въ городѣ женщины и дѣти.

„2) Послѣднимъ оставляетъ городъ градоначальникъ, полицеймейстеръ, начальникъ ж. д. станціи и т. д.

„3) Поѣзда доходятъ до станціи Нангалинъ и тамъ ждутъ дальнѣйшихъ приказаній.

„4) Принимая во вниманіе, что машинистъ паровоза, подъ вліяніемъ чувства самосохраненія, можетъ, не дождавшись окончанія составленія поѣзда и посадки, уѣхать съ однимъ паровозомъ, чему исторія даетъ примѣры, необходимо тотчасъ же съ полученіемъ приказанія о выѣздѣ назначить къ каждому машинисту надежныхъ часовыхъ, объяснивъ имъ ихъ обязанности, и



Палуба затонувшаго брандера. У борта канонерская лодка „Отважный".

предупредить машинистовъ отъ моего имени, что всякій, совершившій подобное бѣгство, будетъ немедля разстрѣлянъ безъ суда, по чрезвычайнымъ обстоятельствамъ военнаго времени. (!?!)

„5) Не надо также упускать изъ виду, что въ настоящее время граждане вооружены огнестрѣльнымъ оружіемъ. Это сдѣлано съ цѣлью сдерживать грабительскія и воровскія поползновенія, главнымъ образомъ китайского населенія, такъ и въ особенности для того, чтобы придать жителямъ больше спокойствія и увѣренности въ личной и имущественной безопасности. Но во время паники, которая легко охватываетъ толпу въ подобныхъ условіяхъ, особенно ночью, это обстоятельство можетъ повлечь ужасныя послѣдствія: кто-нибудь можетъ выстрѣлить, и легко

представить, что произойдетъ, когда откроется неудержимая паническая пальба, а жители вообразятъ, что стрѣляетъ непріятель".

Городская администрація, повѣривъ такой заботливости военнаго начальства о гражданскомъ населеніи, собрала 12-го февраля 1904 г. совѣщаніе о мѣрахъ охраненія безопасности населенія, на случай выхода изъ Дальняго.

Предусмотрѣны были всѣ случайности. Выработанъ порядокъ отправленія поѣздовъ, способъ оповѣщенія жителей, въ случаѣ поднятой тревоги днемъ или ночью, мѣсто, гдѣ населеніе должно собираться. Распредѣлены всѣ обязанности по посадкѣ женщинъ и дѣтей въ поѣзда, отправленію имущества и т. д.

Что же касается вопроса о своевременномъ удаленіи, кромѣ поѣздовъ съ населеніемъ и кладью, остального подвижного состава, въ примѣрномъ количествѣ 100 товарныхъ вагоновъ и 300 трюковъ,—то таковое признано было абсолютно невыполнимымъ. Въ случаѣ невозможности отступленія сухимъ путемъ рѣшено было отправить жителей въ Таліенванъ на пароходѣ „Гиринъ".

Согласно же заявленію доктора Эдельберга, всѣхъ больныхъ, пользовавшихся въ городской больницѣ, было рѣшено отправить 13-го февраля въ Харбинъ.

XLVIII.

Когда населеніе Дальняго узнало о результатахъ совѣщанія, оно, вполнѣ соглашаясь съ выработанными положеніями, рѣшило продолжать свои занятія.

Успокоительно дѣйствовало еще на всѣхъ то обстоятельство, что, во-первыхъ, японцы избрали объектомъ своихъ военныхъ дѣйствій Портъ-Артуръ и совершенно не появлялись вблизи Дальняго; во-вторыхъ, высказанное и постоянно подтверждаемое генералами Стесселемъ и Фокомъ мнѣніе, что Киньжоуская позиція представляетъ изъ себя столь грозное сооруженіе, что противникъ никогда его не возьметъ; и, въ-третьихъ, высказанное и поддержанное военными властями предположеніе, что японцы ничего не будутъ предпринимать противъ Дальняго, который, какъ коммерческій портъ, а въ будущемъ — интернаціональный, будто-бы находится въ исключительныхъ условіяхъ съ точки зрѣнія международнаго права.

Выѣздъ, даже временный, жителей Дальняго допускался въ Артуръ лишь съ особаго на каждый отдѣльный случай разрѣшенія начальника укрѣпленнаго раіона. (Приказъ отъ 16-го апрѣля 1904 г. № 190).

Для того, чтобы попасть дальнинцу въ Артуръ, много приходилось хлопотать и терять времени.

Хотя пессимисты и отрицали привилегію города Дальняго въ качествѣ интернаціональнаго города, доказывая, что съ устройствомъ береговыхъ батарей Цы-эр-гоу городъ подвергается большому риску быть бомбардированнымъ и взятымъ открытой военной силой, но такимъ заявленіямъ не придавали никакого значенія.

Не придавали серьезнаго значенія и тѣмъ слухамъ, что Киньжоуская позиція не въ состояніи будетъ долго обороняться, такъ какъ она крайне слабо вооружена и укрѣпленія ея совершенно не соотвѣтствуютъ требованіямъ современной артиллеріи.

Впослѣдствіи оказалось, что береговымъ батареямъ г. Дальняго удалось сдѣлать лишь нѣсколько выстрѣловъ, да и то по уходившимъ изъ порта шаландамъ съ русскими мирными жителями. Двѣнадцать шаландъ батареи пропустили, а по 13-й, нѣсколько запоздавшей, былъ открытъ огонь, къ счастью, во время прекращенный.

Что испытали бѣдные жители, когда надъ ихъ головами запѣли снаряды, падая въ воду по всѣмъ направленіямъ, можно себѣ представить. На 13-й шаландѣ, между прочимъ, ѣхали завѣдующій портовой конторой Занковичъ и счетоводы Вирскій и Макашевъ.

Чѣмъ руководствовался начальникъ гарнизона, генералъ Фокъ, открывая по своей же шаландѣ орудійный огонь? Здѣсь можно допустить лишь два предположенія: такъ какъ генералъ Фокъ въ лицѣ большинства мирныхъ жителей и высшихъ представителей военной и гражданской власти видѣлъ „измѣнниковъ“, постоянно повторяя эти слова по адресу тѣхъ лицъ, которыя не соглашались съ его проектами, то очень возможно, что онъ рѣшилъ потопить шаланду. Лучше погибнутъ нѣсколько невинныхъ, чѣмъ спасется хотя одинъ „измѣнникъ“ и предастъ Артуръ. Если это предположеніе не выдерживаетъ критики, то безтолковое, среди бѣла дня разстрѣливаніе своей же шаланды, уходившей изъ своего же порта, свидѣтельствуетъ о томъ, какая безконечная безалаберщина, нераспорядительность и преступная халатность царили во ввѣренномъ генералу гарнизонѣ.

XLIX.

Спокойное пребываніе мирныхъ жителей г. Дальняго было нарушено 20-го и 22-го апрѣля, когда было получено извѣстіе о высадкѣ японцевъ въ Бицзыво. Началась тревога и бѣгство жителей. Къ сожалѣнію, немногимъ удалось проѣхать по желѣзной дорогѣ на сѣверъ.

23-го апрѣля желѣзнодорожный путь былъ разрушенъ. Были приняты мѣры къ его возстановленію. Затѣмъ, когда фактически путь былъ уже окончательно разрушенъ, изъ Дальняго былъ отправленъ 28-го апрѣля поѣздъ съ мирнымъ населеніемъ. Отправленъ онъ былъ, конечно, съ разрѣшенія верховной военной власти, которая, бродя въ потемкахъ, не знала, что желѣзнодорожнаго пути уже не существуетъ.

Поѣздъ былъ встрѣченъ японскими разъѣздами, открывшими по немъ ружейный огонь. Машинистъ (которому было объявлено, что если онъ изъ Дальняго убѣжитъ съ паровозомъ одинъ, то подвергнется разстрѣлу), давъ полный ходъ назадъ, подъ свистъ непріятельскихъ пуль отошелъ съ поѣздомъ къ Дальнему.

Какъ этотъ случай, такъ и всѣ наши неудачи на театрѣ военныхъ дѣйствій квантунскаго укрѣпленнаго раіона, главнымъ образомъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что начальникъ раіона, благодаря невѣроятной безтолковщинѣ, которую онъ устраивалъ вмѣстѣ съ генераломъ Фокомъ, лишенный хорошо организованной развѣдочной службы, часто бродилъ въ потемкахъ и не зналъ, что творится впереди.

Приказъ по войскамъ квантунскаго укрѣпленнаго раіона отъ 25-го апрѣля, за № 168, заключавшій въ себѣ ободряющія слова: „Мирному населенію г. Дальняго и Таліенвана спокойно оставаться на мѣстахъ жить, такъ какъ ему не угрожаетъ никакой опасности отъ непріятеля“, — не внесъ желаемаго успокоенія.

Входя въ положеніе жителей, градоначальникъ Сахаровъ 30-го апрѣля телеграфируетъ генералу Стесселю:

„Покорнѣйше прошу указаній, какъ я долженъ поступить съ русскими подданными, женщинами, дѣтьми и служащими, оставшимися въ городѣ по долгу службы, въ виду возможнаго оставленія города русскими войсками.

„Въ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ несомнѣнно ожидать, что оставленные въ городѣ русскіе подданные будутъ вырѣзаны

китайцами или перебиты японскими войсками при взятіи города съ боя. 28-го вечеромъ я отправилъ поѣздъ на сѣверъ съ женщинами и дѣтьми, но онъ долженъ былъ вернуться обратно, такъ какъ путь между Пуландяномъ и Вафандяномъ былъ испорченъ за часъ до прохода поѣзда. Въ настоящее время больше некуда отправлять жителей. Жду приказаній вашего превосходительства. № 1380. Градоначальникъ Сахаровъ".

Въ отвѣтъ на эту телеграмму градоначальникъ Сахаровъ былъ вызванъ на ст. Наигалинъ для личныхъ переговоровъ съ прибывшимъ туда генераломъ Стесселемъ.

Покойный Сахаровъ впослѣдствіи говорилъ мнѣ, что, несмотря на всѣ его убѣжденія и настойчивыя просьбы перевести жителей Дальняго въ Портъ-Артуръ, генералъ Стессель категорически въ этомъ отказалъ, заявивъ, что не допуститъ жителей Дальняго къ крѣпости на разстояніе „пушечнаго выстрѣла".

Такой результатъ переговоровъ подтверждается телеграммой Сахарова отъ 30-го апрѣля, за № 1404:

„Такъ какъ согласно данныхъ мнѣ указаній вашего превосходительства перевозъ жителей города Дальняго русскаго подданства въ крѣпость Артуръ не признанъ возможнымъ, а, съ другой стороны, оставленіе ихъ Дальнемъ послѣ оставленія города русскими войсками подвергнетъ жителей почти вѣрной смерти, покорнѣйше прошу разрѣшенія немедленно отправить пароходъ „Амуръ" подъ иностраннымъ флагомъ въ Чифу, погрузивъ въ него всѣхъ русскихъ женщинъ и дѣтей и оставшихся жителей. При такомъ рѣшеніи вопроса можно надѣяться, что будетъ сохранена жизнь сотенъ людей, и крѣпость будетъ освобождена отъ нежелательнаго для ея обороны элемента".

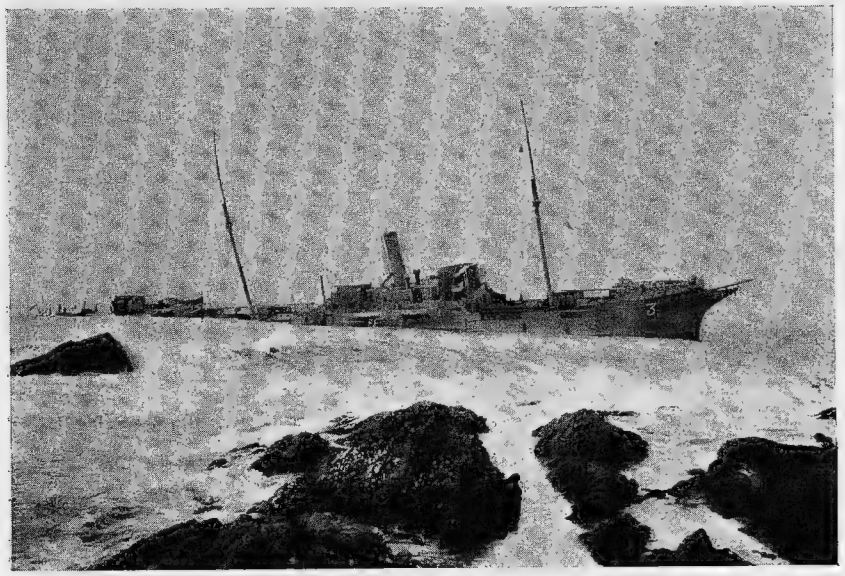
Затѣмъ Сахаровъ, для вящаго убѣжденія, прибавилъ еще фразу, которая собственно не отвѣчала дѣйствительности, благодаря противодѣйствію самого же Стесселя.

„Всѣ жизненные запасы вывожу Артуръ, и скоро жителямъ нечего будетъ ѣсть. № 1404. Градоначальникъ Сахаровъ".

Въ дополненіе къ этой телеграммѣ была послана вторая за № 1415:

„Доношу вашему превосходительству, что завтра предполагаю отправить пароходъ „Амуръ" въ Шанхай съ жителями, желающими добровольно выѣхать изъ города. Капитаны морского пароходства надѣются, что въ нынѣшнія темныя и туманныя ночи удастся проскочить пароходу незамѣтно мимо непріятельской эскадры. Конечно, въ случаѣ неудачи, пароходъ этотъ, предназначенный къ потопленію, можетъ быть захва-

ченъ непріятелемъ, но жители будутъ несомнѣнно отправлены въ Шанхай, что и составляетъ главную цѣль моего предпріятія. Для уменьшенія риска отъ взрыва я предполагаю въ началѣ послать пароходъ только съ охотниками, а всѣхъ женщинъ и дѣтей и пассажировъ самъ лично повезу катеромъ на баржѣ черезъ минное заграждение и вернусь обратно только тогда, когда всѣ пассажиры будутъ посажены на пароходъ внѣ миннаго заграждения. Убѣдительно прошу отвѣта, не встрѣчаетъ-ли ваше



Одинъ изъ затонувшихъ брандеровъ.

превосходительство препятствій, чтобы я привелъ въ исполненіе мое предпріятіе. № 1415. Градоначальникъ Сахаровъ".

Кажется, градоначальникомъ все было сдѣлано, что было въ его силахъ. Съ одной стороны, жители могли выѣхать въ Шанхай и спасти все свое имущество, съ другой стороны—крѣпость, на случай тѣсной блокады, освобождалась отъ нежелательнаго для нея элемента.

Но, къ несчастью, по никому непонятному упрямству начальника раіона, всѣ благія начинанія покойнаго градоначальника Сахарова не имѣли успѣха, разбиваясь о несокрушимую стойкость Стесселя.

На посланныя имъ телеграммы былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ:

„№ 1415. Не могу допустить, чтобы какое-либо судно попало въ руки непріятеля, да еще съ моего разрѣшенія. Я вамъ уже это говорилъ и удивляюсь, почему вамъ нужно вторично меня спрашивать. № 255. Стессель“.

На основаніи приведенныхъ документовъ можно себѣ представить положеніе мирнаго населенія Дальняго, въ виду надвигавшейся осадной арміи, полной неувѣренности въ Кинжоуской позиціи и страха передъ шайками хунхузовъ. Съ одной стороны, запрещается въѣздъ въ Артуръ, а съ другой—невозможность выѣхать инымъ путемъ.

Что же касается движимаго имущества, то нѣкоторыми лицами дѣлались попытки спасти что-нибудь путемъ отправки въ Артуръ по желѣзной дорогѣ, но телеграммой подполковника Павловскаго (корпусный интендантъ) отъ 1-го мая было сообщено:

„Генералъ Стессель приказалъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ не вывозилось собственное имущество, прежде чѣмъ будетъ вывезено казенное, согласно даннымъ указаніямъ“. (№ вх. градоначальства 526).

Что же касается того, какъ вывозилось казенное имущество и много ли его было вывезено до 13-го мая включительно, и чего натерпѣлись дальнинцы въ ночь на 17-е мая, читатель увидитъ изъ слѣдующихъ главъ.

LI.

То, чему одни вѣрили, другіе же только допускали—свершилось: Артуръ былъ отрѣзанъ. Съ моря блокада усиливалась, на сѣверѣ совершенно безпрепятственно шла высадка осадной арміи.

Наступилъ второй періодъ военныхъ дѣйствій на Квантунскомъ полуостровѣ.

Посмотримъ, что было сдѣлано высшимъ начальникомъ для обезпеченія войскъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона достаточнымъ количествомъ продовольствія.

Съ 27-го января по 25 апрѣля Артуръ, связанный стальнымъ путемъ съ Сибирью и блокируемый очень слабо съ моря, могъ быть обезпеченъ всѣмъ необходимымъ; тѣмъ не менѣе, онъ очутился въ самомъ невыгодномъ положеніи въ отношеніи продовольствія.

Было совершенно упущено изъ виду, что для успѣшной защиты крѣпости помимо войскъ, орудій и снарядовъ, одно

изъ главныхъ условій—богатое обезпеченіе ея продовольствіемъ и раціональная постановка санитарной части.

Впослѣдствіи я очень подробно остановлюсь на этихъ двухъ вопросахъ и постараюсь возможно ярче освѣтить всѣ дефекты, которые, главнымъ образомъ, и погубили Артуръ.

Теперь же я позволю себѣ обратить вниманіе читателя, что уже 23-го апрѣля начальникъ раіона пишетъ за № 158 слѣдующій приказъ:

„Предвидя затрудненія въ довольствіи войскъ укрѣпленнаго раіона мясомъ, предписываю отпускать нижнимъ чинамъ съ 25-го апрѣля по $^3/_4$ ф. въ день на человѣка, при этомъ приварочный окладъ не уменьшаю, съ тѣмъ, чтобы на остающіяся отъ мяса деньги пріобрѣтались по указанію начальниковъ дивизій другіе съѣстные припасы, имѣющіеся въ продажѣ, и было бы увеличено чайное довольствіе“.....

Комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Смирновъ отдаетъ аналогичный этому приказъ отъ 25-го апрѣля, за № 338:

„Въ виду незначительнаго количества запаса порціоннаго скота, предписываю частямъ войскъ гарнизона крѣпости производить довольствіе нижнихъ чиновъ солониной четыре раза въ недѣлю (по понедѣльникамъ, средамъ, пятницамъ и субботамъ) и свѣжимъ мясомъ три раза въ недѣлю, по расчету $^1/_2$ ф. какъ свѣжаго, такъ и соленаго мяса на человѣка на обѣдъ. На ужинъ готовить кашицу съ саломъ, по расчету стоимости таковой въ $^1/_2$ фунта мяса. Указанное довольствіе производить съ 26-го апрѣля впредь до подвоза свѣжаго мяса“.

Эти два приказа, появившіеся почти одновременно, свидѣтельствуютъ о томъ, что уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сознавалось тревожное положеніе продовольствія въ крѣпости. Съ конца апрѣля пришлось сократить питаніе войскъ, которыя въ силу исключительныхъ условій военнаго времени, постоянныхъ спѣшныхъ и усиленныхъ работъ въ крѣпости и раіонѣ, должны были бы быть подвергнуты усиленному питанію, чтобы впослѣдствіи бодро выносить всѣ тяжести боевой обстановки.

Этого нельзя было исполнить, и войска за 8 мѣсяцевъ до сдачи крѣпости очутились въ условіяхъ нераціональнаго питанія и получали меньше того, чѣмъ они довольствовались въ мирное время.

LII.

Въ крѣпости ощущался недостатокъ въ продовольствіи, но за то въ спиртныхъ напиткахъ не было недостатка.

Артурцы помнятъ ту гору ящиковъ издѣлій „Петра Смирнова“, которая величественно красовалась у вокзала желѣзной дороги и служила какъ бы тріумфальной аркой при въѣздѣ въ Старый городъ.

Глядя на этотъ вещественный тріумфъ Петра Смирнова, невольно зарождался вопросъ: неужели вмѣсто этого обильнаго запаса водки, губящей Россію, нельзя было привести въ Артуръ необходимое количество боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ для крѣпости, въ которыхъ она теперь такъ нуждалась?

Затруднять провозоспособность Сибирскаго пути транспортированіемъ водки и не позаботиться объ отправленіи въ крѣпость самаго необходимаго.

Поставить крѣпость въ безвыходное положеніе, обречь ея гарнизонъ въ первый же періодъ изолированія на нераціональное питаніе; оставить крѣпость безъ необходимаго вооруженія, крѣпость, которая должна быть базой на Дальнемъ Востокѣ, что это такое?

Читатель, Вы понимаете въ какомъ ужасномъ положеніи была крѣпость и ея гарнизонъ?

Не спѣшите возмущаться. Поберегите Ваши нервы. Постепенно я Вамъ разверну всю картину внутренней жизни осажденнаго Артура.

Ѣды было мало, но питья было въ волю.

Начальникъ раіона вполнѣ основательно отдалъ 25-го апрѣля приказъ, за № 165.

..... „Предлагаю полицеймейстеру немедленно закрыть всѣ питейныя заведенія и фактически воспретить впредь продажу всѣхъ спиртныхъ напитковъ въ магазинахъ, лавкахъ и заведеніяхъ и при этомъ для всего населенія крѣпости безъ исключенія“.

Эта часть плодотворной дѣятельности начальника раіона заслуживаетъ всяческой похвалы, но, къ несчастію, она не приводила ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Водка не продавалась въ магазинахъ, но рабочіе за бѣшеныя деньги доставали ее сколько угодно, тратя на это всѣ свои сбереженья. Привилегированная же часть населенія крѣпости получала водку и вино въ какомъ угодно количествѣ. Запретъ былъ строжайшій, но все, что хотѣло пить,—было всегда пьяно.

Я вспоминаю такіе эпизоды:

Входишь въ магазинъ, тебя окликаютъ.

— „Ваше высокородіе, нельзя-ли васъ побезпокоить?

— „Въ чемъ дѣло?

— „Вотъ деньги, купите водки, смерть выпить хочется. „Тамъ“ покупать, втридорога платишь, да и накланяешься вдостоль.

Впослѣдствіи нижніе чины и рабочіе предлагали по 10 руб. за бутылку водки. И это не единичные случаи.

Бывало, вернешься съ позиціи, подъѣдешь верхомъ къ экономическому обществу закупить запасовъ. Немедленно тебя окружаютъ нѣсколько человѣкъ.

— Ваше благородіе! Господинъ хорошій, пропадаемъ безъ водки, а и деньги есть. Купите, Христа ради, хоть по бутылочкѣ и сдачи намъ не надо. Протягиваютъ кто три, кто пять руб.

Не вытерпишь, сжалишься и прикажешь вѣстовому дать на всю компанію бутылку.

Приказъ этотъ былъ на руку полиціи и разнымъ дѣльцамъ, которые путемъ тайной продажи водки нажили большія деньги.

Въ крѣпости шла усиленная борьба съ пьянствомъ, а по поводу снабженія крѣпости продовольствіемъ отдавались довольно оригинальные приказы.

Очевидно, генералъ Стессель никакъ не могъ себѣ уяснить, что шутить—время прошло, что сообщеніе прервано, и не временно, а надолго, что нужно спѣшить съ такимъ серьезнымъ дѣломъ, какъ обезпеченіе крѣпости продовольствіемъ.

25 апрѣля за № 171: „Гражданскому комиссару предписываю немедленно собрать старшинъ (это съ цѣлой-то области) и лично объявить имъ, что я желаю, чтобы китайцы продавали скотъ крѣпостному интенданту и въ полки 4-й восточно-сибирской стрѣлковой дивизіи по взаимному соглашенію. Комиссару разработать этотъ вопросъ и доложить мнѣ не позже 29 сего апрѣля. При свободной продажѣ скота не нужна будетъ реквизиція“.

Начальникъ раіона, отдавая этотъ приказъ, очевидно, путалъ представленіе „реквизиція“ съ „экзекуціей“.

Реквизиція скота и продовольственныхъ запасовъ на театрѣ военныхъ дѣйствій во всѣхъ деталяхъ предусмотрѣна закономъ, который, въ основаніи своемъ, ограничиваетъ возможный произволъ военныхъ властей, ограждая частное имущество отъ полнаго разоренія.

Благодаря незнакомству съ законоположеніями и неумѣнію ими пользоваться, реквизиція въ Квантунской области превратилась впослѣдствіи дѣйствительно въ „экзекуцію“ населенія, а затѣмъ—въ открытый разбой и грабежъ, о чемъ свидѣтельствуютъ дѣла во временномъ Портъ-Артурскомъ военномъ судѣ.

Противникъ продолжалъ безпрепятственно и энергично высаживаться и наступалъ.

Наши конные передовые разъѣзды, благодаря плохой или, лучше, совершенно отсутствовавшей организаціи и подготовкѣ, слабо освѣщали мѣстность, и поэтому мы ничего не знали, что дѣлается въ расположеніи противника. Единственно, что мы твердо знали, это то, что противникъ наступаетъ и наступаетъ въ значительныхъ силахъ.

Его первые эшелоны подвигались по Мандаринской дорогѣ, по направленію къ Киьчнжоу.

LV.

На Киньчжоуской позиціи было спокойно.

Работы велись лишь полковникомъ Третьяковымъ средствами командуемаго имъ полка.

Генералъ Фокъ изрѣдка наѣзжалъ, объѣзжалъ укрѣпленія, настаивая на вооруженіи, главнымъ образомъ, праваго фланга, приказалъ соорудить батарею на Известковой горѣ, балагурилъ съ солдатами, разносилъ офицеровъ и уѣзжалъ въ Дальній.

Генералъ Стессель сидѣлъ почти безвыѣздно въ Артурѣ, удивляя всѣхъ своими приказами.

Въ крѣпости увѣренность въ киньчжоускую позицію была довольно сильная. Генералъ Стессель вездѣ говорилъ, что дальше Киньчжоу японцевъ не пустятъ.

Всѣ повѣрили и успокоились.

Мало кто, кромѣ японцевъ, зналъ, что представляетъ изъ себя Киньжоу.

Вдругъ, 27 августа, за № 177, мы читаемъ слѣдующій приказъ: „Въ виду возможнаго прихода всей 4-ой в.-с. стрѣлковой дивизіи въ Портъ-Артуръ, предлагаю коменданту крѣпости сдѣлать распоряженіе о постройкѣ хлѣбопекарныхъ печей...“

Для многихъ стало яснымъ, что твердыни Киньчжоу были не особенно надежны.

Главный начальникъ, еще не видѣвши врага, уже назадъ оглядывается. Увѣренность въ Киньчжоу была сразу подорвана.

Стали узнавать, что представляетъ изъ себя Киньжоу.

Отзывы о ней были самые тревожные.

Всѣ въ одинъ голосъ говорили, что, какъ позиція, она ниже всякой критики.

Но начальникъ раіона ничего не хотѣлъ знать и вѣщалъ намъ свою волю въ приказахъ:

Въ приказѣ за № 179, отъ 27-го апрѣля, онъ увѣренно пишетъ:

„Часто рубахи и чехлы не мыть, они болѣе подойдутъ подъ цвѣтъ мѣстности".

Не скажу, чтобы нашъ солдатъ былъ особенно чистоплотенъ, спасаетъ его отъ вшей баня.

Въ военное же время онъ и безъ приказовъ очень подходитъ подъ цвѣтъ мѣстности, въ которой живетъ. Мыться на позиціяхъ некогда, да и негдѣ.

29 апрѣля № 184.

„До сей поры встрѣчаются нижніе чины, особенно 7-го запаснаго баталіона въ валенкахъ; теперь это уже несвоевременно, гораздо лучше покупать на бойнѣ шкуры и дѣлать опанки".

Спрашивается, почему люди ждали валенокъ?

Почему въ теченіе всей осады люди не имѣли хорошей обуви? Почему крѣпость не была снабжена достаточнымъ количествомъ ея въ продолженіе 6 лѣтъ?

LVI.

Противникъ продолжалъ наступать.

Генералъ Фокъ ничего еще не предпринималъ серьезнаго. Впереди Киньчжоу были лишь высланы слабые разъѣзды.

Это было дѣйствительное положеніе вещей.

Для населенія же фабриковались другія извѣстія.

Въ № 92 „Новаго Края", отъ 29-го апрѣля, было напечатано слѣдующее:

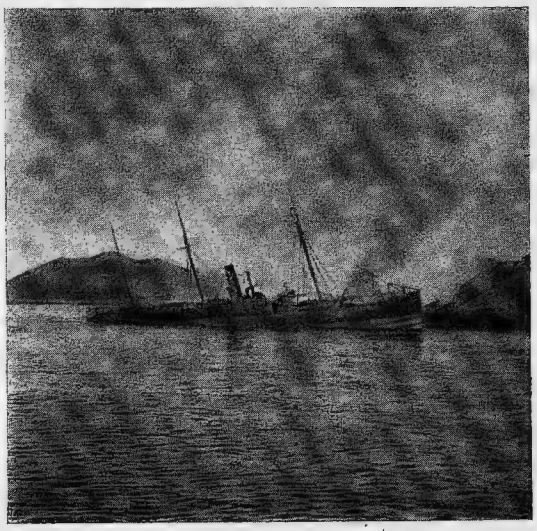
„Начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона приказалъ сообщить во всеобщее свѣдѣніе, что отрядъ генерала Фока оттѣснилъ японцевъ на сѣверо-востокъ отъ полотна жел. дороги. Есаулъ Канцевичъ дошелъ до бухты Кинчанъ, преслѣдуя японскую кавалерію, которая быстро отступила въ Бицзыво. Въ бухтѣ Кинчанъ есаулъ Канцевичъ видѣлъ 6 военныхъ судовъ. Вся охрана желѣзной дороги поставлена на свои мѣста".

На самомъ же дѣлѣ есаулъ Канцевичъ съ 30 казаками произвелъ легкую рекогносцировку мѣстности, но пройти 200 в., какъ говорилось въ приказѣ за № 199 отъ 1-го мая, никакъ не могъ. Дошелъ онъ лишь до бухты Кинчанъ и немедленно вернулся.

Въ дѣйствительности, кто могъ приносить и приносилъ огромную пользу въ дѣлѣ развѣдокъ, по личной иниціативѣ, — такъ это чины 36-й и 21-й ротъ пограничной стражи, прекрасно

знавшіе мѣстность. Но ими почти совсѣмъ въ началѣ не пользовались: они были почему-то не въ милости у генераловъ Стесселя и Фока.

Всѣ, кто зналъ отличную службу пограничниковъ и ихъ бравыхъ командировъ подполковника Бутусова и ротмистра Яковицкаго (въ томъ числѣ и полковникъ Лаперовъ, командиръ 2-й батареи 4-й в.-с. стрѣлковой артиллерійской бригады, и покойный Кондратенко) неоднократно мнѣ говорили, что пограничники прямо незамѣнимы. Но до тѣхъ поръ, пока они не попали подъ непосредственное начальство покойнаго Кондратенко, они игнорировались, а со стороны Стесселя преслѣдовались.



Одинъ изъ брандеровъ.

Противникъ наступалъ, занималъ уже у Саншилипу позиціи, а мы ничего не предпринимали.

Фокъ въ Дальнемъ диктаторствовалъ. Въ Артурѣ продолжали писать приказы.

Вотъ, напримѣръ, № 187:

„Сегодня я встрѣтилъ близъ церкви 2-хъ офицеровъ 27-го в.-с. стрѣлковаго полка съ дамой, — дѣлился съ нами впечатлѣніями начальникъ раіона. — На дамѣ была офицерская стрѣлковая фуражка. Оказалось, что одинъ изъ офицеровъ — поручикъ Эрбенъ, а дама его жена. Полагаю, что я не долженъ объяснять всю неумѣстность ношенія военной форменной фуражки съ кокардой лицу женскаго пола, когда законъ не дозволяетъ носить отставнымъ, уволеннымъ безъ мундира, и запаснымъ внѣ службы"...

Мы пробавлялись такими курьезными приказами, а серьезнѣйшихъ, государственной важности дѣлъ былъ край непочатый.

Въ Дальнемъ мы имѣли многомилліонныя сооруженія: отличнѣйшій докъ и молъ, выходящій въ море на разстояніи 2-хъ верстъ, но еще ничего не было предпринято, чтобы, на случай оставленія города, ихъ своевременно и основательно разрушить.

Только приказомъ за № 189 была назначена на 1 мая комиссія для рѣшенія вопроса, какія крупныя сооруженія Дальняго слѣдуетъ уничтожить.

Нужно замѣтить, что молъ и докъ японцамъ достались неприкосновенными и сослужили имъ неоцѣнимую услугу, когда они базировались въ Дальнемъ.

LVII.

Перваго мая начальникъ раіона ген. Стессель, проявилъ заботливость о необходимыхъ для крѣпости предметахъ. Говоря о произволѣ, царившемъ въ дѣлѣ отправки изъ Дальняго и Таліенвана разныхъ грузовъ, генералъ Стессель въ приказѣ за № 198, между прочимъ, пишетъ:

„...Напоминаю, что не разъ уже говорилось, что разрѣшается вывозить изъ Дальняго и Таліенвана только слѣдующіе предметы: 1) матеріалы для прожекторовъ, 2) фуражъ и съѣстные припасы, 3) необходимыя машины и электрическую станцію и 4) ледъ и каменный уголь...“ и т. д.

Заботливость простиралась до того, что упоминался даже ледъ, который, какъ въ Артурѣ, такъ и въ Дальнемъ, вырабатывался въ машинахъ, и надобности въ которомъ не ощущалось ровно никакой.

Когда начальнику раіона говорили, почему онъ не разрѣшаетъ печатать о ходѣ событій газетѣ, которая, издаваясь въ центрѣ разыгрывающихся важнѣйшихъ историческихъ событій, является сокровищницей всѣхъ переживаемыхъ моментовъ и можетъ дать правдивое, ясное освѣщеніе всему, что здѣсь происходитъ, послѣдній отвѣчалъ:

— Я этой газеткѣ не только ничего не буду давать, я ее скоро совсѣмъ закрою. Сколько тамъ народу даромъ окалачивается. Газеты теперь не нужно. Пусть читаютъ мои приказы и приказы генерала Фока. Тамъ и новость прочтутъ, да и поучительнаго много. Теперь не время литературой заниматься. Газету эту закрою, а всѣхъ этихъ немедля въ дружину зачислю.

1 мая было объявлено, что послѣ удачной рекогносцировки 30 казаковъ (объ одномъ и томъ же дѣлѣ пишется въ газетѣ два раза: разъ оффиціально сообщено о какихъ-то дѣлахъ отряда генерала Фока, другой разъ — о дѣйствительно произведенной рекогносцировкѣ) выяснилось, что противникъ въ значительныхъ силахъ держится у Бицзыво.

Въ дѣйствительности же противникъ занималъ позиціи у деревни Саншилипу, о чемъ не знали ни штабъ Стесселя, ни штабъ Фока вплоть до боя 3 мая. А что не знали, то объ этомъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что, занявъ южныя высоты у Саншилипу, 2 батарея 4 восточно-сибирской стрѣлковой артиллерійской бригады, очутившаяся „по недорозумѣнію“ вмѣсто арріергарда въ авангардѣ, была на половину уничтожена артиллеріей противника, занявшаго противоположныя высоты много раньше.

Ложь съ истиной такъ перепутались, что на мой вопросъ, обращенный къ подполковнику Іолшину, я получилъ такой отвѣтъ:

— У насъ, батюшка, идетъ такая путаница, что мы сами едва въ ней разбираемся. Каждый часъ новыя приказанія. Стессель приказываетъ одно, Фокъ дѣлаетъ совершенно другое.

Фокъ, который, какъ вы знаете, всегда кричалъ, что Кинчжоу неприступенъ, теперь, когда увидѣлъ, что японцы не шутятъ, что они высадились и наступаютъ, всѣмъ и каждому говоритъ и ораторствуетъ, что давать бой на Кичжоу — преступленіе; что ему загубятъ тамъ всю дивизію. А намъ доподлинно извѣстно, что противникъ высаживается въ большихъ силахъ, выгружаетъ массу артиллеріи.

Мы безусловно и окончательно отрѣзаны.

Дѣйствительно, творилось что-то неладное: 15-й и 16-й восточно-сибирскіе стрѣлковые полки перевозились по желѣзной дорогѣ и передвигались то взадъ, то впередъ, то въ Дальній, то въ Артуръ.

Всѣ мы находились подъ гнетомъ этой неурядицы и добраго конца не могли ожидать.

Прихожу я какъ-то на музыку. Смотрю, среди знакомыхъ царитъ какое-то небывалое оживленіе. Спрашиваю. На меня всѣ съ укорами.

— Неужели ничего не знаете, не слышите, а еще военный корреспондентъ. — Стесселя рѣшили признать больнымъ, уже все рѣшено. Завтра, кажется, кончатся всѣ его дѣла; Фока тоже отправятъ въ госпиталь. Мы по этому поводу пьемъ шампанское. Главное начальство принимаетъ генералъ Смирновъ.

— Если бы это осуществилось, то за Артуръ можно было бы быть покойнымъ. Да такъ-ли все это? — усомнился я.

Меня разбранили и перестали убѣждать. Всѣ настолько увлеклись заманчивой перспективой, что не хотѣли разсуждать, а просто радовались.

Положимъ — было чего радоваться.

LVIII.

Я затронулъ уже разъ вопросъ о дѣятельности минной обороны Квантуна, которая должна была въ періодъ военныхъ дѣйствій на Ляодунскомъ полуостровѣ оказать существенную, крайне серьезную помощь сухопутнымъ войскамъ въ защитѣ передовыхъ позицій, начиная съ Киньчжоускаго перешейка вплоть до позорнаго бѣгства съ Волчьихъ горъ организованнаго чернымъ героемъ Портъ-Артурской эпопеи, генералъ-лейтенантомъ Фокъ.

Особенно интенсивно должна была проявиться дѣятельность этой подвижной обороны въ бояхъ 13 мая, 13, 20, 21 іюня.

Посмотримъ, что ею было сдѣлано. Посмотримъ, правъ-ли тотъ, кто говоритъ и утверждаетъ, что дѣятельность отряда судовъ подвижной береговой обороны была незамѣтна.

Говоря объ отбитіи брандеровъ въ ночь на 20 апрѣля, я остановился на этомъ очень подробно, гдѣ въ лицѣ частнаго и безпристрастнаго наблюдателя по мѣрѣ силъ старался выяснить значеніе сторожевыхъ судовъ въ эту историческую ночь.

Теперь о гибели японскаго броненосца „Хатцузе“.

Насколько мнѣ извѣстно, съ начала блокады контръ-адмиралъ Лощинскій совмѣстно съ командиромъ миннаго крейсера „Амуръ“ изучали курсы непріятельскихъ судовъ и рѣшили по пути ихъ поставить мины въ направленіи по меридіану.

Долго этому мѣшало обиліе атмосферныхъ осадковъ и масса крейсирующихъ судовъ, особенно миноносцевъ.

Наконецъ, 1 мая, во время происходившаго у адмирала Витгефта засѣданія, въ которомъ участвовалъ, конечно, и адмиралъ Лощинскій явился командиръ „Амура“ за инструкціями въ дѣлѣ постановки минъ.

Адмиралъ Лощинскій обратился къ адмиралу Витгефту, какъ къ старшему, за разрѣшеніемъ на этотъ важный рискованный походъ.

— „Какъ хотите, этотъ вопросъ всецѣло въ вашемъ распоряженіи и вы дѣйствуйте по усмотрѣнію“.

Тогда Лощинскій обратился къ командиру „Амура“:

— „Непріятеля не видно, тумана почти нѣтъ, а если и будетъ, то только вамъ въ помощь, а потому идите съ Богомъ и ставьте не менѣе 50 минъ и не ближе 10 миль“.

Адмиралъ въ первый разъ самъ не пошелъ на „Амурѣ“, такъ какъ засѣданіе только что началось и носило очень серьезный характеръ.

„Амуръ“ ошелъ въ 3 часа и послѣ 5 вернулся.

Ко времени входа „Амура“ въ гавань я верхомъ возвращался съ оборонительной линіи. Какъ теперь помню тихій вечеръ, совершенно покойное море и „Амуръ“ медленно, осторожно втягивавшійся въ проходъ.

Никто и не подозрѣвалъ тогда, какую неоцѣненную услугу осажденному Артуру оказалъ этотъ крейсеръ своимъ выходомъ въ море.

На слѣдующій день, 2 мая, около 11 часовъ утра въ виду

Домъ, въ которомъ убиты 26 февраля Баронесса Франкъ, М-lle Валевичъ г. Сидорскій.

всей крѣпости быстрѣе „Петропавловска“ погибъ броненосецъ „Хатцузе“ и сильно подорвался „Фуджи“.

„Амуръ“ отомстилъ за „Петропавловскъ“. Въ моментъ гибели „Хатцузе“ адмиралъ Лощинскій и многіе другіе были у командующаго.

Въ виду того, что была полная вода присутствующими былъ преподанъ совѣтъ адмиралу Витгефту воспользовавшись благопріятнымъ условіемъ немедленно выслать 3 броненосца („Севастополь“, „Полтаву“, и „Пересвѣтъ“), всѣ 5 крейсеровъ и миноносцы добить подорванный броненосецъ и 3-хъ его конвоировъ.

— „Все будетъ сдѣлано въ свое время“,—былъ отвѣтъ.

Мѣръ никакихъ не принималось.

Прибылъ всюду поспѣвающій егермейстеръ Балашовъ,

началъ крайне возбужденно доказывать необходимость выхода эскадры съ цѣлью покончить съ японцами на морѣ.

— Подождите, все будетъ сдѣлано въ свое время, — былъ вторичный отвѣтъ адмирала Витгефта.

Но къ крайнему сожалѣнію, это „свое время“ наступило лишь для миноносцевъ. Броненосцы такъ и не тронулись.

Только въ 12½ часовъ было отдано приказаніе отряду крейсеровъ и миноносцамъ поднять пары.

Крейсера тоже не вышли, такъ какъ команды ихъ по случаю праздника были спущены на берегъ.

Только во второмъ часу вышли миноносцы, къ которымъ присоединился случайно бывшій подъ парами „Новикъ“.

Лихо вылетѣли наши миноносцы и среди бѣла дня понеслись на серьозно раненнаго врага.

Полные силъ, энергіи, отваги, горя мщеніемъ за „Петропавловскъ“, не сознавая всей опасности, неслись наши истребители на растерявшихся японцевъ.

Но было уже поздно: удобный моментъ для удара былъ пропущенъ. Противникъ успѣлъ оправится и, подпустивъ увлекшихся, открылъ такой безпощадно-сильный огонь изъ всѣхъ орудій, что итти на вѣрную гибель было безуміемъ.

Каждый миноносецъ былъ для эскадры очень дорогъ; а безцѣльно погибло ихъ уже не мало.

Миноносцы вернулись.

Гарнизонъ и населеніе остались недовольны. Опять моряки сплоховали.

Но развѣ они виноваты въ томъ, что ихъ поздно послали. Поздно и при этомъ однихъ. У нихъ не было солидной поддержки. Броненосцы и крейсера, какъ „неприкосновенный инвентарь“ оставались въ бухтѣ.

Что же могли сдѣлать миноносцы при открытой денной атакѣ.

Развѣ мыслима дневная атака миноносцевъ, да еще безъ поддержки броненосцевъ и крейсеровъ?

Если миноносцы вернулись, они обязаны были это сдѣлать.

Явись у адмирала Витгефта своевременная рѣшительность, держи онъ ввѣренный ему флотъ въ дѣйствительной и постоянной боевой готовности, картина получилась бы иная.

Немедленно вышедшая эскадра безусловно добила бы „Фуджи“ и конвоирующіе его броненосецъ и 2 крейсера.

Эта рѣшимость сильно бы ослабила японскую эскадру и бой 28 іюля кончился бы иначе.

Но гибель „Хатцузе“ имѣло *огромнѣйшее* вліяніе на всю дальнѣйшую оборону крѣпости, въ особенности въ періодъ тѣсной блокады. Съ момента гибели ихъ броненосца, ни одно крупное судно не подходило къ Артуру. Исключеніе составили „Ниссенъ“ и „Кассуга“, подошедшіе на разстояніе выстрѣла и бросившіе нѣсколько 10-дюймовыхъ бомбъ въ раіонѣ батарей Крестовой, 22-го номера и расположеніи роты Квантунскаго экипажа подъ командой штабсъ-капитана Минята, несшей на самомъ берегу моря сторожевую службу.

Крѣпость была гарантировано отъ ужасной перспективы быть бомбардированной съ моря и поэтому всѣ орудія крупнаго калибра, начиная съ 6″ „Канэ“ и кончая 11″ мортирами, на береговомъ фронтѣ получившіе къ этому времени круговой обстрѣлъ, были повернуты на сухопутный фронтъ противника, который блестяще и поражали до самой сдачи крѣпости.

Это обстоятельство увеличило оборонительную способность крѣпости по меньшей мѣрѣ на 35%.

Такимъ образомъ, вся честь гибели „Хатцузе“ и вытекающія изъ нея серьезныя послѣдствія всецѣло ложится на дѣятельность отряда судовъ минной обороны Артура, въ составъ которой входилъ минный крейсеръ „Амуръ“.

LIX.

Послѣ взрыва „Хатцузе“ траленіе, загражденіе и охрана рейда были переданы начальнику отряда крейсеровъ. По очереди на ночь выходили на внѣшній рейдъ крейсера и этимъ почти ежедневно привлекали на себя атаки миноносцевъ, которые подъ шумокъ подсыпали на рейдъ мины. Миноносцамъ же контръ-адмиралъ Витгефтъ приказалъ стоять попарно въ бухтѣ Тахэ и Бѣлаго Волка.

Несмотря на энергичные протесты адмирала Лощинскаго, что съ минными заградителями борется крѣпостная артиллерія и сторожевыя суда, что нашимъ миноносцамъ не справиться съ японскими, что они могутъ подорваться или быть подорванными, — адмиралъ Витгефтъ былъ непреклоненъ.

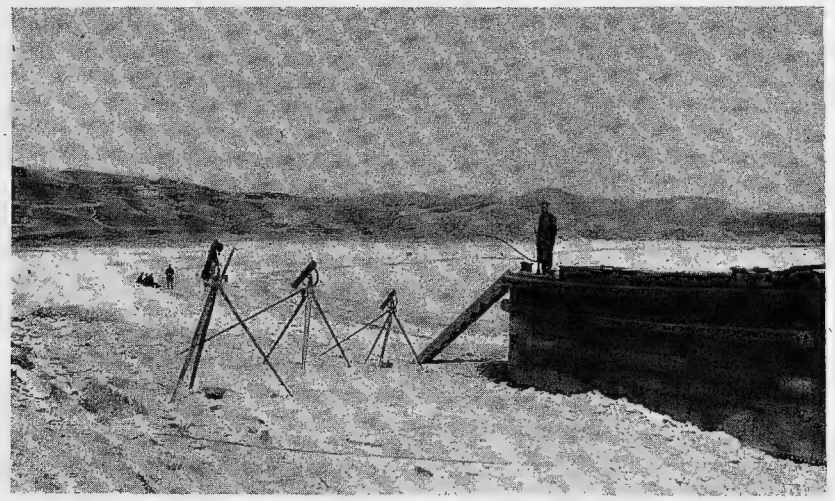
Опасенія впослѣдствіи оправдались.

„Лейтенантъ Бураковъ“ и „Боевой“ въ темную, туманную ночь были подорваны въ бухтѣ „Тахэ“ незамѣтно подкравшимися японскими минными катерами.

На обязанности адмирала Лощинскаго лежало: 1) охрана

прохода, 2) траленье рейда до сапернаго загражденія и 3) выходъ лодокъ для обстрѣливанія непріятельскихъ позицій.

Въ началѣ мая адмир. Витгефтомъ было приказано поставить мины съ джонокъ: лейтенанту Тыркову у „Инчензы“ и Сухомлинову у „Меланхэ“. Обѣ задачи названными офицерами были блестяще исполнены. Минный же транспортъ „Амуръ“, ставя мины загражденія западнѣе Ляотешаня, пропоролъ себѣ мачтой затонувшаго брандера бокъ. Въ докъ же онъ не могъ быть введенъ, такъ какъ послѣдній, и единственный, былъ занятъ



Станки съ боевыми ракетами на береговомъ фронтѣ.

Для дальнѣйшей разстановки минъ пришлось прибѣгнуть къ помощи „Богатыря“, но послѣдній, какъ тихоходъ, могъ ставить ихъ только подъ конвоемъ охранявшихъ его миноносцевъ и, въ общей сложности, поставилъ лишь 40 минъ. Затѣмъ для этой цѣли былъ приспособленъ миноносецъ „Рѣшительный“, который прекрасно несъ эту службу до посылки въ Чифу.

Цѣлыми днями, съ ранняго утра до поздняго вечера, на внѣшнемъ рейдѣ шло траленье минъ. Траленье это производилось слѣдующимъ образомъ:

Впереди шли съ траломъ катера въ шахматномъ порядкѣ — всѣ тралы составляли общую линію, за ними 6 грязевыхъ баржъ. Попавшая, какъ въ сѣть, въ тралъ мина при сильномъ подергиваніи взрывалась; если этого не получалось, то, во избѣжаніе потери времени, разстрѣливалась, или тралъ, обнесенный кругомъ минрепа, передавался на паровой катеръ, который буксировалъ

мину съ якоремъ къ берегу, гдѣ особая команда минеровъ при офицерѣ вытаскивала ее на берегъ и разряжала.

Несмотря на самое тщательное траленье, каждый слѣдующій день работа возобновлялась, потому что рейдъ опять былъ полонъ минами.

Японцы, пользуясь приливнымъ теченіемъ, пускали мины загражденія, какъ дрейфующія.

Наканунѣ все протралятъ (проходы, на случай выхода эскадры), всю ночь зорко, во всѣ глаза стерегутъ рейдъ. Кажется, никого не было. Наступило утро — на рейдѣ новыя мины.

LX.

День 2 мая, помимо гибели „Хатцузе“ памятенъ еще приказомъ начальника укрѣпленнаго раіона за № 201.

„Для обезпеченія войскъ ввѣреннаго мнѣ раіона *скотскимъ и свинымъ* мясомъ, нахожу необходимымъ теперь же принять слѣдующія мѣры (это пишется тогда, когда Бицзывоскій и Ляодунскій участки отошли въ область преданій, а Киньоускій постепенно занимается противникомъ):

1) „Для покупки скота, какъ по взаимному соглашенію съ владѣльцами, такъ и реквизиціоннымъ способомъ, учреждаю двѣ комиссіи: одну для Цзинжоускаго и Дальнинскаго участковъ и другую для Портъ-Артурскаго участка...

2) Дабы дать возможность населенію закончить засѣвъ полей, назначаю двухъ-недѣльный срокъ (до 15-го мая), въ періодъ котораго комиссіямъ производить покупку скота и свиней по взаимному соглашенію съ обывателями, по цѣнѣ не дороже 6 рублей за пудъ чистаго мяса.

3) Если въ теченіе двухъ недѣль, т. е. до 15-го мая, свободная покупка скота отъ обывателей почему-либо не приведетъ къ желательнымъ результатамъ, то послѣ 15-го мая прибѣгнуть къ реквизиціонному способу заготовки скота и т. д.“

Итакъ, срокъ „по взаимному соглашенію“ — до 15-го мая.

Съ 3-го мая въ Цзинжоускомъ участкѣ торга вести было нельзя: его занялъ непріятель; оставались Дальнинскій и Портъ-Артурскій участки.

Внезапное отступленіе отъ Киньоуской позиціи въ ночь на 14-ое мая заставило насъ потерять и Дальнинскій участокъ. Въ нашихъ рукахъ была часть Артурскаго, въ которомъ, вопреки протестовъ гражданскаго комиссара, уже

ранѣе производилась закупка скота путемъ, такъ называемаго, „обоюднаго соглашенія“.

Оставалось только молча удивляться и ждать, чѣмъ кончится вся эта трагикомедія.

2-го мая, послѣ долгихъ колебаній, споровъ, отмѣнъ, противорѣчащихъ распоряженій и новыхъ приказовъ, былъ сформированъ отрядъ въ составѣ двухъ полковъ и 3-хъ батарей. Вечеромъ отрядъ снялся со станціи „Нангалинъ“ и двинулся въ походъ.

2-я батарея 4-ой восточно-сибирской стрѣлковой артиллерійской бригады при баталіонахъ 13-го полка составляла авангардъ, подъ общимъ командованіемъ подполковника Лаперова.

Съ разсвѣтомъ 3-го мая отрядъ подходилъ къ высотамъ Санщилипу.

Когда совсѣмъ разсвѣло, впереди авангарда послышалась орудійная стрѣльба. Подполковникъ Лаперовъ не могъ уяснить, что это могло значить. По диспозиціи ему было отлично извѣстно, что впереди него нашей артиллеріи нѣтъ.

Оказалось, что, благодаря полному незнанію мѣстности, главныя силы заблудились, пошли не тѣми дорогами, опередили авангардъ и заняли высоты Саншилипу. Не произведя обстоятельной развѣдки, не освѣтивъ впереди мѣстности, генералъ Фокъ вообразилъ что онъ первымъ занялъ позиціи и ждалъ наступленія противника.

Дѣйствовали на авось, за что жестоко и поплатились, особенно 3-я батарея Романовскаго. Впослѣдствіи выяснилось, что противникъ, ранѣе нашихъ занявшій артиллерійскія позиціи, открылъ самый дѣйствительный огонь по обнажившейся батареѣ Романовскаго, буквально засыпая ее снарядами.

LXI.

Существенную поддержку батареѣ Романовскаго оказала „бычья батарея“ подпоручика Садыкова. По иниціативѣ этого юноши-офицера, котораго впослѣдствіи солдаты артиллеристы называли „нашъ ангелъ хранитель“, были собраны старыя китайскія орудія и въ бычачьей упряжкѣ вошли въ составъ отряда.

Подпоручикъ Садыковъ, открывъ фланговый огонь, поддержалъ батарею Романовскаго и этимъ спасъ ее отъ полнаго разгрома.

Когда начался артиллерійскій бой, чѣмъ собственно и окончился день 3 мая, начальникъ авангарда подполковникъ Лапе-

ровъ не зналъ, что ему предпринять. Приказаній ни откуда не получалось. Бой впереди разгорался, артиллерійская канонада усиливалась.

Подъѣзжаетъ начальникъ штаба 4-й дивизіи подполковникъ Дмитревскій и приказываетъ именемъ Фока везти за нимъ батарею.

— Куда?—спрашиваетъ Лаперовъ.

— На правый флангъ, поддержать батарею Романовскаго.

— Позиціи выбраны, дорога извѣстна?

— Нѣтъ, мы поѣдемъ и выберемъ.

Подполковникъ Лаперовъ не соглашается даромъ мучить лошадей. Ѣдетъ съ трубачемъ и ѣздовыми отыскивать дороги и выбрать подходящую позицію. Дороги неизвѣстны, картъ нѣтъ. Куда ни ткнутся—то оврагъ, то пропасть, то кручи. Добрались. Подъ горой, на вершинѣ которой ведетъ бой 3 батарея, засыпаемая снарядами, расположилась 1-ая батарея и поддерживаетъ непрерывный огонь по мифическому противнику, не нанося никакого дѣйствительнаго вреда. Огонь батареи сосредоточенъ вправо по кустамъ, надъ которыми въ обиліи рвутся наши снаряды.

— Укажите мнѣ противника и мало-мальски подходящую позицію. Таковыхъ я не вижу—говоритъ подполковникъ Лаперовъ.

Подъ конецъ боя, когда мы начали отступать, встрѣчается скрывшійся гдѣ-то генералъ Фокъ.

Подполковникъ Лаперовъ докладываетъ о происшедшей неурядицѣ.

Фокъ начинаетъ открещиваться и увѣрять, что никогда не давалъ подобныхъ приказаній, и жалуется на бездѣятельность и лѣнь своего начальника штаба.—„Измѣнники, всѣ измѣнники“.

— Впредь не исполнять моихъ приказаній, передаваемыхъ словесно. Исполнять ихъ тогда, когда будутъ переданы на бумагѣ.

Бой 3-го мая кончился тѣмъ, что съ сумерками мы принуждены были отступить въ Киньчжоу (въ 8 верстахъ отъ Саншилипу), а утромъ отрядъ отошелъ къ деревнѣ Нангалинъ, гдѣ и остался плоть до киньчжоускаго боя.

Во власти противника была уже вся сѣверная часть Ляодунскаго полуострова, вплоть до Киньчжоускаго перешейка, шириною въ 3 версты.

Бой 3-го мая воочію доказалъ превосходство противника въ боевой артиллерійской подготовкѣ, управленіи артиллерійскимъ огнемъ и умѣніи примѣняться къ мѣстности.

Японцы, занявъ позиціи на Саншилипу, прекрасно замаскировали свои орудія, между тѣмъ, какъ наши, совершенно не

умѣя примѣняться къ мѣстности, открывъ себя, дали возможность быстро пристрѣляться.

Нужно при этомъ замѣтить, что противникъ, высадившись, немедленно и очень успѣшно повелъ наступленіе, и *безпрепятственно* дошелъ до Саншилипу.

LXII.

Свидѣтели боя 3-го мая помнятъ, что убыль людей и конскаго состава была очень значительна.

Помнятъ, конечно, что батарею пришлось подъ артиллерійскимъ огнемъ скатывать при помощи стрѣлковъ.

Помнятъ, наконецъ, что стрѣлки, не слышавшіе еще свиста пуль и завыванія вражескихъ снарядовъ, среди смертельной опасности, безстрашно подносили снаряды.

Къ бою 3-го мая въ составѣ отряда не было легкихъ полевыхъ орудій, между тѣмъ, какъ большинство артиллеріи противника состояло изъ горныхъ орудій.

Противникъ, послѣ тяжелаго морского перехода, побѣдоносно шелъ впередъ, а мы, у себя дома, имѣя полную возможность заранѣе выбрать и укрѣпить наивыгоднѣйшія позиціи, занимали ихъ послѣ непріятеля и послѣ перваго же столкновенія поспѣшно отходили къ пресловутой, но никуда негодной позиціи на Кинчжоу.

Въ періодъ всей кампаніи въ Квантунскомъ укрѣпленномъ раіонѣ, зорко слѣдя за всѣмъ, что тамъ происходило, близко знакомясь съ русскимъ солдатомъ, при условіяхъ боевой обстановки,—я пришелъ къ убѣжденію, что русскій солдатъ не герой, а титанъ.

Я успѣлъ оцѣнить его и долженъ сказать, что той нравственной и физической мощи, которая имъ проявлялась на каждомъ шагу,—я никакъ не ожидалъ.

Будь онъ, при наличности этихъ качествъ, хорошо подготовленъ, имѣй онъ достойныхъ руководителей, въ лицѣ своихъ высшихъ начальниковъ, мы бы не были свидѣтелями позорной бойни на Кинчжоуской позиціи, которую устроилъ генералъ Фокъ при благосклонномъ участіи начальника Квантунскаго укрѣпленнаго раіона генералъ-лейтенанта Стесселя.

Первый бой при Саншилипу, его неудачи и поспѣшное отступленіе къ Кинчжоу удручающе подѣйствовали на моральное состояніе нашихъ боевыхъ силъ.

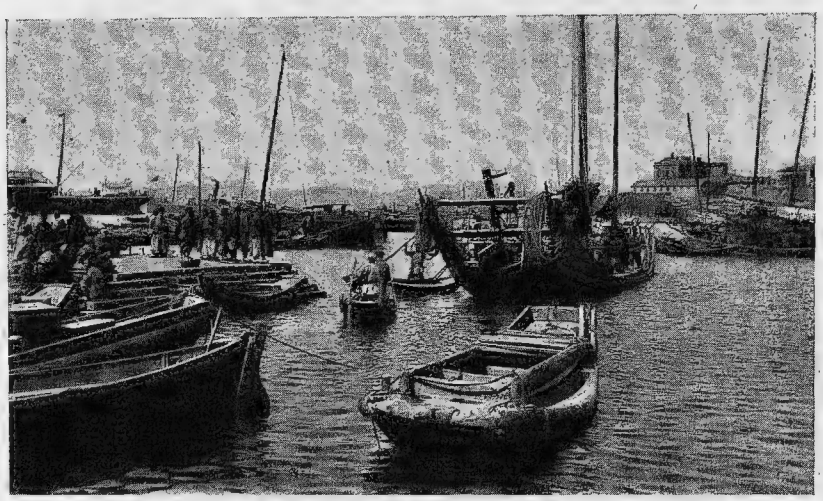
При первомъ же столкновеніи увидѣли превосходство противника во всѣхъ отношеніяхъ.

Солдаты, конечно, не протестовали, они покорно исполняли приказанія.

Младшіе офицеры, болѣе сознательно относившіеся ко всему, что происходило, — критиковали начальство.

Старшіе офицеры возмущались царившей безтолковщиной, умывая въ томъ руки.

Но все это, вмѣстѣ взятое, печально отразилось на всей массѣ войска.



Коммерческая гавань.

Оно потеряло увѣренность въ себѣ.

А увѣренность въ себѣ — половина успѣха въ бою.

И такъ, послѣднія горно-полевыя позиціи передъ Кинчжоу были оставлены.

Со дня на день нужно было ожидать, что противникъ начнетъ атаку Кинчжоуской позиціи.

Съ момента отступленія отъ Саншилипу и вплоть до 13 мая освѣщеніе мѣстности, лежащей впереди Кинчжоуской позиціи, опять производилось вяло и неумѣло.

Я особенно подчеркиваю отсутствіе правильной и хорошо организованной развѣдки, потому что, оперируя съ завязанными глазами, мы давали нашему противнику, противнику энергичному, сообразительному, настойчивому и хитрому, возможность всегда огорашивать насъ неожиданностью.

На передовыхъ позиціяхъ царилъ невозможный хаосъ, а всякая неожиданность заставляла генерала Фока устраивать неорганизованное отступленіе.

LXIII.

Работы по укрѣпленію позиціи велись тѣмъ же путемъ, т. е. предоставлены были рабочимъ силамъ 5-го полка. Этотъ геройскій полкъ не принадлежалъ къ 4-ой дивизіи генерала Фока, и поэтому его не щадили.

Командиръ 5-го полка, онъ же и номинальный комендантъ позиціи, полковникъ Третьяковъ, ожидая появленія противника, прекрасно сознавалъ, что позиція далеко не готова даже къ временной защитѣ. Какъ ранѣе, такъ и теперь, въ особенности послѣ опыта на Саншилипу, онъ видѣлъ крайнюю и настоятельную необходимость въ маскированіи орудій, которыя стояли на вершинахъ, безъ какихъ бы то ни было признаковъ маскировки.

Онъ признавалъ необходимость постройки прочныхъ блиндированныхъ помѣщеній, а не курятниковъ, углубленія стрѣлковыхъ окоповъ и увеличенія сѣти ходовъ сообщенія.

Всѣ просьбы, убѣжденія, наконецъ, требованія очень мало имѣли успѣха.

Генералъ Фокъ продолжалъ резонерствовать, ругалъ всѣхъ „измѣнниками“, но не говорилъ уже, что всю армію уничтожитъ на Кинчжоу.

Напротивъ, онъ съ пѣной у рта доказывалъ, что долго защищать Кинчжоу—это преступленіе, измѣна.

— Всѣ измѣнники, кто говоритъ, что Кинчжоу неприступенъ. Здѣсь насъ всѣхъ перестрѣляютъ, какъ куропатокъ. Развѣ не видятъ, какъ нелѣпо возведены укрѣпленія. Здѣсь мы можемъ только временно задержать противника, а для временнаго задержанія противника позиція достаточно сильна.

Однимъ словомъ, говорилось одно противорѣчащее другому.

Объяснить все это, напоминающее скорѣе кошмаръ, чѣмъ дѣйствительность, можно лишь слѣдующимъ.

Генералъ Фокъ очень часто въ присутствіи своихъ подчиненныхъ повторялъ фразу, я думаю извѣстную всѣмъ, кто провелъ осаду въ Артурѣ:

— Генералъ Фокъ не дуракъ, нѣтъ. Онъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ. Генералъ Фокъ всегда будетъ правъ, что бы ни случилось. Генералъ Фокъ раненъ въ голову. А раненые и контуженные въ голову за свои поступки не отвѣчаютъ.

Генералъ Фокъ не отвѣчаетъ за свои поступки! Но онъ стоитъ у власти. Онъ распоряжается. Генералъ Фокъ, облеченный довѣріемъ и любовью генерала Стесселя, всесиленъ. Кто противъ Фока, тотъ противъ начальника раіона.

Генералъ Фокъ не отвѣчаетъ за свои поступки, но намъ отъ этого было не легче, намъ нужно было защищаться отъ японцевъ. Но Фокъ не отвѣчаетъ за свои поступки, и мы почти не готовимся къ защитѣ, а если и дѣлаемъ что-нибудь, то намъ мѣшаютъ на правахъ старшаго.

Морское вѣдомство дало два прекрасныхъ дальнобойныхъ орудія „Канэ".

Установили эти пушки на лѣвомъ флангѣ въ предположеніи, что противникъ поведетъ наступленіе на этотъ фронтъ, что впослѣдствіи и оправдалось. Установили ихъ, прекрасно замаскировали, поработали много.

Такъ нѣтъ-же. Генералъ Фокъ приказалъ ихъ перетащить, за нѣсколько дней до боя, на правый флангъ.

Ему доказывали, что правый флангъ, у Известковой горы не имѣетъ большого значенія; что противникъ никогда не пойдетъ на правый флангъ и т. д., что все впослѣдствіи и подтвердилось.

Но Фокъ не отвѣчаетъ за свои поступки — орудія было приказано снять, снова установить ихъ не успѣли, такъ они и достались цѣлехонькими японцамъ съ двума вагонами снарядовъ.

LXIV.

Начальникомъ артиллеріи этой въ высшей степени серьезной позиціи, которую въ высшихъ военныхъ кругахъ называли „ключемъ Артура„ (въ ней мало что было измѣнено со времени китайской кампаніи), былъ назначенъ совершенно еще молодой человѣкъ, штабсъ-капитанъ Николай Алексѣевичъ Высокихъ.

Батареями же командовали молодые подпоручики и поручики.

Начальникъ артиллеріи, рапортъ за рапортомъ, доноситъ о недоставкѣ снарядовъ, проситъ прожекторовъ для освѣщенія долины Киньчжоу и, подступивъ къ батареямъ, проситъ мѣшковъ шпалъ, рельсъ, бревенъ для утолщенія блиндированныхъ помѣщеній; результаты — нуль.

Я доподлинно знаю, что командиръ 7 сектора въ Артурѣ, капитанъ Высокихъ, оцѣнивая безвыходное положеніе своего, брата на Киньчжоу, собственной властью, нелегальнымъ путемъ изъ родственнаго чувства, посылалъ на позицію снаряды.

Полковникъ Третьяковъ, понявъ, что тянуть дольше немыслимо, убѣдившись, что съ генераломъ Стесселемъ и его первымъ помощникомъ, кромѣ бѣды, ни до чего не дойдешь,—ѣдетъ прямо къ самому Смирнову и, докладывая ему обо всемъ, проситъ его помощи.

Генералъ Смирновъ, что было въ его силахъ,—все сдѣлалъ, чтобы хоть на время отдалить неизбѣжное паденіе Кинчжоу.

Но при этомъ нужно помнить, что компетенція генерала Смирнова, какъ коменданта крѣпости, далѣе эспланады крѣпости не распространялась.

Работы по возведенію укрѣпленій на сухоуутномъ фронтѣ.

Генералы Стессель и Фокъ ревниво оберегали все пространство передовыхъ позицій крѣпости отъ возможнаго вмѣшательства генерала Смирнова.

Мѣжду тѣмъ, генераломъ Смирновымъ, до неожиданнаго назначенія генерала Стесселя начальникомъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона, въ лицѣ начальника *Артуръ-Киньчжуоскаго* раіона, все было тщательно прорекогносцировано и намѣчены всѣ самыя удобныя позиціи.

Генералы Стессель, Фокъ и комп. часто давали понять, что японцевъ дальше Киньчжоу не пустятъ, что крѣпость всегда будетъ лишъ базой для оперирующихъ въ раіонѣ войскъ. Въ скоромъ освобожденіи крѣпости никто изъ этихъ дѣятелей не сомнѣвался и не допускалъ даже мысли о возможности тѣсной блокады.

Съ полученіемъ необходимыхъ матеріаловъ на Киньчжоуской позиціи закипѣли работы по утолщенію стѣнъ блиндированныхъ помѣщеній, маскировкѣ орудій, углубленію стрѣлковыхъ окоповъ и т. д. Все это дѣлалось руками крѣпостныхъ артиллеристовъ и стрѣлковъ того же 5 полка, подъ общимъ руководительствомъ полковника Третьякова и дѣйствительно честнаго офицера и самоотверженнаго работника капитана Шварцъ.

Все это, конечно, были слабыя усилія, которыя ни къ чему положительному привести не могли.

LXV.

Что же дѣлалось въ это время въ Артурѣ?

Послѣ боя при Саншилипу всѣ еще болѣе заинтересовались, хотѣли знать, что въ сущности представляетъ изъ себя Кинчжоуская позиція.

Неужели Киньчжоу, на который смотрѣли съ такой вѣрой, никуда не годится?

Чувствовалось, что всѣ крайне тревожно настроены.

Главнымъ образомъ дѣйствовало угнетающимъ образомъ то обстоятельство, что всѣ врали: кто умышленно, кто зря.

Въ Артурѣ и Дальнемъ среди населенія неувѣренность въ стойкости Киньчжоуской позиціи росла.

Изъ Артура начали выѣзжать въ Чифу на джонкахъ, дальненцы просились въ Артуръ,—ихъ не пускали.

Просили на лошадяхъ перевезти въ Артуръ имущество,—имъ не разрѣшали.

Продовольственные запасы вывозились въ крѣпость и населенію грозила голодовка.

Въ виду категорическаго отказа генерала Стесселя разрѣшить жителямъ Дальняго въѣздъ въ Артуръ рѣшено было секретнымъ путемъ вывезти изъ города часть продовольственныхъ запасовъ въ деревню Шуй-шу-инъ подъ Артуромъ.

Дѣло это было поручено привести въ исполненіе помощнику секретаря градоначальника Ф. С. Мымрину. На его же обязанности лежало привести въ должный видъ всѣ жилыя фанзы въ этой деревнѣ, гдѣ могли бы на первое время пріютиться жители Дальняго, на случай внезапнаго оставленія города и впредь до разрѣшенія выѣхать въ Артуръ.

Градоначальникъ же Сахаровъ обратился къ генералу Фоку 6-го мая, за № 1538, съ слѣдующей телеграммой:

„Нангалинъ. Генералу Фоку.

Покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе, чтобы я своевременно былъ извѣщенъ, если по ходу военныхъ событій будетъ окончательно рѣшено оставить городъ Дальній, чтобы я успѣлъ своевременно вывести изъ города служащихъ и оставшихся русскихъ жителей".

Отвѣтъ былъ полученъ лишь вечеромъ 13 мая.

Но зато 7-го мая, въ 7 час. утра, гражданскій комиссаръ, подполковникъ Вершининъ получаетъ приказаніе генерала Стесселя немедленно явиться по дѣламъ службы.

Работы по возведенію укрѣпленій на сухопутномъ фронтѣ.

Встревоженный такой экстренностью подполковникъ Вершининъ немедленно ѣдетъ къ начальнику раіона.

Генералъ Стессель встрѣчаетъ гражданскаго комиссара слѣдующей рѣчью:

— Ни васъ, ни вашихъ служащихъ, ни всего гражданскаго населенія мнѣ отнюдь не нужно. Вы только лишняя обуза въ крѣпости! Я васъ предупреждаю, что всѣхъ немедля удалю изъ крѣпости!

— То-есть, какъ же это ваше превосходительство? — спрашиваетъ озадаченный подполковникъ Вершининъ.

— Очень просто. Выстрою за крѣпостью и погоню, какъ барановъ, въ Дальній. А тамъ ваше дѣло устраивайтесь, какъ знаете, — грозно вѣщалъ начальникъ раіона.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство, отвѣчаетъ ошеломленный комиссаръ.

— Слышали?

— Слышалъ-съ.

— Ну?

— Позвольте, ваше превосходительство, обратиться къ вамъ, съ покорнѣйшей просьбой?

— Съ какой еще?

— Дайте, ваше превосходительство, срокъ собраться населенію. Многіе жили здѣсь долго. Успѣли обзавестись имуществомъ. Это ихъ въ конецъ разоритъ.

— Хорошо, но чтобы скоро!

— Кромѣ того, ваше пре...

— Еще чего?

— Кромѣ того прикажите, ваше превосходительство, выдать по числу взрослыхъ людей ружья и патроны.

— Это еще зачѣмъ?

— Съ эвакуаціей вашихъ войскъ изъ Дальняго—мы первое время будемъ защищаться собственными силами отъ хунхузовъ, затѣмъ отъ непріятеля, а въ концѣ концовъ, лишь съ истощеніемъ силъ отдадимся подъ покровительство командующаго осадной арміей. Считаю долгомъ сообщить, что среди гражданскаго населенія много женщинъ и дѣтей.

— Хорошо, я объ этомъ распоряжусь. Но предупреждаю: долго отнюдь не собираться. Я вамъ не дамъ здѣсь долго пробавляться. Ну-съ, мнѣ некогда съ вами возиться.

Подполковникъ Вершининъ, встревоженный и совершенно сбитый съ толку приказаніемъ начальника раіона, отправился къ коменданту крѣпости генералу Смирнову.

Дома Смирнова и Стесселя были расположены рядомъ.

LXVI.

Комендантъ внимательно выслушалъ комиссара и, какъ разсказывалъ впослѣдствіи самъ подполковникъ Вершининъ, предложилъ ему очень осторожно рядъ вопросовъ, путемъ которыхъ, очевидно, хотѣлъ провѣрить состояніе умственныхъ способностей послѣдняго. Генералъ Смирновъ не вполнѣ довѣрялъ говорившему, ибо все, что ему пришлось выслушать, носило характеръ болѣе, чѣмъ ненормальнаго.

Комиссаръ, замѣтивъ, что генералъ Смирновъ относится видимо съ недовѣріемъ, сказалъ коменданту слѣдующее:

— Я не менѣе, чѣмъ вы, ваше превосходительство, пораженъ устнымъ распоряженіемъ генерала Стесселя. Для меня, какъ гражданскаго комиссара, вновь учрежденная должность начальника раіона не вполнѣ понятна, скажу больше, эта должность для меня—миѳъ.

— Вы же, ваше превосходительство, какъ комендантъ крѣпости Портъ-Артура съ правовой и юридической точки зрѣнія, являетесь въ осадное время нашимъ непосредственнымъ начальникомъ, къ которому я, какъ глава гражданскаго населенія, обращаюсь за защитой, совѣтомъ и указаніемъ, что дѣлать.

Генералъ Смирновъ, выслушавъ подполковника Вершинина, сообщилъ ему, что на сегодня назначенъ совѣтъ обороны, на которомъ онъ и переговоритъ съ генераломъ Стесселемъ по поводу отданнаго имъ распоряженія.

Послѣ военнаго совѣта комендатъ крѣпости передалъ генералу Стесселю все, что имъ было выслушано отъ гражданскаго комиссара, при чемъ выразилъ сомнѣніе, что врядъ ли его превосходительство могъ отдать подобное распоряженіе.

— Я увѣренъ, что здѣсь произошло какое нибудь недорозумѣніе. Подполковникъ Вершининъ былъ у меня раннимъ утромъ и просилъ совѣта, какъ поступить. Я посовѣтовалъ ему успокоиться и изложить все письменно. Очень возможно, что онъ перепуталъ. Въ настоящее тревожное время нервы играютъ. Сколько уже офицеровъ съ „нервнымъ разстройствомъ“ оставили крѣпость.

— Вершининъ былъ у васъ?

— Да.

— Безъ сомнѣнія, тутъ что-нибудь да не такъ. Развѣ можно допустить, что бы вы, ваше превосходительство, рѣшили выгнать мирныхъ жителей изъ крѣпости, бросивъ ихъ на произволъ судьбы. Навѣрное я, какъ комендантъ крѣпости, былъ бы вами поставленъ своевременно объ этомъ въ извѣстность. Въ такомъ серьезномъ дѣлѣ вы, конечно, предупредили бы меня.

LXVII.

Генералъ Стессель не ожидалъ такого поворота дѣлъ. Вмѣсто того, чтобы встрѣтить энергичный отпоръ, граничащій съ неповиновеніемъ подчиненнаго ему коменданта крѣпости,— онъ очутился въ самомъ смѣшномъ положеніи.

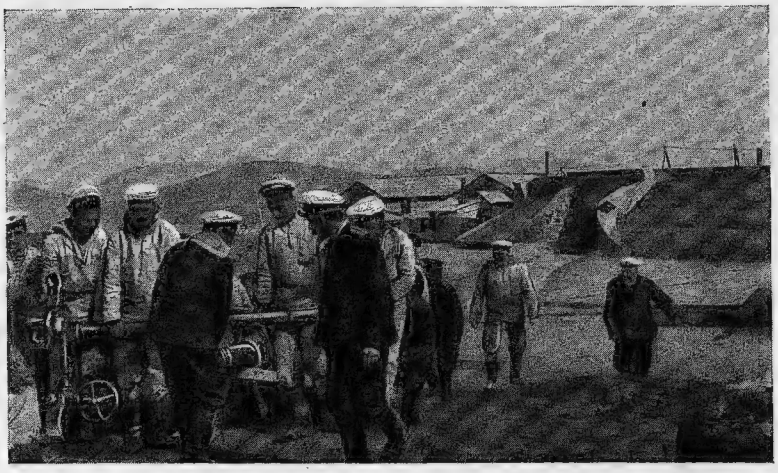
— Да, конечно, конечно, ваше превосходительство. Этотъ Вершининъ вѣчно напутаетъ. Я хотѣлъ сказать совсѣмъ другое!!

Что хотѣлъ сказать „другого“ генералъ Стессель, до сихъ поръ никому неизвѣстно. Но что многострадальныхъ гражданъ Артура не выселили, то это тоже вѣрно.

Въ началѣ мая изъ Дальняго по шоссейной дорогѣ пріѣхали два извозчика съ семействами, со всѣмъ своимъ домашнимъ скарбомъ и поселились въ Артурѣ.

Полиціи былъ отданъ строжайшій приказъ слѣдить за всѣми прибывающими изъ Дальняго и немедленно выселять ихъ обратно.

Полиція, обнаруживъ бѣглецовъ, предложила имъ немедленно оставить Артуръ. Послѣдніе запротестовали, исходя изъ того,



Установка орудій подъ руководствомъ Лейтенанта В. К. Де-Ливрона. (Старш. артил. офицеръ крейсера „Баянъ“).

что, если японцы возьмутъ Дальній, все ихъ имущество пропадетъ, и они останутся нищими.

Уговаривали ихъ уѣзжать—не ѣдутъ. Грозили Стесселемъ—не ѣдутъ. Полицеймейстеръ сердился — не ѣдутъ.

— Не поѣдемъ, да и ну! Не хотимъ разоряться!

Говорятъ, что все это разрѣшили быстро и просто.

Полицеймейстеръ доложилъ начальнику раіона.

— Что!? Не хотятъ ѣхать!? Боятся японцевъ?! Отодрать и силой выселить!

Извозчики, „убѣжденные“ въ полной безопасности для мирнаго населенія гор. Дальнаго, — собрали пожитки и вмѣстѣ со своими семействами водворились на старомъ пепелищѣ.

Послѣ такихъ убѣдительныхъ пріемовъ, даже маловѣрные увѣровали, наконецъ, въ неприступность „Киньчжоу“.

Стало яснымъ, что начальникъ раіона ни передъ чѣмъ не остановится, если потребуется доказать, что киньчжоуская позиція неприступна, и что онъ здѣсь глава.

Я поинтересовался узнать, чѣмъ вызываются эти крайнія репрессаліи въ отношеніи мирнаго населенія. Дѣйствительно-ли явилась такая увѣренность въ неприступности Киньчжоу?

— Нѣтъ, отвѣчали мнѣ, у насъ ни въ чемъ нѣтъ увѣренности, но Стессель хочетъ и требуетъ безусловнаго подчиненія всѣмъ его распоряженіямъ. За неприступность Киньчжоу никто не можетъ поручиться. Всѣ знаютъ, что представляютъ изъ себя эта позиція. Но мы все-таки надѣемся задержать на ней противника. Удастся-ли намъ это—вопросъ другой. Вы видите, что все зависитъ отъ начальника раіона. Голоса разсудка въ укрѣпленномъ раіонѣ не слушаютъ. Воля генераловъ Фока и Стесселя—вотъ мѣрило для всѣхъ и всего. Прислужники и клевреты торжествуютъ. Мы негодуемъ, но принуждены молчать. Что изъ всего этого выйдетъ,—одинъ Богъ вѣдаетъ. Авось, — обойдется все благополучно. Въ приказѣ за № 223 увѣренно говорится о временномъ лишь перерывѣ сообщенія. Поживемъ, увидимъ".

LXVIII.

Дѣйствительно, въ укрѣпленномъ раіонѣ творилось что-то невѣроятное.

Штабъ отдавалъ Фоку одно приказаніе, послѣдній, вмѣсто немедленнаго исполненія, писалъ длиннѣйшія докладныя записки и поступалъ діаметрально противоположно.

На станціяхъ день и ночь продолжали стоять готовые къ отправленію поѣзда.

15-й полкъ, какъ видно изъ ряда приказовъ, перевозился то въ Артуръ, то изъ Артура.

Было ясно, что начальство нервничало и, въ виду надвигавшагося на Киньчжоу противника, не знало, что предпринять: защищать-ли его до послѣдней крайности, или оказать лишь легкое сопротивленіе.

Ничего не было опредѣленнаго.

Никто изъ высшихъ начальствующихъ лицъ не зналъ, что въ сущности онъ долженъ дѣлать, какая его задача.

Получались приказанія, и немедленно же ихъ отмѣняли.

Смѣю васъ увѣрить, что я, вспоминая все, что творилось въ укрѣпленномъ раіонѣ въ дни, предшествовавшіе кинжоускому бою, не могъ себѣ отдать яснаго отчета въ томъ, что творилось.

Все это скорѣй напоминало кошмаръ, а не дѣйствительность. Во всемъ царила какая-то растерянность, безтолковщина, непроизводительная трата времени. Людей утомляли постоянными, совершенно ненужными переходами. Таскали полки съ одного мѣста на другое, вмѣсто того, чтобы сразу разработать и указать диспозиціи.

А времени для этого, кажется, было достаточно.

На Киньчжоуской позиціи начавшіяся было довольно энергично работы опять, за недостаткомъ средствъ и матеріаловъ, пріостановились.

Напримѣръ, фронтальная, что на Известковой горѣ, батарея, вооруженная четырьмя старыми китайскими орудіями, подъ командой поручика Соломонова и имѣвшая до извѣстной степени довольно серьезное значеніе, какъ обстрѣливающая подходы къ правому флангу Киньчжоуской позиціи, не имѣла траверсовъ и ни одного блиндированнаго для прислуги и снарядовъ помѣщенія. Для снарядовъ были вырыты подъ косогоромъ ниши, а прислуга жила въ палаткахъ.

И это было на батареѣ, не временной позиціи, а на позиціи долговременнаго профиля. Эта батарея не была даже связана телефономъ съ комендантомъ Киньчжоуской позиціи.

Можетъ быть, хотѣли соединить ее, но за недостаткомъ времени не успѣли.

LXIX.

Съ отъѣздомъ намѣстника и съ вступленіемъ въ должность командующаго флотомъ контръ-адмирала Витгефта въ жизни эскадры наступилъ полный застой. Только портъ усиленно, лихорадочно работалъ. Починка судовъ быстро подвигалась впередъ.

Броненосцы и крейсеры, какъ „неприкосновенный инвентарь“, недвижимо стояли на внутреннемъ рейдѣ.

Доставалось лишь миноносцамъ, канонерскимъ лодкамъ и „Новику“. Миноносцы почти постоянно держались подъ парами. Они вѣчно были въ разгонѣ: то охраняли тралящій караванъ, то ставили мины, то посылались на ближнія и дальнія развѣдки, которыя на языкѣ нашихъ моряковъ именовались „авантюрами“.

До извѣстной степени они были правы, называя эти развѣдки „авантюрами“.

Полное незнакомство съ берегами Ляодунскаго полуострова, въ большинствѣ случаевъ совершенно безцѣльныя задачи, малость хода, плохія машины, въ которыхъ вѣчно что-нибудь текло,

отсутствіе широко и цѣльностно разработаннаго плана, многочисленный, серьезный и сильный противникъ, всегда дѣйствовавшій систематично, разумно и настойчиво—дѣлали походы миноносцевъ непродуктивными и, кромѣ утомленія людей, гибели миноносцевъ и траты угля, ничего не приносили.

Контръ-адмиралъ Витгефтъ, всю свою службу проведшій на берегу, конечно, не могъ проявить активной, плодотворной дѣятельности и своимъ чрезмѣрно мягкимъ отношеніемъ къ младшимъ офицерамъ до извѣстной степени подорвалъ авторитетъ начальника и вообще судовую дисциплину.

Ночь на 20 Апрѣля.

Молодежь сильно распустилась. Она, сознавая всю несостоятельность многихъ старшихъ начальниковъ, увлекалась и открыто критиковала многія, часто дѣйствительно несостоятельныя распоряженія.

Молодежь, какъ болѣе чуткая и менѣе сдержанная, понимала, что всѣ неудачи ложатся тяжелымъ обвиненіемъ и на ихъ головы, но вмѣстѣ съ тѣмъ она прекрасно сознавала, что всѣ дефекты, которые такъ ярко выступили въ организаціи и боевой подготовкѣ флота,—не ихъ вина.

Ко всему этому прибавилась рознь между арміей и флотомъ. Почти ежедневно происходили столкновенія между морскими и сухопутными офицерами.

Мнѣ лично приходилось быть свидѣтелемъ возмутительныхъ

сценъ, когда моряки жестоко оскорблялись подвыпившими стрѣлками.

Положеніе моряковъ было крайне тяжелое. Ихъ оскорбляли за то, въ чемъ они не были виноваты. Не виноваты же были моряки, что отъ нихъ не требовали въ мирное время службы, не заставляли ихъ постоянно плавать и держали на якоряхъ. Не виноваты же они, что вмѣсто того, чтобы изучать корабль и выучиваться стрѣлять,—начальство поощряло представительность и било только на внѣшній блескъ. Какъ пѣхотные, такъ и морскіе офицера не были подготовлены къ войнѣ. Но къ морякамъ, какъ поставленнымъ въ лучшія матеріальныя условія, предъявлялись большія требованія. Ихъ прямо травили.

Впослѣдствіи, когда людямъ пришлось жить и умирать на фортахъ и батареяхъ крѣпости, эта рознь исчезла сама собой.

Люди узнали людей.

LXX.

Генералъ Стессель вмѣсто объединенія арміи и флота вездѣ самъ вносилъ раздоръ и, стараясь быть популярнымъ среди сухопутной молодежи, ругалъ моряковъ и не стѣснялся даже поносить самого командующаго флотомъ контръ-адмирала Витгефта.

Дошло до того, что офицеровъ начали оскорблять на улицѣ.

Начальникъ раіона не принималъ никакихъ мѣръ, чтобы прекратить эти безобразія. Почему у него явилась такая ненависть къ флоту, я положительно не могу себѣ объяснить.

Но это было только начало. Впослѣдствіи эта травля дошла до невѣроятныхъ размѣровъ и потухла лишь только тогда, когда смерть неумолимая не различала ни моряка, ни пѣхотинца.

LXXI.

8-го мая штабомъ укрѣпленнаго раіона было прислано въ редакцію „оффиціальное сообщеніе“ слѣдующаго содержанія:

„Генералъ Стессель возвращался 4-го мая съ Киньчжоуской позиціи на поѣздѣ.

„Доѣхавъ до водокачки у бухты Хэси, лошади были сгружены, и начальникъ укрѣпленнаго раіона рѣшилъ проѣхать по берегу верхомъ, такъ какъ, на горизонтѣ бухты виднѣлись 2 крейсера, нѣсколько ближе 2 миноносца, а въ верстахъ 5—6, 2 канонерскихъ лодки.

„Поѣзду было приказано пройти полнымъ ходомъ поражаемое пространство.

„Не успѣли проѣхать верхомъ и версты, какъ канонерскія лодки стали быстро приближаться къ берегу, а одна изъ нихъ, ближайшая, открыла огонь изъ 10-дюймовыхъ орудій по группѣ всадниковъ (по воробьямъ изъ пушекъ, да еще 10-дюймовыхъ).

„3 снаряда легли у самаго полотна, шагахъ въ 150—500 отъ генерала Стесселя.

„Въ этотъ моментъ появился изъ-за поворота оставленный поѣздъ, который и отвлекъ вниманіе канонерки. Она перенесла огонь на поѣздъ, причинивъ небольшія поврежденія паровозу: машинистъ былъ раненъ легко въ руку. Тогда поѣзду былъ данъ задній ходъ, и онъ скрылся у водокачки.

„Генералъ Стессель, съ сопровождавшими его лицами, рысью проѣхалъ въ лощину, гдѣ оставался въ теченіе 45 минутъ, такъ какъ японцы по удаленіи поѣзда начали обстрѣливать лощину. (Если было и такъ, то зачѣмъ же сидѣть въ лощинѣ?).

„Всѣ снаряды ложились близко, а одинъ, разорвавшись въ шагахъ 50, осыпалъ осколками камней и землей генераловъ Стесселя и Никитина.

„Всего было японцами сдѣлано 108 выстрѣловъ (по группѣ всадниковъ, скрывшихся въ горы).

„Генералъ Стессель проѣхалъ со своими спутниками горной дорогой на ст. Инчензы, куда былъ поданъ поѣздъ, успѣвшій, часа *черезъ три*, проскочить, благодаря тому, что канонерки отошли отъ бухты верстъ на двѣнадцать".

По поводу этого „оффиціальнаго извѣстія", носившаго (кто знаетъ мѣстность у бухты Хэси, генерала Стесселя, Никитина и обстоятельства изложеннаго историческаго событія) *сказочный* характеръ, редактору „Новаго Края", полковнику Артемьеву пришлось вести бурныя объясненія съ генераломъ Стесселемъ и контръ-адмираломъ Витгефтомъ.

Много въ этомъ оффиціальномъ извѣстіи противорѣчило истинѣ, противъ чего возставалъ адмиралъ Витгефтъ.

Но власть начальника раіона оказалась сильнѣе и „извѣстіе" было напечатано.

Такъ писалось *все*, что касалось дѣятельности Стесселя.

По поводу этого „извѣстія" я могу сказать лишь слѣдующее: 1) Берега Ляодуна были минированы, въ особенности, всѣ бухты, удобныя для высадки, и японцы всегда были черезчуръ осторожны, въ особенности послѣ гибели „Хатцусе", чтобы дать канонеркѣ

„быстро приближаться къ берегу“, шедшей по даннымъ „извѣстія“ въ 5 верстахъ отъ него.

Съ какого же разстоянія она открыла огонь?

Въ морѣ 5 верстъ— это незначительная дистанція.

Зачѣмъ ей было подходить ближе.

Чтобы нарваться на мину? Въ „извѣстіи“ говорится, что „поѣзду было приказано пройти полнымъ ходомъ поражаемое пространство“.

Но пространство это не поражалось вовсе, потому что сообщеніе того же „извѣстія“ говоритъ: „не успѣли проѣхать версты... открыла огонь изъ 10-дюйм. орудія по группѣ всадниковъ“.

Слѣдовательно, канонерки открыли огонь только тогда, когда замѣтили группу всадниковъ.

2) Огонь канонерки переносится на поѣздъ, всадники скрываются въ лощину, поѣздъ даетъ полный ходъ назадъ, а огонь канонерокъ не прекращается. Стесселя и Никитина, скрывшихся въ лощину, въ теченіе 45 м. спеціально обстрѣливаютъ 10-дюйм. бомбами. Одна даже разрывается въ 50 шагахъ.

А видѣлъ-ли тотъ, кто писалъ это извѣстіе, разрывъ этой бомбы.

Неужели можно допустить, что японцы стали бы тратить въ теченіе 45 м. 10-дюйм. бомбы по группѣ всадниковъ, скрывшихся въ лощинѣ.

Они, конечно, были увѣрены, что всадники поспѣшили ускакать изъ поражаемаго пространства.

Простая теорія вѣроятности подсказывала имъ, что стрѣльба по гористой мѣстности съ моря, безъ корректировки, очень невѣрна, и поэтому врядъ-ли они стали бы расходовать въ теченіе 45 минутъ дорого стоящія 10-дюйм. бомбы по скрывшимся въ лощинѣ всадникамъ.

3) Далѣе говорится, что поѣздъ проскочилъ черезъ три часа на ст. Инчензы, когда канонерки отошли отъ бухты верстъ на 12.

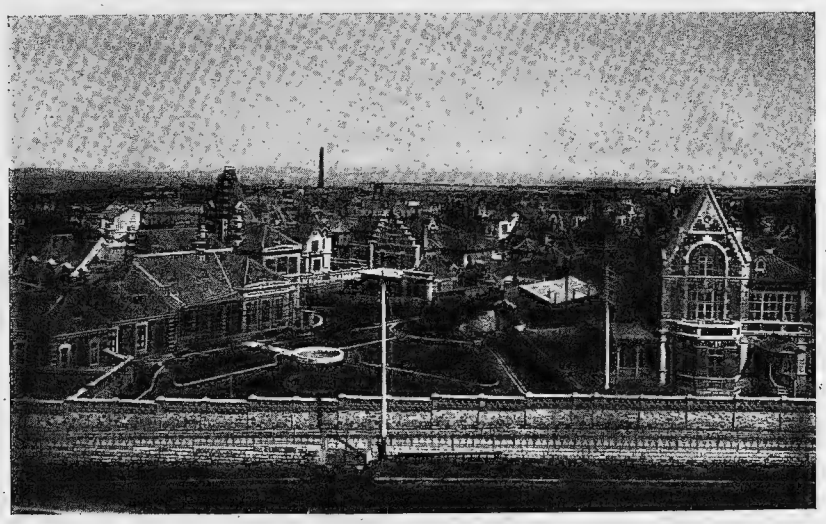
Почему каждый день ходили поѣзда и они не обстрѣливались? Стоило только поѣхать генералу Стесселю, и разыгралась цѣлое „историческое событіе“.

Я не знаю, я тамъ не былъ, можетъ быть, группа всадниковъ бомбардировалась и эскадренными броненосцами, но только все это казалось намъ страннымъ и мало вѣроятнымъ.

Впослѣдствіи, во время тѣсной блокады, генералъ Стессель, очевидно для того, чтобы доказать вѣроятность „оффиціальнаго извѣстія“, стоя на форту I, приказывалъ, вопреки строжайшему запрету генерала Смирнова, открывать по одиночнымъ японцамъ огонь изъ орудій крѣпостныхъ калибровъ.

LXXII.

Ночь на 7-е мая была темная. На береговомъ фронтѣ и въ городѣ тишина. Прожектора свѣтятъ въ даль. Къ 12 часамъ было открыто движеніе непріятеля въ морѣ. Всѣ батареи были на чеку. Прожектора уставятъ свои гигантскіе лучи и, образовавъ свѣтовую преграду, водятъ ими по водной глади океана. Непріятель взятъ ими, какъ клещами. На минуту скроется и опять въ лучѣ. Прислуга у орудій провѣряетъ находку. Ровно въ 12 ч. 40 м. загремѣлъ „дядя Томъ“ на „Отважномъ“, подхватилъ „Ги-



Видъ г. Дальній.

лякъ“, за нимъ батареи. Началась съ перерывами канонада. Пять непріятельскихъ судовъ, поддерживаемыя двумя миноносцами, показались на створѣ входа. Вдали обрисовывались силуэты 2-хъ крейсеровъ. Миноносцы открыли по нашимъ батареямъ огонь. Нѣсколько снарядовъ попали въ городъ. Одинъ 57 мм. снарядъ разорвался въ конюшнѣ нестроевой роты 25-го полка и, ранивъ 3-хъ нижнихъ чиновъ, убилъ наповалъ 2 лошади.

Мы еще не совсѣмъ привыкли къ разрывамъ снарядовъ. Въ особенности жутко было ночью. Кругомъ непроглядная темень. Впереди на фронтѣ фосфорическія вспышки, громъ выстрѣловъ. Въ проходѣ непрерывно стрѣляютъ. Это наше самое уязвимое мѣсто. Берегутъ его, какъ зеницу ока. Послѣ вспышекъ становилось вдвое темнѣй. На улицѣ ни признака освѣщенія. Всѣ бро-

дятъ ощупью и почему-то говорятъ не громко, почти шопотомъ. Словно боятся привлечь на себя снарядъ. Лишь только зашумѣли батареи, г. Блахмірскій съ женой вышли изъ дому, чтобы полюбоваться на свѣтовые эффекты ночной канонады. За ними шелъ г. Буровъ. Едва онъ вышелъ изъ двора фанзы, какъ въ фанзу съ леденящимъ душу воемъ влетаетъ снарядъ, разбиваетъ на столѣ швейную машину и взрывается. Счастье, что обитатели вздумали выйти. Будь они въ комнатѣ врядъ-ли остались-бы живы. Это былъ одинъ изъ первыхъ ночныхъ сюрпризовъ. Когда разорвался снарядъ въ нестроевой ротѣ 25-го полка, я стоялъ на вышкѣ, въ саду Пушкинскаго училища. Внизу, черезъ улицу прошумѣло что-то, затѣмъ раздался трескъ. Я сначала не могъ понять, что это значитъ. Среди оглушительнаго грома береговыхъ батарей, звукъ этотъ скорѣй напоминалъ выстрѣлъ пистолета. До сихъ поръ мы слышали лишь взрывы 12 д. бомбъ. Спускаюсь внизъ. Тамъ уже движеніе. Околоточный съ фонаремъ, патруль, нѣсколько любопытныхъ.

Сверху, по крутой тропѣ обрыва, спускаютъ раненыхъ. На рукахъ несутъ перваго. Свѣтъ фонаря блеснулъ по немъ. Въ памяти запечатлѣлось бѣлое, грязное лицо, окровавленное и что-то болтающееся тамъ, гдѣ должны быть ноги. Раненый подавленно стоналъ, отрывисто произнося:

— „Сердечный, деньги мои... сылай, дому...“. Пронесли его, пронесли еще двухъ, лошадей скатывали на улицу, гудѣли на фронтѣ орудійные выстрѣлы, промчался съ приказаніемъ конный охотникъ, бросившій намъ— „Эхъ, животину жаль“,—а въ глазахъ все еще и долго стояло бѣлое, грязное, окровавленное лицо и потухающій взоръ.

Въ 2 часа все смолкло.

Только прожектора ярко свѣтили.

LXXIII.

Дни шли однообразно. Куда ни взглянешь, всюду идетъ работа, всюду нашъ сѣрый мужикъ, въ формѣ стрѣлка, копаетъ землю, но не родную, обѣщающую желанный урожай, а каменистый и песчаный грунтъ непривѣтливаго Квантуна.

Глядѣлъ я на нихъ, недоспавшихъ, недоѣвшихъ и чуялъ, что многимъ изъ нихъ не видать уже родныхъ полей. Тяжело было на душѣ.

А тутъ еще генералъ Стессель донимаетъ своими приказами.

10 мая, за № 235, пишетъ, что: „...До 15 мая надо еще взять весь скотъ изъ окрестностей города Киньчжоу, т. е. сѣвернѣе Киньчжоуской позиціи". Какой же тамъ скотъ можно собирать, когда тамъ уже японцы. Что же это, въ самомъ дѣлѣ, за ерунда? Возмущались мы, да что проку въ этомъ? Бывало придешь къ знакомымъ, не даютъ даже хоть на словахъ злобу вылить. Никто имени начальника раіона слышать не хочетъ.

„Всякій день почти я получаю глупыя анонимныя письма, большею частью неграмотныя; письма эти наполнены всякими вздорами, совѣтами; совѣты эти вызваны трусостью и боязнью за свою шкуру, мнѣ и времени то нѣтъ читать подобныя глупости. Если мнѣ удастся хотя одного такого писаку узнать и точно установить, что писано имъ, я объявляю, что выселю его вонъ изъ области за Киньчжоу и пусть несетъ свои совѣты японцамъ..." (приказъ № 237).

Не знаю, какіе давались начальнику раіона совѣты анонимными совѣтчиками, можетъ быть, они дѣйствительно были вздорными, но что начальникъ раіона не хотѣлъ слушать совѣтовъ лица, которому самъ Государь довѣрилъ крѣпость, то это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мало того, что онъ не слушалъ, онъ большею частью поступалъ наперекоръ всѣмъ разумнымъ совѣтамъ. Генералъ Кондратенко убитъ, но живъ еще и до времени лишь безгласенъ, томящійся въ плѣну генералъ Смирновъ.

Онъ разскажетъ все и за себя и за Кондратенко.

Не даромъ онъ проситъ суда, какъ милости.

LXXIV.

11 мая я отправился на Киньчжоу.

Мнѣ пришлось ѣхать на поѣздѣ, на которомъ возвращался на ст. Нангалинъ 15-й восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ, прибывшій въ Артуръ 7 мая. (Приказы за №№ 213, 230 и 247).

Въ служебномъ вагонѣ ѣхалъ начальникъ военныхъ сообщеній достойный памяти истиннаго героя подполковникъ Іолшинъ, капитанъ О., офицеры 15-го полка, желѣзнодорожные инженеры и я.

Въ салонѣ, сидя за общимъ столомъ, зашла рѣчь о грядущихъ событіяхъ, которыя ежедневно могутъ разыграться подъ Киньчжоу.

Подполковникъ Іолшинъ, глядя въ окно, сказалъ:

— Долго ли все это будетъ въ нашемъ владѣніи? Сумѣемъ ли мы удержаться на Киньчжоу? Успѣемъ ли мы въ этомъ? Противникъ энергично наступаетъ въ значительныхъ силахъ. Развѣдчики доносятъ, что ими выгружается масса артиллеріи.

— Господинъ полковникъ, а не можете ли вы сказать, зачѣмъ насъ таскаютъ то въ Артуръ, то обратно? Люди не доѣдаютъ, не досыпаютъ. Теряемъ много фуража. Сегодня опять экстренно выступили. Люди обѣдали на станціи въ Артурѣ. Измаялись мы въ этой безтолковщинѣ.

— Вотъ, вотъ, кто знаетъ,—сказалъ подполковникъ Іолшинъ, указывая рукой на капитана О.

— Да, я могу вамъ кое что сказать. Я назначенъ начальникомъ штаба аріергарднаго отряда, въ составъ котораго войдетъ вашъ полкъ,—сказалъ съ самодовольнымъ видомъ будущій начальникъ штаба и таинственно смолкъ.

Онъ видимо ожидалъ, какое впечатлѣніе произведетъ на присутствующихъ и косвенно подчиненныхъ ему офицеровъ. Взглянулъ и на меня,—не скажу, чтобы очень дружелюбно. Присутствіе статскаго, хотя и оффиціальнаго военнаго корреспондента, его видимо стѣсняло.

Я продолжалъ наблюдать.

Впечатлѣнія не было никакого.

Присутствующіе молчали, молодежь хитро улыбалась, вполнѣ, видимо, соглашаясь съ товарищемъ.

LXXV.

Я не былъ еще на Киньчжоу.

Послѣ всего того, что мнѣ приходилось слышать объ этой позиціи, о ея неустройствѣ, значеніи для обороны Артура, фокусахъ генерала Фока,—я чувствовалъ себя въ нѣсколько приподнятомъ настроеніи, когда поѣздъ остановился у разъѣзда „Генералъ Фокъ“.

Недалеко отъ станціи Тафашинъ, приблизительно въ 2—3 верстахъ, былъ устроенъ разъѣздъ „Генералъ Фокъ“; здѣсь же, въ желѣзнодорожной сторожкѣ въ день боя 13 мая, было открыто полевое телеграфное отдѣленіе и временно помѣщался штабъ 4-й дивизіи.

Опять легкое волненіе капитана Одинцова, справки о генералѣ, нѣкоторыя распоряженія и успокоеніе.

— Скажите, господинъ капитанъ, обратился я къ О. и начальнику штаба, когда можно ожидать боя? Не рано ли я пріѣхалъ?

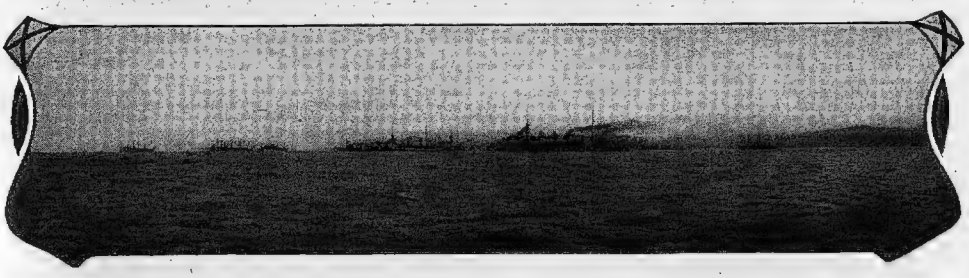
— Вы познакомьтесь, осмотритесь. Здѣсь милое общество офицеровъ 5 полка. До Артура рукой подать, какихъ-нибудь 100 верстъ.

— А бой,—бой, онъ, конечно, можетъ быть и не быть. Этого предугадать нельзя. Конечно, онъ можетъ быть и скоро и не скоро.

Я пожалѣлъ, что спросилъ. Очевидно офицеръ по долгу службы не имѣлъ права выдавать военныхъ тайнъ.

Кажется, наученъ былъ опытомъ въ Артурѣ.

Военная цензура не разрѣшала печатать названіе улицъ и домовъ, въ которые попадали снаряды—изъ опасенія, что японцы



Выходъ Эскадры.

этими указаніями могутъ воспользоваться, какъ данными для корректировки, а я заговорилъ о завѣдомыхъ тайнахъ. Совсѣмъ забылъ. Ужъ больно обстановка мало напоминала военное время.

Наконецъ, поѣздъ дотащился до Тафашина.

Я остался въ Тафашинѣ, а подполковникъ Іолшинъ прослѣдовалъ въ Таліенванъ.

Тафашинъ—послѣдняя станція передъ Киньчжоу. До Киньчжоу еще версты 4. Тамъ лишь полустанокъ. Со станціи отправился прямо къ подполковнику Бутусову, командиру 36 и 21 ротъ пограничной стражи, представился ему, какъ командиру части, и просилъ разрѣшенія быть въ его отрядѣ.

LXXVI.

Наступалъ вечеръ. Получилось приказаніе ротамъ, съ наступленіемъ сумерокъ, выступить по направленію ст. Киньчжоу, и тамъ, соединившись съ охотничьими командами стрѣлковыхъ полковъ, двинуться къ Сампсону. Въ случаѣ встрѣчи съ противникомъ завязать съ нимъ бой до подхода главныхъ силъ.

Организовывалась боевая рекогносцировка въ составѣ нѣсколькихъ охотничьихъ командъ, полка и двухъ батарей.

Подполковникъ Бутусовъ немедленно отдалъ приказанія ротмистру Яковицкому и поручику Сиротко. Позвалъ фельдфебелей и приказалъ имъ вызвать охотниковъ, которые съ заходомъ солнца отправятся впередъ и освѣтятъ мѣстность у подошвы горы Самсона.

— Скажите нижнимъ чинамъ, что пойдутъ въ опасное дѣло. Вы знаете меня. Если говорю опасное, такъ это не шутки. Кошками должны ползти. Сучка не тронуть. Камешкомъ не стукнуть. Дохнуть не смѣютъ. Японцы чутки, живо замѣтятъ.

Солнце уже опускалось за Самсонъ. Быстро начали сгущаться сумерки. Подали ужинъ. Собралось все общество, любившее Бутусова, какъ прямого человѣка и хлѣбосольнаго хозяина.

— „Ваше Высокородіе, охотники готовы—доложилъ фельдфебель.

Бутусовъ вышелъ къ нимъ.

— „Братцы дорогіе, впереди у васъ опасное дѣло. Помните мою науку: тихонько, ползачкомъ.

— Все съ молитвой! Перекрестись, братцы.

Бутусовъ первый перекрестился; люди сняли фуражки и истово крестились.

— Ну, теперь съ Богомъ.

Пограничники, молодецъ къ молодцу, осторожно ступая, скоро скрылись за полотномъ желѣзной дороги. Бутусовъ осѣнилъ ихъ вслѣдъ широкимъ крестомъ и вернулся къ ужинавшимъ.

LXXVII.

Всѣ были въ нѣсколько приподнятомъ настроеніи, пили водку, вино, шутили, разсказывали анекдоты. Особенно былъ разговорчивъ поручикъ Соломоновъ, командиръ Известковой батареи.

Только нашъ хозяинъ Петръ Дмитріевичъ Бутусовъ былъ тише другихъ. Онъ не разстраивалъ компаніи, старался подойти подъ общій тонъ, чокался со всѣми, пилъ,—но ему было не по себѣ. Опасность, серьезность и отвѣтственность задачи, возложенной на ввѣренныя ему роты, его сильно озабочивала.

— Господа, пора собираться. Смотрите, уже ночь на дворѣ. Роты насъ ждутъ,—сказалъ Бутусовъ, подымаясь отъ стола.

Всѣ послѣдовали его примѣру.

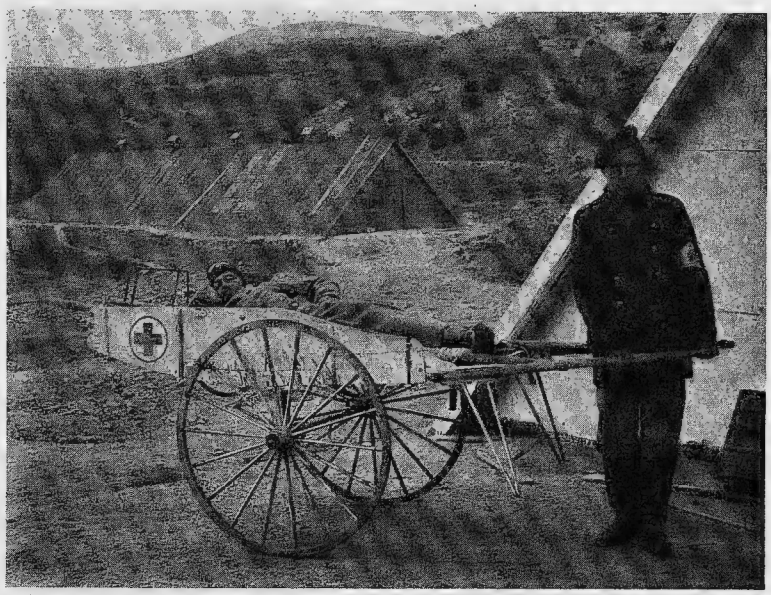
— Вѣстовой, принеси-ка для барина шинель, винтовку и патронташъ—приказалъ онъ своему расторопному татарину.

Вещи немедленно были принесены. Бутусовъ исполнилъ мою просьбу.

Черезъ нѣсколько минутъ я и ротмистръ Яковицкій, помогавшій мнѣ одѣваться, были готовы.

— Ну, что, господа, двигаемся?

Вышли. За Тафашинскими высотами свѣтало. Мѣсяцъ всходилъ. У насъ, за стѣной барака, еще темно, едва различаю лица пограничниковъ, выстроившихся въ двѣ шеренги.



Ручная лазаретная повозка доктора Кефели.

Полная тишина кругомъ.

Право, ни звука, ни шороха, ни голоса, ни стука.

Бутусовъ перекрестился. Всѣ послѣдовали его примѣру.

Шорохъ двухсотъ рукъ, творившихъ крестное знаменіе, напомнилъ мнѣ шелестъ листьевъ осенней порой.

Майская ночь воцарилась надъ Квантуномъ.

— „Направо! Шагомъ маршъ! Не ляскать штыками, руки что-ли отсохли?!

Миновали вокзалъ, огни потушены. Обогнули запасной путь съ вагонами, нагруженными снарядами, перебрались черезъ кучи щебня, камней и вышли, наконецъ, на желѣзнодорожный путь.

Впереди бодро шагаетъ Бутусовъ. На правомъ флангѣ я, рядомъ Яковицкій.

Длинной змѣей вытянулись роты.

Идемъ молча. Оглянулся назадъ. Все сосредоточенныя, задумчивыя лица.

Тусклый дискъ мѣсяца сталъ яснѣть.

LXXVIII.

Въ безоблачной выси заигралъ, засеребрился мѣсяцъ.

Съ „Самсона“ насъ могутъ увидать. Наши тѣни все короче и короче. Все приняло сѣрые тона. Еще нѣсколько минутъ, и мы, какъ на ладони.

— Ротамъ итти рвомъ! — отрывисто отдалъ приказаніе Бутусовъ.

— Назначенные въ дозоръ, на-право въ гаолянъ! Не терять другъ друга изъ виду! Оповѣщать условленнымъ звукомъ! Огня не открывать, — прикладомъ и штыкомъ расправляться!

Роты сплошной сѣрой массой идутъ внизу, рвомъ, сверкаютъ штыки и козырки фуражекъ.

— Вотъ ночка-то, восторгъ одинъ. Ранѣе 2-хъ часовъ нельзя будетъ начать наступленія. Въ диспозиціи, положимъ, сказано: съ заходомъ луны. Э! вѣтерокъ подымается тучки нагонитъ. Это хорошо, а то ужъ больно свѣту много, сказалъ Бутусовъ и, опять задумавшись, зашагалъ впередъ.

Ротмистръ Яковицкій шелъ сзади и, нагнавъ меня, шепотомъ сказалъ:

— Развѣдки были очень слабы. Японцы, можетъ быть, уже на „Самсонѣ“. Экая громадина, но хорошъ. Вотъ бы тамъ батарейку поставить.

— А развѣ тамъ ничего нѣтъ?

— Ровнехонько. Даже наблюдательнаго, кажется, поста нѣтъ.

— Вершители нашихъ судебъ говорятъ, что туда немыслимо было втащить орудія.

— Эхъ, не знаютъ они нашихъ молодцовъ. Чего только не вытащатъ и не втащатъ они.

Величественный „Самсонъ“ таинственно молчалъ.

Незамѣтно подошли къ полустанку Кинжоу.

Ротамъ приказано было отдыхать вокругъ станціи, гдѣ расположилась уже одна охотничья команда.

Улеглись и мы. Втроемъ на одну бурку, другой прикрылись.

Вѣтеръ усиливался, напѣвая жалобно на створкѣ фонаря. Нагоняло тучи.

Быстро все успокоилось. Люди съ винтовками въ рукахъ, кто сидя, кто лежа, дремлютъ.

Кто-то закурилъ.

— Вы, бабы простоволосыя, кури, да огня не показывай! громкимъ шепотомъ бросилъ имъ Бутусовъ.

LXXIX.

Пора, пора, вставайте. Мѣсяцъ потускнѣлъ. Темнѣетъ. Надо выступать, роты уже строятся.

Не успѣли мы выйти на дворъ станціи, какъ во весь опоръ подлетѣлъ военный охотникъ.

— „Его высокоблагородію полковнику Бутусову записка".

Пошли назадъ, зажгли спичку. Всѣ съ большимъ интересомъ хотятъ знать содержаніе.

— Рекогносцировка отмѣняется — я съ охотничьей командой вернулся, — пишетъ одинъ изъ назначенныхъ въ рекогносцировку офицеровъ.

— Вотъ тебѣ и на! А я не получилъ никакихъ приказаній отъ начальника отряда. Что же это за ерунда? Люди съ вечера посланы въ секреты подъ самый „Самсонъ", патрули тоже. Нужно ихъ вернуть. Ищи ихъ теперь. Наткнутся на противника, живыми не уйдутъ. Вотъ ужъ наказаніе.

— Ротмистръ Яковицкій, надо людей послать за ними.

— Да они сами догадаются, г. полковникъ. Ушелъ народъ сообразительный.

— Нѣтъ, надо послать людей и вступить въ связь съ патрулями. Они знаютъ, что до наступленія нашъ бивакъ здѣсь.

Послали нѣсколько надежныхъ людей, а сами тронулись назадъ, за нами охотничьи команды.

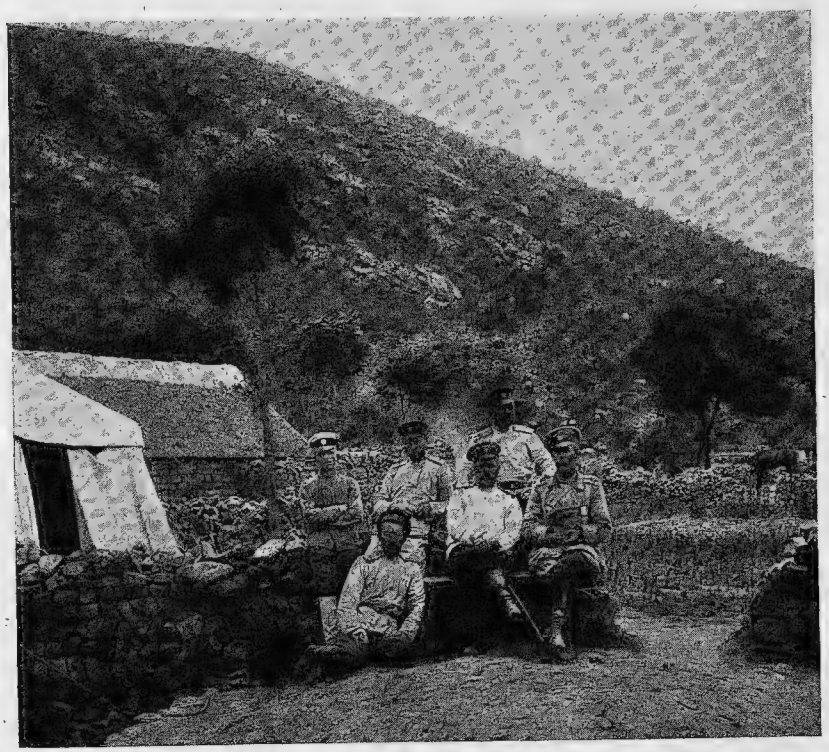
— Чортъ знаетъ, что такое! Опоздай немного охотникъ, и мы попали бы въ грязную исторію. Много, мало-ли у „Самсона" японцевъ, вѣдь мы ничего не знаемъ. Близко-ли они или далеко? Боюсь я за свои секреты, — задаромъ могутъ пропасть.

Ротмистръ, вы ведите людей домой, а я останусь здѣсь, подожду, душа не на мѣстѣ.

Полковникъ Бутусовъ, вызвавъ нѣсколько человѣкъ, вернулся назадъ.

Къ разсвѣту мы были дома. Утренняя зорька озарила востокъ. Я оглянулся назадъ. Величественный „Самсонъ“ таинственно молчалъ. Его вершина уже въ розовомъ свѣтѣ занявшагося дня.

— Какъ то наши отдѣлаются. Ушли всѣ молодцы. Навѣрное полѣзли къ самому „Самсону“. И почему это отмѣнили рекогносцировку? Вѣдь мы ровно ничего не знаемъ, что дѣлается впереди, подъ самымъ нашимъ носомъ.



Штабъ полковника Семенова въ Литангоуской долинѣ: I рядъ пор. Сенкевичъ, полк. Семоновъ, кап. Успенскій. II рядъ пор. Алексѣевъ, пор. Поповъ, пор. Чивчинскій.

— Видите, какіе у насъ порядки: назначаютъ, отмѣняютъ, а о необходимости рекогносцировки говорилось давно. Каждый понимаетъ, что съ завязанными глазами далеко не уѣдешь. Давайте закусимъ, да и спать.

Крѣпко заснулъ я, утомленный многообразными и необычными впечатлѣніями минувшей ночи. Сквозь сонъ слышу какой-то гулъ, все усиливающійся,—проснулся. Всѣ спѣшно одѣваются,—царитъ тревога.

— Что такое?—спрашиваю я, ровно ничего не понимая.

Все зданіе дрожитъ отъ грохота выстрѣловъ и взрывовъ.

— Ничего, японцы насъ бомбардируютъ изъ чортова числа орудій. Посмотрите что дѣлается.

На позиціи рвалась шрапнель $5^1/_2$ и дымились горы отъ взрывовъ непріятельскихъ снарядовъ.

LXXX.

Высланные въ секреты пограничники вернулись лишь послѣ полудня и доложили, что противникомъ „Самсонъ“ занятъ въ значительныхъ силахъ. Видѣли ихъ биваки, орудія, лошадей, слышали шумъ производимыхъ работъ и звонъ телефоновъ.

Крадучись, ползкомъ они отходили отъ японцевъ. Сначала не рѣшались, все ожидали наступленія. Ушли лишь тогда, когда солнце высоко засвѣтило.

Было 5 часовъ утра. Подали лошадей. Поручикъ Сиротко предложилъ ѣхать вмѣстѣ на позицію.

Канонада усиливалась. Особенно доставалось городской батареѣ подъ командой бомбардира Егорова.

Батереи Киньчжоуской позиціи поддерживали энергичный огонь.

Непріятель громилъ позицію, буквально засыпая внизу городскую батарею снарядами.

Были моменты, когда цѣлый десятокъ снарядовъ почти одновременно рвался на батареѣ, засыпая ее дождемъ осколковъ.

Кажется, что все кончено, батарея сметена.

Нѣтъ, съ батареи капитана Высокихъ ясно видно, какъ Егоровъ опять шлетъ противнику снарядъ за снарядомъ. Полевыя батареи японцевъ были отнесены очень далеко, стрѣляя на предѣльныя дистанціи. На позиціи особенно усиленно обстрѣливалась та изъ батарей, надъ которой былъ пущенъ змѣй.

Въ 6 часовъ слѣва, съ уступовъ горы противникъ открылъ огонь изъ хорошо замаскированныхъ гаубицъ.

О приблизительной величинѣ калибровъ мы судили по большимъ взрывамъ и сильному фугасному дѣйствію.

Благодаря тому, что японцы артистически примѣнились къ мѣстности, пристрѣлка по ихъ орудіямъ была очень затруднительна. Мы должны были стрѣлять наугадъ, по невидимому противнику. Кромѣ того, огонь его былъ удивительно мѣткій и сосредоточивался послѣдовательно на каждой батареѣ.

Въ 6 ч. 45 м. бомбардировка стала замѣтно стихать.

Во время боя правѣе правой батареи непріятеля было обнаружено движеніе людей, тянувшихъ по пахотѣ орудіе. Залпъ изъ шестидюймовыхъ орудій прекратилъ дальнѣйшія работы.

LXXXI.

Во все время перваго исключительно артиллерійскаго боя меня поражало полное спокойствіе и выдержанность орудійной прислуги.

Откуда это бралось? Не понимали люди всей опасности, не видѣли еще раненыхъ?

Нѣтъ, и потомъ, до конца осады люди вели себя людьми. Животное чувство страха за свою жизнь слабо проявлялось. Если мы преклоняемся передъ героями минувшихъ войнъ, то защитникамъ Артура безусловно принадлежитъ пальма первенства.

— Поймите, что на смотровомъ ученіи не достигаешь такой быстроты и выдержки,— говорилъ мнѣ Николай Алексѣевичъ Высокихъ,—какія я вижу теперь, во время боя.

Когда обнаружились „гаубицы", удалось къ нимъ быстро пристрѣляться только благодаря удивительной отвагѣ и исключительной храбрости артиллеристовъ, какой то ихъ особенной любознательности.

— Ваше благородіе,—кричитъ одинъ, другой, третій—вотъ дымокъ, огонекъ, еще, а вотъ еще, еще, ваше благородіе!

Смотришь, дѣйствительно.

Берутъ прицѣлъ — выстрѣлъ.

Другой — выстрѣлъ.

Еще, еще — пристрѣлялись. Снаряды же рвутся кругомъ, но пока счастливо: раненыхъ еще нѣтъ.

Безъ четверти восемь на Киньчжоуской позиціи опять все было спокойно.

Доигрались наши начальники. Пока они занимались безконечными писаніями длиннѣйшихъ приказовъ, рапортовъ и отношеній—противникъ не терялъ драгоцѣннаго времени.

Пока мы собирались производить обстоятельныя рекогносцировки, назначали и отмѣняли ихъ — противникъ подходилъ къ самому Киньчжоу [1]).

---

[1]) Пока генералъ Фокъ сумасбродничалъ на Киньчжоуской позиціи, разыгрывалъ изъ себя маленькаго Стесселя, противникъ занялъ „Самсонъ", откуда спокойно наблюдалъ за Киньчжоуской позиціей. Она у него была, какъ на ладони.

Впереди, подъ самымъ носомъ, противникъ сосредоточивался, устанавливалъ орудія, —а мы?

Мы привезли змѣй и собирались съ батареи № 20 производить рекогносцировку.

Большинство артиллеристовъ мнѣ говорило, что внезапно открытый по позиціи огонь былъ для нихъ неожиданностью.

Въ 5 часовъ утра всѣ мирно спали, когда заревѣли непріятельскія батареи, и по всей площади позиціи начали рваться снаряды.

LXXXII.

Послѣ утренняго артиллерійскаго боя на Киньчжоу опять все спокойно. Только съ 3-хъ часовъ пополудни начали раздаваться рѣдкіе орудійные выстрѣлы по показавшимся отдѣльнымъ группамъ противника въ долинѣ Киньчжоу и въ сторонѣ Сампсона.

Поручикъ Саломоновъ открылъ огонь съ своей батареи.

Огонь постепенно усиливается. Константинъ Марковичъ прямо неистовствуетъ.

Бѣглый огонь перешелъ въ залпы.

Его батарея не связана съ позиціей телефономъ.

Понять не можемъ, что случилось.

Послали коннаго охотника.

До него по дорогѣ добрыхъ 3 версты.

Наконецъ все разъяснилось.

У подошвы Сампсона, между прилегающей сопкой и старой китайской импанью, обнажились густыя колонны. Противникъ вытянулся въ густыя цѣпи и безконечной лентой, безъ единаго отвѣтнаго выстрѣла, сталъ стягиваться подъ прикрытіемъ импани противъ праваго фланга нашихъ окоповъ.

Это была лишь демонстрація.

Они хотѣли усилить нашу бдительность на правомъ флангѣ и заставить сосредоточить тамъ побольше резервовъ.

Вѣдь вся площадь была не больше 3-хъ квадратныхъ верстъ.

Все было, какъ на ладонѣ.

Исторія войнъ всего міра не знаетъ еще примѣра, гдѣ бы столь серьезный бой, какимъ явилось Киньжоуское побоище, для всей войны вообще, а для Артура въ частности—происходилъ на такой миніатюрной площади.

Ни одно наше движеніе не могло быть скрыто отъ наблюденій противника.

Сидя на Самсонѣ, который мы ему такъ предупредительно отдали—японцы видѣли все, буквально все.

Какая измѣннически-преступная дѣятельность нашихъ вождей.

Въ началѣ четырехъ Бутусовъ предложилъ мнѣ проѣхаться къ центру передовыхъ окоповъ и взглянуть на передвиженіе японской пѣхоты.

Я охотно согласился.

Мы скоро выѣхали на дорогу, которая минувшей ночью вела насъ на предполагаемую регокносцировку.

Снаряды выли надъ головами, впереди виднѣлись ихъ взрывы. Миновавъ наши окопы (они еще не были заняты) выѣхали на полосу отчужденія. Проѣхали послѣднюю заставу, влѣво насъ окликаетъ часовой.

— Ваше высокородіе—туда нельзя!

— Почему?

— Такъ что ихнія пули сюда попадаютъ. Онъ стрѣляетъ и по одиночнымъ людямъ,—съ той вотъ сопки.

— Ладно. Поѣдете или вернетесь, я всетаки доберусь до импани.

Двинулись впередъ, и едва обнажили себя изъ гаоляна, какъ надъ головами запѣли пули. Очевидно, насъ замѣтилъ японскій дозоръ.

Съ заходомъ солнца Соломоновская батарея замолчала. Сгущавшіяся сумерки постепенно окутывали Киньчжоу.

Получилось приказаніе: съ наступленіемъ ночи ротамъ занять окопы на правомъ флангѣ и быть „особенно бдительными“.

Ужинъ прошелъ въ какомъ-то приподнято-нервномъ состояніи. Всѣ старались быть разговорчивыми и... молчали. Порывались лишнее выпить, и не пили.

Соломоновъ объявилъ, что, если будетъ штурмъ, его батарею въ мигъ раскатаютъ.

— У меня блиндажей нѣтъ совсѣмъ. Вмѣсто блиндажей палатки. По лѣтнему времени оно, конечно, пріятно,—но въ бою совсѣмъ непрактично. Некуда будетъ раненыхъ прятать, да и снаряды не защищены.

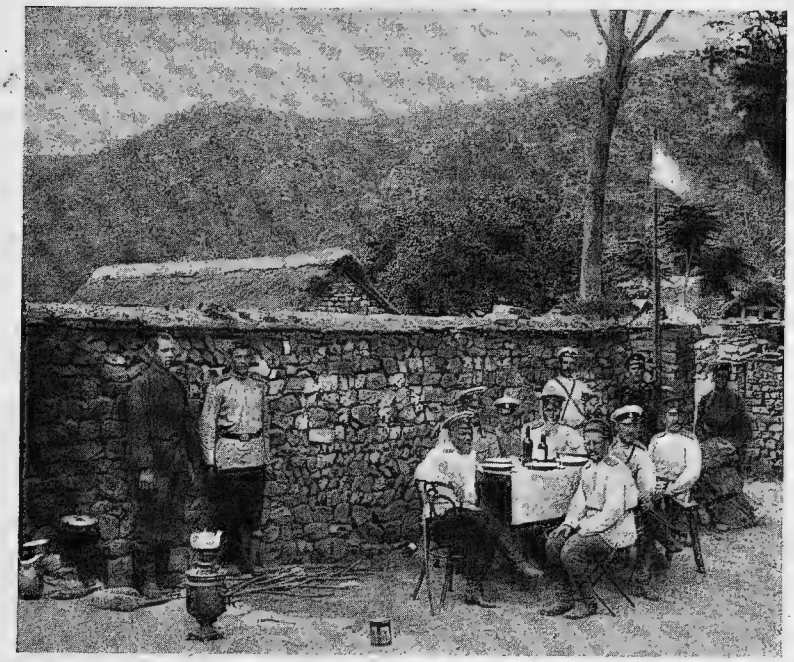
Полковникъ Радецкій отечески совѣтовалъ мнѣ вмѣсто моей фуражки съ краснымъ околышемъ надѣть стрѣлковую.

— Осторожность никогда не мѣшаетъ. Будете отличаться отъ другихъ.

Часамъ къ 9-ти всѣ были готовы. Роты, выстроившись, ожидали на дворѣ.

Простившись съ подполковникомъ Радецкимъ (я на слѣдующій его увидѣлъ, онъ совершенно нагимъ лежалъ въ вагонѣ, но уже мертвый. Всѣ внутренности были выворочены). Мы тронулись въ путь.

Часъ спустя мы первыми заняли окопы.



Штабъ полковника Семенова въ Литангоуской долинѣ.

Тысячи людей ждали противника, тысячи глазъ старались пронизать спускавшуюся завѣсу ночи. Впереди непріятель. Онъ близокъ. Онъ, если не сейчасъ, то скоро очень скоро пойдетъ на эти окопы, польется цѣлой лавиной на притаившіяся цѣпи стрѣлковъ. Всѣ ждали ночного штурма. Но откуда и куда онъ ударитъ?

Узкій перешеекъ, соединяющій Квантунскій полуостровъ съ материкомъ, постепенно заволакивался легкимъ туманомъ. Войска продолжаютъ безшумно занимать первыя и вторыя линіи окоповъ. Шумятъ лишь подходя пулеметы. Устанавливаются въ интервалахъ ракетные станки. Стягиваются прикрытія для батарей. Подходятъ резервы.

Только глубокій резервъ, состоявшій изъ полковъ 4-ой девизіи, тамъ, далеко за Тафашинскими высотами, спитъ. Ему есть еще время отдохнуть и проснуться по первому выстрѣлу.

LXXXIII.

Передъ нами, прямо за брустверомъ, узкая полоса Таліенванскаго залива. Впереди за кажущейся стальной поверхностью воды едва чернѣетъ берегъ. Какъ ни стараемся что-нибудь разглядѣть, какъ ни напрягаемъ зрѣніе, — только различаемъ чернѣющую полосу и больше ровно ничего. Японецъ, быть можетъ, подобрался къ самому берегу, что онъ могъ сдѣлать, не обнаруживъ себя, пользуясь гаоляномъ и шумомъ все усиливавшагося вѣтра.

Нервы напряжены, каждый звукъ заставляетъ прислушиваться. Сознаешь, что вотъ, вотъ можетъ грянуть выстрѣлъ, и моментально все оживетъ.

Люди молчатъ и, приткнувшись къ брустверу, зорко глядятъ впередъ.

Въ сторонѣ центра кинчжоуской позиціи раздаются глухіе, рѣдкіе выстрѣла. Свѣтятъ ракеты. Мелькаетъ слабый свѣтъ маленькаго прожектора. Большой еще не установленъ: въ разобранномъ видѣ лежитъ онъ въ балкѣ передъ батареей № 5. Поздно привезли!

Въ Киньчжоуской долинѣ началось уже наступленіе на городъ и завязался бой. Его защищали 3 взвода 10-ой роты 5-го полка.

Небо все болѣе и болѣе заволакивалось тучами. Сильный юго-восточный вѣтеръ, переходя временами въ штормовые порывы, несъ облака пыли.

Надъ Киньчжоу собиралась гроза. Съ юга надвигалась огромная черная туча, низко ползла она, словно какое-то чудище. Становилось все темнѣй; а послѣ постоянныхъ вспышекъ далекой зарницы едва различались ближайшіе предметы.

Наступила полночь.

Простившись съ пограничниками, я отправился на батарею. Поднявшись на Известковую гору, я засталъ командира батареи въ палаткѣ дремавшимъ въ полной походной формѣ. Мы вышли на батарею. Полная тишина, темень, — только часовые у орудій. Воздухъ чрезмѣрно насыщенъ электричествомъ. Отдаленный гулъ грома все приближается.

— Ну, и ночь! Видали батарею? Хороща? Даже траверсовъ нѣтъ. Что будетъ завтра, я не знаю. Но знаю, что умирать безъ пользы досадно.

Ослѣпительно сверкнула молнія, разъ, другой, — еще, — и сухой трескъ страшныхъ громовыхъ ударовъ посыпался на землю.

Молнія огненными лентами пронизываетъ низко-ползущія облака, разразившіяся, наконецъ, прямо-таки тропическимъ ливнемъ.

Артиллеристы бросились уносить въ палатки снаряды и заряды.

— Ребята, скорѣй, живо. Подмокнутъ заряды, а ихъ у насъ мало. Живо! Живо!

Люди стремглавъ носились отъ орудій къ палаткамъ и въ нѣсколько минутъ перетащили все.

Мы забрались въ палатку. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Двойныя полотнища избавили насъ отъ душа.

— А ну, какъ японцы воспользуются и поведутъ штурмъ. У меня въ прикрытіи была полурота, теперь остался лишь взводъ. Я положительно не знаю, о чемъ думаютъ наши начальники.

— Что же будетъ завтра у васъ, если японцы поведутъ штурмъ?

— Будетъ то, что я скоро принужденъ буду замолчать. Орудія стоятъ на виду, ихъ быстро выведутъ изъ строя, а если скоро и не выведутъ, я принужденъ буду замолчать за неимѣніемъ снарядовъ. Все, что я вижу, слышу и переживаю, мнѣ кажется какимъ-то кошмаромъ. Больно и обидно смотрѣть на все, что творится кругомъ. Я болѣе, чѣмъ увѣренъ, что завтра мы понесемъ жестокое пораженіе не потому, что мы не умѣемъ приготовиться къ оборонѣ, а потому, что начальство ничего не хочетъ дѣлать. Нѣтъ единства. Каждый думаетъ только о томъ, какъ бы сбыть скорѣй съ рукъ довѣренное ему дѣло, и, Боже сохрани, не дать другому проявить осмысленную дѣятельность. Смотришь на все это и утѣшаешь себя лишь однимъ: все, что творится, это не наша вина, но досадно только то, что всѣ вины старшихъ мы будемъ искупать своей жизнью. А умирать то мы сумѣемъ!

Къ тремъ часамъ все стихло: дождь прошелъ. На востокѣ разгоралась заря. Въ подползшей къ громадѣ Сампсона долинѣ еще бродитъ утренній туманъ и темень ночи, борясь, уступаетъ свѣту наступающаго дня.

LXXXIV.

Раннее утро 13-го мая наступило. Все казалось покойно и тихо. Солнце готовилось взойти надъ просыпающейся землей.

Былъ пятый часъ въ началѣ.

Вдругъ сразу, въ мгновеніе все пробудилось говоромъ стальныхъ истребителей спорящихъ людей.

Теперь другой, огненный дождь полился на землю.

Противникъ еще съ вечера развернувъ свои батареи отъ высотъ, примыкающихъ къ Киньчжоуской бухтѣ до бухты Хиноэзе, открылъ сосредоточенный артиллерійскій огонь, поражая наши укрѣпленія съ фронта и фланговъ. Со стороны бухты Киньчжоу нѣсколько канонерокъ громили нашъ лѣвый флангъ изъ 10-ти дюймовыхъ орудій.

Началась непрерывная, ни на минуту не смолкавшая канонада.

Съ Известковой батареи открылась рѣдкостная картина: подойдя къ брустверу, гдѣ рокотали уже всѣ орудія, то отдѣльно, то залпами, я увидѣлъ на всемъ протяженіи перешейка, на темномъ еще фонѣ громады Сампсона огненныя нити, образовавшія золотистую колыхающуюся сѣтку, которая исчезла съ первыми лучами взошедшаго солнца. Вмѣсто нея въ ясномъ утреннемъ воздухѣ рельефно обрисовывались цѣпь и отдѣльныя группы бѣленькихъ облачковъ рвавшихся шрапнелей.

Тутъ не было столько гула, какъ въ артиллерійскихъ бояхъ береговой обороны Артура, такъ какъ здѣсь сконцентрированы были орудія меньшаго калибра, но огонь ихъ былъ не менѣе дѣйствителенъ.

Уже два часа шелъ безпрерывный, подготовительный къ штурму артиллерійскій бой. Шелъ непрерывный трескъ, только съ моря гудѣло сильнѣе.

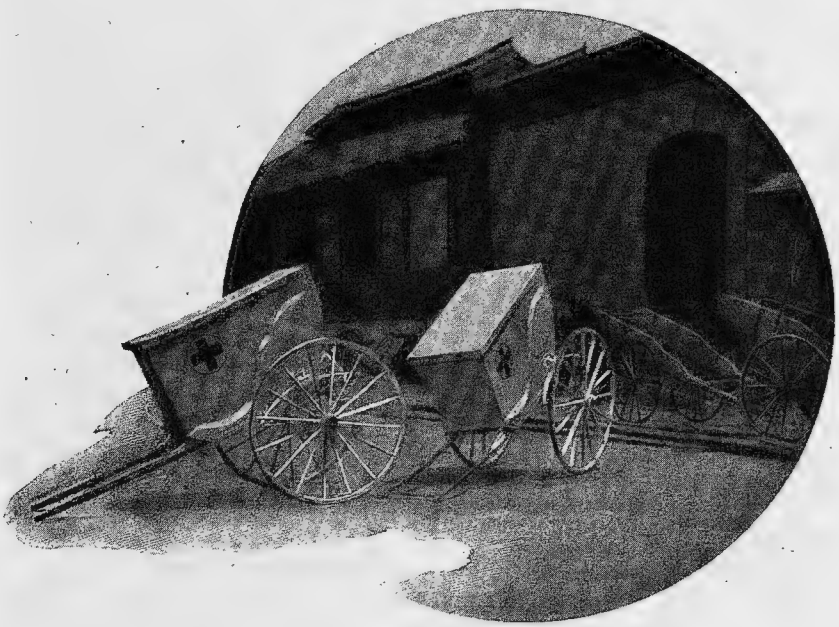
Весеннее солнце ранняго утра ярко свѣтило; бирюзовый небосклонъ совершенно безоблаченъ.

Странный контрастъ давало жизнерадостное весеннее утро съ этими предательскими, будто невинными бѣлыми облачками, появлявшимися на голубомъ небѣ и осыпавшими сотнями пуль защитниковъ. А снизу, отъ земли, вздымались облака чернаго съ сѣрымъ по краямъ отливомъ дыма, сопровождавшіяся грохочущими взрывами. Каждый такой взрывъ — сердце замирало, казалось, что никого не останется. Непріятель стрѣлялъ исключительно залпами: половина орудій шрапнелью, рвавшейся въ воздухѣ,—половина фугасными бомбами, рвавшимися на землѣ, поднимая столбы черно-сѣраго удушливаго дыма.

Шелъ исключительно артиллерійскій бой.

Наблюдая съ Известковой батареи укрѣпленія Киньчжоуской позиціи, страшно становилось.

Свыше 150 скорострѣльныхъ японскихъ орудій, въ буквальномъ смыслѣ слова, засыпали позиціи снарядами. Она дымилась какъ извергающійся вулканъ. Противникъ съ каждой минутой усиливалъ огонь, послѣдовательно сосредоточивая всю силу его на каждой изъ батарей. Это было что-то стихійное.



Повозки для перевязочныхъ матеріаловъ Морскаго Санитарнаго отряда, дѣйствовавшаго на Зеленыхъ горахъ.

Поручикъ Соломоновъ, руководя огнемъ своей батареи, съ полнымъ, скажу больше, ненормальнымъ хладнокровіемъ, подошелъ ко мнѣ и, глядя въ сторону центральныхъ батарей, сказалъ:

— Всего ожидалъ, но только не этого: вѣдь тамъ творится что-то невѣроятное; оттуда никто не уйдетъ живымъ. Они еще отвѣчаютъ энергично, но огонь безпорядоченъ. Они, какъ и я, не видимъ батарей противника. Стрѣляемъ наугадъ по долинамъ. Какъ японцы хорошо маскируются! А мы...

Въ это время у правофланговаго орудія взрывъ бомбы. Получилась какая-то каша отъ людей.

— Оттащи раненыхъ. Ребята, не суетись!

— Ваше высокоблагородіе, къ намъ пристрѣлялись, сейчасъ начнется—докладываетъ старшій фейерверкеръ.

— Ребята, не суетись. Снарядовъ мало. Провѣряй.

— Второе, выстрѣлъ!

Было уже послѣ девяти. Началось медленное наступленіе.

Дѣйствительно противникъ пристрѣлялся и началъ душить нашу батарею. Но это было слабымъ отраженіемъ того, что творилось на центральныхъ батареяхъ.

Правѣе Известковой лихо выѣхала на позицію полевая батарея, но, попавъ немедленно подъ убійственный огонь, должна была спуститься.

Командиръ 2-ой батареи 4-й восточно-сибирской стрѣлковой артиллерійской бригады подполковникъ Лаперовъ прямой дорогой перешелъ тѣмъ временемъ на лѣвый флангъ, поставилъ свою батарею скрытно на одной изъ Тафашинскихъ высотъ, откуда открылъ самый дѣйствительный огонь по канонерскимъ лодкамъ.

Къ этому времени въ бухту Хунуэза вошла канонерская лодка „Бобръ“ подъ командой капитана 2-го ранга Шельтинга, и открывъ фланговый огонь, смяла лѣвый флангъ непріятеля.

Появленіе „Бобра“ и его сравнительно удачный огонь прекрасно подѣйствовали на обороняющихся. Воскресла слабая надежда на счастливый исходъ боя, мы надѣялись, что подойдетъ наша эскадра и отгонитъ канонерки, огонь которыхъ дѣйствовалъ подавляющимъ образомъ на всѣхъ.

Мы были въ полузамкнутомъ огненномъ кольцѣ.

LXXXV.

Позиція представляла изъ себя точку, на которой сосредоточивался все усиливающійся огонь, и должна была отвѣчать огнемъ вѣерообразно. Телефоны, связанные воздушными проводами, были испорчены въ самомъ началѣ боя, и управленіе артиллерійскимъ огнемъ стало немыслимымъ. Каждая батарея, осыпаемая снарядами спазматически отвѣчала. Стрѣляли потому, что нужно было стрѣлять, но результатовъ своей стрѣльбы не видѣли. Никто не корректировалъ, никто не могъ поправить стрѣльбы. Комендантъ позиціи, полковникъ Третьяковъ, сидя на батареѣ № 13, лишенный возможности отдать нужное распоряженіе по телефону, посылалъ ихъ съ охотниками, большинство которыхъ не доходило до мѣста назначенія. Сама же батарея

подвергалась столь интенсивному огню, что до 10-ти часовъ немыслимо было приступить къ орудіямъ. Лишь съ появленіемъ „Бобра", отвлекшаго на себя огонь нѣкоторыхъ батарей, стало возможнымъ открыть огонь.

Къ 10-ти часамъ наши батареи уже сильно пострадали. Штурмующія колонны, несмотря на мѣткій ружейный и пулеметный огонь, неустрашимо шли впередъ. Мѣстами останавливались, залегали, опять подымались, все приближаясь къ стрѣлковымъ окопамъ.

Кромѣ того, въ обходъ нашего лѣваго фланга, по мелководію Киньчжоуской бухты, шла со щитами японская колонна. Ее очень удачно обстрѣливалъ изъ Тафашинскихъ высотъ подполковникъ Лаперовъ [1]).

Когда штурмъ былъ въ полномъ разгарѣ, когда наши батареи начали постепенно стихать подъ невѣроятно сильнымъ, сосредоточеннымъ и дѣйствительнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи, когда сотни людей покончили свои счеты съ жизнью а другіе мучались отъ ужасныхъ ранъ,—начальникъ отряда генералъ-маіоръ Надѣинъ получилъ отъ кого-то донесеніе, что японцы отбиты и бѣгутъ. Немедленно телеграфируетъ въ Артуръ генералъ-лейт. Стесселю о побѣдѣ.

Съ быстротою молніи разнеслась эта радостная вѣсть по городу. У Стесселя собрались приближенные, и шампанское полилось.

Начальникъ раіона, сидя въ Артурѣ, въ разстояніи почти 100 верстъ отъ мѣста перваго серьезнаго боя, успѣхъ котораго рѣшалъ дальнѣйшій ходъ событій, въ томъ числѣ и участь Артура, лихорадочно готовящагося къ оборонѣ, пилъ шампанское и радовался побѣдѣ!

Можетъ быть генералъ Стессель былъ опасно боленъ?

Нѣтъ, я утверждаю, что онъ былъ совершенно здоровъ.

На Киньчжоу же было не до шампанскаго.

---

[1]) Здѣсь можно отмѣтить интересную подробность, характеризующую японцевъ.

Колонна, шедшая по водѣ, установивъ щиты, по грудь въ водѣ, двинулась на наши береговые окопы роты капитана Стемпковскаго 2-го. Лаперовъ замѣтилъ эту хитрость, оставилъ щиты въ покоѣ и въ четверть часа уничтожилъ колонну, не давъ ей добраться до берега, а затѣмъ перенесъ огонь на канонерки, ужъ больно близко подошедшія къ заливу. Огонь былъ настолько дѣйствительный, что канонерки немедленно отошли. На одной изъ нихъ былъ замѣченъ взрывъ.

LXXXVI.

Артиллерійскій огонь противника, все время поддерживающій штурмующія колонны, дошелъ до крайняго напряженія, — вся позиція была окутана черно-бурымъ дымомъ.

Наблюдая за боемъ съ Известковой батареи, я ясно различалъ, какъ одна батарея умолкала за другой.

Въ 10 часовъ 30 м. батареи киньчжоуской позиціи, гдѣ были еще люди, дострѣливали послѣдніе снаряды. На другихъ раздавались взрывы бомбовыхъ погребовъ.

Когда огонь на батареѣ штабсъ-капитана Баранова дошелъ до крайняго напряженія, когда почти вся прислуга была выведена изъ строя, когда орудія съ высоко поднятыми хоботами умолкали одно за другимъ, когда вездѣ валялись убитые, а раненые уносились еще способными къ передвиженію, но то и дѣло падавшими подъ градомъ рвущихся снарядовъ, канониръ Петраченко вернулся къ уцѣлѣвшему орудію и, управляясь одинъ, выпустилъ послѣдніе снаряды. Покончивъ съ орудіемъ, онъ бѣжитъ къ оставленнымъ въ оврагѣ тяжело-раненымъ, утѣшаетъ, даетъ пить, помогаетъ санитарамъ выносить ихъ и, доставивъ послѣдняго раненаго въ болѣе безопасное мѣсто, возвращается на батарею, беретъ винтовку и, въ какомъ-то остервенѣніи, бѣжитъ въ стрѣлковые окопы, гдѣ и остается до общаго отступленія.

На батареѣ штабсъ-капитана Высокихъ наводчикъ Коваль, сильно раненый, не обращая вниманія на страданія, слегка перевязанный, шатаясь, съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ, плетется изъ блиндажа къ своему орудію, замѣняетъ только-что на глазахъ убитаго наводчика, взбирается на прицѣльную скамейку, прикладывается и... падаетъ, какъ подкошенный. Очнувшись, взбирается опять, наводитъ орудіе разъ, другой; послѣ третьяго выстрѣла обращается къ подошедшему командиру штабсъ-капитану Высокихъ и, какъ бы въ бреду говоря:

— Черныя, большія мухи въ глазахъ, ваше высокоблагородіе, не могу,—падаетъ въ предсмертной агоніи.

На Волковской батареѣ канониру Штандюку перебило ноги, его перевязали, а онъ ползетъ назадъ къ орудію.

— Я хочу стрѣлять!

Товарищи отнесли въ блиндажъ. Штандюкъ перешелъ въ обморочное состояніе и затихъ. За суетой не замѣтили, какъ онъ опять подползъ къ самому орудію и началъ въ изступленіи кричать:

— Если не даете стрѣлять, такъ убейте меня!

А надъ батареями, при неумолкаемомъ грохотѣ взрывовъ, выстрѣловъ, дождя визжащихъ осколковъ, камней, песку, стоновъ и криковъ раненыхъ, суетни прислуги, не разсѣивается черный, удушливый дымъ рвущихся гранатъ, вызывая своими ядовитыми газами у борющихся съ врагомъ и смертью головокруженіе и изнуряющую рвоту.

Въ полдень позиція окончательно замолчала [1]). Всю силу артиллерійскаго огня противникъ перенесъ на окопы, занимаемые стрѣлками 5-го полка, отражавшими ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ волны штурмующихъ колоннъ. Жалкіе остатки орудійной прислуги начали отходить за Тафашинскія высоты, съ которыхъ временами открывали бѣглый огонь наши полевыя батареи.

Японцы артистически управляли артиллерійскимъ огнемъ и движеніями штурмующихъ колоннъ съ высоты 75-ой и горы Сампсона.

Съ 12-ти часовъ наступило нѣкоторое затишье. Лишь часть японскихъ батарей истребляла 5-й полкъ, занимавшій окопы.

Въ полдень уже совсѣмъ стало яснымъ, что позиція, потерявъ жизнеспособность всѣхъ своихъ батарей, долго держаться не можетъ, если не будутъ влиты въ сильно пострадавшій 5-й полкъ свѣжія силы.

Только въ часъ дня къ мѣсту боя въ собственномъ поѣздѣ прибылъ, наконецъ, гдѣ-то скрывавшійся генералъ-лейтенантъ Фокъ.

Въ 1 часъ 30 минутъ артиллерійскій огонь противника усилился и штурмъ возобновился съ новой силой. Пятый полкъ таялъ, защищая ввѣренную ему позицію.

Четыре полка 4-й дивизіи стояли за Тафашинскими высотами и были безучастными свидѣтелями боя и истребленія 5-го полка.

Полковникъ Третьяковъ посылаетъ донесеніе за донесеніемъ съ настоятельной просьбой влить хоть два батальона резервовъ.

Но Фокъ знаетъ, что дѣлаетъ. Онъ не даетъ ни взвода.

---

[1]) Штабсъ-капитанъ Николай Алексѣевичъ Высокихъ, сильно раненый, контуженный въ голову, съ ободранныхъ на лѣвомъ плечѣ погономъ, послѣднимъ оставляетъ батареи ввѣренной ему артиллеріи (Высокихъ былъ убитъ 7 августа).

LXXXVII.

Генералъ Фокъ знаетъ, что дѣлаетъ. Онъ прибылъ къ мѣсту боя, когда онъ фактически былъ конченъ, встрѣчаетъ идущихъ по тыловымъ дорогамъ артиллеристовъ, измученныхъ десятичасовымъ боемъ.

— Измѣнники, всѣ назадъ въ окопы. Бери ружья и стрѣляй!

Люди, нравственно и физически доведенные до полнаго изнеможенія, бредутъ назадъ и съ винтовками въ рукахъ, послѣ ужасовъ, пережитыхъ на своихъ батареяхъ, на которыхъ не было должныхъ укрытій, возвращаются, чтобы умереть подъ градомъ бомбъ и шрапнелей въ окопахъ.

Измученныхъ не способныхъ ужъ къ активному противодѣйствію людей возвращаютъ назадъ, а 16 тысячъ стрѣлковъ остаются безучастными зрителями форменнаго избіенія 5-го полка.

Но Фокъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ. Онъ не можетъ рисковать дивизіей: еще нужно защищать раіонъ и крѣпость.

Къ тремъ часамъ началъ слабѣть и огонь фронтальной батареи поручика Соломонова. Прислуга на ней быстро убываетъ. Бѣгутъ двое, подносятъ снарядный ящикъ. Взрывъ отъ упавшей бомбы, еще взрывъ ящика, и вмѣсто двухъ молодыхъ артиллеристовъ — безформенная масса. Некогда разбирать кого убило.

Орудія, то залпами, то въ одиночку, гремятъ.

— Первое, выстрѣлъ!

Орудіе словно въ судорогахъ, откатывается назадъ. Его накатываютъ, суетятся уже, спѣшатъ. Налѣво другое орудіе громыхнуло. А вотъ непріятельскій снарядъ угодилъ въ болванку (по распоряженію предусмотрительнаго генерала Фока было поставлено на батарѣе три болванки. Мы все хотѣли перехитрить японцевъ, забывая, что орудія не слѣдуетъ обнажать, (болванками японцевъ не испугаешь) — она слетѣла съ бруствера, къ ней подбѣгаютъ, съ цѣлью установить. А прислуга у крайняго орудія хохочетъ, досылая зарядъ.—Надъ японцами смѣются.

Шрапнель же продолжаетъ рваться надъ батареей, другой наводчикъ уже снятъ съ прицѣльной скамейки.

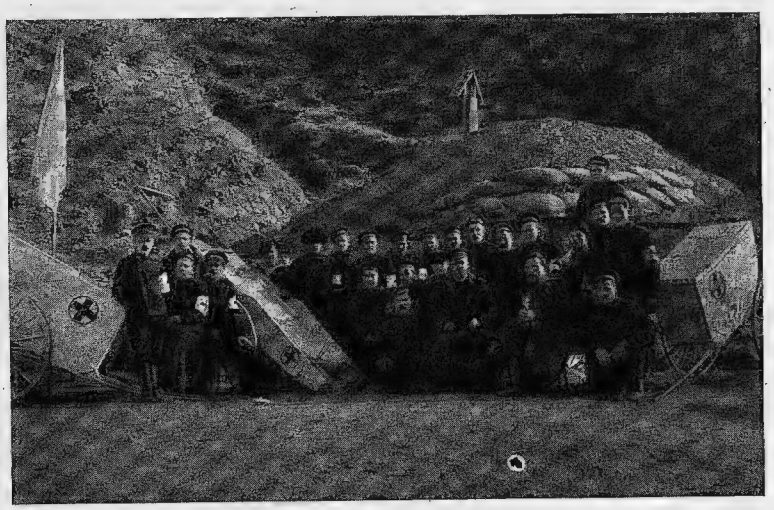
Бомбы, по три, по четыре заразъ, рвутся среди площади, занятой батареей, сгущая и такъ невыносимый, ядовитый, тяже-

лый дымъ, медленно расползающійся. Вотъ уже третье орудіе подбито. Прислуги совсѣмъ мало осталось. Изъ пѣхотнаго прикрытія присланы стрѣлки на подмогу.

— Ваше благородіе, снарядовъ нѣтъ!

Поручикъ Соломоновъ, не имѣя ни одного блиндажа, поражаемый стремительнымъ огнемъ, измученный за себя и за людей, которыхъ $^3/_4$ выбыло изъ строя, отдаетъ приказаніе отойти въ лощину.

Спускаясь, обнаружили, что осталось еще 20 снарядовъ. Быстро вернулись назадъ, наладили оставшееся орудіе и открыли



I-ый Санитарный отрядъ Морскаго вѣдомства съ завѣдующимъ отрядомъ докторомъ Кефели во главѣ.

огонь. Съ какимъ-то непонятнымъ покоемъ вела себя горсть измученныхъ людей. Огонь японцевъ усилился, когда они увидѣли, что умолкнувшая-было батарея опять ожила.

Дострѣлявъ оставшіеся 20 снарядавъ, батарея замолчала. Навсегда.

Люди, очевидно, почувствовали полное презрѣніе ко всему, что творилось въ продолженіе дня, и теперь, забывъ объ усталости, оставшіеся въ живыхъ приступили къ погребенію еще не остывшихъ товарищей-героевъ.

Четыре часа пополудни.

Батареи кинчжоусской позиціи всѣ до единой молчатъ. Огонь полевыхъ батарей на Тафашинскихъ высотахъ мало-дѣйствителенъ.

Позиція обороняется только пятымъ полкомъ, пограничниками и двумя ротами 13-го полка, пришедшими еще ночью.

Наступило сравнительное затишье.

Противникъ, видимо, готовился къ новой атакѣ. Около 20 ротъ съ артиллеріей появились между Сампсономъ и высотой 75-й и медленно, спокойно разворачиваясь, подвигались на нашъ правый флангъ.

Наступленіе шло безпрепятственно, батареи позиціи уже смолкли, стрѣлки тоже молчали, за дальностью разстоянія.

Въ 5 часовъ непріятель опять усилилъ огонь, и штурмъ возобновился съ новой силой.

Стало очевиднымъ, что противникъ задался цѣлью взять центръ съ лѣваго фланга, и поэтому вся сила орудійнаго огня обрушилась на этотъ флангъ.

Полковникъ Третьяковъ, насколько былъ въ силахъ, поддерживалъ лѣвый флангъ, но держаться тамъ было дольше немыслимо. Нуженъ былъ резервъ хотя въ незначительныхъ силахъ. Полковникъ Третьяковъ продолжаетъ просить свѣжихъ силъ.

Но Фокъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ, и не даетъ ни одного взвода.

Противъ окоповъ лѣваго фланга появляются все новыя и новыя цѣпи. Стрѣлки уже непрерывно ведутъ огонь пачками. Идетъ страшная ружейная трескотня. Винтовки накалились. Окопы заполняются ранеными и убитыми. Выносить ихъ не было никакой возможности. Изъ 72-хъ санитаровъ осталось лишь 28.

По всей линіи окоповъ взрывами снарядовъ сносило брустверa, превращая живыхъ еще только что людей въ груды труповъ.

Орудійный огонь росъ и усиливался.

Здѣсь было не до убитыхъ. Тутъ не было времени обращать вниманія на стонъ и крики раненыхъ и корчившихся въ предсмертныхъ судорогахъ. Они предоставлены себѣ и санитарамъ, которые вынося послѣднихъ изъ окоповъ, падали вмѣстѣ съ ними, на смерть пораженные.

Уже шесть часовъ. Держаться болѣе на лѣвомъ флангѣ, не получая подкрѣпленія, было невозможно. Порѣдѣвшія роты стали отходить, занимая вторые окопы.

Орудійный огонь сталъ слабѣть — штурмъ усилился. (Впослѣдствіи оказалось, что у японцевъ вышли всѣ снаряды.)

Полковникъ Третьяковъ продолжаетъ требовать резервовъ, ему не даютъ.

LXXXIX.

Японцы энергично наступаютъ по всей линіи. Сильно уменьшившійся въ числѣ полкъ не въ состояніи задержать ихъ. Не хватаетъ уже патроновъ. Подносить ихъ нѣтъ возможности. Роты, занимавшія центръ окоповъ, рискуютъ быть отрѣзанными съ лѣваго фланга, подавшагося подъ натискомъ назадъ. Связь между нѣкоторыми редутами и люнетами порвана. Полковникъ Третьяковъ сознаетъ, что положеніе серьезно. Еще день, еще свѣтло, — объ отступленіи немыслимо и думать. Онъ приказываетъ держаться до послѣдней крайности. Самъ же продолжаетъ требовать резервовъ. Ему даже не отвѣчаютъ.

Полковникъ Третьяковъ видитъ, что роты начинаютъ отступать. Онъ разсылаетъ послѣднихъ ординарцевъ, — поясняетъ, что нельзя допустить общаго отступленія днемъ, проситъ не губить ему окончательно полкъ, требуетъ хоть одинъ батальонъ, чтобы до ночи задержать отступленіе.

Но Фокъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ. Онъ не даетъ ни взвода.

Еще свѣтло, японцы, не доходя до штыковаго удара, разстрѣливаютъ полкъ сильнымъ ружейнымъ и все слабѣвающимъ артиллерійскимъ огнемъ.

Солнце близко къ закату.

Около 7-ми часовъ 7-я и 5-я роты начали медленное отступленіе.

Какъ только отошла съ лѣваго фланга рота Стемпневскаго 2-го, его немедленно заняли японцы.

Съ этого момента положеніе ротъ, занимавшихъ центральные окопы, стало критическимъ: ихъ разстрѣливали со всѣхъ сторонъ.

2-я пѣшая охотничья команда была окружена и разстрѣливалась въ упоръ. Оба офицера ея, поручикъ Крагельскій и подпоручикъ Герасимовъ, были убиты наповалъ. Изъ 115 нижнихъ чиновъ пробилось лишь 18.

Японцы уже заняли центральныя батареи, открыли непрерывный огонь въ тылъ нашихъ окоповъ.

Солнце уже за Самсономъ.

Сумерничаетъ.

Началось общее отступленіе.

Роты, занимавшія лѣвый флангъ, отходили по большой дорогѣ къ Тафашинскимъ высотамъ и своимъ огнемъ облегчали отступленіе центру и правому флангу.

Роты съ центральныхъ окоповъ отходили на правый флангъ, а оттуда на Тафашинъ. Выносить убитыхъ и раненыхъ безъ риску потерять еще больше людей было невозможно. Офицеры во время отступленія шли сзади всѣхъ нижнихъ чиновъ, и многіе изъ нихъ были вторично ранены, а нѣкоторые убиты.

Несмотря на то, что японцы заняли наши батареи, что ихъ артиллерія выѣхала на позицію къ балкѣ между №№ 2 и 3, они почему то, не рѣшались перейти въ энергичное преслѣдованіе, а истребляли отступающій полкъ лишь огнемъ.

XL.

Подполковникъ Лаперовъ, все время поддерживавшій съ своей батареей самый дѣйствительный огонь, замѣтилъ съ наступленіемъ сумерекъ, что кинчжоусская позиція густо усѣяна войсками.

Батарея занимала наивыгоднѣйшую позицію и могла прицѣльнымъ огнемъ внести страшное опустошеніе среди обнажившаго себя противника.

Но приказаніе ни откуда не получалось. Командиръ батареи, подполковникъ Лаперовъ, какъ не напрягалъ со своими офицерами зрѣнія, не могъ различить: наши это или враги. О томъ, что началось общее наступленіе, что противникъ занялъ позицію, никто изъ штаба отряда не счелъ нужнымъ увѣдомить командира батареи.

Получилось лишь приказаніе: людямъ обѣдать, а командиру прибыть къ начальнику артиллерійской бригады полковнику Ирману.

Подполковникъ Лаперовъ выѣхалъ съ трубачемъ разыскивать командира бригады.

На пути слѣдованія, пересѣкая желѣзнодорожную линію, онъ подъѣхалъ къ поѣзду генерала Фока.

Генералъ Фокъ, стоя на площадкѣ вагона, былъ очень не въ духѣ.

— Гдѣ ваша батарея?

— На позиціи Тафашинскихъ высотъ.

— Почему она еще тамъ?

— Не получалъ на этотъ счетъ никакихъ распоряженій, за исключеніемъ приказанія, „людямъ отдыхать и обѣдать“.

Генералъ пришелъ въ сильное возбужденіе (маленькое бѣшенство) и приказалъ немедленно убрать батарею.

Тутъ, конечно, было сказано очень энергично много „убѣдительныхъ“ словъ. Генералъ вообще не стѣснялся присутствіемъ нижнихъ чиновъ, если нужно было пробрать подчиненныхъ ему старшихъ начальниковъ.

Еще ночью, наканунѣ боя, врачи 5-го полка: старшій врачъ Троицкій, младшіе—Готманъ, Борщевскій, Ярославлевъ и Стратилатовъ съ санитарными и лазаретными повозками выѣхали въ назначенное для перевязочнаго пункта мѣсто и расположились въ глубокомъ оврагѣ между Тафашиномъ и Киньчжоу. Когда съ разсвѣтомъ начался бой, оврагъ, въ которомъ былъ разбитъ перевязочный пунктъ, быстро вошелъ въ сферу непріятельскаго артиллерійскаго огня. Когда снаряды начали падать и рваться въ 15—20 шагахъ отъ мѣста расположенія,— старшимъ врачемъ былъ отданъ приказъ отойти въ болѣе безопасное мѣсто. Бой быстро разгорался. Прямая дорога, ведшая къ Тафашину, и вся площадь позиціи далеко кругомъ осыпались снарядами.

Подъ градомъ снарядовъ перевязочный пунктъ, сопровождаемый докторами верхомъ, быстро отступилъ круговой дорогой къ Тафашину.

Этотъ отрядъ, вооруженный лишь знакомъ Краснаго Креста, символомъ милосердія и неприкосновенности, ежеминутно подвергаясь смертельной опасности, наконецъ благополучно достигъ станціонныхъ зданій.

Какъ только прибыли на станцію, немедленно, дружно, быстро изготовили все необходимое для пріема и перевязки раненыхъ.

Такъ какъ раненые еще не прибывали, то нѣкоторые доктора верхомъ, съ лазаретными двуколками отправились къ нимъ навстрѣчу.

Скоро раненые начали сразу прибывать.

Сколько выносливости, сколько добродушія, сколько довѣрчивости было во взорѣ страдальцевъ, когда къ нимъ подходили врачи и фельдшера.

Здѣсь разыгрывался эпилогъ кинчжоусскаго боя. Раненые все прибывали, которыхъ удалось, посчастливилось вырвать изъ клещей кинчжоусскаго ада.

Доктора едва успѣвали промывать раны и накладывать повязки.

Присутствовавшій на перевязочномъ пунктѣ полковой священникъ о. Василій Слюнинъ помимо утѣшенія жестоко стра-

ждущихъ и напутствія умирающихъ, энергично помогалъ докторамъ и даже самостоятельно дѣлалъ перевязки.

Ворвавшійся въ станціонное зданіе снарядъ производитъ ужасное опустошеніе: четыре раненыхъ убито, пять другихъ тяжело заново изранены.

Произошелъ неописуемый переполохъ.

Больные, только что перевязанные, въ паническомъ страхѣ бросаются вонъ, конечно, кто въ силахъ. (А самочувствіе тѣхъ, кто не могъ подняться!). Падаютъ, поднимаются, опять падаютъ. Къ счастію, что никто изъ ихъ хранителей-докторовъ не былъ раненъ. Успокоивъ больныхъ и сдѣлавъ имъ наскоро вторичныя перевязки подъ непрерывающимся огнемъ и грохотомъ взрывовъ, доктора поспѣшили ихъ уложить въ поданный санитарный поѣздъ и отодвинуть его за Тафашинскія высоты.

Лейтенантъ Винкъ и докторъ Кефели.

До восьми часовъ вечера перевязочный пунктъ оставался въ Тафашинѣ и только съ послѣдними отступающими частями, забравъ раненыхъ, сталъ отходить къ Нангалину.

Нужно надѣяться, что наступило время, пора уже прійти къ непреложному убѣжденію, что въ бою, въ сферѣ непріятельскаго ружейнаго и орудійнаго огня, перевязывать спокойной, увѣренной рукой раненыхъ, нужно имѣть не меньше мужества, чѣмъ съ винтовкой и шашкой въ рукахъ истреблять себѣ подобныхъ.

Докторъ, обмывающій рану, освобождающій ее отъ осколковъ, причиняющихъ невыносимыя страданія, останавливающій кровоизліяніе во время налагаемой перевязки и этимъ спасающій не одну молодую жизнь — среди риска ежеминутно быть убитымъ — развѣ это не величайшій подвигъ самоотверженія!

XCII.

Величавый, покойный Сампсонъ, безмолвный свидѣтель кровавыхъ человѣческихъ распрей, какъ тысячи лѣтъ назадъ, во времена живой проповѣди Спасителя, сказавшаго: „Еще многое имѣю сказать вамъ, но вы теперь не можете вмѣстить“... (Іоаннъ глава 16, 12—33), какъ тогда, такъ и 13-го мая, таинственно молчалъ, отчетливо обрисовываясь на озаренномъ еще вечерней зарей небосклонѣ.

Надвигавшееся съ востока облачко, какъ бы скорбнымъ флеромъ, окутывало его вершину.

День потухалъ и съ нимъ сотни жизней, цѣною которыхъ покупалась и покупается каждая военная слава, въ томъ числѣ и слава 5-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка.

По всѣмъ дорогамъ, тропинкамъ, пахотой брели къ Тафашинскимъ высотамъ остатки 5-го полка.

Тихій вечеръ смѣнялъ для многихъ скорбный, для многихъ послѣдній день.

Сгущались сумерки. Забродили въ балкахъ, долинахъ, оврагахъ тѣни. Силуэты отступавшихъ стрѣлковъ въ нихъ расплывались, и цѣль для японцевъ ускользала.

За Тафашинскими высотами царило полное отсутствіе какой-бы то ни было организаціи. Тамъ все перемѣшалось.

Никто не подумалъ, что Тафашинскія высоты имѣютъ огромное стратегическое значеніе. Ничего не было сдѣлано, чтобы оказать на нихъ хоть какое-нибудь сопротивленіе.

Тѣ, кто поинтересуется взглянуть на карту Квантунскаго полуострова, отчетливо ясно увидятъ, какую чудную горную позицію представляютъ изъ себя Тафашинскія высоты.

Но все, во главѣ съ начальникомъ 4-й стрѣлковой дивизіи генералъ-маіоромъ Фокъ, стремительно уходило отъ этихъ высотъ по направленію къ Нангалину.

Противникъ, занявъ киньчжоусскую позицію, не перешелъ въ преслѣдованіе. Слѣдовательно, отступленіе могло быть совершено въ полномъ порядкѣ.

А что же вышло?

Описывая въ „Новомъ Краѣ“ очень подробно всѣ положительныя данныя о киньчжоускомъ боѣ,—я, въ силу строжайшей военной цензуры, конечно, не могъ ни однимъ словомъ обмолвиться о преступной нераспорядительности генерала Фока и

отсутствіи самаго начальника раіона, когда въ бою участвовало болѣе половины ввѣренныхъ ему войскъ.

Я въ № 118 названной газеты сказалъ только довольно прозрачно, что не время теперь печати входить въ критическую оцѣнку деталей этого боя, но за ней остается право свидѣтельствовать предъ лицомъ всего свѣта, что это была героическая эпопея.

Теперь же я обязанъ сказать, что, помимо преступнаго веденія всего боя, ничего не было сдѣлано, чтобы отступленіе произошло въ мало-мальски приличномъ видѣ.

Генералы Стессель и Фокъ не потрудились оцѣнить всѣ выгоды Тафашинскихъ и Нангалинскихъ высотъ, не оказали на нихъ ни малѣйшаго сопротивленія, а устремились прямо къ Артуру.

Счастье наше, что японцы не перешли въ наступленіе. Трудно себѣ представить, что бы тогда произошло. Очень возможно, что на плечахъ хаотически отступавшихъ полковъ 4-ой дивизіи и батарей противникъ сразу дошелъ бы до Артура.

Непріятель, занявъ киньчжоускую позицію, которая во всякомъ случаѣ досталась ему довольно дорого, не сдѣлалъ даже попытки насъ преслѣдовать. Я помню, что съ позиціи неслись къ намъ звуки японской нестройной музыки.

А мы? — мы въ полномъ безпорядкѣ отступали къ Нангалину.

XLIII.

Когда совсѣмъ стемнѣло, когда люди различныхъ частей перепутались, кто-то крикнулъ, что показалась японская кавалерія.

Что произошло, трудно описать. Стрѣлки открыли огонь по своимъ. Началась энергичная стрѣльба.

Показался изъ-подъ Тафашина послѣдній поѣздъ съ ранеными. Его приняли тоже за японцевъ, и по немъ открыли огонь.

Батареи, услышавъ перестрѣлку и не имѣя пѣхотнаго прикрытія, понеслись къ Нангалину. Лаперовская батарея 4-ой в.-с. стрѣлковой артиллерійской бригады, шедшая въ стройномъ порядкѣ въ самомъ переди, чуть не была смята наскочившей на нее впотьмахъ другой батареей.

Началась форменная паника. Однимъ изъ безпристрастныхъ свидѣтелей всей этой вопіющей неурядицы былъ и другой сотрудникъ „Новаго Края“ г. Купчинскій.

Страшно подумать, что сталось бы съ полками 4-ой дивизіи, если бы противникъ, дѣйствительно, перешелъ въ наступленіе. Только къ разсвѣту, подтянувшись къ ст. Инчензы, все успокоилось и пришло въ надлежащій видъ.

Прекрасной иллюстраціей того хаоса, который царилъ въ штабѣ укрѣпленнаго раіона, служитъ слѣдующій эпизодъ.

Какъ я уже сказалъ, къ 3 часамъ дня всѣ наши батареи на позиціи замолчали. Позиція до самаго отступленія 5-го полка уже не могла дать ни одного выстрѣла. Приблизительно, часамъ къ 6-ти, къ 7-ми прибываетъ на ст. Нангалинъ, по распоряженію генерала Стесселя, подполковникъ Тахателовъ. Для чего? Принять командованіе киньчжоуской артиллеріей. Ему пришлось сообщить, что батареи позицій кончили свое существованіе. Дерется лишь 5-й полкъ.

Наступилъ уже глубокій вечеръ. Все за Тафашинскими высотами въ рукахъ у японцевъ. Наши войска въ полномъ безпорядкѣ отступаютъ къ Нангалину.

На станціи Нангалинъ хаосъ и смятеніе. Набитые ранеными поѣзда отходятъ въ Артуръ. Въ виду внезапнаго отступленія и полной дезорганизаціи—на станціяхъ не было приготовлено питательныхъ пунктовъ.

Измученные долгимъ боемъ, тяжелыми раненіями стрѣлки и артиллеристы томятся голодомъ, жаждой и холодомъ.

Вечеръ былъ не по времени холодный.

По дебаркадеру станціи бродятъ тѣни артиллеристовъ Киньчжоуской позиціи. Бродятъ и хлѣба ищутъ. Часть въ повалку спитъ у станціонныхъ зданій.

Буфетъ I и II класса биткомъ набитъ офицерами. Новые все прибываютъ. Кто поѣздомъ, кто верхомъ, кто на дрезинѣ, большинство пѣшкомъ.

Никто ничего не зналъ, что предпринять. Всѣ ждали приказаній. Никого изъ старшихъ начальниковъ нѣтъ. Большинство офицеровъ, перекусивъ, улеглись здѣсь же на полу.

XCIV.

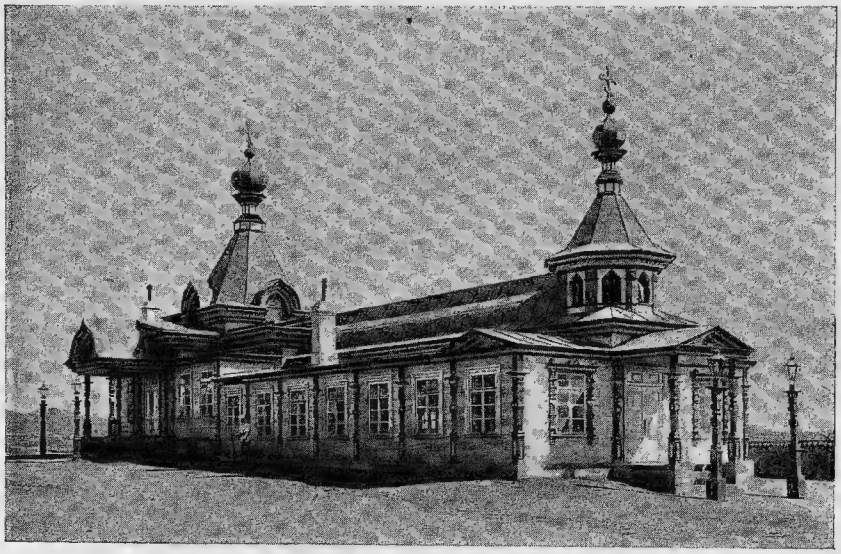
У перрона стоитъ готовый къ отправленію поѣздъ. Длинный поѣздъ. Стоитъ уже давно. Вагоны завалены ранеными. Доктора и фельдшера, продѣлывая эквилибристическія упражненія, влѣзаютъ въ товарные вагоны и при тускломъ свѣтѣ фонаря продолжаютъ облегчать.

Уже 11 часовъ. Поѣзда не отправляютъ. Суматоха на станціи усилилась. Вновь прибывающіе укладываются отдыхать.

Но вотъ отдается кѣмъ-то приказаніе; ихъ подымаютъ, начинаютъ строить, потомъ опять отмѣняютъ; не получается обстоятельныхъ приказаній; одно противорѣчитъ другому.

Люди подымаются, строятся, потомъ ложатся, опять строятся. На лицахъ страшное утомленіе и полное безучастіе ко всему, что происходитъ.

Поѣздъ, наполненный ранеными и умирающими, продолжаетъ стоять. Отъ вагона къ вагону переходитъ пожилая жен-



Отрядная церковь.

щина въ формѣ сестры милосердія и передаетъ раненымъ булки и пирожки, купленные ею на станціи.

— Прикажите принести воды, люди пить хотятъ, у насъ только дистилированная вода для перевязокъ,—возмущенно говоритъ одинъ изъ сопровождавшихъ поѣздъ докторовъ, обращаясь къ проходившему желѣзно-дорожному чину.

— Воды нѣтъ. Есть только сырая и подозрительная. Большой, неожиданный наплывъ-людей. Весь запасъ израсходованъ.

— Но люди пить хотятъ. Я уже не говорю про голодъ; многіе страдаютъ отъ жажды.

Мы не можемъ расходовать воду для перевязокъ. Хорошо, что есть маленькій запасъ вина.

— Къ чему мучатъ людей? Сколько времени уже поѣздъ стоитъ?

— Капитанъ О. не разрѣшаетъ отправить поѣздъ.

Я поинтересовался узнать, что мѣшаетъ отправленію поѣзда.

Противъ станціоннаго зданія вижу группу людей, слышу рѣзкій разговоръ. Подхожу.

— Я прошу, я, наконецъ, требую отправить поѣздъ. Во имя человѣколюбія, раненыхъ нужно торопиться доставить въ госпитали. Для многихъ каждая лишняя минута можетъ стоить жизни. Раздавать больнымъ обратно ружья это абсурдъ, вѣдь это займетъ массу времени, котораго и такъ уже потеряно достаточно, — горячился старшій докторъ санитарнаго поѣзда. Докторъ въ статскомъ платьѣ.

Капитанъ О., пользуясь какими-то особенными полномочіями штаба укрѣпленнаго раіона, доказывалъ крайнюю необходимость въ раздачѣ больнымъ сваленнаго на дебаркадерѣ оружія.

Обѣ стороны горячились. Капитанъ О., возмущенный такимъ энергичнымъ противодѣйствіемъ доктора къ предъявленнымъ ему законнымъ требованіямъ, перешелъ въ начальническій тонъ.

— Да, помилосердуйте. Не мучьте больныхъ. Поѣздъ огромный, переполненный тяжело ранеными, наваленными чуть не другъ на друга. Гдѣ тутъ имъ ружья раздавать.... молилъ докторъ.

Капитанъ суетился, нервничалъ, очень сердился. Побѣжалъ къ телефону. Вернулся назадъ и возобновилъ настойчиво свои требованія.

XCV.

Докторъ, выведенный изъ терпѣнія такимъ упорствомъ, категорически заявилъ, что не позволитъ безпокоить раненыхъ и требуетъ немедленнаго отправленія поѣзда. Начинался скандалъ.

— Если хотите, то даже на основаніи положеній мирной конференціи — больные, отправляемые санитарными поѣздами, должны быть безоружны, — возвышеннымъ голосомъ говорилъ докторъ.

— Мнѣ положительно все равно, что написано въ положеніяхъ о мирной конференціи. Я обязанъ отправить оружіе въ Артуръ. Не можетъ же оно остаться японцамъ.

Въ это время на вокзалѣ опять зашумѣли. Штабсъ-капитанъ Высокихъ строилъ остатки своей 13-ой сводной роты киньжоу-

ской крѣпостной артиллеріи. Рѣшились, наконецъ, отступать къ Артуру.

Пререканія доктора съ капитаномъ О. продолжались. Кипя негодованіемъ, я не могъ больше слушать этой возмутительной сцены и пошелъ вдоль поѣзда. Это былъ неимовѣрно длинный поѣздъ. Незамѣтно я отошелъ далеко отъ станціи, шелъ уже по пути и задумался. Слышу какіе-то звуки, не то стонъ, не то ревъ, мычаніе и легкій шумъ. Опомнился. Ночь темная. Рядомъ поѣздъ. Длинная цѣпь вагоновъ терялась впереди.

Звуки эти были стонъ и крики раненыхъ...

Случалось-ли вамъ, слѣдуя съ пассажирскимъ поѣздомъ, глубокой ночью прислушаться на станціи къ стоящему на запасномъ пути скотскому поѣзду. Если случалось,—то и достаточно. Санитарный поѣздъ въ Нангалинѣ въ ночь на 14 мая издавалъ такіе звуки.

Я тихо пошелъ вдоль поѣзда. Въ товарныхъ неосвѣщенныхъ вагонахъ кучи людей, брошенныхъ гдѣ на солому, гдѣ прямо на голыя доски,—дышали и мучились.

Тутъ были и подавленные вздохи, стонъ и крикъ, мольба, проклятіе, зовъ о помощи и прямо ревъ отъ простой, но невыносимой, физической боли.

— Пить, пить,—я говорю пить,—жжетъ, настойчиво неслось изъ открытой двери. Съ трудомъ вскарабкался въ вагонъ и—замеръ отъ того, что увидѣлъ.

Въ тускло-освѣщенномъ вагонѣ — безформенная масса людей. Шинели, сапоги, котелки, мундиры ,головы, руки и—запахъ крови и легкій запахъ разлагающихся труповъ.

— Баринъ, пить, пить хочу!—отрезвилъ меня крикъ.

Изъ кучи людей, подъ моими ногами вырисовывалась окровавленная голова, блѣдное лицо, озаренное ярко-горѣвшими глазами и протянутая ко мнѣ рука. Я далъ походную фляжку.

Раненый обѣими руками схватилъ ее и черезъ минуту—безпомощно опустилъ ихъ:—голова неудобно легла на чьи-то огромные сапоги.

— Охъ, холодно, прикрой меня. Раненаго била лихорадка.

Я хотѣлъ прикрыть его шинелью. Пришлось съ большимъ усиліемъ вытащить ее изъ подъ налегшаго на него другого раненаго. Онъ не шевелился, потому что давно былъ уже трупомъ.

Мнѣ было тяжело, обидно и жутко. Я хотѣлъ-было спрыгнуть, но невольно остановился на улыбающемся лицѣ, на которое падалъ мерцавшій свѣтъ стѣнного фонаря.

Улыбка! въ такой обстановкѣ?

Перешагнувъ осторожно черезъ нѣсколько раненыхъ, я нагнулся къ улыбавшемуся.

Нѣтъ! Онъ не улыбался! Это была игра свѣта и тѣней.

Это былъ второй уже остывшій мертвецъ. Оскаленные зубы, полуоткрытый ротъ и безжизненные, въ точку уставленные глаза. А рядомъ стоналъ другой, тяжело раненый, съ лицомъ близко почти вплотную, обращеннымъ къ застывшему товарищу. Онъ иногда открывалъ глаза, но, видимо, не реагировалъ на окружающее.

Что долженъ былъ почувствовать этотъ страдалецъ, если по пути къ Артуру къ нему вернулось сознаніе.

Прикрывъ лицо покойнаго платкомъ, я оставилъ вагонъ.

Противъ станціи еще шелъ споръ объ отправленіи поѣзда.

XCVI.

Во мнѣ кипѣло глухое негодованіе, въ ушахъ стоялъ животный ревъ и стонъ сотенъ людей, заключенныхъ въ вагоны, въ которыхъ еще недавно возился скотъ, оставившій тамъ свой слѣдъ. Вагоны потребовали экстренно. Ихъ не успѣли очистить.

Проходя мимо одного медицинскаго студента, карабкавшагося въ вагонъ, я сообщилъ ему о только-что видѣнномъ.

— Э! да у насъ много уже умерло. Много умретъ по дорогѣ. Нужно торопить съ отправленіемъ поѣзда. Не можемъ ничего подѣлать. Требуютъ, чтобы раненымъ роздали назадъ ружья. Правда! есть легко-раненые, да изволь ихъ искать. Люди устали и спятъ.

Я махнулъ рукой и отправился къ строившимся артиллеристамъ.

Черезъ четверть часа колонна тронулась въ путь. Шли форсированнымъ маршемъ.

Лишь только отошли версты двѣ отъ станціи, дорога развѣтвлялась: одна направо, другая налѣво. Зашелъ споръ. Оказалось, что не знали, которая изъ нихъ ведетъ въ Артуръ. Невольно мнѣ припомнилась въ дѣтствѣ слышанная сказка.

Голова колонны взяла неправильное направленіе.

— Стой, стой, остановись,—вопятъ изъ середины.

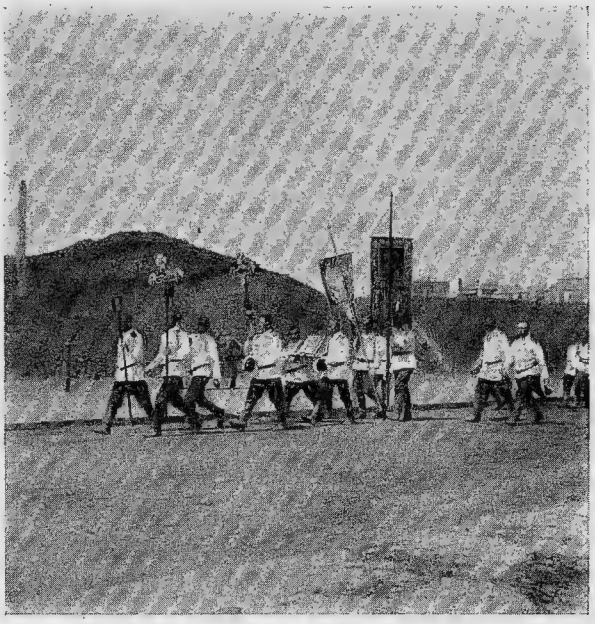
Оттуда кричатъ: впередъ, впередъ, мы вѣрно идемъ.

Началось пререканіе. Мы остановились, тѣ не идутъ. Кричали, кричали не помогаетъ. Да и у насъ нашлись увѣрявшіе, что направленіе взято вѣрно.

— Господа, да та дорога крюка даетъ и поворачиваетъ въ сторону Киньчжоу.

Подполковникъ Тахателовъ, очутившійся старшимъ, положилъ, наконецъ, предѣлъ безсмысленнымъ спорамъ и рѣшилъ идти налѣво.

Тронулись. Обгоняли обозъ, стада, спѣшно гонимыя въ Артуръ. Ночь была лунная, ясная, тихая. Полная противуположность минувшей ночи. Проходя тѣсными улицами китайскихъ



Крестный ходъ 25 іюля.

деревень, казалось, что онѣ необитаемы. Китайцы попрятались, ожидая японцевъ. Только десятки собакъ звонко заливались изъза высокихъ глинобитныхъ оградъ.

Около часу насъ догналъ лазаретный обозъ одного изъ полковъ 4-й дивизіи.

Онъ несся во весь опоръ.

Мы были въ это время на привалѣ.

— Что случилось? — кричитъ въ догонку подполковникъ Тахателовъ.

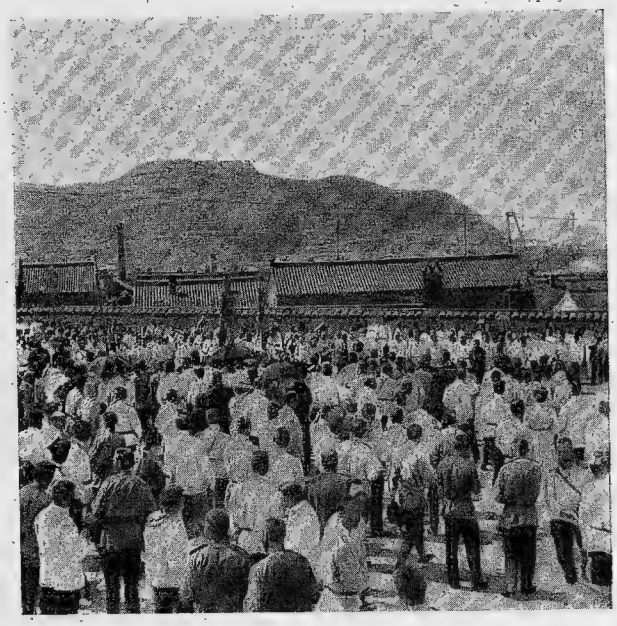
— Японская кавалерія преслѣдуетъ. Все въ безпорядкѣ спѣшно отступаетъ. Спѣшите!

Въ сторонѣ желѣзнодорожнаго пути прошумѣлъ уходившій, наконецъ, въ Артуръ санитарный поѣздъ.

Подполковникъ Тохателовъ немедленно отдалъ приказаніе строиться, и черезъ нѣсколько минутъ мы, ускоривъ шагъ, быстро подвигались впередъ.

Подымаясь на одинъ изъ горныхъ перевaловъ, мы услышали въ сторонѣ Дальняго сильный взрывъ, и яркое зарево освѣтило дальнія высоты.

Къ разсвѣту 14 мая, пройдя болѣе 50 вер., мы подходили къ станціи Инченцзы.



Крестный ходъ.

Измученные и голодные, не найдя на этапѣ пищи, улеглись мы на станціонной платформѣ.

Въ 6 часовъ, по распоряженію прибывшаго инженера Губанова, нижнимъ чинамъ была дана горячая пища. Офицерамъ была предложена закуска въ салонъ-вагонѣ, въ которомъ я еще третьяго дня, въ полномъ невѣдѣніи, что насъ ожидаетъ въ ближайшемъ будущемъ, прибылъ на Киньчжоу.

Въ 7 часовъ на одномъ изъ поѣздовъ, подошедшихъ со стороны Нангалина и переполненныхъ ранеными и стрѣлками различныхъ полковъ, я уѣхалъ въ Артуръ.

Около 9 я былъ уже въ крѣпости.

XCVIII.

Сумрачное, холодное и непривѣтливое утро царило надъ Артуромъ.

Станціонные пути загромождены прибывшими поѣздами. Изъ вагоновъ выносили раненыхъ и мертвыхъ.

На лицахъ всѣхъ встрѣчавшихъ поѣзда лежала печать тревожной растерянности.

Никто не ожидалъ такой быстрой и печальной развязки на Киньчжоуской позиціи.

Прямо съ поѣзда я проѣхалъ къ своему редактору, полковнику Артемьеву.

Видъ полковника Артемьева былъ настолько встревоженный, что я не рѣшился сразу сказать все, чему я былъ свидѣтелемъ.

На вопросъ: „Неужели войска въ паникѣ отступаютъ къ эспланадѣ крѣпости"?—я уклончиво отвѣтилъ, что войска спѣшно отступаютъ отъ Киньчжоуской позиціи, при чемъ вполнѣ искренне выразилъ увѣренность, что врядъ-ли они отступятъ къ самой крѣпости.

Въ городѣ царило какое-то онѣмѣніе. Большинство непосвященныхъ наивно вѣрило въ безусловную неприступность Киньчжоу, и паденіе его всѣхъ ошеломило.

На пути домой меня останавливали знакомые, и на мой осторожный утвердительный отвѣтъ, что Киньчжоу палъ, многіе не хотѣли вѣрить. А тѣ, кто зналъ уже о киньчжоускомъ побоищѣ и, рисуя его и бѣгство войскъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, спрашивали, правда ли это, и что будетъ съ Артуромъ.

Я, какъ оффиціальный военный корреспондентъ въ осажденной крѣпости, долженъ былъ быть возможно корректнѣе въ сообщеніи дѣйствительнаго положенія вещей, дабы крѣпостное начальство не могло привлечь меня къ отвѣтственности за распространеніе тревожныхъ слуховъ. Въ силу этого, я старался успокоить встревоженныхъ. Говоря о паденіи Киньчжоу, я сообщалъ лишь о необходимости его оставленія, умалчивая о томъ возмутительномъ безпорядкѣ, который царилъ во время боя и при неорганизованномъ отступленіи.

Моя предусмотрительная осторожность, какъ оказалось впослѣдствіи, была болѣе чѣмъ необходима.

Оказалось, что глубокой ночью прибылъ въ крѣпость другой сотрудникъ „Новаго Края", г. Купчинскій, бывшій свидѣте-

лемъ, какъ во время безпорядочнаго, вполнѣ неорганизованнаго отступленія наши войска приняли своихъ же за японцевъ и открыли жесточайшую перестрѣлку. Ружейному огню подвергся и послѣдній санитарный поѣздъ, шедшій съ ранеными изъ-подъ Тафашина. На этомъ поѣздѣ былъ и г. Купчинскій, человѣкъ молодой и крайне впечатлительный. Прибывъ въ крѣпость, онъ, подъ впечатлѣніемъ только что пережитыхъ ужасовъ, вполнѣ правдиво передалъ все, чему былъ свидѣтелемъ.

Когда его правдивое повѣствованіе дошло до свѣдѣнія верховной власти квантунскаго укрѣпленнаго раіона, то ему съ

Дружинники.

высоты штаба раіона было дано предупрежденіе, что за распространеніе тревожныхъ слуховъ онъ можетъ быть подвергнутъ взысканію въ видѣ „повѣшенія“ или „разстрѣлянія“.

XCIX.

Конечно, на страницахъ „Новаго Края“ не могло появиться ничего правдиво освѣщавшаго событія на кинчжоуской позиціи и въ Дальнемъ.

Что же творилось въ Дальнемъ съ 23-го апрѣля, во время и послѣ киньчжоускаго боя?

А вотъ что:

Какъ я уже говорилъ, покойный теперь градоначальникъ Сахаровъ телеграфировалъ 6-го мая за № 1538, прося своевременно поставить его въ извѣстность, когда будетъ рѣшено

окончательно оставить городъ Дальній. Отвѣта не получалось. Командированный изъ Артура лейтенантъ Сухомлиновъ производилъ подготовительныя работы для разрушенія сооруженій гор. Дальняго и пловучихъ средствъ. Дѣлались пробные взрывы. Населенію предлагалось временно оставить городъ, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, и на время производства взрывовъ уйти въ горы. Пробы производились, но взрывы почему-то почти не удавались.

Шла невозможная, невѣроятная безтолковщина и путаница въ дѣлѣ вывоза изъ Дальняго въ крѣпость всевозможныхъ строительныхъ матеріаловъ, угля, продовольственныхъ запасовъ и т. д.

Для того, чтобы не быть голословнымъ и не дать повода заподозрить меня въ пристрастномъ отношеніи къ дѣятельности начальника квантунскаго укрѣпленнаго раіона, я привожу всю переписку между градоначальникомъ города Дальняго и штабомъ укрѣпленнаго раіона, касающуюся вывозки въ крѣпость различныхъ матеріаловъ.

„Портъ-Артуръ.

Начальнику военныхъ сообщеній.

„Вторыя сутки нѣтъ поѣзда изъ Дальняго въ Артуръ, пути забиты груженными вагонами, убѣдительно прошу скорѣйшей присылки паровоза для ихъ отправки.

Градоначальникъ *Сахаровъ.*

6-го мая 1904 г., № 1536".

Здѣсь необходимо пояснить, почему въ Дальнемъ не было вторыя сутки паровоза. Въ распоряженіи желѣзнодорожной администраціи осталось на отрѣзанномъ участкѣ лишь пять паровозовъ и двѣ кукушки. Желѣзнодорожнымъ агентамъ предлагали вырабатывать расписанія движенія поѣздовъ для возможно большой утилизаціи подвижного состава и паровозовъ, а въ дѣйствительности лишали ихъ возможности организовать правильное движеніе грузовъ, пользуясь паровозами для личныхъ надобностей. Изъ 5 паровозовъ въ распоряженіи агентовъ осталось лишь два, такъ какъ для генерала Фока были назначены два дежурныхъ паровоза съ небольшимъ составомъ: одинъ въ Нангалинѣ, другой въ Тафашинѣ. Третій паровозъ былъ въ распоряженіи начальника раіона, въ Артурѣ.

Генералъ Фокъ изрѣдка предпринималъ на этихъ поѣздахъ поѣздки для рекогносцировки мѣстности.

Однажды произошелъ курьезный и очень характерный для личности генерала Фока случай.

Подходитъ генералъ Фокъ къ паровозу и, обращаясь къ машинисту, г. Романовскому, говоритъ:

— Послушай, машинистъ, ты вези меня по тѣмъ дорогамъ, гдѣ мы прошлый разъ ѣздили.

Романовскій опѣшилъ: прошлый разъ въ дежурствѣ былъ другой машинистъ, нѣкто г. Константиновъ. Романовскому же еще не приходилось возить генерала по „тѣмъ дорогамъ".

Получивъ такое предложеніе, г. Романовскій отвѣтилъ:

— Я могу, ваше превосходительство, повезти васъ только по одной дорогѣ: это—впередъ или назадъ.

Генералъ строго посмотрѣлъ на несообразительнаго машиниста, назвалъ „дуракомъ" и ушелъ въ вагонъ.

Другой случай произошелъ съ самимъ генераломъ Стесселемъ.

Прибываетъ онъ на станцію Тафашинъ. Все желѣзнодорожное начальство въ поѣздѣ и на станціи.

Генералъ скрывается въ станціонное зданіе.

Такъ какъ начальникъ раіона предполагалъ съ Тафашина слѣдовать обратно въ Артуръ, то начальникомъ станціи было приказано приготовить поѣздъ къ обратному отправленію, т. е. паровозъ долженъ былъ быть прицѣпленъ впереди поѣзда, что строжайше предусмотрѣно желѣзно-дорожными правилами. Такъ какъ на станціи не было другого паровоза, то прибывшій сталъ маневрировать по запаснымъ путямъ и прошелъ мимо станціи, по направленію къ Артуру, до ближайшей стрѣлки.

Генералъ Стессель, замѣтивъ, что паровозъ уходитъ, выбѣжалъ на платформу и въ сильномъ возбужденіи сталъ кричать:

— Куда паровозъ, зачѣмъ паровозъ, зачѣмъ уходитъ?! Позвать начальника станціи!

Явился предъ лицомъ „укрѣпленнаго раіона" (такъ называли въ началѣ генерала Стесселя солдаты) начальникъ станціи г. Надхинъ.

— Ваше превосходительство, господинъ ревизоръ... — Но генералъ былъ уже сердитъ, паровозъ на его глазахъ удалялся, онъ ничего не хотѣлъ слушать:

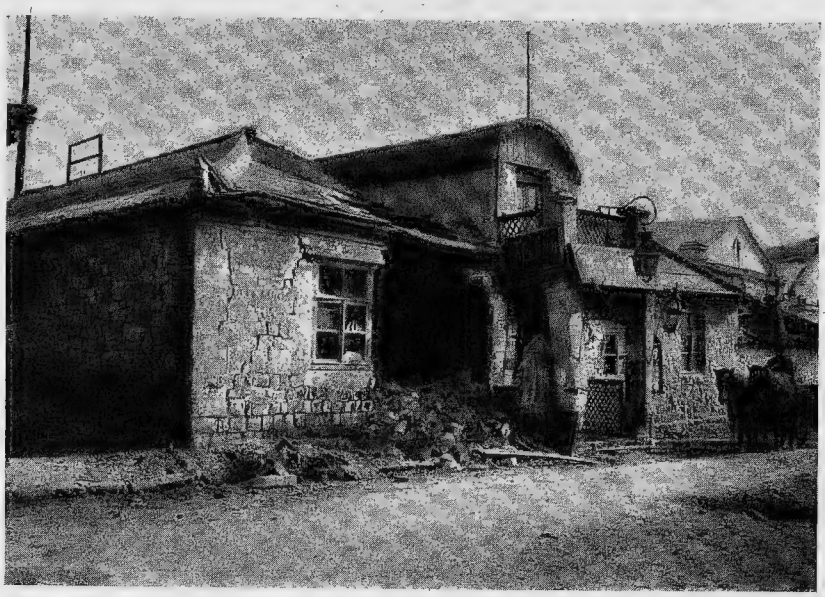
— Какъ вы смѣли отправить паровозъ? Я васъ и вашего ревизора... (здѣсь каскадомъ обильно полилась національная, образная, площадная ругань)... на первомъ фонарѣ повѣшу!

Паровозъ между тѣмъ, миновавъ стрѣлку, возвращался обратно, медленно подходя къ поѣзду.

С.

Копія телеграммы начальника военныхъ сообщеній подполковника I., отъ 8 мая 1904, № 35. Дальній. Два адреса: коменданту станціи, копія начальнику станціи.

„Когда всѣ указанные мною грузы будутъ вывезены, въ томъ числѣ весь уголь (штабъ раіона прямо помѣшался на углѣ; его въ Артурѣ было огромное количество, доставшееся японцамъ)



Дѣйствіе 6-дюймоваго снаряда.

и приспособленія для электрическихъ прожекторовъ, то прошу донести, а тогда я дамъ разрѣшеніе вывозить частные грузы. Уголь грузить въ трюкахъ и во всѣхъ крытыхъ вагонахъ, полувагонахъ и платформахъ".

Телефонограмма.

Начальнику военныхъ сообщеній.

„Имѣется до 50 вагоновъ погруженныхъ разными матеріалами по требованію морского и военнаго вѣдомствъ, прошу распоряженія о скорѣйшей ихъ отправкѣ въ Артуръ.

„Градоначальникъ Сахаровъ, 9-го мая 1904 года, № 1568".

Телефонограмма.

„Дальній, инженеру Сахарову, копія коменданту станціи.

„Благоволите сообщить, какими именно матеріалами погружены указанные вами 60 вагоновъ.

„Начальникъ военныхъ сообщеній подполковникъ Іолшинъ". 9-го мая 1904 года, № 32,—7 час. дня.

Телеграмма коменданту станціи, копія Сахарову, копія капитану II р. Скорупо.

„Исключая 100 тоннъ кардифа, нужнаго для катеровъ, весь уголь немедленно погружайте на трюки, вагоны, полувагоны и отправляйте въ Артуръ. Сами слѣдите за нагрузкой и требуйте рабочихъ. 10-го мая 1903 г., № 42.

Начальникъ военныхъ сообщеній".

Градоначальникъ Сахаровъ, понявъ, что штабъ раіона обуяла углеманія, и сознавая, что не уголь важенъ для Артура, а несравненно болѣе цѣнные матеріалы, пишетъ слѣдующее:

„Начальнику штаба укрѣпленнаго раіона. Назначенный комендантомъ станціи подпоручикъ Терскій распоряжается отправкой въ Артуръ различныхъ грузовъ общества китайской восточной жел. дор., не поставляя меня даже въ извѣстность о своихъ дѣйствіяхъ. Между тѣмъ, согласно полученныхъ мною указаній отъ намѣстника и правленія, грузы общества могутъ быть передаваемы не иначе, какъ по приказанію, данному мнѣ лично начальникомъ укрѣпленнаго раіона. Независимо сего, при изложенномъ образѣ дѣйствій коменданта станціи, я совершенно лишенъ возможности исполнять получаемыя мной срочныя требованія морского и военнаго вѣдомства, такъ какъ вагоны съ таковыми грузами не отправляются въ Артуръ, а задерживаются комендантомъ станціи, несмотря на мои неоднократныя требованія. Въ виду изложеннаго прошу не отказать давать распоряженія объ очереди отправленія грузовъ общества китайской дороги непосредственно мнѣ, причемъ требованія эти будутъ мною въ точности исполнены.

„Къ сему позволю себѣ присовокупить, что при наличіи двухъ паръ поѣздовъ въ сутки и при правильной ихъ нагрузкѣ представляется полная возможность вывести изъ Дальняго уголь и всѣ прочіе грузы общества китайской дороги, которыхъ еще остается на сумму до **двухъ милліоновъ** рублей.

„Градоначальникъ Сахаровъ. 9-го мая 1904 года, № 1563".

Это пишется за четыре дня до киньчжоускаго боя. Инженеръ Сахаровъ увѣренно говоритъ, что „при наличіи двухъ

паръ поѣздовъ" можно вывезти всѣ грузы общества, которыхъ осталось на сумму до 2-хъ милліоновъ рублей.

Изъ этого письма явствуетъ, что покойный Сахаровъ никакъ не предполагалъ, что Киньчжоуская позиція будетъ такъ быстро оставлена. Очевидно, онъ былъ убѣжденъ, что если мы и оставимъ позицію, то задержимся сначала на Тафашинскихъ, а затѣмъ и на Нангалинскихъ высотахъ.

CI.

Въ отвѣтъ на это была получена слѣдующая телеграмма:

„Дальній. Инженеру Сахарову, копія коменданту станціи.

„Комендантъ станціи распоряжается по моему указанію и ему точно предписанъ порядокъ погрузки и отправки груза въ Артуръ. Весь уголь, имѣющійся въ Дальнемъ, исключая 1000 тоннъ кардифа для катеровъ, подлежитъ безусловной отправкѣ въ первую очередь. Начальникъ укрѣпленнаго раіона приказываетъ категорически немедленно вывозить уголь, чей бы онъ ни былъ. Если вы сдѣлали распоряженіе не выдавать коменданту угля, то прошу васъ отмѣнить и не задерживать сосредоточенія необходимыхъ для крѣпости запасовъ". (Повторяю, угля для обслуживанія эскадры было вполнѣ достаточно. Запасъ былъ плохого качества, но обильный запасъ).

„Начальникъ военныхъ сообщеній 10 мая 1904 г., № 1563".

Получивши такую энергичную отповѣдь, градоначальникъ Сахаровъ телеграфируетъ контръ-адмиралу Григоровичу:

„Командиру порта, Артуръ".

„Просимые вами матеріалы: тиковое дерево, желѣзо, парусина и другіе погружены мною въ вагоны, но вторыя сутки задержаны на станціи вновь назначеннымъ комендантомъ подпоручикомъ Терскимъ, несмотря на мои настоятельныя требованія объ ихъ немедленной отправкѣ.

„Градоначальникъ Сахаровъ, 10 мая 1904 г., № 1569".

Отправивъ эту телеграмму, онъ получаетъ запросъ:

„Дальній. Инженеру Сахарову. Копія коменданту станціи.

„Прошу телеграфировать, какой именно грузъ морского и военнаго вѣдомства заключается въ груженыхъ вагонахъ. Входящій № 548 отъ 10 мая.

„Начальникъ военныхъ сообщеній".

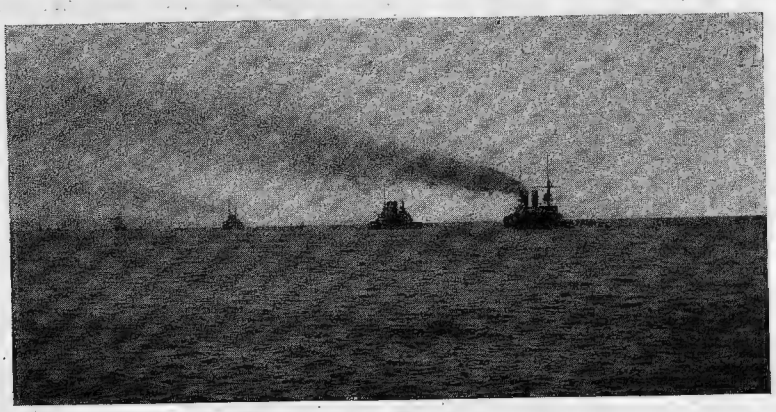
Все это происходитъ за три дня до киньжоускаго боя. Начальство занимается литературой, „по военнымъ обстоятель-

ствамъ“ оглавляемой, а грузы недвижно пребываютъ въ Дальнемъ.

Далѣе: получивъ этотъ „по военнымъ обстоятельствамъ“ запросъ, градоначальникъ отвѣчаетъ:

„Портъ-Артуръ. Подполковнику Іолшину.

— „Погружено и готово къ отправленію 40 вагоновъ съ матеріалами изъ главнаго склада желѣзной дороги. А именно: тиковое дерево, манильскій и стальной тросъ, олифа, краски, стекло, желѣзо, — круглое и кровельное, болты, гайки, винты, толь, свинецъ, мѣдь, олово, парусина и приводные ремни. Кромѣ того, погружено 8 платформъ съ электрическими принадлежно-



Выходъ эскадры.

стями и механическими станками и 10 вагоновъ съ цементомъ, по требованію морского вѣдомства, и, наконецъ, 2 вагона съ дѣлами управленія. Частныхъ грузовъ никакихъ не отправлялось и отправлять таковые до перевозки всѣхъ грузовъ желѣзной дороги я безусловно воспрещаю.

„Градоначальникъ Сахаровъ, 10 мая 1904 г., № 1571“.

Получается слѣдующій отвѣтъ:

„Дальній. Инженеру Сахарову. Копія коменданту станціи.

„Изъ всего указаннаго вами груза подлежатъ отправкѣ лишь 8 вагоновъ съ электрическими принадлежностями. Всѣ остальные вагоны немедленно должны быть погружены углемъ, равно какъ и трюки, которые въ крѣпости необходимы. (Входящій № градоначальства 549).

„Подполковникъ Іолшинъ“.

Считаю тутъ умѣстнымъ сказать, что завѣдующій военными сообщеніями покойный подполковникъ Іолшинъ совершенно не-

повиненъ во всемъ этомъ „упорствѣ“ съ перевозкой угля. Генералъ Стессель не желалъ и не слушалъ ничьихъ разумныхъ совѣтовъ. У него были личные счеты съ градоначальникомъ Сахаровымъ, и поэтому онъ старался дѣлать ему непріятности, чуть-ли не подчинивъ градоначальника, въ дѣлѣ отправки грузовъ, коменданту станціи — подпоручику. Генералу нужно было свести счеты, а насколько это вредно отразится на общемъ дѣлѣ, его не безпокоило. Онъ привыкъ дѣйствовать по „обстоятельствамъ мирнаго времени“.

Подполковникъ Іолшинъ зналъ нравъ генерала. Что онъ ни предпринималъ, онъ не достигалъ никакихъ благихъ результатовъ и, въ концѣ концовъ, лишь точно исполнялъ велѣнія начальника раіона.

Послѣ послѣдней телеграммы обстоятельства въ Дальнемъ начинаютъ принимать характеръ сказки изъ „Тысячи и одной ночи“.

Вотъ что телеграфируетъ Сахаровъ:

„Портъ-Артуръ. Весьма срочно. По военнымъ обстоятельствамъ.

„Подполковнику Іолшину.

„Комендантъ станціи Дальній выдалъ вагоны для перевозки частнаго имущества „Кунста и Альберса“, но отказывается отправлять погруженные уже вагоны съ грузами общества желѣзной дороги и даже такими, которые экстренно потребованы морскимъ и военнымъ вѣдомствами, несмотря на мои настоятельныя требованія. Такимъ образомъ, сегодня вечерній поѣздъ отправляется въ составѣ только девяти вагоновъ, а остальные груженые вагоны комендантъ отправлять не разрѣшаетъ.

„Градоначальникъ Сахаровъ. № 1572“.

Получается отвѣтъ, очевидно писанный подъ диктовку самого начальника укрѣпленнаго раіона генералъ-лейтенанта Стесселя. Зная лично покойнаго подполковника Іолшина, оцѣнивая въ немъ въ высшей степени интеллигентнаго, разумнаго человѣка, доблестнаго, геройски храбраго офицера,—я не могу допустить, чтобы онъ лично, безъ чьего бы то ни было давленія, могъ написать такой отвѣтъ.

Вотъ онъ:

„Дальній. Инженеру Сахарову. Копія коменданту.

„Совѣтывалъ бы обратиться съ этой просьбой къ одному изъ соотвѣтствующихъ агентовъ дороги.

„Начальникъ Квантунскаго раіона немедленно приказалъ выслать всѣ трюки въ крѣпость.

„Подполковникъ Іолшинъ, № 1578".

11-го мая, въ 6 ч. 30 м., получается слѣдующая телеграмма:

„Дальній. Инженеру Сахарову.

„Сдѣлать распоряженіе о немедленномъ снятіи всѣхъ проводовъ электрическаго освѣщенія города Дальняго. Для немедленнаго принятія этихъ проводовъ назначается лейтенантъ Ромашевъ, также безотлагательно вышлите лабораторію и находящагося при ней химика въ Артуръ въ распоряженіе генерала Бѣлаго, № 285.

Стессель".

„Портъ-Артуръ. Генералу Стесселю.

„285. Провода электрическаго освѣщенія будутъ сняты и переданы лейтенанту Ромашеву. Лабораторію сегодня отправляю, но химика не имѣю. № 1646" — скромно отвѣчалъ градоначальникъ Сахаровъ.

12-го мая, въ 12 ч. 21 м. пополудни была получена телеграмма, свидѣтельствовавшая, что въ укрѣпленномъ раіонѣ начали бить тревогу и объ углѣ забыли.

„Начальникъ укрѣпленнаго раіона приказалъ немедленно вывозить всѣ медикаменты Дальнинской аптеки.

„Подполковникъ Іолшинъ. № 57".

Пока квантунская Шехерезада сочиняла сказку о Дальнемъ,—незамѣтно подкрался день и бой 13-го мая.

CII.

Когда въ сторонѣ Киньчжоу раннимъ утромъ загремѣла орудійная канонада, дальнинцы далеки были отъ мысли, чѣмъ кончится для нихъ этотъ злосчастный день.

Орудійный гулъ усиливался, но въ Дальнемъ все было покойно, жизнь шла обычнымъ путемъ. Если у кого и закрадывалось сомнѣніе о счастливомъ исходѣ боя, то во всякомъ случаѣ они никакъ не предполагали, что 13-ое мая былъ ихъ послѣдній день въ Дальнемъ. Если кто и смотрѣлъ съ недовѣріемъ въ тревожное будущее, то прекрасно сознавалъ на горькомъ опытѣ предыдущаго, что надежда перебраться въ Артуръ неосуществима.

Наступилъ и полдень; канонада, то уменьшаясь, то усиливаясь, продолжалась. Любопытные взбирались на колокольню взглянуть, что творится въ сторонѣ позиціи. Населеніе оставалось покойнымъ. Изъ штаба раіона не получалось никакихъ распоряженій. Въ Артурѣ въ это время генералъ Стессель праздновалъ со своими присными „п о б ѣ д у“, а Дальній съ его многомилліонными сооруженіями, конечно, былъ забытъ.

Солнце склонялось къ западу, наступалъ вечеръ.—Дальній, во главѣ со своимъ градоначальникомъ Сахаровымъ, не полу-

На брустверѣ батареи № 21. Видъ на бухту Тахэ.

чалъ никакихъ извѣстій и распоряженій. Всѣ были въ невѣдѣніи, что творится на киньчжоуской позиціи, и ничего не предпринимали на случай внезапнаго оставленія Дальняго [1]).

Ночь смѣнила медленно догоравшій вечеръ. Дальній по всѣмъ улицамъ ярко блисталъ электричествомъ. Населеніе послѣ дня, проведеннаго въ нервно-приподнятомъ настроеніи, спало мертвымъ сномъ.

Со станціи Дальній въ 10 часовъ отправили предпослѣдній поѣздъ. Въ 11 часовъ вернулся изъ Нангалина порожній составъ Немедленно распространилась вѣсть о томъ, что произошло и происходитъ на Киньчжоуской позиціи.

---

[1]) Телеграфъ лихорадочно работалъ съ Артуромъ.

Приблизительно въ это время получаются одна за другой двѣ телеграммы.

„Дальній. Градоначальнику Сахарову.

„Начальникъ укрѣпленнаго раіона разрѣшилъ выѣздъ жителей изъ Дальняго, но не по желѣзной дорогѣ. № 306.

Подполковникъ Іолшинъ".

„Дальній. Градоначальнику Сахарову.

„Я приказалъ войскамъ отходить отъ Цзинь-чжоу и затѣмъ и отъ Дальняго. Надо потопить суда, а изъ жителей, кто пожелаетъ (!!!), но только русскіе подданные, могутъ отойти въ Артуръ. Но поѣзда, необходимые для войскъ, не занимать, отнюдь не оставлять непріятелю ни одного локомотива (на бланкѣ телеграммы не поставлено никакихъ датъ и текстъ не сопровождался нумеромъ).

Стессель".

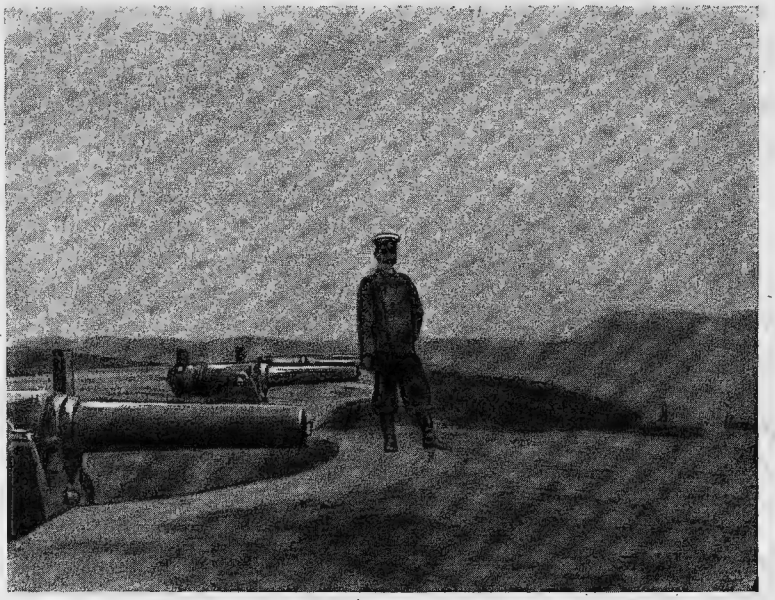
Городъ ожилъ. Полицейскіе чины стали будить мирно спавшихъ жителей. По улицамъ носились они, бросая камнями въ окна. Ничего не ожидавшіе, но изнервничавшіеся уже жители полуодѣтыми выскакивали на улицу, чтобы узнать, что случилось. Быстро разнеслось извѣстіе, что войска спѣшно отступаютъ къ Артуру, и что съ часу на часъ японская кавалерія войдетъ въ городъ. Фантазія на почвѣ страха разыгрывалась. Испугались занятія города японцами, боялись хунхузовъ, которые ежеминутно могли начать рѣзню. Началась страшная, неописуемая паника. Мужчины, женщины съ дѣтьми безтолково и безпомощно метались по городу, не зная, что предпринять. Многіе бросились къ вокзалу, но имъ сообщили, что ѣхать въ Артуръ по желѣзной дорогѣ категорически воспрещено. Лошадей въ городѣ почти не было. Изъ оставшихся большая часть ушла въ деревню Шуйшуинъ съ обозомъ продовольственныхъ запасовъ для жителей Дальняго. Какъ я уже говорилъ, помощнику секретаря дальнинскаго градоначальства г. Мымрину было поручено организовать временной этапъ для жителей на случай внезапнаго оставленія города.

CIII.

Къ 12 час. пополуночи большинство дальнинцевъ собралось на Управленской площади, гдѣ градоначальникъ инженеръ Сахаровъ, объявивъ телеграмму генералъ-лейтенанта Стесселя,

предложилъ гражданамъ оставить городъ и при этомъ предупредилъ, что за судьбу тѣхъ, которые останутся въ городѣ, онъ не отвѣтственъ.

Затѣмъ имъ было объявлено, что, въ виду категорическаго запрещенія начальника раіона слѣдовать въ Портъ-Артуръ по желѣзной дорогѣ и отсутствія въ Дальнемъ перевозочныхъ средствъ, рекомендуется брать лишь самое необходимое бѣлье и платье, которое каждый собственными силами можетъ донести до крѣпости.



Фортъ I. Любимое мѣстопребываніе генерала Стесселя.

Съ 12 часовъ несчастные жители Дальняго, бросивъ на произволъ судьбы все свое имущество, потянулись нищими изъ города по береговой дорогѣ на Сяо-бин-дао. Нѣкоторымъ посчастливилось нанять рикшъ; подавляющее же большинство поплелось пѣшкомъ.

Тѣ, кто видѣлъ несчастныхъ женщинъ, полуодѣтыхъ, простоволосыхъ, босыхъ, съ плачущими дѣтьми на рукахъ, не могутъ и никогда не забудутъ этой картины. Они не забудутъ ее не только потому, что она дѣйствовала потрясающе, а потому еще, что ея могло вовсе не быть, если бы генералъ Стессель внялъ безчисленнымъ ходатайствамъ градоначальника Сахарова

о своевременномъ удаленіи изъ Дальняго всего гражданскаго населенія.

Всѣ тѣ 470 мужчинъ, 92 женщины и 57 дѣтей, которые бѣжали изъ Дальняго въ ночь на 14-е мая, всецѣло обязаны своимъ раззореніемъ генералу Стесселю.

Порядокъ отступленія изъ Дальняго, выработанный совѣщаніемъ 12-го февраля, примѣнить не удалось, такъ какъ всѣ поѣзда, согласно новому предложенію, были предназначены для перевозки войскъ. Кромѣ того, большая часть товарныхъ вагоновъ была нагружена строительными и продовольственными матеріалами. Къ сожалѣнію, всѣ эти вагоны, въ силу царившей полной неурядицы въ ихъ перевозкѣ, остались въ Дальнемъ и въ неприкосновенномъ видѣ достались непріятелю: свыше 250 товарныхъ вагоновъ и свыше 300 трюковъ, помимо огромнаго количества всевозможныхъ запасовъ, оставшихся на складахъ.

Когда изъ Дальняго началось уже паническое бѣгство, инженеръ Сахаровъ, какъ градоначальникъ оставляемаго имъ города, получаетъ послѣднюю и самую знаменитую телеграмму послѣ всего того, что происходило въ дѣлѣ перевозки грузовъ въ Артуръ:

„Дальній. Градоначальнику Сахарову.

„Генералъ Стессель приказалъ вамъ немедленно взрывать всѣ безъ исключенія вагоны и трюки, оставшіеся въ Дальнемъ, № 68.

Подполковникъ Іолшинъ“.

На подлинникѣ телеграммы, видимо, въ нервномъ состояніи, нацарапано: „читалъ Шт.-кап. Зедгенидзе“.

Штабсъ-капитанъ Зедгенидзе тоже былъ командированъ въ Дальній для производства взрывовъ всѣхъ цѣнныхъ для японцевъ сооруженій, какъ то: мола, дока, подъемныхъ кранов, пловучихъ средствъ, рабочей гавани, желѣзнодорожнаго пути и т. д.

Всѣ эти сооруженія за недостаткомъ времени не были взорваны и тоже почти въ полной неприкосновенности, за исключеніемъ слабо разрушенныхъ пути и мостовъ, достались непріятелю и принесли ему неоцѣнимую пользу, когда японцы базировались въ Дальнемъ. Но объ этомъ послѣ.

Для того, чтобы основательно испортить многомилліонныя сооруженія Дальняго, нужно было заранѣе все подготовить. Развѣ можно было въ одну ночь взорвать хотя бы молъ, тянув-

шійся въ море чуть не на двѣ версты? А молъ этотъ сослужилъ японцамъ великую услугу, когда они выгружали осадныя одиннадцати-дюймовыя мортиры.

Россіи же онъ стоилъ немного болѣе 2-хъ милліоновъ.

CIV.

Дальній, по всѣмъ улицамъ залитый электричествомъ, пустѣетъ. На желѣзно-дорожной станціи стоитъ готовый къ отправленію послѣдній поѣздъ въ составѣ 47 вагоновъ.

Комендантъ станціи подпоручикъ Терскій и штабсъ-капитанъ Зедгенидзе торопятъ его отправленіемъ.

Штабсъ-капитанъ Зедгенидзе получилъ категорическое предписаніе приступить къ взрывамъ и, не зная истиннаго положенія вещей, торопилъ отправленіе поѣзда изъ боязни, что онъ не успѣетъ испортить путь и взорвать мосты.

Ровно въ 1 ч. 50 м. ночи поѣздъ тронулся и къ 3 ч. прибылъ ни станцію Нангалинъ.

На станціи значительное скопленіе вагоновъ и 3 паровоза. Въ залѣ I-го класса генералъ Надѣинъ и командиръ 14-го полка полковникъ Савицкій. Послѣдній спитъ, облокотившись на столъ. Кругомъ, на станціи, во дворѣ, на линіи—безпорядокъ и суматоха.

Савицкій, разбуженный шумомъ прибывшаго изъ Дальняго поѣзда, спрашиваетъ сквозь сонъ проходившаго офицера:

— А гдѣ обозъ?

Офицеръ:

— Да видѣли гдѣ-то!

— Видѣли гдѣ-то,—пробормоталъ сонный полковникъ, и опять голова опустилась на столъ.

Въ 3 часа утра къ прибывшему изъ Дальняго начальнику желѣзно-дорожнаго депо В. Т. Петрову подходитъ начальникъ станціи:

— Военное начальство требуетъ паровозъ. Его они хотятъ отправить къ Тафашину, чтобы передать какимъ-то частямъ приказаніе объ отступленіи.

Начальникъ депо отдалъ приказаніе приготовить паровозъ.

Вотъ, что онъ мнѣ разсказывалъ:

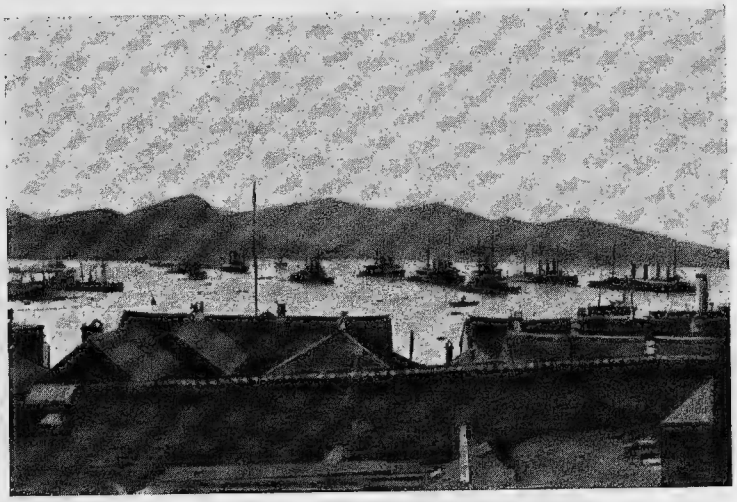
— Черезъ нѣсколько минутъ паровозъ былъ готовъ. На тендерѣ помѣстилось нѣсколько нижнихъ чиновъ съ обнаженными шашками. Взятъ запасъ пироксилиновыхъ шашекъ. На паровозѣ

артиллерійскій подполковникъ, одинъ машинистъ, два помощника и начальникъ депо В. Т. Петровъ.

Тронулись. Огни изъ предосторожности всѣ потушены, даже фонарикъ у водомѣрнаго стекла. Паровозъ идетъ самымъ малымъ ходомъ впередъ. Всѣ пристально смотрятъ по сторонамъ и впередъ. Никто не знаетъ, гдѣ японцы. Паровозъ едва ползетъ. Ночь темная,—едва различаются ближайшіе предметы. Мѣстности никто не знаетъ, оріентируются лишь по мостамъ.

— Что это? Дайте бинокль. Смотрите, что-то чернѣетъ. Ужъ не японская-ли цѣпь?

Оказались камни.



Эскадра въ западномъ бассейнѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ опять всѣмъ показались движущіяся фигуры.

— Да гдѣ же мы? Ужъ не проѣхали-ли? Можетъ быть мы въ расположеніи противника?

Явственно доносился шумъ и различались силуэты приближающихся людей. Остановили паровозъ. Притаились, выславъ на развѣдку одного изъ конвоировъ.

Минутъ черезъ пять—возвращается.

— Наши идутъ!

Подполковникъ пошелъ навстрѣчу. Паровозъ ждетъ на пути. Стало быстро свѣтать. Развернулась печальная картина отступленія: по всѣмъ направленіямъ вразбродъ тянутся стрѣлки, двуколки, лошади безъ сѣдоковъ...

Одна, видимо тяжело раненая, мчится съ жалобнымъ воемъ. Остановится, закружится и опять дальше.

Съ полнымъ разсвѣтомъ вернулись въ Нангалинъ. Тамъ царилъ еще безпорядокъ. Все кругомъ напоминало скорѣе таборъ, чѣмъ строго дисциплинированныя и организованныя воинскія части.

Каждому, при первомъ, бѣгломъ взглядѣ было ясно, что никто не руководилъ, никто энергично не распоряжался. Каждый частный начальникъ дѣйствовалъ за свой рискъ и страхъ.

Начиная лишь съ Нангалина, части постепенно стали приходить въ должный видъ, и отступленіе приняло организованныя формы.

Вся 4-ая дивизія Фока, миновавъ Нангалинскія высоты, отошла за Инчензы и далѣе, занявъ позиціи у развалинъ башни въ предгоріяхъ Юпилазскаго горнаго кряжа.

Противникъ, благодаря непонятной и исключительно счастливой для насъ случайности, не перешелъ въ наступленіе. Овладѣвъ Киньчжоу, онъ занялся оккупаціей г. г. Таліенвана и Дальняго.

Благодаря лишь этой медлительности и крайней осторожности, проявляемымъ японцами на каждомъ шагу въ теченіе всего періода военныхъ дѣйствій въ Квантунскомъ укрѣпленномъ раіонѣ, мы успѣли оправиться, разсудить и придумать, что намъ предпринять дальше.

CV.

15-го мая, раннимъ утромъ, послѣ болѣе, чѣмъ суточнаго перехода, усталые, голодные, полусытые дальнинцы небольшими партіями стали прибывать въ Артуръ.

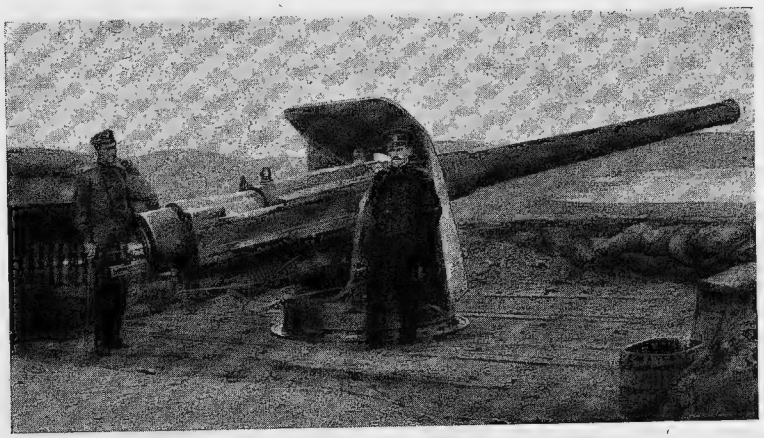
Одна довольно значительная группа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, предводительствуемая старикомъ—священникомъ, шла по Новому городу, направляясь къ зданію городского управленія.

Гражданскій коммиссаръ подполковникъ А. И. Вершининъ встрѣтилъ ихъ. Священникъ, утомленный безсонными ночами и тяжелымъ переходомъ, въ сильномъ волненіи обратился къ представителю гражданскаго населенія Квантунской области съ приблизительно слѣдующей рѣчью:

— Скажите, господинъ полковникъ, что подданные мы русскаго государя или нѣтъ? Существуетъ для насъ законъ правда и порядокъ? Можемъ мы разсчитывать на помощь и защиту? Мы давно уже просили у генерала Стесселя разрѣшенія

переѣхать въ Артуръ, перевезти сюда святыни дальнинскаго храма, часть своего имущества. Онъ намъ строго и категорически это воспретилъ. Мы просили разрѣшенія ѣхать на пароходѣ — тоже было запрещено. Мы покорились и ждали. Ждали, надѣялись, что насъ во-время предупредятъ, когда городу будетъ грозить опасность.

— А теперь! Что же вышло? Ночью, сонныхъ, полуодѣтыхъ, безмѣрно напугавъ, — насъ выгнали изъ города. Вотъ эти дѣти, женщины, босыя, голодныя, томимыя жаждой, пѣшкомъ побрели сюда, куда мы такъ долго и настоятельно просились. Святой храмъ, имущество гражданъ осталось на посрамленіе врагу и разграбленіе. Вотъ: они раззорены, они нищими пришли сюда.



Морское орудіе на сухопутномъ фронтѣ.

Укажите намъ пристанище! Помогите намъ! Защитите насъ отъ насилія и произвола! Мы къ вамъ обращаемся; мы не знаемъ, какія еще испытанія насъ ожидаютъ впереди!

Священникъ кончилъ и въ изнеможеніи опустился на поданный стулъ.

Многія изъ женщинъ плакали. Картина была тяжелая.

Подполковникъ Вершининъ, давъ священнику высказаться, сказалъ ему:

— Батюшка, все, что въ моихъ силахъ, я сдѣлаю, чтобы облегчить ужасное положеніе вашихъ согражданъ. Но я къ вамъ прибѣгаю: помогите и вы намъ!

— Вы силою слова и убѣжденія облегчите перенести имъ тяжелую дѣйствительность, примирите ихъ съ неизбѣжнымъ испы-

таніемъ. Мною уже сдѣлано распоряженіе объ отводѣ всѣмъ прибывающимъ квартиръ и выдачѣ вспомоществованія.

Случайно присутствовавшіе при этой сценѣ состоятельные жители Артура стали жертвовать деньгами для оказанія немедленной помощи въ одну ночь раззорившимся дальнинцамъ.

Положеніе большинства изъ нихъ было безвыходное. Нужно при этомъ помнить, что въ Дальнемъ, за исключеніемъ коммерсантовъ, — большинство были мелкіе служащіе и ихъ семейства. Бросивъ все свое имущество, они пришли въ Артуръ нищими, въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Не приди имъ на помощь городское управленіе и общественная благотворительность, они очутились бы прямо на улицѣ.

CVI.

Въ Дальнемъ, помимо многомилліонныхъ городскихъ, портовыхъ и желѣзнодорожныхъ сооруженій, остались огромныя богатства частнаго владѣнья, а также богатые склады строительныхъ, продовольственныхъ и матеріальныхъ запасовъ, какъ казеннаго, такъ и частнаго владѣнія.

Все это досталось въ руки побѣдоносному врагу.

Японцы послѣ капитуляціи Артура открыто говорили, что русскіе много помогли японскимъ инженерамъ въ доставкѣ и установкѣ одиннадцати-дюймовыхъ орудій подъ Артуромъ.

И они были безусловно правы: помогли мы тѣмъ, что не разрушили основательно въ Дальнемъ пристани, мола, основаній для подъемныхъ крановъ, желѣзнодорожнаго пути и мостовъ.

Благодаря тому, что всѣ эти сооруженія, въ виду внезапнаго и поспѣшнаго очищенія города, достались японцамъ почти въ неприкосновенномъ видѣ, подвозъ, доставка и установка 11-дюймовыхъ мортиръ была произведена очень быстро.

Первая одинадцати-дюймовая бомба упала въ Артуръ уже въ ночь на 19-е сентября.

Тотъ, кто знаетъ, что представляютъ изъ себя одиннадцати-дюймовыя мортиры, насколько онѣ громадны и тяжеловѣсны, какіе сопровождаютъ ихъ большіе и сложные механизмы, сколь тяжеловѣсны ихъ снаряды, тотъ, конечно, пойметъ, какія невѣроятныя трудности пришлось бы преодолѣть японцамъ для перегрузки ихъ лишь съ транспортовъ на берегъ, не говоря уже о дальнѣйшей доставкѣ на линію блокады.

Оставленный въ неприкосновенномъ видѣ въ Дальнемъ молъ, стальной путь и слабо разрушенные мосты оказали огромную

услугу: ускорили уничтоженіе судовъ, стоявшихъ, какъ на внутреннемъ, такъ и на внѣшнемъ, рейдѣ и способствовали этимъ преждевременному паденію Артура.

Самое тяжелое время наступило для обороны крѣпости тогда, когда она и эскадра день и ночь бомбардировались этими огромными стальными глыбами, отъ которыхъ не было **никакого** спасенія.

На шести-дюймовые снаряды и снаряды большаго калибра обращали уже тогда сравнительно малое вниманіе.

CVII.

Резюмируя дѣятельность генералъ-лейтенанта Стесселя, въ лицѣ начальника квантунскаго укрѣпленнаго раіона, какъ въ раіонѣ, такъ и въ крѣпости, въ періодъ времени: февраль, мартъ, апрѣль и май мѣсяцы, я долженъ сказать слѣдующее:

1) Игнорированіе вопроса объ обильномъ снабженіи крѣпости а) богатымъ запасомъ всевозможныхъ видовъ продовольствія; б) медикаментами; в) перевязочными средствами; г) бѣльемъ и лазаретнымъ имуществомъ; д) снарядами и пулеметами.

Всего этого можно было достигнуть до перерыва сообщенія.

2) Полная неподготовленность къ оборонѣ киньчжоуской позиціи до войны и халатное къ ней отношеніе въ теченіе указаннаго періода.

3) Полная неосвѣдомленность о движеніяхъ, сосредоточиваніи и численности противника, благодаря почти отсутствовавшей развѣдочной службѣ.

4) Неподготовленность какъ крѣпостной, такъ и полевой артиллеріи: а) неумѣніе примѣняться къ мѣстности; б) отсутствіе практики и слабое знакомство съ стрѣльбой по квадранту, и в) абсолютное отсутствіе управленія огнемъ во время киньчжоускаго боя.

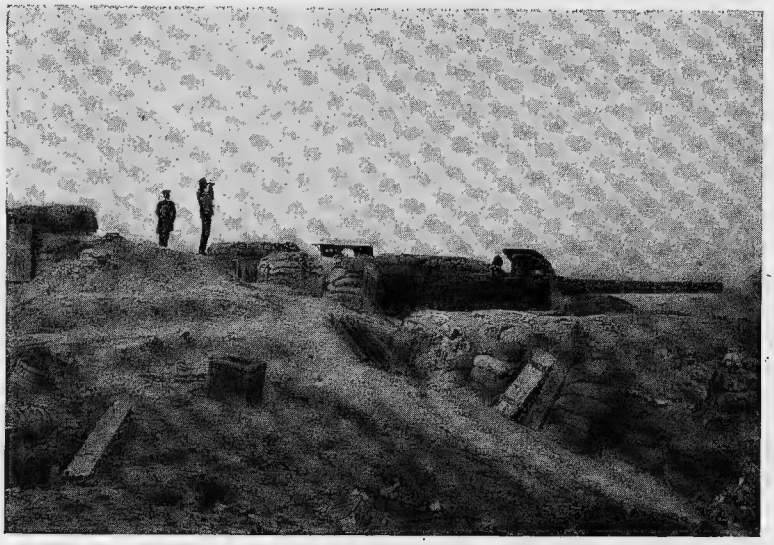
5) Личное отсутствіе во время киньчжоускаго боя, когда больше половины ввѣренныхъ ему войскъ было въ зонѣ боя. Отдача приказаній по телеграфу на разстояніи свыше 50 верстъ и, слѣдовательно, полная неосвѣдомленность и невозможность слѣдить за всѣми фазами развитія штурма и обороны.

6) Передача командованія отрядомъ такимъ завѣдомо неспособнымъ генераламъ, какъ Фокъ, и дряхлому, какъ Надѣинъ. Первый прибываетъ къ мѣсту боя, когда онъ фактически окан-

чивался, а второй телеграфируетъ объ отбитіи штурма и бѣгствѣ японцевъ тогда, когда штурмъ въ дѣйствительности усиливался.

7) Преступная нераспорядительность и незнакомство съ самыми элементарными требованіями тактики. 16 часовъ одинъ 5-й полкъ ведетъ оборону позиціи, не будучи ни разу освѣженъ резервами, которые составляла вся 4-я дивизія, близко придвинутая къ Тафашинскимъ высотамъ.

И, наконецъ, 8) вмѣсто занятія прекрасныхъ тыловыхъ позицій на Тафашинскихъ и Нангалинскихъ высотахъ, по фронту



Морская батарея на сухопутномъ фронтѣ.

не превышающихъ 10 верстъ, прямое, неорганизованное, безпорядочное отступленіе къ Артуру, слѣдствіемъ чего явилась необходимость въ быстромъ очищеніи города Дальняго, въ которомъ, за недостаткомъ времени и опять той же преступной нераспорядительности, все было оставлено въ неприкосновенномъ видѣ.

Все это вмѣстѣ взятое послужило началомъ конца Портъ-Артура, ускоривъ его паденіе, по крайней мѣрѣ, на 4 мѣсяца.

Будь Киньжчоу укрѣпленъ, какъ слѣдуетъ, мы могли бы продержаться въ немъ два мѣсяца.

Разъ мы на Зеленыхъ горахъ, операціонная линія которыхъ растянулась свыше 25 верстъ, при отсутствіи орудій крѣпост-

ного калибра и долговременныхъ укрѣпленій, задержали противника на два мѣсяца, то тѣмъ болѣе могли этого достигнуть (т. е. продержаться на каждой изъ первыхъ двухъ позиціи по два мѣсяца) на хорошо-оборудованной киньчжоуской позиціи, а затѣмъ на тыловыхъ позиціяхъ Тафашинскихъ и Нангалинскихъ высотъ, растянутыхъ по фронту, первой—не болѣе 3-хъ верстъ, вторыхъ—не болѣе 10, при чемъ крайнимъ срокомъ возможности дальнѣйшей обороны Артура, послѣ всѣхъ ошибокъ генерала Стесселя съ момента уже тѣсной блокады крѣпости, послѣ паденія Высокой горы, я беру 16-е января, на основаніи оффиціальнаго заявленія коменданта крѣпости генералъ-лейтенанта Смирнова, высказаннаго имъ въ его блестящемъ протестѣ противъ сдачи крѣпости на послѣднемъ военномъ совѣтѣ, 16 декабря 1904 г.

Слѣдовательно: не дѣлай генералъ-лейтенантъ Стессель до тѣсной блокады Артура самыхъ непростительныхъ ошибокъ,—крѣпость могла бы смѣло продержаться до 15 мая.

Періодъ второй.

CVII.

Съ внезапнымъ паденіемъ Киньчжоу и отступленіемъ всей дивизіи Фока къ Артуру всѣ взоры обратились на коменданта крѣпости, генералъ-лейтенанта Смирнова.

Тѣ изъ жителей, которые вѣрили въ неприступность Киньчжоу, совершенно упали духомъ и начали спѣшно собираться изъ Артура, выѣзжая изъ него на шаландахъ въ Чифу.

Прибывающіе въ Артуръ жалкіе остатки 5-го полка,—полка, который своей эпической защитой пріобрѣлъ неувядаемую славу, потерявъ больше половины нижнихъ чиновъ и $^2/_3$ офицеровъ, Стессель встрѣтилъ самымъ неожиданнымъ и оригинальнымъ привѣтствіемъ:—„Негодный, недисциплинированный полкъ, измѣнники, трусы, негодяи. Я всѣхъ отдамъ подъ судъ. Какъ смѣли оставить Киньчжоу? Не смѣть показываться въ Артурѣ; вы однимъ присутствіемъ заразите трусостью весь гарнизонъ".

У полка не было своего начальника дивизіи, за него некому было заступиться. Командиръ полка, въ силу порядка подчиненности, не смѣлъ возражать Стесселю. Ему и его офицерамъ пришлось только выслушивать эти незаслуженныя оскорбленія.—Генералъ Фокъ всю вину взвалилъ на 5-й восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ и убѣдилъ Стесселя (а убѣдить его было легко

во всемъ, такъ какъ онъ самъ не былъ на Киньчжоу), что оставленіе Киньчжоу—всецѣло вина 5 полка, а также неумѣлое сооруженіе укрѣпленій.

Послѣ Киньчжоускаго боя, представлявшаго изъ себя одинъ изъ возмутительнѣйшихъ эпизодовъ нашей военной исторіи, въ смыслѣ его подготовки и руководительства, вина которыхъ всецѣло ложится на Стесселя и Фока, Стессель пишетъ слѣдующій приказъ отъ 15 мая, за № 258:

Поручикъ Тапсашаръ.
Геройски погибъ.

„Бой на Кинчьжоуской позиціи и впереди ея выяснили, что артиллерійская прислуга при неимѣніи прочныхъ закрытій—блиндажей—выбываетъ быстро, сосредоточенный огонь превосходнаго числа орудій заставляетъ скоро молчать батареи меньшаго числа орудій; также пѣхота спрятанная въ закрытія не страдаетъ, открытая немедля несетъ огромныя потери и главное отъ сосредоточеннаго огня батарей.

Здѣсь, въ крѣпости, убывшаго изъ строя трудно вознаградить, а потому необходимо принять всѣ мѣры къ сбереженію личнаго состава.

Предписываю начальнику крѣпостного инженернаго управленія направить всѣ средства для немедленнаго устройства закрытій для прислуги и вообще для людей. Долженъ указать командиру крѣпостной артиллеріи, что во время сосредоточеннаго огня непріятеля на какую либо батарею, напримѣръ на нашу 5 орудійную батарею непріятель направитъ огонь 25 орудій, то этой батареѣ нечего ему отвѣчать, надо прислугу убрать, а стрѣлять должны батареи, на которыя не направленъ сосредоточенный огонь".

Очевидно, генералъ Стессель хотѣлъ кого-то учить. Онъ предписываетъ начальнику крѣпостного инженернаго управленія направить всѣ средства для немедленнаго устройства закрытія для прислуги и вообще для людей.

Это опять явная наглость! Комендантъ крѣпости генералъ Смирновъ и его ближайшій помощникъ генералъ Кондратенко все свое вниманіе обращали на разумное возведеніе укрѣпленій и укрытій. Но развѣ мыслимо было сдѣлать въ нѣсколько мѣсяцевъ то, на что требовались года.

15 мая памятенъ еще тѣмъ, что въ этотъ день былъ отданъ другой приказъ, за № 262, приказъ о назначеніи тогда еще полковника Рейса начальникомъ штаба укрѣпленнаго раіона.

Второй злой геній Артура сталъ совѣтникомъ Стесселя.

Жестокая, дикая и обидная несправедливость Стесселя къ геройскому 5 восточно-сибирскому стрѣлковому полку быстро облетѣла всѣ полки и угнетающимъ образомъ подѣйствовала на моральное ихъ состояніе. Всѣ поняли, что и теперь, когда каждый живетъ наканунѣ смерти, справедливости и правильной оцѣнки трудовъ нечего ожидать.

Нужно замѣтить что съ перерывомъ сообщенія и полной изоляціей Артура, Стесселю, какъ старшему начальнику, было предоставлено право награждать за боевыя отличія собственною властью офицеровъ орденами Св. Анны 4 степени, Станислава 3 степени и Анны 3 степени и представлять ихъ къ слѣдующимъ орденамъ, включая и ордена Георгія; нижнихъ чиновъ онъ имѣлъ право награждать солдатскими Георгіевскими крестами всѣхъ четырехъ степеней. Ему изъ Петербурга были присланы всѣ эти ордена въ значительномъ количествѣ.

Данное ему право и широко практикуемая имъ несправедливость въ награжденіи офицеровъ и нижнихъ чиновъ растлѣвающе дѣйствовали на войска. Награждались, главнымъ образомъ, любимцы и умѣвшіе кричать о своихъ, часто мнимыхъ, подвигахъ, а впослѣдствіи усердно закупавшіе у m-me Стессель продукты ея

хозяйства. Скромные, лучшіе и храбрѣйшіе офицеры, считавшіе непорядочнымъ добиваться наградъ, получали минимумъ ихъ или же совсѣмъ оставались безъ наградъ.

Мнѣ часто приходилось слышать заявленія безусловно порядочныхъ, честныхъ и храбрыхъ офицеровъ: „Знаете, для того, чтобы получить награду, у насъ вовсе не нужно проявлять мужество, храбрость, распорядительность во время боя. Это все лишнее. Нужно умѣть послѣ боя прокричать о своемъ геройствѣ (даже если его и не было), да поклониться вліятельному офицеру въ штабѣ Стесселя, а лучше всего, черезъ знакомыхъ дамъ, бывающихъ у Стесселя, дѣйствовать прямо на m-me Стессель, — и въ наградѣ вы обезпечены".

Какъ ни печально, но я долженъ свидѣтельствовать, что злоупотребленіе въ награжденіи орденами и представленіи къ высшимъ орденамъ и производству въ слѣдующій чинъ широко практиковалось съ самаго начала тѣсной блокады Артура и вплоть до его сдачи. Много истинно-храбрыхъ офицеровъ и солдатъ легли въ могилу безъ наградъ и много ихъ, искалѣченныхъ на всю жизнь, носятъ въ себѣ горечь обиды.

Комиссіи по урегулированіи наградъ предстоитъ много работы.

Она откроетъ массу злоупотребленій.

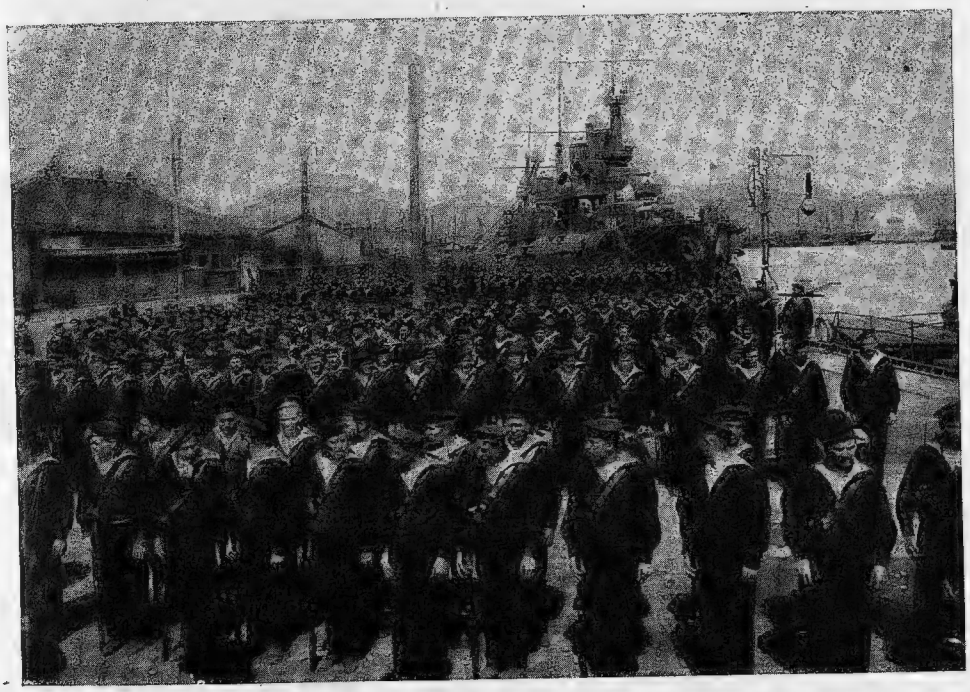
5-й полкъ представилъ явный примѣръ этой несправедливости. Гарнизонъ, населеніе и общество Артура, постепенно узнавали обо всемъ, что происходило на Киньчжоу, и, несмотря на полное молчаніе „Новаго Края", глухо негодовали. Граница терпѣнія была перейдена. Всюду громко, не стѣсняясь, начали говорить о возмутительномъ и нагломъ произволѣ генерала Стесселя.

„Новый Край" долженъ былъ явиться выразителемъ общаго негодованія, но открыто писать обо всемъ не смѣлъ и думать, въ силу строжайшей военной цензуры. Стоило бы ему только заикнуться о всѣхъ безобразіяхъ, творившихся на Киньчжоу, и Стессель немедленно бы его закрылъ.

Редакторъ, подполковникъ Артемьевъ, нашелъ оригинальный выходъ изъ этого затруднительнаго положенія. На страницахъ „Новаго Края" началъ появляться рядъ моихъ статей, въ которыхъ дано было, какъ общее описаніе, такъ и детальное освѣщеніе Киньчжоускаго боя, и изъ которыхъ явствовало, что 5-й восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ въ оборонѣ Киньчжоу явилъ собой рѣдкій примѣръ самоотверженія, стойкости, храбрости и геройства. Стессель не могъ

придраться къ этимъ статьямъ, такъ какъ въ нихъ не говорилось объ отрицательныхъ сторонахъ Киньчжоускаго побоища, а выставлялись лишь положительныя проявленія его участниковъ. Желаніе всю неудачу, весь позоръ на Киньчжоу взвалить на 5-й полкъ разстраивалось.

15 мая отдается, за № 271, слѣдующій приказъ „Въ приказѣ моемъ за № 257 выраженіе: „полки постепенно оставили позицію"



Дессантъ.

надо измѣнить слѣдующимъ образомъ: 5-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ, который одинъ оборонялъ позицію съ 2 ротами 13-го В. С. стрѣлковаго полка и охотничьей командой 16-го В. С. стрѣлковаго полка понесъ наибольшія потери".

Стессель, понявъ, что его перехитрили, что рано или поздно Россія прочтетъ о геройствѣ 5-го полка, и что самые недальновидные поймутъ, что тамъ происходило что-то неладное, перемѣнилъ тактику по отношенію къ 5-му полку, а передъ „Новымъ Краемъ" сталъ заискивать.

Нужно пояснить, что „Новый Край", въ силу драконовской Стесселевской цензуры, хранилъ гробовое молчаніе о невѣроятныхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто на Киньчжоу, и поэтому Стес-

сель могъ безконтрольно доносить о происшедшемъ на Киньчжоу все, что ему было угодно. Въ его донесеніи указывалось, что отступить было необходимо, въ виду сбереженія малочисленныхъ войскъ и недостатка снарядовъ, нужныхъ для обороны самаго Артура, умолчавъ, конечно, при какихъ обстоятельствахъ совершилось очищеніе Киньчжоуской позиціи, о бѣгствѣ всей дивизіи Фока къ Артуру, объ эвакуаціи Дальняго, о незанятіи Нангалинскихъ высотъ и т. д.

Въ одинъ изъ былыхъ Артурскихъ дней является въ редакцію офицеръ и приноситъ отъ генерала Стесселя на мое имя письмо, которое и оставилъ въ конторѣ для передачи по принадлежности.

Когда всѣ собрались въ редакцію, подполковникъ Артемьевъ, передавая мнѣ письмо, полусерьезно, полушутя, сказалъ: „вѣрно Стессель за какое нибудь неосторожное выраженіе въ вашихъ статьяхъ хочетъ васъ арестовать, а въ лучшемъ случаѣ, дастъ вамъ выговоръ".

Письмо распечатано,—и что-же?

Привожу его дословно.

— „Прочитывая Ваши статьи въ „Новомъ Краѣ" о боѣ 5-го В. С. стрѣковаго полка 13 мая на Киньчжоуской позиціи, я, какъ бывшій командиръ этого славнаго полка, приношу Вамъ сердечную мою благодарность за тѣ правдивыя слова, которыя увѣковѣчили славу полка. Прошу принять отъ меня мою искреннюю благодарность. А. Стессель".

Всего ожидали редакторъ подполковникъ Артемьевъ и я, но только не этого.

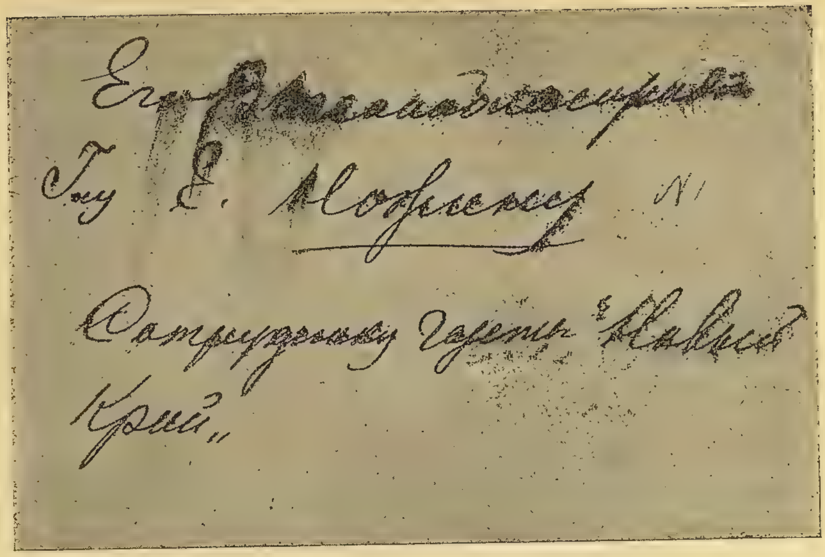
CVIII.

Поединокъ.

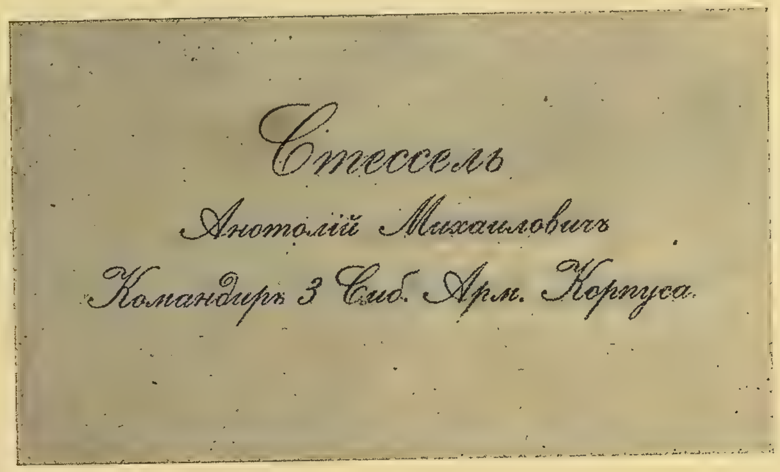
Послѣ Киньчжоускаго побоища и отступленія всѣхъ войскъ, чуть ли не къ самому Артуру, комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Смирновъ набросалъ приказъ о размѣщеніи отступавшихъ въ крѣпость войскъ, въ которомъ изложена была разработанная диспозиція о распредѣленіи войскъ по линіи обороны.

19 мая комендантъ явился съ этой диспозиціей къ Стесселю, какъ къ своему начальнику, съ цѣлью ознакомить его съ послѣдней.

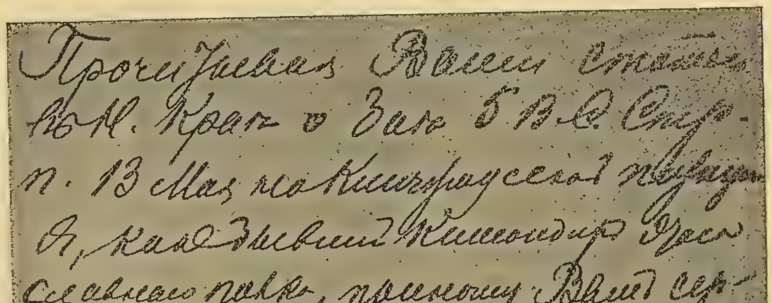
Генералъ Стессель, грубо оборвавъ Смирнова и не позволивъ ему прочесть ни приказа, ни диспозиціи, заявилъ, что все это несвоевременно. Отдача подобныхъ приказовъ о размѣщеніи



Его Высокоблагородію
Г-ну Е. Ножину №1
Сотруднику газеты "Новый Край"



Стессель
Анатолій Михайловичъ
Командиръ 3 Сиб. Арм. Корпуса.



Прочитавъ Вашу статью
въ Н. Краѣ о дѣлѣ 5 В.С. Стр.
п. 13 Мая на Киньчжоуской позиціи.
Я, какъ бывшій Командиръ этого
славнаго полка, приношу Вамъ сер-
дечную мою благодарность за
правдивую славу, которую воздали
славному полку; прошу принять
мою искреннюю благодарность. А. Стессель

войскъ въ городѣ и на линіи обороны станетъ извѣстными японцамъ черезъ шпіоновъ китайцевъ.

Между тѣмъ, самъ Стессель 16 мая, за № 272, отдалъ приказъ о распредѣленіи войскъ на горахъ въ формѣ диспозиціи.

Затѣмъ Стессель въ самой грубой и циничной формѣ объявилъ генералу Смирнову слѣдующее:

— „Ввѣренный мнѣ раіонъ почти занятъ японцами (это говорилось 19 мая. Послѣ этого разговора, мы еще держались ровно два мѣсяца въ этомъ самомъ раіонѣ, на оборонительной линіи Юпилаза-Куинсанъ—Зеленыя горы. Ясно было, что подъ

Внутренній дворъ на форту V.

вліяніемъ Фока онъ хотѣлъ закончить всѣ операціи въ ввѣренномъ ему укрѣпленномъ раіонѣ, занять Волчьи горы, затѣмъ отступить и какъ можно скорѣе спрятаться за верки крѣпости). Остается одинъ Артуръ. Я беру на себя всецѣло оборону крѣпости. Штабъ крѣпости расформирую. Это безполезное учрежденіе. Довольно моего штаба. Полковника Хвостова, начальника штаба, пошлю командовать баталіономъ. Васъ же буду считать въ своемъ распоряженіи. Двухъ равныхъ начальниковъ въ одной крѣпости не должно быть.

Сказавъ эти историческія слова, Стессель застылъ въ своемъ величіи. Лицо и взоръ его не выражали ничего, кромѣ тупости съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ робкой наглости.

Положеніе коменданта крѣпости было незавидное.

Ему въ глаза бросали дерзость.

Его, благодаря которому крѣпость приведена въ положеніе, дающее возможность обороняться, хочетъ взять въ свое распоряженіе человѣкъ, который портитъ все и мѣшаетъ всему, какъ лучшій, самый вѣрный союзникъ японцевъ.

Въ этотъ моментъ вполнѣ опредѣлились ихъ отношенія.

Несомнѣнно это была встрѣча генераловъ двухъ враждующихъ сторонъ.

Это былъ первый актъ трагедіи,—эпилогомъ которой явилось 19 декабря.

Комендантъ спокойно, не дрогнувъ голосомъ, далъ слѣдующую отповѣдь:

— „Комендантомъ крѣпости я назначенъ высочайшимъ приказомъ; штабъ крѣпости органъ коменданта, установленный высочайшимъ повелѣніемъ. Какъ отъ своихъ правъ, врученныхъ мнѣ Государемъ Императоромъ, такъ и отъ вытекающихъ изъ нихъ обязанностей отказываться я не намѣренъ. Вы, ваше превосходительство, какъ мой начальникъ, можете мнѣ давать общія указанія касательно обороны крѣпости, но хозяиномъ ея остаюсь я, пока Государь Императоръ своей властью отъ этого меня не отрѣшитъ.

Затѣмъ, если устраненіе меня отъ должности коменданта крѣпости является случаемъ „не терпящимъ отлагательства“, то объ этомъ слѣдуетъ отдать соотвѣтствующій приказъ.

Присутствовавшіе при этомъ поединкѣ, обладавшій шапкой невидимкой генералъ Никитинъ и начальникъ штаба крѣпости, (о которомъ шла рѣчь) полковникъ Хвостовъ, я думаю, не безъ интереса ожидали развязки.

Въ эти минуты рѣшалась участь Артура. Генералъ, состоящій на службѣ Его Величества Императора Россіи, но душой преданный Микадо, могъ нанести смертельный ударъ генералу, тоже состоящему на службѣ Его Величества Императора Россіи, но преданному душой только своему законному государю и рѣшившему защищать ввѣренную ему крѣпость до послѣдней крайности.

Стессель сначала оторопѣлъ, но затѣмъ, вспомнивъ наставленія своихъ пѣстуновъ Фока и Рейса, съ свойственной ему наглостью, съ повышеннымъ тембромъ въ голосѣ заявилъ:

— „Удалять отъ должности я васъ не намѣренъ. Вы остаетесь комендантомъ крѣпости; распоряжаться же въ крѣпости буду я. Законно это или незаконно,—это мое дѣло. Отвѣчать за это буду я.“

Что оставалось отвѣтить Смирнову?

Въ прихожей зашумѣли; ординарецъ доложилъ о приходѣ офицеровъ.

Поединокъ кончился...

Такъ какъ и у стѣнъ обыкновенно бываютъ уши, то весь этотъ прецедентъ сталъ скоро достояніемъ нѣкоторыхъ слоевъ артурскаго общества.

Негодованію и всевозможнымъ толкамъ не было границъ. Всѣ боялись за участь Артура, гадали, что предприметъ генералъ Смирновъ. Одни упорно утверждали, что Смирновъ уѣдетъ на миноносцѣ; другіе съ пѣной у рта доказывали, что Стесселя признаютъ душевно больнымъ и упрячутъ въ госпиталь. Третьи увѣряли, что назначенъ день и часъ, когда Смирновъ чуть ли не цѣлымъ полкомъ окружитъ домъ Стесселя и арестуетъ Стесселя, Фока, Рейса, Савицкаго и всѣхъ чадъ и домочадцевъ, чтобы сразу вырвать съ корнемъ все это измѣннически-помѣшанное гнѣздо.

Многіе убѣждали, что арестъ будетъ произведенъ именно вечеромъ, когда у Стесселя собираются къ ужину всѣ приближенные.

Однимъ словомъ, толкамъ и пересудамъ не было границъ. Фантазія работала во всю.

Положеніе Смирнова было самое двусмысленное, ложное, скажу больше, невыносимое. Ему предстояло разрѣшить крайне сложный вопросъ.

Необходимо было положить конецъ безразсудству Стесселя, прекратить его вредное вмѣшательство въ управленіе крѣпостью.

Всѣ предположенія объ арестѣ Стесселя, конечно, имѣли основаніе.

Большинство сознательныхъ и честныхъ людей видѣли единственный выходъ для коменданта исключительно въ арестѣ начальника раіона.

Когда я узналъ о происшедшемъ между Стесселемъ и Смирновымъ поединкѣ, я былъ тоже склоненъ думать, что все это разрѣшится арестомъ Стесселя.

По моему глубокому убѣжденію, моментъ для ареста Стесселя былъ самый подходящій.

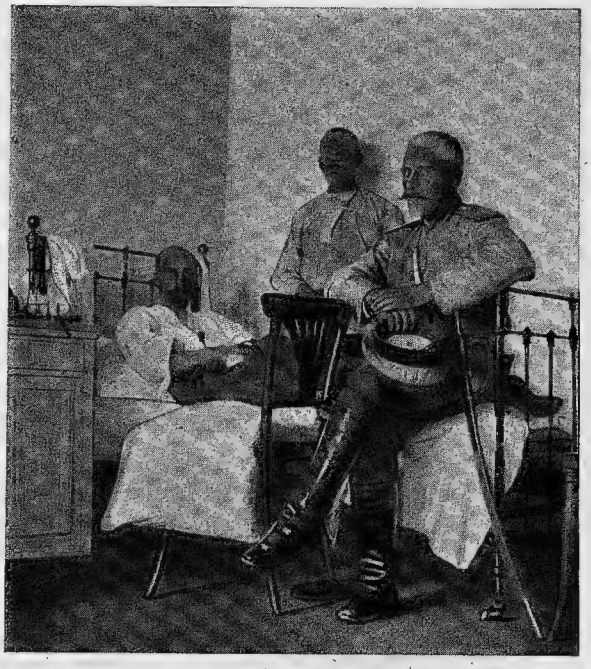
Недовольство большинства офицеровъ Стесселемъ и Фокомъ было огромное. Офицерство послѣ Киньчжоускаго боя ихъ прямо ненавидѣло. Вопіющій къ справедливости поступокъ съ 5-мъ восточно-сибирскимъ полкомъ возстановилъ противъ нихъ всѣхъ честныхъ офицеровъ.

Гарнизонъ не былъ еще деморализированъ окончательно. Ордена, которыми покупалъ себѣ расположеніе Стессель, не успѣли

еще тлетворно повліять на массу офицерства и нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, войска еще не были утомлены тяжелой боевой страдой, они стремились въ бой, хотѣли отомстить за Киньчжоу, вѣрили въ свои силы, томились бездѣятельнымъ ожиданіемъ, вполнѣ оцѣнили Стесселя и Фока, какъ бездарныхъ, трусливыхъ и недобросовѣстныхъ начальниковъ.

Почва вполнѣ благодарная была подготовлена.

Все зависѣло отъ рѣшенія Смирнова; но рѣшиться на та-



Генералъ Смирновъ у тяжело раненаго подполковника Іолшина.

кой огромной важности шагъ было крайне рискованно, при существовавшихъ и существующихъ въ арміи порядкахъ.

Стесселю протежировалъ Петербургъ. Самъ намѣстникъ Его Величества не могъ помѣшать назначенію Стесселя начальникомъ раіона.

А что онъ былъ противъ этого назначенія, то это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Кто могъ поручиться, что вѣсть объ арестѣ Стесселя не привела бы къ обратнымъ результатамъ? Весьма возможно, что Петербургъ, это гнѣздо всевозможныхъ, самыхъ возмутительнѣйшихъ сплетенъ и интригъ, представилъ бы Государю Импе-

ратору арестъ Стесселя въ такомъ освѣщеніи, что немедленно могъ послѣдовать приказъ о его освобожденіи.

А развѣ этого не могло быть?

Безусловно могло! Разъ „Петербургъ“ могъ подчинить просвѣщеннаго и энергичнаго генерала Смирнова завѣдомо бездарному, трусливому, необразованному и недобросовѣстному Стесселю, то онъ могъ настоять и на его освобожденіи.

Что бы тогда произошло въ осажденной крѣпости, сказать конечно, трудно, но что Артуръ кончилъ бы свое существованіе несравненно скорѣй,—то это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Объ этомъ неволей или волей постарались бы „преданные сами себѣ и другъ другу“ Стессель, Фокъ, Рейсъ и другіе.

Это, я, беру на себя смѣлость утверждать.

Въ результатѣ генералъ Смирновъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, вопреки всѣмъ предположеніямъ, разрѣшалъ остроназрѣвшій вопросъ самымъ мирнымъ путемъ.

Правъ ли онъ или виноватъ судить, конечно, не мнѣ.

Передаю историческій ходъ событій, ручаясь лишь, что они безусловно отвѣчаютъ дѣйствительности.

Въ одинъ изъ ближайшихъ дней послѣ поединка генералъ Смирновъ пригласилъ къ себѣ генерала Кондратенко и полковника Рейса, которымъ подробно сообщилъ свой послѣдній разговоръ съ начальникомъ раіона.

Затѣмъ, обратившись къ нимъ, какъ къ офицерамъ, носящимъ мундиръ генеральнаго штаба, а также лицамъ, наиболѣе близкимъ къ оборонѣ крѣпости,—высказалъ свое мнѣніе по поводу желанія генерала Стесселя узурпировать его власть, какъ коменданта крѣпости.

Приблизительно вотъ что имъ было сказано упомянутымъ лицамъ:

— „Генералъ-лейтенантъ Стессель, не имѣя за собой абсолютно никакихъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній по фортификаціи и артиллеріи, что не подлежитъ никакому сомнѣнію, руководить обороной ввѣренной мнѣ крѣпости безусловно не можетъ. Затѣмъ, много разъ проявленная генераломъ Стесселемъ трусость заставила меня прити къ непреложному убѣжденію, что и управлять войсками онъ не можетъ, такъ какъ, стоя во главѣ послѣднихъ, своимъ примѣромъ онъ будетъ ихъ только деморализировать.

Генералъ Стессель, извращая въ своихъ донесеніяхъ истинное положеніе вещей, рекламируя себя путемъ печати—въ стремленіи узурпировать мою власть, хочетъ меня обезличить.

Мнѣ, какъ старому кадету, претятъ всякія жалобы, кромѣ того, жалоба, обращенная на Стесселя, можетъ лишь повредить общему дѣлу защиты крѣпости.

Въ искреннемъ стремленіи предупреждать всѣ осложненія, вредно отзывающіяся на огромной задачѣ обороны крѣпости,—я рѣшилъ остаться въ тѣни. Стессель можетъ не опасаться за прочность сооружаемыхъ себѣ лавровъ: лично я не буду ему въ этомъ противодѣйствовать.

Но, во имя данной присяги, принятаго долга, чести офицера, я требую отъ васъ, господа, чтобы вы приложили всѣ старанія, все ваше „я“, къ тому, чтобы общими усиліями обезвреживать Стесселя по стольку, поскольку это представится возможнымъ.

Необходимо раздѣлить власть.

Чистую оборону крѣпости я всецѣло беру на себя. Остальными же отдѣлами, играющими второстепенную роль, я въ той или другой степени готовъ поступиться.

Всю же бутафорскую часть всецѣло передаю въ его руки“.

Генералъ Кондратенко молча выслушалъ слова Смирнова; онѣ произвели на него глубокое впечатлѣніе. Онъ вполнѣ оцѣнилъ весь трагизмъ положенія и, какъ честный человѣкъ и офицеръ, зналъ, что слѣдуетъ предпринять.

Рейсъ же, тогда еще полковникъ, былъ многоглаголивъ и рѣчистъ. Онъ сладкозвучно заявилъ Смирнову:

— „Всѣ недоразумѣнія и непріятности, ваше превосходительство, происходили и происходятъ исключительно благодаря интригамъ и тлетворному вліянію на генерала Стесселя лицъ, враждебно къ вамъ расположенныхъ. Я, ваше превосходительство, приложу всѣ старанія къ тому, чтобы вліяніе этихъ лицъ было парализовано“.

Подъ названіемъ „этихъ лицъ“ Рейсъ, конечно, подразумѣвалъ Фока, Савицкаго, Никитина, Водягу, (этотъ господинъ, состоя въ штабѣ Смирнова, передавалъ буквально все Стесселю, что про него и его присныхъ тамъ говорилось и, конечно, подливалъ только масла въ огонь).

Этимъ послѣсловіемъ инцидентъ поединка, казалось, былъ исчерпанъ.

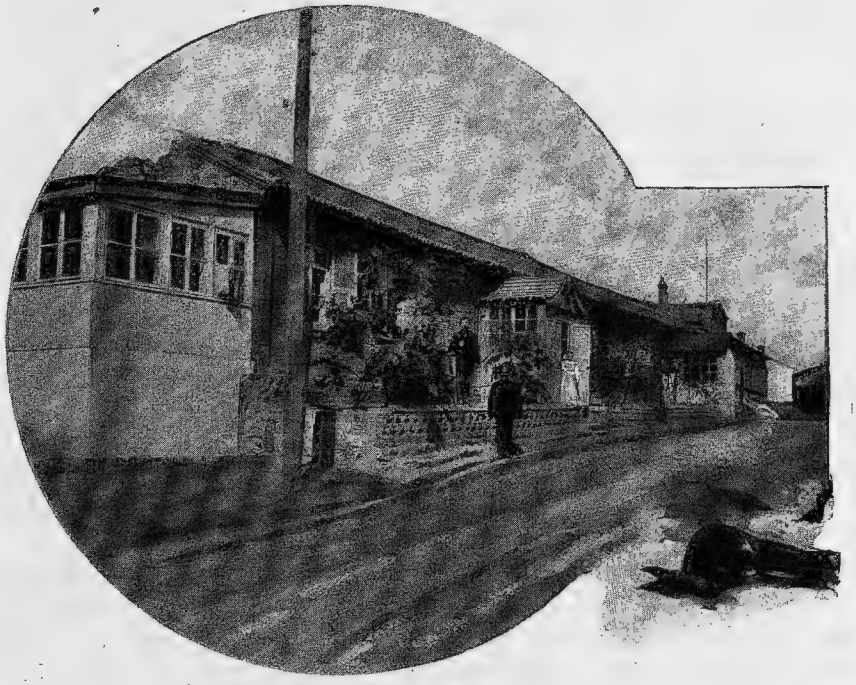
Рейсъ усыпилъ Смирнова, который, какъ честный офицеръ, повѣрилъ искренности Рейса, повѣрилъ ему, какъ честному офицеру, для котораго честь Родины и присяга Государю были выше всѣхъ низменныхъ личныхъ побужденій.

Да какъ было не повѣрить, когда въ Артурѣ разыгрывалась мировая драма.

Но Смирновъ жестоко ошибся: Рейсъ надѣлъ лишь личину. До самой, лично имъ обманнымъ путемъ подписанной позорнѣйшей въ мірѣ капитуляціи Артура,—онъ, Рейсъ, всегда первый интриговалъ противъ Смирнова.

Не выходя изъ своего кабинета, онъ неустанно плелъ паутину, которой незамѣтно, но искусно опутывалъ все и всѣхъ, кто честно стремился исполнить свой долгъ до конца.

Можетъ быть Рейсъ, Фокъ, Савицкій и К° были революціонеры?



Домъ Портъ-Артурскаго полиціймейстера и убитый снарядомъ оселъ.

Объ этомъ мнѣ приходилось и приходится слышать отъ людей, желающихъ добиться руководящей цѣли въ дѣйствіяхъ этихъ „героевъ“ (всѣ они украшены георгіевскими крестами).

Нѣтъ!

Предположеніе, что Рейсъ, Фокъ, Савицкій, Никитинъ и tutti quanti **„убѣжденные революціонеры“**, что они сознательно, для блага Россіи, губили Артуръ, въ предположеніи, что скорѣйшее паденіе крѣпости, а слѣдовательно, и проигранная кампанія послужатъ къ быстрому развитію освободительнаго движенія, конечно, не имѣетъ никакого основанія.

Въ этомъ не можетъ сомнѣваться тотъ, кто зналъ и знаетъ этихъ лицъ.

Это были отрицательные типы нашей огромной арміи, которые для достиженія своихъ цѣлей добивались ихъ самыми позорными средствами, не останавливаясь положительно ни передъ чѣмъ.

CIX.

Въ послѣдующій послѣ „поединка“ день, былъ отданъ приказъ, за № 285, который ясно говорилъ о томъ, что генералъ Стессель не хочетъ смириться.

„Въ виду появленія противника въ раіонѣ крѣпости и вступленія въ составъ обороняющаго его отряда 4-ой В. С. стрѣлковой дивизіи съ ея артиллеріей, главное руководство обороной крѣпости оставляю за собой, при чемъ для объединенія власти въ совѣтѣ обороны, учрежденной подъ предсѣдательствомъ коменданта крѣпости согласно ст. 56 полож. объ управл. крѣп. (прик. В. В. 1902 г. № 358), долженъ входить и. д. начальника штаба ввѣреннаго мнѣ раіона, которому всѣ журнальныя постановленія совѣта докладывать мнѣ на утвержденіе“.

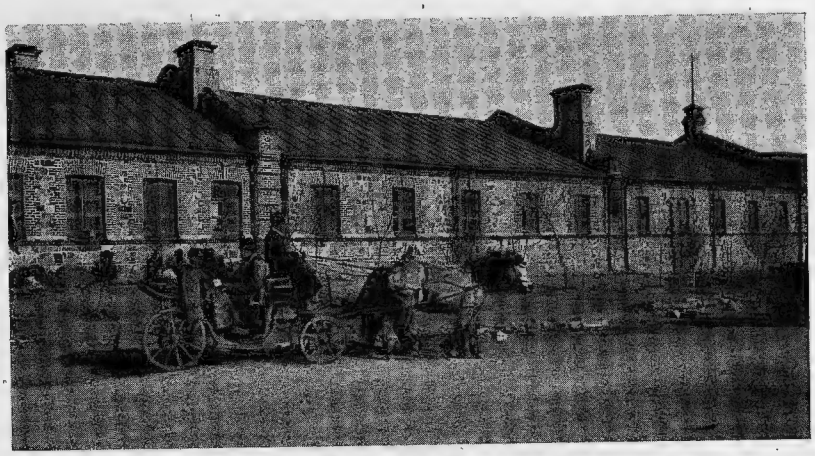
Зачѣмъ Стессель писалъ этотъ приказъ?

Для того, чтобы не отдать бразды правленія истинному начальнику генералъ-лейтенанту Смирнову, который по точному смыслу закона являлся какъ комендантъ осажденной крѣпости ея единой главой.

Затѣмъ, съ прибытіемъ всей дивизіи Фока на Волчьи горы —состоялся военный совѣтъ, на которомъ разбирался вопросъ, что предпринять далѣе: занять ли передовыя позиціи на Зеленыхъ горахъ или начать оборону крѣпости съ ея передовыхъ укрѣпленныхъ позицій?

Комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Смирновъ категорически запротестовалъ противъ послѣдняго предложенія, энергично настаивая на занятіи позицій на Зеленыхъ горахъ, исходя изъ того, что самая крѣпость не вполнѣ готова къ оборонѣ и что, главнымъ образомъ, не укрѣплены еще Волчьи горы, гора Дагушань и Сяогушань, представляющія изъ себя важные стратегическіе пункты. Генералъ Фокъ старался повліять на совѣтъ въ томъ смыслѣ, что задерживать противника на горно-полевыхъ позиціяхъ несостоятельно: это будетъ напрасной тратой людей и снарядовъ, которые будутъ крайне необходимы при защитѣ самой крѣпости, отступать въ которую рано или поздно придется; са-

мое лучшее отойти въ крѣпость, минуя Волчьи горы (все равно и ихъ придется оставить), и начать ея оборону съ maximum'омъ наличныхъ боевыхъ силъ. Ко мнѣнію генерала Фока, конечно, присоединился и Стессель. Голоса раздѣлились. Тогда комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Смирновъ, спасая Артуръ, подробно объяснилъ совѣту свой планъ, блестяще ему доказавъ, что съ началомъ тѣсной блокады Артура, при условіи занятія противникомъ Волчьихъ горъ, Дагушаня и Сяогушаня, быстро придется очистить Угловыя горы, и тогда крѣпость, благодаря кореннымъ ошибкамъ, допущеннымъ при разработкѣ ея полигона, не въ состояніи будетъ успѣшно обороняться, 1) въ силу



Перевозка раненыхъ.

того, что всѣ батареи сухопутнаго фронта, безъ исключенія, открыты для артиллерійской цѣли противника, въ виду отсутствія башенныхъ сооруженій, полной ихъ немаскировки, подвижныхъ съ подъемнымъ механизмомъ площадокъ для орудій на батареяхъ, отсутствія ложныхъ гласисовъ, крайняго недостатка въ мортирныхъ батареяхъ, отвратительной кладки бетона, незначительнаго количества орудій крупныхъ крѣпостныхъ калибровъ и полнаго отсутствія орудій новѣйшей системы, за исключеніемъ полученныхъ отъ флота и, 2) что, съ занятіемъ противникомъ Волчьихъ горъ, Дагушаня, Сяогушаня—крѣпость, благодаря тѣмъ-же кореннымъ ошибкамъ при ея распланированіи, перестаетъ быть базой для флота, такъ какъ становится уязвимой для артиллерійскаго огня противника не только во всѣхъ своихъ точкахъ внутри, но даже и на внѣшнемъ рейдѣ, въ виду того,

что противникъ будетъ поражать его перекиднымъ огнемъ изъ гаубицъ, поставленныхъ на его сухопутномъ блокирующемъ фронтѣ. При условіи успѣшныхъ или неуспѣшныхъ дѣйствій нашего флота—Артуръ потеряетъ для него значеніе, такъ какъ флоту нельзя будетъ укрыться ни на внѣшнемъ, ни на внутреннемъ рейдѣ.

Блестящія, математически точныя доказательства генералъ-лейтенанта Смирнова убѣдили совѣтъ, который большинствомъ голосовъ, къ которому также присоединился и Стессель, постановилъ возвратить дивизію Фока назадъ, съ цѣлью занять ею наивыгоднѣйшія изъ оставшихся въ нашихъ рукахъ позиціи. Достойно вниманія, что штабомъ укрѣпленнаго раіона не была заранѣе прорекогносцирована вполнѣ точно мѣстность, и выборъ позицій не могъ быть рѣшенъ немедленно на мѣстѣ. О прекрасныхъ позиціяхъ на Нангалинскихъ высотахъ нечего было и думать. По сообщеніямъ нашихъ развѣдчиковъ и „вѣрныхъ китайцевъ“ они были уже заняты японцами [1]).

На слѣдующій день нѣсколько офицеровъ изъ штаба Стесселя поѣхали выбирать позиціи. — Остановились на цѣпи горъ Юпилазы, примыкающихъ къ бухтѣ Инчензы, и Зеленыхъ горахъ, тянувшихся вдоль Лунвантанской долины до бухточки Лунвантань. Командующей высотой на линіи этихъ позицій, растянувшихся болѣе чѣмъ на 25 верстъ, являлась гора Куин-санъ. Позиціи на цѣпяхъ горъ Юпилазы (15 верстъ) заняла дивизія Фока, а Зеленыя горы, въ виду сильной растянутости позицій, были заняты сводными ротами отъ 4-хъ запасныхъ баталіоновъ и 7-й дивизіи и двумя ротами пограничной стражи. Кромѣ того, въ составъ этихъ войскъ вошло 8 батарей полевыхъ (восьмиорудійнаго состава) и одна мортирная батарея.

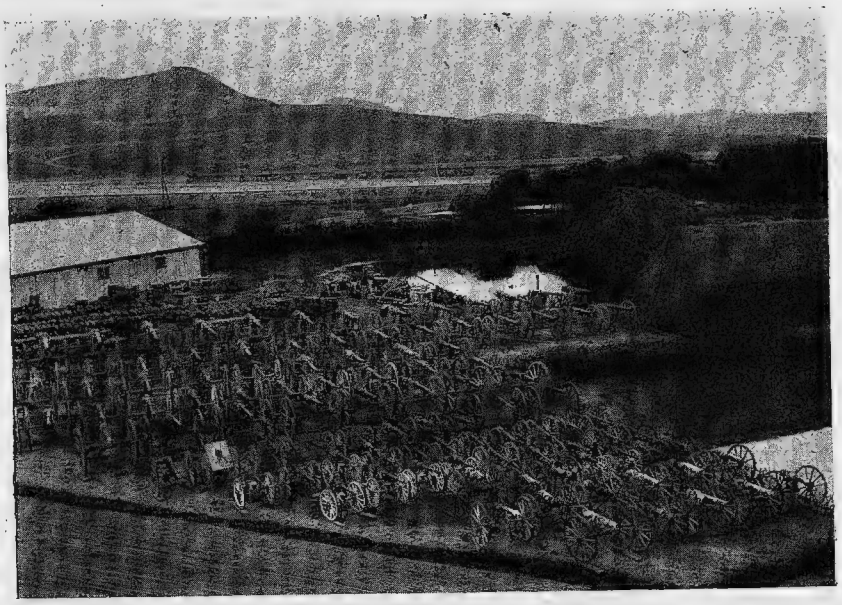
Наконецъ выбрали и заняли позиціи.

Фокъ устроилъ свою штабъ-квартиру на 11 верстѣ. Желѣзная дорога въ нашихъ рукахъ была лишь до 19 версты. Заняли позиціи и... успокоились. Фокъ настойчиво проводилъ свою идею, что задерживаться на передовыхъ позиціяхъ одна лишь трата людей и снарядовъ и, видимо, въ каждый любой моментъ готовъ былъ отступить. Но комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Смирновъ на всѣхъ послѣдующихъ военныхъ совѣтахъ требовалъ упорной защиты передовыхъ позицій.

---

[1]) Но нужно строго помнить, что Дальній былъ занятъ японцами лишь на 3-й день послѣ Киньчжоускаго боя, т. е. 17 мая.

Его голосъ имѣлъ значеніе: послали на правый и лѣвый фланги позицій саперовъ и инженеровъ. Нужно замѣтить, что въ крѣпости была лишь одна рота саперъ въ 800 человѣкъ.—Началось укрѣпленіе позицій, растянувшихся на 25 верстъ. Комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Смирновъ, прекрасно понимая, что для защиты такой растянутой позиціи недостаточно одной дивизіи Фока, выдѣлилъ изъ состава своей крѣпостной дивизіи нѣсколько сводныхъ ротъ для праваго фланга и этимъ обезпечилъ ея защиту. Но генералъ Фокъ заупрямился и изъ



Арсеналъ съ китайскими орудіями.

своей дивизіи не далъ ротъ на правый флангъ, доказавъ и убѣдивъ Стесселя, что противникъ поведетъ усиленное наступленіе на лѣвый флангъ позицій. Въ силу этого правый флангъ оказался значительно слабѣе. Всѣ инженерныя и саперныя работы, главнымъ образомъ, велись на лѣвомъ флангѣ въ ущербъ правому. При всемъ этомъ работы велись крайне вяло. Некому было слѣдить и направлять. Самъ Фокъ совершенно забылъ полевую фортификацію, усложнившуюся тѣмъ, что мѣстность представляла изъ себя гористую площадь. Тѣмъ не менѣе онъ вмѣшивался и требовалъ работъ только на лѣвомъ флангѣ. Правый флангъ совсѣмъ не укрѣплялся.

Какъ я уже сказалъ — заняли позиціи и успокоились.

Шли лишь мелкія развѣдки и столкновенія съ передовыми постами противника. А японцы тѣмъ временемъ, ставъ хозяевами въ Дальнемъ, начали спѣшно устраивать въ немъ свою базу. Тамъ безпрепятственно, спокойно и удобно шла высадка войскъ для осадной арміи. Работа кипѣла: ежедневно десятки транспортовъ доставляли все необходимое для концентрирующейся осадной арміи. Желѣзная дорога до Дальняго, весь подвижной желѣзно-дорожный составъ были оставлены въ ихъ распоряженіи въ полной неприкосновенности, — по ней успѣшно подвозились войска, орудія, снаряды, провіантъ къ передовымъ позиціямъ. Все имъ улыбалось. Флотъ нашъ ихъ тоже не безпокоилъ. Они были хозяевами на морѣ и на сушѣ.

Тѣмъ временемъ наши развѣдки велись настолько неумѣло и пассивно, что мы были все время какъ бы съ завязанными глазами, ровно ничего не зная ни о силахъ, ни о предполагающихся операціяхъ противника. Свѣдѣнія доставлялись лишь китайцами-развѣдчиками, которые служили и намъ и японцамъ и, конечно, они служили усерднѣе японцамъ, такъ какъ штабъ раіона платилъ гроши.

Интересно было наблюдать за этими развѣдчиками: китаецъ совершенно свободно разъѣзжалъ верхомъ, да еще съ провожатымъ, черезъ наши и японскія сторожевыя цѣпи.

Кажется, ясно было, что тутъ шелъ явный обманъ. Но Стессель и его штабъ были настолько близоруки, что не хотѣли этого видѣть и не понимали этой комедіи. Безусловно у этихъ „вѣрныхъ“ китайцевъ были свои субъ-агенты въ крѣпости, которые имъ обо всемъ доносили. Стесселю и его начальнику штаба полковнику Рейсу неоднократно на это указывалось, но они и слушать не хотѣли, считая себя непогрѣшимыми.

CVIII.

Пока Фокъ безразсудничалъ на передовыхъ позиціяхъ, Смирновъ и Кондратенко работали надъ созданіемъ крѣпости.

Пока войска, не покладая рукъ, рыли камни Квантуна, Стессель продолжалъ писать приказы.

Въ приказѣ отъ 23 мая, за № 289, гарнизонъ читалъ:

„Вновь замѣчаю пьянство на улицѣ, говорятъ, что пивомъ напиваются; запрещаю вообще пьянство; мнѣ рѣшительно дѣла нѣтъ, чѣмъ напился. У завода Ноюкса установить сильный полицейскій постъ, а деревушку Электрической станціи, у Мор-

ского склада снарядовъ завтра выселить до единаго. Возлагаю исполненіе всего этого на начальника жандармской команды ротмистра Микеладзе".

Генералъ Стессель запрещаетъ вообще пьянство и почему-то выселяетъ всю деревушку до единаго.

По отношенію дружинниковъ, которые не успѣли себя еще ни чѣмъ скомпрометировать, 24 мая обращались слѣдующія строки въ приказѣ за № 294.

„ . . . . . Предупреждаю, что если кто подумаетъ уклониться и вмѣсто исполненія долга будетъ безъ дѣла укрывать свою особу и будетъ отысканъ въ пещерѣ или подвалѣ, то немедля будетъ приведенъ силой и поставленъ на наиболѣе опасную и тяжелую работу. . . . . "

Дружинники еще не видѣли съ суши врага.

Дружинниковъ, которые набраны изъ мирныхъ гражданъ, не подлежащихъ отбыванію воинской повинности, съ полной готовностью обучающихся воинскимъ пріемамъ,—жестоко оскорбляютъ.

За что? Пусть на это отвѣтитъ самъ Стессель передъ гласнымъ судомъ.

CIX.

24 мая, ночью, къ крѣпости подошелъ минный транспортъ и началъ разбрасывать мины. Его во время замѣтили батареи берегового фронта, особенно № 22, открыли огонь настолько удачный, что транспортъ пошелъ ко дну.

Во время этой стрѣльбы я былъ у своего товарища по корпусу Ш. К. Минята, командира одной изъ ротъ Квантунскаго флотскаго экипажа, охранявшей береговой фронтъ.

Во время орудійной канонады на батареѣ № 22 произошелъ взрывъ въ каналѣ пятаго орудія, слѣдствіемъ чего явилась смерть одного канонира и пораненіе еще 2-хъ нижнихъ чиновъ изъ числа орудійной прислуги.

Подошедшій непріятельскій минный транспортъ огня по батареямъ берегового фронта не открывалъ. Командиръ батареи № 22 немедленно по телефону доноситъ начальнику сектора о происшедшемъ несчастьи.

На слѣдующій день начальникъ крѣпостной артиллеріи генералъ-маіоръ Бѣлый въ приказѣ своемъ дѣлаетъ командиру батареи № 22 шт.-кап. Вамензону выговоръ.

Казалось, что этимъ инцидентъ долженъ былъ быть исчерпанъ.

Но при Стесселевскомъ режимѣ это было не такъ просто.

Генералъ Стессель любилъ дѣлать все по своему. Вотъ что мы читали въ приказѣ за № 305.

Экстренно.

— „Сегодня 26 мая нарочно былъ на батареѣ № 22, произведя самый тщательный осмотръ 5-го орудія, я пришелъ къ убѣжденію, что порча замка, смерть канонира Бондарева и пораненіе канонировъ Гурскаго и Ларіонова произошло отъ попавшаго снаряда съ судовъ противника, стрѣльба котораго имѣла мѣсто во время стрѣльбы батареи № 22 по непріятельскому мин-

Китайская часть города.

ному транспорту и былъ этой батареей затопленъ съ разстоянія 1000 саженъ отъ батарей".

Не говоря уже о томъ, что генералъ Стессель не имѣлъ право самолично устанавливать причины и подробности происшедшаго, а долженъ былъ это поручить особой комиссіи изъ свѣдующихъ лицъ,—я утверждаю, что все это ложь. Транспортъ огня не открывалъ, а взрывъ произошелъ въ каналѣ орудія благодаря самой же прислугѣ (затяжной вѣстрѣлъ).

Но Стессель хотѣлъ, чтобы на батареѣ разорвался снарядъ и его приказъ это установилъ.

Мало того, онъ идетъ дальше.

Въ приказѣ за № 306 повѣствуется слѣдующее:

„При посѣщеніи сего числа (26 мая) батареи № 22 я разспросами и подробнымъ личнымъ разслѣдованіемъ твердо (!) установилъ: что въ ночь съ 24 на 25 мая минный транспортъ

противника во время установки имъ минъ, подъ прикрытіемъ миноносца былъ потопленъ удачными выстрѣлами съ батареи № 22 подъ командой капитана Вамензона, а потому, беря во вниманіе *сильную* стрѣльбу противника по этой батареѣ, а также потопленіе судовъ этой батареей, не въ первый разъ, я полагаю, что при соотвѣтственномъ представленіи подлежащаго начальства, капитанъ Вамензонъ подлежитъ, по удостоеніи георгіевской думой, имѣющій собраться завтра, 27 мая, награжденію орденомъ Св. Георгія 4-ой степени".

Начальникъ артиллеріи приказываетъ отобрать у г.г. офицеровъ свой приказъ съ выговоромъ Вамензону.

И такъ, вмѣсто вполнѣ заслуженнаго выговора—Георгіевскій крестъ!?!

Дума въ Артурѣ Вамензону креста не присудила.

Все это стало очень скоро достояніемъ всего гарнизона и подѣйствовало на офицеровъ самымъ удручающимъ образомъ.

Временщикъ творилъ свою волю. Офицеры съ отданіемъ этого приказа поняли, что о справедливости не можетъ быть и рѣчи.

Лично на меня все это произвело ошеломляющее впечатлѣніе.

Если дѣлаетъ подлость офицеръ, его клеймятъ, его удаляютъ изъ своей среды. А генералъ во всеуслышаніе подписывается подъ ней.

Мы бѣсновались, но приходилось молчать. Но это было только начало. Впослѣдствіи Георгіевскіе кресты вѣшались на грудь людей, иногда въ полномъ смыслѣ недостойныхъ, скажу больше прямо-таки позорныхъ „героевъ", каковыми явились г. Рейсъ и Савицкій.

Вамензонъ за всю осаду безусловно заслужилъ Георгія за мѣткую и крайне удачную стрѣльбу, но только не за дѣло въ ночь на 25-ое Мая.

Генералы-же Фокъ, Рейсъ, Савицкій не георгіевскаго креста заслужили,—а суда, самаго строгаго.

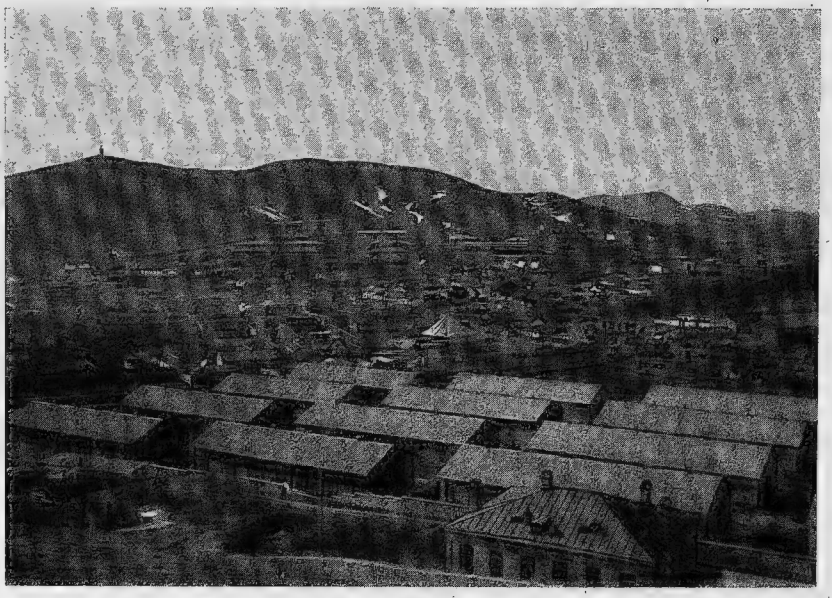
Только судъ установитъ, что это были за черные люди для многострадальнаго Артура.

CX.

Съ занятіемъ Зеленыхъ горъ генералъ-лейтенантъ Смирновъ началъ спѣшно укрѣплять уже предгоріе Угловой горы, Волчьи горы, Дагушань и Сяогушань. Особенное вниманіе было обращено на послѣднія.

Онѣ, представляя изъ себя два горныхъ массива, расположенныя подъ угломъ другъ къ другу, — были положительно неприступны, защищая весь западный фронтъ крѣпости, но только при условіи владѣнія нами Волчьими горами.

По всей линіи кипѣла работа. Генералъ Смирновъ дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы привести крѣпость въ должный видъ и, насколько былъ въ силахъ, исправлялъ всѣ ошибки, допущенныя при разработкѣ плана, главными виновниками которыхъ явились присланные сюда ранѣе инженеръ-генералъ Величко,



Интендантскіе склады.

профессоръ инженерной академіи, и начальникъ инженеровъ крѣпости генералъ Базилевскій.

Упомянувъ имя Базилевскаго, я долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ онъ относился къ труженикамъ печатнаго слова.

Когда генералъ Базилевскій узналъ, что я поселился на время у подполковника Рашевскаго, онъ пришелъ въ крайнее раздраженіе и приказалъ немедленно меня убрать.

Покойный Сергѣй Александровичъ вернувшись домой откровенно мнѣ сообщилъ, что вѣщалъ ему грозный начальникъ.

Пусть не обезсудитъ генералъ Базилевскій, что я предаю это гласности.

Полностью вся вина за ошибки въ распланированіи крѣпости должна лечь на упомянутыхъ двухъ генераловъ. А между тѣмъ генералъ Величко считается въ Россіи авторитетомъ и учитъ будущихъ инженеровъ.

Пока шли работы на передовыхъ позиціяхъ и въ крѣпости, генералъ Стессель занимался домашними дѣлами. Разрабатывался въ штабѣ раіона проектъ цѣнъ прачешной.

Продолжали писать хозяйственные приказы. Въ № 313 мы читали:

„Скашивать пшеницу, покупая ее у китайцевъ, разрѣшается только у передовыхъ позицій, которыя могутъ быть и оставлены, но косить пшеницу, хотя бы и съ согласія, у фортовъ крѣпости, которые *разумѣется* всегда намъ будутъ принадлежать не дозволяется, т. к. жители останутся безъ хлѣба".

Здѣсь приведу крайне интересный эпизодъ: приказъ этотъ состоялся лишь послѣ того, когда во дворъ Стесселя было привезено нѣсколько возовъ скошенной пшеницы для собственной надобности, а скошена она была именно у фортовъ крѣпости.

Мы читали эти приказы и умилялись. Въ особенности мы восторгались когда генералъ впадалъ въ юмористическій тонъ.

Приказъ № 315.

„Лично провѣривъ вчера порядокъ занятія крѣпости, я эти замѣчанія объявляю. Тѣ замѣчанія, кои донесутъ прочія начальствующія лица будутъ объявлены особо:

1) Сказано было всѣмъ выходить, многія части не вышли: саперы, минеры, желѣзно-дорожная рота, запасные батальоны и разныя команды, а вѣдь давно ли подтверждалось, что по приказанію о выходѣ всѣ до одного вооруженные и невооруженные обязаны выходить и выстраиваться у своихъ помѣщеній и всѣ офицеры. Выходитъ, что пиши-ты братъ, что хочешь, а мы посидимъ съ писарями лучше у себя въ канцеляріи. Еще разъ подтверждаю, что-бы всѣ выходили.

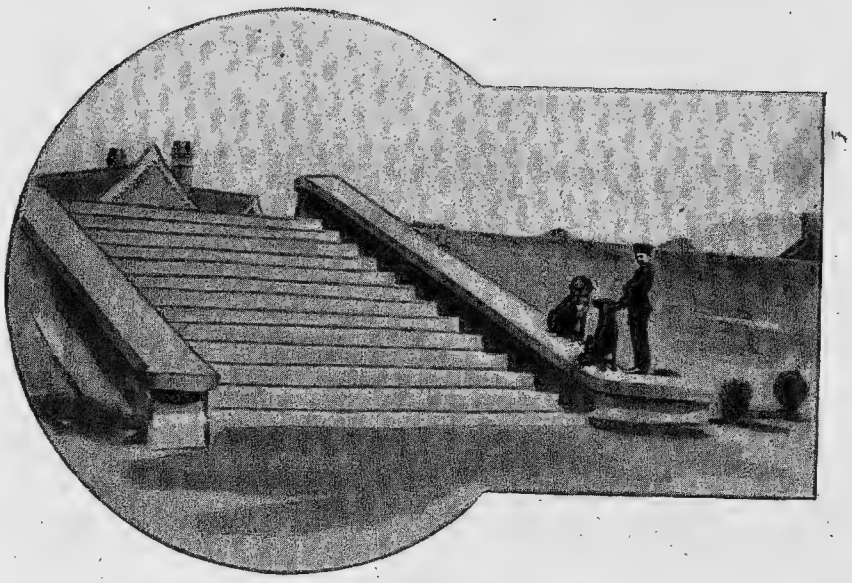
2) Встрѣтилъ команду 8-ой роты Квантунской крѣпостной артиллеріи, которая во время занятій шла на работу, тоже видно до нихъ не касается.

3) Приказано было занять мѣста къ 6 1/2 часамъ, это тоже поняли своеобразно, нѣкоторые только шевелиться начали около 6 1/2 часовъ. Въ Старомъ городѣ на внутренней крѣпостной оградѣ я въ это время нашелъ роту Квантунскаго экипажа капитана 2-го ранга Лебедева, нестроевую роту 26 В. С. стрѣлковаго полка. Господа же дружинники и не думали приходить, да и дѣйствительно вѣдь рано, гдѣ же господамъ такъ рано вста-

вать, совсѣмъ не въ порядкѣ вещей, вотъ въ Варіэте до 2 часовъ ночи прохороводиться, это дѣло знакомое.

4) Въ морскихъ казармахъ новаго города совсѣмъ и неизвѣстно было, что назначено къ 6 1/2 часамъ утра занять крѣпость; офицеровъ совсѣмъ не было, занятіе вели унтеръ-офицеры, потомъ подошли капитанъ 2-го ранга Циммерманъ и мичманъ; сухопутныхъ войскъ офицеры вовсе не явились. Необходимо строго взыскать съ нихъ. Въ экипажѣ не получаются приказы.

5) Подъѣхавъ къ форту № 5, приказалъ своему адъютанту поручику Невельскому привести изъ Новаго города отъ казармъ



Лѣстница въ саду Пушкинскаго училища.

11-го В. С. стрѣлковаго полка 1-ю дружину, разстояніе всего 2—3 версты по хорошей дорогѣ. Движеніе дружины уподоблялось ходу паломниковъ; видно было толпа, нѣкоторые волокли винтовки на плечѣ прикладами къ верху, а одинъ волокъ ее какъ палку, за штыкъ, прикладомъ по землѣ. Представляя такой печальный видъ, дружина эта разумѣется вызвала въ войскахъ и смѣхъ и полную увѣренность въ ея непригодности. Такъ какъ подобныя части болѣе опасны съ оружіемъ въ рукахъ для своихъ, чѣмъ для противника, то я полагаю ихъ надо строго пересортировать, оставивъ подъ ружьемъ элементъ только для сего годный, а остальныхъ разоружить и обратить въ санитаровъ, гдѣ

они будутъ безусловно полезнѣе. Прапорщиковъ запаса, какъ учителей слабыхъ, обратить въ свои части, кадръ долженъ быть твердый...

6) Нѣкоторыя части ерзали, не сразу находя мѣста.

7) Резервъ 15-го В. С. стрѣлковаго полка былъ мною отысканъ случайно на горѣ, гдѣ строится городской соборъ, а мѣсто ему у казармъ 9-го В. С. стрѣлковаго полка.

8) Возвращаясь назадъ, я увидѣлъ у дамбы, что соединяетъ Новый городъ со старымъ, караулъ. Начальникъ караула унтеръ-офицеръ доложилъ мнѣ, что долженъ никого не пропускать, особливо манжуръ, въ это время всѣ рѣшительно проходили и проѣзжали; унтеръ-офицеръ доложилъ, что онъ получилъ указаніе узнавать манжуръ, беря каждаго за косу. Такъ какъ караулъ этотъ днемъ безусловно ни къ чему, то снять, — на ночь выставлять".

Къ чему были эти издѣвательства?

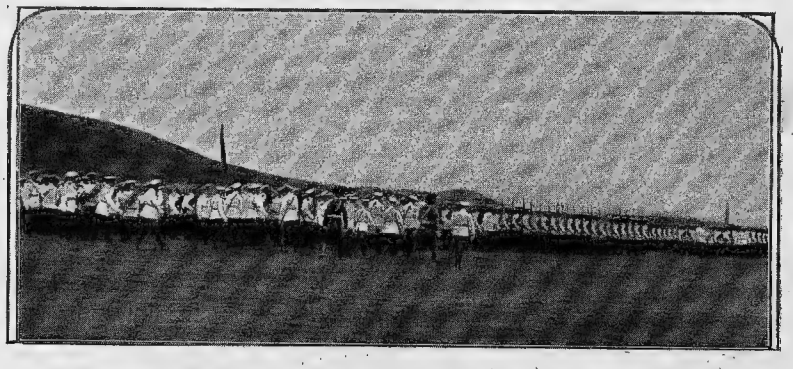
Неужели генералъ Стессель не понималъ, что, издѣваясь надъ безотвѣтными людьми, онъ не подымалъ ихъ духа?

Нѣтъ, генералъ дѣйствовалъ опьяненный своей властью.

Штабъ особенно много работалъ надъ представленіями къ наградамъ. Всѣ писаря были заняты переписываніемъ представленій въ Петербургъ. Офицеры были заняты ихъ шифровкой, такъ какъ послѣднія доставлялись консулу въ Чифу черезъ китайцевъ.

Въ виду того, что морская блокада въ это время была очень слаба, то сообщеніе съ Чифу поддерживалось китайцами чуть-ли не по росписанію. Кромѣ того, въ Голубиную бухту часто приходили пароходы съ провіантомъ. Стессель получалъ изъ Шанхая, изъ главной квартиры, отовсюду запросы, что ему нужно. Въ запросахъ подтверждалось, что все потребное будетъ доставлено. Стессель категорически отвѣчалъ, что ему ничего не нужно, упорно отказываясь отъ всякой помощи. Чѣмъ это объяснить, я положительно отказываюсь понять, такъ какъ въ крѣпости, по подробному разсчету возможной долговременной осады, комендантомъ крѣпости генералъ-лейтенантомъ Смирновымъ доказывалось, что крѣпости безусловно и крайне необходимы запасы снарядовъ крупныхъ крѣпостныхъ и противоштурмовыхъ калибровъ, консервированнаго мяса, зелени, перевязочныхъ матеріаловъ, медикаментовъ. Кромѣ того, въ крѣпости было очень мало пулеметовъ, которые были необходимы, такъ какъ японцы имѣли ихъ массу и наносили ими намъ страшный вредъ. Стессель твердилъ свое, что всего достаточно, и разъ

даже, въ шутливомъ тонѣ, отвѣтилъ на полученный отъ одной торговой фирмы запросъ, что онъ кланяется и благодаритъ, но ему ровно ничего не нужно, развѣ, если хотятъ, то пусть пришлютъ деликатесовъ. — Куропаткинъ, генералъ Дессино, нашъ военный агентъ въ Шанхаѣ, не могли знать Святымъ Духомъ, что нужно крѣпости, въ чемъ она нуждается, хотя могли въ то время почти безпрепятственно доставить въ крѣпость все необходимое и въ большомъ количествѣ. А вѣдь въ послѣдніе мѣсяцы осады крѣпость исключительно нуждалась въ снарядахъ, мясѣ и зелени, не говоря уже о пулеметахъ; имѣй она все это въ достаточномъ количествѣ,—еще долго, очень долго могла бы продержаться. Въ Артуръ въ этотъ періодъ времени свободно прихо-



Парадъ.

дили изъ Чифу шаланды съ зеленью и мясомъ, принадлежащія купцамъ Исаеву и Циммерману. Но это уже дѣлалось съ разрѣшенія коменданта крѣпости.

Не принимая ровно никакихъ мѣръ для обезпеченія крѣпости продуктами извнѣ, генералъ Стессель продолжалъ писать приказы о довольствіи ввѣренныхъ ему войскъ.

Приказъ № 364.

— „Для обезпеченія войскъ раіона на болѣе продолжительное время продовольствіемъ мясными продуктами, имѣющимися въ запасѣ крѣпостного интенданства и въ виду того, что у окрестнаго населенія почти весь скотъ уже закупленъ, признаю необходимымъ, не уменьшая порціи въ 1/2 ф. мяса въ день на человѣка, назначить два дня въ недѣлю (среда и пятница) довольствіе постной пищей, въ остальные же дни довольствовать мясомъ и солониной, причемъ, такъ какъ щи изъ одной солонины получаются слишкомъ солеными, то рекомендую класть въ

котелъ, мясо и солонину пополамъ, какъ было указано въ приказѣ по раіону за № 359".

Читая эти приказы и сравнивая ихъ съ фактическою дѣятельностью генерала Стесселя, мы положительно не могли понять, для чего все это дѣлается: шутки это, или злой умыселъ?

Сознательная ли это измѣна, или абсолютная глупость и недальновидность?

Позорная сдача Артура раскрыла всѣмъ глаза.

Однажды произошелъ такой инцидентъ.—Приходитъ неожиданно въ Голубиную бухту пароходъ одного частнаго владѣльца-француза съ разными запасами. Владѣлецъ предлагаетъ ихъ купить и обѣщаетъ и впредь доставлять. Стесселя едва уговорили взять привезенные продукты, въ числѣ которыхъ была масса консервированнаго молока, котораго впослѣдствіи не хватало даже для самыхъ трудныхъ больныхъ и раненыхъ. Стессель разрѣшилъ, но впредь запретилъ ему появляться, припугнувъ, что прикажетъ стрѣлять.

Въ главной квартирѣ, въ Чифу, Шанхаѣ всѣ были въ недоумѣніи. А предложеній доставить въ Артуръ все, что угодно, была масса. Были предложенія даже отъ иностранныхъ купцовъ, предлагавшихъ за свой рискъ и страхъ свои услуги, лишь бы имъ было хорошо заплачено, если все необходимое будетъ доставлено въ Артуръ.

Единственно, что я позволю себѣ поставить въ вину генералу Смирнову—это то, почему онъ активно не протестовалъ; почему лично не доносилъ въ Петербургъ и Куропаткину обо всемъ. Почему онъ, какъ комендантъ крѣпости, не просилъ, помимо Стесселя, всего того, въ чемъ ощущался въ крѣпости недостатокъ.—Есть основаніе предположить, что генералъ Смирновъ не имѣлъ права этого дѣлать въ силу того, что онъ этимъ нарушилъ бы порядокъ подчиненія Стесселю, ясно указанный въ высочайшемъ повелѣніи. Этимъ онъ могъ навлечь на себя неудовольствіе, а со стороны Стесселя протестъ, который могъ кончиться тѣмъ, что въ Петербургѣ, не зная истиннаго положенія вещей, могли поставить генерала Смирнова въ еще болѣе суровыя рамки подчиненія Стесселю, что преждевременно погубило бы крѣпость. Очень возможно, что генералъ Смирновъ, зная прекрасно, какую протекцію имѣетъ Стессель въ Петербургѣ, и не рѣшался открыто протестовать.

А что въ Петербургѣ и главной квартирѣ не знали, что творится въ крѣпости и укрѣпленномъ раіонѣ, объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ награды, сыпавшіяся, какъ изъ рога изобилія,

на Стесселя, и масса милостивѣйшихъ телеграммъ Государя и Государыни, адресованныхъ на его же имя. Офицеры, которые возили донесенія Куропаткину, какъ напримѣръ, князь Гантимуровъ (личный адъютантъ Стесселя), капитанъ Одинцовъ, — принадлежали къ сторонникамъ Стесселя,—иначе бы онъ ихъ и не послалъ.—На вопросы главнокомандующаго они разсказывали чудеса про Стесселя, и тамъ волей-неволей этому вѣрили, и слава Стесселя росла.

Я думаю, до сихъ поръ еще мало кто знаетъ, что Стессель, по наговору своего начальника штаба, бывшаго командира 27

Убитый въ саду Пушкинскаго училища.

в. с. стрѣлковаго полка полковника Рейса, удалилъ изъ крѣпости начальника жандармской команды князя Микеладзе съ ввѣренными ему чинами, безъ права показываться въ крѣпость.

Изъ крѣпости удалялись жандармы, которые были въ періодъ осады такъ необходимы. Приказаніе это было дано устно, а затѣмъ подтверждено приказомъ за № 309.

— „Въ виду снятія чиновъ жандармской охраны съ фортовъ для болѣе важныхъ порученій по розыску разныхъ подозрительныхъ и вредныхъ агентовъ, предписываю на каждомъ форту и батареѣ имѣть особаго унтеръ-офицера для надзора за тѣмъ, чтобы кто-либо тайкомъ не проникъ на эти сооруженія. Списки дать въ штабъ крѣпости".

Жандармская команда была выселена за Ляотешань, на бухты.

Прямой здравый смыслъ подсказывалъ, что вредныхъ агентовъ нужно было искать въ крѣпости, а не на бухтахъ, гдѣ сторожевое охраненіе несли стрѣлковыя цѣпи.

Это впослѣдствіи и оправдалось: у дома полицейскаго управленія, въ Новомъ городѣ, была найдена огромная кипа прокламацій на русскомъ языкѣ, подброшенная японскими агентами.

Истиннымъ поводомъ къ выселенію жандармовъ изъ крѣпости была личная непріязнь Рейса къ князю Микеладзе за то, что въ бытность перваго командиромъ полка, уже во время осады, однимъ изъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ были обнаружены злоупотребленія.

Вотъ истинная причина выселенія жандармовъ изъ крѣпости. Какъ это ни кажется сказочнымъ, тѣмъ не менѣе это фактъ.

Частныя свѣдѣнія почти не выходили изъ Артура. Всѣ письма цензировались въ штабѣ Стесселя, и всѣ тѣ, въ которыхъ описывалось истинное положеніе вещей, уничтожались, а авторы ихъ подвергались негласнымъ преслѣдованіямъ. Это такъ напугало всѣхъ, что никто не рѣшался писать что-либо противъ Стесселя. Мнѣ приходилось прочитывать вскрываемыя письма. Въ нихъ авторы ограничивались лишь описаніемъ своего житья-бытья и привѣтствіями. Выходившій въ Артурѣ „Новый Край“ хранилъ, въ силу цензурныхъ условій, доведенныхъ Стесселемъ до крайнихъ предѣловъ, полное молчаніе обо всемъ. Самъ Стессель имѣлъ въ своемъ распоряженіи прапорщика Малченко, владѣвшаго англійскимъ языкомъ, который и писалъ въ англійскія газеты хвалебные гимны Стесселю и его супругѣ. Мы въ ужасъ приходили, когда къ намъ попадали эти газеты, и удивлялись тому, кто распространяетъ эту возмутительную ложь. Лишь потомъ только узнали, кто пишетъ эти статьи. Славу Стесселя и въ Чифу охраняли очень ретиво. Я послалъ черезъ начальника жандармовъ, ротмистра князя Микеладзе, телеграмму на имя своего родственника въ Петербургѣ, въ которой описывается все, что творитъ Стессель, и просилъ довести это до свѣдѣнія Государя. Князь Микеладзе, препровождая эту телеграмму, письмомъ просилъ консула въ Чифу непремѣнно отправить ее. Что-же изъ этого вышло?—Когда я прибылъ въ ноябрѣ на миноносцѣ „Расторопный“ въ Чифу, иду къ консулу и хочу уплатить за телеграмму. Консулъ отвѣчаетъ, что телеграмма не послана. Почему? Вѣдь она безусловно должна была быть отправлена, такъ какъ препровождена начальникомъ жандармовъ. Отвѣтъ: „Я не могъ отправить ее, такъ какъ она дискредитировала имя Стесселя“,— „Позвольте, но вѣдь это частная корреспонденція, даже не въ

газету и при томъ процензурована крѣпостной жандармской властью. Неужели теперь въ Россіи и жандармамъ правительство не вѣритъ"? — Консулъ ничего не могъ сказать въ свое оправданіе.

Вотъ какъ оберегали Стесселя, и удивительно-ли, что въ Россіи не имѣли ни малѣйшаго представленія объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Артурѣ?!

Съ занятіемъ передовыхъ позицій, въ Артурѣ начали формироваться вольныя дружины изъ всѣхъ горожанъ, способныхъ

Дальнинскій госпиталь.

носить оружіе, которые забирались, какъ ратники ополченія, такъ какъ всѣ они не подлежали призыву на дѣйствительную военную службу. Въ число ихъ вошли юноши и старики.

Также были вооружены всѣ портовые рабочіе, которые, послѣ окончанія работъ въ порту, вечеромъ и рано утромъ, до начала работъ, совмѣстно съ остальными дружинами, обучались строю и стрѣльбѣ.

Стессель, случайно попадая на мѣсто, гдѣ производились ученія дружинниковъ, прямо издѣвался надъ ними, когда они нестройно отвѣчали на „здорово, ребята!" называя ихъ баранами,

трусами, постоянно угрожая, что пошлетъ ихъ въ самыя опасныя мѣста, когда начнется осада крѣпости.

Впослѣдствіи, при встрѣчѣ съ ними, онъ не здоровался, а прямо ругалъ площадными словами.

Грубое, скажу больше, оскорбительно-грубое обращеніе съ дружинниками, среди которыхъ была половина интеллигентныхъ людей, тяжело отзывалось на ихъ моральномъ состояніи.

Я никогда не видѣлъ дружинниковъ, идущихъ на ученіе въ бодромъ, веселомъ настроеніи, замѣчалась въ самомъ уже началѣ угнетенность. За проступки противъ дисциплины дружинниковъ безъ суда драли розгами, безъ различія—интеллигентъ, или простолюдинъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что впослѣдствіи, при тѣсной блокадѣ, при ежедневной смертельной опасности, дружинники пассивно, безъ воодушевленія относились къ своимъ обязанностямъ.

Стессель всѣхъ и вся деморализовалъ.

Только генералъ Смирновъ поддерживалъ въ нихъ бодрость духа своимъ всегда дружескимъ, ласковымъ обращеніемъ. Не вноси генералъ Смирновъ въ ихъ среду оздоравливающей струи человѣческаго обращенія, безусловно были бы бунты и массовыя неповиновенія, которые имѣли мѣсто въ одномъ изъ полковъ.

CXI.

На передовыхъ позиціяхъ тѣмъ временемъ все шло по старому. Неумѣло ведущіяся развѣдки не приводили ни къ чему. Стессель положительно ничего не зналъ, что дѣлается у противника. Шли мелкія столкновенія съ передовыми отрядами японцевъ. Единственная умѣлая развѣдка за все время до боя 13 іюня была произведена охотниками 25-го полка, подъ командой поручика Бицоева, [1]) 30-го мая. Развѣдка производилась на правомъ флангѣ. Охотники обнаружили значительныя силы противника и принуждены были вступить съ ними въ неравный бой, въ которомъ былъ убитъ дѣйствительно достойный во всѣхъ отношеніяхъ офицеръ, поручикъ 25-го полка Бицоевъ.

10-го іюня непріятель, сосредоточивъ силы, началъ частичное наступленіе отъ Сяобиндао на крайній правый флангъ по прибрежнымъ горамъ. На наступающихъ направлены были со стороны горы Уайцелазы 2 роты пограничниковъ и со стороны

[1]) Бывшій офицеръ Кабардинскаго полка.

Хуанхе-Чжуана—3 роты. Послѣ недолгаго боя ротамъ удалось удержать старыя позиціи, и японцы отступили.

Непріятель этимъ наступленіемъ произвелъ лишь демонстрацію, желая провѣрить, насколько въ дѣйствительности слабъ правый флангъ. Относительно лѣваго фланга онъ былъ прекрасно освѣдомленъ черезъ лазутчиковъ и шпіоновъ, что тамъ сосредоточены значительныя силы пѣхоты и артиллеріи, а также возводятся довольно сильныя укрѣпленія.

Фоку настойчиво указывалось, что правый флангъ слабъ, что, въ случаѣ сильнаго наступленія, его будутъ не въ силахъ удержать. Фокъ и послѣ боя 10-го іюня не прибавилъ ни одной роты.

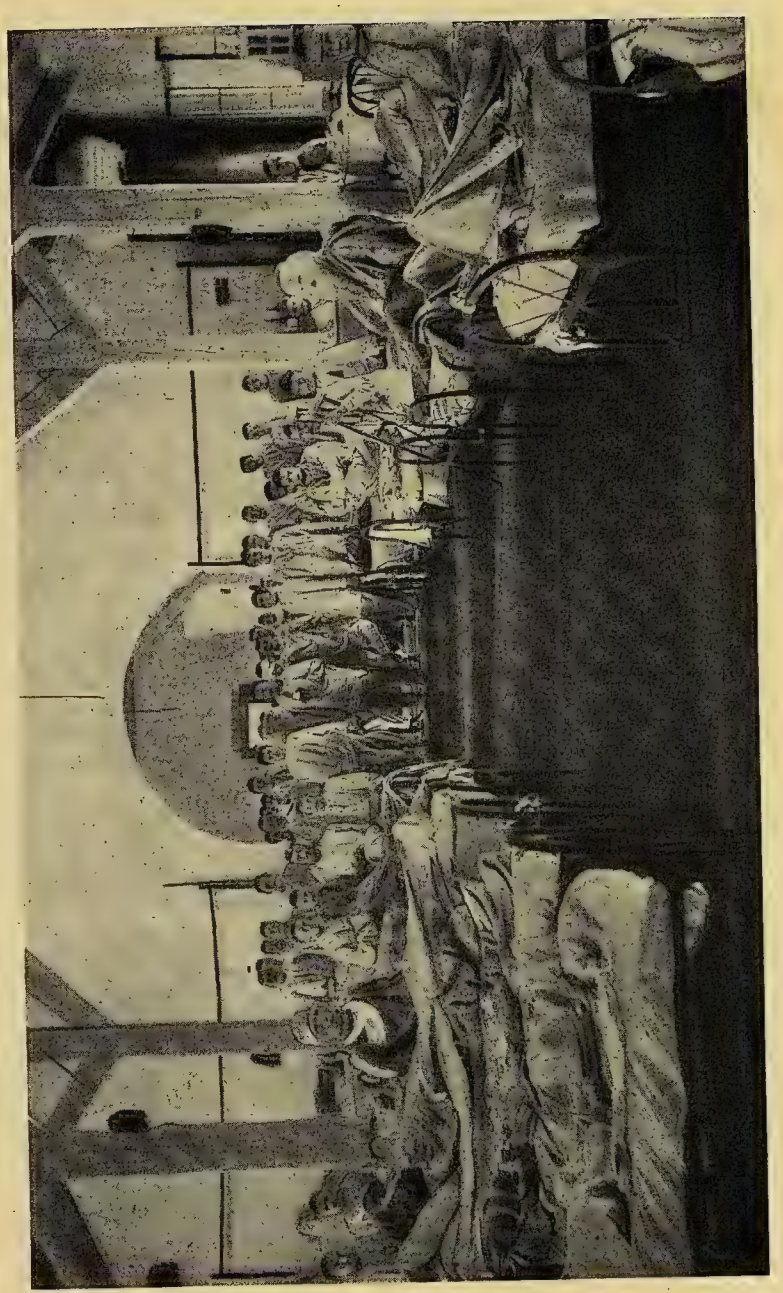
13 іюня, въ 5 часовъ утра, противникъ открылъ довольно сильный артиллерійскій огонь, сосредоточивая его главнымъ образомъ на правомъ флангѣ, и повелъ общее наступленіе по всему фронту. Къ полудню японцы усилили наступленіе на центръ и правый флангъ и вели его вплоть до вечера. 14-го іюня, съ наступленіемъ разсвѣта, противникъ всѣ силы бросилъ на правый флангъ.

Бой шелъ упорный. Противникъ значительно превосходилъ числомъ—пришлось отступать. Благодаря невысланной во время поддержкѣ пришлось оставить Куинъ-Санъ. Этотъ ключъ позиціи, высота, командующая надъ всей линіей нашей позиціи, защищалась лишь одной ротой 14-го полка, подъ командой капитана Лопатина.

Японцы отлично поняли важное стратегическое значеніе Куинъ-Сана и аттаковали его чуть не цѣлымъ полкомъ, развивъ предварительно по немъ сильный огонь, предполагая, что и русскіе, оцѣнивъ его значеніе, будутъ упорно его защищать.

Но Фокъ не понималъ его значенія. Когда роту начали тѣснить японцы, когда бѣшенный артиллерійскій огонь дошелъ до крайняго напряженія, Фокъ поддержки не прислалъ.—Рота начала отступать только тогда, когда, несмотря на нѣсколько посланныхъ ординарцевъ, поддержка не приходила, и рота потеряла болѣе $^3/_4$ своего состава.

Когда же дѣло пришло къ разбору, Фокъ, спасая себя и своего любимца, полковника Савицкаго, бывшаго начальникомъ боевого участка, въ раіонъ котораго входилъ Куинъ-Санъ, представилъ все дѣло Стесселю такъ, что послѣдній отдалъ капитана Лопатина подъ судъ за самовольное и преждевременное очищеніе ввѣренной ему позиціи. Капитанъ Лопатинъ, не дождавшись конфирмаціи Государемъ приговора суда, умеръ отъ разрыва



Дальнинскій госпиталь.

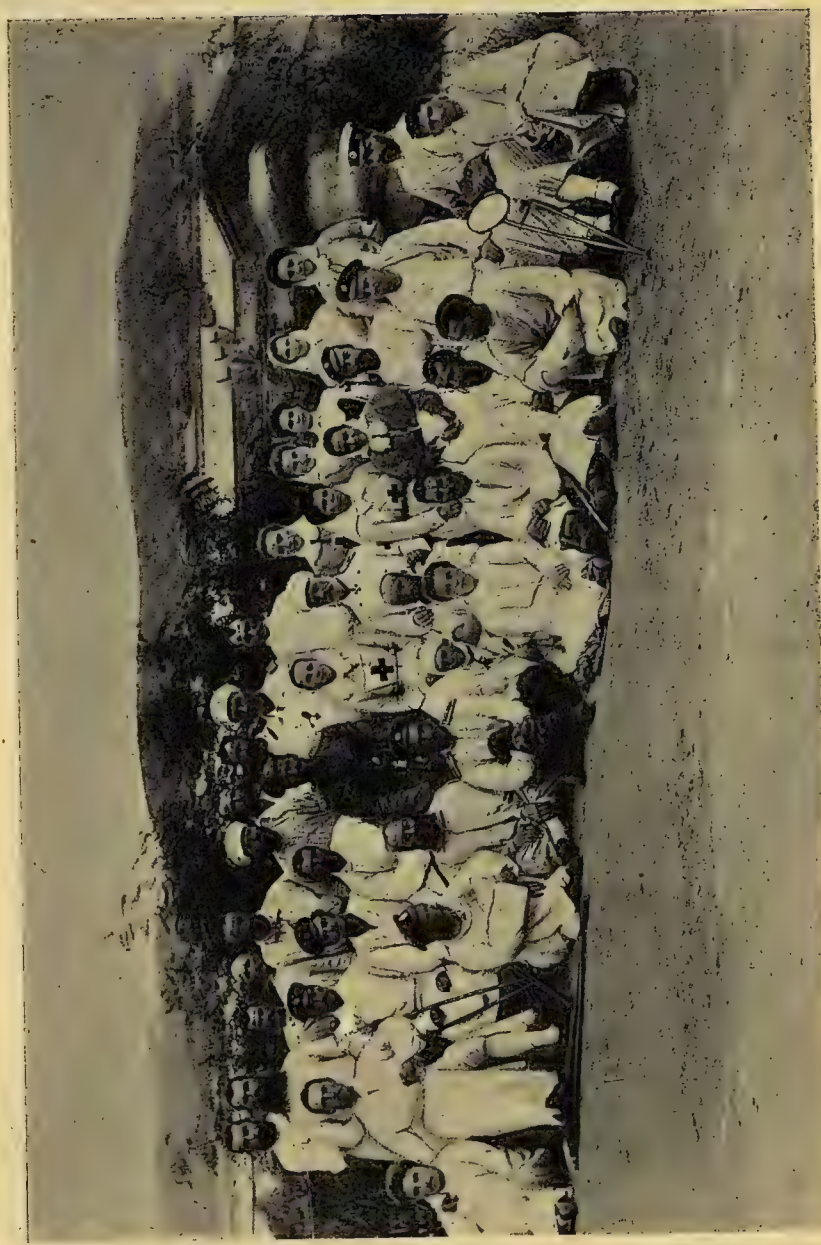
сердца. Судъ приговорилъ его къ лишенію всѣхъ правъ и къ отдачѣ въ арестантскія роты на два года.

Этотъ возмутительный фактъ во всей красѣ долженъ стать достояніемъ печати, а полковникъ Савицкій, дѣйствительный виновникъ потери Куинъ-Сана, долженъ понести должное возмездіе.

Къ вечеру 14-го іюня бой кончился—японцы заняли Куинъ-Санъ и Зеленыя горы. Войска, защищавшія правый флангъ, отступили за Лунвантанскую долину и заняли слѣдующія высоты. Со взятіемъ Зеленыхъ горъ и Куинъ-Сана положеніе стало критическимъ. Противникъ, владѣя Куинъ-Саномъ, могъ возобновить наступленіе и отбросить насъ назадъ. Нужно было перейти въ наступленіе и отобрать Зеленыя горы и Куинъ-Санъ во что бы то ни стало. Штабъ раіона разрабатывалъ планъ въ строжайшемъ секретѣ.

18 іюня иду я по улицѣ—встрѣчаю молоденькаго офицера.—„Хотите, поѣдемъ на Зеленыя горы? Сегодня назначена ночью атака Куинъ-Сана. Только это большой секретъ".—Я отклонилъ предложеніе, рѣшивъ ѣхать одинъ, такъ какъ ужъ зналъ ранѣе, что назначена атака. Захожу въ магазинъ, тамъ тоже разговоръ о предстоящемъ ночномъ дѣлѣ. Тутъ же китайцы слушаютъ. Что за ерунда? Иду въ штабъ раіона и говорю старшему адъютанту, что о секретно готовящемся дѣлѣ знаетъ чуть ли не весь городъ, а слѣдовательно и японцы.—„Да, да. Фокъ разболталъ раньше времени, сейчасъ по телефону сдѣлано распоряженіе объ отмѣнѣ ночной атаки. Да она все равно не удалась бы. Фокъ принципіально съ ней не согласенъ, а разъ онъ заупрямился, то, чтобы поставить на своемъ, нарочно все испортитъ, чтобы доказать, что онъ былъ правъ. Атака перенесена на другой день, и мы посылаемъ туда генерала Кондратенко. Онъ будетъ командовать правымъ флангомъ. Фокъ будетъ только номинально старшимъ".

20 іюня, раннимъ утромъ, къ Сяоб'индао подошелъ отрядъ нашихъ миноносцевъ и канонерскихъ лодокъ и открылъ огонь по Зеленымъ горамъ; совмѣстно съ ними начали наступленіе войска праваго фланга на Зеленыя горы. Генералъ Кондратенко руководилъ боемъ. Миноносцы и канонерскія лодки приносили своимъ огнемъ мало фактическаго вреда (больше напугали японцевъ, не ожидавшихъ такой смѣлости), вслѣдствіе того, что прежде никогда не производилось обстрѣливанія позицій, а потому не было опытныхъ сигнальщиковъ, корректировавшихъ стрѣльбу, безъ которыхъ стрѣльба судовъ по гористой мѣстности немыслима. Весь день шелъ бой; главнымъ образомъ мы стре-



Госпиталь Краснаго Креста.

мились занять Куинъ-Санъ. На слѣдующій день, 21-го іюня, бой возобновился. Зеленыя горы удалось взять обратно, но атака Куинъ-Сана, ведомая большими силами, не удалась.—13-й полкъ занялъ его на $^2/_3$, но дальше двинуться не могъ. Японцы сильно его укрѣпили, поставивъ массу пулеметовъ. Всякая попытка нашихъ цѣпей броситься дальше въ атаку парализовалась, въ буквальномъ смыслѣ слова. Двѣ наши батареи не могли ничего сдѣлать.

Ночью 22 іюня пришлось отступить и отказаться отъ дальнѣйшей попытки взять Куинъ-Санъ, такъ какъ только одна его атака стоила чуть-ли не 500 человѣкъ. Зеленыя горы были опять наши, но ключъ позиціи остался въ рукахъ японцевъ, откуда они могли наблюдать за всѣмъ, что дѣлалось въ нашемъ расположеніи, тыловыхъ дорогахъ, и съ высшей его точки, какъ и съ Сампсона (Киньчжоуская позиція, бой 13 мая), вести восхитительнѣйшую корректировку артиллерійскаго огня и управлять боемъ.

Рано утромъ 23 іюня я пріѣхалъ послѣ занятія Зеленыхъ горъ въ деревню Хоудзятунь, гдѣ находился временно штабъ Фока.

Спрашиваю:—„ну что, ваше превосходительство, дѣла наши, слава Богу, поправляются. Зеленыя горы отобрали, теперь очередь за Куинъ-Саномъ“.

— „Нѣтъ, я ничего не знаю. Я теперь больше зритель. Я свои войска отвожу назадъ, на лѣвый флангъ: они тамъ нужнѣй. А здѣсь на правомъ флангѣ распоряжаются умницы. Теперь правымъ флангомъ командуетъ генералъ Кондратенко. Онъ покажетъ вамъ чудеса, поѣзжайте къ нему“.

24 іюня наступило полное затишье. Японцы начали работы и въ теченіе 3-хъ недѣль на временами довольно сильно развиваемый огонь не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ, даже тогда, когда подходили суда для обстрѣливанія ихъ позицій.

Съ занятіемъ вновь Зеленыхъ горъ, генералъ Смирновъ настоялъ на возможно сильномъ ихъ укрѣпленіи,—далъ массу матеріала и прислалъ для руководства работами лучшаго, энергичнѣйшаго своего инженера, подполковника Рашевскаго. Работы закипѣли, быстро подвигаясь впередъ.

25 іюня, въ полночь, въ проливной дождь, японцы повели внезапно наступленіе на центръ нашихъ позицій у дефиле, но были во время замѣчены и отбиты.

30 іюня мортирный взводъ подъ командой поручика Дударова въ теченіе нѣсколькихъ часовъ бомбардировалъ располо-

женіе противника,—непріятель какъ бы замеръ и не отвѣтилъ ни единымъ выстрѣломъ.

1 іюля, въ 10 часовъ утра, на Зеленыя горы прибылъ комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Смирновъ, гдѣ, съ высшей точки нашего расположенія произведя подробную рекогносцировку всего расположенія противника, приказалъ открыть изъ всѣхъ нашихъ батарей быстрый огонь, обстрѣливая по площадямъ всѣ позиціи противника.

Перепелиная гора.

Батареи, развивъ быстрый огонь, поддерживали его въ теченіе 2-хъ часовъ.—Къ этому времени подошелъ отрядъ канонерскихъ лодокъ и миноносцевъ и сталъ обстрѣливать позиціи во флангъ. Но огонь лодокъ пришлось скоро прекратить, такъ какъ, за отсутствіемъ хорошей сигнализаціи, снаряды попадали въ окопы нашего сторожевого охраненія или давали большіе перелеты. Несмотря на сильнѣйшій огонь, противникъ опять не отвѣтилъ ни единымъ выстрѣломъ, только прекратилъ работы по возведенію батарей.

Съ 25 іюня полное затишье: противникъ вплоть до 13 іюля только два раза ночью переходилъ въ наступленіе въ незначительныхъ силахъ.

Наши развѣдчики какъ на лѣвомъ, такъ и на правомъ флангѣ слабо проявляли свою дѣятельность, донося лишь, что противникъ сосредоточивается и строитъ батареи.

CXII.

Выходъ эскадры 10 іюня.

Посѣщая портъ вообще, а въ началѣ іюня особенно часто, лично осматривая работы по приведенію въ боевую готовность подорванныхъ судовъ, я съ облегченіемъ видѣлъ, что онѣ приближаются къ концу. Инженеры гг. Свирскій и Кутейниковъ съ судовыми инженеръ-механиками напрягали послѣднія усилія. Работа кипѣла. Красавица „Паллада“ въ сухомъ докѣ готовилась къ выходу. Броненосцы „Цесаревичъ“ и „Ретвизанъ“, эта гордость Тихо-океанской эскадры, готовы были сбросить свои повязки съ залѣченныхъ ранъ.

Попадая въ портъ, въ этотъ особенный, бьющій своею жизнью мірокъ, среди грохота и шума молотовъ—я невольно заражался этимъ шумнымъ, дѣловымъ оживленіемъ.

Настроеніе у всѣхъ было приподнятое. Еще бы! Эскадра въ полномъ составѣ должна скоро показаться въ морѣ и вступить въ жестокую борьбу за обладаніе имъ.

Вѣдь у насъ чуть не подъ самымъ носомъ проходили въ Дальній слабо конвоируемые непріятельскіе транспорты, питавшіе японскую армію.

Гарнизонъ и населеніе, такъ долго ожидавшіе окончанія починки судовъ, благодаря своей неосвѣдомленности о томъ, какихъ не человѣческихъ усилій стоила эта гигантская работа, потерявшіе было надежду на ея осуществленіе, теперь только повѣрили въ скорый выходъ эскадры.

А сколько возмутительной клеветы, сплетень, наглой лжи распускалось изъ среды „Стесселевской стаи“ по поводу невыхода эскадры.

Приближалось 10 іюня. У адмирала Витгефта происходили частыя и серьезныя совѣщанія. Эскадра была въ полной боевой готовности.

Совѣтъ, въ составъ котораго вошли флагманы и командиры судовъ, раздѣлился на двѣ партіи: одна за выходъ эскадры, другая противъ него.

Подробно, что говорилось тамъ, какіе составлялись протоколы засѣданій—мы не знаемъ, но мы отлично были освѣдомлены,

что на собраніи многими очень опредѣленно, чуть ли не съ очевидной ясностью, доказывалось, что открытый, эскадренный бой съ противникомъ, хотя бы съ слабой надеждой на успѣхъ, немыслимъ.

5 іюня на собраніи флагмановъ и командировъ была сообщена телеграмма Намѣстника, въ которой было категорически предложено эскадрѣ выйти для борьбы съ японскимъ флотомъ, выбравъ для этого наиболѣе благопріятныя условія въ отношеніи погоды, непріятеля, и обсудивъ всѣ возможныя случайности, какъ во время похода, такъ и во время боя.

Адмиралъ Витгефтъ высказалъ, между прочимъ, категорическое мнѣніе о большей боепродуктивности атаки противника въ строѣ фронта, въ предположеніи воспользоваться выпускомъ минъ изъ носовыхъ аппаратовъ.

Всѣ были противъ этого маневра, подтверждая свой протестъ тѣмъ, что мины изъ носовыхъ аппаратовъ не легко выходятъ изъ трубъ при сильномъ волненіи.

Несмотря на противодѣйствіе всѣхъ командировъ, адмиралъ Витгефтъ остался при своемъ мнѣніи.

Нужно замѣтить, что одной изъ самыхъ отрицательныхъ сторонъ служебныхъ принциповъ покойнаго адмирала, погибшаго смертью героя, была его удивительная настойчивость въ проведеніи въ жизнь тѣхъ или иныхъ тенденцій, которыя имъ считались цѣлесообразными, но безусловно отвергались признанными авторитетами.

Выходъ эскадры былъ назначенъ на 9 іюня съ разсвѣтомъ, при полной водѣ, при выходѣ предписано было становиться на якорь въ пространствѣ между т. н. „Саперным загражденіемъ“ и затопленнымъ „Хайларомъ“, для чего каждому кораблю поставить свою вѣшку и обязательно протралить своими средствами мѣсто стоянки.

9-го эскадра не вышла въ виду неготовности „Побѣды“ и болѣзни ея командира капитана 1 р. Зацареннаго.

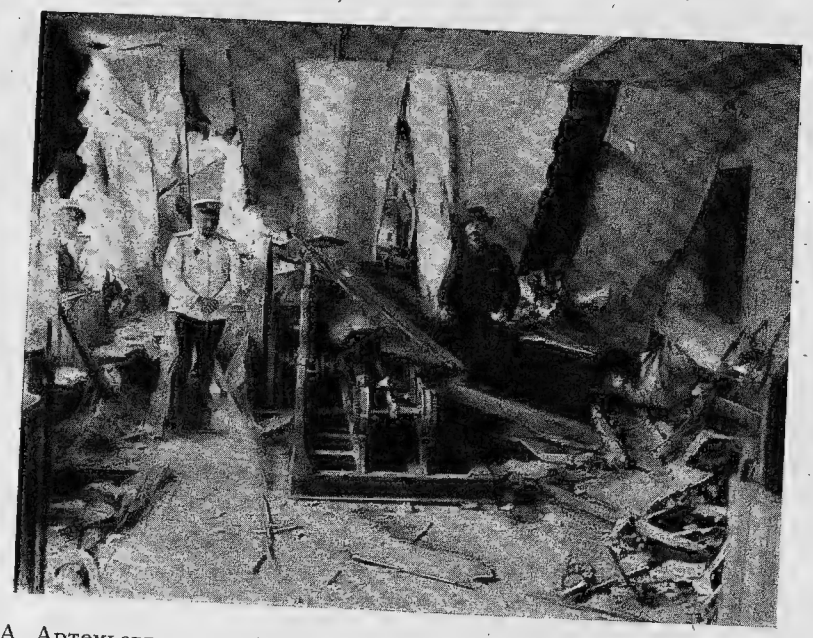
Вмѣсто Зацареннаго былъ назначенъ съ „Паллады“ г. Сарнавскій, а на „Палладу“ Ивановъ съ „Амура“ (Самъ командиръ „Побѣды“, капитанъ 1 р. Зацаренный, остался на борту и ходилъ въ походъ). Внезапная передъ выходомъ болѣзнь Зацареннаго стала обильной пищей для птенцовъ лихой Стесселевской стаи, но дальше злословій не пошло. Зацаренный больнымъ ушелъ въ походъ.

9-го іюня, около полудня, мнѣ въ редакціи сообщили, подъ большимъ секретомъ, что завтра на зарѣ эскадра уходитъ.

Городъ, гарнизонъ, экипажи судовъ ничего не подозрѣвали о готовящемся событіи, кромѣ начальствующихъ лицъ и тѣснаго редакціоннаго кружка.

Редакторъ „Новаго Края", полковникъ Петръ Александровичъ Артемьевъ, предложилъ мнѣ провести у него вечеръ и ночь, чтобы на разсвѣтѣ наблюдать за выходомъ эскадры.

Я охотно принялъ это любезное приглашеніе, тѣмъ болѣе, что изъ садика полковника Артемьева открывался чудный видъ на проходъ, Западный и Восточный бассейны внутренней гавани,



П. А. Артемьевъ въ разбитой снарядомъ типографіи газ. „Новый Край".

а перспектива провести время въ обществѣ самого хозяина и его ближайшаго помощника по редакціи, Николая Николаевича Веревкина, окончательно заставила меня отложить предположенный въ этотъ вечеръ отъѣздъ на передовыя позиціи.

Итакъ, послѣ долгихъ и горячихъ преній вопросъ о выходѣ эскадры былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

День былъ окончательно назначенъ, и это нужно было держать въ строжайшемъ секретѣ, т. к. среди китайцевъ, очевидно, было много шпіоновъ, которые были на сторожѣ и доносили обо всемъ, что творилось въ порту, крѣпости, а въ особенности на эскадрѣ.

Но, къ сожалѣнію, фактическаго надзора надъ ними не было. Не было потому, что генералъ Стессель, по интригамъ одного

изъ своихъ вдохновителей, начальника штаба полковника Рейса, еще 29 мая выслалъ прекрасно организованную ротмистромъ княземъ Микеладзе жандармскую команду, прекрасно выслѣживавшую шпіоновъ, для несенія строевой сторожевой службы на бухтахъ Квантунскаго полуострова, прилегавшихъ къ Артуру.

Объѣхавъ, по своему обыкновенію, часть боевой линіи Артура, я часамъ къ 10 вечера былъ уже у воротъ дома полковника Артемьева.

Передавъ коня своему вѣстовому Николаю Худобину съ просьбой подать его къ утру—поспѣшилъ я въ общество П. А. Артемьева и Веревкина, въ которомъ такъ любилъ проводить свободное отъ разъѣздовъ время.

Несмотря на то, что рѣдкая бесѣда обходилась безъ горячихъ споровъ, въ которыхъ мнѣ, какъ младшему годами, всегда сильно доставалось, я все-таки отдыхалъ душой въ ихъ обществѣ и уходилъ отъ нихъ съ обновленнымъ запасомъ душевныхъ силъ.

Миссія военнаго корреспондента, при желаніи честно и добросовѣстно относиться къ своимъ обязанностямъ—очень тяжела. Въ отдѣльной книгѣ, подъ заглавіемъ: „Терніи военнаго корреспондента“, я подѣлюсь съ вами, читатель, тѣмъ, что пришлось пережить и перечувствовать, прежде чѣмъ получить нравственное право и завоевать возможность представить на вашъ судъ настоящую книгу.

Ночь уже давно наступила, ночь темная, звѣздами горящая, когда мы перешли въ бесѣдку.

— „Какой покой кругомъ, какой просторъ впереди на глади дремлющаго океана! съ легкой восторженностью сказалъ Артемьевъ усаживаясь въ кресло:— итакъ, господа, мы будемъ ждать здѣсь историческаго утра.

— „Нн-да-съ, Петръ Александровичъ, будемъ ждать. Только у насъ что ни утро—все историческое. Хе, хе, хе... Вотъ эскадра уйдетъ, съ чѣмъ мы останемся? Говорятъ, на батареяхъ большой недохватъ въ орудіяхъ крупнаго и противоштурмоваго калибра. Нѣкоторыя орудія, взятыя на сухопутье, эскадра отобрала назадъ. Хорошо, если эскадра овладѣетъ моремъ. Надежды что-то только мало.

— „Ну, вы, Николай Николаевичъ, очень мрачно смотрите на будущее. Неужели же все вотъ такъ намъ и не будетъ везти? Побольше энергіи и увѣренности въ себѣ. Нѣтъ, я вѣрю и надѣюсь, что все будетъ хорошо.

— „Я только смотрю на вещи такъ, какъ онѣ есть. Опытъ минувшихъ шести мѣсяцевъ многое показалъ. Онъ показалъ полную неподготовленность флота къ активной дѣятельности.

— „Неужели вы считаете, что флотъ нашъ окончательно неспособенъ побѣдить и побѣждать?

— „Нѣтъ, нѣтъ, я далекъ отъ этого. Я позволяю себѣ указать лишь на неподготовленность флота. Побѣдить и побѣждать нашъ флотъ безусловно можетъ, но главнаго у него не хватаетъ—подготовки, а та инертность, которая царитъ во всемъ его обиходѣ, ѣстъ его, какъ ржа, и ведетъ къ гибели.

— „Конечно, его нельзя считать блестяще подготовленнымъ. Но согласитесь, что русскій человѣкъ, благодаря своимъ удивительнымъ способностямъ, безумной храбрости и самоотверженію, способенъ на чудеса.

— „Со всѣмъ этимъ я совершенно согласенъ. Въ минуты жестокихъ испытаній сыны Россіи успѣли доказать многое. Но теперь наступили другія времена, другія условія борьбы. Одной храбрости мало: нужно знаніе и боевая подготовка.

— „Но нельзя же считать нашъ флотъ лишеннымъ просвѣщенныхъ офицеровъ. Среди нихъ есть масса образованныхъ и хорошо подготовленныхъ людей.

— „Конечно и безусловно—да. Но все это благодаря рутинѣ не помѣшало тому, что флотъ нашъ не представляетъ вполнѣ исправной, хорошо вывѣренной машины. А такимъ онъ долженъ быть для того, чтобы побѣждать, или хоть не быть побѣжденнымъ. Кромѣ того, волей-неволей приходится мрачно смотрѣть на будущее уже потому, что у насъ нѣтъ флотоводца. Общій голосъ всѣхъ моряковъ противъ адмирала Витгефта, какъ начальника боевой эскадры. Его считаютъ безусловно неспособнымъ къ простому кораблевожденію, гдѣ же ему справиться съ боевой эскадрой? Вѣдь, говорятъ, онъ всю жизнь провелъ на берегу“...

Бесѣда на эту тему долго мѣшала намъ любоваться красотами артурской ночи. А ночи въ Артурѣ бывали дивно хороши. Какая-то особенная нѣжность ночной прохлады, несмотря на близость моря, иногда кристаллически чистый воздухъ, полный покой—все это замѣчательно бодряще и цѣлительно дѣйствовало на организмъ и душевное настроеніе.

А настроеніе наше подчасъ, а то и днями, еще задолго до тѣсной блокады, было не изъ завидныхъ.

Въ концѣ концовъ эта, какъ и всякая наша бесѣда, окончилась разговоромъ на злобу дня: о Стесселѣ, объ этомъ кошмарномъ чудищѣ, изводящемъ все и вся.

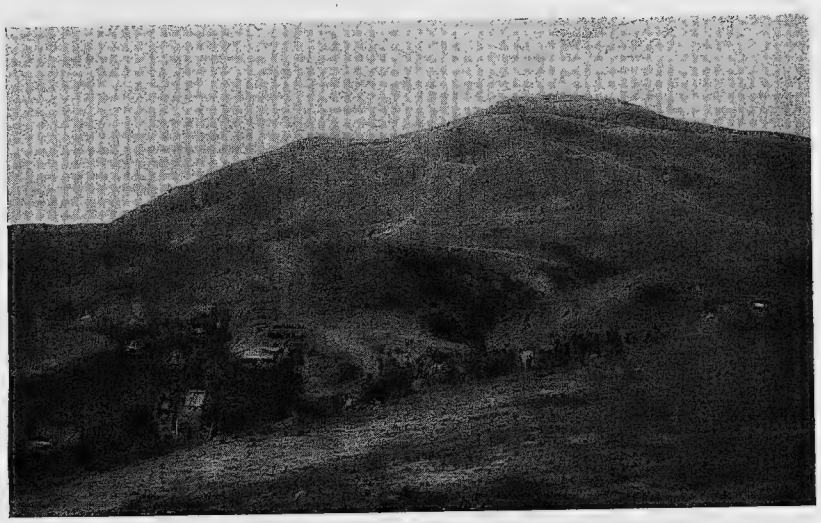
— Вы слышали, что Стессель вчера или на дняхъ изрекъ своимъ приближеннымъ по адресу нашей эскадры? спросилъ я.

— Нѣтъ! Но навѣрное опять какую-нибудь гнусность.

— Не знаю, гнусность это, или глупость, но во всякомъ случаѣ ему пора бы вести себя по отношенію къ флоту корректнѣе.

— А что такое?

Да не угодно ли? Возмущаясь тѣмъ, что эскадра не выходитъ, онъ чуть не съ пѣной у рта ругаетъ всѣхъ моряковъ отъ старшаго до младшаго. Когда же ему замѣтили (нашелся же такой храбрый), что суда еще не окончены починкой, что уста-



Стянутый резервъ и патронныя двуколки.

навливается снятая съ нихъ артиллерія—Стессель съ свойственнымъ ему цинизмомъ отвѣтилъ: — Все это вранье! Они нарочно затягиваютъ работы, чтобы подольше посидѣть въ гавани, въ безопасномъ мѣстѣ. Если они еще долго будутъ такъ копаться, прикажу повернуть на нихъ орудія и огнемъ выгоню въ море. Довольно мы уже ждали!

— И вы удивляетесь? сказалъ Артемьевъ и задумался... Знаете, что я вамъ скажу: какъ алкоголикъ быстро опьяняется виномъ, такъ и слабый, неразумный и честолюбивый человѣкъ, неожиданно почувствовавшій силу и обаяніе огромной власти, тоже очень скоро опьяняется ею. Какъ первый, такъ и второй ненормальные субъекты, а слѣдовательно несуразны ихъ дѣла и рѣчи...

— Однако, стало довольно свѣжо. Смотрите, словно бѣлое облако подымается съ моря.

Ночь была на исходѣ. Ранній, утренній, самый сладкій, самый укрѣпляющій сонъ сковалъ Артуръ. Гавань, съ ея зеркальной поверхностью, громады судовъ, Тигровый полуостровъ, Золотая гора—все, все мертвенно безмолвствовало, погружаясь въ предразсвѣтную мглу.

Невольно каждый изъ насъ поддался гипнозу этого торжествующаго покоя земли, людей, небесъ и океана.

Всѣ словно застыли и, точно медіумы, пристально глядѣли впередъ.

Вдругъ что-то сверкнуло. Еще, еще. Это въ сторонѣ „Цесаревича". Да, надъ нимъ трепетно замерцали фосфорическимъ свѣтомъ огоньки по гротъ-мачтѣ. Вонъ и на „Аскольдѣ". Тамъ на „Баянѣ". Дальше на „Побѣдѣ", „Полтавѣ". На всѣхъ судахъ засверкали огоньки.

На мачтѣ „Цесаревича" явственно опредѣлились нѣсколько лампочекъ. Потухнутъ—вспыхнутъ. Всѣ суда отвѣчаютъ тѣмъ же.

Рѣзко засвистали боцманскія дудки, оскорбительно нарушивъ дѣвственный покой занимавшагося утра.

Три часа.

„Командѣ вставать!"—былъ поднятъ сигналъ. Эскадра мигомъ ожила. Люди, проснувшись, наполнили вокругъ себя все шумомъ. Словно они начали готовиться къ чему-то дѣльному, серьезному и нужному.

Черезъ нѣсколько минутъ на всѣхъ судахъ полились стройные звуки утреннихъ молитвъ. На „Цесаревичѣ" оркестръ игралъ „Коль славенъ", 10,000 людей молились.

Случайные ранніе прохожіе съ любопытствомъ и недоумѣніемъ смотрѣли на необычайное оживленіе на эскадрѣ въ столь ранній часъ.

Почти два мѣсяца эскадра не проявляла признаковъ жизни.

Ровно въ 4 ч. 21 минуту „Новикъ" легко и быстро вышелъ на внѣшній рейдъ. За нимъ постепенно стали вытягиваться другія суда эскадры.

Черезъ каждыя $1^1/_2$ минуты, съ точностью часового механизма, обгоняя медленно подвигавшіеся къ проходу броненосцы и крейсера, безшумно, большимъ ходомъ проскальзывали на рейдъ миноносцы.

Въ 5 ч. 25 минутъ тронулся „Цесаревичъ". Медленно, осторожно, едва замѣтно подвигался онъ, постепенно обнаруживая изъ-за угла Адмиральской пристани свой мощный, изящный

корпусъ. Флагъ командующаго флотомъ едва рѣялъ надъ нимъ.

Минутъ черезъ пять, пробравшись черезъ узкій и извилистый форватеръ прохода, онъ отдалъ якорь на внѣшнемъ рейдѣ, залитомъ уже ослѣпительнымъ свѣтомъ взошедшаго солнца.

День обѣщалъ быть яснымъ и на рѣдкость жаркимъ.

Въ 7½ легко и быстро вышелъ герой—красавецъ „Баянъ".

За нимъ послѣдней двинулась „Паллада" и застряла въ проходѣ. Со всѣхъ сторонъ къ ней на помощь спѣшили катера, шелъ увѣренный въ своей силѣ портовый баркасъ „Силачъ".— Оказалось, что на „Палладѣ" былъ поврежденъ электрическій приводъ руля, который она и исправила своими средствами.

На эскадрѣ, уходившей въ бой, не доставало слѣдующихъ орудій:

1—12 дюймовой, 26—6 дюймовыхъ и 30—75 мм.

При этомъ на „Діанѣ", „Палладѣ", „Побѣдѣ" и „Цесаревичѣ" были назначены новые командиры, ни разу не выходившіе въ море въ качествѣ ихъ командировъ.

— Господа, теперь здѣсь намъ дѣлать нечего, ѣдемъ на Золотую гору, отсюда намъ эскадры не видать. Коляска уже подана—торопилъ насъ Артемьевъ.

Я, воспользовавшись возможностью послѣ безсонной ночи прокатиться въ удобномъ экипажѣ, отправилъ свою лошадь домой.

Черезъ четверть часа мы, миновавъ Прѣсное озеро, подымались на Золотую гору по прекрасной военной дорогѣ.

Внизу, у подошвы горы, во вновь строющемся докѣ, жизнь кипѣла, била ключемъ. Только въ порту было тихо: его дѣятельность съ уходомъ эскадры замерла.

Новый, сухой докъ строился подъ Золотой горой и долженъ былъ сообщаться съ Западнымъ бассейномъ.

Сотни рабочихъ-китайцевъ вывозили на тачкахъ и вагонеткахъ горную породу, разрыхляемую безпрестанными взрывами.

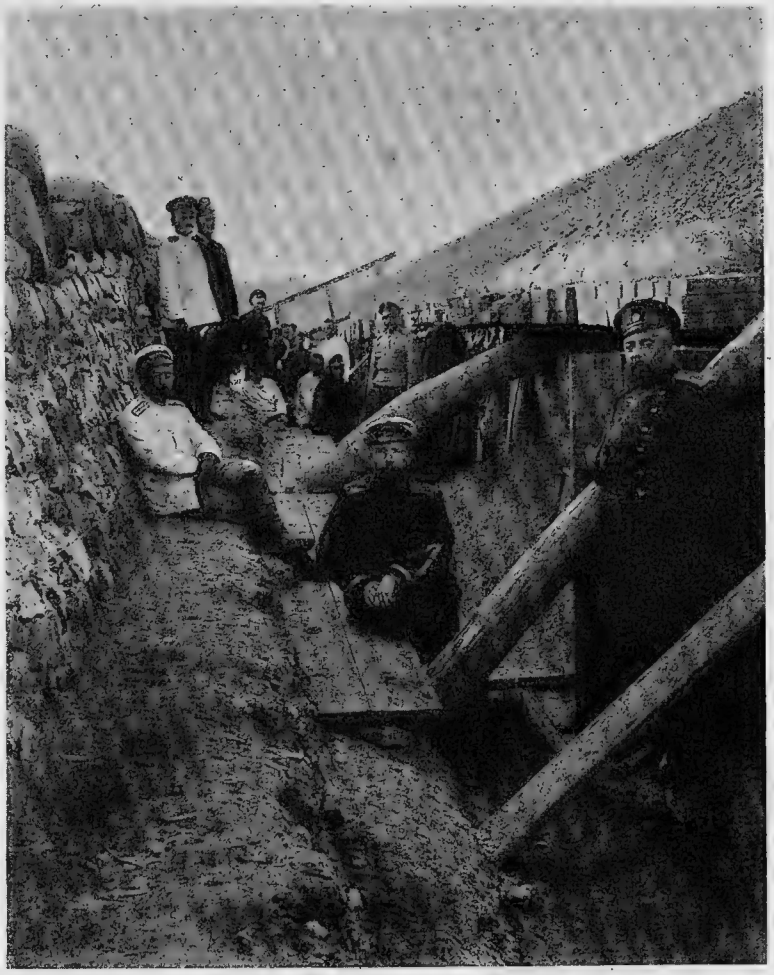
Наконецъ добрались до вершины. Артемьевъ отправился на батарею, а мы съ Веревкинымъ остались на гребнѣ крутого ската въ сторону моря.

Вся эскадра была, какъ на ладони.

Шло энергичное траленье прохода по тому направленію, на которое возьметъ курсъ эскадра.

Нѣсколько минъ взорвались подъ траломъ очень близко отъ стоявшихъ на якорѣ судовъ. Около „Цесаревича" было найдено 7 минъ.

Несмотря на самое энергичное, какъ я уже разъ говорилъ, траленье рейда—послѣдній всегда былъ въ большей или меньшей степени насыщенъ ими. Еще вчера вечеромъ для охраны рейда были высланы крейсера „Всадникъ“ и „Гайдамакъ“ и 7 миноносцевъ.



Внутренній видъ укрѣпленія на восточномъ фронтѣ.

Около 9 1/2 вечера подходили непріятельскіе миноносцы, но были отогнаны.

Во время перестрѣлки былъ раненъ капитанъ II ранга Елисѣевъ. Каждый корабль, находясь на внѣшнемъ рейдѣ, рисковалъ ежесекундно быть подорваннымъ и подвергнуться участи „Петропавловска“ и „Хатцузе“. Это ли не испытаніе, это ли не

игра въ четъ и нечетъ!? Каждый офицеръ, каждый отдѣльный матросъ, выходя въ море, не видя еще непріятеля, металъ жизненный банкъ.

И ничего. Жизнь текла на судахъ обыденнымъ путемъ. Эта огромная, сильная духомъ и волей масса людей, вѣрная принятымъ на себя обязанностямъ, жила своей особенной жизнью, жизнью непонятной для тѣхъ, кто не испыталъ, что значитъ итти по минамъ.

Почему я такъ горячо говорю объ этой опасности, объ этихъ испытаніяхъ, которыя выпали на долю артурскихъ моряковъ? Потому, что забыты ихъ заслуги передъ Россіей. Россія въ вихрѣ освободительнаго движенія забыла, что въ далекомъ Артурѣ въ теченіе 11 мѣсяцевъ ея вѣрные сыны стремились спасти меркнувшее величіе родины. И не они, конечно, эти рядовые бойцы, умиравшіе такъ же безропотно, какъ безропотно появлялись они на свѣтъ Божій, виноваты въ томъ, что Артуръ позорно сданъ Стесселемъ, а кампанія проиграна.

Россія забыла, что въ основаніе возраждающейся Россіи первыми легли артурскіе воины. А краеугольными камнями зданія обновляющейся Россіи стали два большихъ человѣка—Макаровъ и Кондратенко.

Мы долго сидѣли съ Николаемъ Николаевичемъ Веревкинымъ на скатѣ горы, любуясь въ сіяніи лучезарнаго дня на величественную картину стоявшей на рейдѣ нашей эскадры, на которую возлагалось столько страстныхъ надеждъ.

Чѣмъ все это кончится? Неужели счастье намъ не улыбнется? Я всѣми силами старался вѣрить въ лучшее будущее. Но какое-то жуткое чувство росло, предчувствіе чего-то злого всегда угнетало не одного меня. Сердцемъ вѣрилось доброму, а разумъ, холодный и безстрастный, твердилъ, что счастье счастьемъ, но нужно во всеоружіи встрѣтить и несчастіе.

А всеоружія этого-то и не было.

Посѣщая часто суда эскадры я бесѣдовалъ съ ея офицерами изъ сознательнаго и серьезнаго большинства. Горькая правда, высказанная старшимъ артиллерійскимъ офицеромъ на „Баянѣ“, Викторомъ Карловичемъ Де-Ливронъ о состояніи нашего флота, мнѣ врѣзалась въ память, и теперь, когда вся эскадра готова была двинуться въ боевой путь, я, глядя на стройный „Баянъ“, вспомнилъ нашу послѣднюю съ нимъ бесѣду: — Пока нашъ флотъ будетъ флотомъ для парадовъ и мирныхъ политическихъ демонстрацій, пока адмиралы въ мирное время не будутъ служить и дѣйствительно работать, занимаясь дѣломъ, а не писаніемъ при-

казовъ, пока офицеровъ будутъ выдвигать не ихъ способности и реальныя служебныя заслуги, а ma tent'ы, пока офицеры не будутъ знать своихъ кораблей, какъ свои пять пальцевъ, пока весь командный составъ не полюбитъ моря, своихъ подчиненныхъ людей, пока высшее морское управленіе не перестанетъ экономить въ томъ, что для флота жизненный элексиръ (дорого стоющая боевая стрѣльба и постоянные походы), пока не упразднятъ маститыхъ и согбенныхъ старцевъ, сухопутныхъ адмираловъ, отъ управленія флотомъ, техника котораго бѣшенно прогрессируетъ по всѣмъ отраслямъ, пока морской корпусъ не будетъ выпускать людей, которые любятъ море и его службу—до тѣхъ поръ мы и старшіе начальники, начиная съ командировъ судовъ, не въ состояніи ничего сдѣлать, и флотъ нашъ будетъ катиться по наклонной плоскости. Я вамъ это говорю изъ личнаго горькаго опыта. Мы совершенно не подготовлены. Мы сдѣлаемъ все, что отъ насъ зависитъ — призовемъ и призываемъ весь запасъ умственныхъ и душевныхъ силъ, мы готовы погибнуть и погибнемъ въ неравной борьбѣ.

Вотъ о чемъ думалось, глядя на эскадру и далекій горизонтъ, на которомъ группами держались блокирующія суда. Сегодня ихъ было больше обыкновеннаго. Конечно, Того уже зналъ, что флотъ вышелъ и готовится къ походу.

Прекрасно организованное японцами развѣдочное бюро, которому такъ сердечно покровительствовалъ генералъ Стессель (высылка жандармовъ), свое дѣло сдѣлало. Эскадра не успѣла еще выйти, какъ нашъ лютый врагъ, адмиралъ Того, уже все зналъ.

Сидѣли мы съ Н. Н. Веревкинымъ и возмущались, посылая проклятія Стесселю, который въ это время, тоже съ батареи Золотой горы, окруженный не блестящей, но многочисленной свитой, наблюдалъ за выходомъ эскадры.

Долго просидѣть намъ здѣсь не удалось. Смотримъ, спускается солдатъ-артиллеристъ съ винтовкой, идетъ прямо къ намъ со словами:

— Убирайтесь! Генералъ Стесселевъ приказалъ стрѣлять, если не пойдете. Ну, живо—шевелись, онъ смотритъ. Не пойдете—прикладомъ угощу!

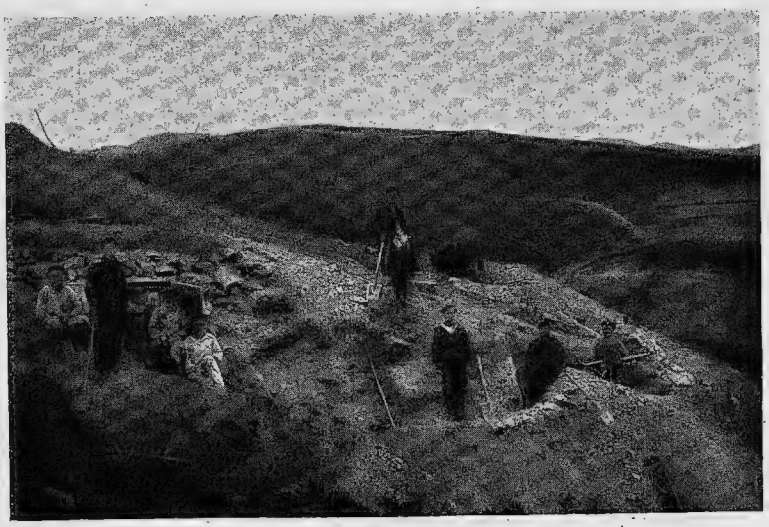
Протестовать не хотѣлось, хотя на это я имѣлъ полное право, какъ официально признанный военный корреспондентъ, снабженный главнокомандующимъ всевозможными документами, до красной повязки и засвидѣтельствованной фотогр. карточки включительно. Не хотѣлось подниматься наверхъ, а главное встрѣчаться съ „героемъ“.

Я привелъ этотъ случай для того, чтобы иллюстрировать отношеніе генерала къ мирнымъ, т. е. не состоящимъ на дѣйствительной военной службѣ, лицамъ.

Мы повиновались и ушли. Но продолженіе этого инцидента разыгралось на батареѣ.

Когда Артемьевъ замѣтилъ, что насъ гонятъ, онъ сказалъ Стесселю, что это военный корреспондентъ и т. д.

— Ну вотъ, почему же мнѣ никто раньше не сказалъ? Вѣдь слышали же, какъ я, посылая артиллериста, приказалъ гнать съ горы въ шею штатскую сволочь. Непремѣнно вернуть ихъ!



57 мм. батарея на отрогахъ восточнаго фронта.

Но было уже поздно.

Стессель не обинуясь ругалъ и оскорблялъ всѣхъ, но на штатскихъ особенно обрушивался, для которыхъ другого эпитета, кромѣ „сволочь“, у него не было.

Въ часъ пополудни эскадра вышла въ открытое море, гдѣ поджидалъ ее Того со всѣмъ своимъ флотомъ. Миноносцы, шедшіе въ развѣдку, поддержанные „Новикомъ“ и „Аскольдомъ“, немедленно вступили въ бой съ развѣдочными судами противника, которыя, едва принявъ его, стали отходить къ главнымъ своимъ силамъ.

Съ высотъ, окружавшихъ Артуръ, тысячи головъ его гарнизона слѣдили за уходившей эскадрой, постепенно тонувшей въ дымкѣ далекаго горизонта. На горизонтѣ, открывавшемся съ вы-

соты „Большого Орлинаго гнѣзда“, не было уже видно блокирующихъ судовъ. Лишь чернѣли чуть замѣтными точками суда удалявшейся эскадры, и доносился гулъ то усиливавшейся, то ослабѣвавшей артиллерійской кононады.

Въ 6 часовъ эскадра скрылась совершенно съ горизонта высшихъ точекъ Артура, напоминая о себѣ гуломъ, словно раскатами отдаленнаго грома.

У всѣхъ настроеніе было крайне приподнятое. Всѣ томились ожиданіемъ, чѣмъ кончится бой, что сдѣлаетъ наша эскадра.

Надежда, страхъ, сомнѣнія волновали Артуръ. Встрѣчая знакомыхъ и незнакомыхъ, я, несмотря на наружный покой, явственно читалъ на ихъ лицахъ тревогу.

Городъ словно притаился въ ожиданіи конца.

Нарочно, проѣзжая по улицамъ Стараго и Новаго города, я наблюдалъ за прохожими, особенно за дамами, мужья которыхъ ушли на эскадрѣ, и, признаюсь, поражался ихъ стоической выдержанностью, хладнокровіемъ.

Что поддерживало ихъ въ эти тяжелыя минуты—судить не мнѣ, но этотъ покой, эта не женственная выдержка, эта стойкость передъ ужасной неизвѣстностью—воочію убѣждали меня, какъ вынослива наша русская женщина въ жизненныхъ тяготахъ.

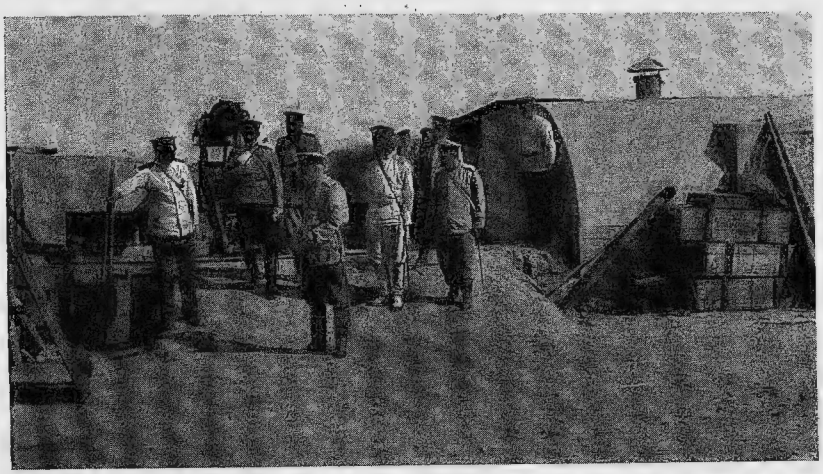
Я думаю, тѣ тысячи солдатъ и матросовъ, которые хотя мелькомъ видѣли въ этотъ день артурскихъ женщинъ, быть можетъ, безсознательно, но черпали мужество, энергію и силу воли для дальнѣйшей борьбы, борьбы, которая доставила имъ славу эпическихъ героевъ. Если современники ихъ, переживающіе бурю освобожденія отъ оковъ бюрократической гидры, сами являясь, если не тѣломъ, то духомъ мучениками революціи, не въ силахъ оцѣнить ихъ, то грядущее поколѣніе, когда стихнетъ эта буря, отдастъ должное артурскимъ бойцамъ.

Часовъ около 9 покой тихаго вечера сразу былъ нарушенъ грохотомъ артиллерійской кононады въ морѣ.

Эскадра, атакованная тучей миноносцевъ, гремя всѣми орудіями, отходила къ Артуру. Ея еще не было видно, но грохотъ 12-ти дюймовыхъ орудій на фонѣ безпрерывнаго рокота орудій меньшаго колибра становился все громче и громче, переходя въ какой-то ревъ. Удары выстрѣловъ становились все чаще и чаще. Полная иллюзія страшной тропической грозы. Несмотря на то, что эскадра была въ нѣсколькихъ миляхъ внѣ видимости горизонта площади Артура—звукъ орудійныхъ выстрѣловъ тревожилъ землю, зданія дрожали.

Вскочивъ на коня, котораго въ этотъ вечеръ держалъ осѣдланнымъ, я поскакалъ на дачныя мѣста.

Эскадры еще не было видно, только ясенъ былъ свѣтъ ея прожекторовъ. Кононада все усиливалась. Масса жителей спѣшила на берегъ. Было на что посмотрѣть. Вечеръ былъ совершенно тихій. Въ промежуткахъ, когда стихала стрѣльба съ сосѣднихъ морскихъ батарей, Электрическаго утеса, Золотой горы, Стрѣлковой, доносились командныя слова командировъ, устанавливавшихъ прицѣлъ. Эскадра шла подъ защиту береговыхъ батарей.



Генералъ Смирновъ осматриваетъ послѣ августовскихъ штурмовъ батарею на Зубчатой горѣ.

Часовъ около 10 наконецъ показалась эскадра. Суда шли въ разбродъ, при полномъ боевомъ освѣщеніи. Миноносцы и „Новикъ“, составлявшіе какъ бы арріергардъ, прикрывая отступленіе, поддерживали огонь.

Въ это время явственно послышалась команда съ Электрическаго утеса: „первое!“ и грохотъ выстрѣла, „второе!“—тоже. На Стрѣлковой вспыхнуло зарево выстрѣла, еще, еще. На Крестовой. На батареѣ Плоскаго мыса. Загремѣла Золотая гора—и пошло... Опять весь береговой фронтъ ожилъ, гремя то сразу, то одиночными выстрѣлами.

Понаблюдавъ за кононадой съ самаго берега, я рѣшилъ проѣхать на Электрическій утесъ или Золотую гору; только что выѣхалъ на военную дорогу, какъ слышу за собой топотъ коней нѣсколькихъ всадниковъ. Оглянулся—Стессель. Осадивъ коня, я поздоровался съ нимъ и поѣхалъ рядомъ. Генералъ былъ

на своей сѣрой, покойнаго нрава кобылѣ. Не успѣли мы обмѣняться нѣсколькими словами, какъ мой „Рыжикъ“ сталъ слегка горячиться. Я взялъ мундштукъ.

— Это что у васъ? На чемъ вы сидите?

— На конѣ, ваше превосходительство.

— Да нѣтъ, не то! У васъ жеребецъ! Эй, эй, казаки, взять его, отвести въ сторону—и крикнувъ это своимъ гулкимъ, но тревожнымъ голосомъ, храбрый генералъ далъ шпоры и скрылся за поворотомъ дороги.

Усердные казаки подхватили моего бѣднягу подъ уздцы за неумѣніе держать себя въ присутствіи превосходительной кобылы. Я еле вырвался изъ исполнительныхъ рукъ стесселевскихъ конвоировъ.

По сторонамъ дороги стояло много публики, которая и наградила въ слѣдъ удалявшагося генерала далеко не лестными замѣчаніями о его храбрости.

Тѣмъ временемъ вся эскадра стянулась на внѣшнемъ рейдѣ, отдала якоря, опустила сѣтевое ограждение и, открывъ боевое освѣщеніе, устроила изъ своихъ многочисленныхъ прожекторовъ свѣтовую преграду. Эскадра на пути къ Артуру приняла двѣ минныхъ атаки, но успѣшно ихъ отбила и дошла до внѣшняго рейда сравнительно благополучно.

Только „Севастополь“ отличился.

Эссенъ выскочилъ съ нимъ изъ строя кильватера, задѣлъ мину и получилъ пробоину со взрывомъ 6-дюймоваго патроннаго погреба, но благополучно дошелъ до бухты Бѣлый Волкъ, гдѣ и отдалъ якорь.

Войти во внутреннюю гавань она не могла, т. к. была малая вода. Въ мирное время почему-то не догадались углубить форватеръ входа.

Съ высоты Золотой горы открылась величественная картина. Вся эскадра сгруппировалась подъ ней, свѣтила своими огромными боевыми фонарями вокругъ себя и вдаль, въ ожиданіи новыхъ минныхъ атакъ.

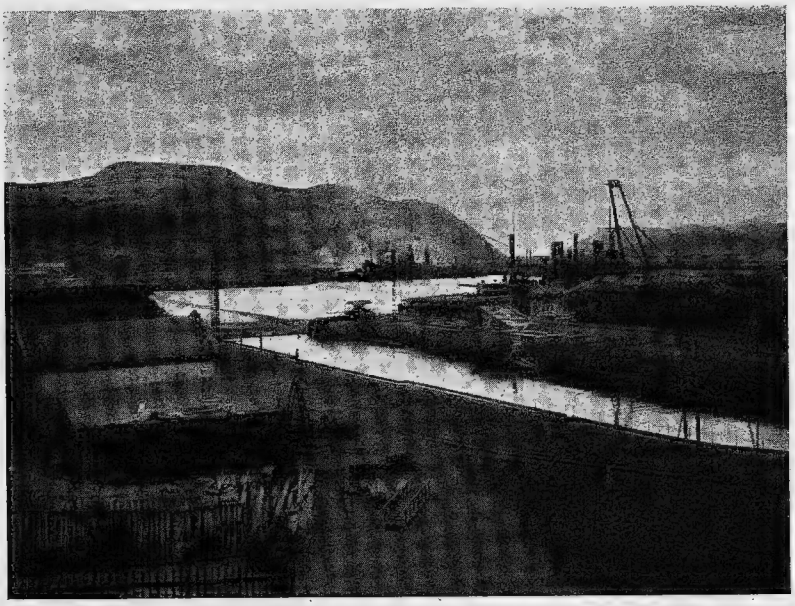
Суда, каждое въ отдѣльности, зорко и тревожно сторожили врага.

Наступила ночь. Совсѣмъ стало темно. Все тихо. Эскадра усиленно свѣтитъ. Прожекторы берегового фронта бросаютъ лучи дальше прожекторовъ эскадры, т. к. первые расположены несравненно выше.

Вотъ лучъ Электрическаго утеса освѣтилъ что-то на створѣ Крестовой горы и остановился. Все вниманіе обращено

туда. Не то миноносецъ, не то транспортъ, шхуна. Приближается.

Слышно, какъ командиръ батареи Электрическаго утеса, капитанъ Жуковскій, командуетъ прицѣлъ. Всѣ батареи влѣво готовятся открыть огонь. Первымъ ударилъ „Гутесъ", съ воемъ понеслась огромная бомба. Недолетъ. Еще... перелетъ. Батареи подхватили. Въ лучѣ прожектора ясно видно, какъ вода кипитъ отъ падающихъ снарядовъ. Вонъ взрывъ. Еще, еще. Вспыхнулъ пожаръ. Давъ еще нѣсколько выстрѣловъ, фронтъ стихъ, но ненадолго.



Восточный бассейнъ. Подъ Золотой горой „Баянъ", у стѣнки „Цесаревичъ".

Черезъ нѣсколько минутъ загремѣлъ почти сразу весь береговой фронтъ и суда.

Это показалась первая пара непріятельскихъ миноносцевъ, съ безумной отвагой полнымъ ходомъ летѣвшихъ въ атаку.

Тотъ, кто былъ въ эту ночь въ Артурѣ, тотъ, кто слышалъ эту кононаду, въ которой, кромѣ орудій берегового фронта, гремѣли десятки 12-ти дюймовыхъ орудій эскадры и вся ея остальная артиллерія, тотъ, кто слышалъ это море громовыхъ звуковъ, продолжавшихся съ перерывами до самаго разсвѣта—тому многое покажется въ жизни и, пожалуй, въ природѣ игрушкой. Ночь на 20-е апрѣля была лишь слабымъ отраженіемъ ночи на 11-е

2 іюня въ смыслѣ звуковыхъ эффектовъ. Храбрость же японцевъ, какъ тогда, такъ и теперь, могла привести и враговъ въ восхищенье.

Человѣкъ, этотъ „вѣнецъ созданія", великъ въ своей способности созидать, но онъ еще болѣе способенъ разрушать.

Сколько стоитъ физическаго и умственнаго труда создать броненосецъ или даже миноносецъ, а одинъ удачно попавшій снарядъ въ одно почти мгновеніе уничтожаетъ то, что созидалось нѣсколько лѣтъ тысячею человѣкъ.

Всю ночь адмиралъ Того посылалъ въ атаку пару за парой свои миноносцы.

Вся эскадра горитъ огнями, освѣщая, какъ днемъ, все водное передъ собой пространство. Береговые прожекторы свѣтятъ вдаль. Но все это не уменьшало безумной отваги японцевъ. Обнаруженные еще издали и поражаемые береговымъ фронтомъ, они неудержимо шли впередъ, ныряли въ тьму и, попадая опять въ освѣщенное эскадрой пространство, неслись на нее.

Въ эти минуты огонь судовъ доходилъ до бѣшеннаго напряженія. Суда казались большими факелами отъ непрерывнаго огня ихъ артиллеріи.

Но какъ ни храбры, какъ ни фанатичны были наши враги, никто изъ нихъ не выдерживалъ этой стальной струи, которыми обдавала ихъ эскадра.

Миноносцы подходили очень близко, но выпускали мины, подъ непрерывнымъ дождемъ снарядовъ, все-таки на дистанціяхъ недѣйствительныхъ. Выпустивъ первую мину, они клали право на бортъ, выпускали на поворотѣ вторую и полнымъ ходомъ, давая изъ всѣхъ трубъ факелы, уходили въ море.

Счастливые ускользали, другіе тонули на виду у всей крѣпости.

Часовъ около 2-хъ я проѣхалъ на берегъ моря, подъ Крестовую гору, гдѣ мой товарищъ по корпусу штабсъ-капитанъ Бенонъ Логгиновичъ Минятъ со своей ротой занималъ сторожевое охраненіе.

Вся его рота была разсыпана цѣпью по берегу. Какъ я уже говорилъ, Стессель предвидѣлъ возможность высадки японцевъ на береговой.

До самаго утра, конца минныхъ атакъ, мы просидѣли съ нимъ на берегу, наблюдая за ходомъ ихъ отраженія.

Раннимъ утромъ, при полной водѣ, эскадра постепенно начала втягиваться во внутреннюю гавань.

Предчувствіе недобраго, такъ сильно тревожившее меня, оправдалось.

Эскадра съ подорваннымъ „Севастополемъ“ вернулась назадъ.

Результаты—нуль, если не считать „Севастополя“, массы минъ Уайтхеда, плававшихъ на внѣшнемъ рейдѣ, и тысячъ потраченныхъ снарядовъ—столь дорогихъ для дальнѣйшей обороны крѣпости.

Артуръ, его гарнизонъ и населеніе пріуныли.

Тяжело было читать появившійся на страницахъ „Новаго Края“ отъ 11 іюня слѣдующій приказъ, отданный командующимъ эскадры передъ выходомъ ея въ море.

Г. Портъ-Артуръ 7 іюня 1904 г.

№ 177.

Эскадра, окончивъ исправленіе судовъ, поврежденныхъ коварнымъ врагомъ еще до объявленія войны, теперь выходитъ, по приказанію намѣстника, въ море, чтобы помочь сухопутнымъ боевымъ товарищамъ защитить Артуръ. Съ помощью Бога и св. Николая Чудотворца, покровителя моряковъ, постараемся выполнить долгъ совѣсти и присяги предъ Государемъ и разбить непріятеля, ослабленнаго гибелью на нашихъ минахъ части его судовъ.

Маленькая лодка „Бобръ“ показала примѣръ, что можно сдѣлать даже при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ.

Да поможетъ намъ Богъ!

Контръ-Адмиралъ Витгефтъ.

Опять эскадра заняла свои насиженныя мѣста въ Западномъ и Восточномъ бассейнахъ.

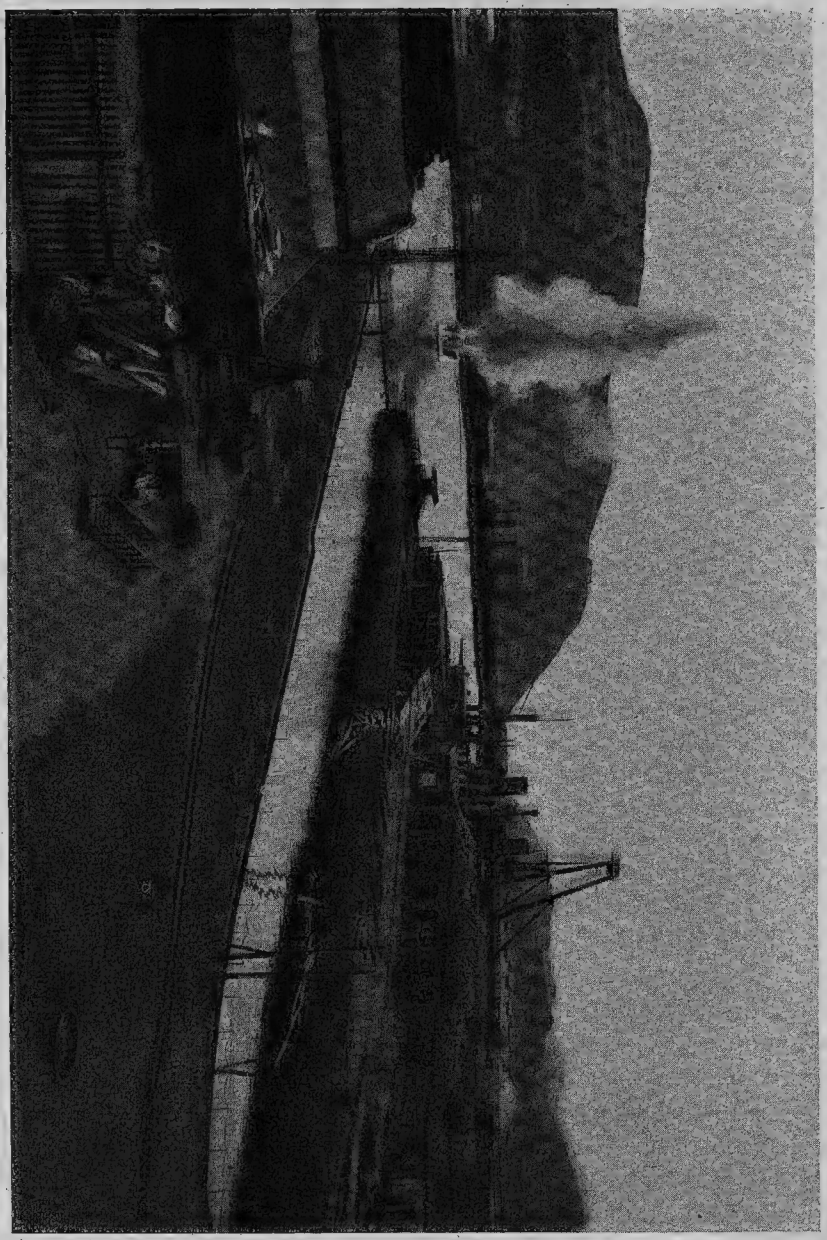
Но что же было дѣлать? Гдѣ искать виновныхъ? Кто былъ виноватъ въ томъ, что эскадра вернулась, не принявъ рѣшительнаго боя? Отовсюду сыпались обвиненія.

Разобраться въ этомъ было крайне трудно. Одни изъ командировъ и офицеровъ доказывали, что бой было необходимо принять, что всѣ шансы были за успѣхъ, другіе доказывали противное, увѣряя, что рѣшительный бой погубилъ бы всю эскадру.

Весь Артуръ раздѣлился на два лагеря. Одинъ былъ противъ флота, другой защищалъ его.

Я помню тѣ страстныя нападки, тѣ горячіе споры о нашихъ морскихъ офицерахъ, тѣ помои, которые выливались на большинство неповинныхъ людей.

Та подавляющая масса лицъ, которая съ ненавистью говорила о возвращеніи эскадры въ Артуръ, забывала, что эскадра



Взрывъ одиннадцатидюймовой бомбы въ Восточномъ бассейнѣ.

вышла въ море съ сильно ослабленной артиллеріей. Мною указано уже число недостававшихъ орудій, преимущественно 6″

Кане и 75 мм., которыя имѣютъ такое огромное значеніе при отраженіи минныхъ атакъ.

Мало кто представлялъ себѣ всѣ перепитіи этого похода и холодно анализировалъ его.

Эскадра тронулась въ путь въ 1½ ч. дня, по створу SO.34, имѣя справа контрольную линію изъ пустыхъ минъ-поплавковъ, и, пройдя 8 миль, взяла курсъ OSO, а затѣмъ черезъ 4 мили, отправивъ назадъ тралящій караванъ, легла на RS.

Во время всего этого пути миноносцы противника мѣшали траленью, обстрѣливая ее, но были отогнаны нашими миноносцами и „Новикомъ".

Послѣ 5-ти встрѣтили японскую эскадру, въ составѣ 4 броненосцевъ, 6 броненосныхъ крейсеровъ, 6 легкихъ крейсеровъ, нѣсколькихъ однотрубныхъ и массы миноносцевъ.

Эскадры сблизились на 50—60 кабельтовыхъ, и, когда наша эскадра увеличила ходъ для сближенія, съ цѣлью вступить въ бой, противникъ началъ уклоняться отъ него.

Очевидно, Того, съ наступленіемъ темноты, рѣшилъ изводить эскадру всю ночь минными атаками и, обезсиливъ ее, на утро дать рѣшительный бой, что и подтвердилось, когда наступилъ вечеръ.

Возвращеніе эскадры въ Артуръ дѣйствительно тяжело подѣйствовало на духъ гарнизона, но далеко не въ той мѣрѣ, какъ объ этомъ говорили и распинались враги ея.

Часто бесѣдуя съ солдатами по поводу разыгривающихся событій вообще, а въ частности о возвращеніи нашей эскадры, я неоднократно слышалъ, какъ солдаты-стрѣлки, чуждые той розни, которая существовала между морскими и сухопутными офицерами, просто и удивительно трезво рѣшали этотъ жгучій, наболѣвшій вопросъ.

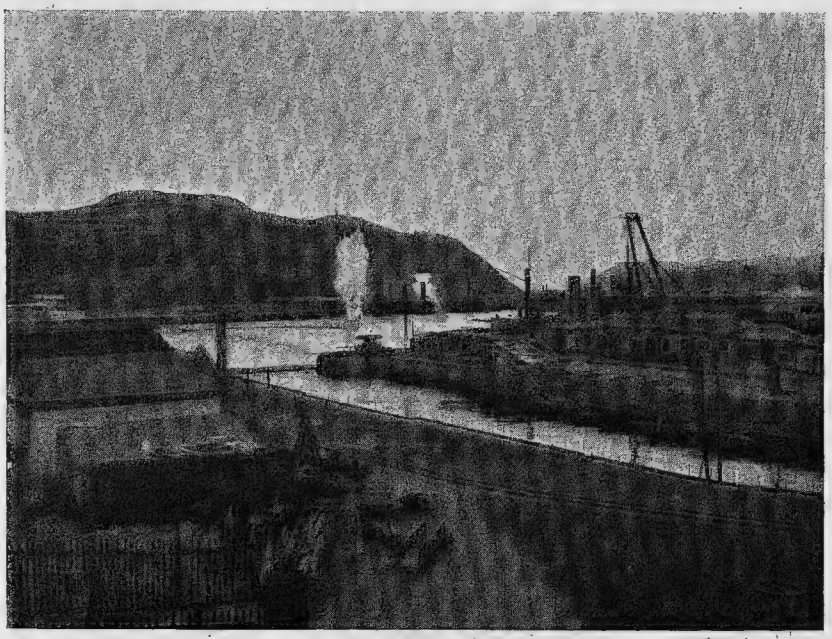
— А, баринъ! Ну, вернулся флотъ, значитъ не подъ силу съ японцемъ тягаться. Чего зря посудины-то топить? Матросики съ орудіями къ намъ придутъ, да помогутъ. И во-какъ помогутъ! На сухопутьи имъ дѣло, вишь, будетъ сподручнѣе. Отъ земли они вѣдь взяты. Видно ученье у нихъ на водѣ было не ладное, вотъ и не годятся. А подойдутъ къ намъ — мы японцу еще покажемъ. Мы читали въ книжкахъ, какъ въ Севастополѣ почти годъ солдаты съ матросами противъ всѣхъ народовъ воевали.—

Этотъ простой взглядъ на вещи, самое примитивное разрѣшеніе вопроса о грядущей дѣятельности флота при оборонѣ Артура, было пророческимъ. Среди массы нижнихъ чиновъ не

было и намека на какое бы то ни было недовольство на матросовъ и ихъ офицеровъ.

Эта сѣрая, съ виду какъ будто неразумная масса, таящая въ себѣ огромнѣйшій запасъ непочатыхъ умственныхъ и душевныхъ силъ, тогда еще сама, безъ разъясненія, инстинктомъ понимала, что не артурская эскадра виновата въ томъ, что не можетъ справиться съ японцами.

Вотъ фактическая сторона похода эскадры 10-го іюня.



Обстрѣливаніе порта.

Я не беру на себя смѣлости критиковать дѣйствія покойнаго адмирала Витгефта, это дѣло спеціалистовъ, но я хорошо помню, какъ у меня отлегло на сердцѣ, когда я увидѣлъ въ тотъ вечеръ эскадру, возвращающейся цѣлой и невредимой.

Вся эта масса людей, орудій, снарядовъ, винтовокъ цѣлы.

Надежда, что эскадра овладѣетъ моремъ, была призрачна, а рѣшительный бой и путешествіе по пространству, насыщенному минами могли погубить ее.

Тѣсное обложеніе крѣпости еще въ будущемъ. Сколько времени оно продолжится, никто не могъ предугадать, а что людей, орудій и боевыхъ запасовъ у насъ мало, болѣе, чѣмъ мало—это мы знали отлично.

Ненависть, которая такъ сильно проявлялась къ флоту, была не сознательное негодованіе, основанное на фактахъ, а скорѣе психозъ.

Общество, подавляемое съ самаго начала всевозможными неудачами, стремилось найти виновныхъ и сорвать на нихъ злость.

Люди начали нервничать и не въ состояніи были трезво смотрѣть на вещи, искать первоисточникъ всѣхъ золъ, а потому обрушивались на мнимо-виновныхъ.

Зорко приглядываясь ко всему, что творилось въ Артурѣ, на эскадрѣ, въ порту, гарнизонѣ, передовыхъ позиціяхъ, на оборонительной линіи, вращаясь среди высшихъ начальствующихъ лицъ, входя въ общеніе съ чиновниками, массой солдатъ и матросовъ, прислушиваясь ко всему, что говорили за адмиральскимъ столомъ и за чаркой водки за обѣдомъ матросовъ, въ госпиталяхъ, околоткахъ, лазаретахъ, машинныхъ отдѣленіяхъ миноносцевъ, крейсеровъ и броненосцевъ, при установкѣ орудій, въ походѣ, на привалѣ, въ вагонѣ, обществѣ—я пришелъ съ момента возвращенія эскадры къ глубокому, непреложному и скорбному убѣжденію, что роль нашей эскадры, въ смыслѣ ея активной дѣятельности на морѣ, сыграна.

Эскадрѣ, съ ея неподготовленностью, слабой жизнедѣятельностью и упадкомъ духа въ командномъ составѣ, передавшемся, конечно, и всей массѣ матросовъ, итти въ открытый бой съ сильнымъ, опытнымъ и хорошо тренированнымъ противникомъ, было рискомъ огромнымъ, съ минимумомъ надежды на успѣхъ.

Прямымъ долгомъ главнаго начальника, какъ человѣка, понимающаго психологію войсковыхъ массъ, было сплотить весь гарнизонъ, стремиться создать недѣлимое цѣлое, одухотворенное одной идеей, идеей защиты крѣпости, какъ нашей базы для оперирующей на сѣверѣ арміи.

Къ несчастію, генералъ Стессель, узурпировавъ власть генерала Смирнова, явилъ собою примѣръ не честнаго офицера, преданнаго родинѣ и престолу, а жалкаго и низменнаго паяца и честолюбца.

CXIII.

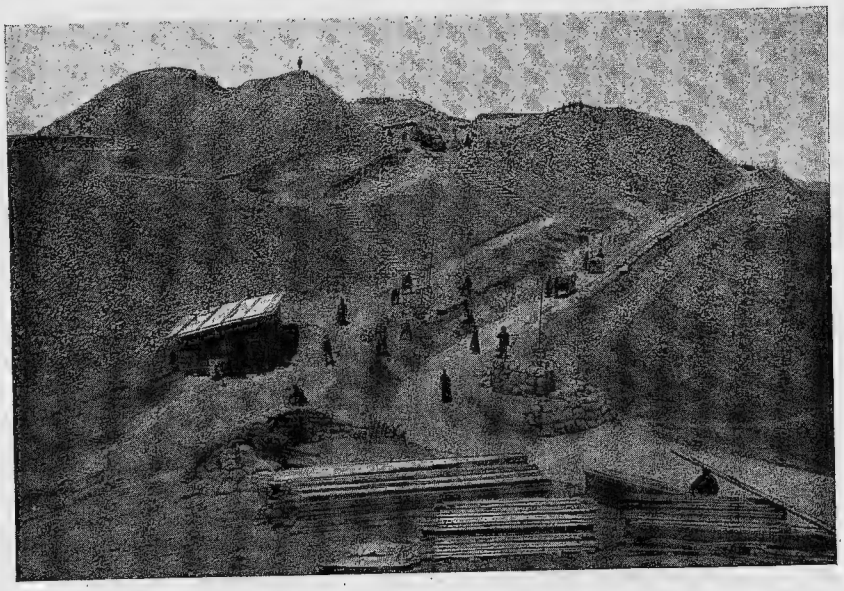
Генералъ Стессель сѣетъ раздоръ между арміей и флотомъ.

Въ то время, когда въ предѣлахъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона развертывались военныя событія, иллюстрируемыя непростительными ошибками генерала Фока и его спазматическими усиліями портить все, генералъ Стессель диктаторство-

валъ въ Артурѣ, гдѣ, помимо главной своей задачи—на каждомъ шагу мѣшать планомѣрной и плодотворной работѣ генерала Смирнова—спеціализировался еще въ неуклонномъ и искусномъ сѣяніи раздора между арміей и флотомъ, въ особенности послѣ неудачнаго выхода эскадры.

Травля морскихъ офицеровъ, отъ старшаго до младшаго, переносилась въ рестораны и даже на улицу.

Даже портовые рабочіе безнаказанно позволяли себѣ издѣваться надъ офицерами, укоряя ихъ въ неподвижности флота,



Дорога на фортъ V.

основанной на ихъ личной трусости, и нежеланіи разстаться съ покойнымъ убѣжищемъ внутренней гавани.

Изъ массы этихъ возмутительныхъ случаевъ особенно рельефно встаетъ въ моей памяти слѣдующій эпизодъ.

Идетъ по улицѣ покойный, геройской смертью погибшій адмиралъ Витгефтъ.

Къ нему подходитъ рабочій и останавливаетъ вопросомъ:

— Ваше превосходительство, а гдѣ живетъ адмиралъ Витгефтъ, и какой онъ на видъ?

— Я—адмиралъ Витгефтъ. А что вамъ угодно?

— А-а-а... такъ это ты старая, трусливая морская с . . . . . ? Когда же ты уйдешь воевать? Когда поможешь сухопутнымъ, изнывающимъ въ борьбѣ съ японцами?...

Адмиралъ поспѣшилъ удалиться, а въ догонку ему неслась площадная „истинно-русская“ ругань.

Всюду и вездѣ, гдѣ мнѣ приходилось бывать, чернили флотъ. Всюду моряковъ обвиняли въ сознательномъ нежеланіи выходить въ море.

Стадность нашего общества, присущая ему исключительная способность синтеза, упорное нежеланіе хотя слегка проанализировать тѣ условія, въ которыхъ находилась наша эскадра, его полная неосвѣдомленность объ истинномъ положеніи вещей—ярко проявились въ Артурѣ въ этотъ печальный періодъ острой вражды между арміей и флотомъ, такъ энергично, такъ несправедливо и подло поддерживаемой генераломъ Стесселемъ, его благовѣрной—Вѣрой Алексѣевной и присными.

Гостиная и столовая гостепріимнаго и хлѣбосольнаго генерала и его супруги были очагомъ всѣхъ гнусныхъ сплетенъ объ эскадрѣ и ея офицерахъ.

Результомъ всего похода, предпринятаго противъ моряковъ, во главѣ котораго стоялъ генералъ Стессель, явилось произведеніе двухъ анонимныхъ авторовъ (поручикъ Х убитъ; поручикъ М. и нынѣ здравствуетъ).

Милостивый Государь,

Господинъ Редакторъ!

Напечатанный въ Вашей уважаемой газетѣ знаменательный сонъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе, и я, какъ человѣкъ тоже нервный и до глубины души возмущенный настоящими артурскими событіями, видѣлъ какъ бы продолженіе этого сна (нужно замѣтить, что сонъ этотъ, разсказанный на страницахъ газеты, напоминалъ бредъ глупца), которое и прошу помѣстить на страницахъ Вашей газеты.

Истомленный дневнымъ трудомъ, но бодрый духомъ, я легъ и сейчасъ же заснулъ...

И снится мнѣ...

Быкъ насѣдаетъ, собаки до изнеможенія силъ грызутся, алая кровь потоками льется, а въ это время въ лѣсу по горкамъ зайцы, чистенькіе да бѣленькіе, въ воротничкахъ да манжетахъ, съ златокудрыми сиренами подъ ручку спокойно разгуливаютъ и пріятные разговоры разговариваютъ.

Пусть-де собаки грызутся, пусть шерсть съ нихъ летитъ, пусть брызжетъ кровь—намъ горя мало, отгрызутся, а тамъ мы, какъ болѣе прыткіе, поскачемъ съ вѣстью, что загрызли быка...

А за это насъ покормятъ лавровыми листиками... Мы ихъ любимъ.

Вдругъ видятъ—уже быкъ показался. Тутъ зайцы—въ разсыпную и попрятались подъ собачьи хвосты... Когда же дѣло дошло до смертной свалки, зайцы не выдержали и въ кильватерной колоннѣ засверкали пятками, взявъ направленіе на NO съ предводителемъ во главѣ, старымъ, сѣдымъ и самымъ трусливымъ зайцемъ. Смрадъ отъ того пошелъ невозможный.

Но т. к. зайцы дальше своего лѣсочка никуда не ходили, то скоро сбились и заблудились.

Картина мѣняется.

Отъ быка только клочья остались: собаки его разнесли; а тутъ на желѣзной лодкѣ появляется дѣдушка Мазай.

Видитъ, зайцы кто гдѣ: какой на камнѣ сидитъ, какой на берегъ выпрыгнулъ, у иного одни уши торчатъ.

Сталъ ихъ Мазай подбирать.

— Какъ это вы, говоритъ, зайцы, тягу дали, а нѣтъ, чтобы собакамъ помочь?

— Э! дѣдушка! отвѣчаютъ зайцы: собачья-то шкура не цѣнится, а наша шкурка дорого стоитъ—вотъ и спасали!

— Эхъ вы, зайцы, трусы! Не разсудительные! Что толку въ томъ, что шкуру спасали, когда вся-то она у васъ загажена! И давай ихъ Мазай тузить и уму-разуму учить. Многіе изъ нихъ не выжили, а другіе прощенія запросили...

Тутъ я проснулся.

Ну, думаю, этотъ сонъ еще знаменательнѣе перваго.

Артурецъ.

Мнѣ пришлось читать этотъ разсказъ на судахъ эскадры.

Анонимные авторы отлитографировали его и разослали во всѣ каютъ-кампаніи, въ томъ числѣ и самому Витгефту былъ посланъ одинъ оттискъ.

Впослѣдствіи мнѣ удалось узнать фамилію одного изъ авторовъ и толковать съ нимъ по поводу его произведенія. Это было уже тогда, когда моряки успѣли доказать безъ словъ, на что они способны. Смерть павшихъ героевъ сама говорила, сама защищала ихъ. Это было тогда, когда стрѣлки и моряки отстаивали Артуръ бокъ-о-бокъ и умирали не порознь.

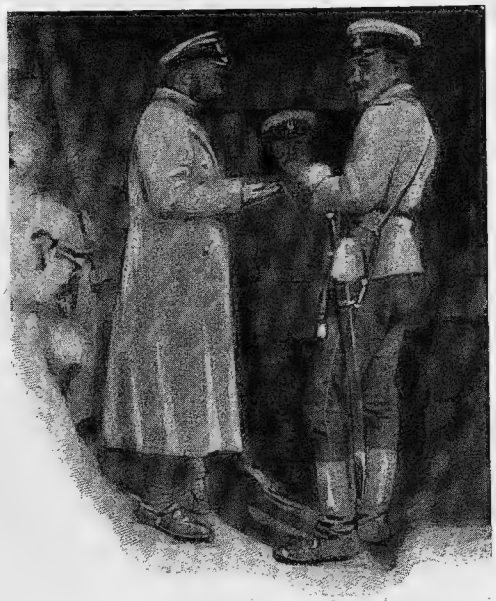
На мой укоръ—какъ могла подняться рука написать такой возмутительный пасквиль на людей, которые столько же виноваты во всѣхъ неудачахъ флота на морѣ, сколько право въ

этомъ ихъ петербургское начальство—сконфуженный авторъ ничего не могъ сразу отвѣтить... Потомъ онъ заговорилъ. Много и горячо говорилъ. Говорилъ о товарищахъ—морякахъ, объ ихъ доблести, трудоспособности, о „чортовой храбрости“ ихъ и ихъ матросовъ.

Слезы сверкали въ его честныхъ голубыхъ глазахъ, когда онъ вспоминалъ смерть одного, страшныя страданія другого, его послѣднюю просьбу... Это была не бесѣда, а скорѣй исповѣдь наболѣвшей души.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, помню его слова при прощаніи (Это было ночью, мы шли ходами сообщенія изъ его блиндажика на одномъ изъ самыхъ передовыхъ укрѣпленій сѣверо-восточнаго фронта): не успокаивайте меня. Это всегда будетъ лежать на моей совѣсти.

Когда этотъ разсказъ былъ прочитанъ Стесселю и Фоку, они очень потѣшались имъ и совѣтовали отправить на эскадру, что и было исполнено.



Генералъ Смирновъ, поручикъ Гаммеръ и поручикъ Бѣлый подъ шрапнельнымъ огнемъ на форту V. 9 сентября. (Снимокъ автора).

Читатель, быть можетъ, вамъ этотъ маленькій эпизодъ изъ артурской эпопеи покажется пустякомъ, пустякомъ, на который не слѣдовало обращать вниманія.

Да, совершенно вѣрно: въ Артурѣ мы и на смерть смотрѣли, какъ на пустякъ.

Въ Артурѣ, отрѣзанномъ отъ всего міра, каждый изъ насъ привыкъ къ мысли о смерти. Любуясь лазоревымъ небомъ, испещреннымъ милліардами звѣздъ, вспоминая далекую родину, близкихъ, всю жизнь, все ея добро и зло—мы, менѣе, чѣмъ кто-либо, увѣренные, что увидимъ завтра свѣтъ торжествующаго дня—посылали всему оставшемуся тамъ доброму искренній привѣтъ, всему минувшему злому—прощеніе.

Но здѣсь въ Артурѣ, въ этомъ маленькомъ и своеобразномъ міркѣ, въ этомъ надземномъ адѣ въ миніатюрѣ—мы были

болѣзненно чутки ко всякой правдѣ и неправдѣ, творившейся непосредственно вокругъ насъ.

Когда этотъ пасквиль сталъ достояніемъ эскадры, рознь между арміей и флотомъ увеличилась.

Моряки, конечно, старались игнорировать его, но въ душѣ каждый чувствовалъ обиду, и обиду совершенно незаслуженную.

Повторяю—обиду незаслуженную. Мнѣ пришлось близко познакомиться съ артурскими моряками и изучить ихъ психологію.

Подъ внѣшнимъ лоскомъ, свѣтскостью, скажу больше, иногда фанфаронствомъ—таился русскій и человѣкъ вообще, способный во имя долга итти на все. А уродовъ гдѣ не бываетъ?

Глубоко неправъ, нѣтъ, скажу больше, преступенъ генералъ Стессель въ своемъ неуклонномъ, до самой сдачи, стремленіи селить вражду между сухопутными и морскими силами.

Я часто задавалъ себѣ вопросъ: почему? Но яснаго, опредѣленнаго отвѣта найти не могъ. Я объяснялъ все это необыкновенной тупостью, недальнозоркостью и мстительностью.

До войны Стессель былъ всегда посмѣшищемъ среди сознательной и образованной части военнаго общества. И для него, конечно, не оставалось секретомъ, какъ хохотали надъ его застольными рѣчами во время парадныхъ пріемовъ у Намѣстника Его Величества. Моряки, какъ народъ бывалый, конечно, больше и язвительнѣе всѣхъ шутили надъ его готтентотскими рѣчами.

Впослѣдствіи, когда я узналъ о томъ, что 5 іюня ему предложено было оставить Артуръ, для чего, въ случаѣ надобности, онъ могъ даже воспользоваться крейсеромъ,—ненависть его къ флоту мнѣ стала понятной.

Я прекрасно понялъ, что онъ не такъ тупъ и недальнозорокъ.

Сѣя вражду между арміей и флотомъ, онъ надѣялся использовать ее въ критическую минуту.

Генералъ Стессель артистически усвоилъ пріемы шантажа и, широко имъ пользуясь, всегда былъ все-таки подъ страхомъ ранняго или поздняго разоблаченія, и поэтому предусмотрительно, какъ разумный полководецъ, обезпечивалъ себѣ пути отступленія.

Энергично сѣемая имъ вражда между арміей и флотомъ предусмотрительно поддерживалась также и между младшими и старшими начальниками, при упорномъ игнорированіи генерала Смирнова, какъ коменданта крѣпости—вотъ пути отступленія,

которые обезпечивалъ себѣ Стессель, и которыми такъ блестяще воспользовался при внезапной, позорной, обманнымъ путемъ подписанной капитуляціи Артура.

Впослѣдствіи эти пути отступленія, выражавшіеся въ широкомъ шантажѣ, помогли ему на дутыхъ лаврахъ добраться до Петербурга, долгое время еще обманывать Государя и всю Россію, при горячемъ содѣйствіи своихъ приспѣшниковъ, съ начальникомъ штаба генералъ-маіоромъ Рейсомъ во главѣ.

Въ то время, когда я пишу эти строки, генералъ Рейсъ, этотъ одинъ изъ видныхъ лицъ черной артурской сотни, не бывавшій никогда во всю осаду на веркахъ крѣпости, осмѣливается еще полемизировать съ честнымъ офицеромъ артурскаго гарнизона полковникомъ Хвостовымъ, послѣ того какъ онъ, Рейсъ, вмѣстѣ съ другимъ чернымъ генераломъ — генералъ-маіоромъ Фокъ былъ вдохновителемъ генерала Стесселя въ дѣлѣ позорнѣйшей въ лѣтописяхъ Россіи сдачи крѣпости.

CXIV.

Бой 21 іюня доказалъ японцамъ, насколько сильны и энергичны квантунскія войска, пока, до времени, предоставленныя самимъ себѣ; онъ доказалъ, что они способны не только къ оборонѣ, но и на удачныя наступательныя движенія. При этомъ нужно имѣть въ виду, что въ бой былъ введенъ минимумъ наличныхъ на передовой позиціи боевыхъ силъ.

Отобравъ у японцевъ Большой перевалъ, Зеленыя горы, предгоріе Куинъ-Сана, имѣя еще въ рукахъ „дефиле“, второй ключъ передовыхъ позицій, и начавъ по мѣрѣ силъ укрѣплять всю оборонительную линію, мы совершенно остановили поступательное движеніе японцевъ къ передовымъ фортамъ Артура, на которыхъ кипѣла лихорадочная работа.

Въ это время нашей подвижной береговой оборонѣ (отрядъ канонерскихъ лодокъ) представлялась возможность особенно продуктивно обстрѣливать позиціи противника, его тыловыя дороги и бивачныя расположенія. Рѣзкая линія Большого перевала, Зеленыхъ горъ и Юпелазскаго горнаго хребта опредѣленно указываетъ площадь, занятую противникомъ, и даетъ возможность съ командующихъ высотъ путемъ правильно организованной корректировки ежедневно концентрировать огонь съ моря на позиціяхъ противника и наносить ему огромный вредъ, мѣшая работамъ и передвиженію обозовъ и артиллеріи.

Противникъ, благодаря удачному исходу боя 21 іюня, очутился въ положеніи обороняющагося. Его ошеломила горячая, дружная атака одушевленныхъ боевыхъ силъ нашего праваго фланга подъ руководствомъ покойнаго Романа Кондратенко.

Японцы послѣ Кинжоу побѣдоносно, но не торопясь, шествовали впередъ. Бой 13 іюня, преступно-возмутительное оставленіе Куинъ-Сана укрѣпило ихъ въ сознаніи, что русскіе неспособны пользоваться и удерживать блестящія позиціи.

Генералъ Смирновъ на форту V 9 сентября. 11 часовъ утра. Фортъ обстрѣливается фугасными бомбами. (Снимокъ автора).

Дни же 20 и 21 іюня заставили ихъ быть осторожнѣй и не такъ ужъ слѣпо вѣрить въ счастливую звѣзду.

Противникъ очутился въ положеніи обороняющагося, началъ возводить временныя укрѣпленія довольно сильнаго профиля, проводить проволочныя загражденія и закладывать фугасы по всей своей оборонительной линіи занятыхъ высотъ.

Онъ сталъ еще болѣе осторожнымъ, когда, по приказанію генерала Кондратенко, наши передовыя цѣпи продвинулись впередъ и, опрокинувъ сторожевыя цѣпи непріятеля, заняли своимъ сторожевымъ охраненіемъ предгорія Зеленыхъ горъ отъ подошвы Куинъ-Сана до самаго моря.

Будь въ нашихъ рукахъ Куинъ-Санъ, положеніе наше было бы великолѣпно.

При энергіи, выносливости нашихъ солдатъ, при честномъ самоотверженіи Кондратенко, мы сумѣли бы въ кратчайшій срокъ превратить Куинъ-Санъ въ грозный фортъ, который могъ бы во всѣхъ точкахъ обстрѣливать расположеніе противника. Всѣ дороги отъ него къ Дальнему были какъ на ладони.

Но что дѣлать? черные герои Фокъ и Савицкій сознательно или безсознательно губили, портили все и, вопреки здравому смыслу, отдали Куинъ-Санъ, этотъ ключъ передовыхъ позицій.

Повторяю, Куинъ-Санъ не былъ совершенно укрѣпленъ, и поэтому японцамъ удалось его взять при слабыхъ потеряхъ.

Будь Куинъ-Санъ укрѣпленъ, нескоро и дорогой цѣной достался бы онъ японцамъ.

Большой перевалъ на Зеленыхъ горахъ, Шининзскій перевалъ на Юпелазскомъ горномъ кряжѣ, его высоты съ Куинъ-Саномъ въ центрѣ, представляя въ стратегическомъ отношеніи удобнѣйшія террасы для фортовъ и укрѣпленій сильнаго профиля, были бы прямо неприступны, если бы наши „черные герои“ умѣли во время использовать эти идеальнѣйшія позиціи.

О, какимъ негодованіемъ горѣли глаза нашихъ стрѣлковъ, когда они вспоминали про дѣло подъ Куинъ-Саномъ!

Вотъ онъ впереди, давитъ своей громадой на весь восточный фронтъ, высоко вѣнчая себя приплюснутой вершиной.

— Вѣдь нашъ былъ! Даромъ отдали! А теперь возьмите его— мозолитъ только глаза. Японцы словно смѣются надъ нами, открыто ведя на немъ работы.

— Почему же ихъ не потревожитъ артиллерія?

— „Фока“ не разрѣшаетъ. Господи, да когда же уберутъ японцы отъ насъ этого „сумашедшаго муллу“? съ искреннимъ раздраженіемъ говорилъ мнѣ одинъ изъ ротныхъ командировъ, занимавшихъ со своей ротой сторожевое охраненіе.

Дѣйствительно, невооруженнымъ глазомъ наблюдаемъ съ Бутусовской горки ихъ работы на вершинѣ Куинъ-Сана.

На западномъ, крутомъ его скатѣ рѣжетъ глазъ бѣлизна конусообразныхъ палатокъ раскинутаго лагеря. У самой подошвы, въ тѣсный балкѣ, тоже лагерь, болѣе обширный.

Да, досадно было, до боли было обидно глядѣть на дѣятельность нашихъ „черныхъ героевъ“.

CXV.

Спросилъ какъ-то я подполковника Бутусова (начальникъ отдѣла на правомъ флангѣ Зеленыхъ горъ) его мнѣніе о Куинъ-Санѣ.

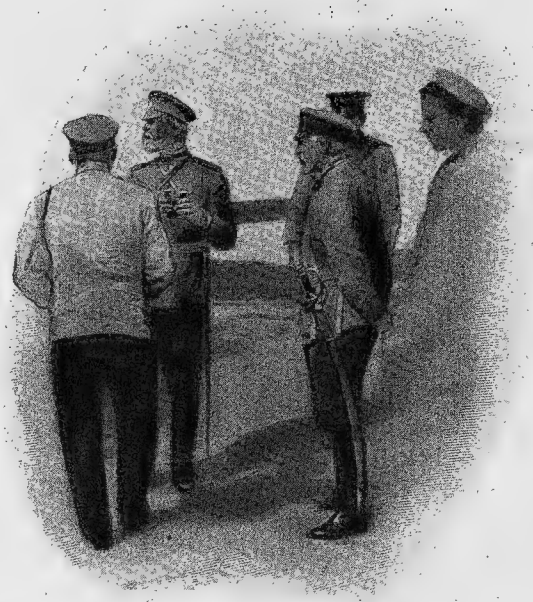
Петръ Дмитріевичъ лежалъ ничкомъ на своей любимой горкѣ и пристально смотрѣлъ въ бинокль на вершину Куинъ-Сана. Онъ давно уже собирался послать туда развѣдчика и поэтому днемъ изучалъ подходы къ вершинѣ.

— Да что тутъ говорить много? Куинъ-Санъ въ рукахъ японцевъ, и дѣло здѣсь наше проиграно. Поймите, что они буквально видятъ все, что творится въ нашемъ расположеніи.

Вотъ смотрите на вершину. Не туда—правѣе, прямо на остріе первой палатки.

Смотрю.

— Видите, отъ нея внизъ сбѣгаютъ столбики. Это на русскомъ языкѣ называется телефоннымъ проводомъ. Съ вершины они будуть вести корректировку огня всей своей артиллеріи.



Генералъ Смирновъ и генералъ Горбатовскій на фортѣ V. 12 ч. дня. Огонь уменьшился. Рекогносцируютъ Высокую гору. (Снимокъ автора).

То же, что и на Самсонѣ. Помните?

— Помню.

— Ну такъ вотъ всѣ ихъ батареи соединяются телефономъ съ этой вершинкой. Я часами здѣсь просиживаю. Самъ видѣлъ, какъ они протягивали проволоки вонъ и за эту сопочку и за ту. Видите, гдѣ нѣсколько китаезовъ.

— Вижу.

— Отлично. Теперь япоши, ну, какъ вы еще ихъ называете, джепси, чортъ ихъ дери — молчатъ. Убійственно молчатъ. Вторую недѣлю, ганцъ аккуратъ ведутъ свои работы—и ни звука. Но за то, какъ заговорятъ, тогда только держись. Жарко будетъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь съ вамъ сидимъ.

Они раздуютъ здѣсь такую вьюгу чугуна, свинца и стали, а вонъ по этимъ гладенькимъ откосамъ полѣзутъ опять, какъ саранча,—что долго намъ тутъ не продержаться.

Шрапнелью и фугасами долбить будутъ. А наши окопы ни къ чорту. Вонъ какія закрытія, развѣ противъ дроби.

Вонъ, оглянитесь—наблюдательная будка. Шалость одна. И ничего не подѣлаешь—земли нѣтъ. Одинъ камень.

Дѣйствительно, наши герои вдолбились въ землю, понабро-

сали валиковъ изъ камней, устроили нѣчто въ родѣ шалашей изъ вѣтокъ, легонькихъ брусьевъ...

— Да что тутъ говорить: назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ. Эй, послать сюда пѣсенниковъ! Хорошо пропоютъ — по чаркѣ дамъ!

До зари оставалось недолго.

Черезъ 5—10 минутъ Бутусова окружили молодецъ къ молодцу его пограничники.

— Ребята, пой, да такъ, чтобы вотъ тутъ бы все перевернулось!

Хоръ грянулъ.

Бутусовъ, въ сѣрой рубахѣ, съ фуражкой на затылкѣ и дубиной въ рукахъ, сталъ у обрыва да такъ и застылъ...

Послѣдніе лучи уходившаго солнца золотили его сѣдину, а хоръ пѣлъ, долго пѣлъ любимыя пѣсни отца-командира...

CXVI.

Отношеніе генерала Стесселя къ постройкѣ мирными жителями блиндажей.

Благодаря послѣднимъ, довольно удачнымъ операціямъ на Зеленыхъ горахъ подъ руководствомъ Р. И. Кондратенко, успѣвшаго кое-что поправить изъ того, что страшно напортилъ Фокъ, въ Артурѣ среди населенія воцарилось относительно спокойное настроеніе.

Всѣ начали съ свойственнымъ каждой массѣ оптимизмомъ вѣрить, что противника долго удастся задержать на передовыхъ позиціяхъ, разъ Фока смѣнилъ Р. И. Кондратенко.

Но мало кто понималъ истинное положеніе вещей. Мало кто зналъ, что со дня на день можно было ожидать рѣшительнаго наступленія, и задержать надолго противника на нелѣпѣйшей позиціи Юпелазскаго горнаго кряжа и Куинъ-Сана, въ самомъ широкомъ мѣстѣ полуострова, растянувшейся на 25 верстъ, съ тѣми боевыми силами, которыми располагалъ штабъ раіона—не было фактической возможности.

Но какъ ни надѣялись на то, что противника удастся задержать на передовыхъ позиціяхъ на болѣе или менѣе продолжительное время, каждый прекрасно понималъ, что, если не придетъ выручка съ сѣвера, непріятель рано или поздно подойдетъ къ самой крѣпости и начнетъ ее бомбардировать.

Въ силу этого соображенія люди болѣе состоятельные—а

кто побѣднѣй, въ особенности семейные, на компанейскихъ началахъ, начали строить себѣ блиндажи.

По неимѣнію подходящаго матеріала, рабочихъ рукъ и умѣнія, блиндажи строились самаго примитивнаго свойства.

Блиндажи эти, конечно, не могли защитить не только отъ снарядовъ, но даже отъ ихъ осколковъ, и скорѣй служили нравственнымъ успокоеніемъ, что, молъ, есть куда спрятаться.

Но Стессель, съ свойственнымъ ему дикимъ взглядомъ на все, посмотрѣлъ на постройку блиндажей иначе.

Онъ не офиціально, но всѣми мѣрами противодѣйствовалъ ихъ постройкѣ, всячески издѣваясь надъ тѣми, кто ихъ строилъ.

Но это не мѣшало строить блиндажъ самому, у себя на дворѣ, якобы для скота, а также разрѣшить постройку блиндажа для чиновъ штаба раіона у самаго его зданія, куда и прятались они во время бомбардировокъ во главѣ со своимъ начальникомъ полковникомъ Рейсомъ, награжденнымъ орденомъ св. Георгія 4-ой степени.

Богъ съ ними, пускай бы строили себѣ хоть 10 блиндажей, но зачѣмъ было мѣшать другимъ, а главное тѣмъ, у которыхъ были жены и дѣти?

Это какая-то непонятная, дикая жестокость.

Всѣмъ и каждому было ясно, что нужно было всѣми мѣрами поощрять постройку блиндажей. Примѣръ на Цинжоу показалъ, какія разрушенія производятъ трехдюймовыя бомбы. Что же можно было ожидать отъ осадныхъ орудій?

Казалось бы, весь Артуръ нужно было превратить въ катакомбы, памятуя, что, помимо здоровыхъ людей, есть и будетъ, непремѣнно будетъ масса больныхъ и раненыхъ, для предохраненія которыхъ въ буквальномъ смыслѣ слова ничего не было предпринято. За шесть лѣтъ на батареяхъ долговременнаго профиля не было устроено хорошихъ, прочныхъ и надежныхъ блиндажей, гдѣ же было теперь думать о госпиталяхъ и о городѣ?

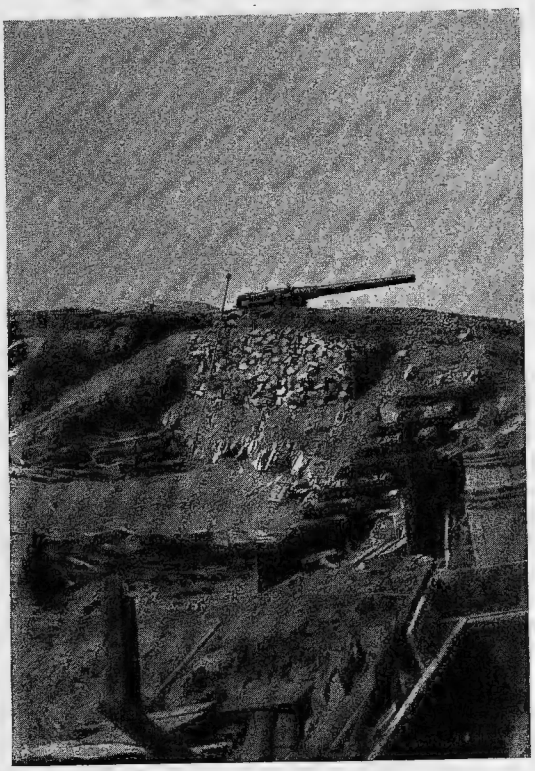
Мирные жители сами о себѣ заботились, но этотъ якобы признакъ трусости претилъ „героическому“ духу начальника раіона.

Да, какъ ни странно, но пока „герой“ издѣвался надъ „блиндажниками“, на дворѣ у него, попеченіями его хозяйственной супруги Вѣры Алексѣевны и стараніями чиновъ саперной роты, подъ руководствомъ инженера, выросъ огромный блиндажъ, чуть ли не съ электрическимъ освѣщеніемъ, отопленіемъ и вентиляціей.

Блиндажъ имѣлъ двѣ половины: одна, чистая, для людей, другая для скота.

Въ этой-то послѣдней спокойно кормились и росли коровы, свиньи, овцы, куры, гуси, утки и т. д., которыя впослѣдствіи продавались желающимъ по баснословно высокимъ цѣнамъ.

Изъ выдающихся по своей прочности блиндажей, помимо прекрасно оборудованнаго блиндажа въ домѣ генерала Стесселя и полковника Рейса, отличные блиндажи были у инженера капитана Лилье и у супруги крѣпостного медицинскаго инспектора с. с. Субботина и у Восточно-азіатской компаніи.



Орудіе „Кане“ на форту V, 9 сентября, 1 ч. дня. (Снимокъ автора).

Я полагаю, что блиндажъ капитана Лилье и m-me Субботиной были самыми надежными въ особенности послѣдній. Онъ выдолбленъ былъ въ отрогѣ Военной горы, въ ея скалистой породѣ, и, я думаю, былъ неуязвимъ не только для 12-ти но даже для 24-хъ дюймовой бомбы, если бы техника таковой существовала.

Блиндажъ этотъ принесъ много пользы: m-me Субботина при помощи другихъ шила въ сосѣднемъ домѣ бѣлье для раненыхъ въ огромномъ количествѣ и съ началомъ бомбардировки скрывалась со своими помощниками въ этомъ надежномъ убѣжищѣ.

Домъ же m-me Субботиной находился на площади передъ портомъ, и поэтому съ самаго начала блокады подвергался ежедневному и чрезвычайно сильному обстрѣлу.

Въ одну изъ бомбардировокъ, снарядомъ, попавшимъ въ домъ m-me Субботиной, былъ убитъ одинъ изъ ея помощниковъ, шившихъ бѣлье.

Блиндажъ капитана Лилье былъ построенъ на дворѣ инженерныхъ домовъ, якобы для сохраненія секретныхъ плановъ и документовъ, но въ дѣйствительности онъ служилъ больше для труса празднующихъ.

Вотъ и всѣ блиндажи, которые представляли изъ себя болѣе или менѣе солидныя сооруженія.

Блиндажи же, построенные жителями, были лишь жалкими пародіями на нихъ.

Госпиталя и лазареты, масса которыхъ, помимо постоянныхъ, было развернуто съ объявленіемъ войны,—не имѣли никакихъ прикрытій для защиты раненыхъ отъ грядущихъ бомбардировокъ.

Все было предоставлено волѣ Божіей, распорядительности медицинскаго персонала и русскому „авось“.

Но русское „авось“ предательски выдало. Много раненыхъ, бывшихъ уже на пути къ выздоровленію, были убиты попадавшими въ госпиталя снарядами.

Не знаю, кто больше виноватъ въ ихъ гибели—японцы, которые съ перваго выстрѣла 25 іюля [1]) могли попадать въ любую точку города, или тѣ, кто такъ разумно распланировалъ крѣпость и не защитилъ госпиталя и лазареты отъ разрушительныхъ дѣйствій непріятельскихъ снарядовъ.

Исторія въ этомъ разберется и произнесетъ свой холодный, безпристрастный и суровый приговоръ.

Моя же обязанность лишь констатировать факты, которыхъ я былъ свидѣтель.

CXVII.

Пока Стессель воевалъ съ мирными жителями, строившими блиндажи, то возмущая, то потѣшая всѣхъ своими дикими выходками и приказами, жизнь Артура текла обычнымъ путемъ.

На батареяхъ, фортахъ, укрѣпленіяхъ, редутахъ кипѣла работа.

Особенно энергично она велась на Кумирненскомъ, Водопроводномъ редутахъ, которымъ суждено было сыграть столь блестящую роль въ защитѣ Артура. О нихъ разбилась волна августовскаго штурма. Они первые послѣ Дагушаня приняли на себя всю силу удара и стойко, при наличности сверхчеловѣческихъ усилій отразили его.

---

[1]) День начала тѣснаго обложенія крѣпости.

Генералъ Смирновъ, предугадывая условія обороны крѣпости, рѣшилъ укрѣпить и укрѣплялъ, какъ я уже говорилъ, помимо основной оборонительной линіи (верки крѣпости, которые къ этому времени почти были готовы), еще Высокую гору, предгорія Угловыхъ горъ (Трехголовая), Дивизіонную, Длинную и Сиротку.

Здѣсь умѣстно вспомнить, въ какомъ видѣ генералъ Смирновъ засталъ въ крѣпости ея передовые пункты.

Ко времени его прибытія въ крѣпости былъ одинъ единственный передовой пунктъ (это-то при оборонительной линіи въ 25 верстъ и при самой невозможной ея распланировкѣ).

Это былъ т. н. Кумирненскій редутъ вмѣстимостью на одну роту.

Названный редутъ имѣлъ крайне слабый профиль и совершенно не соотвѣтствовалъ условіямъ мѣстности.

Для того, чтобы его привести въ мало-мальски пригодный видъ, необходимо было занять каменную китайскую кумирню, прилегавшую къ его горжѣ, срыть часть Шуйшуина (деревня), подходившаго очень близко къ редуту, значительно усилить его профиль, а сзади его построить уступами два люнета съ сомкнутой горжей.

Только послѣ такихъ капитальныхъ перестроекъ редутъ пріобрѣталъ нѣкоторую обороноспособность.

Вотъ образчикъ того, какъ строились въ Артурѣ укрѣпленія, какъ серьезно начальство относилось къ своимъ прямымъ обязанностямъ, какъ добросовѣстно велъ себя начальникъ инженеровъ Базилевскій, и что думалъ и какъ дѣйствовалъ признанный авторитетъ г. Величко, разбивая полигонъ крѣпости.

Говоря объ укрѣпленіи передовыхъ пунктовъ, небезынтересно вспомнить слѣдующее.

Когда прибылъ въ Артуръ вновь назначенный его комендантъ генералъ-лейтенантъ Смирновъ, онъ обратился къ генералу Стесселю и начальнику его штаба (нынѣ покойному) генералъ-маіору Рознатовскому съ вопросомъ, какой ими выработанъ планъ обороны. Ни тотъ ни другой не дали ему опредѣленнаго отвѣта. Но было ясно, что вся активная дѣятельность зависѣла отъ генералъ-маіора Фока и возлагалась только на войска ввѣренной ему 4-ой восточно-сибирской стрѣлковой дивизіи.

Съ укрѣпленіемъ Высокой горы, въ высшей степени важнаго стратегическаго пункта на западномъ фронтѣ, съ паденіемъ котораго 24 ноября началось систематическое и быстрое потопле-

ніе флота осадными орудіями—произошелъ тоже преинтересный инцидентъ.

Когда работы на основной оборонительной линіи настолько пошли успѣшно, что окончаніе ихъ къ моменту тѣснаго обложенія считалось обезпеченнымъ, комендантъ рѣшилъ производить работы на передовыхъ пунктахъ.

Прежде всего рѣшено было укрѣпить Высокую гору и спѣшить постройкой редутовъ у водопроводовъ.

Генералъ Стессель подъ вліяніемъ Фока рѣшительно возсталъ противъ укрѣпленія Высокой горы, потребовавъ укрѣпле-

Видъ на Высокую гору съ форта V. 9 сентября. (Снимокъ автора).

нія Угловой, защита которой не имѣла никакого смысла, что впослѣдствіи блестяще и оправдалось. Въ первый же день августовскаго штурма ее пришлось оставить, въ томъ числѣ и нѣсколько орудій.

Подъ вліяніемъ настойчиваго требованія Стесселя — Фока укрѣпленія Угловой, явилась необходимость распространить укрѣпленія передовыхъ пунктовъ. Пришлось занять Панлуншань и предгорія Угловыхъ горъ (Трехголовая).

Работы эти были непроизводительны; тѣмъ не менѣе генералъ Смирновъ, въ цѣляхъ устраненія конфликта, приказалъ ихъ производить, даже лично прорекогносцировалъ всю мѣстность вмѣстѣ съ генераломъ Кондратенко, хотя—я повторяю—работъ по укрѣпленію этихъ горъ можно было смѣло не производить, такъ какъ это была совершенно непроизводительная трата времени, матеріала, орудій и людей, которые такъ неотложно необходимы были въ другихъ пунктахъ.

Но такъ или иначе, а работы въ крѣпости быстро подвигались впередъ. Она становилась съ каждымъ днемъ сильнѣй и недоступнѣй.

Смирновъ и Кондратенко двигали всю эту сложную машину, они неутомимо работали, влагая въ созданіе крѣпости всю мощь своего ума и дарованій.

На рейдѣ между тѣмъ день-денской землечерпательный караванъ и миноносцы несли каторжный трудъ, траля разбрасываемыя японцами мины.

Разъ произошелъ довольно курьезный случай.

Обыкновенно японскіе миноносцы и небольшіе крейсера (собачки, какъ мы ихъ называли) днями и ночами дежурили группами въ видимости горизонта. Однажды днемъ они подошли ужъ очень близко, весьма возможно съ цѣлью атаковать нашъ тралящій караванъ, хотя предположить это было трудно, въ виду яснаго дня и близости всего берегового фронта.

Начальникъ тралящаго каравана лейтенантъ Ивановъ, замѣтивъ приближавшіеся миноносцы, построилъ землечерпалки въ кильватерную колонну и быстро пошелъ на нихъ. Миноносцы, очевидно, принявъ ихъ за канонерскія лодки, стали быстро отходить, не рѣшаясь вступить съ ними въ бой. Возвращаясь назадъ, одна изъ землечерпалокъ нарвалась на мину и пошла ко дну.

Адмиралъ Того доносилъ императору Японіи, что погибла одна изъ канонерскихъ лодокъ типа „Гилякъ“. Мы смѣялись, японцы торжествовали.

CXVIII.

Пока въ Артурѣ кипѣла работа по приведенію его укрѣпленій въ должный видъ, а на рейдѣ продолжалось непрерывное траленье его, на передовыхъ позиціяхъ все было по старому съ возстановленіемъ нами передовыхъ позицій на Зеленыхъ горахъ. Противникъ не предпринималъ никакихъ активныхъ дѣйствій.

Японцы, не тревожа насъ ни единымъ выстрѣломъ, производили работы, стягивали войска и подвозили орудія и снаряды.

На нашихъ передовыхъ позиціяхъ тоже шли работы, и подвигались онѣ настолько успѣшно, насколько проявляли энергію начальники.

Генералъ Фокъ особенно настаивалъ на укрѣпленіи Юпелазскаго горнаго кряжа въ предвидѣніи, что главная сила удара обрушится на этотъ флангъ.

Юродствовалъ онъ здѣсь, что называется, во всю. Не имѣя ни малѣйшаго представленія объ инженерномъ искусствѣ и саперныхъ работахъ, онъ вмѣшивался буквально во все и, конечно, страшно мѣшалъ продуктивности работъ какъ инженеровъ, такъ и саперъ. На лѣвомъ флангѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ и поддерживаемый Стесселемъ, сосредоточивалъ у себя бо́льшую часть матеріаловъ, а также инженеровъ и саперъ.

Правый флангъ, на который онъ почти не обращалъ никакого вниманія, былъ предоставленъ самому себѣ. Богъ знаетъ, что произошло бы 13 іюля, если бы Смирновъ во-время не спохватился и не послалъ туда генерала Кондратенко, который съ 21 іюня началъ при помощи инженера Рашевскаго и саперная офицера капитана Гиммельмана приводить позиціи на Зеленыхъ горахъ въ мало-мальски сносный видъ.

Генералъ Фокъ былъ очень недоволенъ дѣятельностью Кондратенко и, гдѣ только могъ, мѣшалъ ему, интригуя противъ него у Смирнова и генерала Стесселя.

Будь Смирновъ и Кондратенко уступчивѣй, бой 13 іюля кончился бы очень печально, и я ни минуты не сомнѣваюсь, что въ этотъ день произошелъ бы полный разгромъ всѣхъ нашихъ войскъ, и противникъ погналъ бы насъ прямо въ Артуръ, что собственно и произошло на флангѣ Фока.

Кондратенко, искусно управляя правымъ флангомъ и организовавъ стройное отступленіе, предотвратилъ этотъ позоръ.

На всей оборонительной линіи передовыхъ позицій и съ нашей стороны проявлялось очень мало инициативы. Развѣдки велись неэнергично, ведомы были въ полномъ невѣдѣніи, что творится въ расположеніи противника, насколько онъ силенъ, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточивается, и что готовится предпринять.

Изъ разнорѣчивыхъ и сбивчивыхъ донесеній начальниковъ охотничьихъ командъ, незнакомыхъ совершенно съ мѣстностью и слабо поощряемыхъ начальствомъ, несмотря на ихъ тяжелый и безпрерывный походъ, явствовало, что противникъ главнымъ образомъ сосредоточивается противъ нашего праваго фланга, противъ котораго строитъ батареи.

Рекогносцировкой охотничьей команды поручика Роттэ, освѣщавшей въ ночь на 3-е іюля мѣстность противъ большого перевала на правомъ флангѣ нашихъ позицій, впереди Сяобиндаускаго перевала, обнаружилось, что на южномъ склонѣ высоты 150 возведена непріятельская батарея, а внизу расположенъ бивуакъ пѣхоты и полуэскадронъ кавалеріи.

3 іюля начальникомъ отряда полковникомъ Семеновымъ былъ высланъ прибывшій изъ Артура взводъ мортирной батареи подъ командой поручика Дударова съ приказаніемъ обстрѣлять непріятельскую батарею и расположеніе.

Часа въ два пополудни полковникъ Семеновъ, пригласивъ меня, отправился на перевалъ, конвоируемый взводомъ конныхъ дружинниковъ подъ командой поручика Василевскаго.

Отрядная церковь, разбитая снарядомъ.

Когда подтянулись на 1/3 перевала, лошади были переданы охотникамъ для отвода въ безопасное мѣсто, а мы начали подниматься наверхъ и, лишь только достигли послѣдняго изгиба дороги, были встрѣчены ружейнымъ залпомъ изъ японскихъ сторожевыхъ цѣпей.

Пули зацокали въ землю вокругъ насъ. Я оглянулся на дружинниковъ, впервые попавшихъ подъ огонь. Кто поблѣднѣлъ, кто покраснѣлъ—но всѣ бодро подымались впередъ.

Полковникъ Семеновъ, слегка прихрамывая и опираясь на палку, съ высоко по обыкновенію поднятой головой, шелъ впереди всѣхъ, пристально глядя въ бинокль.

Пули засвистали чаще—совершенный писк птички на полномъ лету.

Полковникъ Семеновъ идетъ впередъ, очевидно, тренируя себя и насъ.

Только тогда, когда пули начали ложиться впереди насъ, всбивая пыль, онъ свернулъ вправо, подъ защиту скалы.

Думаю, каждый почувствовалъ глубокое облегченіе, когда очутился внѣ сферы огня.

Когда мы поднялись на редюитъ, внизу зашумѣли колеса приближающагося взвода.

Редюитъ съ подошвой перевала соединили телефономъ.

Какъ только отвели упряжныхъ лошадей, полковникъ Семеновъ приказалъ открыть огонь.

Въ теченіе $2^1/_2$ часовъ взводъ непрерывно поддерживалъ огонь, отлично обстрѣлявъ все расположеніе противника.

Противникъ не отвѣтилъ ни единымъ выстрѣломъ. Только его сторожевыя цѣпи охотились за тѣми, кто неосторожно высовывался изъ амбразуръ редюита.

Этому игрушечному редюиту 13 и 14 іюля пришлось сыграть серьёзную роль во время атаки Высокой горы, на которой онъ былъ расположенъ.

Опять противникъ остался вѣренъ себѣ. Онъ ни однимъ звукомъ не выдалъ своего расположенія. Стрѣляйте, молъ, а мы собираемся съ силами.

И это молчаніе, таинственное, долгое, упорное—дѣйствовало угнетающе.

Знаешь, что непріятель впереди, что его много, очень много, что онъ силенъ и настойчивъ въ достиженіи поставленной цѣли; знаешь, что не сегодня, такъ завтра зашумитъ и бросится на насъ, что день рѣшительнаго боя приближается—но не знаешь, когда именно онъ разыграется.

Эта неизвѣстность была хуже боя.

Наступитъ вечеръ. Полная тишина. Рѣдко, рѣдко гдѣ-нибудь щелкнетъ винтовка.

Все по обыденному, все какъ будто по мирному. Ничто не говоритъ о томъ, что противъ насъ враги, которые задались цѣлью уничтожить насъ или побѣдить.

Часто послѣ ужина я выѣзжалъ на самую передовую линію. Оставишь лошадь на перевалѣ, а самъ съ первымъ изъ встрѣчныхъ офицеровъ пойдешь бродить по окопамъ, змѣйкой ползшимъ по гребню Зеленыхъ горъ.

Часовые въ окопахъ. Остальные люди на склонѣ, обращенномъ въ нашу сторону. Сидятъ группами у разбитыхъ низкихъ палатокъ и мирно бесѣдуютъ. Кой-гдѣ дремлетъ огонекъ поту-

хающаго костра. Въ одной группѣ ведутъ сдержанную бесѣду съ серьезными лицами. Въ другой въ полголоса поютъ пѣсни родной далекой Россіи.

Идешь мимо, смотришь на нихъ, покорныхъ, тихихъ, темныхъ, оторванныхъ отъ всего, что имъ дорого, пригнанныхъ сюда... и на душѣ становится тягостно, грустно. Мнѣ говорили, что жизнь ихъ—такая суровая и жестокая проза, что, пожалуй, этотъ бивуакъ, относительный покой и обезпеченность, какъ въ кускѣ хлѣба, такъ и быстромъ окончаніи земной комедіи, ихъ вполнѣ удовлетворяетъ.

Невольно хотѣлось протестовать противъ этой страшной неправды, противъ издѣвательства надъ человѣческой природой, заступиться за нихъ...

... Но передъ кѣмъ, по какому праву? всегда ловилъ я себя въ своей сентиментальности и успокаивался, силясь настроить себя на подобающій обстановкѣ ладъ.

Рѣдкій изъ офицеровъ, съ которыми я прогуливался по сторожевой цѣпи, не напутствовалъ меня фразой, которую я почти заучилъ наизусть.

— Вы, голубчикъ, постоянно въ штабѣ, съ начальствомъ видитесь, говорите. Узнайте, пожалуйста, когда насъ смѣнятъ. Мочи нѣтъ, вѣрьте: третью недѣлю безсмѣнно въ сторожевомъ охраненіи; жарища, пища плохая, завшивѣли и мы и люди. Хоть бы денька на два смѣнили, пообмыться и отдохнуть. День еще ничего, а ночью изводъ одинъ. Нервы напряжены страшно. Все японецъ мерещится. Пожалуйста, пріѣдете въ штабъ—разузнайте, цидулечку съ охотникомъ и пришлите. Все будетъ легче.

Не въ комфортабельныхъ помѣщеніяхъ штаба Стесселя, домикахъ Фока, даже не на бивуакѣ Семенова, гдѣ мы спали спокойно, а въ сторожевой цѣпи, почти подъ открытымъ небомъ, въ вѣчномъ напряженіи, въ виду самаго противника—вотъ гдѣ истинная боевая обстановка. Только тотъ офицеръ, который недѣлями просидѣлъ въ сторожевомъ охраненіи, а затѣмъ вмѣсто смѣны и отдыха выдержалъ два, три дня непрерывнаго боя подъ щедрымъ свинцовымъ дождемъ противника—только тотъ имѣетъ право сказать, что онъ былъ на войнѣ, только тотъ можетъ носить въ память ея какой-нибудь орденъ.

У насъ же въ Артурѣ всѣ штабные, спавшіе въ удобныхъ походныхъ постеляхъ, получили массу наградъ, а многіе изъ товарищей, мокнувшіе подъ дождемъ и умиравшіе подъ огнемъ, едва получали по „клюквѣ“ (Анна 4-ой степени; красный темлякъ на шашку), а то и совсѣмъ оставались безъ наградъ.

CXIX.

Объѣздъ генераломъ Стесселемъ передовыхъ позицій.

Въ первыхъ числахъ іюля прошелъ слухъ на передовыхъ позиціяхъ, что въ ближайшемъ будущемъ начальникъ раіона собирается лично объѣхать всю оборонительную линію.

Въ одну изъ субботнихъ поѣздокъ въ Артурѣ я зашелъ въ штабъ раіона къ подполковнику Іолшину узнать о справедливости распространившагося слуха.

Живой, общительный подполковникъ принялъ меня очень любезно.

— Да, да—собирается къ вамъ на позиціи. Будетъ уму-разуму учить, мужество и храбрость вселять. Приготовляйтесь, гроза на васъ надвигается. А у Фока вы были? Совѣтую, совѣтую почаще бывать. Этотъ типикъ прямо въ разсказъ просится. Вы, эдакъ, сторонкой, чтобы онъ васъ не видѣлъ, послушайте его. Такихъ откровеній наслушаетесь, что просто диво. Ну и компанія въ Артурѣ подобралась—чѣмъ все это кончится?

Наблюдайте, пристально наблюдайте, все запоминайте, по возможности записывайте, на память не надѣйтесь. Впослѣдствіи ваши очерки будутъ очень интересны. Только помните мой совѣтъ—будьте политичны. Въ душѣ возмущайтесь сколько угодно, отъ этого только выиграютъ ваши записки, но со всѣми живите въ мирѣ. Кругомъ столько творится возмутительнаго, что нужно пріучить себя къ хладнокровному отношенію къ событіямъ. Главнымъ образомъ старайтесь жить въ мирѣ съ Стесселемъ. Этотъ господинъ только для виду ругаетъ печать, а въ душѣ ее боится. Однимъ словомъ, вы меня понимаете.

Я полюбопытствовалъ узнать, на какой день назначенъ объѣздъ позицій.

— Положительнаго ничего не могу вамъ сказать, но на дняхъ онъ состоится. Вы, кажется, живете въ штабѣ Семенова?

— Да.

— Ну, вотъ и отлично. Я по телефону наканунѣ вамъ сообщу о часѣ выѣзда изъ Артура. Совѣтую вамъ встрѣтить Стесселя и сопровождать его при объѣздѣ.

На этомъ мы разстались.

---

9 іюля вечеромъ дежурный телефонистъ попросилъ меня къ телефону. Говорилъ подполковникъ Іолшинъ. Оказалось, что

завтра въ 5 часовъ утра генералъ Стессель съ экстреннымъ поѣздомъ выѣзжаетъ на 11-ую версту.

Я отправился съ этой новостью къ полковнику Семенову. Онъ уже зналъ объ этомъ.

На мой вопросъ, поѣдетъ ли онъ на лѣвый флангъ, онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я отлучаться отсюда не имѣю права. Я буду ожидать его здѣсь. Генералъ, внѣ всякихъ сомнѣній, осмотритъ всю боевую линію и, конечно, очень подробно ознакомится съ обороной праваго фланга.

Предположеніе полковника Семенова не оправдалось: генералъ Стессель осмотрѣлъ только лѣвый флангъ, на правый даже не заглянулъ. Это было вполнѣ естественно. Правый флангъ укрѣплялся по иниціативѣ Смирнова и Кондратенко, и этого было достаточно, чтобы его игнорировать.

Отецъ Ѳеодоръ Скальскій.

Вспоминаю характерный фактъ, иллюстрирующій отношеніе Стесселя и его штаба къ покойному Кондратенко.

Послѣ возстановленія оборонительной линіи на Зеленыхъ горахъ 21 іюня, подъ личнымъ руководствомъ генерала Кондратенко, я заѣхалъ зачѣмъ-то въ штабъ раіона. Я, между прочимъ, зналъ уже, что Романъ Исидоровичъ проэктируетъ боевую рекогносцировку на лѣвый флангъ противника съ цѣлью отбросить его въ глубь полуострова и обнажить подступы Куинъ-Сана. Онъ, сознавая въ полной мѣрѣ важное значеніе послѣдняго, все собирался его отобрать.

Какъ теперь помню слова одного изъ видныхъ офицеровъ штаба.

— Кондратенко слишкомъ горячъ, онъ тамъ черезчуръ много фантазируетъ. Мы рѣшили его сократить, а въ случаѣ надобности совсѣмъ убрать, а то онъ со своей юношеской лихостью натворитъ намъ чудесъ.

Это „мы“ готово было меня привести въ бѣшенство, но я сдержался и запомнилъ эту тираду съ иголочки одѣтаго штабовика.

Я увѣренъ, что если бы не энергичное противодѣйствіе Смирнова и не умѣніе Кондратенко ладить со Стесселемъ, послѣдній былъ бы удаленъ отъ командованія правымъ флангомъ.

Однако, вернусь къ объѣзду Стесселемъ оборонительной линіи.

Передавъ своему вѣстовому Николаю Худобину, что завтра къ 5 часамъ нужно осѣдлать лошадей, отправился я въ свою палатку. Я жилъ съ поручикомъ 26 полка Сенкевичемъ. Въ палаткѣ засталъ еще поручика Чивчинскаго; какъ первый, такъ и послѣдній завѣдывали конными охотничьими командами.

Оба они сидѣли на постели.

Одинъ видъ этой парочки заставилъ меня при входѣ расхохотаться. Они уже знали о прибытіи на завтра Стесселя и встрѣтили меня съ такими внушительно-торжественными физіономіями, которыя положительно отражали на себѣ все: ужасъ, восторгъ, насмѣшку и озлобленіе.

Это были два человѣка, которые оживляли весь бивуакъ. Тамъ, гдѣ они появлялись, хохотали отъ души, искренно, до слезъ.

Ихъ юморъ былъ живой, ѣдкій, безпощадно отражавшій ошибки всѣхъ. Попадало всѣмъ, кто бы ни оплошалъ и провинился. Насколько остроумно они вышучивали Стесселя, Фока и К°, настолько же попадало и ихъ товарищамъ и нижнимъ чинамъ.

— Ну-съ, Евгеній Константиновичъ, съ пафосомъ началъ Чивчинскій— вынимайте свои походныя скрижали и пишите: Стессель ѣдетъ учить Фока, ученикъ-учителя; Артуръ устоитъ; честь Россіи будетъ спасена...

До глубокой ночи пріятели на всѣ лады варьировали готовящееся свершиться событіе.

Съ утреннимъ холодкомъ выѣхали мы съ Худобинымъ изъ деревни Литангоу на 11-ую версту желѣзной дороги—мѣсто расположенія штаба генерала Фока.

Пришлось ѣхать почти по бездорожью.

Какихъ огромныхъ трудовъ стоило подвозить на позиціи орудія, снаряды, фуражъ, продовольствіе, да еще на нашихъ тяжеловѣсныхъ, неуклюжихъ повозкахъ. Ничего, все преодолѣвали и преодолѣли наши солдаты, только безрезультатно.

Часамъ къ 7 показались желѣзнодорожныя постройки. Опоздалъ. Отъ станціи тянулась уже огромная кавалькада всадниковъ.

А, наконецъ-то, начальникъ раіона и его многочисленная свита!

Подтянувшись, поскакалъ навстрѣчу „грозѣ японцевъ".

Въ самой головѣ кавалькады, плавно покачиваясь на своей огромной, упитанной кобылѣ, ѣхалъ самъ генералъ Стессель, сосредоточенно бесѣдуя съ Фокомъ.

Свита вмѣстѣ съ генераломъ Кондратенко слѣдовала въ почтительномъ отдаленіи.

День стоялъ теплый и ясный. Солнце еще не пекло. Свѣжесть утра растворялась въ пріятной теплотѣ ранняго дня.

Набравшись храбрости, я прямо подскакалъ къ генералу и, круто повернувъ коня, поздоровался съ нимъ и поѣхалъ рядомъ справа.

Рисковалъ я многимъ.

Генералъ Фокъ, поздоровавшись со мной, немедленно отсталъ и присоединился къ группѣ свиты.

— А, и вы пріѣхали? Отлично, отлично. Хотите осмотрѣть наши позиціи?

— Если разрѣшите, ваше превосходительство.

— „Конечно, разрѣшаю. Поѣдемъ, посмотримъ, что тутъ творится. Инженеры много мудрятъ, много они тутъ денегъ изводятъ. Ничего съ ними не подѣлаешь—и это надо и то надо. Ну, да вѣдь со мной не пошутишь: я вѣдь ихъ повадку знаю.

— Да, кажется, работы производятся энергично, въ особенности на лѣвомъ флангѣ, въ ущербъ правому.

— Оно такъ и должно быть. На лѣвый флангъ будетъ главный ударъ, на правый лишь демонстрація. Я это знаю, да и генералъ Фокъ того же мнѣнія.

Вы со словъ генеральнаго штаба? Ну такъ эти вѣдь только болтаютъ, дальше своего носа ничего не видятъ. Нѣтъ, мы по старому, знаемъ, что дѣлаемъ, насъ не обойдешь ученостью.

— Да, ваше превосходительство, природнаго ума не пріобрѣтешь. А здѣсь имъ приходится пораскинуть. На васъ возложена серьезная задача защиты Артура. Россія и міръ смотрятъ на васъ. Падетъ Артуръ—въ арміи и Россіи начнутся неурядицы. Я полагаю, что васъ утомляетъ сознаніе тяжелой отвѣтственности.

— Да, тяжело. Но я старый солдатъ, привыкъ ко всему. Куропаткинъ, мой товарищъ, знаетъ, что я не пощажу себя для блага батюшки-Царя и матушки-Россіи. Ничего—„Богъ не обидитъ, свинья не съѣстъ“, справимся съ японцами.

— Что Богъ насъ не обидитъ я увѣренъ, а что японцы сильны въ своей энергіи, напримѣръ, Кинжоу...

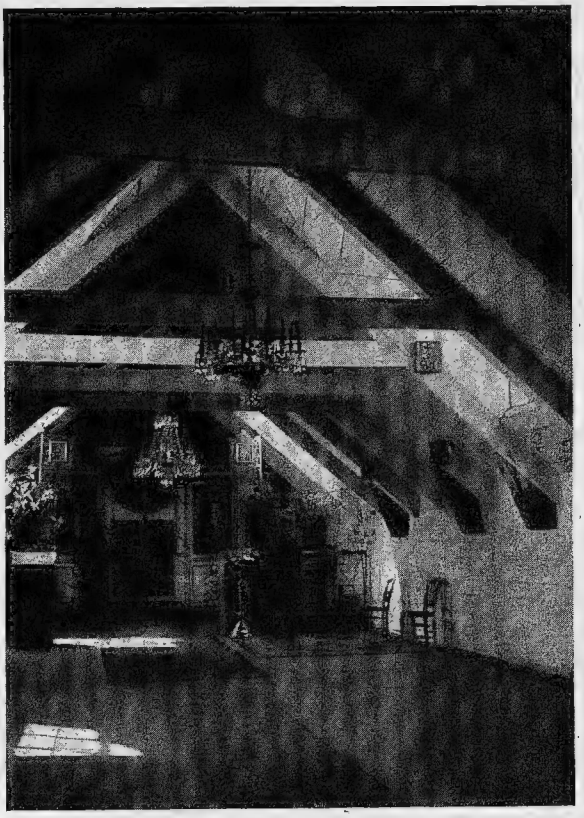
— Ну, вы опять за старое? Лучше посмотрите позиціи, кой лѣшій на нихъ влѣзетъ? Я этимъ японцамъ (слѣдовала „истинно-русская“ ругань) еще покажу. Не видать имъ Артура!

— А что, ваше превосходительство, послѣ освобожденія Артура, вы, конечно, поѣдете отдыхать и не минуете Петербурга?

Генералъ оживился.

— Еще бы, какъ же—насъ тамъ не хватало. Хотя, пожалуй, придется явиться батюшкѣ-Государю. Потребуетъ къ отвѣту.

— Это что за сбродъ? Какого полка? Почему здѣсь? Зачѣмъ болтаетесь тутъ, а не на позиціи? Эй ты, морда, отвѣчай!



Внутренній видъ церкви своднаго госпиталя.

Насъ рысью догналъ полковникъ Савицкій, командиръ 14 полка, этотъ Малюта при Стесселѣ—и доложилъ что-то вспылившему генералу; послѣдній немедленно успокоился.

Еще бы—этотъ позорный и трусливый офицеръ былъ однимъ изъ первыхъ любимцевъ Стесселя.

Незаслуженный позоръ, осужденіе и смерть капитана Лопатина—вотъ въ чемъ только отличился этотъ офицеръ въ Артурѣ, за что, вѣроятно, и получилъ георгіевскій крестъ и чинъ генерала.

Мнѣ стало такъ отвратительно на душѣ, что я, изъ чувства гадливости, чтобы только не подавать руки этому господину, рѣшилъ прервать начавшій становиться интереснымъ разговоръ со Стесселемъ и немедленно отсталъ, смѣшавшись съ свитой.

Поздоровавшись со знакомыми, я поѣхалъ рядомъ съ капитаномъ Степановымъ.

Впереди насъ, рисуясь на конѣ, ѣхалъ капитанъ Желтенко, командиръ роты 27 полка. Я положительно не понималъ, зачѣмъ этотъ типъ болтается здѣсь, когда его рота на позиціи. Я его уже два раза видѣлъ въ редакціи.

Оказалось, что онъ обладаетъ „недюжиннымъ литературнымъ талантомъ“, и это именно онъ пишетъ хвалебныя статьи о Стесселѣ, которыя препровождаются въ редакцію изъ штаба раіона для напечатанія „неукоснительно“.

Къ дѣятельности этого офицера я еще вернусь, описывая бой 13 и 14 іюля, а пока могу сказать, что этотъ офицеръ не останавливался ни передъ какимъ вымысломъ, лишь бы его статьи рисовали Стесселя въ нужномъ для его начальника свѣтѣ.

Лгать можно было сколько угодно: никто не возразитъ.

Благодарность же въ видѣ орденовъ обезпечена.

Капитанъ, нынѣ подполковникъ Желтенко теперь гордо носитъ на своей груди цѣлый иконостасъ артурскихъ орденовъ.

Неужели эти чины, ордена, заслуженные не честными боевыми подвигами, а подхалимствомъ, подлостью, предательствомъ не будутъ сняты, хотя бы во имя тѣхъ истинныхъ героевъ, о которыхъ осталось лишь одно воспоминаніе!?

Ордена эти должны быть сняты. Это возстановитъ ихъ значеніе, общество будетъ относиться съ искреннимъ уваженіемъ къ тѣмъ лицамъ, которыя носятъ ордена, такъ какъ будетъ знать, что съ недостойныхъ они сняты.

Это будетъ хорошимъ урокомъ и для будущаго.

Что насъ ожидаетъ, мы не знаемъ, быть можетъ, мы наканунѣ новыхъ войнъ. Россія только просыпается отъ тяжелаго сна. Намъ необходимо оздоровить армію, избавить отъ установившагося и растлѣвающаго ее духъ способа награжденья офицеровъ и нижнихъ чиновъ за боевыя отличія. Армія должна быть увѣрена въ томъ, что разъ кто награждается орденомъ, то онъ безусловно его достоинъ.

Вотъ о чемъ приблизительно думалось, когда мы незамѣтно приблизились къ Шининзскому перевалу.

Генералъ Стессель спѣшился, за нимъ всѣ остальные.

Началась комедія осмотра оборонительной линіи.

Я говорю—комедія, потому что вся эта процедура въ дѣйствительности была не чѣмъ инымъ, какъ только комедіей.

Комедіей это было уже прежде всего потому, что, если бы Стессель и сдѣлалъ какія-нибудь, даже допустимъ, дѣльныя указанія, то Фокъ никогда бы его не послушалъ, а поступалъ бы по своему. Указаній же генерала Кондратенко или кого-либо другого онъ тѣмъ болѣе не принялъ бы во вниманіе, а потому осмотръ этотъ ни къ чему положительному, кромѣ напраснаго утомленія людей, привести не могъ.

Начали мы потихоньку подыматься на перевалъ. Поднялись наконецъ.

Открылась восхитительная панорама—чуть ли не весь полуостровъ обнажился передъ нами. Впереди—въ легкой синевѣ Волчьи горы, за ними Артуръ. Налѣво и дальше—Юпелазскій горный кряжъ, далѣе—Зеленыя горы. Кругомъ—безконечный океанъ.

Всѣ залюбовались развернувшейся чарующей взоръ картиной. Есть въ природѣ что-то притягательно-сильное, неотразимое: даже самые грубые, жестокіе, циничные люди поддаются обаянію ея красотъ.

Съ четверть часа простояли на вершинѣ перевала. Какъ мало этотъ жизнерадостный, свѣтлый и покойный день напоминалъ о смерти, объ ужасахъ боя, страданіи. Все кругомъ торжествовало торжествомъ жизни, манило къ жизни, воскрешало надежды...

— Ваше превосходительство, приглядѣвшись пристально въ бинокль, я установилъ, что противникъ обстрѣливаетъ высоты у бухты Луньвантань, браво доложилъ Стесселю одинъ изъ присутствовавшихъ офицеровъ.

Всѣ взялись за бинокли.

Дѣйствительно, противникъ поддерживалъ довольно энергичный огонь по правому флангу Зеленыхъ горъ, концентрируя его у редюита.

Доносился гулъ орудійныхъ выстрѣловъ, и явственно обрисовывались облачки рвущихся шрапнелей.

— Господа! Нечего лоботрясничать, идемте дѣло дѣлать. Эдакъ мы никогда не кончимъ, заговорилъ Стессель и тронулся первымъ, опираясь на палку.

Говорятъ, онъ гдѣ-то и куда-то былъ раненъ.

По обыкновенію, онъ былъ одѣтъ въ сѣрую гимнастическую блузу и сѣрые сапоги.

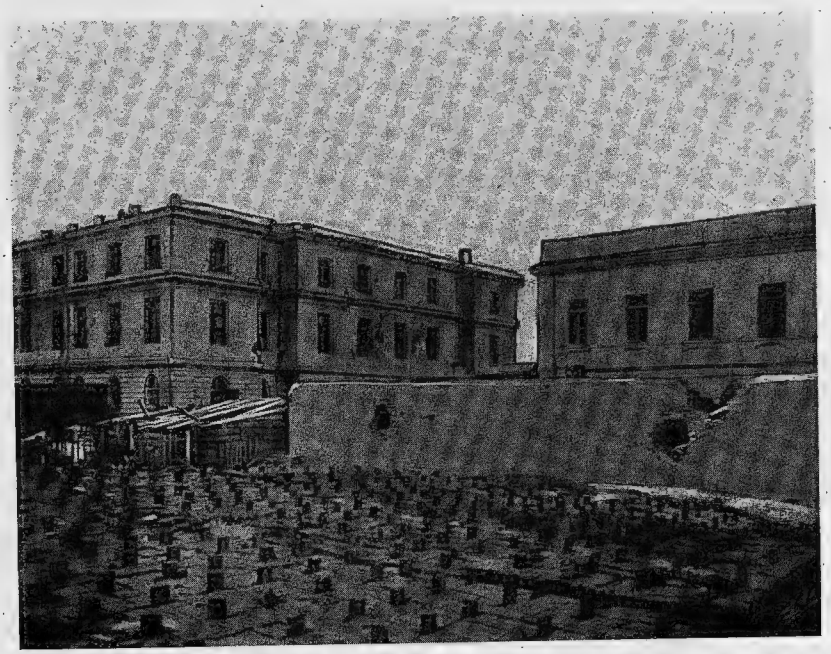
Вся свита тронулась за нимъ.

Фокъ, Кондратенко и я шли непосредственно за нимъ.

Набрели наконецъ на какую-то батарею. Генералъ обошелъ орудія, посмотрѣлъ на нихъ, пощупалъ, подошелъ къ брустверу, заглянулъ внизъ. Крутой скатъ сбѣгалъ въ глубокую долину...

— Ну, гдѣ японцамъ сюда добраться? передохнутъ паршивые.

— А гдѣ стрѣлки? Командиръ батареи, гдѣ стрѣлковое прикрытіе?



Результаты бомбардировокъ.

— Вотъ здѣсь и тамъ дальше, вонъ виднѣются окопы, взявъ подъ козырекъ, докладывалъ батарейный командиръ.

— Отлично, имъ внушить, чтобы не зѣвали. Японецъ хитрый.

— Ваше превосходительство, неугодно ли чаю? съ широко расплывшимся лицомъ и самымъ заискивающимъ видомъ хозяйничалъ начальникъ отдѣла полковникъ Савицкій.

Сдѣлавъ маленькую передышку, двинулись дальше. Нужно было спускаться по крутому скату. Требовалась нѣкоторая способность къ эквилибристикѣ. При довольно тучномъ сложеніи генерала это ему было не легко. Но тутъ оказалъ и оказывалъ

впослѣдствіи большую услугу какой-то довольно пожилой капитанъ.

Съ радостнымъ, полнымъ счастья лицомъ, съ нѣкоторой вдумчивостью и серьезностью во взглядѣ онъ взялъ подъ руку своего любимаго начальника и осторожно, любовно, съ истинно христіанской покорностью помогалъ ему спускаться.

Грузная фигура, опираясь на палку и поддерживаемая съ другой стороны смиренно-предупредительнымъ капитаномъ, медленно спускалась. Я шелъ непосредственно за этой идиллической парочкой.

Какой это былъ чудный сюжетъ для художника!

Прогремѣвшій своимъ именемъ генералъ и незамѣтный, рядовой капитанъ, въ боевой обстановкѣ, подъ руку спускающіеся съ высокой горы.

— Ваше превосходительство, вотъ кустикъ. Вы лѣвую ногу на него поставьте, вотъ такъ, а теперь обопритесь о мое плечо.

Манипуляціи эти продѣлывались, и встрѣтившееся затрудненіе было преодолѣно.

И это офицеръ русской арміи?!

Мнѣ было его жалко.

Неужели перспективы лишняго ордена, слѣдующаго чина могли превратить его въ такое малюсенькое въ нравственномъ отношеніи существо?

Наконецъ спускъ благополучно кончился, начался подъемъ. Стессель подымался, капитанъ шелъ сзади, очевидно, съ цѣлью ежесекундно подать руку помощи тому, въ рукахъ котораго было все благополучіе злополучнаго капитана.

На полуподъемѣ я сошелся съ Іолшинымъ и Степановымъ, они горячо критиковали какую-то позицію, хотѣлъ было спросить фамилію капитана, но тутъ неожиданно наткнулись на бивуакъ и кухни одного изъ стрѣлковыхъ полковъ.

Картина была оригинальная—я немедленно воспользовался своимъ походнымъ фотографическимъ аппаратомъ и на время забылъ о капитанѣ, котораго, при дальнѣйшемъ слѣдованіи, уже болѣе не видѣлъ.

Живъ ли онъ? Если убитъ—жаль.

Если живъ, то интересно знать, сколько у него орденовъ за боевыя отличія и сколько за смиреніе.

Уже давно наступилъ полдень, а мы все шли по узенькой дорожкѣ Юпелазскаго горнаго кряжа.

Направо непрерывно шли стрѣлковые окопы. Стессель время отъ времени здоровался съ стрѣлками.

Около часу дня добрались до редута съ крытыми бойницами для пулеметовъ и стрѣлковъ.

Масса китайцевъ долбила известковую породу горы. Голый камень, брусья, балки, рельсы и желѣзные листы—вотъ весь матеріалъ для редута. Земли совсѣмъ не было.

Китайцы, при нашемъ приближеніи, побросали кирки и скрылись за скатомъ.

Стессель обошелъ редутъ, всталъ на брустверъ. На насъ совсѣмъ близко глядѣла вершина Куинъ-Сана. Въ бинокль отчетливо ясно было видно, какъ японцы производятъ работы.

Я вынулъ аппаратъ, снялъ всю группу. Стессель замѣтилъ и началъ позировать. Я дѣлалъ видъ, что снимаю его въ разныхъ положеніяхъ. Наконецъ онъ усталъ и сѣлъ на сѣдло пулемета, приказавъ вставить ленту.

Черезъ нѣсколько минутъ генералъ Стессель собственноручно открылъ непрерывный огонь по противнику.

Я сдѣлалъ видъ,что снимаю.

Лента заклинилась. Приказано было вставить другую. Огонь, убійственный огонь пулемета возобновился.

Самъ начальникъ раіона стрѣлялъ. Струя свинца ложилась въ долину, до Куинъ-Сана ея не хватало.

Я повторилъ маневръ съ аппаратомъ.

Лента вновь заклинилась. Приказано было вставить еще.

Я не знаю, долго ли бы еще продолжалась эта якобы боевая стрѣльба самого Стесселя по наступающимъ японцамъ (я говорю—наступающимъ, потому что на американскомъ пароходѣ „China“ я видѣлъ въ одномъ изъ иллюстрированныхъ американскихъ изданій гравюру подъ этимъ названіемъ), если бы не остановилъ ее Кондратенко словами:

— Ваше превосходительство, рѣдкая лента въ пулеметѣ проходитъ безъ изъяна, вѣчно одинъ изъ патроновъ заклинится. Нужно на это обратить самое серьезное вниманіе. Пулеметовъ у насъ очень мало. Во время штурма они незамѣнимы, а каждое заклиненіе отнимаетъ массу драгоцѣннаго времени.

— Да, да. Это безобразіе! Они не умѣютъ снаряжать лентъ. Очевидно, небрежность, нерадѣніе, мѣшаютъ патроны разныхъ сроковъ, валяютъ въ пескѣ. Все это исправить, указать, научить! Кто этимъ вѣдаетъ? Ну, вотъ онъ и долженъ все это тамъ исправить.

Отдохнувъ у пулеметовъ, тронулись дальше. Теперь я по-

шелъ рядомъ со Стесселемъ, Фокъ непосредственно за мной. Кондратенко шелъ четвертымъ.

Стессель временами заговаривалъ со мной, подробно объясняя, какія мы заняли великолѣпныя позиціи. Въ его голосѣ звучала полная увѣренность, что японцы никогда не въ состояніи будутъ взять этихъ позицій.

Въ промежуткахъ, когда умолкалъ Стессель, меня бралъ подъ руку Фокъ и, съ своей стороны, безсвязно разсказывалъ о многомъ. О томъ, какъ онъ воевалъ съ турками, какъ ве-

Результаты бомбардировокъ.

ликъ духъ нашего солдата, какъ не понимаютъ его офицеры, какъ мало они любятъ солдатъ.

Я слушалъ эту болтовню, и въ моей памяти съ болѣзненной ясностью возставали картины кинжоускаго боя.

За мной шелъ Кондратенко, понуривъ голову. О чемъ думалъ въ это время Романъ Исидоровичъ? вѣдь онъ слово въ слово слышалъ, что говорилъ Фокъ. Въ это время у нихъ отношенія были довольно натянутыя. Фокъ едва снисходилъ къ нему, въ особенности послѣ удачнаго исхода боя 21 іюня.

Думаю, что Кондратенко не менѣе меня возмущала эта праздная, ни на чемъ не основанная болтовня.

Голосъ Фока продолжалъ гудѣть надъ моимъ ухомъ, рука его поддерживала мою. Чувство корректности заставляло меня итти рядомъ съ нимъ, но я былъ словно въ туманѣ, я чувство-

валъ, что иду съ нехорошимъ, злымъ, преступнымъ человѣкомъ. Я едва усваивалъ то, что онъ мнѣ говорилъ. Но послѣднюю его фразу, обращенную ко мнѣ въ этотъ день, я отлично помню.

— Вы видите на дѣлѣ, какую огромную пользу приносятъ наши охотничьи команды. А вѣдь въ этомъ дѣлѣ иниціаторомъ и организаторомъ явился я. Первыя охотничьи команды были организованы въ моей дивизіи...

Я положительно не могъ понять, серьезно онъ это говоритъ, или издѣвается надо мной.

Оглянулся, смотрю—Романъ Исидоровичъ глядитъ на меня и хитро улыбается.

Осторожно высвободивъ руку и бросивъ моему собесѣднику холодное „pardon“, я пошелъ рядомъ съ Кондратенко.

На душѣ стало сразу легче, а вокругъ какъ будто свѣтлѣй. Отъ всей небольшой, довольно стройной его фигуры вѣяло какой-то свѣжестью, правдой. Изъ-подъ прищуренныхъ вѣкъ смотрѣли такіе свѣтлые, чистые, хорошіе глаза.

Впереди шли „герои“. Съ ними было тяжело, словно это были не люди, а манекены.

А вотъ съ нимъ даже итти было пріятно. Словно силъ прибавилось, подъемъ казался не такимъ крутымъ, люди не такими утомленными.

Да, въ Кондратенко чувствовался воинъ въ лучшемъ значеніи этого слова.

Часамъ къ двумъ мы подошли къ расположенію мортирнаго взвода.

Двѣ мортиры стояли на деревянныхъ платформахъ. По одну сторону разбиты палатки для нижнихъ чиновъ, по другую—для командира.

Здѣсь былъ сдѣланъ привалъ.

Жара стояла невыносимая. О вѣткѣ не было и помина. Отсутствіе какой бы то ни было растительности, голыя скалы, покрытыя жалкой зеленью,—усиливали зной.

Какъ тамъ надъ редутомъ, такъ здѣсь надъ нами царила вершина Куинъ-Сана, на которой и за которой японцы производили работы.

Въ бинокль Цейльса отчетливо было видно работавшихъ японцевъ. На правой сопкѣ обрисовывался неподвижный силуэтъ японца.

Затѣялся споръ—кто это, офицеръ или часовой. Рѣшить, конечно, въ виду дальности разстоянія было очень трудно.

Генералъ Фокъ что-то оживленно доказывалъ Стесселю сво-

имъ замогильнымъ голосомъ. Начальникъ раіона, взобравшись на кручу (здѣсь тоже былъ крутой скатъ въ долину), внимательно его слушалъ.

Остальные группами расположились у мортиръ.

Кондратенко то нервно ходилъ отъ одной группы къ другой, по обыкновенію заложивъ руки назадъ, то поворачивался въ сторону Куинъ-Сана и пристально глядѣлъ на его вершину.

Романа Исидоровича, видимо, что-то безпокоило. Онъ подошелъ къ своему начальнику штаба подполковнику Науменко и что-то ему сказалъ.

Затѣмъ подошелъ къ Стесселю и, опустивъ голову, очевидно, ждалъ, когда кончитъ свою болталогію Фокъ.

Фокъ, замѣтивъ подошедшаго Кондратенко, быстро ретировался и куда-то исчезъ.

Романъ Исидоровичъ, указывая то на мортиры, то на Куинъ-Санъ, въ чемъ-то убѣждалъ Стесселя.

Интересуясь этой бесѣдой, я подошелъ къ разговаривающимъ.

— По моему, ваше превосходительство, намъ необходимо время отъ времени тревожить противника орудійнымъ огнемъ, все-таки этимъ мы будемъ мѣшать производству работъ. Посмотрите: они открыто, безнаказанно, въ виду всего нашего фронта, ведутъ свои работы. Этимъ мы будемъ ихъ утомлять, заставивъ всегда быть на сторожѣ.

— Да, да, это вѣрно! Но видите ли, мы должны экономить снаряды: ихъ у насъ то не особенно много. Чортъ его знаетъ, что предстоитъ впереди.

— Конечно, ваше превосходительство, нужно расходовать экономно. Но тревожить противника необходимо.

— А что, вотъ эти пушки могутъ нанести имъ вредъ? Можно изъ нихъ стрѣлять? А то вѣдь мы умѣемъ поставить пушки только для близиру. А захочешь стрѣлять—тутъ тебѣ и тпррру. —

— Нѣтъ, ваше превосходительство, эти полевыя мортиры въ полной исправности, изъ нихъ можно стрѣлять — едва сдерживая улыбку, серьезно и почтительно отвѣчалъ Кондратенко.

— Ну, если такъ, давайте стрѣлять. Попугаемъ япошекъ.

Немедленно было отдано приказаніе приготовить взводъ къ открытію огня.

Командиръ взвода подпоручикъ Кальнинъ засуетился. Прислуга начала накатывать мортиры, снимать чехлы, подносить заряды и снаряды.

Всѣ оживились, невольно обращая вниманіе въ сторону противника, который, пріученный къ полной бездѣятельности нашего фронта, спокойно, ничего не ожидая, производилъ свои работы.

Но вотъ показался генералъ Фокъ; ему, видимо, уже сообщили объ отданномъ распоряженіи. Онъ быстро шелъ къ намъ, на ходу размахивая руками, и что-то голосилъ.

Подойдя къ Стесселю и не обращая никакого вниманія на Кондратенко, сказалъ.

— Что это, ваше превосходительство, огонь открыть собираетесь?

— Да, вотъ Романъ Исидоровичъ на этомъ настаиваетъ Необходимо тревожить противника.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, теперь стрѣлять нельзя. Я положительно противъ этого.

— Почему?

Кондратенко отступилъ нѣсколько шаговъ и ожидалъ результатовъ этого пререканія. Всѣ насторожились. На лицахъ не то недоумѣніе, не то улыбки.

Ворота въ домѣ Намѣстника.

— Я, ваше превосходительство, безусловно противъ этого. Помилуйте, откроемъ мы огонь, противникъ немедленно намъ начнетъ отвѣчать.

— На правомъ флангѣ мы иногда тревожимъ. Противникъ не отвѣчаетъ—вставилъ Кондратенко.

— То на правомъ, а то у меня здѣсь. Я произвожу по всей линіи массу работъ, онѣ должны скоро кончиться; по разсчету, къ 13-му. Откроемъ мы огонь, они намъ отвѣтятъ, рабочіе разбѣгутся, работы не будутъ окончены. Нѣтъ, нѣтъ, я противъ этого. Дѣлайте, какъ хотите, я не отвѣчаю за послѣдствія. Огонь откроемъ, сюда по всей линіи они отвѣтятъ. Бѣдные солдатики въ окопахъ—передъ боемъ имъ нужно отдыхать. Снарядовъ у насъ мало, чѣмъ будемъ защищать Артуръ, отбивать штурмъ здѣсь и тамъ?—Фокъ убѣждалъ, Фокъ горячился. Онъ искренно не хотѣлъ того, противъ чего протестовалъ.

Кондратенко молча отошелъ въ сторону. Прислуга у батарей тоже не знала, что дѣлать.

Всѣ ожидали, чѣмъ рѣшитъ Стессель.

— Ну, если нельзя, такъ нельзя. Скажите тамъ, что стрѣлять не будемъ—спокойно вѣщалъ начальникъ раіона.

Кондратенко, скрывая свое состояніе духа, которое, полагаю, было не изъ завидныхъ, о чемъ-то разговаривалъ съ однимъ изъ офицеровъ.

Тронулись дальше, Кондратенко шелъ въ самомъ хвостѣ.

Большинство изъ офицеровъ бесѣдовало по поводу только что разыгравшагося инцидента.

Кто шутилъ, кто злился; большинство, видимо, не придавало ему никакого значенія.

Фокъ офицеровъ своей дивизіи давно пріучилъ къ своимъ дикимъ выходкамъ. Да и устали уже всѣ порядочно: третій часъ былъ на исходѣ.

Давно пора было закусить.

Впереди меня шли два молодыхъ офицера, тоже слышавшихъ все, что произошло у мортиръ.

— Вотъ гдѣ истинные союзники японцевъ, сказалъ одинъ изъ нихъ.

— А что? хитро улыбаясь, спросилъ товарищъ.

— Да развѣ ты не слышалъ разглагольствованій Фока? Взять бы этихъ господъ, связать, посадить на коней и отправить въ подарокъ японцамъ.

— Нѣтъ, врешь, братъ! Они бы ихъ не приняли. Это значило бы растянуть оборону крѣпости на неопредѣленное время. Послѣ Кинжоускаго боя они вполнѣ оцѣнили этихъ полководцевъ и, конечно, надѣются въ союзѣ съ Стесселемъ и Фокомъ быстро овладѣть Артуромъ.

Устами этихъ юношей говорила сама истина.

Осмотръ позицій продолжался въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онъ начался.

Указаній или какихъ-нибудь существенныхъ поправокъ никто не дѣлалъ. Всѣ шли покорнымъ стадомъ за Стесселемъ. Послѣдній время отъ времени останавливался, смотрѣлъ впередъ, хвалилъ выбранныя позиціи, приговаривая:

— Ну, гдѣ тутъ японцамъ добраться до насъ? Не дойдутъ, подохнутъ мерзавцы. А сколько ихъ испортится на фугасахъ! Нѣтъ—я совершенно спокоенъ. Увѣренъ, что никакая ихъ часть не дойдетъ сюда.

Всѣ слушали эти разглагольствованія и молчали.

Проходя мимо окоповъ, Стессель внушалъ стрѣлкамъ, что имъ нечего бояться пуль, шрапнелей и осколковъ...

Блиндажи уберегутъ васъ отъ нихъ; если вы отсидитесь, то побьете много врага, если вылѣзете—понесете большія потери.

Генералъ Стессель говорилъ о блиндажахъ. Солдаты слушали его и, увѣрившись, что у нихъ есть блиндажи, громко кричали ему вслѣдъ: Такъ точно! Рады стараться, ваше превосходительство!

Но я то былъ не слѣпъ, не ночь была, солнце свѣтило ярко. Блиндажей или чего-нибудь напоминающаго ихъ я не видѣлъ на всемъ нашемъ пути. Были вырыты мелкіе окопы, безъ всякихъ даже признаковъ козырьковъ. Окопы были открыты какъ для ружейнаго, такъ и шрапнельнаго огня. А о дѣйствіи на нихъ фугасныхъ бомбъ и говорить было нечего.

Къ несчастью, у меня не сохранились снимки этихъ окоповъ. Мнѣ пришлось ихъ оставить при бѣгствѣ изъ Артура. Читатель воочію убѣдился бы, какіе это были окопы и блиндажи.

Не говоря уже о блиндажахъ,—не было настоящихъ стрѣлковыхъ окоповъ, люди сидѣли въ какихъ-то не то ямахъ не то рвахъ и вѣрили своему начальнику, что сидятъ въ отличныхъ блиндажахъ и на предложеніе его тамъ сидѣть орали:

Рады стараться!

Этотъ фактъ мнѣ краснорѣчиво говорилъ, какъ въ боевой обстановкѣ главный начальникъ можетъ гипнотизировать массы.

Въ этотъ день я еще ближе познакомился со Стесселемъ. Я понялъ, что онъ своей фигурой, громкимъ голосомъ, даже несвязными рѣчами можетъ произвести впечатлѣніе. Я окончательно убѣдился, что онъ все, что ему Богомъ и Фокомъ даровано, сумѣетъ использовать до конца.

Не летай впослѣдствіи по городу снаряды, не разрывайся они по всей его площади, я болѣе чѣмъ увѣренъ, что онъ никогда не сдалъ бы Артура.

Часамъ къ 5-ти мы добрались до одной изъ скорострѣльныхъ полевыхъ батарей.

Осмотрѣвъ батарею, поздоровавшись со стрѣлками, Стессель и Фокъ, справившись о времени, начали проявлять всѣ признаки крайняго возбужденія и безпокойства.

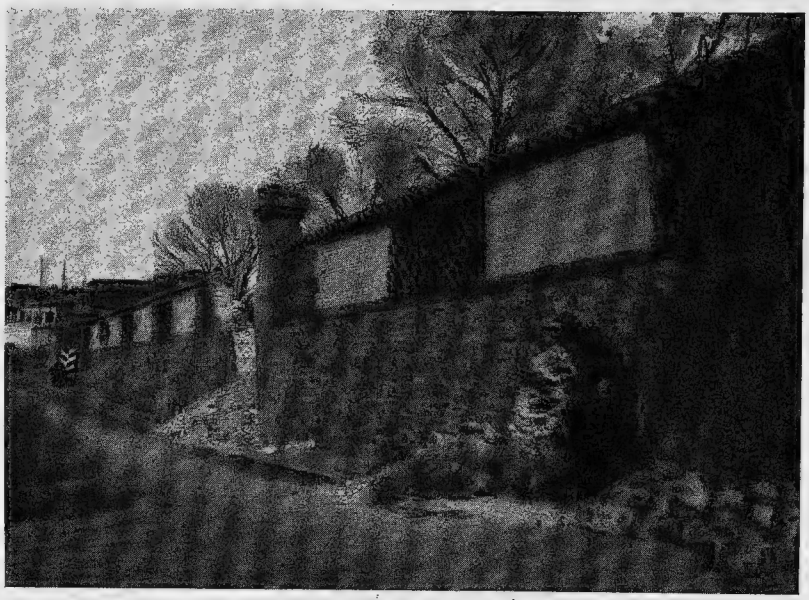
Фокъ гнусилъ своимъ голосомъ въ одномъ мѣстѣ—Стессель разносилъ кого-то въ другомъ.

Сначала мы не могли понять, что такое произошло, почему нашъ предводитель, цѣлый день бывшій въ такомъ прекрасномъ настроеніи, гнѣвается.

Разгадка оказалась простой.

Оказывается, по иниціативѣ коменданта крѣпости, начальникомъ артиллеріи генералъ-маіоромъ Бѣлымъ должна была быть произведена боевая стрѣльба по вершинѣ Куинъ-Сана орудіями одной изъ батарей с.-восточнаго фронта крѣпости, если не ошибаюсь, съ батареи „Большое Орлиное гнѣздо".

Огонь предполагалось открыть между 5 и 6 часами вечера. А мы, какъ на грѣхъ, очутились какъ разъ на створѣ этой батареи. Генералы Фокъ и Стессель сначала крѣпились, но когда стрѣлка часовъ стала приближаться къ этому роковому часу, они не могли оставаться хладнокровными.



Ограда дома Намѣстника. Пробоина 11-ти дюймоваго снаряда.

Тревожныя лица выдавали ихъ напряженное душевное состояніе. Ежесекундно могъ раздаться вой приближающагося снаряда, а при сравнительной дальности разстоянія онъ могъ дать недолетъ и разорваться.

Ни Стессель ни Фокъ еще не испытывали этого пріятнаго ожиданія, такъ какъ еще ни разу не были въ сферѣ дѣйствительнаго артиллерійскаго огня.

Итти дальше не имѣло смысла, т. к. при большой разсѣиваемости снарядовъ (при стрѣльбѣ съ дальнихъ дистанцій, да еще изъ орудій стараго образца) любой снарядъ, давъ недолетъ, могъ лечь на пути дальнѣйшаго слѣдованія. Послѣднее, конечно,

было трудно предположить, т. к. на батареяхъ прекрасно знали, что впереди наши войска, и поэтому прицѣлъ взяли бы на крайнюю дистанцію и никогда не допустили бы недолета.

Положеніе нашихъ „героевъ“ было критическое. Они страшно волновались и въ силу этого не могли здраво разсуждать. Страхъ и неизвѣстность овладѣвали ими съ каждой минутой сильнѣй.

Стессель неистово кричалъ—все было теперь плохо и неисправно, неудачно.

Уже было почти четверть шестого.

Напряженіе дошло до крайнихъ предѣловъ, нуженъ былъ выходъ, иначе свершится нѣчто позорное, которое уже ничѣмъ нельзя будетъ поправить... и Фокъ, геніальный Фокъ нашелъ этотъ выходъ.

— Батареѣ скатывать орудія внизъ, стрѣлкамъ отходить тоже въ долину—раздалась команда.

— Чортъ знаетъ, выдумаетъ же Бѣлый эту дурацкую стрѣльбу, да еще тянетъ! Живо скатывать орудія, каждую минуту батарея можетъ открыть огонь. Ну вы, живо, живо! Нечего копаться—командовалъ Стессель, спускаясь въ долину.

Артиллеристы съ большимъ трудомъ спускали орудія по крутому подъему, стрѣлки усердно имъ помогали.

Каково имъ было потомъ подымать ихъ наверхъ?! Трехдюймовыя полевыя орудія не изъ легонькихъ.

Спустились мы очень быстро, генералу Стесселю на этотъ разъ и вожатаго не понадобилось.

По ту сторону долины, въ мертвомъ пространствѣ, у берега мелководной рѣчонки, подъ густо разросшимися деревьями вѣстовые накрывали столъ.

Это было очень и очень кстати. Проголодались мы всѣ изрядно.

Оказалось, что всѣ страхи были совершенно напрасны. Въ Артурѣ и не подумали открывать огонь по Куинъ-Сану. Разсерженный, напуганный и возмущенный Стессель такъ и не сѣлъ за столъ, даже отказался отъ чаю, все время бесѣдуя съ генераломъ Кондратенко.

Только иногда доносились отрывочныя фразы: „Этотъ комендантъ вѣчно что-нибудь выдумаетъ“. „Бѣлый еще не выспался“. „Приходится мучить людей“.

Генералъ Фокъ сидѣлъ за столомъ рядомъ со мной и угрюмо пилъ чай, заѣдая его любимымъ „сладенькимъ“ мармеладомъ.

Vis-a-vis сидѣлъ N третій, начальникъ штаба полковникъ Рейсъ, который съ большимъ вниманіемъ слушалъ разсказъ

одного изъ присутствовавшихъ о поведеніи нашего полицмейстера, очень усердно слѣдившаго за нравственностью и въ особенности за вѣрностью женъ.

Полицмейстеръ Тауцъ въ своемъ рвеніи дошелъ до того, что, когда къ нему въ канцелярію явилась жена одного саперная унтеръ-офицера, призваннаго изъ запаса (молодая и очень интеллигентная женщина), съ просьбою защитить отъ звѣрскаго съ ней обращенія мужа, съ которымъ она уже не жила—Тауцъ категорически ей заявилъ, что, если она не вернется къ мужу, онъ, полицмейстеръ, прикажетъ ее отодрать.

Я этому ничуть не удивился. Полицмейстеръ, поощряемый Стесселемъ, творилъ все, что хотѣлъ.

Отодрать эту злосчастную жену не отодрали, но послѣдняя, не находя нигдѣ защиты она, между прочимъ, была и у m-me. Стессель), отравилась.

Жаръ слегка спалъ, когда мы встали изъ-за стола.

— С ѣдлать лошадей! крикнулъ Стессель.

Черезъ четверть часа мы выѣхали въ Луньвантаньскую долину.

На встрѣчу намъ несся съ ординарцами и адъютантомъ бравый командиръ 13-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка князь Мачабелли. Онъ недавно былъ переведенъ сюда изъ Кавказа. Это былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ и выдающихся офицеровъ всей 4-ой дивизіи Фока и поэтому особенно третировался начальникомъ дивизіи.

Таковъ ужъ былъ удѣлъ всѣхъ лучшихъ офицеровъ этой дивизіи.

Гордый, самолюбивый, вспыльчивый, храбрый, честный и исполнительный, князь Мачабелли не умѣлъ носить поноски за Фокомъ, подобно полковнику Савицкому, командиру 14 полка.

Когда князь 20 іюня лично, во главѣ своихъ баталіоновъ водилъ полкъ въ атаку Куинъ-Сана—Савицкій, сидя въ укромномъ уголкѣ, считалъ, сколько онъ за этотъ бой получитъ наградъ.

Читатель, не удивляйтесь, что я говорю съ такимъ негодованіемъ объ этихъ лицахъ, составлявшихъ ядро черной сотни въ Артурѣ: они намъ погубили Артуръ; они опозорили Россію и армію.

Я считаю необходимымъ вывести ихъ всѣхъ на свѣжую воду. Для того, чтобы спасти честь всей арміи, имена этихъ черныхъ героевъ должны быть отдѣлены отъ честныхъ именъ.

Въ арміи должны быть только неопороченныя имена.

Въ арміи, которой, быть можетъ, суждено еще много сдѣлать, не мѣсто „чернымъ героямъ“.

Когда мы были близки къ цѣли своего путешествія, ко мнѣ подъѣзжаетъ покойный подполковникъ Іолшинъ.

— Хорошъ денекъ? А? Много видѣли, много понаблюдали? Я васъ нарочно оставилъ, чтобы не мѣшать. Одного я боюсь, хватитъ ли у васъ выдержки. Зачѣмъ вы съ Фокомъ были нелюбезны? Этого онъ вамъ не забудетъ. Я вѣдь видѣлъ, какъ онъ съ вами мило подъ ручку шелъ. Смотрите, не сорвитесь! Ну, пока до свиданія. Вы какъ, съ нами въ Артуръ?

— Не знаю, возьмутъ ли моихъ лошадей.

Результаты бомбардировки.

— Ничего, возьмутъ. Передайте вѣстовому и прикажите поставить ихъ въ вагонъ.

Когда мы прибыли на 11-ю версту, поѣздъ былъ готовъ къ отправленію.

Весь штабъ съ генералами во главѣ скрылись въ домѣ Фока.

Я отправился на телефонную станцію, написалъ описаніе объѣзда и попросилъ дежурнаго телефониста передать телефонограмму въ редакцію.

Аппаратъ былъ свободенъ, и передача началась немедленно.

Для того, чтобы не дразнить гусей, въ своемъ сообщеніи я поименовалъ всѣхъ начальствующихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ объѣздѣ.

Вдругъ телефонистъ прерываетъ передачу и проситъ меня къ телефону.

Беру трубку, слушаю—говоритъ самъ редакторъ, полковникъ Артемьевъ.

— Пожалуйста опускайте въ вашихъ сообщеніяхъ „ектеніи“: совершенно не интересно перечисленіе всѣхъ этихъ господъ.

— Хорошо-съ—что же оставалось мнѣ больше отвѣтить?

Мое положеніе было крайне тяжелое. Завтра всѣ „эти господа“ будутъ читать газету и, не найдя своихъ именъ, не на газету, а на меня начнутъ метать громы. А каждый изъ „этихъ господъ“ власть имущій не преминетъ устроить мнѣ какую-нибудь каверзу, что впослѣдствіи и оправдалось.

Да, повторяю, мое положеніе было очень тяжелое. Съ одной стороны—требованіе редакціи, не желавшей до времени жить въ мирѣ съ „этими господами“, а съ другой „эти господа“.

Уже начало смеркаться, когда Стессель вышелъ къ поѣзду.

Началась трогательная картина прощанія Стесселя съ Фокомъ. „Боевые товарищи“ долго трясли другъ другу руки.

— А вы съ нами? сказалъ Стессель, съ трудомъ взбираясь на площадку вагона I класса.

— Если разрѣшите?

— Конечно, конечно. Пожалуйте. А лошадь берете съ собой? Прикажете и ее погрузить?

— Лошади уже всѣ погружены ваше превосходительство, выручилъ меня кто-то изъ офицеровъ.

Стессель, Рейсъ и генералъ Кондратенко заняли одно купэ.

Въ другомъ сѣлъ подполковникъ Іолшинъ, капитанъ Степановъ и я.

Поѣздъ довольно быстро приближалъ насъ къ Артуру.

Я обратилъ вниманіе, что всѣ долины покрыты густымъ и и высокимъ, въ ростъ человѣка, гаоляномъ.

— Почему до сихъ поръ его не снимаютъ? Если намъ придется отходить къ Артуру, этотъ гаолянъ очень пригодится японцамъ. Они въ немъ будутъ скрываться еще лучше, чѣмъ въ чащѣ лѣса. А посмотрите подступы къ высотамъ (изъ окна открылся чудный видъ на Волчьи горы)—всѣ подступы густо заросли гаоляномъ; изъ окоповъ ничего нельзя будетъ разобрать, наступаютъ японцы, гдѣ и въ какихъ силахъ.

— У насъ утвердилось убѣжденіе, что мы долго еще продержимся на передовыхъ позиціяхъ. За это время мы успѣемъ гаолянъ скосить для фуража — холодно отвѣтилъ мнѣ подполковникъ Іолшинъ.

Стемнѣло уже, когда поѣздъ подошелъ къ Артуру. На вокзалѣ собралась для встрѣчи масса лицъ, „искренно любившихъ“ Стесселя.

Рейсъ и Іолшинъ сѣли въ поданную коляску, а Стессель, Кондратенко, Степановъ и я отправились домой верхами.

Генералъ продолжалъ ко мнѣ сегодня особенно благоволить.

— Ну что, господинъ военный корреспондентъ, видѣли наши позиціи? Каковы? А? Нѣтъ, шалишь—не скоро японцамъ удастся ихъ забрать. Вы, того, въ своей газеткѣ не особенно распространяйтесь. А то начнутъ наши ротозѣи болтать, а солдаты обрадуются, перестанутъ усердно работать. Они вѣдь рады—сейчасъ напьются. Да и вообще писать не надо. Мои приказы прочтутъ. Я вѣдь знаю, что и какъ нужно написать.

— Мой отчетъ будетъ сжатъ и составленъ строго въ предѣлахъ требованій военной цензуры.

— Да что цензура? Иной разъ чортъ ее знаетъ, что пропускаетъ. Кажется, скоро самъ буду вычеркивать ерунду. Ругаешь, ругаешь этихъ самыхъ цензоровъ, а проку ... слѣдовало „истинно-русское“ выраженіе.

Капитанъ Степановъ (исполнялъ должность цензора; положеніе его было не изъ завидныхъ) съ генераломъ Кондратенко ѣхалъ сзади, нѣсколько отступя. Не знаю, слышалъ ли онъ лестные по его адресу эпитеты, но во всякомъ случаѣ, если и слышалъ, ему это было не въ диковинку. Къ грубостямъ Стесселя давно всѣ привыкли.

Мы подъѣзжали къ порту.

— Вонъ поглядите сокровище наше. Засѣла во внутренней гавани и въ усъ себѣ не дуетъ. Понравился ей портъ, не хочетъ выходить. Вѣдь только и дѣла у нихъ, что гавань загрязнять. Жрутъ подлецы, съ мадамами гуляютъ, пьянствуютъ, а о дѣлѣ и думать забыли. Ихній адмиралъ, какъ его, Ухтомскій, князь еще—онъ только и признаетъ походы изъ западнаго бассейна въ восточный. Положительно не знаю, что мнѣ съ ними дѣлать. Кажется, кончится тѣмъ, что поверну на нихъ орудія и огнемъ выгоню въ море.

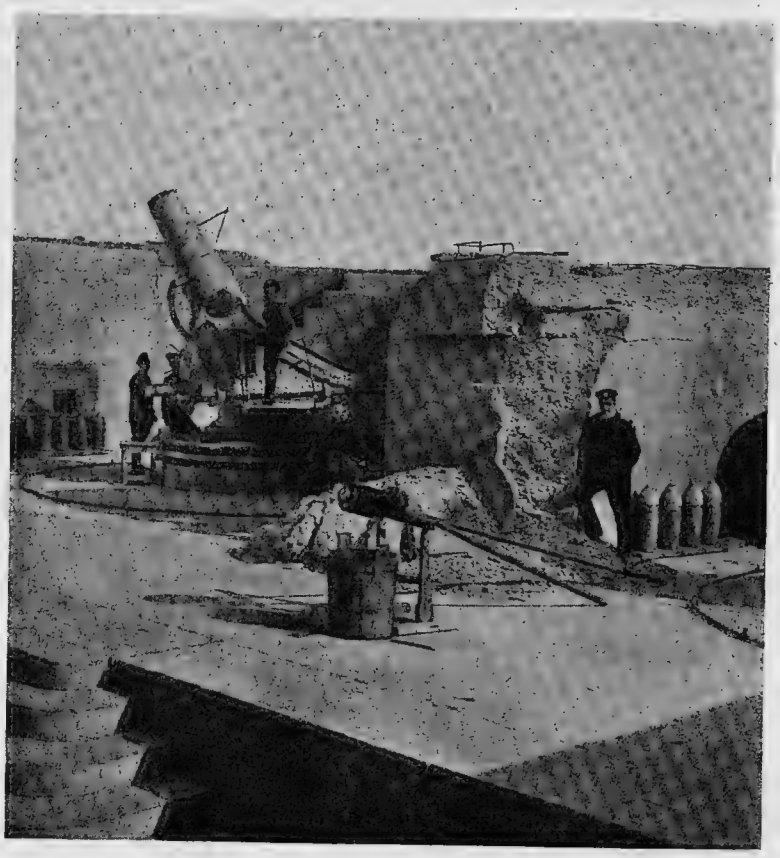
— Эскадра готовится къ выходу, она поставлена въ невозможныя условія ...—хотѣлъ было я возразить, но генералъ меня перебилъ:

— Врутъ подлецы! Никуда они не думаютъ выходить. Имъ страшно выходить—боятся японцевъ. Куда спокойнѣй сидѣть подъ защитой нашихъ пушекъ. Отъ нихъ не будетъ толку,

вся надежда на сухопутныя войска. На кой чортъ намъ эскадра?— Ушла бы — по крайней мѣрѣ для гарнизона провіантъ свой оставила бы, а то только безъ пользы его истребляетъ.

— Но она можетъ намъ дать почти девять тысячъ штыковъ, снаряды, орудія ...

— Не надо мнѣ ничего. Я и со своими управлюсь. Они трусы — заразятъ мнѣ войско, а на него только у меня и



Послѣ выстрѣла.

надежда. Пока все идетъ хорошо. Только вотъ мои генералы все ссорятся: комендантъ съ Фокомъ, Фокъ съ Кондратенко.

Тутъ я не вытерпѣлъ. Сорвалось. Это была моя крупная нетактичность, которая впослѣдствіи принесла печальные для меня результаты.

— Простите, ваше превосходительство, но что касается генерала Фока, то его поведеніе прямо непростительно. Вспом-

нитe Кинжоу. Я вѣдь тамъ былъ, видѣлъ все. А Куинъ-Санъ? Весь гарнизонъ, все населеніе съ негодованіемъ называетъ имя этого генерала...

Генералъ Стессель посмотрѣлъ на меня не то недоумѣвающее, не то злобно. Уже было темно—трудно было разобрать выраженіе его невыразительнаго лица, крайне слабо отражающаго душевныя движенія. Посмотрѣвъ на меня, онъ спокойно отвѣтилъ:

— Ну нѣтъ, это вы напрасно такъ нападаете на генерала Фока. Это мой старый товарищъ, я его знаю почти 20 лѣтъ. Онъ немного настойчивъ, но хорошій, очень хорошій человѣкъ, и я надѣюсь помирить его со Смирновымъ и Кондратенко.

Я понялъ свою оплошность, возражать мнѣ ничего не оставалось.

Мы подъѣжали къ зданію Пушкинскаго училища, гдѣ мнѣ была отведена квартира; направо черезъ улицу третій домъ былъ Стесселя.

— Ну, господа, кто ко мнѣ ужинать? крикнулъ Стессель, осадивъ коня.

Кондратенко и я, поблагодаривъ, отказались подъ благовиднымъ предлогомъ.

Эта была моя вторая ошибка.

Сдѣлалъ я это исключительно изъ боязни, чтобы меня не заподозрили въ исканіи передъ всемогущимъ въ Артурѣ Стесселемъ.

Не заѣзжая домой, отправился прямо въ редакцію. Меня слегка пожурили за „ектенью“ и намекнули о желаніи получить „крестикъ“.

Утромъ Стессель разрѣшился приказомъ за № 430.

„При подробномъ осмотрѣ и изученіи передовыхъ позицій я нашелъ почти всѣ ложементы помѣщены на высокихъ гребняхъ трудно доступныхъ горъ, что, разумѣется, правильно, взобраться на которыя представляетъ огромный трудъ, всѣ эти ложементы имѣютъ укрытія отъ шрапнельныхъ пуль и осколковъ, а слѣдовательно и, главное, для того, чтобы этимъ стрѣлкамъ спокойно поражать противника, который бы вздумалъ итти на горы, ими защищаемыя“...

Лично осмотрѣвъ эти неглубокіе рвы, я не видѣлъ даже признаковъ прикрытій. Кое-гдѣ солдаты устроили нѣчто въ родѣ шалашей изъ вѣтокъ, что, конечно, не могло защитить даже отъ дождя.

Далѣе:

„Надо желать, чтобы непріятель полѣзъ на эти горы открыто, въ атаку; пока его колонны поднимутся до 100—200 шаговъ до вершинъ, гдѣ мы спокойно сидимъ, онѣ утратятъ всякую способность къ удару, языки высунутъ, впереди будутъ наиболѣе сильные и храбрые, а сзади, внизу, будутъ наиболѣе слабые и трусливые; вотъ вы и ждите, когда противникъ истратитъ свои силы на подъемъ на тѣ кручи, на которыхъ вы такъ отлично устроены (дѣйствительно!), а на 100 шаговъ изъ бойницъ крытаго ложемента (такихъ ложементовъ не было, а если и были, то только жалкая пародія на нихъ) посылай ближайшему къ тебѣ, а еще лучше командиру или офицеру, вѣрную пулю; передніе, т. е. наиболѣе сильные и храбрые, будутъ убиты, задніе, не имѣя вожаковъ, залягутъ открыто и начнутъ стрѣлять или убѣгутъ, въ первомъ, а во второмъ случаяхъ ихъ разстрѣляютъ“...

Вотъ какъ представлялъ себѣ Стессель картину боя. Вотъ какую „абракадабру“ онъ подносилъ ввѣреннымъ ему войскамъ. Хоть бы догадался спросить у одного изъ участниковъ, уже бывшихъ въ бою, какъ японцы ведутъ наступленіе.

Читая этотъ приказъ, войска хохотали—они гораздо лучше знали, что нужно дѣлать, когда надвигается смерть.

Стессель пишетъ: „ . . . . надо желать, чтобы непріятель полѣзъ на эти горы открыто“... Что это за слабоумная наивность!

Генералъ, повѣствующій о пріемахъ обороны, еще не зналъ, что примѣръ кинжоускаго боя уже успѣлъ показать, какъ японцы ведутъ атаку. Онъ не зналъ еще, что противникъ прежде, чѣмъ двинуть штурмующія колонны, которыя у него были всегда густы, велъ подготовку атаки, развивая страшный артиллерійскій огонь, который положительно сметалъ все живое на нашей оборонительной линіи, и поддерживалъ его до тѣхъ поръ, пока японцы, выбивъ штыками нашихъ стрѣлковъ, не водружали на занятыхъ высотахъ свой флагъ. Только тогда орудійный огонь прекращался; но бывали даже случаи, когда японцы заберутъ высоту, а ихъ всегда прекрасно укрытыя батареи, не получивъ еще съ наблюдательныхъ пунктовъ увѣдомленій, продолжаютъ стрѣлять, поражая своихъ.

А генералъ, сидя у себя въ кабинетѣ, вдохновенно предавался творчеству увѣривъ себя и убѣждая другихъ, что на передовыхъ позиціяхъ отличные крытые ложементы.

Кажется, того, что онъ уже натворилъ, было достаточно; но нѣтъ—онъ вдохновился и продолжаетъ рисовать въ заманчивомъ видѣ перспективы боя на передовыхъ позиціяхъ:

„Всѣ высоты взаимно обстрѣливаются, а потому, если непріятель лѣзетъ на сосѣда, ты обязанъ обстрѣливать весь скатъ, по которому онъ лѣзетъ. Но если непріятель претъ прямо на тебя, то сосѣди возьмутъ его въ оборотъ огнемъ на дальнюю дистанцію, а ты уже ожидай—на тебя пусть лѣзетъ, пусть расходуетъ всѣ силы на подъемъ по этимъ страшнымъ кручамъ, подпускай его на 100 шаговъ и бей навѣрняка; увѣренъ, никакая часть не дойдетъ до васъ, а противъ обходовъ—резервы, фланговыя части“...

Храмъ своднаго госпиталя.

Потуги поддѣлаться подъ суворовскій слогъ, а въ результатѣ опять „абракадабра“. Генералъ, совершенно забывая о доминирующемъ значеніи артиллеріи, смѣло увѣряетъ войска, что „никакая часть не дойдетъ до васъ“...

Совершенно вѣрно—не имѣй японцы прекрасной и въ огромномъ количествѣ полевой и горной артиллеріи, не массируй они такъ энергично, такъ вѣрно орудійнаго огня, генералъ могъ быть увѣренъ, что никакая часть не дойдетъ до насъ. Но главное, главное онъ забывалъ. Забывалъ про артиллерію, въ которой ровно ничего не понималъ и которую, кстати сказать, очень не жаловалъ: офицеры стрѣлковыхъ частей награждались гораздо щедрѣе артиллеристовъ, несмотря на то, что главная борьба велась артиллеріей. Она, несмотря на ограниченное количество снарядовъ, парализовывала поступательное движеніе японцевъ къ вер-

камъ крѣпости, вначалѣ при открытыхъ штурмахъ, впослѣдствіи при приближеніи противника тихой сапой (приближеніе къ веркамъ крѣпости путемъ параллельныхъ траншей, соединявшихся ходами сообщенія).

Цитирую абракадабральный приказъ дальше:

— „...блиндажи уберегутъ васъ отъ пуль, шрапнели и осколковъ, и, если вы отсидитесь, то побьете много враговъ; если вылѣзете, понесете большія потери...“

Эта часть приказа печаталась, очевидно, или для Европы или для потомства. Мы же и войска, сидѣвшіе въ этихъ невидимыхъ блиндажахъ, никакъ не могли получить увѣренности „въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ, и въ ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ“, хотя большинство изъ насъ въ дни юности и черпало вѣру изъ катехизиса митрополита Филарета.

Но Стессель, предки котораго отряхнули прахъ свой отъ іудейства, былъ истиннымъ христіаниномъ и еще съ кадетской скамьи пріучилъ себя вѣрить въ невидимое, какъ бы въ видимое.

Продолжаю приказъ:

„Г.г. командиры частей, мѣста ваши будутъ преимущественно въ передовыхъ частяхъ, а потому—чтобы у всѣхъ у васъ тоже были блиндажи, откуда бы вы могли управлять своими передовыми частями, которыя вотъ въ этомъ случаѣ особой горной войны, будутъ имѣть рѣшающее значеніе...“

Г.г. командиры частей, при всемъ добромъ желаніи устроить себѣ прочные блиндажи, не могли этого сдѣлать за неимѣніемъ потребныхъ для этого матеріаловъ.

Подполковникъ Гусаковъ былъ убитъ именно въ блиндажѣ, изъ котораго ему рекомендовалось управлять своими частями.

„...необходимо сдѣлать показъ каждой части подъема на гору для атаки—и какъ встрѣчать и какъ помогать сосѣду; при этихъ показахъ быть внимательными и осматривать винтовки и патронохранилища...“

Теперь, когда непріятель насѣдалъ, рекомендуется производить на его глазахъ практическія занятія.

Почему войска не тренировались въ мирное время?

Было некогда. Нужно было заниматься глупѣйшей муштровкой, экономить патроны, одежду, обувь, пріучать людей къ полуголодовкѣ, набивая желудокъ нижнихъ чиновъ недопеченнымъ хлѣбомъ въ видахъ увеличенія полковыхъ хозяйственныхъ суммъ и т. д.

Четвертая дивизія Фока нѣсколько лѣтъ была уже расквартирована на полуостровѣ, но совершенно его не изучила. Люди

бродили въ потемкахъ по горамъ и дальше своего носа ничего не видѣли и не знали.

Дальше идутъ новыя откровенія вдохновившагося заурядъ-полководца:

— „...артиллеристамъ вездѣ прикрывать прислугу во время стрѣльбы и лошадей..."

Какъ должны были быть благодарны батарейные командиры за это наставленіе. Они и не подозрѣвали, что прислугу и людей нужно беречь.

— „Только при этомъ условіи, т. е. когда каждый чинъ твердо усвоитъ, какъ онъ долженъ дѣйствовать, мы навѣрное отстоимъ позиціи и положимъ врага тысячами. Увѣренъ, что начальники и стрѣлки исполнятъ мое ясное требованіе..."

Ни одного практическаго указанія, ни одной поправки, ничего—одна сплошная безграмотная абракадабра.

Когда этотъ приказъ читали въ обществѣ офицеровъ—одинъ шутникъ сказалъ: все въ немъ есть, но нѣтъ въ немъ главнаго, что съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ пишется и произносится Стесселемъ.

— Чего же? заинтересовались всѣ.

— Слова „ура", господа.

CXX.

Намъ продолжало адски не везти. Утромъ 11-го іюля облетѣло городъ извѣстіе, что лучшій нашъ миноносецъ „Лейтенантъ Бураковъ" и другой миноносецъ, „Боевой", ночью были подорваны подкравшимися минными катерами.

Особенно было досадно за гибель „Лейтенанта Буракова", который былъ такъ полезенъ для Артура. Онъ съ большимъ рискомъ сдѣлалъ нѣсколько рейсовъ изъ Артура въ Инкоу и обратно. Это былъ самый исправный и самый быстроходный миноносецъ, онъ могъ еще много сдѣлать для Артура, въ особенности находясь въ рукахъ такого опытнаго, дѣльнаго и лихого командира, какимъ являлся блестящій офицеръ, гордость всей нашей эскадры—лейтенантъ, нынѣ капитанъ II ранга, Бородатовъ.

Судьба въ теченіе всей осады берегла этого полезнаго офицера, но не доберегла—передъ самой почти сдачей осколками шального снаряда онъ былъ страшно израненъ, чуть ли не въ 40 мѣстахъ.

Послѣдній разъ я его видѣлъ въ госпиталѣ въ Шанхаѣ медленно поправлявшимся.

Въ бесѣдѣ со мной по поводу гибели „Буракова“ и „Боевого“, командиръ второго лейтенантъ баронъ Кассинскій говорилъ, что всѣ эти совершенно безсмысленныя посылки миноносцевъ въ ночныя дежурства не имѣли ровно никакого существеннаго значенія и, кромѣ утомленія людей и гибели миноносцевъ, ничего не приносили.

Гибель этихъ миноносцевъ произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Оба они съ вечера пришли на дежурство въ бухту Тахэ. Съ полуночи началъ сгущаться туманъ и настолько сильно, что въ морѣ въ разстояніи сажени ничего не было видно. Непріятель,

Въ Дальнинскомъ госпиталѣ.

давно уже освѣдомленный, что въ Тахэ дежурятъ наши миноносцы—воспользовавшись туманомъ, атаковалъ ихъ нѣсколькими миноносцами.

Завязалась перестрѣлка, при чемъ непріятель стрѣлялъ холостыми зарядами. Подъ шумокъ этой перестрѣлки, вызвавшей недоумѣніе экипажей, т. к. явилось основаніе предположить—не свои ли это, т. к. „опознательныхъ“ черезъ молочную пелену разобрать было нельзя — японцы подъ прикрытіемъ тумана пустили въ атаку свои маленькіе минные катера.

Не успѣли наши опомниться, какъ чуть не въ упоръ пущенныя мины прекратили существованіе двухъ лучшихъ миноносцевъ; едва удалось спасти команду.

Гибель „Буракова“, за которымъ успѣла уже упрочиться

слава, удручающе подѣйствовала на всѣхъ. Пессимисты начали, конечно, неистовствовать, предрѣшая участь Артура.

Въ этотъ день не было даже музыки на „этажеркѣ“,—такъ называли артурцы скверъ противъ дома Намѣстника. Музыка привлекала сюда много гуляющихъ. Это было единственнымъ въ Артурѣ развлеченіемъ, гдѣ собиралось все общество.

Кромѣ „этажерки“, музыка еще играла въ саду Квантунскаго экипажа, гдѣ жены морскихъ офицеровъ играли въ мячъ.

Иногда она играла въ городскомъ саду Новаго города.

По воскресеніямъ и средамъ, по распоряженію коменданта, оркестры играли у госпиталей и лазаретовъ.

Мѣра эта была вполнѣ цѣлесообразной. Музыка прекрасно дѣйствовала на выздоравливающихъ. Посѣщая въ это время больныхъ, я всегда наблюдалъ среди нихъ полное оживленіе.

CXXI.

Незадолго передъ рѣшительнымъ боемъ на Зеленыхъ горахъ наши охотники начали приносить подбрасываемыя японцами прокламаціи, написанныя довольно плохимъ русскимъ языкомъ.

Всѣмъ намъ показалось это подозрительнымъ: ужъ не готовятся ли они перейти въ наступленіе?

Положимъ, давно можно было ожидать, что японцы начнутъ шевелиться: почти мѣсяцъ они не проявляли признаковъ жизни.

Если бывали легкія столкновенія, завязываемыя нашими охотничьими командами, они обыкновенно оканчивались сущими пустяками и положительныхъ результатовъ не давали. Мы попрежнему ничего не знали, и поэтому не могли составить себѣ даже приблизительнаго представленія о томъ, что творится въ расположеніи противника, въ какихъ силахъ онъ сосредоточивается, сколько у него орудій, гдѣ они расположены.

Всегда получались разнорѣчивыя и сбивчивыя донесенія начальниковъ охотничьихъ командъ.

Бывало явится утромъ съ развѣдки офицеръ, начальникъ охотничьей команды, много говоритъ, чертитъ, поясняетъ полковнику Семенову.

Кажется, все ясно. Но бѣда бывала въ томъ, что явится другой и тоже обстоятельно докладываетъ, но по его чертежамъ и устнымъ поясненіямъ выходитъ совсѣмъ другое.

Для начальника отряда ставился на разрѣшеніе довольно трудный вопросъ.

Начальникъ отряда, помимо своихъ прямыхъ обязанностей, долженъ былъ рѣшить, гдѣ истина.

Найти ее было, конечно, очень трудно, и начальникъ штаба безцеремонно самъ разрѣшалъ этотъ сложный вопросъ. Бралъ среднее изъ 2-хъ донесеній, склоняясь на сторону того изъ офицеровъ, который, по личному его мнѣнію, заслуживалъ болѣе довѣрія, и въ этомъ, уже переработанномъ видѣ, донесеніе о расположеніи силъ противника шло дальше.

Однажды утромъ одинъ изъ офицеровъ доставилъ въ штабъ отряда экземпляръ японской прокламаціи.

Это совпало съ полученіемъ извѣстія, что владивостокскіе крейсера потопили нѣсколько японскихъ транспортовъ, въ томъ числѣ и транспортъ, нагруженный осадными орудіями, предназначенными для Артура.

Хотя скептики не придавали этому особенной вѣры, но ликованіе, тѣмъ не менѣе, было общее. Еще бы! Артуръ на долгое время, а можетъ быть и совсѣмъ избавленъ отъ удовольствія подвергнуться бомбардировкѣ изъ осадныхъ орудій.

Штабъ раіона немедленно составилъ прокламаціи, отлитографировалъ ихъ и отправилъ къ японцамъ.

Но по невѣдомымъ для меня причинамъ прокламаціи были составлены не на японскомъ, а на русскомъ языкѣ, хотя въ распоряженіи штаба раіона было два студента изъ института восточныхъ языковъ, владѣвшихъ японскимъ и китайскимъ языками.

Я до сихъ поръ не могу понять, почему онѣ были напечатаны на русскомъ языкѣ.

Положимъ, мы уже знали, что въ японской арміи русскій языкъ очень распространенъ, но не всѣ же японцы его знали.

Во всякомъ случаѣ, имъ было бы легче прочесть прокламацію на родномъ языкѣ.

Наша прокламація гласила слѣдующее: — „Вашъ осадный паркъ потопленъ русскими крейсерами. Паркъ этотъ назначался для Артура. Это вѣрно и сообщается вамъ для свѣдѣнія.

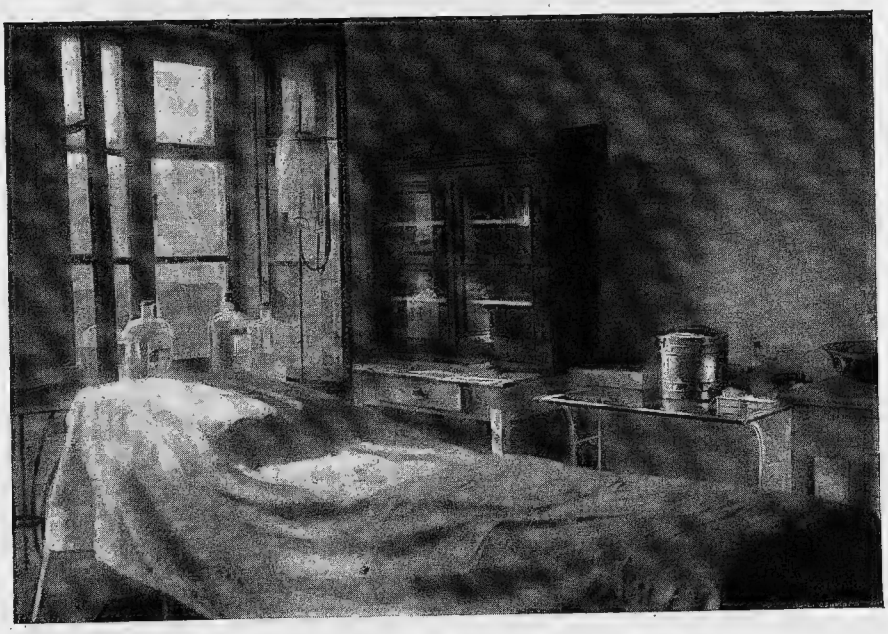
„Маршалъ Ояма, назначенный заблаговременно вице-королемъ Манчжуріи, также потопленъ вмѣстѣ со своимъ штабомъ. Кромѣ того, потоплено еще два транспорта“.

Радостное извѣстіе оказалось вымысломъ, и я воображаю, какъ хохотали японцы, читая наше извѣщеніе.

Насколько я успѣлъ узнать порядки японской арміи въ мою бытность въ Японіи—я увѣренъ, что были приняты всѣ мѣры и, конечно, очень быстро, чтобы не ложно офиціальнымъ,

а правдиво офиціальнымъ языкомъ поставить армію въ извѣстность, что въ дѣйствительности произошло съ транспортами.

Кромѣ того, при общей въ Японіи грамотности, при обиліи писемъ, которыми наводнялась армія, массѣ получаемыхъ газетъ, постоянныхъ офиціальныхъ сообщеній, отсутствіи тактики надувательства правительствомъ всѣхъ и каждаго—армія давно бы была поставлена въ полную извѣстность о такомъ крупномъ



Перевязочная.

несчастіи и, конечно, несравненно ранѣе узнала бы о немъ, чѣмъ мы, отрѣзанные отъ всего міра.

Отправкой этихъ прокламацій мы показали японцамъ полную свою несостоятельность и еще болѣе убѣдили ихъ въ томъ, что они имѣютъ дѣло съ начальниками, не только недобросовѣстными, но еще хуже — начальниками неразумными, скажу больше, глупыми.

А японецъ все мотаетъ себѣ на усъ. Онъ на каждую мелочь обращаетъ вниманіе, мимо чего мы пройдемъ.

Сознаніе, что дальнѣйшая борьба предстоитъ съ войсками, у которыхъ начальники глупые, безусловно подняло духъ у японцевъ.

Бороться съ недобросовѣстнымъ, но умнымъ полководцемъ гораздо труднѣй, чѣмъ съ недобросовѣстнымъ и глупымъ.

Привожу текстъ одной изъ японскихъ прокламацій.

Воззваніе къ солдатамъ русской арміи.

Дорогіе солдаты!

Знаете ли истинное положеніе вашей манчжурской арміи, что ваша армія оттѣснена непріятелями изъ южной Манчжуріи, что Инкоу и Хайчинъ взяты японцами, что самый Ляоянъ, гдѣ главная сила Куропаткина, находится въ отчаянномъ положеніи? А вы, находясь въ безвыходномъ Артурѣ, осажденномъ непріятелемъ со всѣхъ сторонъ, всею энергіей защищаете свой городъ и готовитесь пролить свою послѣднюю кровь; однако, всѣ ваши усилія и заботы остаются безполезными—Артуръ будетъ взятъ на дняхъ; вы думаете, что вы сражаетесь за царя и отечество, но ошибаетесь: настоящая война начата не волею царя и не голосомъ народа, а волею нѣсколькихъ вашихъ политиковъ, которые настоящею войною хотѣли обезсмертить свои имена; но Богъ всегда на сторонѣ справедливыхъ. Вы сами знаете, какая судьба ждетъ васъ и Артуръ, вы хорошо знаете, что Артуръ будетъ взятъ японцами, несмотря на ваши усилія и на вашу самоотверженную храбрость.

Ваши жены, дѣти и родственники, находясь на отдаленной родинѣ, лишившись своихъ мужей, отцовъ и сыновей, лишившись жизненныхъ средствъ, не получая никакого извѣстія отъ васъ, не имѣя никакого утѣшенія, день и ночь безпокоятся о васъ и, находясь въ крайне печальномъ положеніи, всею душою молятся Богу, какъ вопіющій голосъ въ пустынѣ, о вашемъ спасеніи; нѣкоторыя изъ вашихъ женъ прислали письма въ японскій генеральный штабъ, въ которыхъ онѣ просили дать свѣдѣнія о васъ. Итакъ, вы сражаетесь не для царя и не для отечества, не для своихъ любимыхъ, а для вашихъ жестокихъ и честолюбивыхъ политиковъ. Не сражайтесь даромъ, спасайтесь сами на шаландахъ въ ближайшіе нейтральные порты, всемогущій, вездѣсущій Богъ дастъ вамъ благодать и благословитъ вашъ поступокъ. Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.—Неизмѣнный вашъ другъ.

CXXII.

11 іюля командиръ 4-ой роты 26 полка капитанъ Романовъ прислалъ ко мнѣ рядового Сергѣя Саламатова, переведеннаго приговоромъ суда въ разрядъ штрафованныхъ.

Мнѣ необходимо было съ нимъ побесѣдовать по поводу разразившагося надъ нимъ несчастія.

Въ Артурѣ разыгралось за время осады много драмъ, но печальная исторія Сергѣя Саламатова произвела на меня особенно тяжелое впечатлѣніе.

Кромѣ того, во всей этой драмѣ рельефно обрисовалась фигура Стесселя съ его нравственнымъ обличіемъ.

Сергѣй Саламатовъ пришелъ ко мнѣ въ палатку. Его измученное, блѣдное лицо ясно выражало тѣ душевныя пытки, которыя ему недавно пришлось перенести.

Я въ общихъ чертахъ зналъ всю его исторію, но мнѣ хотѣлось выслушать его лично.

Еще въ маѣ объ этой пыткѣ, устроенной ему Стесселемъ, разсказывалъ мнѣ священникъ церкви при сводномъ госпиталѣ отецъ Ѳедоръ Скальскій.

Саламатовъ, видимо, недоумѣвалъ, зачѣмъ его позвали, нервничалъ и волновался.

Успокоивъ его, я попросилъ разсказать мнѣ все, что пришлось ему пережить съ того момента, какъ его арестовали.

Повѣривъ мнѣ, что я не слѣдователь, а только участливо относящійся къ его несчастью человѣкъ, Саламатовъ началъ очень подробно разсказывать все.

Дѣло было въ слѣдующемъ.

Задолго еще до объявленія войны, онъ, состоя нарядчикомъ у военнаго инженера, подполковника Крестинскаго, сошелся съ японкой, но жилъ съ ней, не вступая въ бракъ.

Когда неожиданно разразилась гроза, его жена Хару Кавариси, по просьбѣ Саламатова, не уѣхала въ Японію, а рѣшила остаться съ мужемъ.

Она была, кажется, единственной японкой въ Артурѣ.

Въ виду того, что они не были въ законномъ бракѣ, ей необходимо было скрываться отъ всѣхъ. О ея существованіи въ Артурѣ зналъ только преданный имъ китаецъ „*boi*“ и десятникъ Лентовскій.

Вначалѣ все шло хорошо. Лентовскій получалъ мзду и опасность ниоткуда не грозила. На боя же тоже можно было положиться вполнѣ.

Лентовскій, зная, что Саламатовъ зарабатываетъ, въ качествѣ нарядчика, хорошія деньги, время отъ времени увеличивалъ взимаемую мзду. Постепенно аппетитъ разыгрывался, жизнь день ото дня становилась дороже. Въ концѣ концовъ требованія его стали чрезмѣрно высокими — Саламатовъ началъ протестовать.

Лентовскій грозилъ раскрытіемъ тайны. Требованія его удовлетворялись, но съ трудомъ.

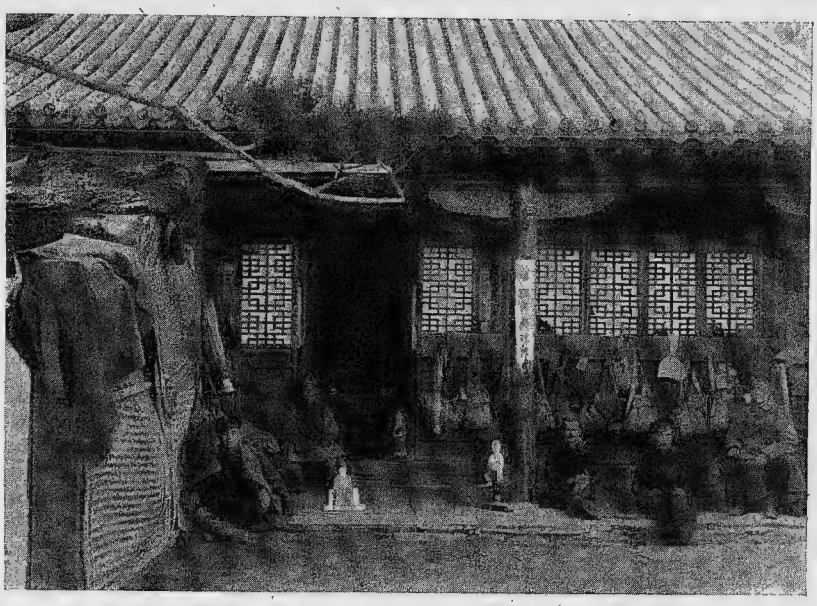
Наконецъ 19 мая Лентовскій сообщилъ обо всемъ подполковнику Крестинскому, который, призвавъ къ себѣ Саламатова, сказалъ:

— Я вамъ совѣтую сообщить полиціи.

Саламатовъ, надѣясь устроить дѣло съ послѣдней, отвѣтилъ:

— Я беру на себя все.

— Ужъ очень мнѣ не хотѣлось разставаться съ ней—пояснилъ мнѣ начавшій опять волноваться Саламатовъ.



Китайская кумирня.

— Прихожу домой, жена плачетъ. Говоритъ, что видѣла во снѣ, что ее арестовали. Убивается. Успокоивалъ ее, а самъ тому не вѣрю. 21-го ее арестовали. Бой просилъ обождать меня, но околоточный отвѣтилъ, что нужно только японку.

Вернулся 21-го домой, отъ жены записка. Мой бой Тый-Тхенъ плачетъ. Прихожу въ полицейское управленіе, она тамъ. Лица на ней нѣтъ.

Помощникъ полицмейстера рветъ и мечетъ. „Повѣсятъ“, кричитъ. „Допроса не снимать! Сейчасъ донесу коменданту“.

На другой день и меня арестовали.

Сижу въ камерѣ и не знаю, что меня ожидаетъ. Вдругъ вбѣгаетъ смотритель, къ женѣ требуетъ. Вхожу—она меня не

узнаетъ, а вся страшно трясется. Докторъ тутъ стоитъ, городской докторъ Келпшъ. Сталъ успокаивать, обнялъ ее. Докторъ приказалъ всѣмъ уйти. Едва ушли—съ ней припадокъ. Я крѣплюсь, чувствую, что дѣлается и со мной что-то неладное. Наконецъ жена успокоилась. Отвели въ камеру. Часу не прошло—опять требуютъ. Ведутъ къ воротамъ.

Вышелъ, а тамъ Стессель на лошади.

Увидѣлъ меня—страшно закричалъ:

— Христопродавецъ! Заковать измѣнника! Приготовить къ смерти! Завтра на Суворовскомъ плацу повѣсить! Убрать!

Едва перешагнулъ калитку—вернулъ:

— Ты православный? Въ церковь не ходишь? Повѣсить!

Я хотѣлъ ему возразить, самъ не знаю что—онъ какъ бросится на меня—думалъ: начнетъ бить—а самъ кричитъ: „Молчать, мерзавецъ, убрать мерзавца!“

На слѣдующій день отецъ Ѳедоръ Скальскій получилъ отъ благочиннаго военныхъ церквей Квантунской области слѣдующее предписаніе.

Благочинный надъ духовенствомъ военныхъ церквей Квантунской области.

23 Мая 1904 г.

№ 104.

Его Благословенію,

Отцу Ѳедору Скальскому.

Покорнѣйше прошу Ваше Благословеніе потрудиться причастить сегодня болящаго въ арестномъ домѣ (полицейская тюрьма), по приказанію генерала Стесселя, выраженному отношеніемъ ко мнѣ отъ представителя арестнаго дома.

У меня нѣтъ запасныхъ даровъ въ данную минуту — то прошу Васъ обезпечить это дѣло.

Благочинный,

Священникъ Николай Глаголевъ.

Отецъ Ѳедоръ Скальскій уклонился отъ этой тяжелой обязанности и, заявивъ, что онъ очень занятъ, указалъ, что полковые священники, части которыхъ расположены на позиціяхъ и на веркахъ крѣпости, совершенно свободны.

Отецъ Скальскій былъ совершенно правъ, указывая на полковыхъ священниковъ.

Дѣйствительно, послѣдніе, живя порознь отъ своихъ полковъ, ровно ничего не дѣлали. На передовыхъ позиціяхъ я ви-

дѣлъ только двухъ священниковъ—5 и 26 полковъ. Какъ первый, такъ и послѣдній во время боя находились въ сферѣ огня. Отецъ же Скальскій, на рукахъ котораго было много тяжело раненыхъ, и который такъ любовно къ нимъ относился, дѣйствительно былъ очень занятъ.

Обязанность исповѣдать и причастить Саламатова была возложена на одного изъ полковыхъ священниковъ.

Продолжаю разсказъ Саламатова:

— „Наступилъ уже вечеръ 23 мая. Я ничего не понималъ. Я какъ-то остылъ. Все боялся, что дверь отворится и меня поведутъ—и тутъ начинала голова кружиться. Съ жадностью пилъ воду и все думалъ—никогда такъ много не думалъ—но не о смерти, а о чемъ-то совсѣмъ другомъ. Да, жену было жалко, до слезъ жалко. Потомъ радостно становилось, что все это только такъ, пройдетъ. Такъ во снѣ бываетъ—кошмаръ душитъ, и вдругъ сразу легко и свѣтло станетъ.

Наконецъ отворилась дверь, и меня повели; кандалы мѣшали. Пришли въ церковь, что ли. Тамъ уже всѣ арестанты. Я сталъ сзади и притаился. Ужасно было тихо, и никто на меня не смотрѣлъ. Наконецъ заговорилъ кто-то громко.

— Который нуждается въ причастіи, осужденъ? Пусть выйдетъ.

Меня взялъ кто-то за руку и потянулъ.

Я прошелъ впередъ, увидѣлъ человѣка чернаго и съ краснымъ, краснымъ лицомъ. Какъ теперь помню, испугался и попятился. Надзиратель надавилъ въ спину.

Я машинально продвинулся впередъ.

Я очутился прямо передъ священникомъ.

— На колѣни! строго приказалъ онъ и началъ быстро читать молитвы.

Я не слышалъ, какъ всѣ ушли, совсѣмъ отупѣлъ, стою на колѣняхъ и ничего не соображаю.

— Кайся, сынъ мой!

Я началъ кое-что соображать, что-то отвѣчалъ на задаваемые вопросы, потомъ и совсѣмъ опомнился. Мнѣ страшно стало гадко этого человѣка. Впереди смерть, а отъ него такъ водкой пахло. Не вытерпѣлъ, сказалъ ему.

— Да за что же меня будутъ вѣшать? Я ничего не сдѣлалъ. Это моя жена. Я не виноватъ.

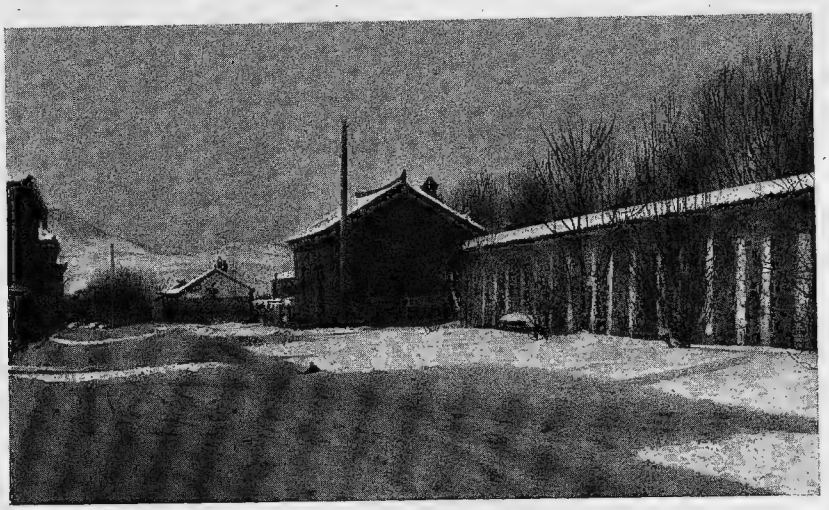
— Покорись, сынъ мой—воля начальства. Если не виновенъ, тебѣ воздастся—и Христосъ невинно пострадалъ. Кайся. Тамъ, тамъ все разберутъ.

— Я понялъ, что все кончено. Проглотилъ причастіе. Скверно на душѣ стало. Лучше мнѣ было тогда сразу умереть. Я ничего уже не понималъ. Мнѣ хотѣлось только одного, чтобы кандаловъ не было. По всему тѣлу отъ нихъ какой-то зудъ шелъ.

Священникъ кончилъ говорить молитвы. Вошли опять арестанты, онъ ихъ приказалъ позвать.

Когда все стихло, онъ опять заговорилъ. Я былъ словно въ туманѣ. Теперь уже хотѣлось, чтобы все это скорѣй кончилось. Все равно—какъ, лишь бы кончилось.

Теперь даже, когда я это все вспоминаю, дрожь беретъ: такъ тогда тяжело было".



Въ арсеналѣ.

Дѣйствительно, Саламатовъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Нервничалъ, все оборачиваясь назадъ, словно сзади стоялъ кто-то и нашептывалъ ему объ ужасныхъ минутахъ минувшаго. Въ глазахъ сверкали слезы, онъ сдерживалъ ихъ и наконецъ разрыдался. Очевидно, это были самыя жестокія минуты во всей пережитой имъ пыткѣ.

Успокоившись, онъ вяло продолжалъ, только въ глазахъ засвѣтился недобрый огонекъ.

— „Меня увели. Всю ночь я глазъ не сводилъ съ окна: утра боялся. Вѣдь утромъ должна была смерть притти. Чего только я не передумалъ сдѣлать—а на дѣлѣ рукой пошевельнуть было трудно. Я словно сто лѣтъ прожилъ. Со свѣтомъ ко мнѣ блѣдный совсѣмъ околоточный заглянулъ.

— Васъ казнятъ. Плохо!

Сказалъ и ушелъ. Онъ ушелъ, а я вспомнилъ, что нужно завѣщаніе на имя жены сдѣлать. Попросился выйти. Своего китайца увидѣлъ. Его бѣднягу высѣкли. Очень его просилъ жену поберечь и не говорить, что мнѣ „кантами".

Пришелъ смотритель Парнѣкъ. Хорошее такое, доброе лицо у него. Успокаиваетъ—не надо завѣщанія.

День прошелъ. Другой. Зачѣмъ они меня такъ мучили? Двери сталъ бояться. Шаговъ боялся. Не знаю ужъ, какъ я съ ума не сошелъ.

На четвертый день въ канцелярію повели. Тамъ объявили, что полевому суду предаюсь. Все равно убьютъ — только оттяжка.

На пятый день подъ сильнымъ конвоемъ отправили въ жандармское управленіе. Князь Микеладзе допросъ снималъ. Вѣжливо просилъ всю правду разсказать. Я ему все начисто разсказалъ. Душевный онъ человѣкъ. Васъ еще, говоритъ, вызовутъ.

На седьмой день, 30 мая, опять къ нему. Объявили мнѣ, что инженеровъ запрашивали. Самое большее—мѣсяцъ тюрьмы, и въ войска.

Мнѣ было уже тогда положительно все равно—только попросилъ кандалы снять.

Князь отвѣтилъ:

— Не могу. Только Стессель можетъ. Я похлопочу.

Скоро жену допрашивали; измучилась она, плохо съ ней было. Бросили допрашивать.

Наканунѣ ея отъѣзда допустили свиданіе съ женой.

— Катя, говорю, завтра надо ѣхать.

— Не хочу—крикнула—и залилась слезами; едва успокоилъ. Утромъ 3 іюня отправили и проститься даже не дали. Черезъ окно мы простились.

15 іюня бумага пришла. Кандалы сняли и въ полкъ отправили. Когда шелъ на позиціи—я плакалъ".

Этой фразой онъ кончилъ свое повѣствованіе и задумался.

Я не рѣшался нарушить наступившее молчаніе.

За палаткой игралъ оркестръ музыки.

Нѣсколько офицеровъ, подъ общій хохотъ, плясали трепака. Подпоручикъ Протасовичъ и поручикъ Чивчинскій потѣшали всѣхъ.

Саламатовъ продолжалъ сидѣть задумавшись.

Наконецъ онъ поднялся.

— „Спасибо вамъ за участіе. Вотъ карточка моей Кати,— она висѣла у него на груди въ клеенчатомъ мѣшкѣ.—Можетъ быть, хотите посмотрѣть?“

Я долго потомъ глядѣлъ вслѣдъ удалявшемуся.

Живъ ли Сергѣй Саламатовъ?

CXXIII.

12-го іюля часовъ около 4-хъ прибылъ къ намъ въ штабъ начальникъ праваго отряда полковника Семенова генералъ Кондратенко.

За чаемъ зашелъ разговоръ о завтрашнемъ днѣ. Романъ Исидоровичъ, по обыкновенію, пилъ чай съ краснымъ виномъ.

— Что дастъ намъ завтрашній день? Японцы убійственно молчатъ. Быть грозѣ, мнѣ говоритъ предчувствіе — сказалъ Науменко.

— Навѣрное, завтра что-нибудь да разыграется — согласился полковникъ Семеновъ.

Романъ Исидоровичъ, облокотившись на столъ и мѣшая ложечкой въ стаканѣ, улыбался своей удивительно привлекательной улыбкой. Небольшіе, выразительные, добрые глаза его свѣтились такимъ хорошимъ, чистымъ свѣтомъ, что невольно не хотѣлось отводить отъ него взора.

Онъ посмотрѣлъ на говорившихъ и, повернувшись въ сторону собравшихся китайчатъ, сказалъ своимъ тихимъ, ровнымъ голосомъ:

— Число 13 для Артура стало роковымъ. 13 мая мы отдали Кинжоу, 13 іюня потеряли Куинъ-Санъ; очевидно, и грядущій день будетъ чреватъ событіями. При этомъ не нужно забывать, что завтра у японцевъ большой національный праздникъ; кажется— праздникъ „хризантемъ“. Навѣрное, они захотятъ порадовать чѣмъ нибудь микадо.

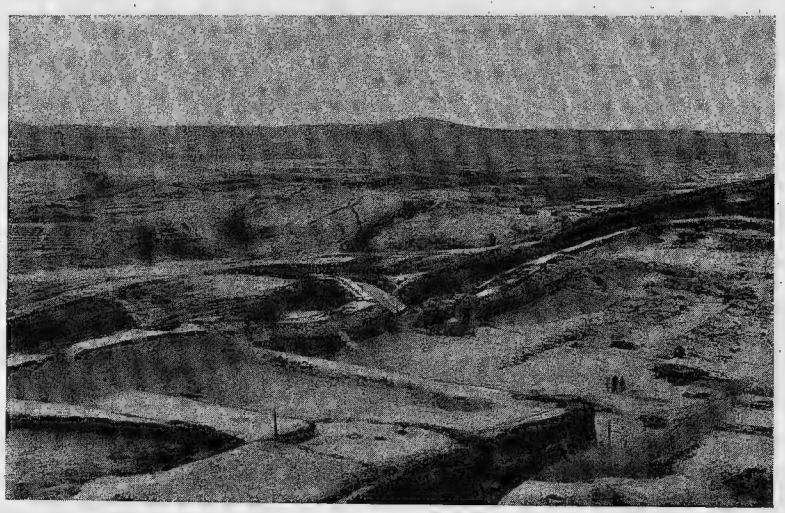
— Ваше превосходительство, что можетъ быть хуже положенія обороняющагося? То-ли дѣло наступать? Вся иниціатива у наступающаго. А ты вотъ тутъ сиди и гадай, когда вздумается ему начать наступленіе. Отвратительное состояніе! кипятился всегда подвижной и очень энергичный полковникъ Семеновъ.

— Да, положеніе обороняющагося не изъ легкихъ и не изъ выгодныхъ—въ особенности въ условіяхъ, подобныхъ нашимъ. Много сдѣлано крупныхъ ошибокъ. Намъ предстоитъ крупное дѣло. Завтра рѣшительный бой, и намъ необходимо удержаться

на занятыхъ позиціяхъ.—А что Владиміръ Ѳедоровичъ, вы отдали приказаніе объ усиленіи сторожевыхъ цѣпей и предупредили офицерскій составъ, что завтра нужно ожидать наступленія?

— Какъ же, ваше превосходительство.

— Къ вечеру подойдутъ резервы. Комендантъ согласился дать нѣсколько ротъ запасныхъ баталіоновъ. Ихъ нужно будетъ поставить бивуакомъ на ночь здѣсь, въ Литангоуской долинѣ. Завтра вы командуете общимъ резервомъ. Маловато у насъ войскъ, нужно будетъ очень осмотрительно и экономно расходовать резервъ.



Видъ на восточный фронтъ.

— Ну-съ, а вы какъ себя чувствуете въ новой сферѣ дѣятельности?—ласково обратился Кондратенко къ сидѣвшему съ нами члену портъ-артурскаго окружнаго суда Загоровскому, зачислившемуся волонтеромъ въ 26 полкъ.

— Отлично, ваше превосходительство. Постепенно привыкаю къ бивуачной жизни.

— Завтра г. Загоровскій будетъ у меня ординарцемъ — вы вѣдь согласились. Только предупреждаю—и достанется же вамъ, если бой дѣйствительно разыграется, шутилъ полковникъ Семеновъ.

— Евгеній Николаевичъ, намъ пора и двигаться на Скалистую гору, обратился Кондратенко къ Науменко и всталъ.

— Господа, прикажите подать лошадей. Сегодня необходимо хорошенько обстрѣлять Куинъ-Санъ. Мы до сихъ поръ не знаемъ, поставилъ противникъ тамъ орудія, или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, тамъ устроенъ главный наблюдательный пунктъ, тамъ телефонная станція, объ этомъ мнѣ докладывалъ Бутусовъ. Тамъ будетъ сосредоточено главное управленіе боемъ. Противникъ, можетъ быть, отвѣтитъ и этимъ обнаружитъ расположеніе своихъ батарей.

Подали лошадей. Семеновъ проводилъ насъ до Луньвантаньской долины и поѣхалъ на боевую линію.

Мы же извилистой дорогой рысью пошли по долинѣ и черезъ 3/4 часа были у подошвы Скалистой горы, на которой былъ расположенъ мортирный взводъ.

Всю дорогу Романъ Исидоровичъ почти молчалъ, все увеличивая аллюръ. Рѣдко, рѣдко спроситъ кого-нибудь изъ насъ.

Видимо, онъ волновался.

Прибывъ къ мѣсту назначенія — были крайне удивлены, найдя мортиры скаченными внизъ.

— Это почему? удивился Романъ Исидоровичъ: вѣдь я сообщилъ, что буду здѣсь съ цѣлью обстрѣлять Куинъ-Санъ. Кто же это распорядился?—сердился Кондратенко.

Этотъ мягкій человѣкъ не умѣлъ, кажется, навести страхъ. О ругани и „истинно-русскихъ“ выраженіяхъ не было и помину.

Онъ сердился такъ, какъ возмущается каждый интеллигентный человѣкъ.

Какимъ онъ былъ въ обществѣ дамъ, такимъ онъ оставался и въ обществѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

— Кто же приказалъ скатить мортиры?

Оказалось, что распоряженіе было отдано Фокомъ, по какимъ-то высшимъ соображеніямъ.

Генералъ Кондратенко приказалъ поставить орудія обратно.

Пока ихъ подымали по крайне крутому подъему, начало уже темнѣть.

А къ тому времени надъ вершиной Куинъ-Сана начало сгущаться облако.

Когда мортиры были установлены, половина Куинъ-Сана была окутана тучей, распространившейся на все расположеніе противника.

Объ открытіи огня нечего было и думать.

Фокъ рѣшилъ, что огня открывать не слѣдуетъ, и добился-таки своего.

Даже природа ему на этотъ разъ помогла.

Съ пріѣздомъ Кондратенко, на Скалистую гору собрались командиръ 4-ой артиллерійской бригады полковникъ Ирманъ, командиръ 14-го полка Савицкій и много офицеровъ изъ ближайшихъ окоповъ.

Савицкій, очевидно, былъ здѣсь по порученію Фока, чтобы понаблюдать за Кондратенко.

Ожиданія были напрасны!

Какъ Романъ Исидоровичъ ни былъ возмущенъ и взволнованъ каверзой, которую ему, конечно, преднамѣренно устроилъ Фокъ, онъ въ присутствіи офицеровъ ни полсловомъ не выразилъ своего неудовольствія.

Но далеко не такъ себя велъ Фокъ. Онъ всюду и вездѣ, даже не стѣсняясь личнымъ присутствіемъ (читатель прочтетъ объ этомъ во 2-й части), ругательски-ругалъ Кондратенко.

Съ наступленіемъ сумерекъ мы отправились назадъ. Ирманъ ѣхалъ рядомъ съ Кондратенко и о чемъ-то горячо съ нимъ говорилъ.

Кондратенко упорно молчалъ.

Науменко былъ тоже не въ духѣ.

Добравшись до ставки Ирмана, мы простились съ послѣднимъ и поѣхали втроемъ.

— Ну что прикажете дѣлать съ Фокомъ? До какихъ предѣловъ дойдетъ его упрямство? Неугодно ли работать и служить съ такими господами! Что вы полагаете Евгеній Николаевичъ? первымъ нарушилъ долго длившееся молчаніе Кондратенко.

— Я, я положительно ничего не понимаю. Думаю, что добромъ все это не кончится.

— Да вѣдь у насъ творится нѣчто невозможное. Фокъ, судя по его поступкамъ, хочетъ, кажется, и тутъ повторить Кинжоу. У него только и разговору о сбереженіи людей и снарядовъ. Онъ безусловно противъ операцій на передовыхъ позиціяхъ, и, если бы не комендантъ, онъ давно бы спрятался въ Артуръ. Преподнесетъ онъ намъ сюрпризъ—охъ, какъ боюсь я этого! Чуть что—онъ сейчасъ на попятный, а потомъ будетъ всѣхъ увѣрять, что онъ предсказывалъ это.

— А развѣ нельзя его отставить отъ командованія? спросилъ я Романа Исидоровича.

— Нѣтъ, теперь это невозможно. Пока мы оперируемъ въ раіонѣ, пока Стессель управляетъ всѣмъ, объ этомъ и думать нечего. Стессель только его слушаетъ. А Фокъ интригуетъ противъ всѣхъ. Вотъ когда начнется фактическая блокада крѣпости, когда власть перейдетъ къ коменданту, тогда его живо Смирновъ сократитъ. А пока онъ начальникъ раіона.

— А развѣ противъ него нельзя повести тоже интригу?

— Э, нѣтъ! Это бывалый дальне-восточный воронъ. Его и конемъ не объѣдешь. Въ дѣлѣ интригъ это вдохновенный артистъ. Вся его карьера построена на интригахъ.

— Но вѣдь это ужасно!

— Что подѣлать? Нужно теперь умомъ пораскинуть. Нужно помѣшать ему устроить здѣсь второй Киньчжоу.

Знаете, что я вамъ скажу? куда вы ни взглянете—ужасъ беретъ. Кругомъ сплошная авантюра. Присмотритесь, что творилось и творится.

Нѣтъ людей, желающихъ дѣйствительно работать, сознательно приносить пользу. Что могла и можетъ сдѣлать незначительная горсть людей, преданныхъ долгу, противъ этой оравы хищниковъ?

Я не говорю про массу офицеровъ строевыхъ, они тутъ ни при чемъ, хотя и на нихъ отражается примѣръ старшихъ начальниковъ.

Посмотрите, что творили инженеры во главѣ съ ихъ начальникомъ Базилевскимъ. Девизъ этого генерала былъ простой, но выразительный: „все себѣ въ карманъ“.—

Впервые я увидѣлъ Кондратенко въ сильномъ волненіи, граничащемъ съ негодованіемъ. Глаза его горѣли, лицо поблѣднѣло.

— Богъ съ вами, воруйте, но не переходите предѣловъ, вспомните, что это народныя деньги. Вознаграждайте себя, но дѣла, дѣла не забывайте—при этихъ словахъ онъ даже приподнялся на сѣдлѣ и, давъ шпоры, перешелъ на полную рысь.

Вороной его конь быстро понесся впередъ—мы едва за нимъ поспѣвали. Науменко совсѣмъ было плохо, у его коня сорвалась подкова.

Въ штабѣ Семенова насъ ожидалъ ужинъ. Кондратенко отъ него отказался и, попросивъ чаю, началъ совѣщаться съ Семеновымъ.

Затѣмъ, любезно со всѣми простившись, Романъ Исидоровичъ въ нѣсколько приподнятомъ настроеніи уѣхалъ въ Артуръ.

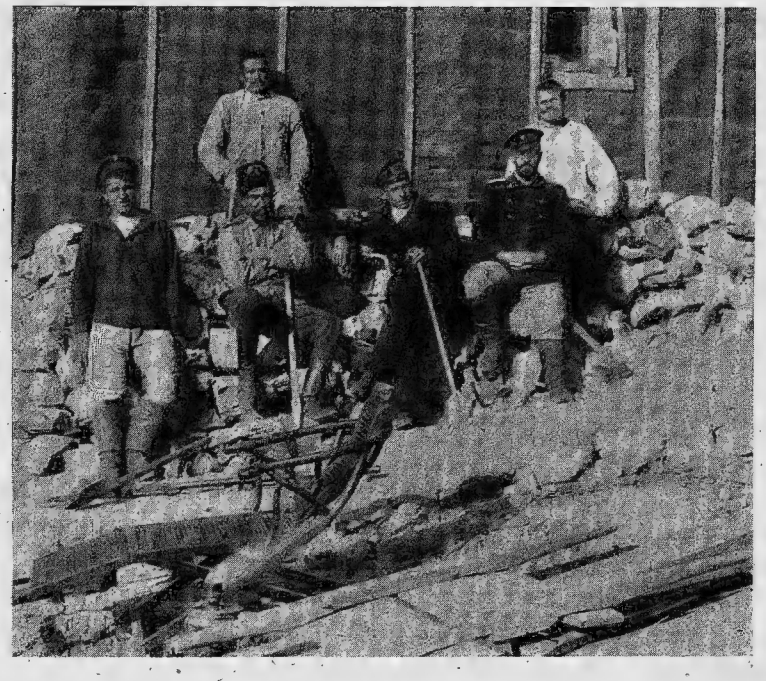
Едва уѣхалъ Кондратенко, какъ стали понемногу прибывать части изъ Артура.

Прошло двѣ роты.

Дорога шла мимо дворика штаба настолько близко, что свѣтъ стоявшихъ на столѣ свѣчей освѣщалъ лица проходившихъ.

Офицеры быстро разошлись.

За столомъ остался Семеновъ и я.



Постройка блиндажа.

— Ночь сегодня пройдетъ, кажется, безъ сна: резервы будутъ подходить долго. Капитанъ Успенскій, вами указано прибывшимъ бивачное расположеніе?

— Такъ точно, господинъ полковникъ, все, все сдѣлалъ. А сколько всего прибудетъ? Тутъ съ завтрашнимъ обѣдомъ ерунда, кажется, выйдетъ.

— Генералъ Кондратенко уѣзжая сказалъ, что резервъ прибудетъ въ составѣ не менѣе семи ротъ.

Итакъ, завтра бой. Хотя тутъ у насъ и болтаютъ, что намъ не нужно долго задерживаться на занятыхъ позиціяхъ, но это форменная ерунда-съ. Они, видите ли, боятся періода дождей.

Мы, молъ, будемъ отрѣзаны отъ Артура—трудно будетъ подвозить провіантъ...

А японцамъ легче что ли будетъ? У нихъ дороги не будутъ испорчены?

Нѣтъ-съ, намъ нужно держаться здѣсь до послѣдней крайности. У насъ начинаетъ уже внѣдряться привычка къ отступленію.

Если привыкнемъ къ этому — плохо будетъ. Теперь есть куда отступать. А что же будемъ дѣлать когда начнется тѣсная блокада? А что она рано или поздно наступитъ—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. У насъ черезчуръ мало боевыхъ силъ, чтобы до выручки съ сѣвера удержаться на передовыхъ позиціяхъ.—

Полковникъ Семеновъ былъ совершенно правъ. Еще задолго до боя 13-го іюля въ бесѣдахъ съ офицерами мнѣ приходилось очень часто слышать мнѣнія, что упорная защита передовыхъ позицій вредно отзовется на общей оборонѣ крѣпости. Чувствовалось, что люди очень и очень хотятъ засѣсть на верки крѣпости, предполагая, что защита ихъ будетъ гораздо легче. Мало знакомые съ тѣмъ, въ какомъ видѣ находились наши блиндажи, не имѣя ни малѣйшаго представленія объ ихъ прочности, они рисовали себѣ перспективы обороны крѣпости, при условіи тѣсной блокады, въ самыхъ радужныхъ краскахъ.

Они думали, что блиндажи ихъ спасутъ.

Они сравнивали защиту Артура съ обороной Севастополя, гдѣ можно было, спрятавшись въ блиндажѣ, чувствовать себя, какъ у Христа за пазухой. Къ сожалѣнію, они забывали, что теперь не тѣ орудія, не тѣ снаряды. Забывали, что Севастополь сообщался непрерывно съ Россіей, куда эвакуировали черезъ Сѣверную сторону больныхъ, и откуда прибывали подкрѣпленія. Они забывали, что и при этихъ благодарныхъ условіяхъ Севастополь попалъ въ руки противника.

Портъ-Артуръ же, совершенно изолированный отъ всего міра, съ минимумомъ запаса провіанта, снарядовъ, боевыхъ силъ и незаконченностью сухопутной обороны былъ ловушкой для арміи и флота.

Они не хотѣли понять, что чѣмъ дальше мы задержимъ противника здѣсь—тѣмъ больше успѣютъ додѣлать не додѣланное въ Артурѣ.

Вспоминая за этотъ періодъ времени общее настроеніе войсковыхъ массъ — я долженъ съ грустью констатировать, что стремленіе назадъ было гораздо сильнѣе стремленія стойко держаться.

Причиною этого было, безусловно, растлѣвающее значеніе дѣятельности Стесселя и Фока. Ихъ личная, вездѣ проявляемая бездарность, безтолковщина, непорядочность, несправедливость по отношенію ко всему подчиненному имъ командному составу— вотъ гдѣ гнѣздился ядъ.

Въ боевой обстановкѣ войска, разбросанныя даже на большой площади, представляютъ изъ себя одинъ организмъ. Всякая ошибка, каждая несправедливость, проявленіе бездарности, наличность трусости въ старшемъ начальникѣ—какъ по нервамъ передается по всему организму, и организмъ начинаетъ проявлять всѣ признаки недомоганія.

Близко знакомясь съ войсками на передовыхъ позиціяхъ, подолгу бывая въ обществѣ офицеровъ, бесѣдуя съ ними, прислушиваясь ко всему, что ихъ интересовало или тревожило,—я пришелъ къ убѣжденію, что съ оставленіемъ нами Киньчжоу организмъ войсковыхъ массъ, защищавшихъ передовыя позиціи, былъ расшатанъ и проявлялъ очень тревожные симптомы.

Мнѣ было до очевидности ясно, что Стессель, Фокъ, Рейсъ, Савицкій, Никитинъ сознательно или безсознательно—утверждать не рѣшусь—но безусловно отравляли войсковой организмъ.

Если среди офицеровъ и раздавались голоса о необходимости какъ можно скорѣе отступить къ Артуру, то это уже безусловно (это подтвердитъ масса офицеровъ съ комендантомъ крѣпости во главѣ) было благодаря Фоку, который при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ говорилъ о необходимости отступить, доказывая, что всѣ тѣ „измѣнники“, кто за упорную защиту передовыхъ позицій.

Объ этомъ знали не только офицеры, но и масса нижнихъ чиновъ.

Удивительно ли послѣ этого, что войска такъ упорно оглядывались назадъ?

Простившись съ полковникомъ Семеновымъ, я ушелъ къ себѣ въ палатку. Сосѣдей моихъ не было.

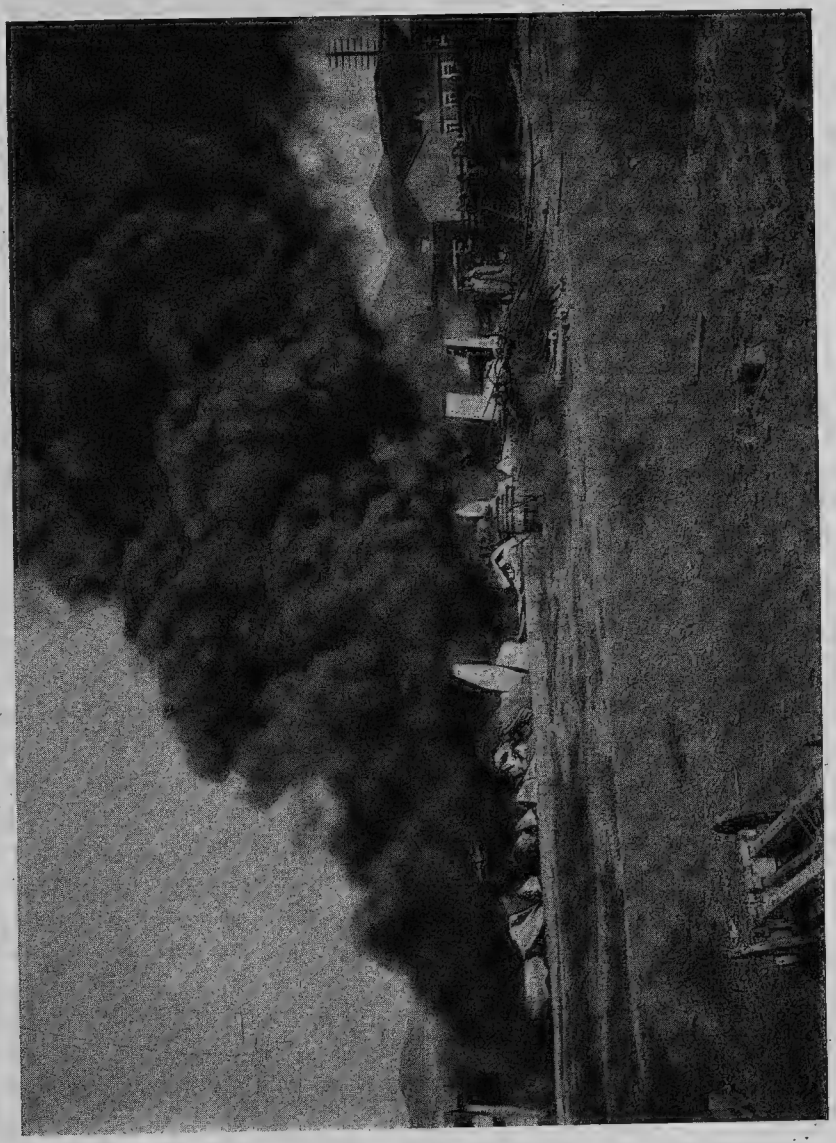
— Такъ что васъ просили въ батарею, доложилъ вѣстовой.

Спать еще не хотѣлось, пошелъ въ гостепріимное общество офицеровъ батареи князя Чхейдзе.

Она занимала позицію на одной изъ вершинъ, обрамлявшихъ Луньвантаньскую долину.

Ставка же офицеровъ была рядомъ со штабомъ. Издали еще услышалъ я голоса Сенкевича и Чивчинскаго. Общество хохотало и было слегка a bon courage.

Часа полтора я просидѣлъ въ обществѣ этихъ въ высшей степени симпатичныхъ и интеллигентныхъ людей; здѣсь же былъ и Владиславъ Адальбертовичъ Загоровскій.



Пожаръ въ Старомъ городѣ во время бомбардировки.

Я положительно не могу понять, почему артиллеристы и пѣхотные офицеры такъ разнствуютъ въ общей массѣ въ своемъ обиходѣ, привычкахъ, интересахъ, начитанности, взглядахъ, убѣжденіяхъ.

Неужели до сихъ поръ еще отражается на пѣхотныхъ частяхъ влитый туда элементъ офицеровъ изъ пѣхотныхъ юнкерскихъ училищъ?

Разницу эту я замѣчалъ, но въ гораздо меньшей степени, и въ Россіи; тутъ же, на Квантунѣ, она была особенно рельефна.

Одно можно предположить: при огромномъ составѣ офицеровъ, прибывшихъ сюда изъ разныхъ концовъ Россіи, всѣ они были чужды другъ другу. Въ молодыхъ полкахъ не успѣли создаться традиціи, которыя даютъ каждому полку свою особенную, яркую физіономію.

Памятенъ мнѣ этотъ вечеръ, когда мы послѣдній разъ собрались всѣ вмѣстѣ.

Разговоръ, конечно, вертѣлся на грядущихъ событіяхъ завтрашняго дня.

Поручикъ Чивчинскій съ неподражаемымъ искусствомъ разсказывалъ, какъ 13 іюня подполковникъ Киленинъ организовывалъ въ этой же долинѣ неорганизованное отступленіе и первымъ помчался въ Артуръ, а инженеръ подполковникъ Крестинскій, случайно очутившійся на позиціи, принялъ на себя командованіе отрядомъ и организовывалъ наступленіе.

Общество хохотало до слезъ.

Поручикъ Чивчинскій, при всемъ желаніи говорить серьезно о нашихъ военныхъ операціяхъ, не могъ говорить иначе, какъ въ юмористическомъ тонѣ.

Если бы всѣ эти операціи не сопровождались потерею людей и жизней — дѣйствительно, все, что творилось въ раіонѣ, скорѣе напоминало „юмористическія похожденія двухъ генераловъ и нѣсколькихъ штабъ-и-оберъ-офицеровъ“, чѣмъ серьезныя, строго обдуманныя дѣйствія разумныхъ, преданныхъ долгу людей.

Въ этотъ вечеръ я очень много говорилъ съ батарейными офицерами, штабсъ-капитаномъ Костровымъ и Цитовичемъ.

Какъ тотъ, такъ и другой производили на меня всегда самое лучшее впечатлѣніе.

Чувствовалось, что находишься въ обществѣ истинныхъ офицеровъ, офицеровъ-рыцарей.

Они съ искреннимъ негодованіемъ говорили обо всемъ, что творилось и творится на Квантунѣ. Они возмущались главнымъ образомъ тѣмъ, что нами были не использованы восхитительныя позиціи на Нангалинскихъ высотахъ.

— Помилуйте, развѣ можно было остановиться на выбранныхъ позиціяхъ, имѣя столь ограниченное количество полевыхъ орудій и при полномъ отсутствіи горныхъ?

Завтрашній день намъ безусловно докажетъ сдѣланную ошибку.

Позиція въ 25 верстъ, при минимумѣ боевыхъ силъ—вѣдь это абсурдъ!

Что заставило Фока выбрать эти позиціи? Преувеличенное представленіе Фока о дѣйствіи огня съ моря.

Во время киньчжоускаго боя онъ видѣлъ, что стоявшая на горномъ пикѣ совершенно открыто батарея № 15 была подбита огнемъ непріятельскихъ канонерокъ. Оптическій и звуковой эффектъ такъ разстроилъ воображеніе Фока, что онъ убѣдилъ Стесселя — въ невозможности держаться подъ огнемъ съ моря.—

Они были правы, но не совсѣмъ: Фокъ со всей своей дивизіей бѣжалъ прямо въ Артуръ, куда его давно „влекла невѣдомая сила".

Выборъ—вмѣсто прекрасной Нангалинской позиціи, прикрывавшей какъ Дальній, такъ и весь Квантунскій полуостровъ—нелѣпѣйшей позиціи на горахъ Юпилаза—Куинъ-Санъ, фронтомъ въ 25 верстъ, въ самомъ широкомъ мѣстѣ полуострова, былъ вызванъ вовсе не предположеніемъ, что, сжимая фланги къ центру, можно уклониться отъ дѣйствій огня непріятельскихъ судовъ, вовсе нѣтъ.

Выборъ этой нелѣпѣйшей позиціи былъ вызванъ тѣмъ, что, отступивъ или, лучше, позорно бѣжавъ послѣ киньчжоускаго побоища прямо въ Артуръ, поздно было занимать Нангалинскія высоты.

Близко къ полуночи я прошелъ къ себѣ. — Не спалось. Стояла тихая ночь. Бивуакъ давно уже уснулъ.

Что будетъ завтра? Чѣмъ кончится бой?

Кругомъ царилъ полный покой. Даже сосѣдъ по палаткѣ не изводилъ сегодня своимъ боевымъ храпомъ.

Но вотъ вдали что-то зашумѣло. Невольно вздрогнулъ. Нервы были напряжены.

Въ штабѣ задребезжалъ звонокъ телефона.

Слышу—будятъ капитана Успенскаго.

— Ваше вскородіе, резервы подходятъ. Извольте встать, ваше вскородіе.

Былъ уже часъ ночи, когда шумная вереница вновь прибывавшихъ проходила мимо моей палатки.

Переходъ изъ Артура былъ не великъ и не труденъ, но люди выглядѣли такими утомленными, измученными, словно имъ пришлось пройти Богъ знаетъ сколько.

Это было вполнѣ понятно. Довольствіе мясомъ было сокращено, физическаго труда прибавилось. Люди цѣлыми днями копались, таскали тяжести. Да и душевное состояніе, которое было очень тревожно, сильно вліяло на здоровье. Артуръ уже четвертый мѣсяцъ былъ разобщенъ со всѣмъ остальнымъ міромъ.

Живыя существа, одѣтыя въ форму стрѣлковъ, гуртомъ проходившія къ мѣсту завтрашней бойни, были все-таки люди, хоть и русскіе, но люди, люди, читатель, которымъ не чужды были и страхъ, и любовь, и стремленіе хоть къ самому простому благополучію. Они способны были и надѣяться и приходить въ отчаяніе.

Рота поручика Топсашара въ окопахъ.

Тяжело было смотрѣть на вереницу нашихъ стрѣлковъ—молодыхъ, пожилыхъ, бородатыхъ, улыбавшихся, серьезныхъ и сердитыхъ, неудержимой волной вливавшихся въ устье Литангоуской долины и располагавшихся, въ ожиданіи разсвѣта, на кратковременный отдыхъ.

Невольно вспомнилась ночь на 13-ое мая.

Тогда бушевалъ вѣтеръ, и разразилась страшная гроза.

А эта ночь была на диво покойной.

Эта тишь, этотъ царственный покой въ природѣ нарушался лишь легкимъ шумомъ умолкавшаго бивуака.

Обходя линій укладывавшихся на покой ротъ съ составленными впереди въ козла ружьями, я старался прислушиваться—о чемъ говорятъ наши защитники.

Люди устали. Люди уже измучены. Люди легли на землю, которая завтра для многихъ откроетъ свои холодныя вѣчныя объятія, и мало говорили. Такъ, только словами перебрасывались, папироску докуривали. Раскинувшись навзничь, лежали и на небо задумчиво глядѣли.

Свѣтилъ молодой мѣсяцъ, безпрестанно заслоняемый раздробленными, быстро несущимися тучками, бросавшими тѣнь на сѣрыя лица стрѣлковъ.

Этотъ свѣтъ и эти тѣни, скользившія по лицамъ отходившихъ на покой, напоминали мнѣ о тѣхъ мысляхъ, которыя вихремъ неслись въ ихъ умѣ, духовно, мучительно близко приближая къ тому, съ кѣмъ, быть можетъ, уже предрѣшена вѣчная разлука.

О завтрашнемъ днѣ они совсѣмъ не говорили.

Лагерь засыпалъ. Многіе—въ послѣдній разъ.

Скрылся мѣсяцъ—лагерь спитъ.

Только кони чуть шумятъ . . .

. . . и тѣ затихли.

CXXIV.

Бой 13-го іюля.

Лишь только люди зашевелились у коновязей, а лагерь сталъ постепенно оживать, въ сторонѣ горы Ойцелаза грянулъ отдаленный выстрѣлъ.

Я взглянулъ на часы—6 час. 30 мин.

Черезъ нѣсколько секундъ второй выстрѣлъ—уже ближе; третій, четвертый, все громче, ближе—зашуршали по воздуху снаряды, непосредственно за ними раздались громовые взрывы въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нашихъ палатокъ.

Бивуакъ сразу поднялся на ноги—большинство спало не раздѣваясь.

Послѣ первыхъ взрывовъ, по всей линіи загремѣла непрерывная кононада.

День и бой 13-го іюля начались.

Наконецъ-то непріятель заговорилъ изъ своихъ 125 мм. орудій съ батарей, расположенныхъ на горѣ Ойцелаза, острой вершинѣ, вторыхъ отрогахъ за-Куинъ-Санскаго предгорія и изъ массы полевыхъ и горныхъ орудій.

Огонь орудій большого колибра фугасными мелинитовыми бомбами сосредоточивался главнымъ образомъ на батареяхъ князя Чхейдзе и Скрыдлова.

Полевыя и горныя орудія поддерживали сильный шрапнельный огонь по всей линіи стрѣлковыхъ окоповъ.

Началась энергичная, съ каждой минутой усиливающаяся подготовка атаки.

Вихрю снарядовъ противника отвѣчали наши прекрасно замаскированныя батареи.

Градъ непріятельскихъ снарядовъ сыпался на нихъ. Вершины окутались густымъ, тяжеловѣснымъ дымомъ мелинита.

Всѣ перелеты ложились въ расположеніи штаба Семенова. Взрывомъ снаряда едва не былъ убитъ адъютантъ начальника отряда подпоручикъ Миропольскій и капельмейстеръ 26 полка г. Михайловъ.

Съ первымъ выстрѣломъ Семеновъ потребовалъ лошадей, и мы помчались къ устью Литангоуской долины, вступающей въ долину Луньвантань.

Направо подъ утесомъ сосредоточивался резервъ. Люди казались бодрыми, возбужденными. Раннее солнце ярко свѣтило.

Полковникъ Семеновъ, не сходя съ лошади, отдавалъ распоряженія. Конные ординарцы изъ охотничьихъ командъ ожидали приказаній. Нашъ штабъ, состоявшій ранѣе всего изъ трехъ офицеровъ, сразу количественно увеличился.

Ровно въ 8 часовъ противъ праваго крыла Зеленыхъ горъ показались густыя колонны японцевъ и, какъ на маневрахъ, стройно, въ полномъ порядкѣ, потянулись въ направленіи Большого перевала, поддерживаемыя и съ моря артиллерійскимъ огнемъ.

Впереди, по всей линіи Зеленыхъ горъ неумолчно трещалъ ружейный огонь, увеличиваясь съ каждой минутой.

Начался штурмъ.

Противникъ, полагая, что мы держимъ резервы въ Луньвантаньской долинѣ, подтягивая ихъ къ подошвѣ Зеленыхъ горъ, обстрѣливалъ сильнымъ шрапнельнымъ огнемъ площадями какъ долину, такъ и подступы.

Къ 9 часамъ бой усилился. Ружейный огонь и орудійная кононада временами сливались, только пулеметы выдѣлялись своимъ ритмически-сухимъ та-та-таканіемъ.

Полилъ сильный дождь.

По долинѣ со всѣхъ сторонъ неслись къ полковнику Семенову ординарцы.

— Э! началось. Всѣмъ сразу понадобилась поддержка. Смотрите—и справа и слѣва скачутъ.

Подскакалъ ординарецъ, подаетъ записку.

Другой, третій, четвертый.

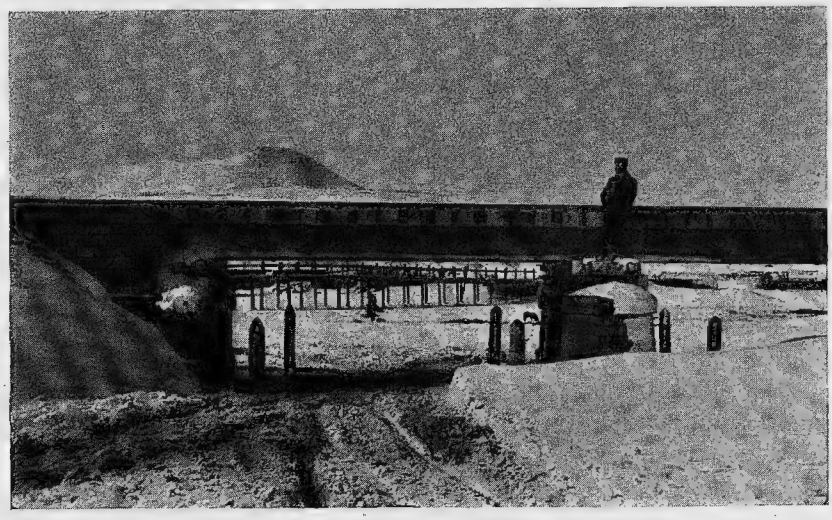
— Всѣ поддержки просятъ. Да неужто вездѣ такъ плохо? Вольноопредѣляющійся Загоровскій, на лѣвый, поручикъ Сенкевичъ, на правый фланги, маршъ-маршъ! Узнать, что тамъ!

Оба понеслись въ карьеръ.

Ординарцы все прибывали.

Начальникъ штаба капитанъ Успенскій едва успѣвалъ записывать и передавать категорическія, быстро отдаваемыя приказанія полковника Семенова.

— Продвинуть такую-то роту на правый флангъ.



Желѣзнодорожный мостъ.

Эту роту—„здорово, молодцы!“—направить въ кумирню.

— Охотничья команда тоже поддержитъ правый флангъ—тамъ очень жарко—благодарю васъ, поручикъ Сенкевичъ.

Роты, получивъ приказанія, быстро подымаются и скорымъ шагомъ, по ступицу въ грязи (дождь идетъ, какъ изъ ведра), бодро слѣдуютъ мимо насъ.

— Здорово братцы, молодцами, смотри у меня!

— Здравія желаемъ! бодро гремитъ рота въ отвѣтъ.

— Господинъ полковникъ, начальникъ дивизіи ѣдетъ, доложилъ поручикъ Алексѣевъ, завѣдующій оружіемъ 26 полка.

Подъѣзжалъ Кондратенко, на котораго, какъ и на полковника Семенова, легла вся честь и слава отраженія штурма на Зеленыхъ горахъ.

Давъ общія указанія, начальникъ дивизіи генералъ-маіоръ Кондратенко отправился впередъ, на Зеленыя горы, въ сферу непріятельскаго огня съ цѣлью лично ознакомиться съ положеніемъ дѣла.

10 часовъ утра. Бой въ самомъ разгарѣ. Крупной рысью тронулись впередъ. Переѣхали черезъ мостъ.

По пути встрѣчаются уже носилки. Чѣмъ ближе къ бою, тѣмъ больше.

Романъ Исидоровичъ привѣтливо здоровается съ ранеными.

— Спасибо, дорогой, за службу! Здорово, молодецъ!

Раненые смотрятъ на него, кто пристально, кто задумчиво— но на лицѣ каждаго изъ нихъ отражается душевное волненіе. Одни отвѣчаютъ громко, другіе шевелятъ лишь губами.

Еще издали замѣтили на правой сопкѣ Зеленыхъ горъ въ безпорядкѣ спускающихся не по дорогѣ людей.

— Что это? Неужто отступаютъ!? Евгеній Николаевичъ, все видите?

Науменко пристально смотрѣлъ въ бинокль.

— Да, ваше превосходительство. Спускаются прямо по скату въ полномъ безпорядкѣ.

Романъ Исидоровичъ, ничего не отвѣтивъ, далъ полный карьеръ.

Мы вихремъ неслись по долинѣ. Кондратенко, слегка пригнувшись къ лукѣ сѣдла, былъ впереди, отчетливо обрисовываясь бѣлоснѣжнымъ кителемъ на ворономъ конѣ.

Моментъ былъ тревожный и серьезный. Ружейный и орудійный огонь рокоталъ по всей линіи.

Уже явственно различаемъ массу безцвѣтныхъ фигуръ стрѣлковъ, расплывавшихся на фонѣ скатовъ. Они быстро перебѣгали, спускаясь внизъ.

Повернули на вновь проложенную дорогу—ее еще не успѣлъ докончить полковникъ Рашевскій—и быстро стали подыматься по кручѣ.

Кондратенко махалъ рукой.

— Стой, куда вы, куда вы? Гдѣ офицеръ? Что случилось!?

Подбѣгаетъ, еле дыша, офицеръ; на лицѣ ужасъ, утомленіе, весь красный, шапка на бекрень, беретъ подъ козырекъ, рука дрожитъ.

— „Ваше, ваше пр-р-ревосходительство! Тамъ ужасъ, ужасъ. Держаться нельзя. Мы все, ей-Богу, все сдѣлали. Они тамъ адъ развили!..

— Да вы откуда?

— Вотъ оттуда, ваше превосходительство. Держаться немыслимо. Смотрите, люди. . .

Стрѣлки тѣмъ временемъ все прибѣгали, карабкаясь по скату, и спускались внизъ.

Несли раненыхъ, шли сами, вели другихъ. Надъ головами пѣли пули. Перелеты.

Большой перевалъ оставленъ. Высокая гора, крыло праваго фланга, благодаря преждевременному отступленію, очутилась отрѣзанной, взята съ фланговъ. Ее отстаиваетъ Бутусовъ съ двумя ротами. Редюитъ уже въ рукахъ японцевъ. Противникъ можетъ прорваться. Онъ насѣдаетъ.

Критическій моментъ.

Успѣхъ боя сталъ сомнителенъ.

Нужно было, не медля ни секунды, остановить отступленіе.

Присутствіе духа генерала Кондратенко, личная храбрость и довѣріе къ нему солдатъ спасло все.

— Да что вы? ошалѣли? Вамъ уже послана поддержка, еще идетъ подкрѣпленіе. Роты ко мнѣ!

Стрѣлки остановились, сбились въ кучу.

— Роты ко м-н-ѣѣ!

Стрѣлки быстро потянулись назадъ. Задніе кричатъ дальнимъ, очутившимся уже въ долинѣ—назадъ, назадъ!! Тѣ услышали—бѣгутъ.

Внизу подходила какая-то часть.

Кондратенко узналъ офицера.

— Поручикъ Любимскій, поддержите пока насъ своей командой.

Команда что-то мнется. Не идетъ.

— Живо, живо! Кругомъ, маршъ! Впередъ, ребята, за мной!

Мы подымаемся еще верхами. Пули поютъ чаще. Спѣшились.

Вереница носилокъ загораживала намъ путь.

— Раненые, спасибо. Поручикъ Любимскій, разсыпьте цѣпь вправо, занимайте сопку. Роты, за мной!

Мы лѣзли по кручѣ наверхъ. Сзади шумѣли роты. Добрались до перевала. Птички-пули запѣли сильнѣй. Кондратенко остановился и обернулся. Онъ переводилъ духъ. Мы съ трудомъ дышали отъ быстраго подъема по кручѣ.

Глаза Кондратенко сверкали.

Лицо дышало вдохновеніемъ.

— Роты вправо въ цѣпь! Прячься за камни, за кустики!

Съ редюита насъ замѣтили — пули непрерывно свистѣли надъ головами.

Кондратенко стоялъ во весь ростъ въ полуоборотъ къ врагу.

— Стрѣлки! лучше умереть, чѣмъ опозорить себя и отступить. Помни, на насъ надѣется Царь и Россія. Отступленія нѣтъ. Всѣ умремъ, а не отступимъ. Ну, молодцы, съ Богомъ—впередъ!

Дружно бросились стрѣлки въ цѣпь и залегли за камни—открыли огонь.

— Полковникъ Петруша, вамъ поручаю командованіе этимъ флангомъ. А гдѣ пулеметы? уже совершенно спокойно говорилъ генералъ.

— Здѣсь, ваше превосходительство, ихъ тащатъ.

— Капитанъ Гиммельманъ, я вамъ поручаю устроить ихъ тутъ. Будете обстрѣливать редюитъ.

Въ это время чуть не 20 человѣкъ тащили наши громоздкіе, неуклюжіе пулеметы.

Капитанъ Гиммельманъ (саперъ) распоряжался. Начали для пулемета рыть маленькое прикрытіе.

Роты, разсыпавшіяся въ цѣпь, съ большими усиліями медленно подвигались впередъ. Къ вечеру, поддержанные еще ротами изъ резерва, отогнали японцевъ назадъ, занявъ оставленныя позиціи.

Остановивъ отступленіе, Кондратенко приказалъ вызвать взводъ 57 м.м. батареи капитана Петренко. Подполковникъ Науменко ушелъ отдать какое-то приказаніе.

— А гдѣ Науменко? Ну такъ вы напишите записку—вотъ вамъ книжка. Напишите и пошлите съ ординарцемъ.

Романъ Исидоровичъ подалъ мнѣ свою полевую книжку. Но исполнить приказанія не удалось—подходилъ Науменко.

Приближался полдень. Бой сталъ замѣтно стихать. Трескъ ружейнаго огня слабѣлъ. Только князь Чхейдзе и капитанъ Скрыдловъ раздѣлывались еще съ полевыми батареями противника.

Японцы, занявъ большой перевалъ и редюитъ какъ разъ противъ насъ, поддерживали рѣдкій огонь.

Высокая гора почти отрѣзана. Ее упорно защищаетъ подполковникъ Бутусовъ съ двумя ротами своихъ пограничниковъ.

Присутствіе въ сферѣ непріятельскаго ружейнаго огня самого начальника дивизіи, его поразительное хладнокровіе, храбрость, граничащая съ геройствомъ, горячее, искреннее слово, обращенное къ дрогнувшимъ было ротамъ, моментально обле-

тѣвшее по всей живой оборонительной линіи, сразу подняли моральное состояніе людей, утомленныхъ тяжелой сторожевой службой.

Романъ Исидоровичъ, сѣвъ на одномъ изъ уступовъ перевала, защищавшемъ отъ надоѣдавшихъ, какъ шмели, пуль, спокойно разговаривалъ, отдавая приказанія.

Начальникъ штаба подполковникъ Науменко, опустившись на одно колѣно, записывалъ отдаваемыя приказанія.

— Евгеній Николаевичъ, повторите полковнику Семенову, чтобы онъ немедленно поддержалъ Бутусова.

Результаты бомбардировокъ.

— Слушаюсь—и наклоняется надъ записной книжкой.

— Ваше превосходительство, начальникъ отряда полковникъ Семеновъ приказалъ доложить, что подполковнику Бутусову дважды послана поддержка; резервы на исходѣ — отрапортовалъ вольноопредѣляющійся Загоровскій.

— Благодарю васъ. Чего это они копаются?

— Ну что, спрашиваю я г. Загоровскаго: какъ вамъ нравится эта музыка пуль?

— А знаете, я все думалъ сначала, что это маленькія птички.

— Вольноопредѣляющійся Загоровскій, передайте полковнику Семенову, чтобы немедленно сюда былъ высланъ на полныхъ рысяхъ взводъ батареи Петренко.

— Для японцевъ на перевалѣ и редюитѣ будетъ непріятная неожиданность и облегчитъ Бутусова.

Не успѣлъ генералъ кончить своего предположенія — влетаетъ со стороны Большого перевала конный охотникъ.

— Ваше превосходительство, ихъ высокородіе подполковникъ Бутусовъ приказали доложить, что имъ очень трудно держаться. Японца много лѣзетъ. Въ упоръ стрѣляютъ.

— Передай, что поддержка идетъ. Пусть держится до послѣдней крайности. Спасибо за службу!

— Радъ стараться!

— Ну, маршъ, маршъ!

— Слушаюсь.

— Эти пограничники положительно всѣ герои. Какая стойкость! Какая дисциплинировка! Я знаю, Бутусовъ умретъ, но не отойдетъ безъ приказанія. А, а, вотъ и нашъ начальникъ отряда.

Полковникъ Семеновъ, слегка прихрамывая, бодро взбирался на кручу.

— Ваше превосходительство, у меня общій резервъ подходитъ къ концу. Придется дѣлать маленькую перетасовку. Брать тамъ, гдѣ атака менѣе интенсивна.

— Прекрасно, я самъ объ этомъ думалъ, Владимиръ Ѳедоровичъ. А пограничники то наши!! Не отдаютъ Высокую гору. Посмотрите, что тамъ творится—молодцы, прелесть, гордость наша!

— Да, ваше превосходительство, Бутусовъ безъ приказанія не отойдетъ—это сила!

Мимо насъ безпрестанно проходятъ раненые.

Въ началѣ спуска, у пригорка, суетится около тяжело раненыхъ нашъ поэтъ артурскій, капитанъ Линдеръ. Онъ весь ушелъ въ перевязку раненыхъ. Его рыжеватые съ просѣдью баки мелькаютъ то здѣсь, то тамъ.

— Ой братцы, не тряхни! стонетъ въ носилкахъ изувѣченный.

— Ребята, неси осторожнѣй! экіе косолапы! волнуется капитанъ Линдеръ.

Кондратенко среди дѣла отдачи во всѣ стороны приказаній, здоровается съ болѣе легкими ранеными, благодаритъ, подбодряетъ.

Ведутъ, почти несутъ двое раненаго, ноги болтаются (носилокъ уже не хватило). Вмѣсто стоновъ раненый ругательски ругается.

— Чего ты? спрашиваетъ генералъ.

— Да какъ же, ваше превосходительство? вонъ чортовы сыны винтовку мою забыли. Японцу треклятому оставили.

Кондратенко, улыбаясь, его успокоилъ, что, молъ, винтовку вернутъ.

— Евгеній Николаевичъ, а что же орудія?

— Ѣдутъ, ѣдутъ! закричали со всѣхъ сторонъ.

Артиллерійскій взводъ въ карьеръ несся по долинѣ, миновалъ уже мостъ.

— Ты куда это идешь, да еще этакимъ пуганымъ зайцемъ смотришь?

Передъ нами стоялъ совсѣмъ здоровый стрѣлокъ съ замкомъ пулемета въ рукахъ.

— Откуда братецъ и куда?

— Такъ что мы пулеметной команды, ваше превосходительство, это значитъ тамъ—стрѣлокъ показалъ рукой въ сторону Большого перевала — одинъ пулеметъ разбили, другой — вотъ замокъ тащу. Совсѣмъ насъ растрепали.

— Ну, я вижу, ты самъ братецъ „растрепался“. Возьми нѣсколько человѣкъ. Полковникъ Петруша, дайте ему 6 человѣкъ. Тащи цѣлый пулеметъ сюда, онъ намъ здѣсь пригодится. Ты вѣдь молодецъ!

— Такъ точно, радъ стараться, ваше превосходительство!

— Съ Богомъ! Еще Георгія, пожалуй, получишь.

— Такъ точно!

Пуганый заяцъ исчезъ—назадъ пошелъ русскій стрѣлокъ.

Внизу загремѣлъ артиллерійскій взводъ.

— Ну, наконецъ-то! Теперь отлично. Все обстоитъ хорошо. Будемъ тревожить перевалъ, облегчимъ Бутусова.

Вотъ гдѣ я убѣдился, что значитъ истинная доблесть и хладнокровіе.

Все это производило впечатлѣніе не серьезнаго боя (непрерывный свистъ пуль, кровь и раненые только напоминали), а мирныхъ маневровъ, гдѣ я наблюдалъ въ десять разъ больше ерунды, безтолковщины и сумятицы.

Здѣсь рѣшался бой.

Здѣсь билъ разумъ всего праваго фланга. Здѣсь билось его сердце. Каждый изъ присутствовавшихъ понималъ и чувствовалъ это.

— Ваше превосходительство, прикажете поднять орудія? запыхавшись отъ крутого подъема, спрашиваетъ бравый командиръ взвода поручикъ Васильевъ.

— Конечно, да поскорѣй! Возьмите людей. Полковникъ, вы отправляетесь назадъ. Пожалуйста наблюдайте за нашимъ лѣвымъ флангомъ и своевременно обо всемъ мнѣ сообщайте.

Внизу рота частнаго резерва полковника Петруша. Часть людей поможетъ поднять орудія.—

Быстро подняли орудія, заряды, и не прошло четверти часа, какъ одинъ сухой, рѣзкій выстрѣлъ за другимъ начали безпокоить перевалъ и редюитъ.

— Ваше превосходительство, докладываетъ начальникъ штаба: нужно спуститься подъ обрывъ. Непріятель найдетъ орудіе и засыплетъ шрапнелью.

— Хорошо. Капитанъ Гиммельманъ, это будетъ по вашей части, докончите установку пулеметовъ за надежнымъ прикрытіемъ (Кондратенко особенно благоволилъ къ Гиммельману), слѣдите за этимъ участкомъ. Обо всемъ важномъ непосредственно доносить мнѣ. Начальнику боевого участка передайте, что отступленія здѣсь нѣтъ. Я на васъ надѣюсь.

— Ваше превосходительство! Шрапнель!

Въ воздухѣ прошуршалъ снарядъ и, давъ перелетъ, разорвался. За нимъ другой, третій. Шрапнель рвалась очень высоко, пульки забарабанили вокругъ.

— Проносите скорѣй раненыхъ! Видите—противникъ открылъ насъ.

Раненыхъ несли, вели, сами ковыляли, опираясь на винтовки.

Скорбная вереница!

Высоко въ лазоревомъ небѣ то и дѣло появлялись маленькія бѣлыя облачки, и доносились мягкій взрывъ и завываніе шрапнельныхъ пуль.

— Теперь здѣсь обстоитъ все въ порядкѣ. Посмотримъ, что творится на лѣвомъ флангѣ, и проѣдемъ къ генералу Фоку. Мнѣ его необходимо видѣть.

Спустились въ долину. Сѣли на коней. Обгоняя раненыхъ, буквально для каждаго Кондратенко находилъ ласковое, ободряющее слово. Никого онъ не пропустилъ.

О, если бы вы видѣли, какъ благодарно смотрѣли на него раненые!

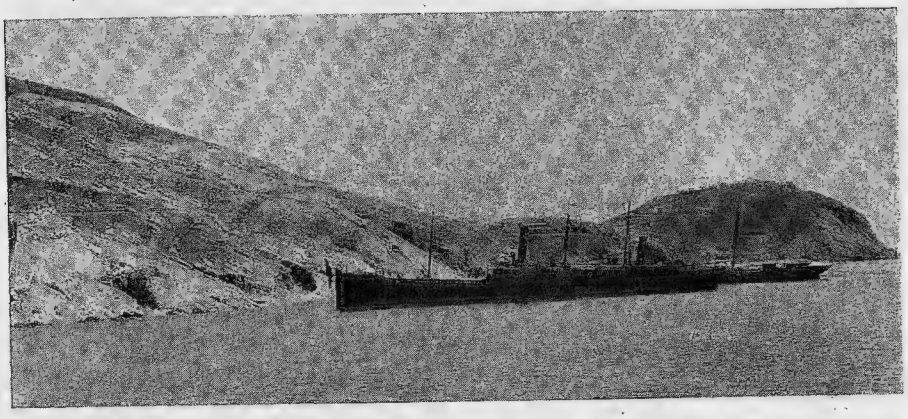
— Евгеній Николаевичъ, вы записали фамилію сильно израненнаго пограничника, отказавшагося отъ посторонней помощи, на томъ основаніи, что, молъ, есть „тяжелые“? Что за молодецъ! Когда я съ нимъ разговаривалъ, онъ еле стоялъ, но крѣпился,

а потомъ, пройдя нѣсколько шаговъ, упалъ. Вотъ здѣсь, здѣсь сказываются люди. Помните его фамилію? — А вы не помните? обратился ко мнѣ Кондратенко.

— Левъ Яндринцевъ, ваше превосходительство, унтеръ-офицеръ 21 роты пограничной стражи — наконецъ отвѣтилъ Науменко, порывшись въ записной книжкѣ.

Ружейный огонь почти совсѣмъ стихъ. Шла артиллерійская борьба.

Батарея князя Чхейдзе и Скрыдлова неистовствовала. Но и ей доставалось. Она буквально засыпалась снарядами. Нехорошо тамъ было.



Брандеры подъ Золотой горой.

Мы же ѣхали совершенно спокойно.

Вихрь снарядовъ свистѣлъ высоко надъ головами.

Насъ слегка лишь безпокоила шрапнель. — Подъѣзжая къ расположенію общаго резерва, мы встрѣтили роту, шедшую на правый флангъ.

Никогда не забуду одного солдата. Бодро шагалъ онъ. Почти юноша. Браво отвѣтилъ вмѣстѣ съ ротой на привѣтствіе генерала, высоко поднявъ голову.

На груди у него висѣлъ образъ Спасителя въ поларшина въ квадратѣ.

Кондратенко тоже замѣтилъ.

— Господа, видѣли? Вотъ гдѣ искренняя вѣра! Вотъ гдѣ она поможетъ этому юношѣ спокойно умереть. Замѣтили, какое у него спокойное лицо? Очевидно, этотъ образъ—благословеніе родителей.

Дорога круто повернула вправо, открылась батарея Наумова, прикрывавшая дефиле. Она непрерывно осыпалась шрапнелью и фугасными бомбами. Наумовъ, въ теченіе всего утра жестоко поражая атакующихъ, озлилъ ихъ. Противникъ, видимо, старался ее уничтожить. Трудно ему было это сдѣлать, такъ какъ Наумовъ спряталъ орудія въ глубокую впадину въ горѣ. Шрапнель не производила никакого впечатлѣнія, а фугасныя бомбы давали убійственные перелеты, попадая въ высоты по другую сторону Луньвантаньской долины.

Наконецъ мы прибыли въ деревню Кодамынь. Въ небольшой фанзѣ застали Фока, окруженнаго всѣмъ своимъ многочисленнымъ штабомъ.

Холодно и непривѣтливо встрѣтилъ Фокъ Кондратенко.

Моросилъ мелкій дождь.

Меня поражала простота, съ которой ѣздилъ по оборонительной линіи Романъ Исидоровичъ—насъ съ нимъ было только двое: Науменко и я, да трое вѣстовыхъ—и помпезность, которой было обставлено прибытіе Фока.

Не ошибусь, если скажу, что съ нимъ было человѣкъ 15 офицеровъ и цѣлый взводъ конныхъ охотниковъ.

Перекинувшись нѣсколькими незначительными фразами съ прибывшимъ, Фокъ немедленно уѣхалъ.

— Нужно подкрѣпиться, сказалъ Романъ Исидоровичъ. Вѣстовой, дай-ка изъ кобура свертокъ. Ну, господа, чѣмъ Богъ послалъ.

Мы съ удовольствіемъ выпили по рюмкѣ краснаго вина и съѣли по нѣсколько печеній.

— Теперь нужно къ самому Стесселю, улыбаясь сказалъ Кондратенко, садясь на коня.

До деревни Ходзятунь было рукой подать.

Въ фанзѣ, давно мнѣ знакомой — тамъ жилъ со своимъ адъютантомъ подполковникъ Лебединскій — собралась вся „стая славныхъ“.

Въ центрѣ въ буркѣ „самъ“. Кромѣ Фока, Рейса, Жоржа Колесникова (котораго прозвали за его очаровательно-армейскую галантность Жоржемъ Бантиковымъ), Павловскаго, Желтенко, Савицкаго, Дмитревскаго, массы штабныхъ и примазавшихся офицеровъ, окружавшихъ Стесселя — я впервые увидѣлъ незнакомаго еще мнѣ генерала.

— Кто это? спрашиваю Науменко.

— Да это генералъ Никитинъ, начальникъ артиллеріи 3-го корпуса.

— Такъ это тотъ, который . . . . . .

— Да, да, да, онъ самый.

Преинтересная личность.

Ну, думаю, сейчасъ состоится серьезный военный совѣтъ. Еще бы—рѣшительный бой. Отъ его исхода зависитъ очень многое. Давно ли Стессель увѣрялъ въ неприступности этихъ позицій, повѣствовалъ о крытыхъ ложементахъ. Положимъ, онъ не видѣлъ еще жертвъ своихъ „крытыхъ ложементовъ“.

Я приготовился слушать.

Генералы усѣлись—Кондратенко стоялъ.

На устахъ его играла улыбка.

Между большими панами поддерживалась вялая бесѣда. Маленькіе паны почтительно молчали.

На просторѣ дождь моросилъ сильнѣй.

Снаряды съ воемъ неслись надъ долиной.

Прошло четверть часа, а объ обмѣнѣ мнѣній не было и помину.

Очевидно, Стессель и Фокъ все уже обдумали и дѣйствовали такъ, какъ рѣшили.

Они знали, что они дѣлаютъ.

Я внимательно наблюдалъ за этой картиной.

Вдругъ, этакъ бочкомъ, но съ видимымъ желаніемъ не потерять своего достоинства и подчеркнуть свою принадлежность къ „стаѣ славныхъ“, подходитъ и заговариваетъ со мной капитанъ Желтенко.

— Ну денекъ!

— Да, денекъ!

— Утомился я страшно.

— Съ ротой въ окопахъ сидѣли? Ваша рота здѣсь гдѣ-то близко? Я воображаю, какъ тамъ тяжело. Японцы развили страшный огонь. Прикрытій то у насъ вѣдь совсѣмъ нѣтъ.

Недобрый огонекъ сверкнулъ въ глазахъ „утомленнаго“ капитана. Я отлично зналъ, что онъ не былъ со своей ротой, а постоянно живетъ въ штабѣ Стесселя.

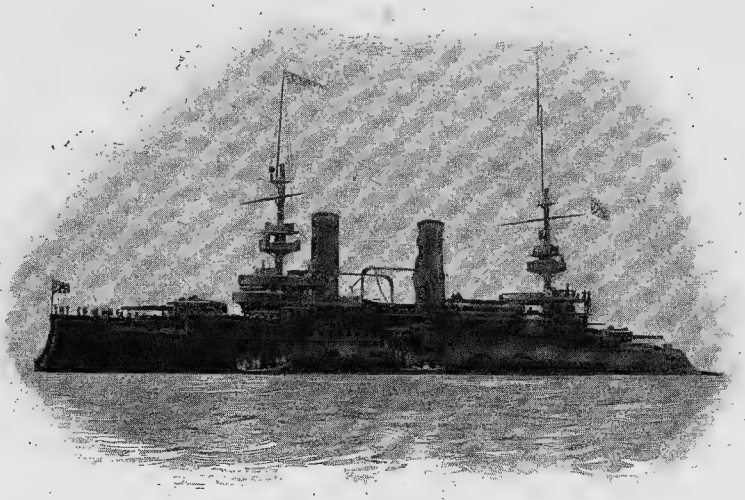
— Нѣтъ, сегодня мнѣ не удалось быть въ ротѣ. Меня, видите ли, забрали въ штабъ, узнавъ, что я владѣю перомъ. Обыкновенно днемъ въ ротѣ, вечеромъ работаю по составленію исторіи военныхъ дѣйствій, а ночь—карты съ начальствомъ. Тройную службу несу. Спать почти не приходится. Знаете ли, все это тяжело.

Капитанъ про вечеръ и ночь говорилъ правду, но день его былъ не въ ротѣ. Если онъ тамъ и бывалъ, то очень, очень рѣдко, хотя и получалъ всѣ виды довольствія, какъ ротный командиръ.

Все это беззаконіе оформировалось путемъ приказовъ. Писаря напишутъ что угодно, а подписать ихъ всегда заставитъ мощная рука Стесселя.

Меня все это глубоко возмущало, но я крѣпился.

Нужно было имѣть нѣкоторую дозу самообладанія, чтобы не сказать этому „утомленному капитану“ горькой правды.



Броненосецъ „Цесаревичъ“.

Я только сказалъ ему, что при описаніи военныхъ дѣйствій нужно быть безпристрастнымъ и главное, главное правдиво освѣщать факты.

— Мы проливаемъ кровь и этой кровью пишемъ исторію— съ нѣкоторымъ раздраженіемъ развилъ мою мысль „утомленный капитанъ“.

— Смотрите, только не увлекайтесь! Эту лѣтопись еще прокорректируетъ безстрастная рука исторіи—сказалъ я ему на прощаніи.

Большіе паны зашевелились—пановье двинулось за ними.

Наибольшій былъ не въ духѣ.

Снаряды противника, давая недолеты, впивались и рвались на гребнѣ и скатахъ противоположныхъ высотъ.

Опасаться было нечего—мы здѣсь были въ мертвомъ пространствѣ.

Развѣ шальной осколокъ случайно могъ потревожить.

Холодно простившись съ нами, генералъ Стессель съ огромной свитой уѣхалъ направо, на 11-ую версту. Кондратенко, а за нимъ и мы повернули налѣво.

Кругомъ установилось относительное затишье.

Часамъ къ четыремъ мы были на мѣстѣ временнаго расположенія штаба Семенова.

Въ штабѣ негодовали.

— Нашъ флотъ ведетъ себя преступно. У насъ такъ мало артиллеріи. Огонь, открытый съ моря по штурмующимъ колоннамъ, разовьетъ въ нихъ панику. Фланговый огонь съ моря, поддерживаемый энергично и продуктивно, облегчитъ намъ борьбу. Японцамъ никогда не взять Зеленыхъ горъ.

— Правъ, сто тысячъ разъ правъ генералъ Стессель, называя ихъ трусами. Имъ хорошо сидѣть въ комфортабельныхъ каютахъ. Все у нихъ: и электричество, и кухня, и піанино, и отличныя отдѣльныя каюты. А каково нашимъ теперь въ окопахъ? Вѣдь это подлость не помогать своимъ. Что мы, хуже ихъ, что ли? Всѣ одному царю и родинѣ служимъ. Я видѣть не могу этихъ бѣлоперчаточниковъ—горячился одинъ изъ офицеровъ.

— Бросьте вы ерунду то городить, Да что, развѣ они виноваты въ томъ, что на судахъ имъ предоставленъ комфортъ? Вѣдь они живутъ тамъ всю жизнь. Въ мирное, въ военное время, въ самомъ жаркомъ бою—каюты ихъ остаются тѣми же каютами. Люди годами живутъ въ одной каютѣ. Если намъ въ силу условій сухопутной войны приходится разставаться съ насиженнымъ гнѣздомъ, офицерскимъ собраніемъ и спать въ палаткахъ, а то и прямо подъ открытымъ небомъ—такъ вы хотите, чтобы и моряки жили въ такихъ же условіяхъ?

Что вы говорите объ ихъ комфортѣ, это вздоръ форменный.

Что же касается того, что они пострѣляютъ и уйдутъ—то они въ этомъ невиноваты. Прикажутъ—будутъ стрѣлять до тѣхъ поръ, пока не взорвутся орудія.

Они что ли, эта масса офицеровъ и младшихъ начальниковъ распоряжается эскадрой?

Вонъ Куинъ-Санъ, который всѣмъ глаза мозолитъ, нами отданъ. Приказали бы не отдавать, защитили бы его, какъ слѣдуетъ, использовали бы его своевременно, какъ слѣдуетъ, развѣ

кто-нибудь изъ насъ рѣшился бы оставить его безъ приказанія? Умерли бы, а не отдали.

Что же, во флотѣ не тѣ же офицеры? Сколько уже геройскихъ подвиговъ, да какихъ! Здѣсь можно оглянуться—и драла, а въ морѣ не уйдешь. Либо на дно—либо пардонъ.

Нѣтъ, зря вы все это говорите.

Вспомните, какъ только кому-нибудь изъ моряковъ позволятъ проявить иниціативу — какіе они фортели выкидываютъ. Вспомните только „Баянъ", „Стерегущій", „Страшный", „Бобръ", „Отважный", „Бураковъ", „Амуръ", и т. д. —

Одни соглашались съ говорившимъ, другіе возражали. Разгорался споръ. Споръ о флотѣ принималъ всегда страстный оттѣнокъ. Все варьируется на тѣ же лады.

Я слушалъ, слушалъ—и отошелъ.

Генералъ Кондратенко подошелъ къ телефону и, соединивъ себя съ Артуромъ, говорилъ съ кѣмъ-то по поводу выхода нашихъ судовъ.

---

13 іюля отрядъ канонерскихъ лодокъ выходилъ къ Луньвантаню для обстрѣливанія непріятельскихъ позицій.

Лишь только наши лодки приблизились къ Луньвантаню—у острова Кеппъ показались четыре большихъ крейсера, двѣ лодки и сорокъ миноносцевъ.

Непріятель сталъ сближаться, открылъ огонь, подойдя очень близко.

Нашимъ тоже пришлось по нимъ стрѣлять и, не имѣя прикрытія, отходить къ крѣпости.

При всемъ желаніи поддержать своихъ сухопутныхъ товарищей—канонерки должны были отступить передъ превосходящимъ и въ числѣ и въ силѣ противникомъ.

Изъ Артура не подумали прислать имъ поддержки, чтобы отогнать японцевъ и дать возможность продолжать обстрѣливаніе позицій.

Непріятель, энергично наступая, пострадалъ за свою лихость. Одна изъ канонерокъ, получивъ 6" снарядъ, запарила, а крейсеръ „Чіодо" подорвался на минѣ, но скоро, подведя пластырь, былъ отведенъ въ г. Дальній.

Въ началѣ 5-ти противникъ опять постепенно развилъ страшный орудійный огонь по батареямъ Скрыдлова и князя Чхейдзе.

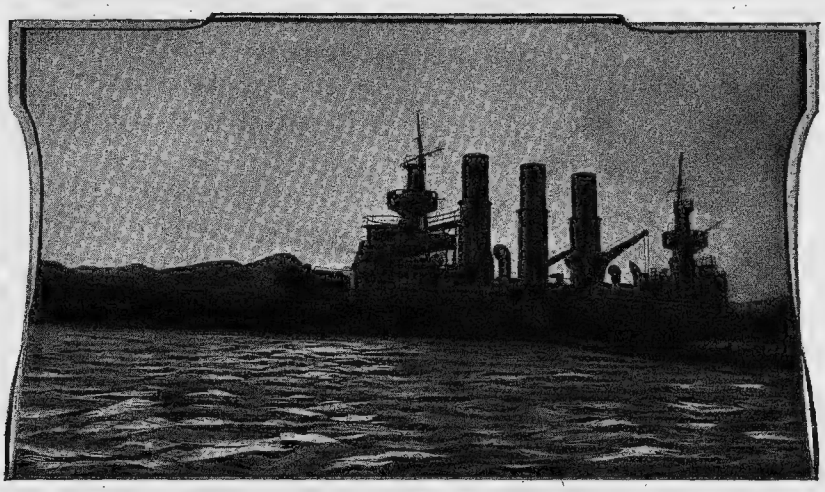
Окопы по всей линіи Зеленыхъ горъ затрещали ружейнымъ огнемъ.

Вся сила орудійнаго огня сосредоточилась на центрѣ.

Долина тоже сильно обстрѣливалась шрапнельнымъ огнемъ площадями по предполагаемымъ резервамъ.

Раненые начали быстро прибывать. Со всѣхъ сторонъ Луньвантаньской долины тянулись извозчики, рикши, носилки съ наскоро перевязанными ранеными.

Въ 1/2 верстѣ отъ боевой линіи работалъ санитарный отрядъ морского вѣдомства. Перевязочный пунктъ былъ разбитъ въ Луньвантаньской долинѣ, у деревни Лю-шан-гоу.



Броненосецъ „Ретвизанъ".

Самоотверженная работа докторовъ Арнгольда, Стеблова и Кефели приводила самого Кондратенко въ восхищеніе.

Онъ нѣсколько разъ благодарилъ ихъ за дѣйствительно выдающуюся храбрость, самоотверженіе, энергію и хладнокровіе.

Опять повторяю—перевязывать подъ огнемъ раненыхъ тяжелѣе, чѣмъ въ изступленіи итти въ атаку.

Этотъ отрядъ во все время трехдневнаго боя принесъ огромную, неоцѣненную пользу войскамъ праваго фланга.

Второй перевязочный пунктъ былъ въ устьѣ долины Литангоу.

Расположенъ былъ онъ нѣсколько дальше отъ боевой линіи, подъ лѣвымъ отвѣснымъ обрывомъ, слегка защищавшимъ отъ шрапнельнаго огня. Другого, болѣе безопаснаго мѣста найти было нельзя, такъ какъ вся площадь поражалась орудійнымъ огнемъ въ надеждѣ обстрѣлять резервы.

Здѣсь работалъ докторъ Мгеладзе, младшій врачъ 26 полка.

Въ 5 часовъ противникъ ударилъ на центръ Зеленыхъ горъ. До наступленія сумерекъ шли на штурмъ безконечныя колонны японцевъ, да такъ и не дошли.

Добрались смѣльчаки близко, очень близко, но были отбиты съ ужасающимъ урономъ, залегли въ 800-600 шагахъ и зарылись.

Подняться для рѣшительнаго удара уже не имѣли ни силъ ни энергіи.

Помимо стрѣлковаго огня и пулеметовъ съ гребня Зеленыхъ горъ, штурмующіе поражались въ лобъ батареями князя Чхейдзе, Скрыдлова, подъ общимъ наблюденіемъ полковника Мехмандарова.

Бѣглый огонь незначительнаго числа нашихъ орудій вырывалъ цѣлыя кучи людей, обращая ихъ въ безформенную копошащуюся массу.

Всѣ долины, скаты чернѣли отъ массы труповъ.

Въ 7 часовъ получилось донесеніе, что Высокая гора окончательно опять въ нашихъ рукахъ. Редюитъ въ рукахъ врага.

— Этимъ мы безусловно обязаны Бутусову. Отойди онъ утромъ—Высокой горы намъ больше не взять. Какіе молодцы пограничники!!

— Да, ваше превосходительство, Бутусовъ умретъ, но безъ приказанія не оставитъ ввѣренной ему защиты — подтвердилъ Семеновъ.

— Нужно пограничниковъ смѣнить. Сейчасъ же пошлите на смѣну двѣ роты изъ резерва.

Я увѣренъ, что противникъ сегодня атаки не повторитъ. Засѣвъ въ 600 шагахъ, онъ окопается, подтянетъ за ночь подкрѣпленія, вольетъ ихъ въ свои окопы, пододвинетъ резервъ и съ утра лишь возобновитъ штурмъ.

Охъ, сильно ему досталось.

Внизу все усѣяно трупами.

А что, какъ нашъ лѣвый флангъ?

— Сейчасъ полученъ рядъ донесеній—флангъ и центръ надеженъ, хотя центръ къ ночи усилю.

— Вотъ что — когда пограничники оправятся, Бутусова нужно будетъ послать на лѣвый флангъ. Все будетъ надежнѣй.

— Слушаю-съ.

Начало смеркаться. Ружейный огонь быстро стихалъ. Стрѣльба совсѣмъ прекращена.

То здѣсь, то тамъ дальше ружейные залпы, одиночные выстрѣлы.

Наконецъ почти все стихло.

Сумерки уже.

Шумятъ лишь по дорогѣ въ долинѣ извозчики съ ранеными сѣдоками, походныя кухни, патронныя двуколки.

Весь штабъ, видимо, утомился. На совѣсть всѣ поработали. Цѣлый день на конѣ—гонки было много.

Разговоры какъ-то не клеились, всѣ столпились вокругъ нашего Кондратенко.

Сумерки разсѣивались. Тумана сегодня нѣтъ.

Наступила ночь, тихая, лунная.

Кругомъ и совсѣмъ стало тихо.

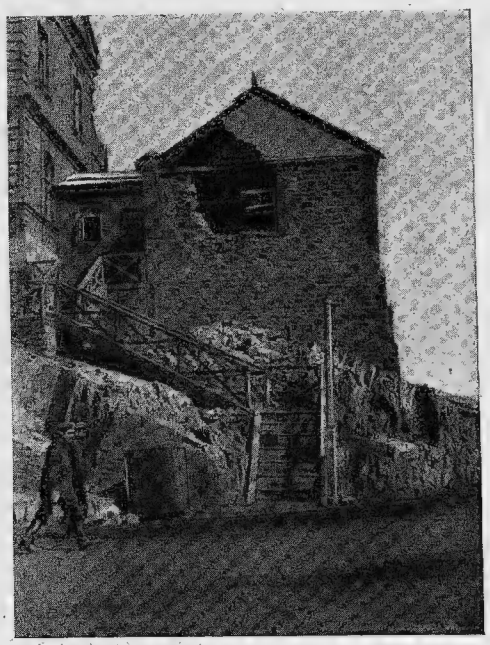
— Господа, поздравляю. Штурмъ отбитъ, день за нами!

Что дастъ намъ завтрашній день?

Ну, а теперь можно и закусить и отдохнуть— весело обратился Кондратенко къ Семенову.

Передавъ начальство надъ общимъ резервомъ подполковнику Вольскому, Семеновъ пригласилъ генерала и всѣхъ насъ къ себѣ.

Минутъ черезъ десять сидѣли за столомъ въ штабѣ отряда.



Входъ на телеграфъ.

Рѣдко былъ такъ вкусенъ ужинъ, а затѣмъ поданный чай.

Всѣ устали нравственно и физически.

Все же бесѣда была и шумна и весела.

О раненыхъ и убитыхъ какъ-то старались забыть. Радовались успѣху боя и воскресшимъ надеждамъ.

Ужинъ былъ накрытъ на чистомъ воздухѣ.

Рядомъ въ домѣ непрерывно работалъ телефонъ, передавая генералу Стесселю подробности о конечномъ результатѣ боя.

Наконецъ получена телефонограмма начальника раіона. Генералъ Стессель поздравлялъ генерала Кондратенко, полков-

ника Семенова, всѣхъ боевыхъ товарищей съ блестящимъ отраженіемъ атаки.

Усталость брала свое, постепенно всѣ стали расходиться по палаткамъ.

Генералъ остался въ отрядѣ и въ ставкѣ полковника Семенова; вмѣстѣ съ начальниками штабовъ, подполковникомъ Науменко и капитаномъ Успенскимъ разрабатывалъ диспозицію слѣдующаго дня.

Наступила опять полночь. Лагерь, оборонительная линія замерли.

Рѣдко, рѣдко донесется сухой трескъ ружейнаго выстрѣла, и опять все тихо, совсѣмъ тихо.

Въ палаткѣ Семенова почти до разсвѣта горѣлъ огонь, и слышалась сдержанная, но оживленная бесѣда совѣщавшихся.

Наконецъ и тамъ умолкли.

Бой 14 іюля.

6 часовъ утра. Лишь только разсѣялся утренній туманъ, бой возобновился съ новой силой.

За минувшій день противникъ пристрѣлялся и снова всей силой обрушился на батареи князя Чхейдзе и капитана Скрыдлова.

Осадныя батареи противника систематически залпами 120 м.м. орудій громили батареи, ни на минуту не давая покоя.

Эти орудія исключительно занялись нашими батареями и, очевидно, рѣшили ихъ уничтожить.

Сегодня площадь перелетовъ и недолетовъ значительно сузилась.

Батареи страдали больше.

При первомъ выстрѣлѣ, начальникъ дивизіи вмѣстѣ съ полковникомъ Семеновымъ на рысяхъ выѣхали къ устью Литангоуской долины.

Второй день боя начался.

День солнечный, ясный, покойный.

Луньвантаньская долина и склоны Зеленыхъ горъ, одѣтыя яркой зеленью, золотятся подъ косыми лучами ранняго солнца.

Идетъ исключительно артиллерійскій бой.

Снаряды съ зловѣщимъ воемъ несутся черезъ долину.

Здѣсь не слышно орудійнаго гула противника, но ясно отличаются взрывы его мелинитовыхъ бомбъ.

Каждый взрывъ на этихъ батареяхъ безпокоитъ. Чѣмъ кончилось?

Слава Богу, на батареяхъ, благодаря умѣлому управленію г.г. офицерами орудійной прислугой, потери сравнительно ничтожны.

Хладнокровіе офицеровъ и нижнихъ чиновъ поразительное.

Командиръ батареи князь Чхейдзе насмѣшилъ и офицеровъ и людей.

На батареѣ жарко; рвутся снаряды, визжатъ осколки. Непрерывная работа немыслима у орудій.

Прислуга, пользуясь паузами, живо зарядитъ орудія. Наведутъ—залпъ—и бѣгомъ въ блиндажи.

Въ отвѣтъ уже несутся съ все усиливающимся воемъ шестидюймовыя игрушки.

Однимъ изъ взрывовъ засыпало всѣхъ землей и каменьями. Особенно досталось подполковнику князю Чхейдзе, замарало пескомъ и кровью его всегда бѣлоснѣжный китель.

Князь сначала остолбенѣлъ отъ этого душа, а затѣмъ, очищая себя отъ грязи, съ раздраженіемъ крикнулъ:

— Ну, этого, господа, я не люблю. — Чортъ знаетъ, какое безобразіе!

Эта флегматичность, раздраженіе по поводу испачканнаго кителя насмѣшили всѣхъ.

Смерть кругомъ, а онъ грязи „не любитъ".

Итакъ, продолжаю, шла исключительно артиллерійская борьба.

Стрѣлки, сидя въ своихъ рвахъ, слабо напоминающихъ окопы, безъ всякихъ прикрытій, осыпаемые шрапнельнымъ, бомбовымъ градомъ, терпѣливо ожидали начала штурма.

Японцы еще сидѣли въ своихъ окопахъ — еще не подымались.

Отчетливо видно, что окопы ихъ густо-густо набиты подошедшими за ночь подкрѣпленіями.

Ружейнаго огня почти совсѣмъ еще не слышно.

Еще неизвѣстно, куда направитъ противникъ сегодня свой главный ударъ.

Далеко впереди подтягиваются резервы. То здѣсь, въ долинѣ, то въ сторону, въ балкѣ, обнажитъ себя какая-нибудь часть.

Наша оборонительная линія (правый флангъ) растянулась почти на 10 верстъ. Лѣвый флангъ на—15.

По Луньвантаньской долинѣ взадъ и впередъ несутся ординарцы.

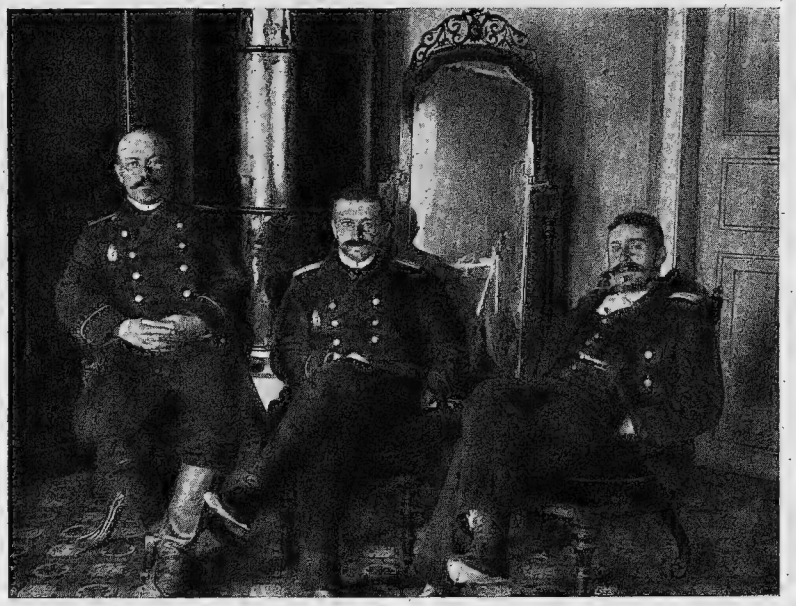
Телефонный аппаратъ, поставленный прямо на камни, непрерывно работаетъ.

Начальникъ дивизіи и полковникъ Семеновъ безпрерывно получаютъ донесенія.

Отдаютъ приказанія. То и дѣло слышится лаконическое: „очередной охотникъ!“

Охотникъ беретъ пакетъ—и слѣдъ пропалъ.

— Поручикъ Сенкевичъ, потрудитесь проѣхать къ капитану Пальчевскому и лично убѣдиться въ положеніи вещей на его



Доктора: Кефели, Арнгольдъ и Кистяковскій.

участкѣ, приказываетъ Семеновъ, быстро просматривая полученное донесеніе.

Для болѣе важныхъ и самостоятельныхъ порученій посылаются офицеры.

Поручикъ Сенкевичъ—образцовый офицеръ, начальникъ конной охотничьей команды 26 полка—отвѣчаетъ: „слушаю-съ“, и въ карьеръ несется по долинѣ, засыпаемый шрапнелью.

Японцы усердно посыпаютъ долину шрапнелью. Они предполагаютъ, что тамъ стянуты резервы.

Сколько тысячъ шрапнелей выпустили они за эти два дня!

Около 9 часовъ затрещали винтовки. Началась стрѣльба пачками.

Противникъ перешелъ въ наступленіе.

Орудійный огонь замѣтно стихаетъ.

Но князь Чхейдзе и Скрыдловъ развили ужасающій по силѣ огонь.

Вихрь снарядовъ понесся на штурмующихъ.

— Не желалъ бы я быть на мѣстѣ япошекъ. Вѣдь это нѣчто стихійное—говоритъ одинъ изъ молодыхъ офицеровъ.

У всѣхъ оживленныя лица. Съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваются къ этому вихрю.

Батареи выпустятъ одну очередь, другую—и смолкнутъ. Со стороны противника несется отвѣтный вихрь.

На батареяхъ слышенъ рядъ взрывовъ. Немедленно за ними—нашъ вихрь.

Какъ удивительно умѣло шло управленіе артиллерійскимъ огнемъ. Примѣръ Киньчжоу научилъ многому.

Жаль, что за все время трехдневнаго боя генералъ изъ „стаи славныхъ“, начальникъ артиллеріи 3 сибирскаго корпуса, не поинтересовался ознакомиться съ артиллерійской борьбой на правомъ флангѣ.

Онъ сидѣлъ на лѣвомъ флангѣ, прилѣпившись къ штабу, любуясь лишь издали молодецкой работой ввѣренной ему артиллеріи.

А ему, георгіевскому кавалеру, навѣрное, дадутъ или дали уже какой-нибудь серьезный строевой постъ.

Не прошло и часу, какъ ружейный огонь сталъ слегка стихать.

Артиллерія свое дѣло дѣлала.

Противникъ менѣе энергиченъ.

Одинъ ужасъ, сколькихъ японскихъ жизней стоилъ этотъ часъ!

Глядя на то, что дѣлали двѣ батареи, я невольно представлялъ себѣ, что было бы съ японцами, имѣй мы больше полевыхъ орудій и пришли къ намъ въ Артуръ горной артиллеріи.

Японцамъ не скоро бы удалось овладѣть Зелеными горами.

— Ваше превосходительство—телефонограмма...

Кондратенко быстро ее пробѣгаетъ.

— Гдѣ начальникъ штаба? Генералъ Стессель вызываетъ меня къ себѣ. На лѣвомъ флангѣ сосредоточивается противникъ. Противъ Юпилазы сконцентрировано до 80 орудій. Евгеній Николаевичъ, ѣдемъ.

— Коней, подавай коней! Гдѣ начальника дивизіи лошадь?

Черезъ нѣсколько минутъ генералъ-маіоръ Кондратенко съ подполковникомъ Науменко карьеромъ понеслись по Литангоуской долинѣ.

Когда доѣхали до штаба отряда, пораздумали, ѣхать ли этой, ближней и хорошей дорогой. Нужно было пролетѣть площадь, гдѣ непрерывно рвались всѣ снаряды перелетовъ, посылаемые князю и Скрыдлову.

Обозныя лошади, денщики, кашевары спрятаны подъ отвѣсный обрывъ.

Но смѣлымъ Богъ владѣетъ—проскакали благополучно.

Къ 12 часамъ кононада, какъ и вчера, стала постепенно стихать.

Японцы и дома и на войнѣ, даже въ бою, въ своемъ обиходѣ педантично аккуратны.

Солдаты и офицеры заработали палочками, подкрѣпляя себя миніатюрной порціей риса.

Только, очевидно, дежурное орудіе нѣтъ, нѣтъ да и пуститъ 5 пудовую „блямбу“ то къ князю, то къ капитану Скрыдлову.

Японцы подкрѣплялись. Не скажу, чтобы этимъ занимались наши, сухарями развѣ—пожалуй. Другихъ, болѣе питательныхъ консервовъ, какъ извѣстно, въ нашей арміи не признается.

Да оно, положимъ, и вѣрно. Въ голодный годъ „мужику“ и сухарь покажется деликатесомъ. А такъ какъ большинству на Руси удѣлъ голодати, то этого „консерва“ вполнѣ было достаточно, хотя, конечно, измученнымъ стрѣлкамъ и пріятно было бы похлебать горяченькаго. Но что же дѣлать, когда доставить кухни на высоту горныхъ позицій своевременно было затруднительно? Положимъ, отвлекаться ѣдой было и небезопасно—вдругъ японцы возобновятъ штурмъ.

Въ тѣхъ частяхъ, гдѣ начальники были поэнергичнѣе, людямъ удавалось какъ-то пообѣдать. Ну, да вѣдь не всѣ рождены энергичными. Кромѣ того, долгій опытъ въ войскахъ успѣлъ уже доказать, что высшее начальство не любитъ и не поощряетъ „энергіи“, если таковая сопровождается честнымъ и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу.

Ну, да вѣдь это старая исторія.

Опять въ штабѣ страшно волновались по поводу того, что флотъ оказываетъ слабую поддержку сухопутной артиллеріи.

— Я не понимаю, неужели эскадра не можетъ намъ помочь? Вчера пришли, немного и крайне неудачно пострѣляли

и ушли. Положительно непонятно, почему они такъ дѣйствуютъ. Ну подошли, открыли бы огонь. Подумайте, какой вредъ они нанесли бы японцамъ. А то покажутся и сейчасъ же назадъ— горячился кто-то изъ штабныхъ.

— Все это хорошо. А вы думаете, легко имъ стрѣлять по сухопутнымъ позиціямъ? Я не говорю уже про опасности итти по минамъ—они никогда не производили практической стрѣльбы. Попробуйте-ка съ моря стрѣлять по сушѣ безъ хорошо организованной корректировки: помните—1 іюля, что-ли, по нашему расположенію начали жарить. Вѣдь у нихъ и картъ нѣтъ. Вчера посланъ на „Отважный“ поручикъ Чивчинскій. Онъ имъ указываетъ, куда нужно стрѣлять.

Нѣтъ, положеніе ихъ пиковое!

Дѣятельность флота въ бою 14 іюля выразилась въ слѣдующемъ.

Канонерскія лодки выходили въ море для обстрѣливанія непріятельскихъ позицій подъ прикрытіемъ 3-хъ крейсеровъ и броненосца „Ретвизанъ“.

Огонь поддерживали до 2-хъ часовъ. Во время этого обстрѣливанія въ 80 кабельтовыхъ, у острова Кеппъ, показались 4 японскихъ броненосца, 3 бронированныхъ крейсера съ „Ниссинъ“ и „Кассугой“ во главѣ и 2 канонерскихъ лодки.

Сблизившись на разстояніе выстрѣла, они немедленно открыли сильный огонь.

Все вниманіе „Ретвизана“ и крейсеровъ, конечно, сейчасъ же было обращено въ сторону появившагося въ столь значительныхъ силахъ противника. Канонерскія же лодки подъ начальствомъ контръ-адмирала Лощинскаго энергично обстрѣливали непріятельскія позиціи. Впечатлѣніе на штурмующихъ этотъ огонь производилъ довольно сильное, хотя значительнаго вреда не приносилъ.

Завязался морской бой. Противникъ сосредоточивалъ огонь главнымъ образомъ на „Ретвизанѣ“, снаряды японцевъ ложились очень хорошо. Наши же снаряды не достигали цѣли. Одинъ изъ снарядовъ упалъ подъ носомъ „Ретвизана“. Снаряды послѣдняго долетали только тогда до противника, когда въ моментъ выстрѣла носъ его вздымался волной.

Такъ какъ огонь усиливался, а мы не могли нанести противнику существеннаго вреда, то броненосцы и крейсера были отозваны назадъ. Лодки, оставшись безъ прикрытія, пошли за ними.

Вышедшій на встрѣчу возвращающимся адмиралъ Витгефтъ, подойдя къ „Отважному“, удивилъ всѣхъ вопросомъ, обращеннымъ къ адмиралу Лощинскому.

— Зачѣмъ вернулись лодки?

Адмиралъ Лощинскій вполнѣ резонно отвѣтилъ, что съ уходомъ крейсеровъ немыслимо было оставаться въ виду огромнаго перевѣса въ силахъ противника. Кромѣ того, на лодкахъ были израсходованы всѣ снаряды.

На это адмиралъ Витгефтъ возразилъ:

— Крейсера не для васъ, они сами по себѣ, а вы должны были остаться; что же касается снарядовъ, то объ этомъ нужно было раньше заботиться.

Эти замѣчанія не имѣли логическаго основанія:

1) Канонерскія лодки, безусловно, не должны и не могли оставаться безъ прикрытія въ разстояніи почти 20 верстъ отъ крѣпости, въ виду сильнаго противника, вооруженнаго дальнобойными орудіями.

Нужно было не забывать, что у непріятеля даже канонерскія лодки были вооружены 10-ти дюймовыми дальнобойными современнаго типа орудіями.

А у насъ только на „Отважномъ“ былъ знаменитый 9-тидюймовый, но древній „дядя Томъ“. Слѣдовательно, не говоря уже о крейсерахъ и броненосцахъ, наши лодки не могли бороться съ лодками противника.

2) Что же касается недостатка снарядовъ на канонерскихъ лодкахъ, то это было вызвано распоряженіемъ самого адмирала Витгефта, который, въ виду возможности взрыва минъ, приказалъ имѣть на судахъ не болѣе 15—20 снарядовъ на орудіе.

Интересно было знать, чѣмъ былъ вызванъ отвѣтъ адмирала Витгефта, что распоряженіе его относительно ограниченнаго количества снарядовъ касалось лишь стоянки судовъ на рейдѣ.

Здѣсь опять я долженъ затронуть вопросъ, насколько продуктивна была дѣятельность отряда судовъ минной береговой обороны въ періодъ времени съ 13 іюня по 14 іюля включительно.

За это время отрядъ канонерскихъ лодокъ подъ командой контръ-адмирала Лощинскаго почти ежедневно выходилъ для обстрѣливанія позицій.

Выходы эти, конечно, сопровождались огромной опасностью отъ плавающихъ минъ, и если они не были особенно продуктив-

ными, то въ этомъ вина не моряковъ этого отряда, а нераспорядительность старшаго морского начальника.

Сколько разъ вышедшія лодки должны были возвращаться, такъ какъ въ виду ихъ появлялся значительный противникъ.

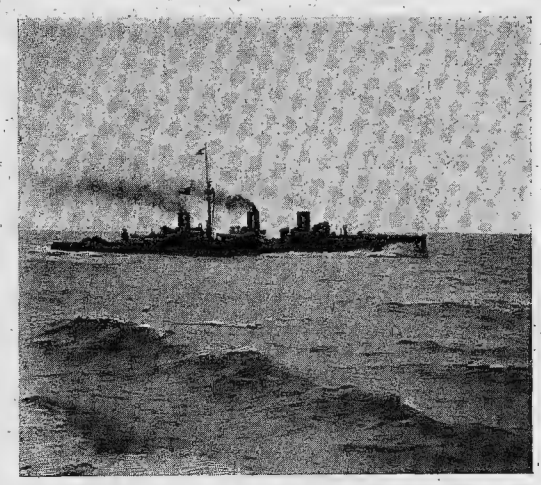
Выходъ лодокъ, кромѣ возможности нарваться на мину, не давалъ часто никакихъ практическихъ результатовъ.

Тѣмъ не менѣе наши слабо-вооруженныя лодки неоднократно выходили для обстрѣливанія непріятельскихъ позицій, и, если имъ удавалось обстрѣлять таковыя, то онѣ дѣлали все, что отъ нихъ зависѣло.

Правы были тѣ, которые доказывали адмиралу Витгефту, что каждый выходъ лодокъ долженъ былъ производиться не иначе, какъ подъ прикрытіемъ отряда судовъ эскадры.

Только при этихъ условіяхъ походы лодокъ имѣли хоть какую-нибудь цѣль и смыслъ.

Но главный морской начальникъ былъ особаго на этотъ счетъ мнѣнія, и лодки въ большинствѣ случаевъ посылались безъ всякихъ прикрытій, если не считать сопровождавшихъ ихъ миноносцевъ.



Крейсеръ „Новикъ“ выходитъ на развѣдку.

Прикрытію, состоявшему изъ нѣсколькихъ крейсеровъ, вовсе не необходимо было вступать въ бой и тратить снаряды. Ему нужно было лишь держать непріятеля въ недосягаемой дистанціи до кононерскихъ лодокъ, которыя въ это время могли спокойно обстрѣливать позиціи, какъ это, напримѣръ, и было 14 іюля, когда крейсера и „Ретвизанъ“ вступили въ бой съ насѣдавшимъ противникомъ.

Вообще, нужно съ горечью констатировать, что въ управленіи эскадрой царилъ такой безсмысленный хаосъ, что, право, удивляешься, какъ это еще до паденія Высокой горы не погибло большинство нашихъ судовъ.

День и выходъ отряда 14 іюля закончились для эскадры печально.

Нашъ лучшій герой-крейсеръ „Баянъ“ при входѣ въ гавань нарвался на мину почти у самаго затопленнаго „Хайлара“.

„Баянъ“ вышелъ изъ строя и былъ отведенъ въ Восточный бассейнъ для починки довольно значительной пробоины.

Съ 2-хъ часовъ опять завыли бомбы.

Пріѣхалъ въ штабъ отряда.

Нѣсколько офицеровъ, наскоро отобѣдавъ, сидятъ за столомъ, хохочутъ.

Капельмейстеръ г. Михайловъ сидитъ съ камертономъ въ рукахъ.

— Что это у васъ тутъ за веселье?

— Не угодно ли? Нашъ капельмейстеръ сдѣлалъ открытіе. По звуку полета опредѣляетъ, гдѣ разорвется бомба: на батареѣ, у насъ или дальше.

— Ну, разскажите, разскажите, какъ вы тутъ пользуетесь тонами.

— Да очень просто. Когда звукъ полета даетъ mi — разрывъ на батареѣ Чхейдзе, fa—у насъ, sol—дальше.

Стали прислушиваться.

— Ахъ, черти телефонисты мѣшаютъ слушать.

— Да тише, господа. Ну берите же тонъ, звукъ летящаго снаряда усиливается.

Mi. . . . . ., дѣйствительно, mi — бацъ! — около батареи.

— А эта вотъ тамъ разорвется.

Fa . . . . . , тянутъ—бухъ!—разорвалась далеко по дорогѣ.

— Sol. . . . . , затянулъ кто-то козломъ.

— Михаилъ Евлампіевичъ, да не мѣшайте—укоризненно кто-то говоритъ поручику Миропольскому.

Посмотрѣлъ я на эту группу и, право, залюбовался: вѣдь кругомъ же смерть витаетъ.

Вотъ это „mi“ часа два тому назадъ наводчика на батареѣ превратило въ безформенную массу — а они ничего, не боятся, хохочутъ!

Значитъ, не измельчались русскіе люди.

Когда нужно—бодро, съ достоинствомъ, безъ тѣни страха глядятъ въ глаза смерти.

Посмотрѣли бы вы на этихъ солдатъ, какъ они отъ души хохотали, глядя на дурачившихся офицеровъ.

Этотъ „очередной охотникъ", который стремглавъ полетѣлъ съ полученной телефонограммой по дорогѣ, осыпаемой шрапнелью, не будетъ прятаться за камни, а тоже улыбаясь будетъ тянуть какую-нибудь ноту, гадая, гдѣ разорвется снарядъ.

Въ началѣ четырехъ орудійный огонь усилился.

Луньвантаньская долина засыпалась шрапнелью.

По дорогамъ, не обращая вниманія на этотъ убійственный огонь, артурскіе легковые парные извощики какъ ни въ чемъ не бывало везутъ раненыхъ, возвращаются назадъ, забираютъ у подножія Зеленыхъ горъ новыхъ, опять возвращаются. Ѣдутъ двуколки съ патронами, кухни. Тянутся носилки. Суматохи нѣтъ, растерянности не видно. Все спокойно. Всѣ свое дѣло дѣлаютъ: одни стрѣляютъ, другіе страдаютъ отъ ранъ, третьи несутъ, четвертые везутъ, пятые умираютъ—и такъ безъ конца.

Лейтенантъ Малѣевъ.

Но вѣдь смерть, смерть же витаетъ кругомъ.

Нѣтъ, никто не обращаетъ вниманія.

Вонъ, далеко-далеко еще по дорогѣ плетется извозчикъ. Разрывается надъ нимъ цѣлый букетъ шрапнели. Издали кажется, что все попало въ него. Невольно всѣ вскакиваютъ. Разсѣивается дымъ — все благополучно. Шрапнель разорвалась очень высоко и значительно дальше.

Извозчикъ, видимо, все-таки испугался — приближается быстрѣй; одна лошадь прихрамываетъ—ее задѣло.

Въ экипажѣ сидятъ два стрѣлка.

Одинъ—скрючившись, умеръ уже. Другой, съ ружьемъ въ рукахъ, важно развалился, откинувъ голову назадъ, и сосредоточенно смотритъ въ недосягаемую высь горнихъ высотъ,

какъ бы слѣдя за улетѣвшей душой своего уже мертваго товарища.

Начальникъ отряда пристально смотритъ на Высокую гору. Кругомъ штабъ и ординарцы.

— Вольноопредѣляющійся Загоровскій, отправляйтесь на правый флангъ. Узнайте, что такое съ Высокой горой. Что-то тамъ подозрительное происходитъ.

— Прикажете взять пакетъ?

— Нѣтъ, пожалуйста устно, я на васъ надѣюсь.

Въ 5 часовъ огонь опять дошелъ до крайняго напряженія. Подготовлялся рѣшительный ударъ.

Къ этому времени къ намъ прибылъ инспекторъ госпиталей генералъ Церпицкій, организовавшій перевозку раненыхъ въ Артуръ.

Затѣмъ мы увидѣли еще издали двѣ быстро верхами приближающіяся фигуры.

То были егермейстеръ Балашовъ и его черезчуръ дѣятельный помощникъ, статскій совѣтникъ Тарданъ.

Минуя насъ, они помчались въ долину и попали какъ разъ на обстрѣливаемую въ эти минуты площадь.

Мы начали кричать—напрасно: ихъ превосходительства были глухи отъ времени.

Пришлось послать охотника.

Самоотверженный егермейстеръ Балашовъ и Тарданъ догнавшимъ охотникомъ были направлены къ намъ.

Взволнованные и раскраснѣвшіеся, вѣроятно, отъ быстрой ѣзды, дѣятели Краснаго Креста наконецъ подъѣхали къ полковнику Семенову.

Оказалось, что ихъ двигало на самоотверженный подвигъ желаніе лично убѣдиться, сколь интенсивенъ огонь, и насколько будетъ еще силенъ притокъ раненыхъ.

Ознакомившись съ положеніемъ вещей, сообщивъ намъ артурскія новости, они скоро уѣхали, чтобы опять всецѣло отдаться своей плодотворной дѣятельности.

Умѣстно здѣсь сказать, что Красный Крестъ, обладая огромными средствами, роскошно обставилъ свой госпиталь.

Между тѣмъ госпитали военнаго вѣдомства не имѣли часто самаго необходимаго.

Грустно, но это такъ.

Въ половинѣ шестого артиллерія противника стала опять стихать.

По всей линіи окопы развили страшный ружейный огонь. На фонѣ непрерывной трескотни пачками срывались залпы за залпами.

Четвертый и самый сильный штурмъ былъ въ полномъ разгарѣ.

Начальникъ отряда полковникъ Семеновъ посмотрѣлъ на часы.

— Еще полтора часа—и день будетъ за нами.

Ординарецъ за ординарцемъ подлетаютъ къ начальнику отряда. Начальники боевыхъ участковъ просятъ присылки патроновъ.

— Подполковникъ Вольскій, распорядитесь насчетъ патроновъ. У насъ ихъ достаточно?

— Съ излишкомъ, г. полковникъ.

— Отлично-съ. Поторопитесь съ отправкой ихъ. Ну и батареи же наши! Здорово озлились они. Ха-ха-ха! задаетъ же японцамъ князь!

— Г. полковникъ, по манерѣ стрѣлять сейчасъ же можно отличить князя отъ Скрыдлова.

— Ну, кто сейчасъ выпустилъ очередь?

— Князь.

— Нѣтъ, Скрыдловъ. Посмотрите.

— Нашли о чемъ спорить, вы полюбуйтесь лучше, что творится у японцевъ.

— Поручикъ Алексѣевъ, молодцомъ слетайте на лѣвый флангъ и скажете...

— Слушаю-съ.

Ружейный огонь все усиливался. Впослѣдствіи, при отбитіи штурмовъ въ Артурѣ—мнѣ не приходилось слышать, чтобы на такомъ большомъ протяженіи развивался такой невѣроятно сильный ружейный огонь.

Солнце садилось уже за горы.

Еще часъ—и все будетъ кончено. По всей видимости, японцамъ сегодня Зеленыхъ горъ не забрать.

— Интересно, когда отступимъ—сегодня ночью или завтра, сказалъ кто-то изъ окружавшихъ Семенова.

— Типунъ вамъ на языкъ, молодая ворона, обозлился поручикъ Сенкевичъ.

Меня это тоже возмутило. Но что же дѣлать, когда Артуръ такъ былъ заманчивъ для тѣхъ, кто питался геройскимъ духомъ Фока?

Семеновъ только укоризненно покачалъ головой въ сторону говорившаго.

„Молодая ворона“ сконфузилась.

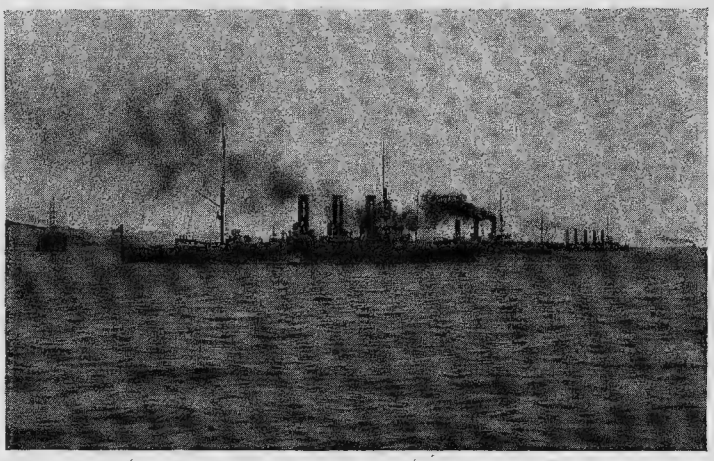
Солнце уже за горами.

Ружейный огонь слабѣетъ. Все тише, тише.

Штурмъ отбитъ, но японцы залегли очень близко.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ настолько близко, что явственно слышенъ ихъ разговоръ.

Будь у насъ ручныя бомбочки, какой бы мы могли нанести огромный вредъ противнику—онъ безусловно долженъ бы былъ отступить.



„Паллада“, „Діана“ и „Аскольдъ“ на внѣшнемъ рейдѣ.

Стрѣлять же было невозможно, такъ какъ японцы засѣли въ мертвомъ пространствѣ. Часовые зорко слѣдили за нашими окопами. Чуть кто высунется—били навѣрняка.

Результатъ штурма—занятіе японцами Высокой и Семафорной горы.

— Господа, день опять за нами. Трудный день будетъ завтра. Тяжело защищать оборонительную линію въ 10 верстъ съ минимумомъ штыковъ и артиллеріи. Изъ Артура намъ больше ничего не дадутъ. А резервъ нашъ—вотъ: полурота стрѣлковъ и рота квантунскаго экипажа. Жаль ихъ героя—командира мичмана Верщицкаго. Раненъ въ глазъ навылетъ. Такъ вотъ видите, это весь нашъ резервъ. Но, на это воля начальства. Мы же будемъ дѣлать все, что въ нашихъ силахъ.

Стало быстро темнѣть. Въ долинѣ совсѣмъ сумрачно.

Взошедшій мѣсяцъ затерялся въ быстро несущихся облакахъ.

— Г. полковникъ, телефонограмма отъ генерала Стесселя.

— Господа, телефонограмма отъ генерала Стесселя, обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ Семеновъ: генералъ поздравляетъ всѣхъ, и, „въ виду побѣды, оркестрамъ играть народный гимнъ, а затѣмъ кричать ура“. Подполковникъ Вольскій, прикажите построить резервъ. Вызвать изъ штаба музыку.

— Строиться лицомъ къ врагу!

Резервъ, въ составѣ полутора ротъ, построенъ.

Батареи совсѣмъ смолкли.

Въ долинѣ тишина.

Вдали легкій шумъ удаляющихся двуколокъ.

Рѣдкіе сухіе ружейные выстрѣлы.

Впереди и въ сторонѣ развернулся громадный кряжъ Зеленыхъ горъ, увѣнчанныхъ непрерывной цѣпью стрѣлковыхъ окоповъ.

Мѣсяцъ какъ бы украдкой свѣтитъ изъ-за тучъ.

Дальше враги.

— Какая картина развернулась передъ нами. Вотъ бы сюда художника—слышу кто-то говоритъ въ полголоса.

Пришелъ наконецъ оркестръ и сталъ на правомъ флангѣ.

Все успокоилось. Тишина.

Мѣсяцъ вынырнулъ изъ облаковъ, ярко свѣтитъ, словно присматривается къ намъ.

— Ребята! Генералъ Стессель поздравляетъ васъ со вторымъ отбитымъ штурмомъ и благодаритъ за славную боевую службу.

Вамъ моряки—тоже особенная благодарность: вы сегодня вели себя героями.

Насъ мало? Нѣтъ! Насъ много, насъ—несокрушимая сила, потому что мы всѣ до единаго готовы умереть за Царя и Россію.

Два дня вы уже геройски защищаете наши позиціи.

Вы, дорогіе товарищи—Семеновъ указалъ рукой на окопы—сумѣете отстоять и Артуръ!

Гимнъ! —

Лицо говорившаго преобразилось—глаза сверкали огнемъ правды, которая у него была на душѣ.

Глубокая тишина огласилась мелодичными звуками народнаго гимна.

Играли съ воодушевленіемъ, всѣ присутствовавшіе пѣли.

Затѣмъ грянуло „ура“, подхваченное наверху въ окопахъ на 10 верстъ.

Долго и громоносно катилось оно.

Эхо отражало и повторяло его.

Опять все стихло.

Ненадежное то было затишье.

Еще во время исполненія гимна многіе изъ насъ замѣтили, что засвистѣли пули. Одни не придавали этому значенія, другіе объясняли случайнымъ перелетомъ изъ-за горъ.

Я тоже былъ склоненъ думать, что это случайные перелеты.

Итакъ, кончился второй томительный день.

Всѣ устали отъ сознанія ежеминутной опасности, отъ вихря впечатлѣній тревожнаго дня, но тѣмъ не менѣе каждый держалъ себя въ рукахъ бодро. Всѣмъ импонировалъ энергичный, дѣятельный, не знающій усталости начальникъ отряда.

Резервъ отошелъ въ лощину.

Музыка отправлена въ штабъ.

— Господа! что это за безобразіе—пули все время свистятъ. Откуда это?

— Перелетъ изъ-за Зеленыхъ горъ.

— Пора бы, кажется, угомониться. Вчера этого не было. Нужно же въ самомъ дѣлѣ отдохнуть, шутитъ молодежь: десятый часъ въ началѣ, да и ѣсть хочется.

— Кстати, подполковникъ Вольскій, что кухни всѣ отправлены впередъ?

— Такъ точно, г. полковникъ. Нѣкоторыя уже вернулись.

— Капитанъ Успенскій, пожалуйте-ка сюда. Мнѣ нужно еще обстоятельно съ вами поговорить.

Группа офицеровъ отошла къ скалистому обрыву, гдѣ установленъ телефонъ, и принялась закусывать.

— А, батюшка! Какъ, вы оттуда, съ передового перевязочнаго пункта?

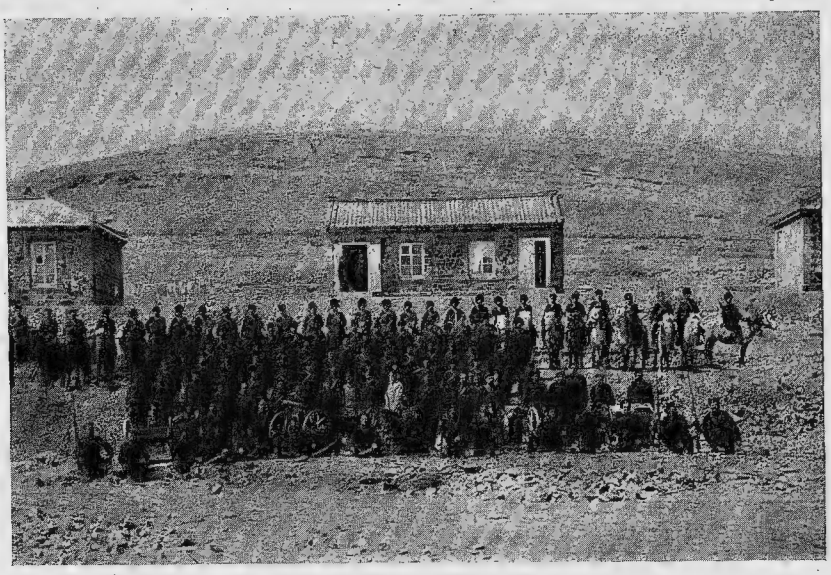
Ну что, какъ наши раненые, очень страдаютъ?

Не хотите ли подкрѣпиться?

Ужъ извините—Смирновки нѣтъ, Верещагинская-съ.

— Да, великое множество убіенныхъ и страждущихъ. Господь послалъ за грѣхи наши великое испытаніе. Страждутъ и

переносятъ ниспосланное испытаніе кротко, въ долготерпѣніи— повѣствовалъ батюшка, водя рукой по бородѣ, груди и трогая крестъ: воистину, истинные христіане, истинные! За вѣру, Царя животъ свой полагаютъ героически. Иныхъ облегчалъ лишь словомъ напутствія; иные удостоились, по неизреченной милости Господа Славы,—вдохновенный взоръ увлекшагося батюшки уходилъ въ глубь небесъ—причащенія святыхъ нерукотворенныхъ Тайнъ Христовыхъ, и съ миромъ отходила душа мучениковъ Христовыхъ на лоно Авраама, Исаака и Іакова. Тяжело и въ мысляхъ. Тяжело и въ сердцахъ. Тяжело.



Гарнизонъ на Малой Голубиной бухтѣ.

— А вы, батюшка, водочки—легче будетъ.

— Воистину, Христосъ страдалъ—тако и намъ подобаетъ. Но все же тяжело.

— Да вы, батюшка, водочки. Разстроились вы. Нервы то гуляютъ съ непривычки. Выпейте и закусите, а потомъ опять выпейте. Сразу всю меланхолію какъ рукой сниметъ. Кто умеръ, того не вернешь, а живой пей водку, закусывай, работай и надѣйся. Ну вотъ и отлично. Эй, вѣстовой, дай-ка посудину поглубже.

Мирно шла бесѣда между офицерами. Подполковникъ съ увлеченіемъ разсказывалъ о штурмѣ Плевны, молодежь исправно закусывала.

Полковникъ Семеновъ, забывъ усталость, оживленно бесѣдовалъ съ капитаномъ Успенскимъ передъ развернутой картой.

Мѣсяцъ въ пеленѣ вечерней мглы. Кругомъ все успокоилось.

Казалось, что, какъ и вчера, ночь пройдетъ относительно спокойно.

Поджидали генерала Кондратенко.

Вдругъ изъ-за скалы выдвигаются два силуэта—военные бродяги, самовольно отлучившіеся отъ своихъ частей.

— Вы чего?

Видъ у нихъ испуганный и довольно потрепанный.

— Такъ что, ваше благородіе, мы... они...

— Что такое—говори же толкомъ!

— Вонъ тамъ японецъ прорвался, показываетъ въ сторону новой дороги: видимо-невидимо претъ.

— Да гдѣ же тамъ?! Зачѣмъ же вы то пришли? Ну, прорвались—ихъ отгонятъ. А вы, вы зачѣмъ пришли? Прислали васъ, что ли?

Въ долинѣ у новой дороги ничего не слышно.

Все покойно. Донесеній никакихъ нѣтъ.

— Врутъ что-нибудь.

— Никакъ нѣтъ, меня чуть не ранили. Его тоже тамъ...

Подошелъ Семеновъ.

— Что тутъ такое?

Объяснили.

— Зайцы вы, трусы подлые! Задержать ихъ въ обозѣ.

— Г. полковникъ,—конный охотникъ.

— Давайте его сюда. Посвѣтите.

Читаетъ—все лицо побагровѣло.

— Коней, да живо! — Всѣ повскакали и собрались около него.

— Коней! говорю. Оглохли, что ли?

Охотники уже вели лошадей.

Затѣмъ уже спокойнѣе онъ обратился къ намъ.

— Японцы прорвались на участкѣ противъ новой дороги. Наши подались.

Ну такъ что же? Сейчасъ поправимъ.

Стойкость и хладнокровіе прежде всего.

Подполковникъ Вольскій! Резервъ, за мной!

Бѣглецовъ задержать! Загоровскій, на лѣвый флангъ!

Вскочивъ на коней, въ сопровожденіи офицеровъ, охотниковъ, понеслись къ мѣсту прорыва — туда, гдѣ вчера утромъ Кондратенко остановилъ отступленіе.

Резервъ слѣдовалъ за ними бѣгомъ.

Впереди шла уже сильная и безпорядочная стрѣльба. Залповъ не слышно.

Та-та-каетъ лишь пулеметъ. Чей—разобрать трудно.

Въ то время, когда мы въ долинѣ торжествовали побѣду, когда „ура“ съ долины перешло на высоты, въ окопы, было подхвачено всѣми стрѣлками, японцы, воспользовавшись этимъ моментомъ, неожиданно бросились впередъ и прорвались на участкѣ противъ новой дороги.

Поднялась невообразимая суматоха. Общая связь окоповъ была прервана. Разобщенные участки не знали, что имъ предпринять—считать ли себя отрѣзанными, наступать, или отступать.

Ружейный огонь усиливался, стрѣляли и въ своихъ и въ японцевъ, мѣстами доходило до штыкового удара,—хаосъ форменный.

Обозные, услышавъ эту безпорядочную стрѣльбу, заложили лошадей, а одного извѣстія „прорвались“ достаточно было, чтобы все это обозное войско устремилось назадъ, въ Литангоускую долину.

Чуть ли не въ карьеръ понеслись они туда. Въ устьѣ долины дорога даетъ крутой поворотъ, здѣсь все остановилось—ни взадъ ни впередъ. Патронныя двуколки, кухни, обозы, лазаретныя линейки, попавшій какимъ-то образомъ взводъ мортирной батареи, извозчики, носилки — все это перемѣшалось и ни съ мѣста.

— Дорогу, дорогу—начальникъ дивизіи ѣдетъ, кричали впереди.

Гдѣ тутъ дорогу—тронуться не могутъ.

Кондратенко, свернувъ съ дороги, прямо по мелководью, сопровождаемый взводомъ казаковъ, понесся къ мѣсту прорыва.

Японцы упорно стремились впередъ. Наши ожесточились и, ободренные личнымъ присутствіемъ своего начальника дивизіи и полковника Семенова, ударили. Японцы не выдержали дружнаго удара и отступили.

Роты оправились. Связь возстановлена. Опять окопы заняты. Только вправо впереди двѣ сопочки еще въ рукахъ японцевъ.

Организуется атака этихъ сопочекъ. Ихъ необходимо отобрать. Охотники уже посланы развѣдать, много ли тамъ японцевъ.

Казалось, что еще нѣсколько усилій—и все будетъ опять благополучно.

Отдано было приказаніе остановить отступленіе.

Я поѣхалъ въ штабъ отряда, чтобы посмотрѣть, что тамъ творится.

По дорогѣ тоже столпотвореніе вавилонское, хотя уже слегка улегшееся.

Несутъ раненыхъ.

Подъѣзжая къ штабу, увидѣлъ скаченныя въ долину орудія батареи Чхейдзе, еще не въ упряжкѣ.

Наконецъ въ штабѣ.

Артиллеристы сидятъ за столомъ. Тутъ же полковникъ Мехмандаровъ и князь Чхейдзе. Всѣ волнуются.

Науменко у телефона.

Обращаюсь съ вопросомъ къ князю Чхейдзе, почему орудія спущены въ долину.

— Генералъ Кондратенко, проѣзжая мимо, приказалъ на всякій случай скатить орудія.

Неизвѣстно было, что творится впереди.

Пошелъ къ Науменко.

Евгеній Николаевичъ въ какомъ-то подавленномъ состояніи. Непрерывно звонитъ—11-я верста не отвѣчаетъ (11-я верста—какая злая иронія судьбы!)

— Богъ ихъ знаетъ, не могу добиться фоковскаго штаба, центральная даетъ все, только не то, что нужно.

Наконецъ штабъ отозвался.

— Господи, да что ошалѣли они, что ли?

Да, да, прошу передать генералу Фоку—твердитъ онъ въ телефонный пріемникъ. — Какъ только сообщитъ, немедленно донесу. Резервъ весь израсходованъ. Все, буквально все влито въ боевую линію. Противникъ форсируетъ. Положительно трудно рѣшить, что дѣлать. Сейчасъ тихо. Кондратенко на мѣстѣ — оторвавшись отъ телефона въ полголоса ко мнѣ — вы говорите, что сопки еще въ ихъ рукахъ, мы отбираемъ?

— Да.

Продолжаетъ...

— ... Сопки еще въ ихъ рукахъ. Кондратенко отбираетъ назадъ. Да. По всему фронту тихо. Да, да, батареи сняты съ позицій, да да, нѣтъ. 10-ти верстный фронтъ—людей мало...

Двухдневный бой утомилъ. Не знаю, выдержатъ ли завтра. Доложите сейчасъ же. Да. Но у васъ на 15 верстъ цѣлая дивизія, у насъ на 10 верстъ меньше двухъ полковъ. Хорошо. Я

остаюсь здѣсь. Пожалуйста немедленно доложите.—Науменко съ раздраженіемъ бросилъ трубку.

— Боже мой, Боже мой, какая халатность, какое упрямство. Торгуются еще! Люди страшно утомлены. Резервовъ нѣтъ. Огромная дистанція защищается минимумомъ силъ. Завтра противникъ безусловно насъ погонитъ, наши не выдержатъ. Лучше же предупредить бѣгство—приготовиться къ отступленію и на разсвѣтѣ съ боемъ отойти. У насъ уже выбраны аріергардныя позиціи.

Вѣдь чортъ знаетъ, что будетъ, если насъ погонятъ. Видѣли, что творилось, когда японцы только въ одномъ мѣстѣ

Гарнизонъ на Малой Голубиной бухтѣ.

прорвались, только прорвались и не думали еще преслѣдовать? Не забудьте, что насъ, исключительно насъ тѣснитъ почти дивизія, при огромномъ количествѣ артиллеріи. Высокая и Семафорная горы въ ихъ рукахъ. Завтра они насъ начнутъ громить оттуда орудійнымъ, пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ.

Вся Луньвантаньская долина будетъ обстрѣливаться.

Будетъ нѣчто ужасное, если войска дрогнутъ и побѣгутъ. Ихъ тогда ничто не удержитъ, никакія аріергардныя позиціи.

А что значитъ отступать при свѣтѣ дня—вы видѣли на Киньчжоу.

Но тогда противникъ не преслѣдовалъ, а что завтра онъ будетъ преслѣдовать—я въ этомъ увѣренъ. Но что прикажетъ Стессель и Фокъ, что рѣшитъ Кондратенко?

— Да, Евгеній Николаевичъ, весь вопросъ въ томъ, что рѣшитъ Кондратенко. Но я вѣрю въ него. Я знаю, что онъ не ошибется. Онъ не сдѣлаетъ рокового шага.

— Такъ то оно такъ. А вотъ видите—колеблется. Приказалъ батареямъ спуститься. Вотъ и Скрыдловъ тоже, вѣрно, спустилъ орудія. Приказалъ спустить—а категорическаго приказа объ отступленіи не даетъ. Батареи еще не знаютъ, занять имъ аріергардныя позиціи, или тащить орудія назадъ. Я увѣренъ, что вопросъ объ отступленіи имъ не рѣшенъ.

А что мы должны отступить, это вопросъ, должно быть, рѣшенный.

Неужели тамъ, на этой 11-ой верстѣ, ничего не понимаютъ? Эхъ!

Науменко то горячо говорилъ, волновался, то впадалъ въ какое-то безразличное состояніе.

— Пусть дѣлаютъ, какъ хотятъ. Если бы вы знали, какъ трудно служить. Впереди враги, а сами себѣ мы еще большіе враги. Въ штабѣ какая-то клоака дрязгъ, подвоховъ, сплетенъ.

Кончится война, вѣрьте, минуты служить не буду. На мой вѣкъ хватитъ. Не нужно мнѣ ничего, хватитъ съ меня. Хочешь работать, приносить посильную пользу—нельзя, положительно нельзя.

У насъ нужно заниматься политикой—а остальное какъ-нибудь да наладится.

За столомъ шелъ споръ. Одни были за отступленіе, другіе противъ него. Повторилось приблизительно то же самое, что говорилъ Науменко.

Среди собравшихся офицеровъ я замѣтилъ стрѣлковаго капитана. Фамиліи его не помню. Видъ у него былъ не то сконфуженный, не то больной.

Оказалось, что въ суматохѣ во время прорыва его рота куда-то исчезла; при всемъ его желаніи найти, онъ ее не нашелъ и прибылъ къ намъ въ штабъ.

Положимъ, во время начавшагося боя были отступленія. Много стрѣлковъ, склонныхъ къ улепетыванію, прошмыгнуло въ Артуръ, кто съ ранеными, кто вольнымъ ходомъ, или попряталось въ ближайшихъ лощинахъ за штабомъ—но трудно было предположить, чтобы могла растаять вся рота.

И это не сонъ! Этому были свидѣтелями всѣ бывшіе въ штабѣ офицеры.

Жаль, что я не знаю фамиліи этого офицера, а увѣковѣчить его имя въ назиданіе потомству не мѣшало бы.

Такъ я впослѣдствіи и не узналъ, чѣмъ кончилъ этотъ злосчастный офицеръ.

Можетъ быть, онъ искупилъ свой подвигъ смертью или, сознавъ свою вину, до конца осады велъ себя героемъ.

Но фактъ остается фактомъ.

Много, очень много я видѣлъ героевъ, истинныхъ героевъ, но были и такіе типы, которые недостойны были имени офицера.

Я отлично помню слова стрѣлковъ, говорившихъ иногда съ раздраженіемъ о нѣкоторыхъ своихъ офицерахъ. Они прямо, не стѣсняясь, заявляли: „Не надо намъ такого-то, сами управимся. Боя нѣтъ — пѣтухомъ кричитъ, гоголемъ ходитъ, куражится надъ нами—а какъ пульки засвистали, нужно въ атаку итти впереди—шалишь, на попятный идетъ".

Я всегда избѣгалъ долгихъ и интимныхъ разговоровъ съ солдатами (исключительно изъ боязни, сознаюсь совершенно откровенно, что меня могли заподозрить, а то и прямо обвинить въ агитаціи и лишить возможности наблюдать, а горизонтъ моихъ наблюденій былъ очень широкъ) — тѣмъ не менѣе, чуть заведешь съ ними безъ офицеровъ разговоръ—непремѣнно сведутъ рѣчь на своихъ трусливыхъ начальниковъ.

Да, къ сожалѣнію, такіе были.

Внимательно наблюдая за офицерами въ боевой обстановкѣ, я пришелъ къ непреложному убѣжденію, что большинство лицъ, склонныхъ пристально, ласково, подобострастно смотрѣть въ очи начальства, выражая своимъ взглядомъ полную готовность не только разъ умереть во имя долга, но, если бы можно было, то и два раза,—за его спиной по-скотски обращались съ нижними чинами, заставляли ихъ постыдиться передъ всегда возможной смертью и принимали самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы умереть только разъ и какъ можно позже.

Только что я заговорилъ съ княземъ Чхейдзе, какъ меня окликнулъ Науменко.

— Вы поѣдете къ Кондратенко?

— Да.

— Ну такъ вотъ что—Евгеній Николаевичъ говорилъ въ сильномъ волненіи, прерываясь: да, такъ вотъ что. Нѣтъ ни одного охотника. Вы передайте Роману Исидоровичу. Получена телефонограмма отъ Стесселя. Всѣмъ оставаться на своихъ мѣстахъ. Держаться до послѣдней крайности. Поѣзжайте. Это совсѣмъ собьетъ съ толку генерала. Все равно—передать нужно. Что будетъ, то будетъ. Съ Богомъ!

Я позвалъ своего вѣстового Н. Худобина.

За столомъ шумъ, всѣ говорятъ сразу.

Выдѣляются голоса нѣкоторыхъ артиллеристовъ.

— Вѣдь это безуміе. Завтра отъ насъ ничего не останется.

— Я безъ письменнаго распоряженія не подыму батареи. Японцы пристрѣлялись. Сегодня дышать не давали. Что будетъ завтра? Они уже сидятъ на Высокой и Семафорной и, конечно, тащатъ туда орудія.

Разбитая каюта командира крейсера „Баянъ“ капитана I ранга Виренъ.

— У насъ все разбито. Никакихъ прикрытій... Насъ безъ всякой пользы погубятъ. Я увѣренъ, что стрѣлки днемъ побѣгутъ.

— Мы не успѣемъ спустить орудій. Вѣдь мы будемъ отвѣчать. Почему Стессель самъ сюда не пріѣдетъ?

— Почему Кондратенко ему не разъяснитъ?..

Худобинъ подалъ лошадей.

Въ долинѣ тишина.

Долго еще доносился шумъ изъ штаба.

Обозовъ по дорогѣ уже нѣтъ. Все понемногу продвинулось къ Артуру, часть отошла назадъ.

Повернули въ Луньвантань.

У телефона стоитъ одинъ саперъ, подъ скалой—группа офицеровъ.

Въ этой долинѣ совсѣмъ тихо.

Изрѣдка раздастся сухой трескъ выстрѣла винтовки, пропоетъ пуля—и опять полная тишина.

Луна какъ-то невесело свѣтитъ, въ туманѣ она.

Подъѣзжали къ мосту.

Какое-то жуткое чувство одиночества.

Высоко наверху затрещали выстрѣлы, пули зацокали близко, мой Рыжикъ загорячился.

— Баринъ, насъ замѣтили—крикнулъ Худобинъ.

Дали полный карьеръ и мигомъ очутились въ мертвомъ пространствѣ.

Миновали новую дорогу, проѣхали мимо спѣшившихся казаковъ, обогнули выступъ ската и за нимъ увидѣли Кондратенко и Семенова.

Кондратенко былъ въ черномъ клеенчатомъ пальто и лежалъ рядомъ съ Семеновымъ на косогорѣ.

Направо и налѣво лежатъ двѣ роты. Полковникъ Петруша, сумрачный, стоитъ около нихъ во весь ростъ.

Я передалъ устно телефонограмму Стесселя.

— Благодарю васъ. А Евгеній Николаевичъ остался тамъ? Ложитесь рядомъ. Охотники доносятъ, что японцы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продвинулись очень близко, слышенъ разговоръ. Изъ донесеній охотниковъ получается впечатлѣніе, что прорывъ нашей боевой линіи существуетъ, что связь прервана. Но нельзя точно установить—гдѣ. Частные начальники донесеній не присылаютъ. Пошлите провѣрить линію—почему донесеній не получается.

Наверху какъ будто все спокойно, какъ и вчера ночью. И кругомъ тихо—полный отливъ.

Лежимъ и ждемъ донесеній.

Сверху начали раздаваться одиночные выстрѣлы — пули поютъ, падая въ долину.

— Что за чертовщина! Да вѣдь это въ насъ стрѣляютъ?

— Конечно, вонъ пуля ударилась — прехладнокровно отвѣтилъ Романъ Исидоровичъ, перевернувшись на другой бокъ: положительно не могу понять, почему нѣтъ донесеній.

— Вонъ еще пуля!

Жутко стало. Подлое животное чувство самосохраненія заговорило во мнѣ сильнѣй.

— Безусловно, въ насъ стрѣляютъ, а то, можетъ быть, и перелетъ—резонерствовалъ Кондратенко.

Я положительно не понимаю—былъ ли это показатель прирожденной храбрости, или факторъ огромной силы воли.

Еще выстрѣлъ, еще, еще. Задзикали, ударяясь кругомъ, пули.

Убило одного стрѣлка. Въ животъ ранило другого.

— Носилки сюда!

Скверно звучитъ это слово, когда каждая вновь свистнувшая пуля можетъ вырвать новую жизнь.

— Владимиръ Григорьевичъ, прикажите еще выслать роту наверхъ въ цѣпь. Нужно захватить этого каналью. Вѣдь онъ бьетъ навѣрняка, спрятавшись за камень...

— Ваше превосходительство—спускаясь съ уступа, еще издали докладываетъ вольный охотникъ 26 полка, одѣтый въ черкеску и прозванный „джигитомъ“: вонъ впереди, что въ перспективѣ виденъ гребень, онъ занятъ японцами. Я близко туда пробрался. Тамъ они шумятъ, слышенъ стукъ лопатъ, они окапываются, ваше превосходительство. Вѣрно, сейчасъ пулеметъ будетъ. Наша рота окружаетъ ихъ съ трехъ сторонъ. Оттуда они стрѣляютъ.

Рота уже внизу поднялась, ждала приказаній.

— Капитанъ Желтенко, ведите роту. Непремѣнно ихъ нужно оттуда выбить. А то плохо будетъ. Ведите, ведите роту.

Желтенко повелъ. Выраженіе его лица свидѣтельствовало о томъ, что чувство страха ему не чуждо, скажу больше, оно окончательно овладѣло имъ.

Рота медленно поднималась наверхъ. Ружейный огонь участился. Едва рота развернула цѣпь, какъ зататакалъ сначала одинъ, а потомъ и другой пулеметъ. Свинцовая струя со свистомъ понеслась въ долину, шумѣла и тамъ, напоминая порывъ вѣтра передъ грозой.

Противникъ, замѣтивъ поднимавшуюся роту, усилилъ огонь.

Струя пулемета не могла направиться въ цѣль—сумракъ ночи не давалъ взять прицѣла.

Струя стала приближаться къ намъ.

— Ротамъ залечь плотно за горку—скомандовалъ Семеновъ: идемте и мы за обрывъ, ваше превосходительство.

Спустились за обрывъ.

— Вотъ вѣдь азіатскія канальи—уже два пулемета успѣли втащить, шутитъ Кондратенко, плотно усаживаясь за обрывомъ.— Ну, тутъ намъ пулеметъ не страшенъ.

Стрѣлки! поплотнѣй, поплотнѣй сжимайтесь.

— Удивительно, какъ японцы умѣютъ использовать пулеметъ. У нихъ съ каждой цѣпью идетъ одинъ, два. И они у нихъ складные, переносные.

— Ничего, наши молодцы живо ихъ выбьютъ.

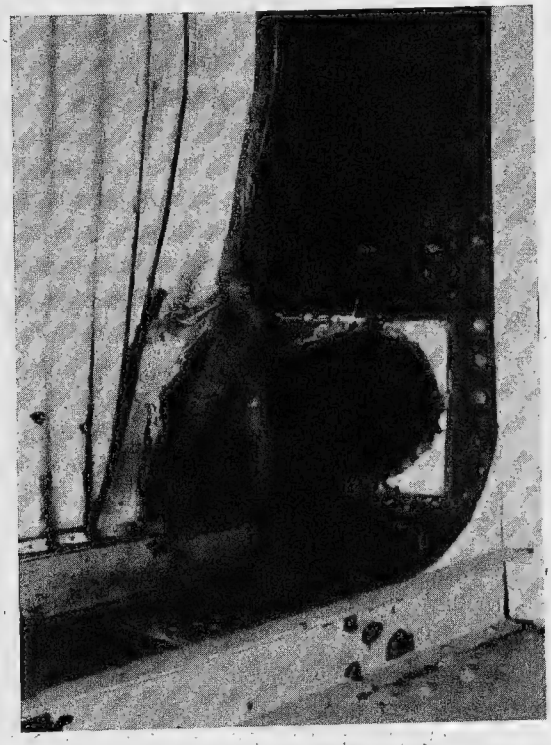
Я пошелъ посмотрѣть лошадей, ихъ отвели за другой косогоръ.

Возвращаясь назадъ, я былъ свидѣтелемъ отвратительной сцены.

Пулеметъ работаетъ во всю. Люди лежатъ безъ прикрытія. Блѣдныя, измученныя лица, слегка освѣщаемыя луной. Передъ ними въ носилкахъ убитый.

Петруша ходитъ по фронту и приговариваетъ:

— Всѣ подлецы такими будете, если струсите.



Разбитая каюта контръ-адмирала Моласа на крейсерѣ „Баянъ“.

Говорилось это со злостью.

Неужели въ такія минуты, которыя солдаты называютъ: „судъ Божій идетъ“, можно браниться, издѣваясь надъ безотвѣтной массой, массой, только одно существованіе которой создаетъ генераловъ, полковниковъ и т. д.?

Неужели не понимаютъ этого г.г. Петруши и имъ подобные?

А можетъ быть, это говорилось для подбадриванія?

Нѣтъ, это говорилось со злостью, накипѣвшимъ раздраженіемъ, ненавистью. Этимъ срывалось то, что было на душѣ.

Положимъ, сидѣть подъ пулеметомъ не шутка. Но чѣмъ же люди виноваты?

Ихъ не спрашивали, когда отправляли на войну; не спрашивали, когда призывали въ войска.

А офицеръ всегда можетъ перемѣнить службу, если военная не по душѣ.

Такъ нѣтъ! Въ мирное время не хочется разставаться со всѣми прерогативами, которыя даетъ служба, кстати сказать, очень легкая при существовавшихъ въ арміи порядкахъ, а грянетъ война — закипаетъ злость, и срывается она на ни въ чемъ неповинныхъ людяхъ.

Когда я вернулся къ Кондратенко и усѣлся вмѣстѣ съ нимъ, пулеметъ открылъ огонь на этотъ разъ удачно. Спасло насъ одно—обрывъ, за которымъ мы сидѣли.

Свинцовая струя то стуча впивалась въ вершину обрыва—этотъ убійственный стукъ отдавался намъ въ спину—то стремилась черезъ гребень и впивалась въ долину близко отъ насъ, непосредственно за стрѣлками, прижавшимися къ берегу долины. Ихъ тоже спасалъ обрывъ.

Лишь только начался этотъ оригинальный душъ, какъ передъ нами предсталъ капитанъ Желтенко, а за нимъ бѣгомъ спускалась рота.

— Что же это? только и сказалъ Кондратенко.

— Кругомъ смерть, немыслимо, невозможно, даромъ гибель людей, ваше превосходительство—еле переводя духъ, говорилъ капитанъ и, забывъ въ своемъ волненіи о необходимости приложить руку къ козырьку, вытиралъ потъ съ своего побѣднаго лба и въ довершеніе всего сѣлъ чуть ли не рядомъ съ генераломъ.

Семеновъ молчалъ хмуро.

Кондратенко ничего не прибавилъ, но взглядъ, которымъ онъ подарилъ капитана Желтенко, сказалъ все.

Несмотря на всю мягкость своей человѣчной, любящей, отзывчивой природы, Романъ Исидоровичъ не въ силахъ былъ скрыть своей брезгливости при видѣ такой непристойности ротнаго командира.

А пулеметъ то замолчитъ, то опять зата-та-такаетъ.

Очевидно, съ вершины замѣтили расположенныя внизу роты.

Когда прекращался отвратительно страшный ритмъ пулемета, раздавались невинные, въ сравненіи съ нимъ, отдѣльные выстрѣлы стрѣлковъ.

— Ваше превосходительство, вамъ нельзя рисковать собой, здѣсь вы безусловно подвергаетесь смертельной опасности. Вамъ не слѣдуетъ здѣсь оставаться. Нужно вернуться въ устье Литангоуской долины и оттуда руководить обороной.

Я тоже очень энергично присоединился къ мнѣнію Семенова.

Романъ Исидоровичъ какъ будто не слушалъ насъ. Ему, видимо, очень не хотѣлось уѣзжать отсюда.

Мы оба горячо стали уговаривать Кондратенко уѣхать отсюда.

— Ну, давайте коней, наконецъ согласился Кондратенко.

А ротѣ непремѣнно атаковать вершину. Этотъ пулеметъ много намъ можетъ напортить.

Сѣли на коней и тронулись, конвой изъ казаковъ за нами.

Встрѣчаемъ какую-то роту, ротнаго командира нѣтъ.

— Куда?

— Идемъ пулеметы брать.

— Да вы должны давно наверху быть.

— Мы спустились—и въ обходъ.

— А гдѣ командиръ? горячился Семеновъ.

Кондратенко молчалъ.

— Позвать ротнаго командира.

Нѣсколько стрѣлковъ бросились наверхъ. Навстрѣчу бѣжалъ ротный командиръ.

— Почему ваша рота здѣсь? Вамъ приказано атаковать пулеметъ. Потомъ поздно будетъ. Ведите роту.

Рота зашумѣла. Уставшіе, измученные люди пошли брать пулеметъ—это ужаснѣйшее орудіе истребленія.

Кондратенко молчалъ—провожая ихъ взглядомъ.

— Стрѣлки, съ Богомъ, молодцами! большую подмогу окажете.

Пулеметъ опять затрещалъ.

Я никогда не забуду этого тона, взгляда, которыми благодарилъ Кондратенко поднимавшихся подъ огнемъ пулемета въ гору людей.

Навѣрное, такъ отецъ смотритъ на сына, провожая его на войну.

Намъ предстояло переѣхать долину. Казачій офицеръ предложилъ ѣхать кругомъ.

— Вы и конвой обходомъ, а мы напрямки—спокойно отвѣтилъ Кондратенко.

Полный мѣсяцъ какъ нарочно выплылъ изъ облаковъ. Шагомъ двинулись впередъ, сзади лишь нѣсколько охотниковъ.

Лишь только выѣхали на середину долины, ожесточенно зата-та-кало нѣсколько пулеметовъ.

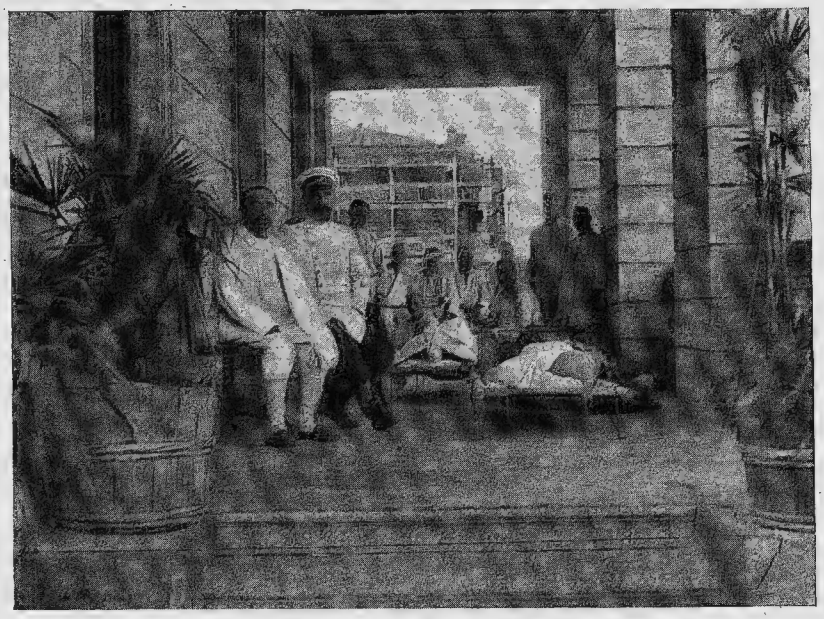
Черезъ голову засвистѣли пули, падая впереди.

Перешли на рысь.

Огонь усилился. Очевидно, насъ замѣтили.

Свинцовая струя предназначалась намъ.

Генералъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на явную опасность, не мѣнялъ аллюра, спокойно говорилъ о необходимости отступить.



Раненые послѣ боевъ 13, 14 и 15 іюля.

Семеновъ энергично протестовалъ, доказывая, что мы можемъ еще держаться.

Семеновъ ѣхалъ слѣва, Кондратенко и я справа.

Не знаю, что чувствовали они, но мое состояніе духа было не изъ завидныхъ.

Свинцовая струя падала то впереди, то сзади насъ. Японцы поливали долину съ жестокимъ намѣреніемъ и насъ окатить свинцовымъ душемъ.

Скрывшійся мѣсяцъ мѣшалъ имъ взять вѣрный прицѣлъ.

Семеновъ продолжалъ горячо доказывать, что отступать нельзя.

Кондратенко слушалъ.

— А какъ вы думаете? обратился онъ ко мнѣ. Каково настроеніе войскъ? Выдержатъ они завтра бой, можетъ быть, они дрогнутъ?

Меня ошеломилъ этотъ вопросъ.

— Люди страшно утомлены, резервовъ нѣтъ, поддержать нечѣмъ—продолжалъ генералъ.

Я отвѣтилъ совершенно искренно: впечатлѣнія за два дня боя привели меня къ убѣжденію, что завтра люди не выдержатъ. Весь сегодняшній день говоритъ за то, что держаться подъ такимъ страшнымъ артиллерійскимъ огнемъ въ неглубокихъ и уже разрушенныхъ рвахъ немыслимо. Завтра противникъ задавитъ огнемъ, безусловно прорвется не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

По моему—отступить необходимо.

Полковникъ Семеновъ зло на меня посмотрѣлъ и, какъ бы не слышавъ моихъ словъ, опять сталъ доказывать свое.

Я слегка отсталъ—мы въѣзжали въ устье Литангоу и очутились въ тѣни.

Пулеметъ умолкъ.

Спѣшившись у скалы, генералъ Кондратенко сѣлъ за однимъ изъ ея уступовъ у импровизированнаго стола съ разложенной картой и при тускломъ, слегка колеблющемся пламени свѣчи продолжалъ съ полковникомъ Семеновымъ совѣщаться.

Я, завернувшись въ бурку, старался задремать. Не спалось Впереди день, котораго еще не было. Сумѣемъ ли мы отступить? Не повторится ли то, что уже было на Киньжоу? Одинъ неосторожный шагъ—начнется паника.

Кондратенко и Семеновъ разсуждаютъ за картой.

Офицеры группами и въ одиночку стоятъ, ходятъ. Видимо, всѣ волнуются — чѣмъ рѣшитъ Кондратенко?

Я понималъ, что въ ихъ рукахъ находится жизнь и смерть нѣсколькихъ тысячъ людей. Понималъ, что предстоитъ рѣшить серьезный вопросъ, усложнявшійся еще тѣмъ, что Стессель настаиваетъ на завтрашнемъ боѣ.

Но я вѣрилъ, что они въ концѣ концовъ послѣдуютъ велѣнію разсудка, который подсказывалъ, что умѣло организованное и во-время произведенное отступленіе не испортитъ дѣла дальнѣйшей обороны и спасетъ не одну жизнь.

Я воочію убѣдился, какую цѣну въ боевой, тревожной обстановкѣ имѣетъ хладнокровіе и присутствіе духа старшаго начальника.

Постепенное отступленіе къ эспланадѣ крѣпости входило въ программу нашихъ операцій.

Нужно было только умѣло и во-время отступить. Умѣлое отступленіе никогда не вызоветъ деморализаціи солдатъ, тѣмъ болѣе, что каждый изъ нихъ отлично понималъ, что рано или поздно нужно будетъ отступить.

Всѣмъ до очевидности было ясно, что, не трогая резервовъ изъ Артура, съ наличнымъ минимумомъ артиллеріи, держаться дольше на передовыхъ позиціяхъ было немыслимо.

Спустя какихъ-нибудь полчаса, въ скалу начали шлепаться изрѣдка пули, потомъ все чаще, чаще. Ранило одну лошадь, другую.

Подходитъ одинъ офицеръ и докладываетъ:

— Ваше превосходительство, вотъ эта вершина тоже въ рукахъ яцонцевъ; они оттуда стрѣляютъ; очевидно, скоро будетъ пулеметъ.

Всѣ встали, отдѣлились отъ скалы.

— Которая? спрашиваетъ генералъ.

— Вотъ эти двѣ и третья, самая высокая.

Пули участились, летѣли высоко.

— Но почему же мнѣ не доносятъ?

Пули стали падать въ направленіи, гдѣ горѣла свѣча. Подымался легкій туманъ. Японцы цѣлили въ огонекъ. Я потушилъ свѣчу.

— Поручикъ Сенкевичъ, узнайте, что такое. Неужели они отобрать вершины не могутъ? Я положительно не понимаю, почему молчатъ начальники боевыхъ участковъ?—слегка возмущаясь, говорилъ Кондратенко.

Наконецъ со всѣхъ сторонъ начали поступать донесенія отъ частныхъ начальниковъ, что держаться очень трудно. Японцы не начали общаго наступленія, но форсируютъ нѣкоторые участки. Нѣсколько вершинъ въ ихъ рукахъ, отобрать безъ поддержекъ невозможно. На каждой изъ занятыхъ сопочекъ установлены пулеметы. По всей почти линіи залегли настолько близко, что слышенъ ихъ разговоръ. Люди утомлены, за нихъ не ручаются.

Положеніе съ каждой минутой становилось серьезнѣй.

Въ общемъ резервѣ ни полвзвода.

Кондратенко колебался. Семеновъ теперь уже доказываетъ, что отступить необходимо. Кондратенко продолжалъ колебаться.

Ночь приходила къ концу.

Отдается распоряженіе капитану Успенскому отправиться къ Бутусову съ приказаніемъ немедленно выбить японцевъ съ позиціи капитана Пальчевскаго. Семеновъ внѣ себя подходитъ къ Загоровскому и, сжимая кулаки, говоритъ:

— Я положительно не понимаю упрямства Кондратенко. Это можетъ намъ стоить цѣлаго отряда!

Пули начали посвистывать все чаще и чаще.

Ординарцы прибываютъ. Каждое донесеніе говоритъ, что держаться до утра немыслимо. Положеніе вещей очень тревожно.

Команда санитаровъ.

Кондратенко колеблется.

Онъ, видимо, ожидаетъ благопріятнаго донесенія отъ Бутусова.

Вопросъ объ отступленіидолженъ рѣшиться. Всѣ это понимаютъ, но сознаютъ, что надъ Кондратенко виситъ, какъ Дамокловъ мечъ, категорическое приказаніе Стесселя „держаться во что бы то ни стало“.

Уже слышна на правомъ флангѣ то усиливающаяся, то совсѣмъ стихающая ружейная трескотня.

Наши порываются отобрать вершины. Зата-та-каютъ властно пулеметы—и все стихнетъ. Раздаются лишь одиночные выстрѣлы—словно огрызаются они.

Всѣ мы стоимъ подъ скалой. Относительно безопасное мѣсто. Пули свистятъ вдоль скалы, впиваясь и сбивая обвѣтрившуюся породу.

Нужно было обладать огромной силой воли, глубокимъ сознаніемъ принятаго на себя долга, чтобы такъ спокойно подъ пулями руководить огромной оборонительной линіей, лихорадочно ожидавшей приказа объ отступленіи.

Кондратенко забылъ, что простая случайность можетъ вызвать смерть или тяжкое пораненіе.

Еще совсѣмъ темно. Если и отступать, то еще рано. Въ темнотѣ при отступленіи начнется безпорядокъ, легко переходящій въ панику. Отступленіе нужно начать съ легкимъ разсвѣтомъ; будетъ туманъ—туманъ поможетъ. Теперь онъ показался въ долинѣ, а къ разсвѣту постепенно закроетъ все.

Глядя на Кондратенко, я оцѣнилъ его вполнѣ. Въ его лицѣ былъ сдерживающій и направляющій мозговой центръ всего праваго отряда.

Онъ не выдастъ, не опозоритъ насъ.

Невѣдомая сила хранила Кондратенко.

Стрѣлявшіе по насъ японцы не знали, не догадывались, какого помощника они могли отнять у генерала Смирнова.

До разсвѣта оставалось часа два. Наконецъ Кондратенко, подъ давленіемъ Семенова, рѣшилъ отступать.

— Вольноопредѣляющійся Загоровскій, отправляйтесь къ Бутусову и сообщите ему, что онъ немедленно долженъ начать отступленіе. Отступать онъ будетъ черезъ деревню Дамагоу, прямо перерѣжетъ долину и займетъ эту сторону Литангоу, гдѣ расположены батареи князя Чхейдзе и Скрыдлова.

Загоровскій, слышавшій, что за полчаса передъ этимъ послано было противоположное приказаніе, проситъ дать ему письменное распоряженіе.

— Не разсуждать! немедленно отправляйтесь исполнить отданное приказаніе—строго оборвалъ Загоровскаго полковникъ Семеновъ.

Загоровскій ускакалъ.

По дорогѣ, догнавъ капитана Успенскаго и сообщивъ ему, что везетъ приказаніе объ отступленіи, просилъ его взять на себя это серьезное порученіе.

Капитанъ Успенскій, узнавъ, что Загоровскій везетъ устное приказаніе объ отступленіи, немедленно повернулъ коня и былъ таковъ.

Загоровскій отправился одинъ.

Пришлось взбираться по крутому подъему. Встрѣчавшіеся офицеры тревожно спрашивали, какое онъ везетъ распоряженіе. Посланный не имѣлъ права сообщать серьезнаго приказанія. Одинъ изъ офицеровъ, разсерженный его отказомъ, требовалъ, чтобы Загоровскій, какъ нижній чинъ, исполнилъ его требованіе.

Загоровскій категорически заявилъ, что приказаніе имъ будетъ передано только полковнику Бутусову и поэтому посовѣтовалъ разсвирѣпѣвшему офицеру успокоиться.

Подыматься приходилось по столь крутому подъему, что въ концѣ концовъ Загоровскій совершенно изнемогъ и, добравшись съ большими усиліями до вершины, попросилъ одного изъ стрѣлковъ позвать къ нему полковника Бутусова.

Бутусовъ спустился.

Загоровскій въ полголоса передалъ ему приказаніе.

— Эхъ, Владиславъ Адальбертовичъ, Владиславъ Адальбертовичъ! Отчего вы не прибыли пятью минутами раньше! Вы спасли бы жизнь моего дорогого Бирюлькина!—Въ глазахъ Бутусова сверкнули слезы. Бирюлькинъ вмѣсто поручика Барабашева повелъ людей въ атаку и только, только поднялся, какъ первой пулей былъ убитъ въ лобъ наповалъ.

Приказаніе объ отступленіи было привезено во-время. Съ наступленіемъ разсвѣта держаться было бы немыслимо. Участокъ Пальчевскаго былъ занятъ японцами, они обстрѣливали Бутусова во флангъ и съ разсвѣтомъ безусловно бы его отрѣзали.

Отступленіе подъ покровомъ сгущавшагося тумана началось и прошло до рѣчки въ долинѣ сравнительно благополучно. Здѣсь отступавшихъ начали поражать огнемъ пулеметовъ и орудій. Самыя значительныя потери мы понесли только при переходѣ долины.

Когда Загоровскій уѣхалъ къ Бутусову, я проѣхалъ въ штабъ. По дорогѣ встрѣтилъ поручика Миропольскаго.

— Куда?

— Ѣду узнать, когда начнется отступленіе.

Въ штабѣ засталъ опять всѣхъ въ страшномъ возбужденіи. Неизвѣстность терзала. Горячились, спорили.

Науменко у телефона въ самомъ невозможномъ настроеніи.

— Какъ тамъ рѣшатъ?

— Навѣрное, рѣшатъ отступить.

— Я ничего не получаю. Мнѣ ничего не даютъ знать. 11-ая верста отмалчивается. Чѣмъ же все это кончится? Давно пора рѣшить. Отступить необходимо сейчасъ, немедленно, а то будетъ поздно.

За столомъ больше всѣхъ горячатся артиллеристы. Дѣйствительно, они еще ничего не знаютъ.

Поручикъ Алексѣевъ сердится, доказываетъ, что слѣдуетъ держаться. Ужасно этотъ мальчикъ былъ уморителенъ въ своемъ пафосѣ.

Князь Чхейдзе недоволенъ полковникомъ Мехмандаровымъ на томъ основаніи, что тотъ не знаетъ, что дѣлать съ ввѣреннымъ ему дивизіономъ.

Мехмандаровъ волнуясь ходитъ по дворику.

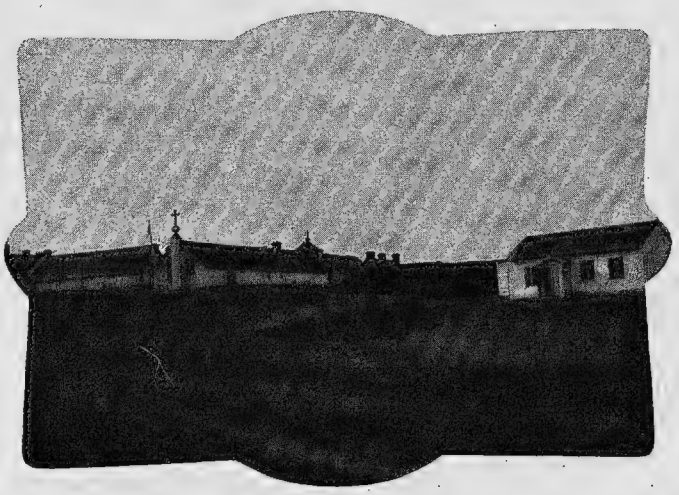
Поручикъ Алексѣевъ срываетъ свою злость на пойманномъ старикѣ китайцѣ. Его гдѣ-то захватили якобы сигнализирующимъ.

— Разсерженный юноша приказываетъ стрѣлкамъ отвести въ сторону и разстрѣлять. Другіе заступаются, протестуютъ.

За столомъ шумъ усиливается.

Князь Чхейдзе сидитъ на краю стола и иронизируетъ по адресу Мехмандарова:

— Какой начальникъ, только о себѣ заботится!



Церковь своднаго госпиталя.

Наконецъ вернулся Миропольскій.

— Господа, отступать! Денщики, укладывать вещи!

— Слава Богу! раздался облегченный возгласъ.

Все засуетилось. Денщики быстро стали убирать вещи, палатки.

Чуть забрезжило утро.

Прошелъ къ Науменко. Онъ попрежнему у телефона.

Отступленіе рѣшено. Нужно предупредить 11-ую версту.

— Да я вотъ непрерывно трезвоню, не могу дозвониться. Спятъ тамъ—что ли? Мнѣ некогда—я ѣду къ Роману Исидоровичу. Передайте, что отступленіе началось.

Съ этими словами онъ ушелъ.

Я началъ съ остервенѣніемъ звонить.

Минутъ десять я неистовствовалъ.

Наконецъ мнѣ отвѣтилъ чей-то недовольный голосъ. Обстоятельно ругнувъ этотъ голосъ, я передалъ:

— Генералъ Кондратенко приказалъ передать генералу Фоку, что отступленіе праваго отряда началось...

Этимъ и кончились всѣ переговоры съ 11-й верстой. Начали собирать станцію...

Опять около Кондратенко.

— Батареи отошли, заняли выбранныя позиціи?

— Такъ точно, ваше превосходительство. Отступленіе будетъ прикрывать капитанъ Скрыдловъ. Остальныя батареи, Чхейдзе и капитана Пузанова, заняли дальнѣйшія аріергардныя позиціи.

— А мортирный взводъ поручика Дударова?

— Тоже ушелъ.

Свистъ пуль то утихнетъ, то опять усилится.

Одинъ за другимъ возвращаются конные охотники.

Отступленіе сейчасъ начнется.

— ...Четыре часа—успѣемъ, глядя на часы, спокойно говоритъ Кондратенко.

Когда отступленіе было рѣшено, получается записка генерала Фока: **„Я отступаю, а вы какъ хотите“**.

Этотъ шедевръ хранится у флигель-адъютанта полковника Семенова.

Ужъ близокъ, близокъ разсвѣтъ, ужъ мѣсяцъ блѣднѣетъ. Уже предразсвѣтный туманъ стелется, какъ молочная пелена, у подножья горъ, въ долинѣ и клубясь подымается вверхъ, застилаетъ скаты.

Но вотъ отступленіе началось.

Туманъ нашимъ въ помощь.

По всей линіи затрещалъ ружейный огонь.

Наши не бѣгутъ, отступаютъ съ боемъ. По всей линіи Зеленыхъ горъ бѣшеный огонь усиливается и приближается.

Роты отступаютъ въ полномъ порядкѣ, прикрывая себя отстрѣливающимися взводами.

Генералъ Кондратенко лично руководитъ отступленіемъ.

Пора бы и уйти дальше—пули свистятъ все сильнѣе. Но Кондратенко ничего не замѣчаетъ.

Начало свѣтать. Ярко заалѣлъ востокъ. Туманъ уже густо окуталъ до половины кряжъ Зеленыхъ горъ, по гребнямъ и верхнимъ скатамъ которыхъ ползутъ японцы, поддерживая не-

вѣроятно сильный огонь по отступающимъ. Огонь ихъ мало дѣйствителенъ—туманъ прикрываетъ отступленіе. Поддерживается только ружейный огонь, орудія молчатъ.

Разсвѣло.

Первая и самая трудная часть отступленія—очищеніе Зеленыхъ горъ—окончена совершенно въ полномъ порядкѣ и съ незначительными потерями. Отъ деревни Ходзятунь до самаго берега моря на высотахъ, спускающихся въ Луньвантаньскую долину, вновь залегли наши цѣпи.

Резервъ отведенъ въ долины, балки и лощины.

Взошло солнце, разсѣялся туманъ.

Вмѣсто ожидаемой японцами паники, они увидѣли грозную силу нашихъ стрѣлковыхъ цѣпей и почувствовали, что въ нихъ направлены жерла орудій батарей, ставшихъ на новыя, имъ еще неизвѣстныя позиціи.

Такъ началъ отступленіе правый отрядъ.

Во время очищенія Зеленыхъ горъ, на нашемъ лѣвомъ флангѣ японцы наткнулись на роковое мѣсто, „самодѣйствующій фугасъ“.—Только шматки и клочья полетѣли, говорили мнѣ потомъ стрѣлки пулеметной команды поручика Лебедева. Кромѣ того, нѣсколько взрывовъ, произведенныхъ подъ личнымъ наблюденіемъ завѣдующаго фугасными работами поручика Дебагорій-Мокріевича, помимо паники среди наступающихъ, дали возможность, задержавъ отступленіе, спасти нѣсколько пулеметовъ.

CXXV.

Лишь только взошло солнце и разсѣялся туманъ, противникъ открылъ ожесточенный огонь изъ всѣхъ своихъ орудій.

Но напрасно: войска и батареи перемѣнили позиціи.

Бомбы одна за другой рвутся на позиціяхъ, гдѣ вчера были расположены батареи, а сегодня оказавшихся пустыми.

Нужно снова вести пристрѣлку, но найти батареи очень трудно—опытъ заставилъ и пріучилъ насъ хорошо примѣняться къ мѣстности, маскировать батареи.

Наши батареи время отъ времени посылаютъ противнику то бомбу, то шрапнель—словно дразнятъ его...

7 часовъ утра.

Съ Высокой горы все наше расположеніе, какъ на ладони. Только орудій туда имъ не втащить—больно она ужъ крута.

Со стороны Артура подходятъ свѣжія роты для прикрытія отступленія.

Роты идутъ съ музыкой, бодро, весело.

Японцы, очевидно, въ недоумѣніи—примемъ мы бой, или отступимъ.

Въ нашемъ расположеніи царитъ полный порядокъ. Задымились походныя кухни. По дорогѣ впередъ и назадъ тянутся извозчики, рикши, носилки. Изъ Артура спѣшатъ добровольные санитары изъ гражданъ.

Не этого ожидали японцы послѣ двухдневнаго боя. Они ожидали повторенія того, что было на Киньчжоу.

Передовой перевязочный пунктъ быстро работаетъ: большой еще приливъ раненыхъ.

Особенно на себя обращаетъ вниманіе летучій морской отрядъ, организованный докторомъ Кефели и работающій подъ непосредственнымъ его руководствомъ.

Докторъ Кефели, прибывшій сюда по собственной иниціативѣ, принесъ огромную пользу во время всего двухдневнаго боя, находясь со своимъ отрядомъ все время впереди, подъ Зелеными горами—въ сферѣ непріятельскаго ружейнаго огня.

Не говоря уже о прекрасно обученномъ фельдшерскомъ персоналѣ, составѣ санитаровъ, обиліи перевязочныхъ средствъ и медикаментовъ,—по свидѣтельству докторовъ пѣхотныхъ частей, огромную пользу принесли санитарныя легонькія двухколесныя повозки, перевозка на которыхъ приноситъ ничтожное безпокойство раненымъ, требуя всего лишь 3-хъ человѣкъ, свободно, быстро, безъ напряженія силъ доставляющихъ раненыхъ въ госпиталь.

Между тѣмъ носилки требуютъ огромныхъ усилій, и переноска на нихъ крайне мучительна.

Мнѣ много разъ приходилось слышать, какъ раненые просили остановиться.

— Мочи нѣтъ, погодите, дайте отдохнуть—жалобно молили они санитаровъ.

А путь отъ Зеленыхъ горъ до Артура—18 верстъ.

Перевозка же въ колясочкахъ Кефели была чистымъ благодѣяніемъ для раненыхъ.

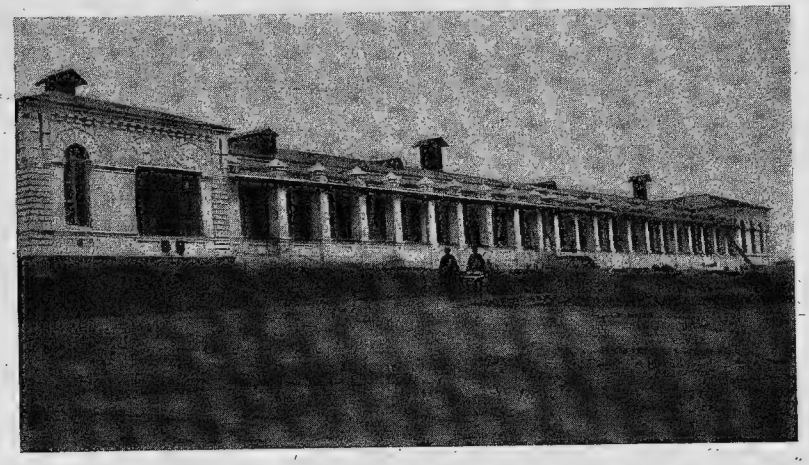
Оборудованіе этихъ колясокъ было произведено по мысли доктора Кефели и подъ его личнымъ наблюденіемъ и сопровождалось очень несложными работами. Брался двухколесный рессорный ходъ рикши, и къ нему придѣлывались съ устойчивымъ дномъ носилки съ ручками—вотъ и все.

Что же касается носилокъ, то, не говоря уже о тѣхъ мукахъ, которыми сопровождалась переноска раненыхъ—носилки эти были оборудованы изъ гнилого, ветхаго, негоднаго матеріала.

На моихъ глазахъ разыгрывались тяжелыя сцены, въ особенности я много ихъ наблюдалъ 13 іюля.

Несутъ очень тяжело раненаго. Страдалецъ стонетъ—видимо, страшно мучается.

Вдругъ брусья ломаются, и раненый летитъ на землю, или застреваетъ въ самомъ неудобномъ положеніи.



Хирургическое отдѣленіе своднаго госпиталя.

Запасныхъ носилокъ, конечно, нѣтъ, и несчастнаго верстъ 10—15 несутъ на рукахъ.

Тотъ, кто былъ когда-нибудь раненъ, пойметъ, что это за муки.

Возмущенный такими порядками, я сообщилъ объ этомъ въ редакцію, хотѣлъ написать громоносную статью. Напрасныя волненія и трудъ—цензура считала, что опубликованіе такихъ сообщеній можетъ повредить оборонѣ крѣпости.

Говорилъ я объ этомъ инспектору госпиталей, покойному генералъ-маіору Церпицкому; указывалъ ему, что это не единичные случаи, что это наблюдается мной очень часто.

— Скажите мнѣ, что я могу подѣлать съ этими мошенниками? Вѣдь это цѣлая строго организованная каста. Всѣ воруютъ, отъ старшаго до младшаго. Наворовались, кажется, достаточно въ мирное время—куда ни взглянешь, всюду и вездѣ недо-

хватъ или рухлядь; казалось бы, можно успокоиться—такъ нѣтъ. Не хотятъ пожалѣть людей теперь, когда люди умираютъ, страдаютъ отъ ужасныхъ ранъ. Теперь... вы понимаете?—теперь, когда льется кровь, мнѣ приходится бороться съ хищеніями и не маленькими, а большими хищеніями въ госпиталяхъ.

Вѣдь это не люди, а звѣри какіе-то.

Хочу уволить какого-нибудь мерзавца смотрителя—чуть ли не съ поличнымъ поймалъ—вы думаете я, инспекторъ госпиталей, въ силахъ это сдѣлать? нѣтъ! паршивецъ лѣзетъ къ Стесселю, къ Вѣрѣ Алексѣевнѣ, тѣ заступаются, и молодецъ остается на мѣстѣ, посвистывая себѣ въ кулакъ.

Представьте, каково мое положеніе!

Капитанъ Бондаревъ, смотритель своднаго госпиталя—вѣдь это убѣжденный мошенникъ, но онъ безотвѣтственъ.

Почему? Потому, что въ домѣ Стесселя онъ свой человѣкъ и любимецъ Вѣры Алексѣевны. Онъ доставляетъ туда вино, консервы, все, все, что необходимо. Посмотрите, онъ еще наградами будетъ осыпанъ.

А сколько у насъ такихъ Бондаревыхъ, только масштабомъ поменьше!

Теперь вы понимаете, что я могу сдѣлать, какъ официальное лицо, инспекторъ госпиталей крѣпости Портъ-Артуръ?—

Все сказанное покойнымъ было совершенно вѣрно—грабили всѣ, кто только хотѣлъ. Это такъ.

Но генералу не слѣдовало опускать рукъ. Онъ, очевидно, забывалъ, что онъ генералъ русской арміи, слѣдовательно ея офицеръ, и поэтому не могъ, не долженъ былъ допускать этого грабежа. Генералъ—старшій офицеръ; старшій воинъ не можетъ допустить, чтобы младшіе, подчиненные ему, воины грабили.

Онъ долженъ былъ протестовать до тѣхъ поръ, пока былъ въ силахъ. Протестовать на словахъ и на бумагѣ, настаивать, требовать увольненія грязныхъ людей, преданія ихъ суду.

Какъ бы генералъ Стессель ни велъ себя дико, онъ въ концѣ концовъ сдался бы.

Были же люди въ Артурѣ, истинные офицеры, которые его поддержали бы и сообща заставили Стесселя уступить.

Наконецъ, онъ могъ бы доносить, непрестанно доносить о всѣхъ злоупотребленіяхъ своему непосредственному начальнику, коменданту крѣпости генералъ-лейтенанту Смирнову.

Въ дѣлахъ штаба, по крайней мѣрѣ, остался бы матеріалъ, который, богато иллюстрируя дѣятельность этихъ ненасытныхъ

кровопійцъ и лучшихъ союзниковъ японцевъ, далъ бы возможность теперь потребовать ихъ къ отвѣту.

Широкое разоблаченіе всѣхъ этихъ злоупотребленій показало бы, что переносили защитники Портъ-Артура отъ внутреннихъ враговъ.

Разоблаченія эти доказали бы Россіи, какихъ трудовъ стоило защищать Артуръ, и, можетъ быть, во мнѣніи общества поднялись бы защитники Артура, восемь долгихъ мѣсяцевъ бывшіе въ полномъ разобщеніи со всѣмъ міромъ.

Артуръ и артурцы преданы забвенію, мало того—на нихъ смотрятъ чуть ли не съ презрѣніемъ, забывая, обидно забывая, что мнимую твердыню пришлось защищать отъ союзныхъ враговъ.

А кто не знаетъ, что внутренній, домашній врагъ лютѣе и опаснѣй нѣсколькихъ явныхъ?

Генералъ Церпицкій убитъ при исполненіи своихъ обязанностей почти въ самомъ концѣ осады, но я не могу обойти его упрекомъ. Его дѣятельность въ качествѣ инспектора госпиталей осажденной крѣпости была пассивной, мало продуктивной. Онъ слабо боролся со зломъ, которое систематически губило изнывающій гарнизонъ.

Санитарно-медицинская часть въ общей сложности была поставлена отвратительно, скажу больше—преступно. Не явись среди молодыхъ докторовъ энергичныхъ, честныхъ, преданныхъ долгу людей, санитарныя условія подготовили бы разложеніе въ гарнизонѣ значительно раньше.

Къ этому вопросу я вернусь еще очень подробно во второй части моей книги, гдѣ буду разбирать причины сильныхъ цынготныхъ заболѣваній, приведшихъ гарнизонъ къ полному разложенію.

Цынга же—бичъ въ осажденной крѣпости.

Около 8 часовъ утра Кондратенко съ Семеновымъ проѣхали въ штабъ, отнесенный версты на двѣ назадъ, и начали передавать Стесселю о результатахъ начатаго отступленія.

Шли бурныя пререканія съ штабомъ раіона.

Когда Романъ Исидоровичъ кончилъ передачу, я подошелъ къ нему съ просьбой разрѣшить организовать санитарный отрядъ для уборки раненыхъ и убитыхъ въ Луньвантаньской долинѣ.

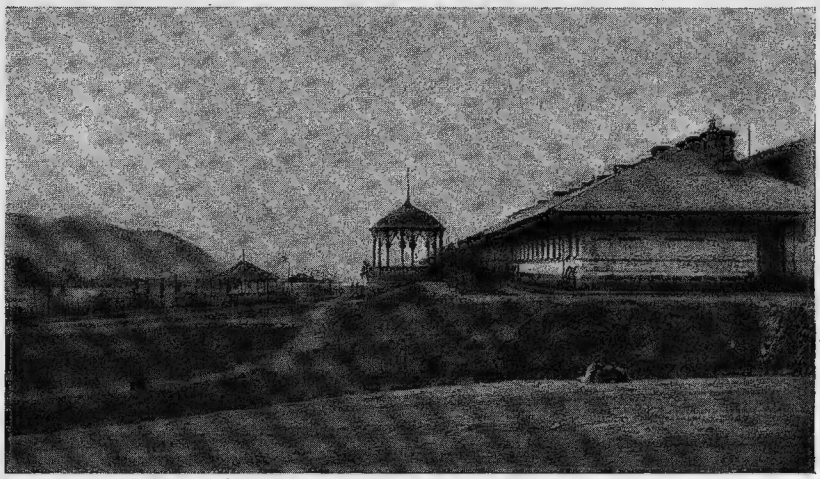
— Я согласенъ, конечно. Поѣзжайте съ Богомъ, только предупреждаю, что я начну отступать ровно въ 11 часовъ, объ этомъ отдано по отряду приказаніе.

Я отправился къ отряду доктора Кефели. Всѣ доктора были страшно измучены 48-часовой безпрерывной работой. Положительно валились съ ногъ.

Согласился съ нами ѣхать докторъ Коклюгинъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы я ему привезъ отъ генерала приказаніе.

Я и поручикъ Миропольскій опять мигомъ слетали въ штабъ. Говорю о желаніи доктора Коклюгина Роману Исидоровичу — онъ улыбается.

— Давайте книжку—я напишу. Докторъ-то хитеръ; ну, да ладно, вотъ вамъ, поѣзжайте съ Богомъ.



Одинъ изъ флигелей своднаго госпиталя.

— Ваше превосходительсто, только когда мы двинемся, вы прикажите по всей линіи прекратить огонь, а то ерунда выйдетъ.

— Понятная вещь, я сейчасъ сообщу—и съ этими словами пошелъ къ Семенову, затѣмъ обернулся и добавилъ: помните, въ 11 часовъ начинаю отступать, не замѣшкайтесь!

Ровно въ 9 часовъ отрядъ тронулся.

Въ составъ его вошли докторъ Коклюгинъ, отрядный адъютантъ поручикъ Миропольскій, медицинскій фельдшеръ отряда доктора Кефели Николай Чаевъ, около 40 рикшъ, морскія санитарныя повозки, носилки и около 200 санитаровъ.

Всѣ, кто были верхомъ, взяли въ стремена флагштоки съ полотнищами, осѣненными краснымъ крестомъ. Большинство санитаровъ тоже взяли флаги.

Какъ только мы показались на первомъ перевалѣ, огонь по всей оборонительной линіи сталъ стихать.

Наши стрѣлки и батареи замолчали.

Противникъ поддерживалъ рѣдкій огонь.

Лишь только мы показались на второмъ перевалѣ, насъ встрѣтили шрапнелью.

— Что же это за безобразіе, неужели японцы не видятъ нашихъ флаговъ, вѣдь этакъ насъ всѣхъ перебьютъ, мы совершенно открыты—сердился докторъ Коклюгинъ.

Дѣйствительно, отрядъ представлялъ прекрасную цѣль: масса санитаровъ, китайцевъ, везшихъ простыя рикши, санитарныя повозки — все это сомкнутой колонной подвигалось впередъ довольно медленно.

Направо и налѣво отъ дороги лежали въ лощинахъ наши резервы. Офицеры, стрѣлки что-то кричали намъ, махали шапками: очевидно, о чемъ-то просили.

Задерживаться было некогда.

Я былъ вполнѣ увѣренъ, что какъ только съ Высокой горы (тамъ у японцевъ былъ уже наблюдательный пунктъ) замѣтятъ красный крестъ—огонь будетъ немедленно прекращенъ.

Дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ залповъ шрапнелью противникъ стихъ.

Мы подвигались впередъ при полной тишинѣ.

— Очевидно, насъ замѣтили и поэтому прекратили огонь, съ нѣкоторой гордостью обращается ко мнѣ поручикъ Миропольскій: молодцы япошки, образованная нація, уважаютъ красный крестъ.

— Посмотримъ, что будетъ дальше, говоритъ докторъ Коклюгинъ: я что-то плохо вѣрю японцамъ.—Онъ никакъ не могъ простить японцамъ только что рвавшихся шрапнелей.

— А случай съ докторомъ Мгеладзе—дали же ему убрать раненыхъ, возражаю я и стараюсь себя увѣрить, что все будетъ благополучно.

Спустились наконецъ въ Литангоускую долину. Все тихо. Молчатъ наши, умолкли японцы.

Около деревушки Литангоу, гдѣ вчера былъ штабъ, останавливаетъ меня одинъ изъ офицеровъ и горячо проситъ привезти убитаго наповалъ ротмистра Бирюлькина.

— Пожалуйста, не забудьте—онъ оставленъ за деревней; не было никакой возможности его вынести во время отступленія. Очень, очень васъ прошу. Вынести, ей Богу, не могли. Ужасно обидно, ужасно досадно.

— Будьте покойны, непремѣнно принесемъ, съ глупой увѣренностью отвѣтилъ я просившему.

Я только теперь узналъ, что Александръ Меѳодіевичъ убитъ, и съ поразительной ясностью, до мельчайшихъ подробностей вспомнились проведенные съ нимъ въ этой же долинѣ вечера. О чемъ только не бесѣдовали мы съ нимъ? Съ какимъ хорошимъ, добрымъ чувствомъ онъ говорилъ о подчиненныхъ ему нижнихъ чинахъ. Онъ ихъ любилъ, уважалъ, а главное, онъ видѣлъ въ нихъ такихъ же людей, какъ онъ самъ.

Аллеи въ городскомъ саду.

Онъ всегда производилъ на меня глубокое впечатлѣніе своей незлобивостью послѣ выдержанныхъ 18 жестокихъ боевъ.

На подполковника Бутусова смерть его помощника произвела глубокое впечатлѣніе. Отступая съ отрядомъ къ Артуру, отступая съ боемъ, послѣ страшнаго переутомленія трехдневнымъ боемъ, онъ посылаетъ еще съ пути письмо въ редакцію и проситъ почтить имъ память погибшаго товарища.

Вотъ что мы читали на слѣдующій день.

„Памяти штабъ-ротмистра пограничной стражи Александра Меѳодіевича Бирюлькина, убитаго при штурмѣ участка Зеленыхъ горъ, занятыхъ японцами въ 2 часа ночи.

„Вѣчная память, другъ и товарищъ, скромный, тихій, сердеч-

ный и незлобивый! Въ твоемъ золотомъ сердцѣ было столько горячей любви къ своему ближнему и меньшему брату—солдату! Всему находилъ ты прощеніе и во всемъ видѣлъ только хорошія стороны.

Часто любовались мы въ разгарѣ боя на твою фигуру въ накидкѣ, безстрашно ходившую въ адѣ шрапнелей и пуль. Не слышно было отъ тебя хвастливыхъ рѣчей, а само молчаніе говорило о высотѣ исполненнаго тобою долга. Такъ и теперь ты погибъ, исполняя свято свой долгъ. Честь и слава тебѣ! Товарищи и сослуживцы оплакиваютъ тебя и скорбятъ всей душой.

П. Бутусовъ".

Мы быстро подвигались впередъ, къ устью долины. Чѣмъ ближе мы были къ устью, тѣмъ чаще и чаще свистѣли пули.

Съ пути были высланы впередъ два конныхъ охотника съ приказаніемъ стать на высотахъ по ту и другую сторону устья долины съ тѣмъ, чтобы весь непріятельскій фронтъ Зеленыхъ горъ обратилъ вниманіе на знаки краснаго креста.

Охотники 26 полка карьеромъ пронеслись впередъ, лихо взобрались на вершины и стали, какъ вкопаные, высоко поднявъ флаги, слегка раздуваемые утреннимъ вѣтромъ.

Противникъ замѣтилъ флаги (еще бы—на разстояніи какой-нибудь полуверсты) и совершенно прекратилъ огонь.

Подвигаемся среди общаго молчанія; только большія зеленыя мухи на деревьяхъ заливаются.

Отлично! Начало хорошо.

Всѣ пріободрились.

Смотрю... налѣво наша застава. Стрѣлокъ изъ уступа ската машетъ рукой, указывая въ сторону японцевъ и кричитъ во все горло:

— Тамъ ихняя застава-а-а!

— Вотъ вѣдь несуразный, чего это онъ надрывается? Неужто не видитъ нашихъ флаговъ?

Отрядъ втягивался въ самое устье.

Дорога давала крутой поворотъ. Едва мы повернули, подставивъ свой флангъ, послѣдовалъ залпъ за залпомъ; имъ аккомпанировало пѣніе отдѣльныхъ пуль.

Потомъ сразу пули засвистали ближе, впиваясь въ землю, ударяясь о камни.

Не такъ страхъ, какъ обида заговорила въ каждомъ изъ насъ.

Ѣхали съ лучшимъ человѣческимъ чувствомъ, окрыленные надеждой подобрать раненыхъ—и вдругъ такой пріемъ...

Неужели японцы нарочно стрѣляли, издѣвались надъ нами?

Мы, а за нами весь отрядъ, остановились. Продолжать путь было немыслимо.

Огонь усиливался; итти впередъ—итти на вѣрную смерть.

Повернули назадъ. Насъ провожали огнемъ. Только скрывшись за поворотомъ, мы были въ относительной безопасности. Въ отрядѣ было нѣсколько легко раненыхъ китайцевъ и санитаровъ. По удивительной случайности потерь людьми не было.

Сзади остался поручикъ Миропольскій — ему нужно было снять охотниковъ и дождаться ихъ. Они все еще стояли на вершинахъ. Какъ ихъ не убили, я до сихъ поръ понять не могу. Положимъ, одинъ изъ нихъ и лошадь были ранены.

Отправляясь съ отрядомъ, каждый изъ насъ сознавалъ, что идетъ на нѣсколько рискованное предпріятіе. Линія противника растянулась на нѣсколько верстъ. Всегда среди японцевъ могли найтись фанатики и во время уборки раненыхъ поражать одиночными выстрѣлами. Но никто изъ насъ не допускалъ мысли, что, подпустивъ на 800—900 шаговъ, насъ встрѣтятъ залпами. Это было дѣйствіе не отдѣльныхъ лицъ, эти залпы не могли ускользнуть отъ вниманія начальства.

Значитъ, насъ обстрѣливали сознательно! Война прошла, но итоги ея еще не подведены. Этотъ возмутительный фактъ долженъ быть предметомъ разбирательства на международной мирной конференціи.

Стягъ краснаго креста всегда неприкосновененъ.

Возможно, что они будутъ отрицать этотъ фактъ.

Но фактъ остается фактомъ.

Не одна сотня людей, помимо насъ, составлявшихъ этотъ отрядъ, были свидѣтелями этой дикой выходки японцевъ.

Японцы никоимъ образомъ не могли считать посылку столь значительнаго отряда уловкой съ нашей стороны.

Предположеніе, что мы, прикрываясь краснымъ крестомъ, хотѣли начать отступленіе и, образовавъ подъ его сѣнью нѣчто въ родѣ арьергарда, отступить безъ потерь, падаетъ.

Они, видя все наше расположеніе и тыловыя дороги, всегда могли замѣтить начавшееся отступленіе.

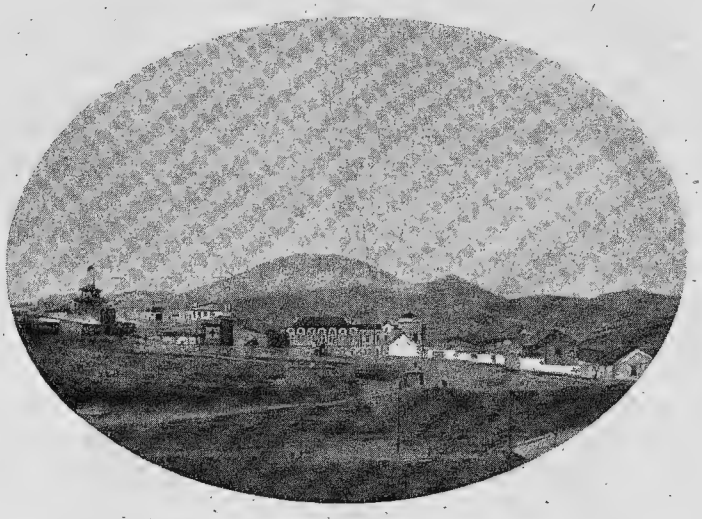
Да, наконецъ, они могли послать навстрѣчу открыто вступавшему въ ихъ расположеніе отряду, вооруженному лишь святымъ стремленіемъ помочь страждущимъ, своихъ парламен-

теровъ и путемъ переговоровъ установить срокъ перемирія для уборки раненыхъ или мотивированно вовсе отклонить его.

Выѣхавшихъ охотниковъ съ огромными бѣлыми флагами они всегда могли принять за парламентеровъ, не замѣтить же ихъ они, безусловно, не могли, равно какъ и двигавшійся по долинѣ отрядъ съ многочисленными флагами. Я помню, что даже у китайцевъ, везшихъ рикши, были маленькіе флаги.

Общее отступленіе было назначено въ 11 часовъ—отрядъ же былъ встрѣченъ огнемъ въ половинѣ десятаго.

Повторяю, съ высоты ихъ наблюдательныхъ пунктовъ все наше расположеніе съ тыловыми дорогами было какъ на ладони.



Импань Краснаго Креста.

Въ этотъ періодъ времени весь нашъ отрядъ оставался неподвижнымъ на мѣстѣ. Японцы могли по дорогамъ наблюдать лишь движеніе раненыхъ и подходившіе резервы.

Они, собственно, даже не могли предугадать—примемъ ли мы бой, или начнемъ отступать.

Все это вмѣстѣ взятое заставило меня горько разочароваться въ моемъ довѣріи къ гуманности японцевъ.

Это были жестокіе враги, которые для достиженія намѣченной цѣли пренебрегали самымъ высокимъ чувствомъ, которое должно быть даже у враждующихъ, но культурныхъ сторонъ, чувствомъ, имя которому—милосердіе къ раненому врагу.

Ровно въ 11 часовъ началось дальнѣйшее отступленіе.

Отрядъ, прикрываемый сильнымъ огнемъ артиллеріи и

стрѣлковыхъ цѣпей арьергарда, сталъ въ полномъ порядкѣ отходить къ Артуру.

Японцы сильно тѣснили нашъ арьергардъ, но ничего не могли сдѣлать.

Въ полномъ и безусловномъ порядкѣ шло отступленіе. О какой бы то ни было паникѣ, сумятицѣ, безтолковщинѣ не было и помину.

Послѣ полудня отрядъ былъ уже въ виду фортовъ Артура. Часть его прошла прямо въ крѣпость, часть заняла правофланговую послѣднюю передовую позицію на линіи горы Дагушань и Сяогушань.

За Дагушанемъ начиналась уже эспланада крѣпости.

Позиція на Дагушанѣ была послѣднимъ опорнымъ пунктомъ и въ связи съ позиціями на Волчьихъ горахъ имѣла огромное значеніе для дальнѣйшей обороны Артура.

Посмотримъ, что было у Фока, какъ онъ отступилъ, и что онъ натворилъ на Волчьихъ горахъ.

CXXVI.

Бой 13 іюля. Отрядъ генерала Фока.

Защита охотничьими командами 16-го полка подпоручиковъ Бурневича и Яфимовича высотъ 113 и 125.

Вечеромъ 12 іюля было замѣчено, что противникъ большими силами началъ передвиженіе изъ г. Дальняго по направленію нашего лѣваго фланга.

Ночь прошла покойно.

Рано утромъ, около 4 часовъ, противникъ сталъ тѣснить у деревень Хумучино и Хухая нашихъ казаковъ, которые по линіи этихъ деревень несли сторожевую службу.

Завязалась оживленная перестрѣлка. По всей линіи наступленія японцы начали разворачивать густыя цѣпи. Горсть нашихъ казаковъ упорно задерживала наступленіе, но превосходство въ численности заставило ихъ постепенно отходить.

Всѣ окружныя горы въ густомъ туманѣ. Какъ ни напрягаютъ зрѣніе—ничего не видно.

Къ 5 часамъ туманная завѣса стала рѣдѣть.

Съ высоты 113 ясно различаютъ, что у деревни Сакаизы сосредоточивается непріятель. Людямъ приказано снять палатки и отходить въ окопы. Стрѣлки, утомленные безсонными ночами, томительной сторожевой службой, молча убираютъ палатки. Быстро убрали палатки, залегли въ окопы.

Кругомъ полная тишина.

Утренній холодъ бодритъ утомленныхъ людей.

Въ окопахъ постепенно начинается оживленіе. Начались разговоры, уже кто-то шутитъ, не одно суровое лицо, съ печатью долгихъ лишеній въ жизни, а особенно на войнѣ, просвѣтляется улыбкой.

Воздухъ, насыщенный испареніями, становится все прозрачнѣй, быстро свѣтаетъ.

Еще немного—и встанетъ солнце. Покажется его красно-золотой сегментъ надъ горизонтомъ тихо-тихаго океана...

Первый орудійный выстрѣлъ глухо пронесся по горамъ.

— Смотри—ползутъ, тьма тьмущая!

— Пусть претъ. Подавай больше, сказано—Куропаткинъ никого отселѣ домой не пуститъ.

— Вотъ ты разсуждатель большой, языкъ чешешь, огорошиваетъ строгій взводный: а винтовка у тебя заржавлена. Бить языкомъ о зубы—мастеръ. Посмотрю, сколько ты сегодня настрѣляешь. Я до тебя давно добираюсь.

— Четвертый взводъ къ подпоручику Бурневичу, на лѣвый флангъ. Шагомъ маршъ!

Еще съ вечера было рѣшено, что въ случаѣ наступленія 4-й взводъ команды подпоручика Яфимовича усилитъ цѣпь 1-й охотничьей команды въ виду величины занимаемой ею позиціи на высотѣ 125.

Въ половинѣ шестого непріятель сталъ постепенно развивать артиллерійскій огонь—сразу взялъ высоту 94.

Черезъ 10 минутъ, согласно диспозиціи, высота эта была оставлена занимавшей ее ротой шт.-кап. Веселовскаго, которая отошла въ Толингоуское ущелье.

Черезъ нѣсколько минутъ на гребнѣ 94 уже выставленъ флажокъ. Давъ имъ взобраться побольше, Бурневичъ ихъ встрѣтилъ залповымъ огнемъ.

Знаменоносецъ полетѣлъ кубаремъ.

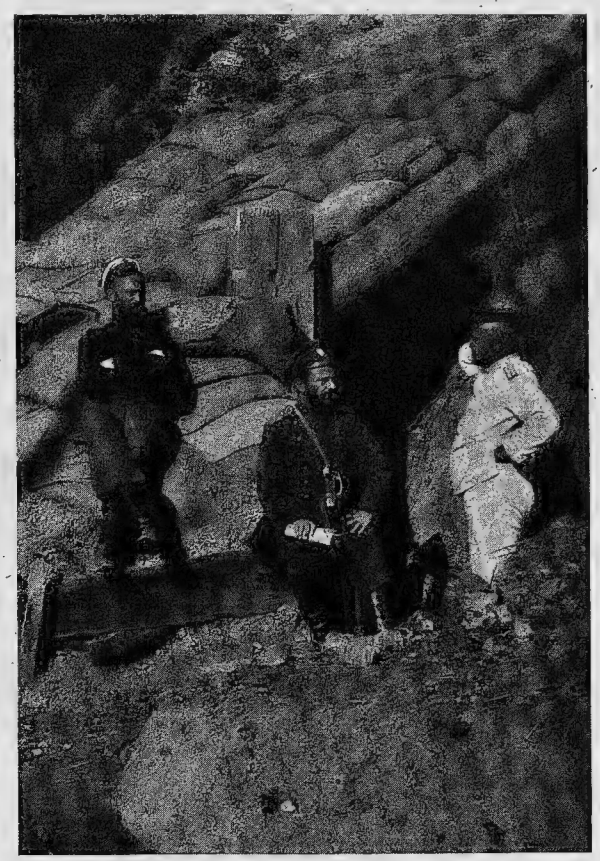
Еще нѣсколько залповъ, и японцы исчезли, выставивъ лишь посты, которыхъ наши отдѣльные стрѣлки снимали одного за другимъ.

Замѣтивъ, что высота 125 не даетъ никому показаться на 94, непріятель всю силу огня перенесъ на нее и въ особенности старался сосредоточить огонь на ея вершинѣ, гдѣ находился пулеметъ.

Плохо пришлось пулеметной командѣ. Надъ ней непрерывно рвались шрапнели. Одинъ уже убитъ, другой раненъ...

Стойко они держались. Команда таяла. Подпоручикъ Яфимовичъ, замѣтивъ, что стрѣлки на 125 несутъ большія потери, послалъ въ поддержку еще одинъ взводъ. Противникъ тѣмъ временемъ расширилъ площадь обстрѣла и началъ пристрѣливаться къ высотѣ 113 съ разстоянія 3-хъ верстъ.

Благодаря прекрасно замаскированнымъ окопамъ и блин-



Студентъ Лютынскій. Поручикъ Топсашаръ. Докторъ Кефели.
Блиндажъ у перевязочнаго пункта впереди Крестовой горы.

дажамъ, онъ не могъ разсмотрѣть своей стрѣльбы и послѣ 38 минутъ перенесъ часть огня на батарею шт.-кап. Швиндтъ.

Часамъ къ семи, въ лощинѣ у деревни Хухая, мимо Юпилазы, показались 15 ротъ въ батальонныхъ колоннахъ и, продвинувшись къ высотѣ 125, на пространство, не поражаемое еще ружейнымъ огнемъ, стали разворачиваться въ густыя цѣпи.

Одинъ батальонъ остался въ общемъ резервѣ.

Разсыпавшись въ цѣпь, японцы стройно, быстро начали наступать одиннадцатью густыми цѣпями на высоту 125.

Быстро двигались японцы. Разстояніе между ними и высотой 125 замѣтно сокращается. Стрѣлки съ холоднымъ вниманіемъ слѣдятъ за движущимся врагомъ. Упорно, настойчиво онъ идетъ.

— Не смѣть стрѣлять безъ команды!

— Не стрѣлять безъ команды, какъ эхо, повторяютъ взводные...

— Прицѣлъ 1200.

— Прицѣлъ 1200, опять эхо взводныхъ...

Стрѣлки замерли, ждутъ, а шрапнель пп-ахъ-пп-ахъ надъ головами. Раненые прибываютъ.

— Взводъ!—пли!

— Взводъ!—пли!

Залпъ за залпомъ. Еще, еще...

Пулеметъ тоже дѣлаетъ свое.

Первая цѣпь японцевъ дрогнула...

Валится ихъ много...

Побѣжали въ сторону...

На смѣну другая цѣпь.

Уже ближе...

Наши залпы учащаются...

И это не задержало...

Раненые ихъ ползутъ, вскакиваютъ, бѣгутъ, опять падаютъ. Видно, какъ корчатся въ агоніи. На смѣну имъ третья цѣпь.

Наши грохочутъ. Надъ головами безпрерывно рвется шрапнель. Остервенѣли. Не замѣчаютъ раненыхъ, не слышатъ ихъ стоновъ.

Только и слышно:

— Взводъ! пли!

Японцы уже совсѣмъ близко. Дрогнувшія цѣпи оправившись поддерживаютъ наступающія и лѣзутъ на высоту со всѣхъ сторонъ. А внизу стройными линіями подходятъ все новыя цѣпи. Конца имъ нѣтъ.

Одни наши взводы стрѣляютъ по дальнимъ, другіе по ближнимъ.

Залпы прекратились. Пошла стрѣльба пачками. Трескъ кругомъ.

Японцы въ нѣсколькихъ шагахъ стрѣляютъ въ упоръ. Пулеметчики всѣ перебиты. Пулеметъ отправленъ въ Талингоу.

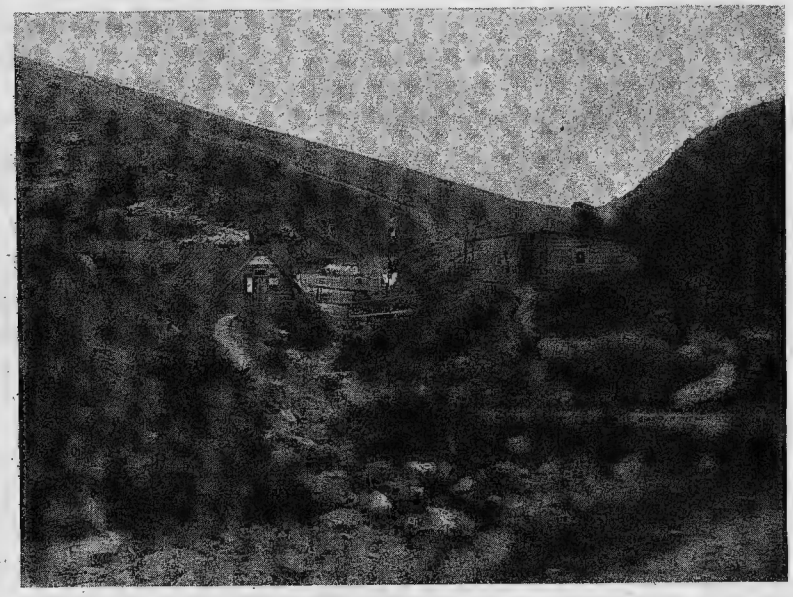
Началось обстрѣливаніе окоповъ бризантными снарядами.

Японцы отогнаны. Не выдержали огня нашихъ. Но внизу ихъ все прибываетъ.

Оправились—опять лѣзутъ. Ихъ бьютъ, страшно бьютъ, но ихъ много. Бризантныя бомбы дѣлаютъ свое дѣло. Окопы сметены. Раненыхъ много. Приходится на нихъ расходовать людей.

Къ 12 часамъ отъ команды въ 150 человѣкъ осталось 40.

Но люди помнятъ, что безъ приказанія отступаютъ только трусы, и геройски защищаютъ ввѣренную имъ пядь земли.



Бивуакъ 7-ой роты Квантунскаго экипажа, впереди батареи № 20 и перевязочный пунктъ I морского санитарнаго отряда.

Японцы лѣзутъ со всѣхъ сторонъ. Уже показались на гребнѣ, ихъ сбрасываютъ штыками.

Одинъ, совершенно озвѣрѣлый, съ пылающимъ лицомъ, горящими глазами японецъ, вскочивъ на гребень, какъ бы въ безуміи крикнулъ:

— Здравствуй, русскій!

— Прощай, японецъ, отвѣтилъ ему нашъ стрѣлокъ, пырнувъ штыкомъ.

Несчастный фанатикъ опрокинулся навзничь и стремглавъ полетѣлъ съ крутизны.

Держаться однимъ дальше невозможно. Высота 125 окружалась со всѣхъ сторонъ.

Подпоручикъ Бурневичъ послалъ за подкрѣпленіемъ.

Отвѣтъ—высылается.

Горсть людей еще часъ защищаетъ ввѣренную имъ высоту, горячо надѣясь, что ежеминутно должна подойти поддержка.

1-я охотничья команда 16 полка ведетъ себя геройски.

Несмотря на свою численность, японцы не могутъ взять высоту: стрѣлки стойко обороняются.

Наконецъ прислано приказаніе полковника Савицкаго—„отступить“ на высоту 113 къ командѣ подпоручика Яфимовича [1]).

Отбѣжавъ за гребень высоты 127, подпоручикъ Бурневичъ съ жалкими остатками своей команды до самаго вечера мѣткимъ огнемъ не допускалъ занять высоту 125, поддержанный залповымъ огнемъ команды подпоручика Яфимовича съ высоты 113.

Только въ 9 часовъ вечера, согласно вторичному приказанію полковника Савицкаго, 1-я пѣшая охотничья команда отошла на высоту 113 на соединеніе съ 3-й охотничьей командой и немедленно приступила къ постройкѣ блиндажей, несмотря на тяжелое утомленіе послѣ жестокаго боя.

Люди работали почти всю ночь напролетъ. Минувшій день доказалъ имъ, какъ важно имѣть хорошіе, прочные блиндажи. Если они не спасаютъ отъ удара фугасной бомбы, то защитятъ

---

[1]) Когда эти строки появились на страницахъ „Новаго Края“, я неожиданно получилъ слѣдующее письмо: „Милостивый Государь, господин Ножин! В сегодняшней Вашей корреспонденціи о дѣйствіях команд подпоручика Яфимовича и подпор. Бурневича говорится, что полковник Савицкій „приказал отступат“. Этого ничего не было. Напротив, полковник Савицкій, будучи начальником в с е г о горнаго участка, не раз слал приказанія о том, чтобы держаться до послѣдняго человѣка. А начальником участка Талингоу-Юпилаза был подполковник Гусаков, отъ котораго и отходили всѣ приказанія в эти команды.—О чем и сообщаю Вамъ, по приказанію командира полка и как бывшій адъютант подполковника Гусакова. Подпоручик Ярановецкій“.

Получивъ это письмо, я положительно недоумѣвалъ—зачѣмъ оно написано. Полагаю, для того, чтобы въ печати появилось сообщеніе, что „герой Савицкій“ никогда не отдаетъ приказаній „отступать“ и, конечно, чтобы сложить мнимую вину на Гусакова. Савицкій никогда не зналъ обстановки боя, такъ какъ всегда былъ въ предѣлахъ безопасныхъ. Постоянно лично отступая въ безопасное мѣсто, онъ не могъ во-время приказать отступать, такъ какъ фактически не управлялъ боемъ. Возмутительный случай съ капитаномъ Лопатинымъ это доказалъ. Подполковникъ же Гусаковъ (убитый вечеромъ въ своемъ блиндажѣ) приказалъ отступить, когда понялъ, что держаться дольше немыслимо.

отъ смертоносныхъ осколковъ. Повтореніе только что днемъ пережитаго огненнаго крещенія давало имъ силу и бодрость. Каждый думалъ только о томъ, чтобы не отдать врагу ввѣреннаго клочка земли.

Офицерамъ приходилось лишь умѣрять ихъ пылъ.

Русскіе стрѣлки опять доказали, что они герои.

Бой 14-го іюля.

Лишь только разсвѣло, немедленно было снято сторожевое охраненіе, выставленное на ночь вокругъ высоты 113, и въ ожиданіи повторенія вчерашней артиллерійской бойни люди отведены и спрятаны въ блиндажи.

Охотничья команда подпоручика Бурневича расположена на лѣвомъ флангѣ окоповъ, команда Яфимовича заняла центральную часть и правый флангъ.

Разрушенные блиндажи и окопы, проработавъ всю ночь, удалось возстановить.

Люди, забывъ про усталость, истомленные жаромъ, жаждой, разбитые нравственно и физически, всю ночь трудились, чтобы хотя нѣсколько обезпечитъ надежду удержать высоту 113. Она считалась ключомъ позиціи Суанцегоу.

Въ 5 часовъ утра съ непріятельской батареи, стоявшей за станціей Инченцзы, раздался первый орудійный выстрѣлъ.

Второй тяжелый день.

Кто знакомъ съ русской военной исторіей, тотъ знаетъ, что въ состояніи были дѣлать наши чудо-богатыри временъ Суворова.

Но времена эти отошли въ область преданій, забытъ и 12-й годъ, забываютъ Плевну, мало живыхъ участниковъ-свидѣтелей защиты Севастополя и покоренія Кавказа,—все это въ общей сложности слабый отблескъ того, чему мы, русскіе, стали свидѣтелями здѣсь на Квантунѣ.

Еще стонали раненые киньчжоускаго побоища, а на скрижаляхъ войны 1904 года не успѣвали заноситься геройскія дѣла, изъ которыхъ защита высотъ 113, 125, Юпилазы и Высокой горы когда-нибудь найдутъ своего Гомера.

Второй день боя начался.

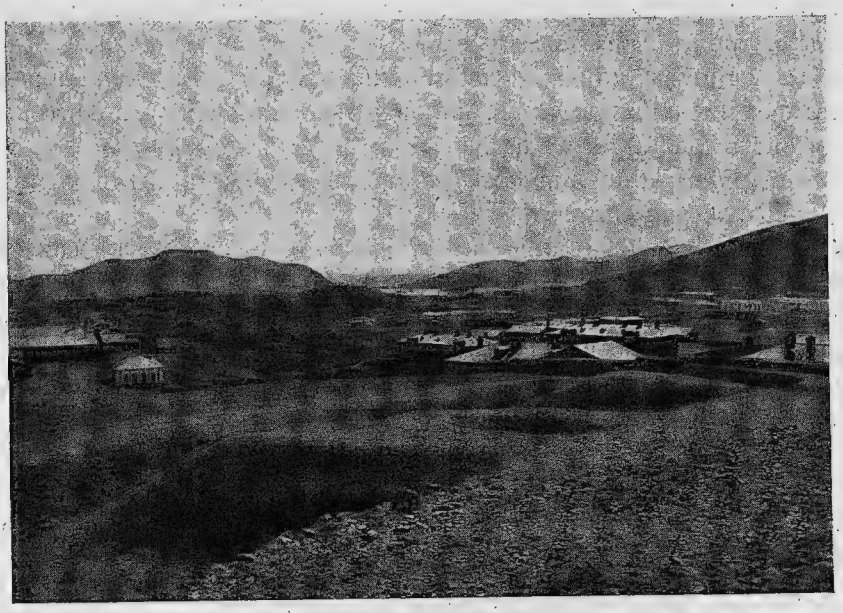
Вслѣдъ за первымъ орудійнымъ выстрѣломъ загромыхало отовсюду.

Сейчасъ противъ высоты 113 показалась непріятельская пѣхота въ святомъ заблужденіи, что 113 оставлена. Смѣло вы-

ползли японцы, но были встрѣчены дружными залпами и немедленно отошли.

Убѣдившись, что высота 113 держится, противникъ снялъ большую часть направленнаго на батарею Романовскаго и Швиндта огня и обрушилъ всю его силу на высоту 113.

Началось непрерывное пораженіе артиллерійскомъ огнемъ. Снаряды непрерывно сыпались на высоту. Канонерки били изъ-за скалистаго полуострова; 12 орудій работали на станціи Инченцзы; 9 шестидюймовыхъ пушекъ—изъ-подъ горы Анзасанъ, и два орудія—между высотами 125 и 94.



Видъ на Старый городъ и гавань.

Киньчжоусцамъ вполнѣ понятно, что дѣлалось здѣсь.

Хуже всего поражали съ горы Анзасанъ полевыя орудія, расположенныя въ полутора верстахъ, которыя не были видны ни Романовскому, ни Швиндту.

Не было никакой возможности держаться, а люди держались, потому что они были вѣрны данной присягѣ.

Это были не трусы, это были герои, передъ именами которыхъ должна благоговѣть Россія и удивляться весь міръ.

Батареи Романовскаго и Швиндта постепенно развивали страшный огонь.

Японцы вздумали въ долинѣ выставить орудія. Лихо вылетѣла упряжная батарея. Шт.-кап. Швиндтъ началъ ее бить.

Не обращая вниманія на массу падавшихъ снарядовъ—батарея шла къ намѣченной цѣли; впереди офицеръ въ буркѣ на лошади съ бѣлымъ чепракомъ. Нѣсколько снарядовъ влетѣло въ самую батарею. Всѣ орудія—въ разсыпную. На мѣстѣ разрыва снарядовъ—куча лошадей, взрывъ ящика, подбитое орудіе, и нѣтъ офицера.

Стрѣлки не выдержали: „ура“ понеслось изо всѣхъ окоповъ и блиндажей.

Невыносимо жестокій огонь продолжался. Къ часу дня кто-то изъ штабныхъ офицеровъ сказалъ:

— Смотрите, высота 113 была утромъ зеленой, а теперь порыжѣла.

Да, гора теряла свою окраску, а люди оставались вѣрны своему долгу—защищали ввѣренную имъ эту рыжѣющую гору.

Да развѣ можно было послѣ всего происходившаго хотя на минуту усумниться, что врагу не удастся взять Артуръ?

Вспоминая періодъ военныхъ операцій на передовыхъ позиціяхъ, я постоянно долженъ повторять, что наши солдаты способны на большіе подвиги. Они способны дѣйствительно творить чудеса, если только во главѣ ихъ стоятъ достойные офицеры.

Я утверждаю, что, если та или другая часть дрогнетъ, обратится въ бѣгство, перейдетъ въ панику, — вина прежде всего на офицерахъ. Офицеръ, котораго нижніе чины уважаютъ и любятъ въ обстановкѣ мирнаго времени, въ которомъ видятъ старшаго товарища, заступника и руководителя, можетъ быть увѣренъ въ стойкости ввѣренной ему части. Офицеру нужно только любить ввѣренныхъ ему людей—въ бою воздастся это сторицей. А много ли у насъ офицеровъ, которые знаютъ и любятъ солдатъ? Нѣтъ! По тѣмъ или инымъ причинамъ офицеры тяготятся солдатской средой и совершенно незнакомы съ ея психологіей. Въ бою, среди ужасовъ смерти все это приноситъ горькіе плоды.

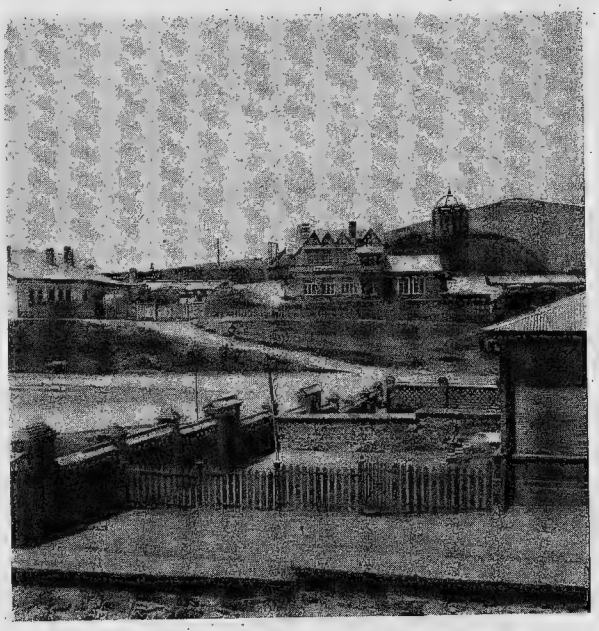
Въ теченіе двухъ часовъ отъ окоповъ не осталось и слѣда. Блиндажи выдерживали снаряды полевыхъ орудій, но были безполезны противъ Анзасанской батареи.

Фугасная пироксилиновая бомба пробила блиндажъ и уложила сразу нѣсколько человѣкъ.

Подпоручикъ Яфимовичъ, раненый, истекая кровью, спѣшно сдѣлавъ перевязку, обошелъ ввѣренныхъ ему людей. Блиндажъ

за блиндажемъ разрушался, прятаться было некуда. Противникъ нѣсколько разъ переходилъ въ наступленіе и все же, несмотря на нѣчто невѣроятное, въ смыслѣ силы артиллерійскаго огня, былъ отбиваемъ.

Обойдя людей, ободряя ихъ словомъ и примѣромъ неустрашимости, подпоручикъ Яфимовичъ прошелъ по окопамъ на лѣвый флангъ къ подпоручику Бурневичу и, передавъ ему свою команду, истекая кровью, пошелъ на перевязочный пунктъ и



Видъ на русско-китайскую школу.

только тогда могъ донести подполковнику Гусакову, что творится на высотѣ 113.

Сдѣлавъ перевязку, подпоручикъ Яфимовичъ отправился къ своей командѣ, но на обратномъ пути, проходя Толингоускимъ ущельемъ, былъ вторично жестоко раненъ и въ полубезсознательномъ состояніи доставленъ опять на перевязочный пунктъ.

На высотѣ 113 адъ продолжается. Команды и не думаютъ отступать, только отступаютъ тяжело раненые, на рукахъ своихъ товарищей.

Наконецъ пришло приказаніе отойти къ батареѣ штабсъ-капитана Швиндтъ.

Получивъ приказаніе отойти къ батареѣ шт.-кап. Швиндтъ, команды, подобравъ всѣхъ раненыхъ и убитыхъ, подъ сильнымъ шрапнельнымъ огнемъ отошли къ новой позиціи.

Батарея эта, цѣлый день поражаемая артиллерійскимъ огнемъ, теперь въ особенности начала страдать, когда высота 113 была оставлена.

Пѣхота противника повела атаку сюда, но всѣ ея усилія разбивались о геройскую стойкость 1-й и 3-й охотничьихъ командъ 16 полка.

До 5 часовъ вечера продолжались эти бѣшеныя атаки. Послѣ 5 часовъ было приказано батареѣ шт.-кап. Швиндтъ отойти.

Стрѣлки-охотники помогли скатить орудія, подъѣхали передки—и батарея лихо, карьеромъ, подъ страшнымъ огнемъ отошла къ деревнѣ Суанцегоу.

Въ 6 часовъ было получено приказаніе 1-й охотничьей командѣ и 1-й ротѣ 15 полка прикрыть Толингоуское ущелье, а 3-ья охотничья команда была отправлена на высоту 139, въ предположеніи оборонять и назавтра линіи 139, 127 и Юпилазу (на высотѣ 139 была уже расположена 11-ая рота 14 полка).

День догоралъ. Бой упорный, жестокій, кончался, стихалъ... Звѣзда за звѣздой зажигались на темнѣющемъ небѣ и мѣрно мерцали.

Утомленные стрѣлки, поѣвъ первый разъ за два дня боя горячей пищи, не живописными, но жизненными группами предались прелести отдохновенія.

Не одинъ изъ этихъ рядовыхъ борцовъ смотрѣлъ въ глубь безконечной дали неба и, любуясь игрой звѣздъ, думалъ крѣпкую думу, невольно сравнивая ихъ вѣчное мерцаніе, посылающее на истерзанную, утомленную землю едва уловимый покойный свѣтъ, съ пережитымъ тревожнымъ днемъ кроваваго боя.

Много легло сегодня нашихъ, и теперь они, просвѣтленные, чистые, какъ эти звѣзды, свято исполнивъ свой долгъ, предстали предъ Тѣмъ, Который завѣщалъ не избраннымъ только, а всему міру: „большей любви никто не имѣетъ, кто положитъ душу свою за други своя“.

Генералъ Стессель, опьяненный успѣхомъ двухдневнаго боя, поздравивъ всѣхъ съ побѣдой и отдавъ распоряженіе играть

оркестрамъ гимнъ, а войскамъ кричать „ура“, отбылъ съ 11-ой версты въ Артуръ на отдохновеніе.

На военномъ совѣтѣ рѣшено было принять бой и на слѣдующій день.

— ...Ни одна часть сюда не дойдетъ!!

Штабъ съ Фокомъ во главѣ не знали, не потрудились узнать, въ какомъ положеніи оборонительная линія праваго отряда, на которую главнымъ образомъ обрушилась вся сила двухдневнаго штурма.

Зданіе русско-китайской школы.

Единства въ управленіи боемъ не было. Каждый дѣйствовалъ самостоятельно.

Фокъ—по своему, Кондратенко—по своему. Единство выразилось лишь въ категорическомъ приказаніи Стесселя — „держаться“.

Что вся „стая славныхъ“ была увѣрена, что и 15 іюля мы удержимъ позиціи—это доказываетъ слѣдующій эпизодъ.

Когда Стессель послѣ ужина съ обильнымъ „побѣднымъ“ возліяніемъ тронулся въ путь, онъ на прощаніе обѣщалъ своему любимцу полковнику Савицкому завтра пріѣхать къ нему на именины.

Съ отъѣздомъ начальника раіона—штабъ опочилъ на лаврахъ, не потрудившись разработать, хоть на всякій случай, диспозицію отступленія.

Начальники отдѣльныхъ частей и участковъ не имѣли ни малѣйшаго представленія, чѣмъ имъ руководствоваться на случай всегда возможныхъ въ боевой обстановкѣ неожиданностей. Слѣдуетъ помнить, что наша оборонительная линія въ гористой мѣстности была растянута на 15 верстъ.

Войска и не подозрѣвали, что утромъ придется отступать. Надежда, что намъ удастся удержать занятыя позиціи, росла, и увѣренность въ успѣхѣ грядущаго дня окрѣпла.

Каждый рядовой офицеръ, солдатъ, частный начальникъ понималъ, что начальству свыше виднѣй вся обстановка боя, что оріентироваться ему легче, что начальство знаетъ все, что оно не врагъ своимъ. Войска еще слегка довѣряли Фоку. Войска прощали ему ошибку на Киньчжоу. Они не могли допустить, что Фокъ, спасая цѣлость своей дивизіи, способенъ губить другихъ съ цѣлью доказать, что Кондратенко ни на что не способенъ. А теперь читателю уже должно быть ясно, что Фокъ могъ убѣдить Стесселя во всемъ, что ему было угодно.

Фокъ всегда зналъ, что онъ дѣлаетъ.

Зналъ онъ и теперь, что ему предпринять, чтобы, если и не совсѣмъ погубить Кондратенко, то настолько его скомпрометировать въ глазахъ всѣхъ и каждаго, что о дальнѣйшей отвѣтственной дѣятельности покойнаго героя не могло бы быть и рѣчи.

Фокъ на военномъ совѣтѣ только для виду согласился принять бой и на слѣдующій день.

Мысли темныя, темныя, какъ ночь, бродили въ контуженной головѣ Фока...

Нужно во что бы то ни стало погубить Кондратенко.

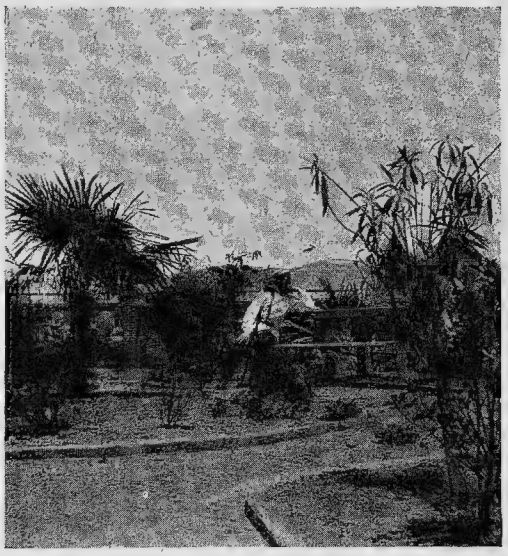
Кондратенко приказано держаться. Онъ это исполнитъ. Нужно начать отступленіе неожиданно. Пока до него дойдетъ записка, мой отрядъ начнетъ отступать. Кондратенко будетъ стремительно атакованъ во флангъ, и у него начнется паника. Мой же отрядъ будетъ отходить въ порядкѣ. Хотя диспозиціи не разработаны, но, отступая безъ преслѣдованія со стороны противника, успѣю сорганизоваться.

Можетъ быть, во ввѣренной мнѣ дивизіи потери будутъ изъ-за этого и значительнѣй, но зато отрядъ Кондратенко будетъ, если не совершенно истребленъ, то во всякомъ случаѣ на половину уничтоженъ. А разъ это случится—съ Кондратенко кончено. Останется лишь Смирновъ.

Съ однимъ уже легче будетъ справиться. Убрать его съ

дороги при посредствѣ Стесселя легко. Удалось же уже разъ это сдѣлать. Второй разъ тоже удастся. Стесселю Куропаткинъ телеграммой отъ 5 іюня предложилъ сдать командованіе Смирнову и выѣхать изъ Артура. Удалось же скрыть эту телеграмму. А шагъ былъ рискованный!! Скрыли даже телеграмму на имя Смирнова, онъ объ этомъ и не подозрѣвалъ.

Когда обоихъ не будетъ—тогда кто же фактически будетъ руководить обороной? Конечно, Фокъ!! Стессель—послушное, покорное орудіе... А тамъ... тамъ можно и Стесселя покончить.



Въ саду Пушкинскаго училища.

Да, тамъ все можетъ быть! Солдатики меня любятъ. А остальные? Остальные все измѣнники, измѣнники...!!!

Вотъ мысли, которыя, по всему вѣроятію, безпорядочно, хаотически роились, переплетаясь въ больномъ мозгу Фока, когда онъ, рѣшивъ отступать, написалъ и отправилъ записку: **„Я отступаю, а вы какъ хотите!“**

Ночь давно уже смѣнила вечеръ.

Резервъ постепенно затихъ. Лагерь уснулъ. Только охотники опять впереди, разсыпаны въ цѣпь, отдѣлены въ секреты. Эти лучшіе, самоотверженные люди несутъ всю тяжесть сторожевой службы, охраняя ночной покой цѣлаго отряда.

Производятъ развѣдку значительными партіями, крадучись внезапно открываютъ непріятеля, отгоняютъ его заставы и, постепенно подвигаясь впередъ, совершенно оттѣсняютъ противника.

Лощина къ Толингоускому ущелью совершенно свободна.

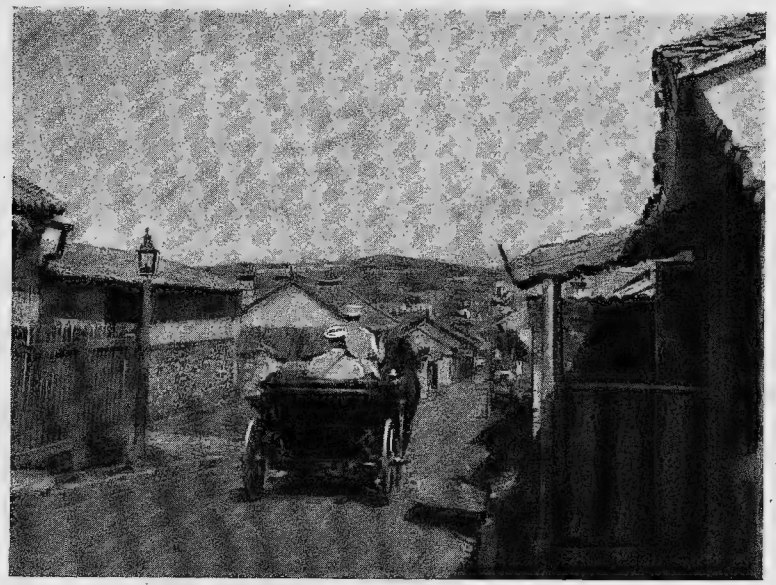
На оборонительной линіи не могли знать и не знали, что на утро готовится отступленіе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ очень ярко многочисленные факты.

Привожу одинъ изъ нихъ.

На Юпилазѣ былъ расположенъ взводъ 1-ой батареи 4-ой восточно-сибирской стрѣлковой артиллерійской бригады подъ командой поручика Глѣбовича—Полонскаго.

Около полуночи пришло приказаніе смѣнить взводъ 1-ой батареи взводомъ 4-ой батареи той же бригады при командирѣ штабсъ-капитанѣ Дешанъ.

Подъемъ на Юпилазу былъ страшно крутой. Получивъ приказаніе, поручикъ Глѣбовичъ-Полонскій спустилъ свои орудія,



Полицмейстеръ г. Тауцъ.

а намѣсто его занялъ позицію штабсъ-капитанъ Дешанъ съ ввѣреннымъ ему взводомъ.

Втащить орудія стоило огромныхъ усилій; люди надрывались, подымая орудія на веревкахъ.

Едва успѣли поднять орудія, получилось приказаніе отступать.

Зачѣмъ эти необдуманныя приказанія, исключающія одно другое?

Зачѣмъ напрасная трата энергіи, людей, которые истомлены двухдневнымъ боемъ?

Зачѣмъ это издѣвательство надъ офицерами и нижними чинами, какъ надъ бездушными пѣшками?

Все это вмѣстѣ взятое возбуждало въ нихъ недовольство, вселяло недовѣріе къ начальству и озлобляло. Офицеры и нижніе чины пріучались къ недовѣрію; безъ энергіи, охоты, увѣренности въ успѣхъ дѣла исполняли волю начальства.

Спросите любого изъ разумныхъ и честныхъ офицеровъ, служившихъ подъ начальствомъ Фока, каждый изъ нихъ съ нескрываемой ненавистью будетъ говорить о немъ, какъ о безтолковомъ, пристрастномъ, упрямомъ и недобросовѣстномъ начальникѣ и офицерѣ. Еще задолго до моего знакомства съ Фокомъ я отовсюду слышалъ самые нелестные о немъ отзывы. Это было въ самомъ началѣ кампаніи, когда „историческій генералъ“ еще не развернулся во всю ширь своей великолѣпной духовной природы.

Все офицерство иначе его не называло въ Артурѣ, какъ „сумашедшій мулла“.

Наступалъ разсвѣтъ, задребезжалъ телефонъ, понеслись ординарцы съ приказаніемъ отступать.

Приказаніе это своей неожиданностью ошеломило все живое на оборонительной линіи лѣваго отряда. Никто не зналъ, что обстановка боя на лѣвомъ флангѣ была совсѣмъ иной, чѣмъ на линіи Зеленыхъ горъ.

Здѣсь двухдневный бой и результаты его вселили увѣренность, что позиціи будутъ удержаны, а тамъ, на правомъ флангѣ, отступали въ силу необходимости.

Тамъ отступали подъ напоромъ противника въ полномъ порядкѣ, здѣсь съ перваго же момента воцарилась неурядица, перешедшая въ полный безпорядокъ, а затѣмъ хаосъ, завершившійся паническимъ бѣгствомъ съ Волчьихъ горъ на наши опорные пункты.

Возобновилась во всей своей красѣ картина отступленія къ Нангалину.

Фокъ зналъ, что онъ дѣлаетъ. Онъ считалъ необходимымъ отступить раньше Кондратенко и—отступалъ.

Разсвѣтъ.

Отступленіе лѣваго отряда въ полномъ разгарѣ.

Безпорядокъ въ полномъ блескѣ.

Фокъ зналъ, что онъ дѣлалъ, и поэтому мирился съ тѣмъ, что творилось. Что значитъ это безпорядочное отступленіе въ сравненіи съ тѣмъ, что должно твориться у Кондратенко?

Фокъ зналъ, что творилъ. Онъ предвкушалъ результаты, учитывалъ всѣ выгоды побѣды надъ своимъ внутреннимъ врагомъ.

Японцы, замѣтивъ начавшееся отступленіе, открыли огонь и перешли въ неособенно энергичное наступленіе. Они слегка лишь тѣснили самообразовавшіяся части въ импровизированномъ арьергардѣ.

Но войска, тѣмъ не менѣе, отступали въ безпорядкѣ, который постепенно усиливался, готовый перейти въ безпорядочное бѣгство.

II-ый морской санитарный отрядъ доктора Штернберга.

Подполковникъ Лаперовъ, командиръ 2 батареи, заранѣе выбравъ восхитительную позицію на 21 верстѣ, передъ „Развалинами башни", рѣшилъ туда отходить, прикрывая отступленіе. Выполнить этого въ полной мѣрѣ, не удалось. Получается неожиданно приказаніе прикрыть отступленіе всего отряда въ другомъ направленіи.

Лаперовъ взмолился.

— Эти позиціи никуда не годятся!!

— Выберите другую—отечески совѣтуетъ генералъ Надѣинъ (тотъ, который вообразилъ во время киньчжоускаго побоища, что штурмъ отбитъ и японцы бѣгутъ).

— Нельзя; еще хуже будетъ! уже горячится подполковникъ Лаперовъ.

— Ну, эту! продолжаетъ совѣтовать генералъ, буравля воздухъ пальцемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Совсѣмъ нельзя, тамъ уничтожатъ.

— Ну, выбирайте, какую знаете!—махнувъ рукой на упрямаго командира, рѣшилъ Надѣинъ.

— А 4-ая батарея гдѣ?

— Да тамъ!! опять генералъ махнулъ рукой.

— Прикажите отступать.

— . . . . . опять генералъ махнулъ рукой.

Не получая опредѣленныхъ распоряженій и указаній отъ генерала Фока, что же оставалось дѣлать подчиненнымъ ему генераламъ, какъ не невинно указывать перстами въ пространство и махать безнадежно руками?

Когда приходилось слушать Фока въ обстановкѣ, не требующей особенной осмотрительности, бдительности, быстроты соображенія, то и тогда съ трудомъ можно было понять, что хочетъ сказать генералъ. Можете себѣ представить, что творилъ Фокъ въ серьезныя минуты, въ минуты, когда каждая ошибка могла стоить сотенъ человѣческихъ жизней и вести къ полному пораженію?

Батарея Лаперова, въ силу отданнаго приказанія, начала отступать по Мандаринской дорогѣ и отступать совершенно открыто.

Выдвинувшаяся у Инченцзы непріятельская батарея усиленно обстрѣливала отступавшаго Лаперова.

Лаперовъ поспѣшилъ вывести батарею правѣе „Развалинъ башни“ и всецѣло привлекъ на себя вниманіе противника и этимъ далъ возможность 4-ой батареѣ подняться и быстро скрыться лѣвѣе „Развалинъ башни“.

Противникъ, замѣтивъ этотъ маневръ, усилилъ огонь настолько, что Лаперову грозила жестокая опасность.

Но ввѣренная ему батарея стойко выдерживала концентрирующійся на ней огонь и сама поддерживала быстрый орудійный огонь, задерживая этимъ начавшаго сильно насѣдать противника.

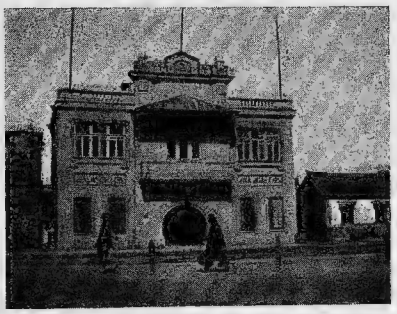
Кругомъ на много верстъ царилъ полный безпорядокъ. Части, не имѣя диспозицій отступленія, отходили такъ, какъ каж-

дому изъ ихъ начальниковъ заблагоразсудится. Каждый проявлялъ свою иниціативу, и нужно отдать полную справедливость младшимъ начальникамъ и стрѣлкамъ, что, если все отступленіе не превратилось въ позорное паническое бѣгство—то въ этомъ и ихъ не малая заслуга.

Отступленіе было быстрое, безпорядочное, мѣстами переходившее въ бѣгство, но общей картины паники еще не было.

Если же это отступленіе не превратилось въ позорную панику, то этому въ равной мѣрѣ также способствовала опять-таки нерѣшительность японцевъ.

Поведи они наступленіе такъ же энергично, какъ вели они его на правомъ флангѣ—частные начальники, при царившемъ хаотическомъ безпорядкѣ, не предотвратили бы паники, и войска, съ Фокомъ во главѣ, въ этотъ же вечеръ, миновавъ Волчьи горы, очутились бы въ Артурѣ.



Зданіе Лѣсного Товарищества.

Нерѣшительность японцевъ заставила Фока, вопреки крайней его антипатіи къ Волчьимъ горамъ, занять послѣднія, хотя это не помѣшало ему организовать уже форменное бѣгство съ ненавистныхъ ему Волчьихъ горъ.

Когда весь отрядъ подтянулся къ Волчьимъ горамъ и началъ занимать окопы, то для него тамъ уже былъ приготовленъ сюрпризъ.

Окопы были вырыты, по приказанію Фока, не на скатахъ горъ, которыя нужно было защищать, а у подошвы ихъ. Ходы сообщенія отсутствовали, а площадь, обращенная къ противнику, была густо, въ ростъ человѣка, покрыта гаоляномъ. Такъ его и не упѣли скосить.

Противникъ могъ подкрасться къ нашему расположенію совершенно незамѣтно въ большихъ силахъ и сразу, бросившись въ атаку, выбить нашихъ изъ траншей.

Естественное отступленіе назадъ пришлось бы продѣлывать, взбираясь на скаты и кручи, и этимъ, конечно, обнажать себя орудійному огню.

Все это исполнилось 17 іюля, какъ по писанному.

Фокъ зналъ, что онъ дѣлаетъ. Фокъ всегда говорилъ и доказывалъ, что задерживаться на передовыхъ позиціяхъ не слѣдуетъ. Онъ это и доказалъ.

Пришли войска, посмотрѣли и заняли окопы—некогда было рыть новые, когда противникъ съ минуты на минуту могъ перейти въ наступленіе.

Вечеромъ произошелъ прекурьезный инцидентъ.

При отступленіи подполковникъ Лаперовъ неожиданно получилъ предписаніе генерала Фока занять позиціи на правой сторонѣ Волчьихъ горъ, у желѣзной дороги, близъ 11-ой версты.

Подполковникъ Лаперовъ недоумѣвалъ. По естественному ходу вещей, ему нужно было занять лѣвыя отъ Волчьихъ горъ позиціи, такъ какъ онъ отступалъ въ этомъ направленіи. Но Фокъ зналъ, что онъ дѣлаетъ—и Лаперову пришлось сдѣлать кругъ и занять правыя позиціи.

Благодаря этому распоряженію, все вышло наоборотъ, какъ вообще все, что дѣлалъ генералъ Фокъ. Батареи Зеленыхъ горъ заняли лѣвыя, а Лаперовъ и другія батареи—правыя позиціи.

Къ этому всѣ уже привыкли и не обращали ни малѣйшаго вниманія.

Всѣ устали больше отъ царившей безтолковщины, чѣмъ отъ боевыхъ трудовъ и лишеній. Въ этотъ вечеръ больше, чѣмъ когда-либо, сказалось въ общей массѣ Фоковской дивизіи то вредное вліяніе, которое на нее имѣлъ начальникъ дивизіи.

Офицеры и нижніе чины съ надеждой оглядывались на эспланаду крѣпости и ея верки. Они понимали, что скоро наступитъ конецъ безтолковщины.

Офицеръ и солдатъ—существа, одаренныя разумомъ. Каждый понималъ, что, если умирать въ бою, нести всѣ лишенія, то въ концѣ концовъ должны же быть какіе-нибудь ощутительные результаты.

До сихъ поръ они видѣли только одну ужасающую безтолковщину и хаотическій безпорядокъ.

Повторяю, въ этотъ вечеръ дивизія Фока, занявшая оригинальные окопы на Волчьихъ горахъ послѣ неожиданнаго и стремительнаго отступленія, въ полной мѣрѣ оцѣнила своего начальника дивизіи. Послѣднія искры надежды потухали. Она поняла, что все, что творили съ нею и творилось вокругъ нея—не было дѣломъ ряда роковыхъ случайностей.

Дивизія Фока поняла, что во главѣ ея стоитъ человѣкъ, который положительно безразсудствуетъ, губитъ все дѣло.

Къ вечеру всѣ позиціи на линіи Волчьихъ горъ были заняты. Если бы Фокъ и его ставленники прошлись по линіи бивуаковъ и послушали, что говорилось о нихъ въ палаткахъ, въ окопахъ, среди офицеровъ и нижнихъ чиновъ—они поняли бы, какую „герои“ стяжали себѣ славу.

Но Фоку было не до того. Фокъ тоже думалъ о скорѣйшемъ отступленіи на эспланаду крѣпости и за ея верки.

Онъ предвкушалъ прелесть власти.

Новый городъ.

Онъ не сомнѣвался, что начальникомъ сухопутной ея обороны будетъ назначенъ онъ, уже прославленный Фокъ.

Ставъ бивуакомъ, люди расположились на кратковременный и тревожный отдыхъ.

CXXVII.

Посмотримъ, что повѣствовалъ начальникъ раіона въ своемъ приказѣ, отданномъ въ этотъ же день (15 іюля), за № 437.

— „13-го числа въ 6½ утра японцы начали сильно обстрѣливать наши позиціи по всему фронту, особенно сильно обстрѣливали на правомъ флангѣ Зеленыя горы, въ центрѣ—перевалъ Шинизы, высоту 163 и гору Юпилазу. Одновременно съ обстрѣливаніемъ японцы повели атаки, но, несмотря на очень

сильную подготовку огнемъ, атаки имъ не удались: вездѣ они отбиты, послѣдніе выстрѣлы были уже въ темнотѣ, въ 8 часовъ 45 минутъ вечера; иной бой длился 14 часовъ; потери наши за этотъ день: убито офицеровъ 1 и нижнихъ чиновъ 98; потери японцевъ очень велики...“

Прежде всего, писавшій этотъ приказъ не зналъ, что атаку японцы повели лишь въ 8 часовъ. Атаки имъ удались вполнѣ, такъ какъ японцы значительно подвинулись къ нашей оборонительной линіи и вкопались, а ночью подвели вездѣ новыя силы для дальнѣйшей атаки на слѣдующій день. Японцы всегда дѣйствовали систематично, дружно, по строго и серьезно заранѣе разработанному плану.

Относительно количества потерь я утверждать не берусь, но позволю себѣ замѣтить, что дѣйствительное ихъ количество много превосходило показанное число.

— „...14 числа съ 5 часовъ непріятель вновь началъ сильную канонаду, выдвинувъ противъ нашего лѣваго фланга у Инченцзы новыхъ 70—80 орудій, а сзади уступокъ, у Анзасана, до 20 орудій большого калибра. Изъ этихъ-то большихъ орудій, такіе же стояли и въ центрѣ, онъ началъ буквально забрасывать Юпилазу и высоту 139 у Талингоу; мелинитовыя бомбы производили разрушеніе, будучи первымъ случаемъ въ военной исторіи, чтобы противъ полевыхъ позицій были выдвинуты 6 дюйм. пушки. Атаки противника противъ Зеленыхъ горъ, высоты 163, отряда капитана Ташкевича, Юпилазы и другихъ не имѣли успѣха, хотя противникъ подходилъ въ упоръ, и его отбивали даже каменьями; въ этотъ славный день атаки окончились къ $7^1/_2$ часамъ, т. е. продолжались $14^1/_2$ часовъ. Нѣсколько орудій нашей славной артиллеріи были подбиты и пришли въ негодность, часть пулеметовъ разбита. Комендантъ Юпилазы подполковникъ Гусаковъ убитъ. Наши потери за 14-е число: офицеровъ 3 и нижнихъ чиновъ 100“.

Начальникъ раіона искренно удивляется, что противъ полевыхъ позицій непріятель выдвинулъ орудія крупныхъ калибровъ. Онъ объ этомъ былъ освѣдомленъ лишь 14 іюля, между тѣмъ какъ противникъ 13 іюля уже цѣлый день долбилъ наши батареи 120 мм. фугасными бомбами, разрушая батарейныя прикрытія, возведенныя самими артиллеристами, которыя были много прочнѣе ажурныхъ произведеній стрѣлковыхъ окоповъ и блиндажей на всей оборонительной линіи.

Начальникъ раіона и его штабъ были непріятно этимъ поражены.

Но почему они не были объ этомъ поставлены въ извѣстность?

Нашъ китаецъ-шпіонъ, такъ гордо и открыто разъѣзжавшій изъ японскаго расположенія въ наше и обратно, очевидно, не считалъ нужнымъ сообщать штабу эти „пустяки“.

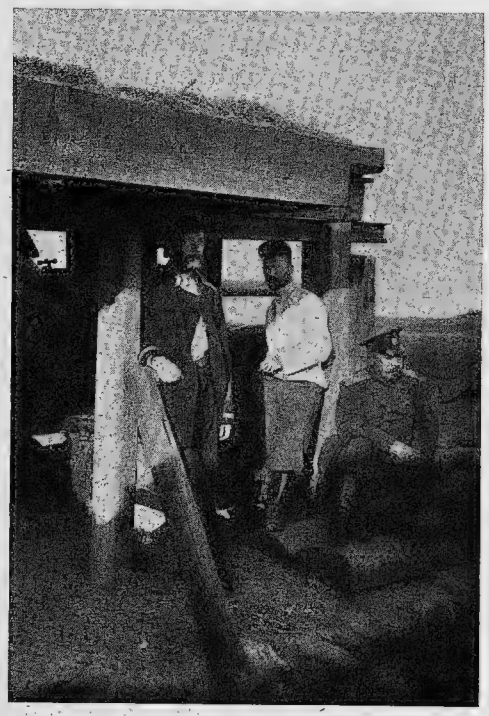
Генералъ Стессель пишетъ, что атаки опять не удались.

Для чего это писалось? Для кого писались эти приказы? Кого хотѣли обмануть этими приказами?

Что атаки во многихъ мѣстахъ удались и даже очень удались, объ этомъ отлично знали и мы и нашъ противникъ, который не менѣе насъ интересовался конечными результатами боя.

Потери наши тоже значительно уменьшаются.

Японцы вѣдь видѣли, сколько оставили мы убитыхъ, и, конечно, сообщили, куда слѣдуетъ, точное ихъ количество.



Редутъ Тахе. Начальникъ 1-го боевого участка подполковникъ Малыгинъ, студентъ В.-М. Академіи Лютынскій, подпрапорщикъ Сидоровъ (послѣдній въ Россіи).

— „Потери противника громадны, да иначе и быть не можетъ: насъ укрывали отлично построенные крытые блиндажи; противникъ, хотя пользовался закрытіями, но все-таки долженъ былъ двигаться открыто“.

Что потери противника были довольно значительны, это вѣрно, но до „громаднаго“ количества онѣ были далеки. Что же касается „отлично построенныхъ блиндажей“, то это опять ложь. Читатель уже знаетъ, что это были за „отлично построенные блиндажи“. Эти „блиндажи“ не выдерживали не только огня 120 м.м. орудій, но даже полевыхъ и горныхъ.

Зачѣмъ это писалось когда каждый удачно попавшій сна-

рядъ превращалъ бывшихъ въ блиндажахъ и занимавшихъ окопы въ безформенную массу?

„... Появленіе большого числа орудій крупнаго калибра сильно ухудшило наше положеніе, но все-таки, послѣ совѣщанія съ главными начальствующими лицами, я отдалъ приказаніе держать позиціи...“

Совершенно вѣрно. Не освоившись съ обстановкой боя, Стессель, какъ уже знаетъ читатель, приказалъ „держаться во что бы то ни стало“. Начальникъ раіона не потрудился вечеромъ ознакомиться съ положеніемъ праваго отряда, и, отдавъ подъ диктовку Фока приказаніе „держаться“, отбылъ въ Артуръ.

Начало отступленія было начато даже безъ его вѣдома.

„... на 3-ій день ночью противникъ противъ лѣваго фланга орудія свои продвинулъ впередъ и, разумѣется, тѣмъ пріобрѣлъ новое преимущество—бить наши отличные крытые блиндажи...“

Генералъ Стессель упорно подчеркиваетъ, что блиндажи были очень хорошіе.

„...хотя инженеромъ штабсъ-капитаномъ Сахаровымъ за ночь и было исправлено все на Юпилазѣ, но такое исправленіе подъ огнемъ дѣло трудное...“

Опять ложь. Противникъ ночью совершенно не поддерживалъ огня по атакованнымъ позиціямъ—шла лишь рѣдкая перестрѣлка между нашими и непріятельскими дозорами.

Оборонительная линія лѣваго отряда не была тѣсно атакована.

Противникъ насѣлъ лишь на линію окоповъ на Зеленыхъ горахъ, куда въ теченіе 2-хъ дней главнымъ образомъ направлялъ всѣ силы, съ очевиднымъ намѣреніемъ прорваться тамъ, что имъ фактически и было выполнено.

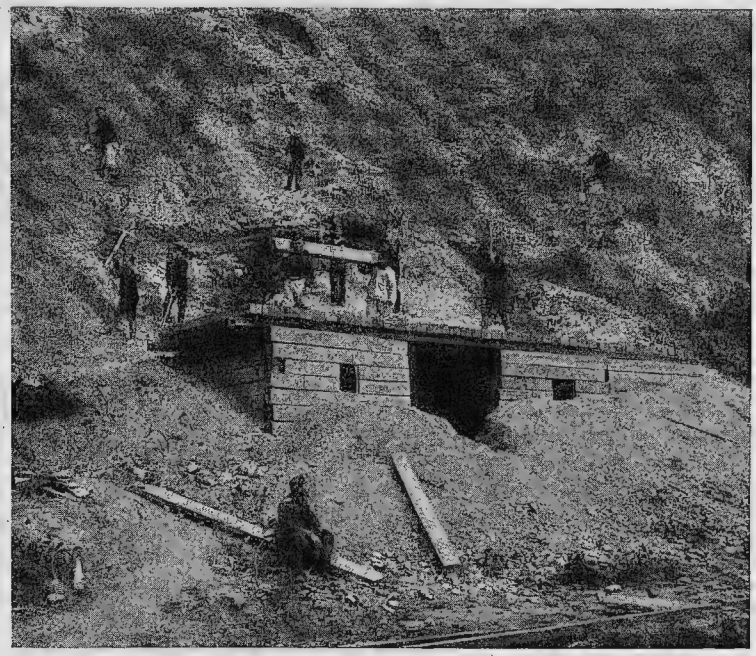
„Ночью, около 11 часовъ, противникъ (во время исполненія гимна) атаковалъ Зеленыя горы и на нѣкоторое время удержалъ ихъ, затѣмъ былъ отброшенъ, и, вновь атаковавъ, занялъ нѣкоторые участки этихъ горъ. Частямъ 7-ой дивизіи приказано было перейти на другой берегъ Луньвантаня...“

Опять безсовѣстное извращеніе истины. Генералъ Кондратенко никакихъ приказаній отъ Стесселя не получалъ, кромѣ приказанія „держаться“. Началъ отступленіе по собственной иниціативѣ, въ виду всеугрожающей обстановки, и въ видѣ напутствія, когда уже началъ отступленіе, получилъ, какъ уже читатель знаетъ, знаменитую записку: „я отступаю, а вы какъ хотите“

Изъ этого становится вполнѣ яснымъ, что Стессель никакихъ приказаній генералу Кондратенко не отдавалъ.

„...Появленіе большого числа орудій крупнаго калибра противъ нашихъ полевыхъ заставило подумать, чтобы и намъ недостатокъ этотъ восполнить, занятіе Волчьихъ горъ давало возможность принять участіе и орудіямъ крѣпости и флота, и я въ 4 часа утра приказалъ отойти на Волчьи горы...“

Читая эти строки, въ которыхъ такъ готтентотски изложена мысль (положимъ, полководцу простительна малограмотность),



Постройка блиндажа для перевязочнаго пункта I-го морского санитарнаго отряда впереди Крестовой горы.

можно подумать, что полководецъ о чемъ-то думалъ, что-то предвосхищалъ. Незнакомому съ истиннымъ положеніемъ вещей все это не покажется страннымъ.

Но знакомый съ происходившей дѣйствительностью, не можетъ не сказать: генералъ Стессель, зачѣмъ вы лжете? Вѣдь вы сидѣли ночью въ Артурѣ. Вамъ сообщили, что отступленіе началось. Вы же были увѣрены, что и третій день боя будетъ за нами. Вы, генералъ Стессель, не отдавали никакихъ распоряженій, вы не имѣли ни малѣйшаго представленія, что творилось

на всей оборонительной линіи даже тогда, когда вечеромъ 14 іюля сидѣли у Фока.

„Отходъ среди дня при теперешнемъ оружіи равенъ пораженію, но мы его совершили блестяще, съ малыми потерями: убито офицеровъ 1 и нижнихъ чиновъ 50...“

Совершенно вѣрно—отрядъ генерала Кондратенко отходилъ съ боемъ и въ полномъ порядкѣ. А что было у генерала Фока? Неорганизованное отступленіе, переходившее мѣстами въ бѣгство, а все это сопровождалось полнымъ хаотическимъ безпорядкомъ.

Зачѣмъ это писалось? Кого этимъ хотѣли надуть?

„...15 іюля **будетъ днемъ нашей славы и полнаго конфуза** противника, который, потерявъ за трехдневный бой массу людей, **потерялъ и духъ** и, видя, что наши войска среди дня переходятъ на его глазахъ, **да еще подъ музыку**, на Волчьи горы, **не осмѣлился** преслѣдовать и поражать насъ...“

И это писалось послѣ всего того, что происходило въ дивизіи Фока!! Это писалось въ то время, когда полки въ полномъ безпорядкѣ занимали и частью заняли уже позиціи на Волчьихъ горахъ!!

Неужели японцы не видѣли, что происходило передъ ихъ глазами?

Они вѣдь видѣли все, что происходило передъ ихъ глазами. Видѣли, какъ отступалъ Фокъ, какъ организовалъ отступленіе Кондратенко.

Фока они, слабо наступая, въ буквальномъ смыслѣ слова гнали. Кондратенко энергично тѣснили большими силами и ничего не могли сдѣлать. Онъ съ боемъ отступилъ до самой эспланады крѣпости.

Скажите, зачѣмъ все это писалось?

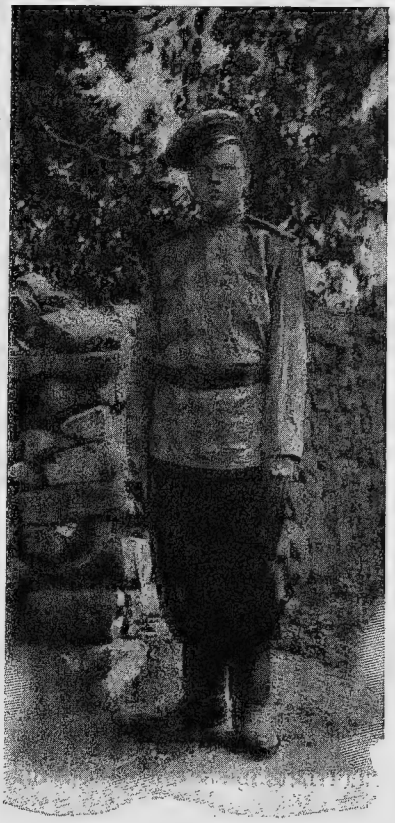
„...Только Господь Богъ Его великимъ Промысломъ оградилъ своихъ православныхъ воиновъ...“

Эти строки говорили устами самой истины, только и никто больше, какъ Господь Богъ, помогъ злосчастнымъ полкамъ 4-ой дивизіи хоть на день задержаться на Волчьихъ горахъ и не прямо съ передовыхъ позицій постыдно прибѣжать въ самую крѣпость.

„...Слава начальникамъ, слава войскамъ, совершившимъ геройскіе подвиги въ трехдневномъ бою 13, 14 и 15 іюля! Душевная и искренняя моя благодарность генераламъ Фокъ, Кондратенко, какъ главнымъ вожакамъ боевъ; Никитину, Надѣину, всѣмъ г.г. командирамъ полковъ, бригадъ, артиллеріи, начальникамъ штабовъ и адъютантамъ: батарейнымъ, батальоннымъ и

ротнымъ командирамъ. Всѣмъ г.г. офицерамъ, начальникамъ славныхъ охотничьихъ командъ, инженерамъ, врачамъ и всѣмъ прочимъ лицамъ (кто эти таинственныя личности? можетъ, шпіонамъ?), выполнившимъ святой свой долгъ.

Передъ вами кланяюсь, герои: охотники-стрѣлки, артиллеристы, саперы, пограничники, морскія команды и дружинники соревновали одни передъ другими. Спасибо вамъ, герои. Благодарю г.г. докторовъ, какъ сухопутнаго вѣдомства, такъ и морского, за ихъ самоотверженную службу. Дни 13, 14 и 15 составятъ славу нашихъ войскъ. Ура! Положимъ животъ свой за Вѣру, Царя и Родину. Вѣчная память".



Женщина-стрѣлокъ 13-го полка Харитина Короткевичъ. Принимала со своимъ мужемъ, тоже стрѣлкомъ 13 полка, участіе въ нѣсколькихъ бояхъ. Убита въ сентябрѣ.

Вотъ какимъ аккордомъ закончилъ свой рескриптъ генералъ Стессель.

Восхваляя низшій командный офицерскій составъ и массу нижнихъ чиновъ, начальникъ раіона былъ правъ. Войска сдѣлали все, что могли исполнить. Правъ онъ и по отношенію заступничества Господа Бога, но это и все, въ чемъ онъ правъ. Все остальное чистый вымыселъ.

Спрашивается, къ чему нужна была эта ложь?

Зачѣмъ эта ложь отдавалась въ официальномъ приказѣ?

Японцевъ не обманешь! Насъ тоже!

Такъ зачѣмъ?

А затѣмъ, что ложными реляціями Стессель и К⁰ покупали себѣ славу и награды.

Все, что печаталось въ приказѣ, въ компактномъ видѣ передавалось телеграфомъ на имя Государя Императора.

Стессель въ единомъ лицѣ сносился съ Монархомъ.

Кто могъ опровергнуть его донесенія?

Никто!

Да развѣ Государь могъ предположить, что офицеръ его арміи можетъ ради своихъ эгоистическихъ побужденій въ такія тревожныя минуты его обманывать?

Стессель велъ большую игру.

Онъ обманывалъ Государя, и ему это удавалось. Но не удавалось обмануть японцевъ и печать.

Какъ Стессель ни душилъ все и всѣхъ, кто могъ открыть истину, истина еще въ періодъ Артура стала постепенно всплывать. Къ ней относились недовѣрчиво, глядѣли на нее, какъ на инсинуацію, какъ на происки враговъ Стесселя. Но истина оставалась истиной, и въ концѣ концовъ восторжествовала.

Стессель забылъ самую примитивную пословицу: „шила въ мѣшкѣ не утаишь".

Въ періодъ первыхъ августовскихъ штурмовъ англійская оріентальная пресса, комментируя операціи нашихъ войскъ на Зеленыхъ горахъ, писала слѣдующее:

„Мы знаемъ, что на Зеленыхъ горахъ бой длился три дня, и, по донесенію генерала Стесселя, потери японцевъ очень значительны. Пріѣхавшіе изъ Артура въ Чифу утверждаютъ, что потери русскихъ почти равны японскимъ (это, конечно, вздоръ). Если принять во вниманіе, что количество убитыхъ составляетъ обыкновенно не болѣе 1/4 всего количества выбывшихъ изъ строя людей, то надо притти къ заключенію, что убыль въ рядахъ японцевъ 13, 14 и 15 іюля достигаетъ громадной цифры 40,000 человѣкъ.

Прибавивъ къ этому страшныя потери предшествующихъ дней, мы должны были бы признать, что японская армія, осаждающая Артуръ, потеряла половину своего состава. Необходимо выждать дальнѣйшихъ офиціальныхъ донесеній генерала Стесселя, который даетъ подробный отчетъ объ этой блестящей побѣдѣ русскихъ (послѣднее сказано съ очевидной ироніей: англичане были прекрасно освѣдомлены о томъ, какая это была побѣда). По нашимъ же свѣдѣніямъ, японцы взяли Зеленыя горы 15 іюля и всѣ прилегающія укрѣпленія; наши читатели должны помнить, что русскіе и тогда „не теряли позицій", когда благодаря японскому штыку они очищали Юпилазу и окрестныя вершины. Скоро, вѣроятно, мы узнаемъ о настоящемъ положеніи вещей".

Въ то время, когда появилась эта статья, ей не хотѣли вѣрить. Всѣ были увѣрены, что злостные англичане умышленно инкриминируютъ имя Стесселя.

Но мы, мы, сидѣвшіе въ Артурѣ, знали отлично, что это была горькая истина.

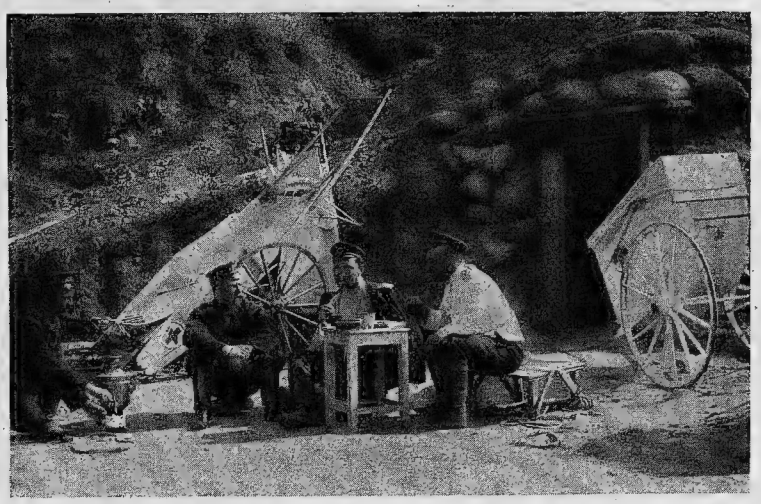
На нашихъ глазахъ развертывались картины одна непригляднѣе другой—а Россія?

Въ Россіи создали себѣ кумиръ-Стесселя и неистово поклонялись ему.

CXXVIII.

Бой на Волчьихъ горахъ.

Войска, занявъ импровизированные окопы на Волчьихъ горахъ, ежеминутно ожидали общаго наступленія японцевъ.



Чаепитіе у блиндажа перевязочнаго пункта. Студенты Подсосовъ и Лютынскій, докторъ Кефели.

Тяжелую ночь проводили наши стрѣлки.

Всѣ нервно настроены, каждый шорохъ подозрителенъ...

Въ сторонѣ же противника все было тихо.

Японцы оставались вѣрными своей тактикѣ. Разсыпавъ передовыя цѣпи и выславъ сторожевое охраненіе, они отдыхали.

Побѣда на лѣвомъ флангѣ досталось такъ скоро и легко.

Ихъ вожди знали, что они дѣлаютъ. Войска имъ вѣрили.

Съ самаго момента высадки все шло у нихъ безъ заминки.

Въ полночь на 16 іюля охотничьи команды вышли изъ деревни Тюзятунь для несенія сторожевой службы.

Разсыпались въ цѣпь.

Все по обыденному.

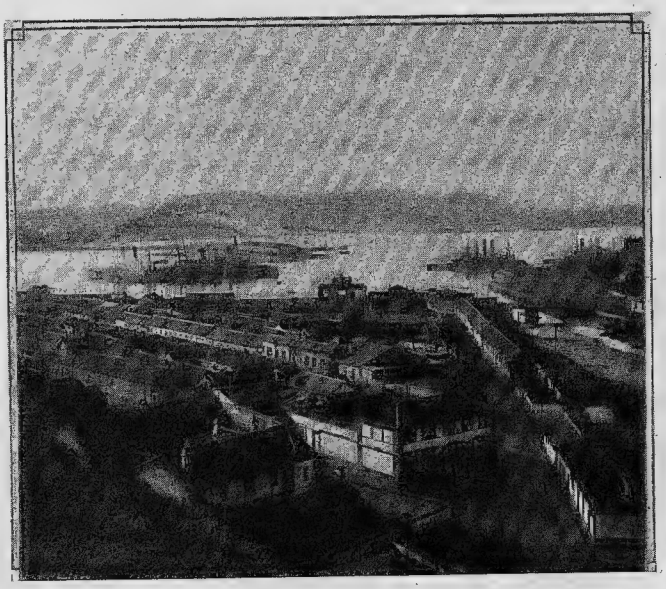
Опять вечеръ, опять звѣзды и ночь неизмѣнная.

Впереди—выше роста человѣческаго густо разросшійся гаолянъ (посѣвная трава), подъ прикрытіемъ котораго японцы могли подползать, да и подползали вплотную къ нашимъ цѣпямъ.

Наши нарочно какъ будто не замѣчаютъ, близехонько подпустятъ, а подпустивши въ упоръ бьютъ.

Цѣлую ночь шла оживленная перестрѣлка.

Зѣвать было некогда, того и гляди юркій японецъ влѣпитъ пулю.



Пушкинская улица въ Старомъ городѣ.

Какъ только разсвѣло, противникъ цѣлыми колоннами двинулся на штурмъ. Гаолянъ настолько высокъ, что только по колыханію его верхушекъ можно опредѣлить, что въ немъ движется противникъ.

Наши въ этомъ направленіи бьютъ залпами. Но японецъ вездѣ перехитритъ. Шелъ въ этомъ направленіи, смотрятъ—уже нѣтъ. Гаолянъ не колышется. Вѣрно, всѣхъ истребили. Перебить то перебили, да не всѣхъ. Жарко пришлось, остановились и ползкомъ перешли въ сторону и опять идутъ впередъ—и такъ все время. Впереди, конечно, пулеметъ. Двое тащатъ эту „свистульку“, а третій—патронный ящикъ. Живо его наладятъ и поливаютъ нашихъ.

Послѣ упорнаго боя стали отходить.

Охотники заняли перевалъ и спокойно сдерживаютъ наступленіе противника. Подъѣзжаетъ адъютантъ 1-го батальона подпоручикъ Лукашинъ и сообщаетъ, что нужно скатить орудія батареи Швиндта, что противникъ близко. Команда бѣгомъ, стремглавъ побѣжала къ батареѣ. Временами пришлось ползти, прячась въ гаолянѣ: японцы развили страшно сильный огонь.

Сверху рвется шрапнель, прямо летятъ пули—нипочемъ! Быстро развернули цѣпь и бросились впередъ, прямо ошеломивъ японцевъ—тѣ подались. Часть охотниковъ, пользуясь каждой минутой—онѣ могли стоить цѣлой батареи—быстро скатывали орудія. Впереди идетъ невѣроятная трескотня. Японцы рвутся впередъ; наши, составивъ полукругъ, не даютъ обойти себя во флангъ, зная, что командиръ ихъ отзоветъ, когда будетъ время.

Слава охотникамъ: одно орудіе скатили, на передки—и маршъ-маршъ!

Съ другимъ было тяжелѣй. Оно было продвинуто нѣсколько впередъ. А японцы видятъ, рвутся къ орудію.

Наши опять впередъ, бѣгомъ впередъ—и развили такой огонь, что японцы, въ сумятицѣ, очевидно, подумавъ, что наши получили подкрѣпленіе, подались. Опять часть отошла, быстро скатили орудія, подали лошадей—и карьеромъ назадъ.

Когда послѣднее спасенное орудіе неслось мимо шт.-кап. Швиндтъ, артиллеристы и стрѣлки грянули „ура“.

Да, это было молодецкое дѣло.

Покончивъ съ орудіями, подпоручикъ Бурневичъ продолжалъ прикрывать отступленіе и только въ полдень, у деревни Сюйшіинъ, присоединился къ своему полку.

16-го іюля утромъ войска читали слѣдующій приказъ, за № 435.

„Полковнику Григоренко и всѣмъ назначеннымъ имъ г.г. офицерамъ принять всѣ мѣры къ немедленному устройству прочныхъ блиндажей на Волчьихъ горахъ; работать хотя бы и всѣ 24 часа въ сутки... это должно быть сдѣлано, такъ какъ это главное.

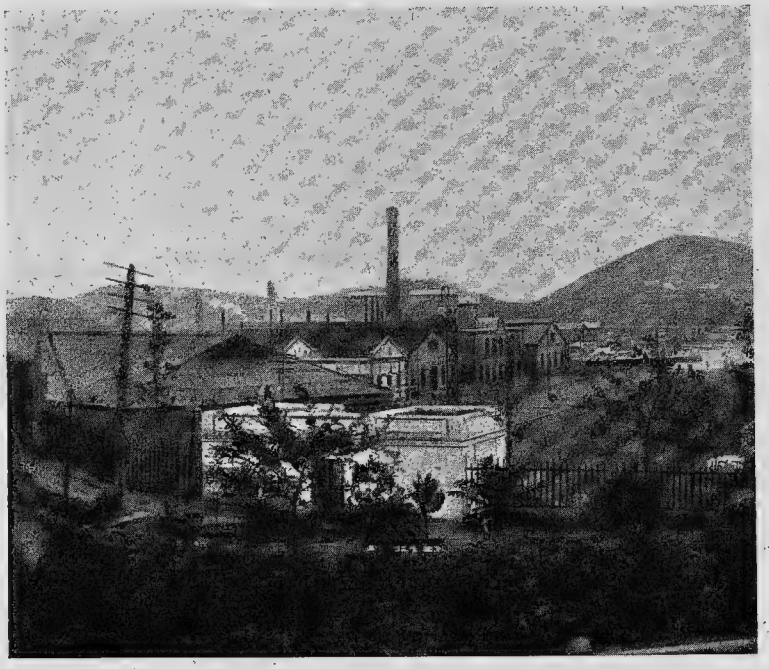
П. п. начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона
Генералъ-лейтенантъ Стессель.

Съ подлиннымъ вѣрно:

И. д. Начальника Штаба
Полковникъ Рейсъ.“

На оборонительной линіи Волчьихъ горъ, кромѣ импровизированныхъ окоповъ системы Фока, ничего не было сдѣлано, если не считать ограниченнаго количества ходовъ сообщенія, прорытыхъ на склонахъ.

Противникъ сосредоточивался. Ежечасно, ежесекундно могъ начать артиллерійскую подготовку и затѣмъ перейти въ штурмъ. Всѣ, абсолютно всѣ выгоды были на сторонѣ атаковывавшаго— а штабъ, въ своей близорукости, пишетъ о какихъ-то блиндажахъ, постройка которыхъ требовала массы труда и времени.



Портъ.

Приведенный приказъ заставилъ всѣхъ предположить, что начальство рѣшило защищать и защищать упорно занятыя позиціи.

Потянулись изъ Артура двуколки съ лѣсомъ, рельсами, листовымъ желѣзомъ.

Стрѣлки принялись лихорадочно строить „прочные блиндажи, хотя бы и всѣ 24 часа въ сутки“.

Но проработать долго не удалось.

Въ 2 часа ночи на 17 іюля противникъ, пользуясь естественнымъ прикрытіемъ, гаоляномъ выше роста человѣческаго,

повелъ общее энергичное наступленіе. Главныя силы двинулись по средней Мандаринской дорогѣ.

Едва лишь стало свѣтать, штурмъ по всей линіи былъ уже въ полномъ разгарѣ.

Японскія колонны, скрываясь въ густомъ гаолянѣ, неудержимо стремились впередъ. Стрѣлки, сидя въ окопахъ у подошвы высотъ, ничего, кромѣ гаоляна, не видѣли.

Одна лишь артиллерія, поднятая на возвышенныя позиціи, отражала движеніе штурмующихъ.

Положеніе обороняющихся стрѣлковъ было самое невозможное.

Общее настроеніе массъ, очутившихся подъ сильнымъ шрапнельнымъ и фугаснымъ огнемъ непріятельской артиллеріи и ничего, кромѣ гаоляна, впереди не видѣвшихъ и, слѣдовательно, лишенныхъ возможности отражать штурмующихъ, было таково, что ежеминутно готово было перейти въ неорганизованное отступленіе, а затѣмъ въ паническое бѣгство.

Да развѣ это не понятно?

Развѣ можно было винить и теперь обвинять людей, утомленныхъ безсмѣнной сторожевой службой, что они могли дрогнуть и въ концѣ концовъ дрогнули?

Сами японцы несказанно удивлялись халатности нашихъ начальниковъ, ихъ непонятной, преступной недальновидности и нераспорядительности.

Если вы, читатель, интересуетесь обширной уже теперь военной литературой объ операціяхъ на Квантунѣ какъ нашихъ, такъ и японскихъ войскъ, то въ изданіи японскаго генеральнаго штаба на англійскомъ языкѣ вы подробно можете познакомиться, съ какими сравнительно ничтожными усиліями баронъ Ноги овладѣлъ Волчьими горами, этимъ въ высшей степени важнымъ и послѣднимъ опорнымъ пунктомъ на нашихъ передовыхъ позиціяхъ передъ Артуромъ. (The Russo-Japanese War fully illustrated 1904. Kinkodo-C⁰. Tokyo).

Въ бесѣдахъ нашихъ плѣнныхъ съ японскими офицерами послѣдніе открыто говорили, что, если бы имъ предоставлена была возможность организовать оборону Волчьихъ горъ съ тѣмъ, чтобы какъ можно легче ихъ было взять,—то лучше организовать ее, чѣмъ она была организована русскими начальниками, они не были бы въ состояніи.

Продолжаю въ краткихъ чертахъ описаніе этого боя.

Какъ только начался штурмъ, командиръ 2-ой батареи подполковникъ Лаперовъ, благодаря тому, что его батарея была

поднята ранѣе батарей противника, началъ громить быстро наступавшихъ до послѣдней минуты.

Противникъ, пользуясь гаоляномъ, живой волной неудержимо подвигался впередъ, неся незначительныя потери.

Въ полдень началось уже отступленіе. Японцы особенно форсировали участокъ, обороняемый 13-мъ в.-с. стрѣлковымъ полкомъ подъ командой князя Мачабелли. (Полкъ этотъ подъ личнымъ командованіемъ князя успѣлъ уже отличиться при штурмѣ Куинъ-Сана 20 іюня).

Послѣ полудня, когда штурмъ усилился, началось форменное бѣгство съ Волчьихъ горъ. Отступленіе было настолько стремительно, что наши батареи остались безъ пѣхотныхъ прикрытій и рисковали попасть въ руки противника.

Все это происходило въ виду всей крѣпости, ея фортовъ и укрѣпленій.

Волчьи горы, замыкая эспланаду крѣпости, были подъ защитой крѣпостныхъ орудій, которыя могли съ успѣхомъ обстрѣливать расположеніе противника передъ Волчьими горами и своимъ фланговымъ огнемъ съ сѣверо-восточнаго фронта въ большей или меньшей степени парализовывать его поступательное движеніе.

Но, благодаря особымъ соображеніямъ генерала Фока, батареи, форты и укрѣпленія не успѣли и не могли облегчить защиты Волчьихъ горъ.

Тамъ шло вавилонское столпотвореніе. Части перемѣшались и въ полномъ, хаотическомъ безпорядкѣ стремились въ Артуръ.

Подполковнику Лаперову грозила страшная опасность. Мимо него бѣжали уже послѣднія части. Противникъ насѣдалъ. Онъ совсѣмъ близко—положеніе остро-критическое. Лаперовъ чуть не силой собралъ изъ отступавшихъ роту. Часть ея разсыпалъ въ цѣпь и этимъ началъ сдерживать страстно стремившихся къ орудіямъ японцевъ, а съ остальными людьми и своими артиллеристами скатилъ орудія.

Противникъ, замѣтивъ лакомую приманку, окружалъ. Число наступавшихъ увеличивалось съ каждой минутой.

Японцы съ гикомъ и крикомъ неудержимо, подъ страшнымъ огнемъ, рвались къ орудіямъ. Прислуга рубила шашками. Это былъ бой, рукопашный бой. Стрѣлки, понявъ всю опасность, дружно сдерживали бѣшеную атаку японцевъ и дали въ концѣ концовъ батареѣ отступить.

Лаперовъ на рысяхъ отошелъ на вторую позицію и, давъ нѣсколько залповъ, отошелъ на третью, болѣе безопасную, откуда открылъ непрерывный огонь, прикрывая отступленіе.

Открывъ огонь по наступающимъ, Лаперовъ встрѣчаетъ самого Фока.

Фокъ хвалитъ. Фокъ спрашиваетъ, гдѣ непріятель.

Противникъ уже занялъ только что оставленныя Лаперовымъ позиціи и, поставивъ туда свои орудія, началъ пристрѣливаться.

Занявъ около 3-хъ часовъ пополудни 3-ю позицію, Лаперовъ получаетъ записку отъ Рейса.

Китайцы на Зеленыхъ горахъ.

„Сообщите—по какимъ цѣлямъ стрѣляетъ батарея?“

Рейсъ началъ принимать самое горячее участіе въ бою!!!

„По линіи желѣзной дороги и бывшему лагерю. Видно—собираются группы“ былъ лаконическій отвѣтъ.

Получивъ это донесеніе, начальникъ штаба, конечно, сразу понялъ, что нужно предпринять.

Когда начало смеркаться, батарея отступила къ Панлуншаню, откуда и открыла огонь по батареямъ, тянувшимся къ бухтѣ Луиза.

Японцы, занявъ Волчьи горы, дальше не преслѣдовали, провожали отступавшихъ лишь пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ. Предосторожность эта была вполнѣ понятна, такъ какъ непо-

средственно за Волчьими горами попадая въ низины и долины, они подверглись бы орудійному огню крѣпости.

Наступилъ вечеръ. Все успокоилось. Волчьи горы въ рукахъ японцевъ.

Начался третій періодъ военныхъ дѣйствій на Квантунскомъ полуостровѣ.

Началось тѣсное обложеніе крѣпости.

Врагъ стоялъ непосредственно передъ Артуромъ. Въ этотъ же день появился слѣдующій приказалъ генерала Стесселя, за № 439.

„Сего числа непріятель сильно атаковалъ позицію 13-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка и 4-го запаснаго батальона и влѣзъ на Волчьи горы, но скоро огнемъ батарей былъ оттуда прогнанъ. Все-таки болѣе Волчьи горы не занимать, въ виду неимѣнія сообщенія по фронту и массы различныхъ лощинъ, совершенно удобныхъ для прорыва, а занять позиціи отъ Полушаня черезъ кумирню и водопроводный редутъ".

Опять начальникъ раіона офиціально лжетъ.

Читая этотъ приказъ и не имѣя свѣдѣній объ истинномъ ходѣ событій, можно предположить, что противникъ былъ отбитъ, и мы по собственной иниціативѣ очистили оборонительную линію на Волчьихъ горахъ и заняли новыя, болѣе выгодныя позиціи.

Что отступили мы подъ напоромъ противника, отступили безобразно, съ сопровождавшимъ отступленіе бѣгствомъ, вопреки предположенію, что позиціи на Волчьихъ горахъ мы удержимъ болѣе или менѣе продолжительное время и этимъ отдалимъ фактическую блокаду крѣпости,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, и поэтому приказъ Стесселя является продуктомъ фантазіи его и его приспѣшниковъ.

Собственная иниціатива проявилась лишь въ томъ, что Фокъ, Стессель и К° сознательно подготовили все, чтобы очищеніе Волчьихъ горъ было произведено какъ можно быстрѣе. Не скошенный во-время гаолянъ, окопы у подошвы высотъ, отсутствіе управленія боемъ, въ которомъ Фокъ, Стессель и ихъ штабы являлись и въ послѣднемъ дѣлѣ лишь гастролерами—все это даетъ право предполагать и даже утверждать, что вся дѣятельность упомянутыхъ лицъ была направлена исключительно къ скорѣйшему окончанію операцій въ укрѣпленномъ раіонѣ, съ цѣлью начать чистую оборону крѣпости, на которую они начали оглядываться еще съ 13-го мая.

Невольно задаешь себѣ вопросъ—зачѣмъ все это писалось, зачѣмъ такъ извращалась истина? Читая эти приказы еще въ

Артурѣ, гдѣ на моихъ глазахъ все происходило, гдѣ я былъ всегда о всемъ освѣдомленъ, я старался проникнуть въ тайный смыслъ поступковъ и дѣйствій „героевъ“.

Я не допускаю мысли, что Стессель былъ сознательный измѣнникъ.

Это не такъ! Въ разбираемый періодъ времени Стессель мало думалъ о грядущихъ судьбахъ Артура въ тревожномъ и безнадежномъ освѣщеніи.

Онъ былъ увѣренъ, что рано или поздно Куропаткинъ его выручитъ.

Не менѣе Стеселя былъ въ этомъ увѣренъ и Фокъ.

Оба они настолько вѣрили въ скорое освобожденіе, что боялись за свои лавры „героевъ“.

Они отлично знали, что въ Россіи ихъ муссируютъ.

Чувствуя же, что за ними ничего, кромѣ преступленій, нѣтъ, они сообща составляли приказы и изъ пораженій фабриковали побѣды.

Форма, проектированная для войскъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона.

Они боялись, что раньше, чѣмъ они успѣютъ что-нибудь сдѣлать, явится Куропаткинъ съ желанной выручкой, предупредитъ осаду крѣпости и раскроетъ всѣ ихъ дѣла, и поэтому всѣми силами старались устроить всеугрожающую обстановку.

Я отлично помню, какъ все и всѣ съ Стесселемъ и Фокомъ во главѣ издѣвались надъ японцами, бравировали и хвалились, что чѣмъ больше японцевъ высадится на Квантунѣ, тѣмъ лучше.

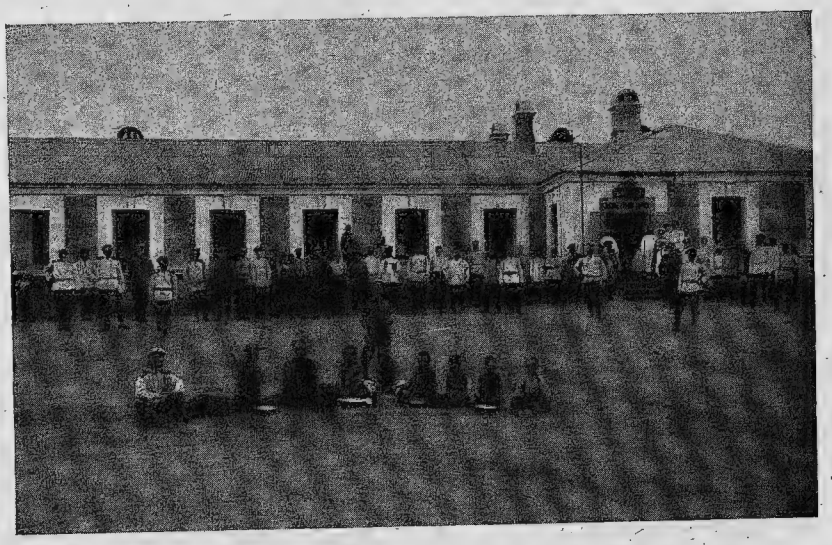
— Ни одинъ человѣкъ не уйдетъ отсюда. Квантунъ будетъ для японцевъ общей могилой—повторяли всѣ за своими вождями.

Киньчжоускій бой заставилъ тѣхъ прикусить языки, кто своей жизнью долженъ былъ рисковать въ борьбѣ съ наступав-

шей арміей. Начальники же, далеко стоявшіе отъ огня и увѣренные въ скорой выручкѣ, опасались лишь за свои лавры.

Повторяю—Фоку и Стесселю, при ихъ увѣренности въ освобожденіи, нужна была всеугрожающая обстановка, и они, какъ странствующіе артисты, старательно ее и устраивали.

Если бы Стессель, при своей увѣренности въ скоромъ освобожденіи, могъ предположить, что ожидаетъ Артуръ впереди, онъ, получивъ отъ Куропаткина телеграмму, помѣченную 5-мъ іюня, въ которой ему предлагалось немедленно сдать все командованіе Смирнову, а самому выѣхать, хотя бы на крейсерѣ, изъ Артура,



Китайцы доѣдаютъ обѣдъ нестроевой роты 25-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка.

конечно, не задумываясь отряхнулъ бы свой прахъ отъ Артура и выѣхалъ бы на сѣверъ, гдѣ ожидалъ его 3-ій сибирскій корпусъ.

Но весь секретъ именно въ томъ, что Стессель, ослѣпленный властью, увѣренный въ скоромъ освобожденіи, почувствовавшій жажду геройскихъ лавровъ, не хотѣлъ трезво посмотрѣть въ будущее. Онъ и Фокъ вѣрили въ геній Куропаткина и, томимые жаждой лавровъ, хотѣли во что бы то ни стало показать себя героями, и поэтому сознательно устраивали всеугрожающую обстановку.

Ускоривъ, насколько возможно, тѣсную блокаду крѣпости, прекрасно освѣдомленные о томъ, во что, при неутомимыхъ,

энергичныхъ и самоотверженныхъ трудахъ Смирнова и его ближайшаго помощника Кондратенко, она превратилась—они были увѣрены, что нѣсколько штурмовъ будетъ отбито съ большимъ успѣхомъ.

Къ этому времени подойдетъ Куропаткинъ, мѣсяцемъ раньше, мѣсяцемъ позже—это безразлично, подойдетъ онъ и освободитъ. Освободитъ осажденный Портъ-Артуръ! ! Освободитъ и главнаго виновника столь упорной защиты. А разъ это случится, кто противъ насъ—тотъ противъ побѣдителей. А „побѣдителей не судятъ"—сказала еще архимудрая Екатерина.

Начальство потребуетъ отчетовъ для составленія исторіи войны.

Отчеты на лицо — это приказы самого начальника раіона. Куда ни взглянешь—вездѣ блестящія дѣла.

Вездѣ все шло, какъ по писанному. Раздадутся голоса противъ, но кто ихъ будетъ слушать? Это голоса личныхъ враговъ и завистниковъ, ихъ заставятъ замолчать; болѣе вліятельныхъ постараются подкупить, а если будутъ артачиться—сотрутъ.

Положимъ, потомъ все можетъ обнаружиться: исторія скажетъ свою неподкупную правду.

Но когда это еще будетъ? Послѣ насъ хоть потопъ!

Вотъ, мнѣ такъ кажется, истинные мотивы, заставлявшіе Стесселя и Фока приблизить, насколько было возможно, тѣсную блокаду крѣпости, безъ риска заподозрить ихъ въ измѣнѣ.

Вотъ гдѣ нужно искать источникъ всѣхъ бѣдъ и испытаній, выпавшихъ на долю геройски упорнаго Артура, которыя отразились и на конечномъ результатѣ проигранной кампаніи.

Стессель и Фокъ, достойныя дѣтища стараго режима, были увѣрены, что ихъ темныя дѣла никогда не станутъ достояніемъ гласности, и, конечно, имъ и въ голову не приходило, что они, увѣнчанные лаврами и крестами, закутанные въ орденскія ленты, предстанутъ во всей своей отвратительной наготѣ передъ судомъ всей обновленной Россіи.

Заканчивая эту главу, я, пережившій многое въ Артурѣ, впечатлѣнія котораго блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что творится теперь въ Россіи, борющейся не со своимъ Монархомъ, а съ его безчисленными удѣльными князьями и князьками, прошлое которыхъ такъ же для насъ туманно, какъ ярки ихъ нынѣшнія звѣрскія дѣла, — хочу только одного, чтобы каждый русскій гражданинъ, одѣвающій офицерскій мундиръ, помнилъ, что съ тѣхъ, кому много дается, больше еще спрашивается.

Ордена и ленты не скроютъ отъ суда позорной наготы и подлой душонки!

CXXIX.

18 іюля генералъ Стессель отдаетъ два интересныхъ приказа, первый за № 440.

„Непріятель двигаетъ войска въ достаточномъ количествѣ; отъ 10 кораблей скрыто на Луизу, гдѣ переходитъ по водѣ и идетъ на Голубиную. Видимо, хочетъ атаковать западный фронтъ. Изъ письма, взятаго отъ убитаго японскаго офицера, видно, что японцы прилагаютъ всѣ старанія, чтобы скорѣй, а главное до 28 іюля взять Портъ-Артуръ. Полагаю, что они попробуютъ штурмовать. Я увѣренъ, что доблесть героевъ, мнѣ ввѣренныхъ, отброситъ врага".

Въ этомъ приказѣ уже чувствуется слегка пониженный тонъ, но онъ еще гордо звучитъ. Генералъ Стессель увѣренъ, что штурмъ будетъ на западный фронтъ—Угловыя горы и Ляотѣшань. Подъ вліяніемъ Фока приступаютъ къ закладкѣ форта VI, вырубаютъ питомникъ, который стоилъ казнѣ и городу огромныхъ денегъ.

Стессель и Фокъ увѣрены, что вся сила штурмовъ обрушится именно сюда.

Второй приказъ, за № 441, гласилъ.

„Г.г. командиры и г.г. офицеры, мы теперь стоимъ передъ крѣпостью на послѣднихъ заранѣе укрѣпленныхъ позиціяхъ, передовыхъ".

Стессель въ союзѣ съ Фокомъ никакъ не могъ отрѣшиться отъ мысли, что Угловыя горы являлись не передовыми позиціями крѣпости, а опорными пунктами послѣдней. При невозможномъ полигонѣ крѣпости, совершенно не отвѣчающемъ условіямъ мѣстности—укрѣпленіе Угловыхъ горъ явилось существенной необходимостью.

Читатель, который потрудится взглянуть на карту крѣпости, пойметъ съ очевидной ясностью, что Угловыя горы, а затѣмъ Высокая гора — сами просились быть укрѣпленными самымъ тщательнымъ и солиднымъ образомъ. Проще — на послѣдней долженъ былъ бы быть сильный фортъ, на первыхъ—укрѣпленія долговременнаго профиля.

На самомъ же дѣлѣ, на Угловыхъ горахъ при всемъ желаніи успѣли лишь начертить подобія укрѣпленій при слабомъ вооруженіи; на Высокой же работали во всю: разрабатывали дорогу, подвозили матеріалы, орудія. 4 марта она представляла изъ себя голую гору.

В. А. Загоровскій.

Не забудьте, что распланировкой крѣпости занимался самъ знаменитый Величко.

„...Помните, что это значитъ — это значитъ, что вы должны во что бы то ни стало остановить натискъ противника и не допустить его до фортовъ крѣпости. Я имѣю основаніе полагать, что противникъ предприметъ штурмъ открытою силою въ виду выигрыша времени, что для него крайне важно. Штурмъ долженъ быть отбитъ. Штурмъ обрушится на передовыя позиціи, и вы, г.г. офицеры передовыхъ позицій, не должны и мысли допустить дать противнику прорваться, хотя бы штурмъ былъ и ночью, что и вѣроятнѣе. Вы должны остаться на мѣстахъ, вамъ ввѣренныхъ, живыми или мертвыми. Вы удержите врага до утра, и, если онъ не убѣжитъ, то съ разсвѣтомъ крѣпость докончитъ его. Помните, что вы славные русскіе воины".

Генералъ Стессель считалъ, что войска ввѣреннаго ему раіона не вошли еще въ крѣпость, а защищаютъ послѣднія передъ ней передовыя позиціи, и поэтому считалъ нужнымъ отдать приказъ по раіону.

Въ дѣйствительности же, съ занятіемъ Угловыхъ горъ, началась фактическая блокада крѣпости.

По точному же смыслу Полож. объ управл. крѣп. полнымъ хозяиномъ крѣпости являлся ея комендантъ.

Въ силу приведенныхъ статей, генералъ Стессель, уступивъ противнику ввѣренный ему раіонъ и войдя съ войсками въ предѣлы крѣпости, долженъ былъ быть въ полномъ и безпрекословномъ подчиненіи у ея коменданта.

Комендантъ крѣпости, полагая, что съ момента вступленія войскъ въ предѣлы ввѣренной ему крѣпости, онъ становится фактическимъ ея хозяиномъ, въ этотъ же день 18 іюля отдаетъ аналогичный приказъ, за № 490:

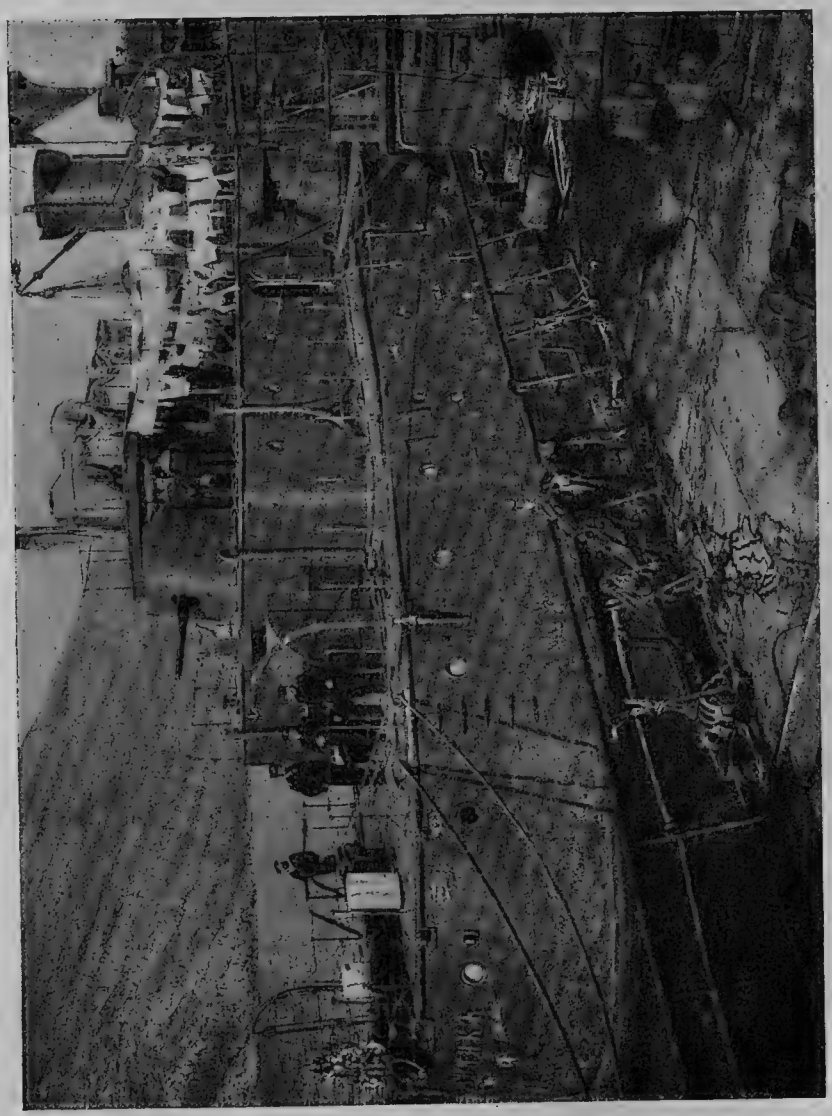
„Доблестные защитники Портъ-Артура! Насталъ часъ, когда всѣ мы соединились для защиты той пяди русской земли, которая именуется крѣпостью Портъ-Артуромъ.

„Нашъ Великій Царь и наша общая мать Родина Россія ожидаютъ отъ насъ беззавѣтнаго исполненія нашего святого долга — защиты крѣпости отъ врага. Пусть каждый изъ насъ вспомнитъ слова святой присяги и утвердится въ мысли, что нѣтъ ему иного мѣста, кромѣ назначеннаго на веркахъ крѣпости.

„Какъ наши предки, мы не поступимся ни однимъ шагомъ русской земли, постоимъ за себя и накажемъ врага за его дерзкое нападеніе на насъ.

„Съ нами Богъ, разумѣйте, языцы!—Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, батареяхъ и командахъ".

Сопоставляя два эти приказа, мы пришли къ убѣжденію, что въ одной и той же крѣпости два начальника.



„Гиляк" у борта затопленнаго брандера.

Это было плохое предзнаменованіе.

Генералъ Стессель считалъ, что онъ оперируетъ еще въ раіонѣ.

Генералъ Смирновъ, признавая Угловыя горы, Дагушань и

Сяогушань передовыми опорными пунктами крѣпости, считалъ, что фактическая блокада крѣпости началась, и поэтому всѣ войска, втянувшіяся въ ея предѣлы, со всѣми генералами, полагалъ въ своемъ распоряженіи и полномъ подчиненіи.

Прочтя приказъ, отданный Стесселемъ, комендантъ крѣпости запротестовалъ, но запротестовалъ не особенно энергично. Почему? Потому, что генералъ Смирновъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что отъ него скрыты телеграммы главнокомандующаго, еще отъ 5-го іюня, коими генералъ Стессель отзывался изъ Артура, а главное начальство переходило въ его руки.

Стессель, чувствуя за собой вину огромной важности (онъ ежедневно ожидалъ, что Куропаткинъ, какъ честный офицеръ, игнорируя товарищескія отношенія по корпусу, которыя собственно ни къ чему его и не обязывали, пришлетъ подтвержденіе своего приказанія, и тогда ему придется волей или неволей разстаться съ властью, лаврами героя и постыдно выѣхать изъ крѣпости) и какъ человѣкъ, неспособный открыто вести крупную игру — немедленно струсилъ и началъ заискивать передъ Смирновымъ, но въ душѣ таилъ надежду, что авось Куропаткинъ внемлетъ его моленіямъ и, если не отмѣнитъ приказанія, то прямо замолчитъ, что и будетъ равнымъ согласію. А если дѣло приметъ такой оборотъ, то игра выиграна. Первый отбитый штурмъ—и Стессель почувствуетъ себя опять въ силѣ.

Итакъ, послѣ высказаннаго Смирновымъ протеста Стессель сталъ за нимъ ухаживать и заискивать.

Отношенія между ними стали какъ будто налаживаться. Стессель сталъ посѣщать Смирнова и въ откровенной бесѣдѣ прямо высказалъ:

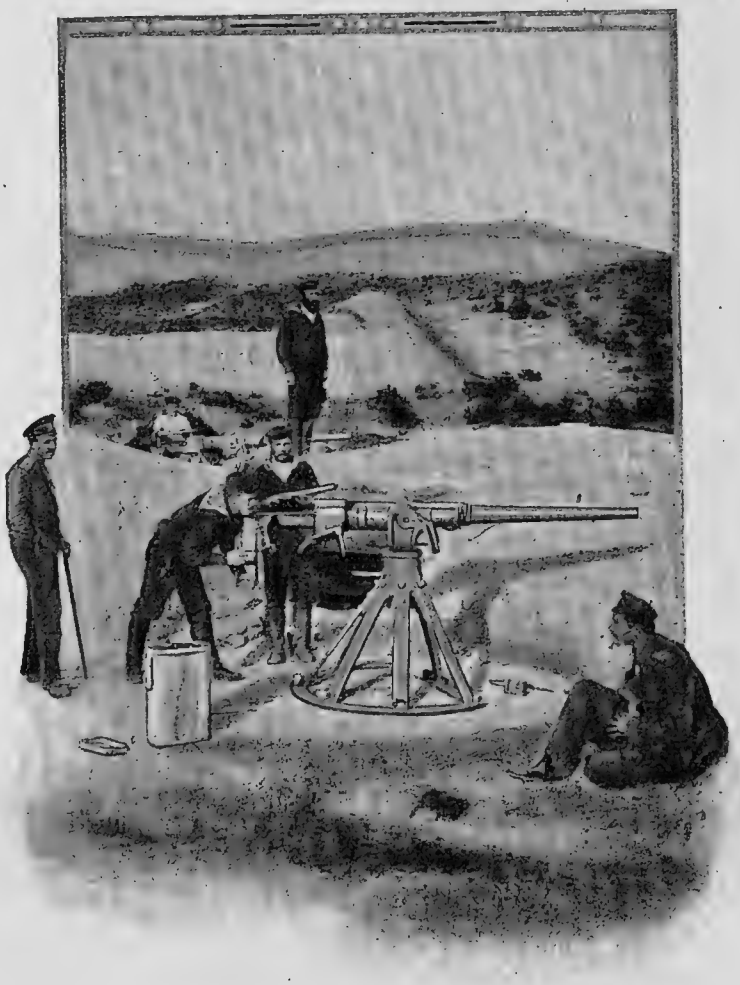
— Ну, ваше превосходительство, роль моя кончилась. Дѣйствуйте теперь вы. Я ни во что не вмѣшиваюсь. Вся чистая оборона всецѣло въ вашихъ рукахъ.

Генералъ Смирновъ, не зная о скрытой телеграммѣ, имѣлъ полное, полное основаніе повѣрить искренности генерала Стесселя. Ему, конечно, и въ голову не приходило, что генералъ Стессель принялъ лишь выжидательную тактику.

Изъ моихъ частыхъ бесѣдъ съ генераломъ Кондратенко выяснилось, что онъ, какъ и Смирновъ, тоже ничего не зналъ о скрытой начальникомъ раіона телеграммѣ.

Покойный Романъ Исидоровичъ съ началомъ тѣснаго обложенія неоднократно мнѣ говорилъ:

— Теперь у генерала Смирнова развязаны руки. Стессель пересталъ вмѣшиваться въ фактическую оборону крѣпости. Комендантъ теперь полный хозяинъ. Штабъ раіона занимается лишь приказной литературой, но это не мѣшаетъ нормальному



Морская батарея на восточномъ фронтѣ.

и продуктивному теченію послѣднихъ подготовительныхъ работъ передъ надвигающимся генеральнымъ штурмомъ крѣпости.

Съ утерей Стесселемъ такъ быстро ввѣреннаго ему укрѣпленнаго раіона, въ Артурѣ всѣ были увѣрены, что, когда эта вѣсть дойдетъ до главнокомандующаго и Петербурга, его права

и власть ограничатъ до minimum'а и все предоставятъ коменданту крѣпости генералъ-лейтенанту Смирнову.

Вся сознательная часть Артура была въ этомъ болѣе чѣмъ увѣрена на томъ простомъ основаніи, что разъ укрѣпленнаго раіона не существуетъ, то войска его, втянувшись въ крѣпость, поступаютъ въ непосредственное подчиненіе ея главѣ—коменданту. Слѣдовательно, Стессель, не имѣя ни раіона ни войскъ, фактически являлся не у дѣлъ.

Кромѣ простого логическаго вывода, было другое, болѣе существенное основаніе предполагать, что Смирновъ, съ окончаніемъ операцій въ укрѣпленномъ раіонѣ, долженъ былъ облечься во всеоружіе своей власти. Основаніе это—статьи изъ свода военныхъ законовъ, въ которомъ положеніе объ управленіи крѣпостями въ военное время прямо говоритъ, что комендантъ осажденной крѣпости можетъ не подчиняться въ извѣстныхъ случаяхъ распоряженіямъ и указаніямъ главнокомандующаго дѣйствующихъ армій, а поступать согласно собственнымъ соображеніямъ, какъ лицо, болѣе близко стоящее и знакомое со всѣми перепитіями обороны ввѣренной ему крѣпости.

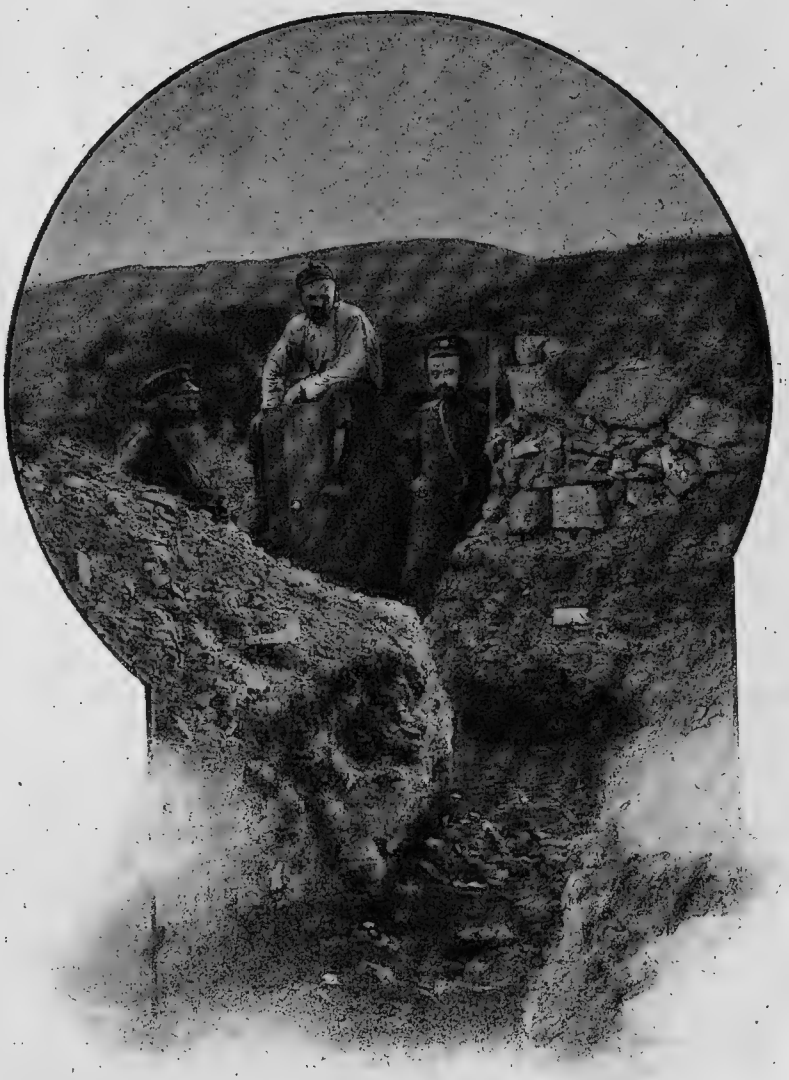
Но въ разсматриваемомъ случаѣ, благодаря фатально сложившимся обстоятельствамъ, въ статью эту введенъ былъ коррективъ—Высочайшее повелѣніе, коимъ ясно сказано, что комендантъ Портъ-Артура генералъ-лейтенантъ Смирновъ подчиняется начальнику укрѣпленнаго раіона (глава XXIX, стр. 58) генералъ-лейтенанту Стесселю, но при этомъ не было упомянуто, до какого именно періода военныхъ операцій.

Стессель и его начальникъ штаба Рейсъ не могли себѣ уяснить, какую они играютъ роль въ крѣпости, съ утерей ввѣреннаго укрѣпленнаго раіона. Въ крѣпости они являлись гастролерами, такъ какъ въ послѣдней былъ комендантъ и его органъ—штабъ крѣпости. Стессель—Рейсъ терялись, не знали, чѣмъ имъ руководствоваться — основнымъ закономъ, или введеннымъ въ него коррективомъ глухо редактированнаго Высочайшаго повелѣнія.

Конечно, простая логика говорила, что Высочайшее повелѣніе въ отношеніи подчиненности Смирнова Стесселю относилось только до періода тѣсной блокады,—съ наступленіемъ же послѣдней, всѣ прерогативы власти переходятъ къ коменданту крѣпости генералъ-лейтенанту Смирнову.

Стессель—Фокъ—Рейсъ отлично понимали, что они не въ состояніи справиться съ обороной крѣпости, но, увѣровавъ въ скорую помощь отъ Куропаткина, не хотѣли упустить случая

увѣнчаться лаврами за счетъ Смирнова и Кондратенко, и поэтому временно какъ бы подчинились логическому выводу и, сдѣлавъ видъ, что уступаютъ все коменданту, выжидали, что отвѣтитъ



Поручикъ Топсашаръ въ окопѣ.

главнокомандующій. Если подтвердитъ телеграмму, придется стушеваться, замолчитъ—побѣда надъ Смирновымъ одержана.

Приказной же литературой они занимались, учитывая ея выгоду: если побѣда надъ Смирновымъ останется за ними, она

будетъ свидѣтельствовать о ихъ неусыпной, даже въ мельчайшихъ подробностяхъ, дѣятельности.

Стессель—Фокъ—Рейсъ колебались и выжидали.

Такимъ образомъ, съ наступленіемъ тѣсной блокады крѣпости, для генерала Смирнова наступила пора заговорить властнымъ языкомъ коменданта осажденной крѣпости.

Наступилъ моментъ, когда онъ долженъ былъ обезпечить себя и въ будущемъ отъ посягательствъ Стесселя—Фока—Рейса узурпировать его власть.

Онъ не зналъ о скрытой отъ него телеграммѣ, но ему, фактическому хозяину крѣпости, успѣвшему вполнѣ ознакомиться съ дѣятельностью „героевъ“ и, слѣдовательно, пришедшему къ непреложному убѣжденію въ деморализующемъ и вредномъ вліяніи Стесселя—Фока на оборону крѣпости, слѣдовало отдать въ категорической формѣ приказъ, въ которомъ прямо заявить, что руководствуясь Полож. объ упр. крѣп., оборону крѣпости всецѣло принимаетъ на себя, а всякое вредное вмѣшательство въ кругъ его прямыхъ полномочій и обязанностей, а также посягательство на его власть, какъ коменданта осажденной крѣпости, будетъ преслѣдовать по законамъ военнаго времени, и донести объ этомъ главнокомандующему.

Генералъ Смирновъ этого не сдѣлалъ.

Несмотря на свою огромную силу воли, желѣзный характеръ, выдержку—генералъ Смирновъ остался вѣрнымъ сыномъ славянской расы. При всѣхъ качествахъ, обличающихъ въ немъ недюжиннаго стратега, тактика и администратора, у него не хватило рѣшимости итти противъ Высочайшаго повелѣнія, которымъ онъ былъ подчиненъ генералу Стесселю.

Присущая славянамъ мягкость и вредное подчасъ довѣріе во взаимоотношеніяхъ—удержали его отъ этого рѣшительнаго, необходимаго шага.

Генералъ Смирновъ, никогда не терявшійся во всеугрожающей обстановкѣ, импонировавшій всѣмъ своимъ хладнокровіемъ въ самыя тревожныя минуты, переживаемыя центромъ осажденной, обливаемой свинцомъ и сталью и штурмуемой крѣпости,—не рѣшился на этотъ чрезвычайный шагъ, который избавилъ бы Россію отъ позора такъ некрасиво и преждевременно капитулировавшаго Артура.

Моментъ былъ упущенъ.

Дальнѣйшія, неожиданно развернувшіяся, событія еще сильнѣй связали ему руки. Впослѣдствіи онъ почти былъ безсиленъ обезвреживать Стесселя. Въ грядущемъ ему оставался лишь

одинъ выходъ: вначалѣ арестовать Стесселя—Фока—Рейса, какъ людей ненормальныхъ, потомъ, передъ самой сдачей, арестовать, какъ измѣнниковъ.

Генералъ Смирновъ не рѣшился во-время поставить все на карту и за свою нерѣшительность жестоко поплатился.

Съ момента назначенія генерала Стесселя генералъ-адъютантомъ и вплоть до самой сдачи Артура—генерала Смирнова нравственно пытали.

Но я увлекся. Иллюстрируя фактами дальнѣйшую оборону, я надѣюсь, что читатель самъ убѣдится, въ какихъ безвыходныхъ положеніяхъ иногда былъ Смирновъ, передъ нравственной пыткой которыхъ смерть и ужасъ страданій отъ ужасныхъ ранъ казались лишь счастливымъ и желаннымъ исходомъ.

Итакъ, Волчьи горы уже въ рукахъ японцевъ. Въ бинокль ясно различаемъ массы японцевъ, спѣшно работающихъ надъ возведеніемъ батарей.

Дагушань и Сяогушань долго не удержать: онѣ подвергаются фронтальному и фланговому огню съ Волчьихъ горъ.

Дѣла на передовыхъ позиціяхъ кончились.

Противникъ у фортовъ крѣпости.

Началась тѣсная блокада...

Конецъ I-й части.

M
15

25.—
Днем.
25660. II 4/к

МОГИЗ
АНТИКВАРНО-БУКИНИСТ.
МАГАЗИН № 14
№ .... Ц. 25 р